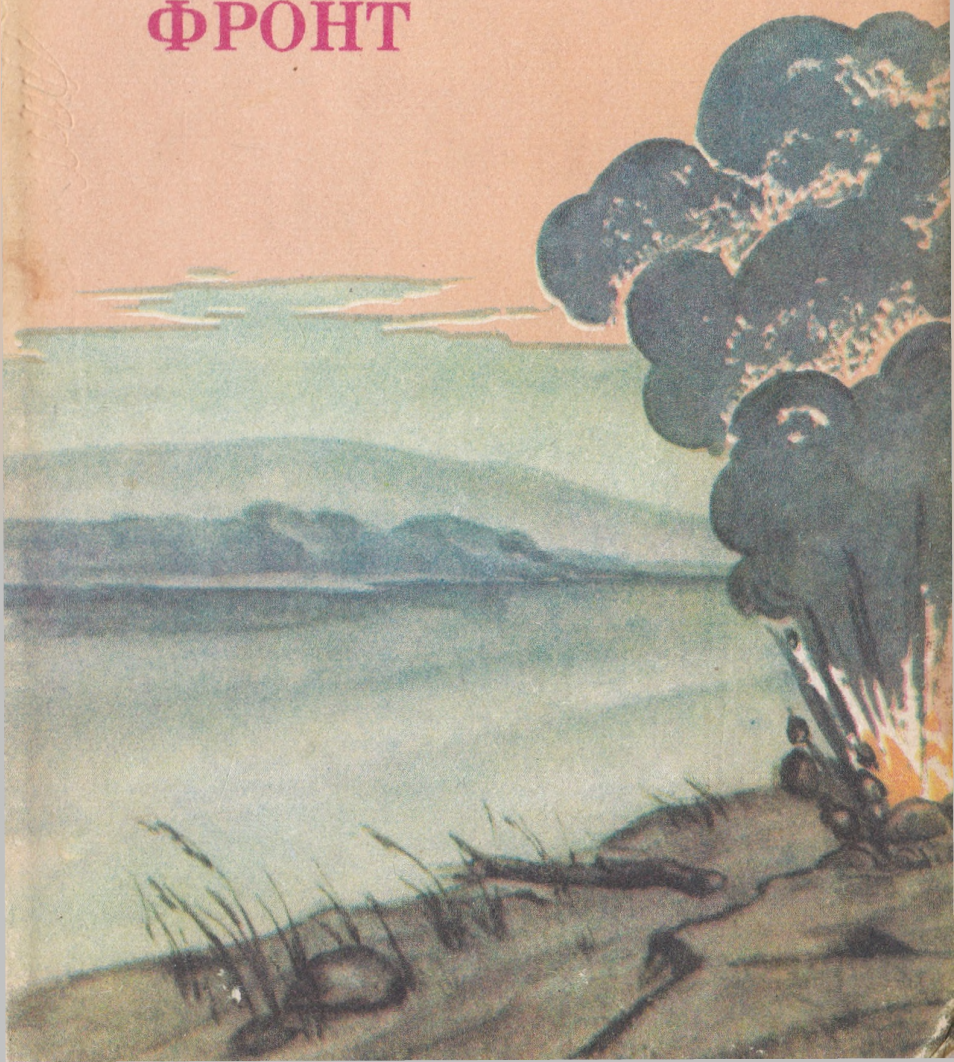

Михаил Лукин

ГРОЗНЕНСКИЙ ФРОНТ

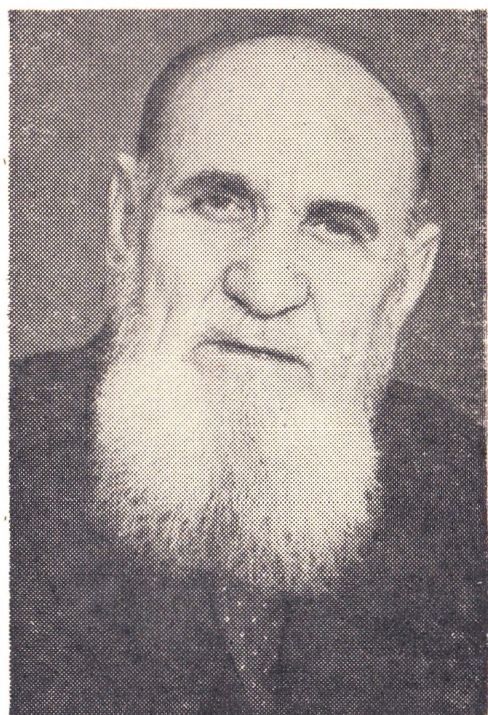
Михаил Лукин

ГРОЗНЕНСКИЙ ФРОНТ

Роман

**ГРОЗНЫЙ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Бичерахов был небрит, бледен и зол. Широко шагая взад-вперед по запущенному паркету служебного кабинета, кричал надтреснутым от волнения голосом:

— Но они уже вмешиваются в наши чисто казачьи дела... Они, видишь ли, намерены приравнять казака к мужику и даже к какому-то дикому чеченцу! Отобрать у казака исконные привилегии...

Бичерахова слушал его приятель и сподвижник большеликий багровый Лымарь. Слушал безразлично, развалившись на стуле. Ибо то, что изрекал сейчас председатель военно-революционного совета, было Лымарю известно. Он понимал, что речь тут клонится к чему-то другому, связанному, очевидно, с недавним тайным приездом представителя Деникина.

— У нас, собственно, своя партия, — неистовствовал Бичерахов, — большевики нам никто!

Лымарь, потеряв терпение, зарокотал мощным басом:

— Ближе к делу, Георгий. Что ты намерен предпринять?

— Предложить большевистскому Совдепу передать в интересах революции всю полноту власти нам — казачьему военно-революционному совету!

— Ха-ха! — Лымарь закатился громовым хохотом. — Да плевать они, матери его черт, хотели на подобное предложение!

— Не примут ультиматума, поднимем станицы! Казаку только прикажи, глотку перегрызет за привилегии.

— Недели две назад, помню, я подбивал на эту идею. Что-то ты сомневался... Валяй по-честному: Деникин обещает поддержку?

Бичерахов достал из портсигара папиросу, постучал мундштуком по крышке. Поманил Лымаря пальцем:

— Садись ближе, Тихон.

Они присели с угла грязноватого письменного стола с ученической чернильницей на старом зеленом сукне. Внимательно посмотрели друг другу в глаза.

— Так вот, Тихон, всюду в России готовится решительное наступление на большевиков. Уже высадились с судов японские, английские, американские и французские войска во Владивостоке и Мурманске. Лопнул к чертовой матери затеянный большевиками Брестский мир. Наплевали на него немцы, полностью оккупировали Украину, Крым, вошли в Ростов-на-Дону, а вместе с турками — и в Закавказье!

— Да ну! — потер руки Лымарь. — А мы тут сидим и не знаем. Деникинец рассказал?

— Да. В самое ближайшее время Деникин двинет добровольческую армию на Кавказ. В связи с этим, собственно, и был от него агент. Деникин считает, что и терскому казачеству пора приняться за большевиков, протягивает нам руку дружбы и помощи...

— Дал согласие?

— Намекнул на согласие, полный ответ обещал прислать позже. Надо все же подумать.

— Дурак! — Лымарь в сердцах плюнул. При любых обстоятельствах он не стеснялся ни в действиях, ни в выражениях. Зная эту его черту характера, на него не обижались. — Зачем же ты тянешь кобылу за хвост? О чем думать? Нет у нас иного пути избавления от большевизма!

— Я ведь не один, у нас совет, демократия... Я, собственно, обязан выслушать вас...

— А ты чихай на совет, когда срочное дело. Что, мы тебе не доверяем?

— Тогда и пошлю ответ.

— Посылай немедленно! Завтра же начнем поднимать казаков. Скажем, что, мол, чеченцы затевают нападение на станицы, а большевистский Совдеп не желает защищать население от диких. Так они, наши станичники, разом вспомнят схватки с аулами, быстро турнут тот Совдеп...

— Ох, и бестия ты! — улыбнулся Бичерахов.

Густо посинели оконные стекла. В открытую форточку заглянула голубая звезда. Бичерахов прошагал к окнам, опустил черные шторы. Включил тусклую электрическую лампочку под потолком.

Они с Лымарем проговорили всю ночь.

Был намечен подробный план свержения Советской власти на Тереке. Этот вопрос, во избежание нежелательных дебатов и преждевременного разглашения, решили на широкое обсуждение военно-революционного совета не выносить, а довериться лишь самым надежным. Ехать в станицы, связаться с офицерами и почетными стариками. Через них воздействовать на остальных.

Уставший Лымарь ушел с рассветом. Бичерахов, искурив запас папирос, осовелый от утомления и табачного дыма, погасил электрическую лампочку. Поднял шторы, распахнул створки.

За окном в мареве ненастья занималось утро. На улице расплывчато пестрели белолиственницы. В лицо ударило терпкой свежестью недалекой влажной степи. Набрал полную грудь знакомого с измательства степного аромата. Почувствовал пьянящее головокружение, сладостно зажмурился.

Да чтобы эту прелесть, этот пахучий воздух, бескрайние моздокские степи и милый казачий город Моздок отдать на осквернение большевикам? Туго скрипнул зубами. Нет!

Давнишний убежденный меньшевик, он яро воевал со всем большевистским. Выступал против программы и декретов Ленина, диктатуры пролетариата, союза рабочих и крестьян, Советов рабочих и крестьянских депутатов. Он считал, что мелкая буржуазия не помеха в социальной революции, к ней, этой буржуазии, надо относиться с должным уважением, не лишать ее права занимать свое место в парламенте, например, Государственной думе, городской управе, в каком-либо совете или ином органе управления народом.

Нет, он, Бичерахов, не из капиталистов. Его отец ремесленник, трудом и старанием наживший собственную мастерскую и уютный хуторок в степи. Сам же Георгий Федорович — инженер, то есть интеллигент. Отец оставил в наследство степной хуторок. Конечно, неплохо бы расширить хозяйство. Теперь же с хуторком надо расставаться...

Возмущало и вмешательство большевиков в казачьи дела. Это касалось непосредственно его, терского казака, хотя и осетина. Не мог он допустить, чтобы лишили казаков привилегий, приравнивали к рабочему и крестьянину, иными словами, — к простому мужику. Что же это за казак — без привилегий, в чем тогда суть казачества? •

И разгром Керенского не мог простить большевикам. Керенским был Георгий Федорович пригрет и обласкан — назначен моздокским комиссаром Временного правительства, удостоен ценного подарка.

Нет, не пересмотрел Георгий Федорович свои принципы после октября семнадцатого года, не стал сотрудничать с коммунистами. Он тверд в своем мировоззрении, воин за идеи своих лидеров, счастлив, что неустанно борется с большевизмом. И если до недавнего времени колебался — поднимать восстание или еще подождать, то теперь, когда протягивает руку Деникин... После ободряющего разговора с Лымарем... Намеченного уже плана... Теперь с полным сознанием долга готов стать вождем мятежных казаков. Он тоже будет делать историю, и история не обойдет его. Любой ценой, любыми средствами и жертвами, пусть это будет кровь, мор, пожары, горы трупов, но большевизм должен быть уничтожен...

Поздним вечером звякнул в передней звонок.

Слуга Христофор — степенный казак-осетин* в белых носках поверх шаровар — почтительно доложил на родном языке собравшемуся спать Бичерахову:

— Тебя желает видеть неизвестный, хицау**.

— Он что! Не имеет фамилии? — Бичерахов вскинул брови.

— Он не желает назвать себя, но настаивает, чтобы поскорее приняли.

Пожав плечами, Бичерахов накинул халат:

— Зови в кабинет.

Христофор зажег в кабинете лампу-молнию. Стены украшены коврами, дорогим оружием. На видном месте — драгоценный подарок Керенского — шашка с золотым эфесом и чеканкой по серебряным ножнам.

Вошел посетитель. Безукоризненно выглаженный костюм, лакированные туфли. Волосы прилизаны, разделены стрункой пробора. Пронзительные глаза, яркие губы.

— Имею честь видеть инженера Бичерахова?

— Да. С кем имею честь?

Незнакомец изящным движением руки протянул документ. В золотом перстне сверкнул бриллиант.

Удостоверение в шагреновой обложке было отпечатано на русском и английском языках. Оно гласило, что предъявитель сего капитан Роберт Вильям Литтон есть сотрудник английской миссии на Кавказе.

— Я по оч-чень важному делу, Георгий Федорович, — Литтон неплохо говорил по-русски, но кое-где неуместно употреблял мягкий знак. — Только прежде просиль бы скорее спрятать мой автомобиль. Темнота и... Как это? Непогода позволила проскочить к вам незаметно. И дальше хотелось бы оставаться незаметным.

Заинтригованный Бичерахов позвал слугу, велел открыть для автомобиля ворота во двор. Когда Литтон снова возвратился, протянул хозяину небольшой пакет:

— Это вам из Персии!

— От брата?! — радостно задохнулся Бичерахов.

Забыв предложить гостю кресло, разорвал конверт. Да, почерк принадлежал Лазарю, в том не было сомнения. Георгий Федорович торопливо пробежал глазами по строчкам, написанным мелкими аккуратными буквами. Лазарь сообщал, что он, слава

* Казак-осетин. Несколько станиц на Тереке, населенных осетинами, входили в состав Терского казачьего войска. Жители этих станиц назывались казак-осетинами.

** Хицау — хозяин (осетинск.).

богу, жив-здоров, имеет службу и средства, вполне доволен своей судьбой. Советовал позаботиться о своей судьбе Георгию, рекомендовал, если он, Георгий, хочет быть уважаемым человеком и служить процветанию родного Терека, связать свою судьбу с теми, кто передаст это письмо...

— Спасибо, капитан! — Бичерахов потряс руку Литтона. Догадался наконец предложить кресло. — Вы должны понимать, какое счастье — получить весть от пропавшего брата. Где он, что с ним?

— Вы когда потеряли связь с Лазарем Федоровичем?

— Мне известно, что в этой войне он в чине полковника сражался на Кавказском фронте во главе отряда терских казаков. Очутился в Персии. Большого я не знал. Догадывался, что не желает возвращаться на родину из-за большевиков.

— Да, сейчас он в Персии. Благоразумно принял английское подданство. Наше всегда щедрое правительство... Как это?.. Дарило ему высокий ранг бригадного генерала. Живет прекрасно, желает того и вам.

— Да, да, желает. Он намекает в письме на вас... В чем, собственно, дело?

Литтон постучал носком туфли по коврику под ногами.

— Вот что, Георгий Федорович, будем откровенны! — Посмотрел Бичерахову прямо в глаза, поймал его взгляд и продолжал: — Ни вам, ни нам большевистская власть в России не подходит. Разве не правда? Наши деловые люди вложили в Кавказ — бакинскую и грозненскую нефть, владикавказский цинк и серебро — очень крупные суммы и совсем не намьерены... Как это?.. Дарить их бакинским комиссарам, грозненскому Совдепу и владикавказскому Совнаркому... А вы лично разве ничего не теряете? И таких есть много! Зачем нам это терпеть? Не правда ли?

— Правда! — горько вздохнул Бичерахов.

— Поэтому мы с Лазарем Федоровичем считаем, что вы, Георгий Федорович, способны сформировать в Терской области правительство, встать... Как это?.. Главой! И поднять казачество на священную войну против большевизма!

Бичерахова обдало жаром. Точно такое предлагает Деникин. Неделя не прошла, как проводил деникинского агента — тут тебе и англичанин! Значит, на одном фандыре* играют. Тем лучше: победа — наверняка! Возбужденно ударил кулаком себя по колену.

— И надо спешить скорее! — подогревал Литтон. — Влияние большевиков растет, нельзя ждать, когда они совсем... Как это?.. Разложат казачество! Мы вам во всем поможем. Лично вас

* Фандыр — осетинский музыкальный инструмент.

обеспечим крупной суммой. Членов правительства тоже. Сделаем это всем, кто будет совершать переворот. Конечно, новое Терское правительство будет способствовать процветанию интересов Великобритании...

Последние слова насторожили Бичерахова: «Не означает ли это — продать родной Терек англичанам? — Задумчиво прикусил губу: — Конечно, означает!.. Но справится ли только казачество с большевиками? С помощью же Деникина, да еще и англичан, безусловно, справится!» Тряхнул головой:

— Ну что же... Ради благородной цели... доброго совета дорогого брата... И моего к вашей стране уважения...

Крикнул слугу, велел подать шустовского.

У приставленного к письменному столу, который слуга накрыл белой скатертью, Литтон выслушал тост хозяина за процветание Великой России и Великой Британии. С наслаждением выпил хрустальную рюмочку коньяку, закусил сочной ягодой черешни. Бичерахов пил без удовольствия. Он предпочитал простой ставричный чихирь или слабую осетинскую араку*.

— Теперь вы человек наш, можно открывать некоторые секреты. — Опрокинул вторую рюмочку Литтон. — Как это?.. Например, дойдет к вам слух: Лазарь Федорович перешел на службу к большевикам... Нет, не подумайте о нем плохо. Вы поняли?

Бичерахов утвердительно кивнул.

Литтон с воодушевлением заявил, что Георгий Федорович не одинок в борьбе с большевиками, что в рядах борцов не только Великобритания, но и вся Антанта, что везде вспыхивают восстания. Поднял мятеж находящийся в России Чехословацкий корпус, захватил всю Сибирскую дорогу вплоть до Владивостока и значительную часть Поволжья. В ближайшие дни английские войска вступят в Туркестан, в Баку и далее в Дагестан, а доблестная Деникина займет Кубань. Это лишит большевиков возможности оказать серьезное сопротивление великим мастерам воинского дела — терским казакам, которых поведет за собой Георгий Федорович Бичерахов, в самом ближайшем будущем, несомненно, генерал!

Перспективы, черт возьми! Георгий Федорович ерзал в кресле от нетерпения скорее ринуться на большевиков.

Затем Литтон передал инструкции руководителя английской миссии полковника Пайка. Использовать не только казачьих офицеров, но и всех прочих. Ведь после неудачного наступления на Петроград армии Корнилова множество офицеров остались без дела и мечтают об отмщении. Только во Владикавказе, по

* Чихирь — самодельное виноградное вино, которое готовили казаки; арака — самодельная водка; приготавливаемая осетинами.

данным миссии, их осело более трех тысяч. Надо найти контакты с горцами. По сведениям Пайка, чеченский меджлис во главе с Ибрагимом Чуликовым и ингушский национальный совет под председательством Вассангирея Джабагиева настроены не в пользу большевиков...

Литтон выпил третью рюмочку и, давая понять, что больше в рот не возьмет, отставил ее:

— И еще, Георгий Федорович... Очень хорошо бы обменяться со штабом Деникина... Как это?.. Постоянными представителями: согласованные действия... взаимная информация. Выделите человека для конспиративной связи с нашей миссией. Вот и все. У вас есть вопросы?

Литтон встал, набил трубку. Бичерахов, раскуривая папиросу, ответил, что все ясно, вопросов нет. Пыхнув душистым дымком, Литтон приблизился к хозяину, шепнул на ухо:

— По поручению полковника Пайка я обязан передать вам ценный груз. Это никто не должен подсмотреть. Примьте, пожалуйста, меры.

— Не беспокойтесь, — Бичерахов махнул рукой, — дом пуст. Жена с сыном — в станице, кроме меня и слуги — никого...

Литтон взял себе в помощь бичераховского слугу. Вместе сходили к автомобилю. Христофор принес тяжелый пузатый мешок и удалился.

— Маленький аванс! — улыбнулся Литтон.

Они пожали друг другу руки. Литтон попросил скорее выпустить автомобиль, чтобы под покровом ночи без задержки покинуть Моздок. В прихожей, освещенной фонарем, с помощью Христофора натянул плащ, фетровый берет. Хозяин проводил гостя к выходу во двор. Ползли по небу низкие тяжелые тучи, скудно подсвеченные невидимой луной. Темнел во дворе черешневый садик. Лениво рыкнул дальний гром, сорвались капли дождя.

Фыркнув, автомобиль с Литтоном укатил.

Возвратясь в кабинет, Бичерахов развязал мешок. Он был набит пачками николаевских пятирублевков. Весьма кстати! Совдеп через казначейство лишил незаконный казачий совет средств. Больше месяца Георгий Федорович не получал жалованья. К тому же ни «керенки», ни другие деньги населением не признавались, в ходу были только «николаевки». Вывалил пачки на стол, сосчитал. Сто тысяч рублей. Приличный аванс!

Прошелся по кабинету, помурлыкал песенку. Собрав деньги, позвал слугу, велел подать бритвенный прибор. Брился всегда без посторонней помощи. Выбрил наощупь голову, выскоблил лицо. Поправил стрелки усов. Зеркало отразило угловатый череп, выпуклые глаза, одутловатые щеки. Нос низко нависал над усами. Рот слева искривлен, отчего кажется: застыла ироническая улыбка.

ка. Исполнилось Бичерахову сорок, но выглядел он старше. Брызнув на себя одеколоном, крикнул:

— Христофор! Бурку, коня!

— Начался дождь, хицау, — смиренно сообщил слуга.

— Быстрей, быстрей!

3

Обычно он носил европейский костюм, любил шляпу и галстук, ездил больше в автомобиле, в старом, правда, но вполне исправном. Сейчас надел казачий чекмень, сапоги, лохматую горскую папаху. Накинул бурку, обмотал лицо башлыком. Рассовал по карманам браунинг и наган. Выезжал из города, оглядываясь. Застоявшийся иноходец легко вынес всадника в кипящую теперь уже сильным дождем ночь. Дождь окатывал холодом, струисто вылизывал бурку и гриву коня.

Только перед утром клочьями разбрелись облака, утих дождь. Явились звезды и тут же погасли вместе с луной; наливалась вишневым соком заря. Утомился конь, устал и Бичерахов. Но уже вставала над пригорком синяя дымка садов, поднялась лужовица колокольни. Приплыл чистый и звонкий крик петухов.

Привстав на стременах, Бичерахов осмотрел с пригорка станицу. Покато спускалась она к невидимому внизу Тереку, рисовались в розовом рассвете улицы. Не мелькнет ли где человек с винтовкой, нет ли поблизости красноармейского поста? Но безлюдно кругом, тихо дремлют в мокрых садах белые хаты. Только непрерывно перекликаются петухи.

Живет в этой станице двоюродный брат жены Бичерахова Арсений Лутоев. Там вон, за церковью, его дом — каменный, крытый оцинкованным железом. Отец Арсения умер, оставив сыну усадьбу и около трехсот десятин земли. Военное образование у шурина, чин есаула. Отличный служака, английским языком владеет. Но главное — свой, он как нельзя лучше пригодится сейчас. А вон там в окружении пирамидальных тополей, под зеленой глазированной черепицей — жилище жандармского ротмистра, теперь уже бывшего, Афона Малюты. Подлец, сукин сын! Нещадно преследовал социалистов и к нему, Бичерахову, подбирался. Но при сложившейся ситуации понадобится, другого такого специалиста в этой области теперь не найдешь. И уцелел, говорят, каким-то образом при большевиках. Как сумел?

Бичерахов настороженно обогнул станицу и, найдя удобное место — повалившийся забор, — с задов въехал во двор Лутоева. Дико зарос сорняками двор, хлестала по ногам сырая жирная крапива.

Вдруг шарахнулся от дома, нырнул в крапиву человек с винтовкой. Прижав коня шенкелями, мгновенно очутился Бичерахов

за ближайшим сараем, выхватил наган. Сверлил глазами каждый уголок: не набросился бы кто из засады. Сам по себе развернулся башлык и обнажил лицо. Вот тогда и узнал всадника человек в крапиве, пошел ему навстречу, весь мокрый, опустив винтовку, смущенно улыбаясь:

— Хатыр курын*, Георгий. Время сейчас такое — люди, как звери, друг друга пугаются. — Придержал стремя, принял гостя в объятия. — Байрай!** Очень рад тебя видеть!

— Салам*, Арсений!

Протянули друг другу руки, крепко пожали.

— Коня бы спрятать от лишних глаз... — попросил Бичерахов.

— Все сделаю, Георгий. Заходи в дом, не беспокойся.

Арсений повел коня куда-то вдоль навеса, а Бичерахов поднялся по белокаменным ступенькам на высокое крыльцо. Без хозяина входить в дом не захотел, прислонился спиной к черной, мореного дуба двери. Вспыхнул на церкви крест, глянец тронуло деревья. Выходило солнце.

Арсений возвращался, худой, сутулый, в засаленном бешмете. Из-под облезлой каракулевой шапчонки со следами кокарды выбивался нечесаный чуб. Взял Бичерахова под руку, повел в дом.

Их встретила жена Арсения, молодая, красивая осетинка. Однако болезненно-бледная, со следами отчаяния и скорби на лице. Бичерахов поклонился. Она, сделав попытку улыбнуться, пригласила к столу. Извинилась, ушла.

«Вряд ли долго проживет...» — подумал Бичерахов, грустно глянув вслед.

— Из-за меня истерзалась вся, — жалостливо покривил губы Арсений. — Оба ночами не спим, прислушиваемся да приглядываемся: а вдруг с арестом нагрянут...

Возвратившись, она поставила на стол графин араки, тарелку с холодным пирогом. Снова ушла медленной усталой походкой. Мужчины сели за стол.

— Ну как живешь? — начал Бичерахов. — В Красную армию не приглашали? Иных офицеров сватают...

Желая разгадать настроение собеседника, Бичерахов испытующе смотрел на него, ловил каждое движение.

— Нет, не приглашали, — Арсений отвечал по-осетински. — Да и не пригласят! Не таким уж голодранцем был мой отец, чтобы большевики привечали его сына. А если бы и позвали, не пошел. Как я буду служить тем, кого ненавижу! — Лутоев честно, не мигая, тарачил на Бичерахова крупные, точно сливы, глаза.

* Хатыр курын — просьба извинить (осетинск.).

** Байрай — здравствуй (осетинск.).

* Салам — привет (осетинск.).

— Так... — Бичерахов поднял стакан с аракой. — Слушай, Арсений, не было крепче друзей, чем наши с тобой отцы. Верно? Потому, собственно, и приехал. С величайшим секретом! А если выдашь...

Лутоев поспешил успокоить:

— Что ты, Георгий! В гроб живым лягу, а слов из меня не выжмут. Клянусь отцом!

— Есть возможность, Арсений... Пока еще не поздно... Пока у них руки как следует не дошли до станиц. Изгнать большевиков с Терека и установить нашу, казачью власть!

— Мятеж?

— Называй как хочешь! Согласен?

— Георгий, душа моя! Как же не согласен? Или не больно терять триста десятин чернозема?! Или не надоело жить зайцем, нажигать в крапиве волдыри? Я не только согласен, всего себя этому делу отдам. Ведь готовился уже спалить к черту усадьбу и уйти искать свое место в борьбе.

— Ну, а друзья твои в станице, подумай, согласятся?

— Конечно.

— Оружие у вас есть?

— Как у казака или осетина не быть оружию?

— Так вот и в любой станице, Арсений. И люди и оружие найдутся. Да разве выстоят голодранцы против воинственных казаков?

— Они ведь, голодранцы, своим большевикам крепче чем богу верят.

— А казаки?.. За царя и отечество, помнишь, в огонь и воду лезли. И сейчас полезут. За сохранение казачьих привилегий. За вольницу казачью! Только убеждать надо!

— Приказывай, что делать, — я готов.

— То же, что и я. Скакать по станицам. Сплачивать наши силы. Интенсивно готовить к разгрому большевизма. Когда подготовим, казачий совет даст приказ о выступлении. Можно обещать деньги, они найдутся!

Арсений раздумялся от радостного возбуждения. Глаза блестели, точно намащенные. Нравилась ему затея Бичерахова.

— Называй станицы, Георгий, сегодня же ночью поскачу. А свою станицу доверю друзьям,

— Вот и молодец! Бузныг. Стыр бузныг! * — поднявшись, Бичерахов обнял Лутоева. — Прототряд здесь был?

— Был позавчера, человек десять. Обошли дворы, осмотрели хозяйства, переписали всех пофамильно. Созвали сход. Продкомиссар объявил цифры, сколько сдавать продразверстки, назначил

* Бузныг -- спасибо; стыр бузныг -- большое спасибо (осетинск.).

срок — пять дней. Кое-что подготовили станичники к сдаче, так, пустяки, для отвода глаз, остальное закопали.

— Найдут! — убедительно махнул Бичерахов рукой. — Выскребут все до зернышка. Вот тебе, собственно, пример для убеждения станичников: продотряды, беспощадная продразверстка, босяцкая диктатура, лишение исконных казачьих привилегий... Да мало ли еще на какие пакости способны большевики. Все надо выкладывать казакам, злее станут!

— Сделаю, Георгий! Как поживает твоя семья? Сын здоров? Моя кузина как?

— Слава богу. Пусть пока живут в станице до лучших времен...

— Ну, а в каком состоянии хутор?

— Да при чем тут, собственно, хутор? Прекрасные идеи гибнут, Арсений. Идеи лучших умов человечества! Губят большевики Россию. Диктатура босяков... Ты слышишь? Смешно и страшно! Спасать ее надо, Родину нашу. А ты — хутор... Черт с ним в конце концов. Хотя, вообще, разговаривают его, растаскивают, сволочи. Ладно. Позови-ка сюда Малюту, если он все еще цел.

— Пьет беспробудно!

— Что так?

— У каждого свое, — Лутое пожал плечами. — Что ему остается делать?

— Позови. И оставишь нас вдвоем, чтобы он в разговорах не стеснялся.

Через полчаса скрипнула дверь. К Бичерахову приближался человек в черном европейском костюме. Серо-желтое лицо, почти бесцветные глаза. Георгий Федорович поднялся навстречу, протянул руку. Малюта, оторопев, замедлил шаги: социалист, революционер подает руку жандарму? Такого прежде не было. Все же обхватил ее своими неприятно влажными пальцами. В нос Бичерахову ударило самогонным перегаром. Шарахнуться от Малюты, явно проявить брезгливость Бичерахов не мог: жандармский ротмистр в связи с предстоящими событиями годился не на один день. Ласково подталкивая его в спину, усадил за стол, налил араки. Малюта мгновенно осушил стакан.

— Выглядите неплохо, Афон Данилович, — польстил Бичерахов. — Как, собственно, живете, чем занимаетесь? — И, наклонившись, приготовился слушать длинную жалобу на Советскую власть.

Но Малюта ответил коротко:

— Пью. Пропью, что есть в доме, и застрелюсь.

— Вы что? — поразился Бичерахов.

— А к чему мудрить? Я ведь не просто офицер. Чин жандармерии. Так сказать, душитель революции. К тому же, вы это знаете, старательный. Пощады не жду, да и не к лицу бы мне ее

ждать. Диву даюсь, почему они до сих пор ушами хлопают. Видно, очередь не дошла...

Понравилась Бичерахову эта откровенность: человек с таким характером не должен быть трусом и предателем.

— Не спешите, Афон Данилович, на тот свет. Давайте попробуем сперва «товарищей» туда отправить.

Объяснив суть дела, предложил сколотить в нескольких станицах силы для выступления против Советской власти. На дальнейшее пообещал не последнюю должность при Терском правительстве.

Малюта сразу согласился. Растроганный Бичерахов облобызал его. Тот бесцеремонно налил себе стакан аракки, выпил залпом и удалился, слегка кивнув на прощание, так и не сняв с головы фуражки.

Никогда еще, сколько знал Бичерахов Малюту, ни при каких обстоятельствах не снимал он при людях головного убора. Не снял и на этот раз. Что за причуда?

Пожевав кусочек пирога, Бичерахов зевнул. Сказывалась бессонная ночь. Вошел Арсений, пригласил отдохнуть. В соседней комнате была приготовлена постель. Бичерахов уютно задремал на пышной перине. И вдруг увидел себя на белом коне в генеральском мундире. Пылало солнце, играла музыка, вокруг шпалерами стояли войска...

Очнулся и долго мигал, не понимая, что произошло. Наконец сообразил, что это сон, резко вскочил с кровати. Ужинать отказался, потребовал коня.

Солнце — большая переспелая тыква — погружалось в зыбкое море на горизонте. Горько пахли травы. Бичерахов спешил на отдохнувшем иноходце навстречу ночи. Ему предстояло побывать не в одной станице. Надо было торопиться.

...Когда стемнело, нахлестывая коня, выехал в степь есаул Арсений Лутоев. Глубокой ночью поскакал полным галопом на быстроногом мерине бывший жандармский ротмистр Афон Малюта.

4

Часы гулко отбили девять. До сбора оставался час. Георгий Федорович быстро расхаживал по вымытой, наглаженной столовой. Уют дополнялся приятным полусветом прикрученной лампы-молнии под потолком. Окна были занавешены плотными шторами.

Хозяин дома — молчаливый, шаркающий чувяками осетин — ставил на сдвинутые столы тарелки с русскими и осетинскими блюдами. Ему помогал бичераховский Христофор, носил графины с аракой и чихирем.

От нетерпения Бичерахов не находил себе места. То засовывал

руки в карманы, то вынимал их и хрустел пальцами. Не стеснялся хозяина дома, шагал, шагал, шагал... В нем бурлила энергия, его томила жажда деятельности.

Со дня встречи в Моздоке с сотрудником английской миссии капитаном Литтоном прошло две недели, но сделано было многое. Надежные люди подобраны, всю развернули работу в станицах. Вскипали казачьи страсти. В низовьях Терека, например, не дожидаясь бичераховского приказа, несколько станиц напало на город Кизляр с намерением разгромить тамошний Совдеп. Вздуроражилась рядом с городом Пятигорском станица Минераловодская. Здесь пожар восстания помогли раздуть корниловские офицеры. В окрестностях Кисловодска весьма кстати начали действовать против большевиков конные сотни генерала Шкуро. Почему бы Бичерахову не объединить с ним свои силы?

Захотелось курить, и Бичерахов, не желая обидеть дымом некурящего хозяина, вышел во двор. Над затерянной в степях станицей висела плотная бурка ночи. Луны не было, хилый серпик ее последней четверти дотлел вчера. Сегодняшней безлунной ночи ждали специально: посторонний глаз не должен заметить сбора. Дом и усадьба секретно охранялись преданными казаками.

Пряча зажженную спичку в ладонях, прикурил папиросу. Подпер плечом темный, едва различимый ствол жерделы. Тихо струился теплый воздух, налитанный милым сердцу степным ароматом.

Вспомнил, как, желая познакомиться с руководителем английской миссии полковником Пайком, съездил инкогнито во Владикавказ. Но суровый и важный Пайк выразил недовольство, что Бичерахов лично явился в помещение миссии, а не прислал связного. Назначил явку на конспиративной квартире, однако сам не пришел, прислал того же Литтона. Тот передал требование Пайка начать действия на Тереке в ближайшие дни. Для поощрения первого выступления бичераховских войск — офицеров и рядовых — велел поскорее получить крупную сумму.

Разыскал во Владикавказе и старых знакомых, ненавидящих Советскую власть, — полковника Соколова и полковника Беликова. Заручился полной поддержкой с их стороны.

Затем отправился в станицу Грозненскую. Она вплотную примыкает к городу Грозному, потому станет не последней скрипкой в предстоящей игре. Встретился с надежным другом, полковником Поморцевым. Поговорили за стаканом чихиря.

— Ты что же думаешь, Георгий, я тут сижу без дела? — заявил Поморцев. — На днях организовал нелегальный, конечно, комитет борьбы с большевизмом. Как можем, досаждаем Совдепу!

Бичерахов, не ссылаясь, однако, на англичан, намекнул, что предстоит создание нового антибольшевистского Терского прави-

тельства. Поморцев приветствовал это, обещал всяческую помощь, усиление агитации против большевиков. Крепко пожав друг другу руки, расстались довольными.

Очнувшись от воспоминаний, Георгий Федорович раскурил потухшую папиросу. Близкие осторожные шаги нарушили тишину. Сметнул, что это уже крадется к дому кто-то из приехавших на сегодняшнюю встречу. Они прибыли тайно и жили в разных дворах у надежных людей, выжидая назначенное время. Послышались шаги с другой стороны. Вдали тоскливо перегавкнулись собаки. Погасив окурок, Бичерахов пошел в дом.

Столы были заставлены едой и выпивкой. Часы волнующе отсчитали десять ударов.

В сопровождении Христофора появился полковник Лымарь. Распростер руки, кинулся к Бичерахову с объятиями. Георгий Федорович усадил его на почетное место, под иконой богородицы. Шепнул, что англичане требуют развернуть фронты на Тереке.

— И правильно! — Лымарь саданул кулаком по столу, звякнула посуда. — Нечего тянуть кобылу за хвост! Мои станицы готовы, давай начинать!

— Нужен главнокомандующий. Хотел Колесникова, да не нашел.

— И не найдешь. Подался служить Антону Ивановичу, генерал-лейтенанту Деникину. Бери, слушай, Эльмурзу Мистулова. Талантливый, собака!

— Неудобно как-то, все-таки монархист...

— Ну и пусть, нам-то что! Большевиков ненавидит — это сейчас для нас главное. А Колесников не монархист, что ли? Тоже, помню, драл глотку за царя-батюшку. Бери, бери Эльмурзу, не ошибешься. Должен сюда прийти, я пригласил.

Христофор ввел стройного с припухлыми веками хорунжего Лавра Фальчикова. Храбрый воин, георгиевский кавалер, депутат Войскового круга, активный эсер и ярый пропагандист, он еще год назад был в станицах на Тереке авторитетнейшим человеком.

Едва он представился Бичерахову и обнялся с Лымарем, Христофор пропустил вперед себя прыщеватого, с тяжелым взглядом подбесаула Иосифа Ушинкина, следом — кудрявого и широкоплечего штабс-капитана Кирилла Угнивенко.

Проследовали один за другим сразу несколько человек. Разные по возрасту и облику, все они были богатыми землевладельцами, скотоводами и овцеводами. Сели в ряд и замерли, прямые и неподвижные, как колья.

Гости шли через определенные промежутки времени. Военные — в штатском. У ворот встречал хозяин дома, успевший до этого узнать каждого в лицо, в столовую вводил Христофор.

Кланялись Бичерахову, пожимали ему руку: косноязычный до непонятливости, с выражением упрямства на лице, владелец па-

ровой просорушки сотник Порфирий Дремлюга, угрюмый и задумчивый эсер Гастан Мамиллов, вечно мигающий, предельно вежливый меньшевик Перманент-Берман, рыжебородый Ефим Капусто...

Все вдруг встали. Задрав головы, вытянули руки по швам. Порог переступил важный и медлительный Эльмурза Мистулов. Густые баки украшали его шафрановое лицо. Жирная, цвета копченой колбасы складка распирала шею. Это была большая птица, не чета остальным: генерал, получивший из рук самого царя почетную награду — золотое оружие. Он знал себе цену и соблюдал достоинство. Руку подал лишь Бичерахову и Лымарю, остальным слегка кивнул и сел в сторонке.

Последним явился, должно быть только что прискакавший из своей станицы, грустный и какой-то помятый есаул Арсений Лутое. Обеспокоенный Бичерахов пристально посмотрел на шурина: тот всхлипнул по-детски и отвернулся.

Не хватало лишь Афона Малюты, но он пожалуйет позже, разговор с ним состоится наедине.

Часы звучно бомкнули половину одиннадцатого. Бичерахов огладил угловатый череп, окинул взглядом гостей. Они сидели за столами плотно, как патроны в обоймах. Были тут разные люди, не только меньшевики и эсеры, мечтавшие подавить большевизм, офицеры разгромленных большевиками армий, не признавшие Советскую власть и жаждущие мщения, но и просто богачи, не желающие расставаться со своим добром в пользу бедняков. Русских было столько же, как и осетин. Решил говорить по-русски, осетины поймут. Встал, поднял фужер с розовым вином.

— Господа! — нажал на это слово, показывая, как надо обращаться друг к другу. — Господа! Друзья мои! Не мне вам говорить, что такое большевики и в какие тяжкие оковы заковывают они наш вольнолюбивый Терек, страдальцу Россию, вам самим это хорошо известно. Пока не поздно, пока оковы еще не сомкнулись, надлежит сокрушить их. Каждый здесь присутствующий знает, зачем пришел, понимает задачу. И каждый, я уверен, не пожалеет жизни для освобождения Терека и спасения России, За успех!

Бичерахов выпил. Посмаковал. Выпив, громко крикнул Лымарь. Капусто поперхнулся и закашлялся. Перманент-Берман помигал и вежливо поклонился. Бичерахов промакнул салфеткой губы и продолжал:

— Господа, приступим прямо к делу. Вино и закуска перед вами, распоряжайтесь. Нам важно быстрее договориться и разойтись. Военные действия в Моздоке предлагаю начать ровно через три дня. Первые сотни поведут в наступление Бичерахов и Лымарь... Так, Тихон Моисеевич?

— Так точно, матери его черт! — Лымарь вскинул руку, будто собрался рубить клинком. Черной змеей скользнула по стене тень.

Все понимали: Бичерахов — вот-вот правитель Терека, потому уважительно смотрели на него. Как же! Сам ведет сотни, участвует в первом, важном, и, пожалуй, весьма опасном сражении. Будущий правитель не трус!

— Взятие Моздока, господа, развяжет нам руки для дальнейшей борьбы. Соберем съезд, утвердим правительство, примем программу... И пойдем дальше. Знаете, как снежный ком... — Бичерахов улыбнулся найденному сравнению, поиграл пальцами. — Чем дальше его катишь, тем он становится больше и весомее... Так и мы, обрастая казачеством, да и крестьянами в какой-то степени, будем идти вперед и вперед. Не мешкая, развернем действия на флангах: в районе Кизляра и Пятигорска — Кисловодска. К Кизляру, где уже начались бои, я полагал бы послать для координации действий восставших молодого и способного поддесаула Ушинкина. Как считаете?

— Рад стараться! — отчеканил Ушинкин.

— В район Прохладной, Пятигорска и Кисловодска рекомендовал бы направить сразу же после взятия Моздока многоуважаемого Тихона Моисеевича. Есть ли желающие возразить?

— Служу вольнолюбивому Тереку! — старательно выпятил грудь Лымарь.

— Нам необходим и Владикавказ — наша будущая столица. Уже теперь, ей-богу, не мешало бы поехать туда господину Перманент-Берману. Как вы думаете?

— С удовольствием! — Перманент-Берман изогнулся в поклоне.

— Наконец, город Грозный. Мы будем брать его, когда накопим побольше сил... Но хорунжему Фальчикову следовало бы немедленно заняться станицей Грозненской и прилегающими к ней станицами Сунженского подотдела... Хорунжий Фальчиков не против?

— Не имею права быть против, — сдержанно ответил Фальчиков.

— Думаю, господа, надо связаться и со штабом генерал-лейтенанта Деникина, послав туда для согласования общих усилий своего представителя. Таким мог бы, пожалуй, быть штабс-капитан Угнивенко.

— Благодарю за доверие, — тряхнул кудрями Угнивенко.

Бичерахов говорил в таком духе еще несколько минут. Он всем нашел дело. Объявил командующим войсками Эльмурзу Мистулова, рекомендовал ему штабных офицеров, командиров сотен и отрядов. Распределил остальных по станицам, чтобы уже сейчас начать подготовку к съезду. Помолчав и окинув всех взгля-

дом, спросил, нет ли замечаний. Таковых не было. Тогда он попросил обсудить название будущего правительства.

Мамилов предложил «ТерЦК» — Терский Центральный Комитет. Но Бичерахов сильно поморщился, и Мамилов снял предложение. Поднялся Перманент-Берман.

— «Совет»! Только «Совет»! — с поклоном, но настойчиво сказал он. — Слово «Совет» имеет глубокие корни, отражает чаяния народа, демократично и современно. Оно сыграет свою положительную роль.

— Что же, на первых порах пусть это будет «Совет», — согласился Бичерахов, — а там дело покажет... Но какой «Совет?»

— Казачий! Какой же еще?! — рявкнул Лымарь.

Его поддержали Капусто и Дремлюга.

— Господа! Надо быть справедливыми, — возразил Фальчиков. — На Тереке живут не только казаки... Название должно соответствовать желанию и других слоев населения. Предлагаю «Терский казачье-крестьянский совет»!

— Ну что же, — махнул рукой Бичерахов, — на первых порах тоже пусть, а там опять-таки дело покажет.

Проект программы, прочитанный Перманент-Берманом, возражения не вызвал. В ней делался упор на сохранение традиций казачества и крестьянства, на неприкосновенность частной собственности.

Приняли без спора схему административно-территориального деления, предложенную Бичераховым. Терская область сохраняла Моздокский, Кизлярский и Пятигорский отделы, Сунженский подотдел. Отделами и станицами будут править атаманы.

Быстро договорились о гербе: двуглавый орел, но без короны.

Мамилов заикнулся было насчет герба в виде казачьей пики, перекрещенной с крестьянским плугом, но его сердито перебил Лымарь:

— Нечего выдумывать, когда есть уже выдуманное на века!

Бичерахов высказал соображение относительно будущих названий в правительстве, назвал фамилии. Речь шла о присутствующих, поэтому все опустили глаза и скромно смолчали. Предполагаемых министров согласились именовать комиссарами.

— Вот, собственно, и договорились, — смахнул капли пота со лба Бичерахов.

Наступило время расходиться. Но Капусто пожелал произнести прощальную речь. Прокашлялся, огладил великоленную, цвета обожженного кирпича бороду. Его слушали стоя.

— Ты прости меня за душевную простоту, батюшка-свет Георгий Федорович, но надежды у нас, казаков, на тебя большие. Оправдай, батюшка, надежды, избави нас от раскрывшего пасть хищного зверя, имя которому — большевики, отруби ему голову.

И слава о тебе, и память о тебе переживут века. С богом, господа! — Широко перекрестился и направился к выходу.

Бичерахов слегка зарделся. Ему были приятны слова Капусто.

— При-авыльно сы-казано! — выкрикнул, как бы рыдая, косноязычный Дремлюга и отер рукавом черкески вспотевшие щеки. Выждав несколько минут, тоже пошагал к двери.

Уходили по одному. Кое-кого Бичерахов провожал лично. Задерживал в темном коридоре, давал секретные наставления.

— Мы не большевики, — сказал откровенно Перманент-Берману, — нам не чужд метод террора... Если сумеете во Владикавказе убрать председателя Совнаркома Буачидзе, наше дело и ваш авторитет только выиграют... Свяжитесь там с Беликовым и Соколовым, они помогут...

Фальчикову велел найти контакт с антибольшевистским комитетом в станице Грозненской, не чураться полковника Поморцева, вместе готовить восстание в сунженских станицах.

Последним уходил Лутоев. Бичерахов спросил, что с ним случилось. Арсений, отвечая, всхлипнул. Сегодня он похоронил жену. Постояли молча, повздыхали. Бичерахов, пробормотав слова соболезнования, пожелал шурина не падать духом. Затем ласково хлопнул по плечу и велел ему, знающему английский язык, поддерживать негласную связь с миссией Великобритании.

Оставшись один, усталый, но довольный, бросился на диван. Наслаждаясь отдыхом, широко раскинул руки. Потянуло в сон. Но, собрав волю, пружиной вскочил с дивана. Надо было бодрствовать: вот-вот явится Малюта.

Ждал. Малюты не было. Это вызывало тревогу. Волнуясь, зашагал из угла в угол. Бичерахов всегда шагал вот так, если нервничал.

Шагал час и два. Малюта не появлялся. Утомившись, сел у окна. Фиолетовая муть ночи за стеклом светлела. Малюта не приезжал. Подозревая недоброе, простился с хозяином и в сопровождении Христофора усакал в Моздок.

5

Малюта появился среди бела дня в бичераховском служебном кабинете. Георгий Федорович крикнул в приемную, чтобы никого не пускали, запер дверь. Сердито посмотрел на Малюту, упрекнул за неявку в условленное время.

— Извините, — скривил тонкие губы Малюта, — выпил лишнее, был, так сказать, не в состоянии. Слушаю вас внимательно и подчиняюсь беспрекословно.

— Садитесь, Афон Данилович, будем думать...

Фуражки с головы Малюта не снял.

Они долго разрабатывали детальный план тайной подрывной

работы в городе Грозном. План предполагал широкую вербовку агентуры, массовый террор, шантаж и диверсии. Грозный надо было брать не только снаружи, но и изнутри: там большевики были весьма сильными.

В пепельнице высилась куча окурков, тонула в табачном дыму мебель. Бичерахов открыл окно. Длинные предвечерние тени от домов и деревьев лежали поперек улицы. Подавая на прощание Малюте руку, сказал:

— Председателем Совдепа в Грозном — мальчишка, фельдшер Гикало. Ерунда, пешка. Он нам, собственно, не страшен. А военный специалист Левандовский — это фигура: бывший офицер генерального штаба! Хорошо бы перетянуть на нашу сторону. Посулите ему золотые горы... Но если откажется... Если и впрямь за большевиков — не мешкая... Вы меня поняли?

— Постараюсь... — раскланялся Малюта.

Бичерахов глянул в окно. Афон Данилович отвязал от акации гнедого, с белой звездочкой на лбу коня, умело прыгнул в седло. Бичерахов подумал, что лучше бы все-таки уезжать Малюте не засветло, а глубокой ночью.

6

Поздним вечером Малюта перевалил Терский хребет и решил дать коню отдых. Луны не было. Звезды тускло и расплывчато туманили небо. Под скалой сине путались косматые бурьяны. Расседлал коня, стреножил припасенной веревкой, пустил пастись. Положил под голову седло, чутко задремал у камня-валуна вблизи дороги.

Проснулся от подозрительного звука. Нащупал в кармане наган, выглянул из-за камня. Темная тень отделилась от скалы и исчезла. Тихо заржал конь. Его черный силуэт был на виду.

«Зверь, наверное, шарахнулся, почуя человека», — успокоив себя таким образом, вновь задремал.

С рассветом напоил коня в чахлом, иссякающем ключе и поехал дальше. Вскоре спустился в долину Алхан-Чурт.

Сизая пелена перечертила вдруг горизонт, набухая, поднялась к редким облакам. Вскоре тяжелый дым застлал небо. Чем дальше ехал Малюта, тем плотнее прессовался дым. Путаясь в едких ложах, потускнело солнце. Стало сумеречно, будто вновь наступала ночь. Иногда сыпалась сажа. Долина приняла мрачный вид.

Впрочем ни на что вокруг не обращал внимания Малюта. Думал лишь о том, как выполнить нелегкий план, разработанный в бичераховском кабинете. Проехал навстречу горец в скрипучей арбе, поприветствовал Малюту поклоном. Малюта не кивнул в ответ. Обогнала группа всадников в черкесах. И на них не гля-

нул. Голова была занята только одним: с чего начать в Грозном, за что зацепиться?

И вот всплыло в памяти пористое лицо сыщика Хрящева, его рыжие брови, слегка раздвоенный подбородок... Однажды приезжал Малюта в Грозный, познакомился с Хрящевым, жили в его доме, запомнил адрес. Теперь он пригодится. У Хрящева есть богатые возможности, дело несомненно будет сделано!

Не грел темный, в дыму, диск солнца. Малюта, поеживаясь, выдернул из кармана флягу. Рот вспыхнул огненной аракой. Достал сверток с хлебом и колбасой. Аппетитно поел. Ударил коня плетью и поскакал в гущу дыма.

К вечеру долина расширилась. Отошли в стороны взгорья, разлилась запорошенная сажей зелень выгонного луга. Просочились сквозь дым очертания домов и деревьев. То был Грозный. Торчали трубы заводов, чернели силуэты нефтяных вышек.

Не нужен теперь конь Малюте. Возвышались в стороне заброшенные скирды. Подъехал, спешился. Ввел в проход между ними коня. Спрятал седло в прелое, удушливо пахнущее сено. Коню приказал:

— Ложись! Лежать, скотина!

Конь приученно лег. Сунул ему в ухо ствол нагана. Скирды приглушили звук выстрела. Внимательно осмотрелся: тихо, мертво, дымно вокруг. Нигде ни единого человека. Успокоенный этим, быстро зашагал к городу.

Неожиданно наткнулся на обширную яму. Пологий спуск вел в глинистую глубину. Это был, судя по всему, выработанный карьер. Малюта профессионально оценил его: «Отличное место для расстрела!». Надвинул фуражку на лоб, подальше обходя дорогу, ускорил шаги.

7

Но за Малютой следили.

Коричневый, похожий на цыгана, мускулистый парень ехал вслед от самого Моздока.

Подгонял чалого коня, когда Малюта исчезал вдали, придерживал, когда тот появлялся в поле зрения. Старался не отстать, но и не попасть ему на глаза.

Парень твердо знал, что перед ним жандарм Малюта. Знал и то, почему он не снимал с некоторых пор при людях головного убора. Хотелось ему установить, куда и зачем держит путь жандарм.

От долгой езды ныло тело и деревенели ноги. Пропахла потом коговоротка. Чалый послушно преодолевал рябую от кочек дорогу, хотя, чувствовалось, устал так же, как и всадник.

Панорама угрюмой долины, дым, сажа, мертвая тишина и нуд-

ное безлюдье угнетали, вызывали тоску. Потому обрадовался, различив наконец впереди густо задымленный город, его трубы, дома и деревья...

Он догадался, что это Грозный, хотя никогда в нем не был. Слышал об огромном пожаре на Новых промыслах, дым от которого, преодолевая добрую сотню верст, достигал Моздока...

Вон где, по ту сторону города, начинается этот дым. Мощно низвергается он с холмистого взгорья, упруго клубится огромными шарами, свирепо стелется исполинским шлейфом, затмевая небо и солнце, превращая день в ночь. Страшно смотреть.

Придавленный дымом, город лежал в котле, низкий неказистый, будто задушенный бедами. Обыкновенные заводские трубы казались непомерно высокими по сравнению с приземистыми хатенками.

А где жандарм? Парень заерзал в седле, крутанул головой: куда он запропастился? Поворачивал туда-сюда Чалого, прикладывал ко лбу ладонь, чтобы солнце не мешало смотреть. Нет! Было обидно: затратить сутки, измучить себя и животное и под конец потерять заклятого врага...

Конь настойчиво тянулся к придорожной траве. Мотал головой, рвал из рук повод, звякал удилами. Он, бедняга, хотел есть. Теперь всаднику торопиться, кажется, не было смысла. Сжалившись над животным, спешил, ослабил ему подпруги и отпустил. Чалый с жадностью набросился на траву.

А парень повалился в кулиту молочая. Успокоился не скоро. В конце концов махнул рукой: что поделаешь, если так случилось? Все же ехал вслед Малюте не напрасно: установил, что стремились жандарм в Грозный, а это тоже кое-что значит!

Поднялся. Чалый, пощипывая траву, удалился к черным скирдам поодаль. Прежде чем подойти к нему, заглянул ради любопытства в проход между скирдами. И отпрянул, увидев мертвого гнедого мерина с белой звездочкой на лбу. Догадался, что не на один день явился в Грозный Малюта, если не нуждался больше в коне.

8

Чалый, нарушая невеселую тишину улицы, цокал подковами по шишковатой, булыжной мостовой. Вдоль облупленных саманных халуп и редких кирпичных домов лежали истоптанные до выбоин тротуары, торчали чахлые деревца. Из палисадников тянуло запахом укропа.

Просочился откуда-то ветерок, отогнал дым. В розовое окно тускло глянуло вечернее солнце. На зеленых шлемах церкви блеснуло золото крестов.

Но умер вдруг ветер, и сомкнулись клубы дыма. Опять стало

душно, посыпалась хлопьями сажа. Город выглядел скучно, как кладбище.

Вышли из переулка двое с винтовками. Постояли, оглянулись. Заметив всадника, пошли навстречу. Оба в синих рабочих блузах, замазанных кепках. Один — плотный, крепкий, черноусый, другой — небольшого роста, тщедушный. Неяркий румянец тлел на его щеках.

Черноусый, подняв руку, велел всаднику остановиться. Внимательно рассмотрел с головы до ног. Улыбнулся и сказал грубовато:

— Ну-ка, предъяви документы!

— А вы кто такие? — всадник не менее внимательно изучал черноусого.

— Патрули мы, — добродушно объяснил тщедушный.

Всадник полез в карман, предъявил мандат.

— Читай вслух, Ионыч, — кивнул черноусый тщедушному, — узнаем, что за птица такая здесь появилась. — И он дружески, как старому знакомому, подмигнул всаднику.

Теперь и всадник убедился, что перед ним — знакомый. Но кто — вспомнить не мог.

Ионыч, рассматривая диковинную книжечку с золочеными буквами на обложке, повертел ее так и этак, удивился:

— Смотри, какая штука, куси ево мать. — И прочитал с трудом, по складам: — Тов-варищ Зван... Званцев Сергей Ил-ларионович, действ... действит-ельно является упол-номо-чен-ным С... Совета Народ-ных Комис-саров Терской Советской Республики...

— Ха-х-ха! — вдруг басовито хохотнул черноусый и дернул всадника за ногу. — Вот оно что! Уполномоченным, значит, заделался! Хотя ты и шишка теперь, а я тебя все же узнал... Помнишь меня?

— Неужели Дим Димыч? — заорал Званцев и мигом вылетел из седла. — Правда, Добров?

Они сцепились в объятиях. Уперлись друг в друга глазами, радуясь встрече, не зная, что еще сказать, рассмеялись.

— Знакомься, — Добров показал на Ионыча. — Мой друг и сосед.

Тот, слегка поклонившись, протянул руку, сухо покашлял.

— Мне бы поскорее в Совдеп, — забеспокоился Званцев. — Где он у вас?

— Найдем. А справишься с делами — ко мне! Попробуй отказать — скулы поковыряю! — Добров лихо крутнул ус.

Свернули в переулок. Сергей посередине, ведя за повод коня, Добров и Ионыч по бокам, изредка перекидывая винтовки с одного плеча на другое.

Шесть лет не видел Дим Димыча Званцев... С того времени, как тот покинул Владикавказ. Активист партии Добров, пресле-

дурейший жандармерией, оказался на грани провала и уехал по настоянию подпольного большевистского комитета.

— Ну как, прижился в Грозном, Дим Димыч? — Званцев все еще не спускал с него глаз.

— Тогда не сразу в Грозный подался. Жандармы могли бы напасть на след. Двинул к ингушам, в горы. Приняли. Одели в черкеску и папаху, прицепили на пояс кинжал. Учили ингушскому языку. Отрастил бороду. Черта два кто узнал бы Доброва! В таком виде перебрался в Грозный. Здешний комитет (явку я во Владикавказе получил) послал на Новые промыслы. Слесарь я, ты же знаешь, тем и занимался. Вместе с другими большевиками готовил всеобщую городскую стачку. Сдружился с Ионычем, вот он. С помощью комитета перетащил негласно сюда семью. Ну а потом война, фронт, революция... Подождла на Новых промыслах контрреволюция вышки, послали меня в паровозное депо, а Ионыча — на завод «Молот». Только недавно бороду сбрил, а усы оставил. Живу, на судьбу не жалуюсь. Правда, нога у жены побаливает, остальное вполне нормально.

— А Наташа, дочь?.. Помню, с каким трудом вы ее в гимназию устроивали... Жива-здоровая?

— Жива. Но гимназию не окончила. Слышал, возможно, было распоряжение министра просвещения — отчислить из гимназий детей кухарок и прочих простолюдинов. Тогда и нашу прогнали. Ни пятерки за учение, ни отличные оценки по поведению не помогли. Научилась машинописи, служит в одной конторе. Есть еще сын Тимка, ты его, наверное, помнишь. Малый пока, под носом не высохло... Вот и все.

— Как же все? — отозвался Ионыч. — Ты уж, куси ево мать, ведай до конца: что председатель партячейки в депо, что состоишь в добровольной вооруженной дружине...

Зашло солнце. Дымные улицы таяли в фиолетовых сумерках.

— Теперь про себя рассказывай, — погладил усы Добров. — Ума не приложу, как ты в Грозном очутился.

— Случайно, Дим Димыч, неожиданно. Когда мы с тобой расстались? В двенадцатом году, кажется... Ты уехал, я остался во Владикавказе. В четырнадцатом взяли на фронт. Возвратился — куда мне? Туда же пошел, в железнодорожные мастерские, токарем. И вот две недели назад происходит чудо. Сажу на собрании партячейки, слушаю. Вдруг председатель глядь на меня: «В Совнарком требуются сотрудики, нам надлежит послать стойкого, выдержанного партийца. Рекомендую Сергея Званцева. Какие будут мнения?» Тут как все заорут: «Правильно, вполне подходит!» Меня жаром обдало, кричу: «Да вы что, товарищи, какой из меня Совнарком?» А они свое: «Не кобенясь, там испытанные большевики нужны, ты в самый раз, поручения самого Кирова

выполнял!» Что я мог сделать? Теперь вот в Совнарком. Мандат-то уполномоченного есть, да уполномоченного пока нет...

Званцев поскреб пальцем затылок.

— Что так? — вопросительно глянул Добров.

— Напартачил! Больше ста верст, знаешь, за кем ехал? За жандармом Малютой! Из вида не упустил. А у Грозного потерял... Убить меня, дурака, мало!

Добров удивился:

— Жандарм Малюта? Неужели, гад, живой?

— Представь, живой, гад!

— Поймать бы и задушить! — Добров, сжимая кулак, показал, как надо задушить.

Ионыч энергично кивнул:

— Обязательно надо задушить! Иначе нагадит, куси его мать.

Званцев молча вздохнул.

В город входила ночь. Входила необычно. Все вокруг не темнело, а желтовато светлело, озаряясь новопромысловским пожарищем. Редкие уличные фонари бледны, незаметны, в них не было сейчас нужды. Пламя на промыслах то разгоралось сильно, ярко, то угасало — вот-вот потухнет. От этого беспорядочно плясали тени, будто шарахались друг от друга дома и прыгали деревья.

В тревожном танце теней странными казались звуки духового оркестра. Он играл где-то близко, неторопливо плыли нежные вариации вальса.

— Это в городском парке, — пояснил Добров, — там сегодня спектакль, «Вишневый сад» Чехова.

— Спектакль? — не верил Званцев. — В дыму и пожаре — спектакль? Кто на него пойдет?

— Ого! — присвистнул Ионыч. — Как еще прут! Раньше-то парк и театр не для нашего брата были, не для рабочего. Хозяин драл за вход бешеную цену. Теперь — забота Совдепа — бесплатно. Валом валят на диковинку.

— Ну и ну, — дивился Званцев.

Вдоль ряда тополей блекло теплились на столбах электрические лампочки. Напротив — белокаменный дом. Флагшток на крыше. И яркий мазок слегка трепещущего красного флага.

— Это Совдеп, — показал Добров. — Заходи, там должен быть дежурный. Закончишь дело, жди меня.

Званцев подал на прощание Ионычу руку. Привязал к тополию коня. Скрипнув дверью, шагнул в полутемный коридор.

Комната, куда Званцева послал дежурный, была тесной. Здесь едва помещались стол, шкаф и пара стульев. На стене висел телефонный аппарат — лакированная деревянная коробка с ручкой-

крутилкой. Навстречу Званцеву поднялся из-за стола полный, в солдатской рубашке, болезненно рыхлый человек с отечными мешками под глазами. Званцев, поздоровавшись, протянул мандат.

— Сотрудник адмхозотдела Тамбинский, — представился полный. Показал на стул: — Садитесь. — Сам опустился в старое кресло, приготовился слушать.

Званцев поморщился. Ему нужен был товарищ поответственнее. Что может понимать в серьезном деле какой-то обыкновенный служащий? Но где сейчас взять ответственного? Вздохнув, поведал свою грустную историю.

После того, как партиячка выдвинула его на работу в Совнарком, прошла неделя — и он был командирован в Моздок ознакомиться на месте с положением дел. Особенно поинтересоваться землеустройством бедных крестьян, работой продотрядов, заодно присмотреться к председателю так называемого казачьего военно-революционного совета. Совнарком имел сведения, что Бичерахов злобно выступает против Совдепа, подстрекает и казаков. Обо всем Званцев должен был докладывать шифрованными телефограммами.

Приехал, устроился на квартире. Дали ему для служебных разъездов коня. Владеть им он умел, научился еще в детстве, когда приходилось верхом управлять лошадью, возившей для приюта, где воспитывался Сергей, бочки с водой.

Узнал адрес Бичерахова, приглядывался к его жилью. Заходил в казачий совет, интересовался, что там происходит. Естественно, выполнял и другие задания. А вчера к вечеру, проезжая мимо бичераховского совета, наткнулся неожиданно на владикавказского жандарма Малюту. Нет, обознаться не мог, это восковое лицо было слишком знакомо и запомнилось навсегда! Малюта свободно вышел из здания казачьего совета, сел на откормленного коня — гнедого, с белой звездочкой на лбу, — и спокойно себе поехал. Званцев пораился: семь месяцев Советской власти, а жандарм, палач, душитель революции свободно разъезжает по городу, да еще и посещает учреждения! Что у них может быть общего — у царского жандарма и меньшевика (все-таки революционера!) Бичерахова?

Хотелось сразу задержать Малюту. Но решил прежде проследить, куда он направится, где остановится, с кем встретится?.. Было бы очень важно установить возможные связи. И Званцев, стараясь быть незамеченным, устремился вслед, полагая, что дальше Моздока жандарм не уедет. Малюта же миновал мост через Терек, хутор Предмостный и направил коня к Терскому хребту. Званцев не отставал, хотя, чтобы не попасть на глаза, и не спешил.

Около полуночи перевалил Терский хребет. Обогнув скалу,

различил при неясном свечении звезд темный силуэт стреноженного коня и догадался, что тут должен быть Малюта. Осадил Чалого, укрылся за скалой. Ждал, что будет дальше. Чалому дал возможность щипать траву, но повода из рук не выпускал.

С рассветом Малюта поехал вниз, к Алхан-Чуртской долине. Званцев, напоив коня, — вслед. Так и тянулся сзади. А ехал жандарм, оказывается, в Грозный.

К удивлению Званцева, Тамбинский начал подробно расспрашивать приметы Малюты. Не равнодушно, а с горячим интересом, вроде бы он не рядовой сотрудник второстепенного совдеповского отдела, а лицо, ведающее разоблачением контры. Ответив на вопросы, Званцев попросил:

— Помогите, пожалуйста, связаться по телефону с Владикавказом, я обязан сообщить начальству.

Тамбинский тяжело встал, подошел к телефону.

— Значит, можно сделать вывод, — Тамбинский накручивал ручку тархтевшего аппарата, — меньшевик Бичерахов сложа руки не сидит, что-то предпринимает и забросил свою ниточку в Грозный...

Владикавказ ответил. Званцев поднес к уху увесистую трубку и попросил соединить с нужным ему заведующим отделом. Иносказательно, условленным шифром, доложил обо всем. Выслушав, заведующий распорядился написать подробный рапорт, оставить его в грозненском Совдепе для пересылки во Владикавказ, а самому возвращаться в Моздок.

Порывшись в ящике стола, Тамбинский протянул Сергею талон на ужин в столовой. И сразу Званцев почувствовал зверский голод. Но от талона отказался, решил ждать Доброва. Сел писать рапорт. Отдав рапорт, попросил Тамбинского заменить уставшего коня, чтобы сегодня же уехать в Моздок. В это время вошел Добров.

10

Не роскошно жили Добровы. Комнатка на четверых была тесной. Ее загромождали деревянная кровать, железная койка, детская кроватка, сооруженная из козел и простых досок, крашенный охрой шкафчик, стол, покрытый клеенкой. Однако было здесь безупречно чисто. Стены выбелены, пол выскоблен. Званцев узнал Глафиру Петровну, жену Дим Димыча. Постарела за эти шесть лет, сдала. Прибавилось морщин, седина вплелась в темно-русые короткие волосы. Но не ушла еще от нее краса, не угасла лукавинка в больших молодых глазах. Сорок три теперь исполнилось ей.

— Сережа? — Глафира Петровна радостно спешила к нему. — Какой ты взрослый, как возмужал! Кто бы мог подумать, что

снова увидимся?.. — Засуетилась, крикнула сухонькому мальчишке, что-то рисовавшему за столом: — Тимка, полей на руки дяде и папе!

Умывались во дворе. Тимка лил воду из ведра.

— Сколько тебе лет, малый? — поинтересовался Званцев.

Малый шмыгнул носом, шевельнулись симпатичные ямочки на щеках:

— Одиннадцать...

— В школу ходишь?

— А как же! В четвертый класс, первой ступени!

— Чему же тебя учат?

— Писанию и арифметике. Всю таблицу умножения наизусть знаю, чесслово. Девятижды девять — восемьдесят один!

— Молодец! Меня-то помнишь?

— Не! А вы большевик?

— Конечно!

— И мой папка большевик! — выпятил грудь Тимка. — И Наташа большевик. И я вырасту, тоже буду большевик!

— Смотри, какой умница! — улыбнулся Званцев. — До чего же правильное решение!

Задумался Званцев: «Мне бы такого орла! Двадцать шесть уже стукнуло, пора обзавестись семьей».

В комнате Глафира Петровна разлила по тарелкам постный суп с кукурузной крупой, подала чурек. Званцев с жадностью опустошил тарелку. Не отказался от второй.

— Вот это аппетит! — похвалила Глафира Петровна. — А наши-то мужики едва ложками шевелят.

— Конечно, — возразил Добров, — если есть ее впервые, она, кукуруза, вкусная. А каждый день — глаза уже не смотрят...

— Плохо в Грозном с продовольствием? — спросил Званцев.

— Можно сказать, голодаем. Паек дают, когда фунт хлеба на человека в день, а когда только полфунта, в зависимости от того, сколько пришлют продотряды. А присылают мало, сопротивляются станичники продразверстке, в ямах хлеб гноят, а нам, рабочим, отдавать не желают.

— Ну а базары?

— Пусто на базарах. Казаки в город ничего не везут, тоже чувствуется влияние станичных богачей и офицеров. Чеченцы, правда, везут, но лишь кукурузу, ею и перебиваемся. Да и чеченцы не все едут в город, а только те, что признают Гойтинский народный совет.

— То есть как? Разве в Чечне не один Совет?

— Два. Есть еще враждебный Советской власти меджлис в Старых Атагах. К Грозному относится презрительно, натравливает чеченцев на русских, подстрекает бандитов на грабежи. Выедет крестьянин за город в поле — отнимают коней.

— Да много ли в Грозном крестьян?

— По сравнению с рабочими мало, но есть. Не трогали бы их меджлисовские головорезы, давали возможность вырастить урожай — базары, конечно, были бы богаче и жилось бы легче.

Глафира Петровна подала отварной картофель без капельки масла.

— Так почему вы терпите рядом с собой гнойник?! — возмущался Званцев поведением меджлиса. — Разгромите его к черту и все!

— Горяч ты, Сережка, — Добров вздохнул. — Не так это просто. Обстановка у нас важная. Вокруг живут люди разных происхождений, сословий, толков, вероисповеданий... Враждуют друг с другом. Смесь пороха с бензином! Поднеси спичку, попробуй... Нет, брат, тут мудрость нужна. Гикало не о разгроме думает, он ленинец, старается сдружить людей. Только благодаря ему эта смесь еще не взорвалась. Представь, мы громим меджлис, а его приспешники распускают по Чечне слух, что русские, мол, напали на чеченцев... Понимаешь? И пошла резня. Ни в коем случае нельзя давать повода для провокаций, тогда сохраним мир... А будет мир, сдружим людей, разъясним, что к чему, чеченцы сами все поймут и уберут контрреволюцию.

Тимка улегся спать. Глафира Петровна помыла посуду. А Званцев с Добровым все разговаривали. Но вот стукнула в коридорчике дверь, и Глафира Петровна, слегка прихрамывая, поспешила туда. А через полминуты вслед за матерью вошла в комнату Наташа. Званцев залюбовался девушкой.

— Здравствуйте, — сказала она тихо, застенчиво взглянув на гостя.

«Однако расцвела, — подумал Званцев. — Сейчас ей, должно быть, двадцать...». Он помнил ее подростком — худую, сутулую, ничем не привлекательную. А сейчас... Прямая, полногрудая, тонкая в талии. Званцев не мог оторвать взгляд от ее крупных, цвета глубокой небесной голубизны глаз и таких же, как у Тимки, симпатичных ямочек на щеках. До чего же мила!

Пройдя в угол, она сняла жакет. Грудь обтягивала белая кофта.

— Вы узнали меня, Наташа? — Званцеву хотелось услышать ее голос.

— Нет...

— Как же! — Званцев старался продлить разговор с ней. — А я вас хорошо помню. Не раз бывал в вашем доме...

Наташа молча пожала плечами. Глафира Петровна напомнила ей те дни, когда отец скрылся из Владикавказа, а Сережа Званцев по поручению комитета приносил им на дом деньги и продукты... Наташа наморщила лоб, прикрыла глаза.

— Теперь вспоминаю, но смутно. Тогда очень переживала за папу, мне было...

— Не до меня, — догадался Званцев.

Снимая берет, зацепила нечаянно заколку. Светлым водопадом густые пряди русых волос рассыпались по плечам. Званцев с трудом отвел от нее глаза. Уходить не хотелось, но дело не ждало. Надо было возвращаться в Моздок. Встал, поклонился. Глафира Петровна и Наташа подали ему на прощание руку. Добров сказал жене:

— Дай-ка, Глашенька, спички, зажгу фонарь да схожу в депо...

— Здравствуй! — сердито поклонилась она. — На ночь глядя...

— А я, Глашенька, скоро приду. Только поищу очень нужные штуки, найду и сразу приду...

— Знаю твое «сразу», мог бы и днем поискать.

— Некогда днем. Слесарной работы по горло, на минуту отлучиться невозможно. А сейчас, ищи себе, никто не мешает... Извини, Глашенька...

— «Глашенька», «Глашенька»... — Она всхлинула. — Сутками тебя не вижу, и конца этому нет...

Он сам нашел в темном коридорчике спички, зажег фонарь. Вышли на улицу. Добров, как бы оправдываясь перед Званцевым:

— Помню, были у нас в депо листы броневой стали, десятка два-три, а куда делись, понять не могу: или припрятал кто, или хламом завалили случайно. Вот буду искать. Днем, честное слово, некогда... Ну, до свидания. Иди той улицей, придешь прямо к Совдепу.

Добров подал руку и, помахивая фонарем, пошел вдоль железнодорожной насыпи. А Званцев, миновав переезд, окунулся в темноту кривой улицы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Через узкое окошко в спальню проникал скудный свет. В кровати, натянув на себя одеяло шалашом, сидело дряблое, морщинистое существо.

Тихо открылась дверь. Сноп света из большой широкооконной комнаты, прострелив спальню, ударился о потертый ковер. И тут же отскочил одновременно с притворенной дверью. На цыпочках вошел мужчина лет тридцати, с жирным, пористым лицом, в белой рубашке, опоясанной шелковым шнуром с кисточками.

Одеяло дрогнуло, упало. Обнажилось истощенное тело, при-

крытое давно не стиранной сорочкой. Существо потянулось навстречу вошедшему. Мужчина поставил на табурет у кровати кастрюлю, положил ложку, кусок хлеба.

— Я не потревожил тебя, Марьюшка? — ласково сказал он, подняв рыжие брови. — Вот супчику тебе принес, кушай. На сале супчик, на свином, с кукурузной крупкой...

— Черешенки бы мне, Аким, вишенки... Или абрикосика... Фрукты хочется. — Она говорила медленно, едва слышно, скрипучим голосом.

Он присел рядом с ней, обнял нежно, погладил холодное, умирующее тело.

— Где же абрикосика взять, Марьюшка?.. Не поспели еще... Вишни — тоже... А черешня сорвана и продана — жить чем-то надо! Кушай, кушай, Марьюшка...

Она зачерпнула ложкой из кастрюли:

— Невкусный... И опять чем-то пахнет... Аптекой пахнет, лекарством, а не супом...

— Что ты, Марьюшка! — он спешил успокоить. — Тебе так кажется, золотко... На сале супчик, на свином, с кукурузной крупкой...

Она глотала, морщась от отвращения. Длинные волосы, перехлестнув через край кровати, свесились к полу. Он нежно гладил их, ее голову, щеки, шептал ласковые слова.

— Умру я, вот-вот умру, освобожу тебя, — едва шелестел ее жалобный голос.

— Что ты, — плаксиво причитал Аким. — Живи, золотко, не смогу без тебя... Ведь, люблю...

— Не надо о любви! Совсем это ни к чему, — сердито задышала она. — В сон меня тянет. Иди, иди, спать буду...

Он задумчиво потеревил свой слегка раздвоенный подбородок, прислушался... Марья, не открывая глаз, дышала прерывисто, едва слышно. Захватив кастрюлю с ложкой, вышел на цыпочках.

После его ухода Марья пыталась подняться, но не смогла. Что-то сжимало глотку, не давало дышать, тяжело давило на сердце. Обильно потев от слабости, она с большим трудом отвернула угол матраца, нащупала тетрадь и карандаш. Убедившись, что они на месте, легла на спину, сложила руки на груди и заставила себя уснуть.

Оставив кастрюлю с ложкой в кухне, Аким проследовал в сад. Сад был большой, ухоженный и обильный. Глыбами малахита свисали тяжелые кроны, расцвеченные багрянцем и золотом плодов. Он рвал вишни, бросал в рот, брызгал вяжущим соком. Поедал, аппетитно причмокивая, не совсем зрелые, оттого и вкус-

ные, с кислинкой, абрикосы. Пробовал янтарные яблоки. Во рту благоухало, глаза жмурились от удовольствия.

Удалился из сада вместе с заходом солнца. Проверил замки на амбаре и кладовых, где хранились продукты. Когда угасающее небо тускло отразилось в оконных стеклах, запер калитку и пошел в дом. Настала пора готовить ужин жене.

Дом был из пяти комнат, кухни и веранды. В спальне дожидывала последние дни, а может быть и часы, жена, в кухне ютился сам. Остальные комнаты пустовали и пылились, в них никто не жил. Развел примус, поставил на огонь кастрюлю с водой. Опустил в нее очищенный картофель, крупу, добавил кусочки сала. Вынул из полированного шкафчика жестяную баночку, где хранилась отрава — зеленоватый порошок с лекарственным запахом, всыпал крупную щепоть в закипающую кастрюлю, размешал ложкой. Потянуло аптечным духом. Мелко нарезанный укроп, брошенный в суп, заглушил ядовитый запах.

— Я не потревожил тебя, Марьюшка? — ласково сказал, входя с ложкой, хлебом и кастрюлей в темную спальню.

Ответа не последовало.

Ощупью поставил еду на табурет, отыскал на подоконнике свечу и зажег. Обычно при входе он видел жену сидящей на кровати с натянутым на себя одеялом. Сейчас Марья лежала на спине, смиренно сложив руки на груди. Догадался: готова! Вскипело от радости, чаще застучало сердце:

— Слава богу!

На кухне аппетитно поужинал, закурил папиросу и вспомнил всю историю с Марьей.

Женился на ней не по любви — Марья была не только некрасива, а некрасива до отвращения: тошная, кривоногая и рябоватая. Женился из-за выгоды: вместе с Марьей получил от ее богатых родителей вот эту усадьбу с великолепным садом и важную должность в жандармском отделении. Начальником-то отделения был отец Марьи. Только тяжело жилось молодоженам. Душа Акима протестовала против безобразной жены, тянуло к другим. Она ревновала. Он избивал ее. С того и пошло. Жизнь превратилась в ад.

Родители, узнав о несчастливой судьбе дочери, проучили зятя. Из важного чиновника агентурного отдела он слетел ниже некуда — в сыщики. Ему не понравилось бегать легавой собакой по пятам большевиков, умевших путать следы, и он, покинув охранку, занялся земледелием. Это было кстати. Назревали большие революционные события, и служить в жандармерии становилось все опаснее. Он благодарил бога, что по роду своих обязанностей ни разу не надел мундир жандармского офицера и никто в Грозном не подозревал о его принадлежности к охранке.

Советская власть принесла Акиму несчастье: помешала разбогатеть; нависла угроза разоблачения его как сотрудника жандармерии. Конечно, он делал вид, что рад Советам и почитает большевиков. Но... Марья! Мстя за поруганную молодость, могла предать. Однажды она заболела. Аким не старался ее лечить. Наоборот, пошел к знахарке, за большие деньги приобрел отраву. Три раза в день по шепоти в пищу сделали свое дело.

Аким встал посредине кухни, легко вздохнул и широко перекрестился:

— Слава богу, развязался!

3

Следовало готовить похороны, и Аким направился к двери, чтобы попросить соседок обмыть покойницу. Вдруг постучали в окно. Прислушался. Стук повторился, осторожный, но настойчивый. Когда постучали в третий раз, подошел к окну. Не откидывая занавески, спросил вполголоса:

— Кто там?

— Хрящев? Открой! — резкий знакомый голос.

— Кто это? — прикрутив фитиль лампы, отодвинул край занавески.

Через стекло смотрело с улицы бледное восковое лицо Малюты. «Что ему надо?» — с опаской подумал Хрящев и пошел открывать калитку.

В кухне, присев на скамью, потный, усталый, Малюта сказал:

— Пожрать! И выпить, если найдется.

Приказной тон Малюты пугал. Хрящев развел руками, проговорил запинаясь:

— Выпивку не употребляю уже, а поесть найдется.

Потянулся было к лампе прибавить света, но Малюта движением руки показал, что делать этого не следует. Не снимая с головы фуражки, не помыв рук, подвинулся к столу и с жадностью съел принесенные Хрящевым хлеб и холодное мясо. Поеживаясь от волнения, Аким спросил:

— Издалека ли? По какому делу, извиняюсь?

Малюта безразлично отодвинул поданный ему стакан чаю, пронычески скривил губы:

— Не очень издалека, а дело нашлось. Меня, так сказать, помнишь?

Когда в 1912 году из Владикавказа бежал от преследования жандармерии некий большевик Дмитрий Добров, разыскивать его в Грозный явился в штатском жандармский чин Малюта. В помощь ему грозненское жандармское начальство выделило сыщика Хрящева. Для удобства совместной работы Малюта поселился в хрящевском доме. Однажды за рюмкой коньяку Аким по-

жаловался Малюте, что его, Хрящева, съедают: из агентурной части выперли на собачью должность сыщика.

— Обижаться на вышестоящих чинов не дозволено! — резко оборвал тогда Малюта. — Наружная служба в нашем деле достойна уважения!

Дмитрий Доброва при всем старании они не нашли. Малюта, даже не попрощавшись, не поблагодарив за гостеприимство, уехал. С тех пор Хрящев никогда не встречался с ним. И вот он объявился.

— Помню, — наконец ответил Хрящев. — Большевика одного вместе искали. Кстати, он сейчас по соседству живет.

— Добров? И ты его до сих пор не убил?

— Куда там! Боюсь, кабы он меня не прищемил...

— Трусишь? — Малюта зло смеялся уголком тонких губ. — Робеть офицеру жандармерии не дозволено.

— Какой я офицер? — Хрящев вдавил голову в плечи. — Сейчас я трудовой крестьянин.

— Ах, вон оно что! — губы Малюты скривились. — Забыл, значит, прежнюю должность, господин жандармский поручик?! Так я напому...

— Нельзя ли короче? — робко перебил Хрящев. — Что от меня надо?

— Садись! — Малюта кивнул на табурет против себя. — И слушай внимательно. — Он в упор смотрел в глаза Хрящеву. — Завтра в Моздоке придет к власти новое правительство Терской области. Оно объявит войну большевикам, провозгласит неприкосновенность частной собственности и независимое развитие личности. Все обиженные большевиками вновь обретут право на жизнь. Тебя такое устраивает?

— Еще бы! Если это правда...

— Убедишься! Снова будешь «вашим благородием», а не воюющим «трудовым крестьянином»!

— Ну а все-таки, что от меня надо?

— В планах нового правительства — захват Грозного. Войскам он должен сдать без боя. Но для этого требуется создать условия, подготовить город изнутри.

— Я-то здесь причем? — все еще не понимал Хрящев.

— Ты служил в агентурной части, должен помнить фамилии и адреса жандармских осведомителей. Их надо заставить работать на нас. И не только их, а завербовать новую агентуру.

Хрящева передернуло:

— Но это опасно...

Малюта вдруг, прикусив губу, судорожно сжал кулаки:

— Ты станешь делать все, что велю. Иначе, господин жандармский поручик, тебя расстреляют большевики, я похлопочу об

этом! А попробуешь мне пакостить... — Вынул наган, выразительно покрутил перед носом Хрящева.

Несколько секунд оба молчали: Малюта — возбужденно раздувая ноздри, Хрящев — понурив голову, почесывая жирное, пористое лицо.

— Ну! — пружинисто встав, Малюта загородил собою дверь.

— Согласен... — сдался Хрящев.

Они тихо разговаривали до трех часов ночи. Затем Хрящев вывел Малюту глухими улочками к Сунже и показал мост, за которым темнела окраина станицы Грозненской.

4

Весело рождалось в моздокской степи то утро. Едва прорезалась заря, взвились в небо жаворонки, раскололи тишину звучными трелями. Тут же разразились музыкой цикады. Разбойничьим посвистом откликнулись суслики.

Над желтеющими делянками ячменя и пшеницы, над зеленью трав и синими узорами перелесков у Терека разливалось золото рассвета. В воздухе еще плавали ночные тени.

В этот час Бичерахов приближался к станице Луковской. Глубоко вдыхал холодный, как ключевая вода, воздух, кутался в бурку. Снежной белизной сверкала на его голове папаха. Иноходец, чуя станицу, рвался вперед. Но Бичерахов пока сдерживал коня. Ждал сигнала. Позади, на расстоянии, положенном слуге, рысил на бодрой кобыленке степенный Христофор.

— Хорз, хорз, тынг хорз! * — прислушиваясь к жаворонкам, умильно улыбался Христофор. Радовали и хлеба: — Вон как уродили, скоро косить!

Сигнал прозвучал в точно назначенное время. Дробный стук пулемета проклокотал над степью, заглушил ее мелодию, эхом отозвался в перелесках у Терека. И тогда Бичерахов отпустил коню повод, взмахнул плетью.

Влетел в Луковскую на бешеном, разъяренном коне.

Пули посекали станичные тополя, валялись срезанные листья. Поковыряны стены хат, кое-где выбиты стекла. Вероятно, были убиты и ранены: из трех дворов неслись вопли и причитания. Ревели коровы. По улицам суетливо бегали казаки.

Бичерахов сдержал коня у церковной сторожки, велел Христофору стучать в дверь. Но уже выбежал растерянный пономарь. Бичерахов приказал ударить в набат.

Под тревожный бой колокола казаки запрудили площадь. Бичерахова окружили станичные офицеры. Выделялся рыжебородый Ефим Капусто. Он по-собачьи преданно смотрел Бичерахову в

* Хорз, хорз, тынг хорз! — Хорошо, хорошо, очень хорошо! (осетинск.).

глаза, ждал распоряжений. Тот велел выставить вокруг Луковской разьезды, никого не впускать и не выпускать, одновременно гнать нарочного в соседнюю станицу Павлодольскую и там поднимать по тревоге казаков.

В это время прискакал на сером, в яблоках, коне Эльмурза Мистулов. Круглый, крепкий, обхватив кривыми ногами конский корпус, он пауком сидел в седле.

Бичерахов окинул взглядом толпу. На него смотрели угрюмо, но с заметным интересом. Резким движением руки сбросил с себя бурку, передал подоспевшему Христофору. Эффект удался. По толпе пробежал гул одобрения. Георгий Федорович предстал перед станичниками в синих погонах рядового казака на ослепительной белой черкеске. Сияло золото кинжала и чеканное серебро шашки. Сверкала отделанная серебряными узорами деревянная кобура маузера. Как же! Везде Советская власть, а председатель казачьего совета не сдрейфил, явился народу в погонах и полной казачьей форме. Храбрецов в станицах почитали!

Глядя на Бичерахова, подтянулся, проверил пуговицы на чекмене — застегнуты ли? — Мистулов.

— Господа казаки! — Бичерахов поднял руку, и станица замерла, приоткрыв рты. — Вы свидетели того, какое, собственно, подлое злодеяние совершили большевики. Не без ведома, конечно, моздокского Совдепа обстреляна ваша мирная станица. Вероятно, есть убитые и раненые?..

— Имеются! — ответили из толпы.

— Невинная кровь, — повысил тон Бичерахов, — пролитая сейчас, не может быть прощена!

— Не простим! — взревела толпа.

— Братья станичники! Вы, вероятно, уже поняли, что представляют собой большевики. Это самые ненавистные враги православного казачества. Они посягают на наши права, землю, имущество, на святую церковь нашу. Издавна пользовалось казачество привилегиями: щедрым земельным наделом в вольных степях, денежной помощью в случае неурожая; почетом, уважением, доверием... Большевики лишат вас этого. Вами будут командовать, диктовать вам, сядут на вашу шею босяки. Они уже душат вас продразверсткой, оскорбляют безбожием, обстреливают станицы... Мы не сможем спокойно жить, обрабатывать землю, молиться в храмах, пока не изгоним большевистскую власть из Терской области. Вооружайтесь, казаки!..

Когда первое впечатление от эффектного появления Бичерахова и его страстной речи прошло, станичники начали осмысливать слова председателя. Ему верили и не верили. Неужели с ве-

дома советских властей обстреляна расположенная в трех верстах от Моздока их станица Луковская? Возможно, кто из красноармейцев сдуру или спьяна и пульнул из «максима»... Но вряд ли по распоряжению Совдепа... Совдеп пока казакам вреда не сделал. Земли не лишил, в церковь ходить не запрещает. Правда, был прислан в станицу продотряд, велел вывезти в Моздок на ссыпной пункт столько-то зерна с каждого двора: которые побогаче — с тех побольше, кто победнее — меньше, а с безлошадных голодранцев — совсем ни фунта. Вроде бы и справедливо, с одной стороны, а с другой — жаль все же расставаться с хлебушком. Хотя вранье, что твердят станичные офицеры, будто продотряды выгребают зерно дотла. Нет, по-божески. Оставляют сколько нужно семье на пропитание, скоту на прокорм до нового урожая, на семена так же оставляют. Берут излишки, тут же платят деньги. Так ведь и раньше казаки продавали излишки на базаре. Конечно, деньги выторговывали немалые, продотряды же расплачиваются скудно, по твердой цене. Но не воевать же из-за этого с оружием в руках, не гибнуть под пулями — жизнь дороже продразверстки. Хватит, вдоволь пролили кровушки в боях с германцем и турком. Однако офицеры и состоятельные почетные старики уверяют, что потом новая власть себя покажет, до всякого дойдет. Да и привилегий лишаться не хотелось. И отомстить за пролитую сегодня кровь следует, как бы там ни произошел этот обстрел со стороны Совдепа — вольно или невольно... К тому же казачья служба обязывает беспрекословно подчиняться начальству, в данном случае председателю отдельского совета...

Путались мысли запрудивших площадь луковцев. Туго сжимали они рукояти кинжалов, обильно дымили сигарками. Одни, горестно вздохнув, перестали орать в тон председателю, другие все еще кричали, но без особой страсти, больше для порядка, третьи горланили по-прежнему азартно, потрафляя Бичерахову:

— Смерть большевикам! Войну — Советской власти!

Вытянувшись «во фронт», поедая криворотого председателя глазами, длинный и вислוגубый казак Тюпин восторженно бормотал:

— Слава те, осподи, од-дна приятность глядеть на ихние погоны. Сбегаю, надену свои! Возвратились казачеству прежние времена!

Председателя сменил Мистулов. Привстав на стременах, он объявил себя командующим войсками. Сказал, что чеченцы и ингуши готовят поход на терские станицы, а Совдеп, провозгласивший дружбу с дикими, не в состоянии и не желает организовать оборону от нашествия. Что такую власть надо гнать с Терека и чем скорее, тем лучше...

Далее он говорил, что освободить Моздок, а затем и весь Терек от большевистского засилья — сущий пустяк, что эта война

будет легкой и победоносной, что опытные в военном деле, доблестные терцы...

За участие в боях командующий обещал деньги: рядовым по семьсот, офицерам, в зависимости от чина, до двух тысяч рублей...

Услышав про деньги, вислогубый Тюпин встрепенулся, толкнул локтем соседа:

— Слышь? Деньги с-сулит!

— А за что деньги, смекаешь? — буркнул сосед.

— А хучь за что, лишь бы п-палучить, — удовлетворенно зашлепал губами Тюпин и, пробравшись сквозь толпу, кинулся бежать.

Никто не обращал внимания на причуды заики Тюпина. В Луковской его считали придурковатым, называли в насмешку Тюпой и с ним не водились.

Он жил на краю станицы и спешил, делая саженные шаги. Но возле дома его схватили двое верховых, только назначенных в разъезд, огрели вдоль спины плетью.

— Дезертировать, мать твою курица?!

— Господа стан-ничники, — взмолился Тюпа. — Что вы! Бог свидетель, коня седлать бегу, с большевиками воевать нетер-пление!

Тюпа влетел в замызганную хату, крикнул жене:

— Пог-гоны... Быстра!

— Какие погоны, для чего?

— Мол-чать!

Растерявшаяся жена полезла в сундук.

Тюпа раскопал в скирде соломы спрятанную винтовку. Вывел из конюшни пегого, неповоротливого мерина. Жена подала чер-кеску с погонями.

— Куда ты собрался?

— Не видишь, что ли? Н-на войну!

Жена взвыла. Прибежали с улицы голопузые ребятишки и, глядя на мать, тоже заревели. Тюпа вскочил в седло.

— И на кого ж ты нас, кор-ми-лец, споки-да-а-ешь... — цепля-лась руками за стремя жена.

Тюпа шевелил поводья, ленивый маштак наконец тронулся. Жена взвыла пуще. В три голоса ревели дети. Тюпа погрозил им плетью и, нахлестывая маштака, порысил к площади.

— В бой, станичники! — закончил речь Мистулов.

Толпу будто ветром сдуло. Во дворах тревожно заржали кони. Забряцало оружие. Бичерахов заметил вислогубого всадника с погонями, одиноко маячившего на пегом мерине. Всадник широко топырил в стремях длинные ноги.

— А это, собственно, что такое? — поморщился Бичерахов, обращаясь к станичному атаману Капусто.

— Казак Тюпа прибыл для построения! — огладив бороду, почтительно наклонил голову атаман.

— Так быстро? Молодец! — изменив мнение о всаднике, выразил восхищение Бичерахов. — За это следует поощрить.

Приблизившись к Тюпе, Бичерахов коснулся двумя пальцами папачи, Тюпа, задржав небритый подбородок, страшно пялил глаза.

— За усердие в службе вам, казак Тюпа, — торжественно произнес Бичерахов, — жалуется чин младшего урядника.

— Служу царю и отечеству! — брякнул по старой привычке Тюпа.

Бичерахов поморщился. Капусто хохотнул в кулак.

Станица надрывно и тягуче причитала, захлебываясь женскими и детскими слезами. Были псы. Матерились казаки. Успев приложиться к чихирю, они орали похабные песни.

Еще до восхода солнца Луковская пошла на Моздок.

Мистулов распоряжался в штабе, со вчерашнего дня занявшем здание бывшего станичного правления.

7

С восходом солнца из прикаспийской полупустыни нагрянул сухой ветер. Наклонились в делянках хлеба, пружинисто выпрямились, снова прилегли... И закачались, погнали через себя волны, напоминая бушующие золотые озера.

Ветер принес зной и удушье. День только начинался, а жара уже накалила все вокруг. Но Бичерахов накинул бурку. Разъезжать среди бела дня в погонах пока небезопасно. Выехав за Луковскую в окружении двадцати всадников, отобранных в личную охрану, подал сигнал следовать рысью. Нешадно лупил пегого ленивца попавший в охрану младший урядник Тюпа.

За спиной Бичерахова гомонили всадники. Это раздражало: до чего распустились, в строю разговаривают! Захотел узнать: о чем — в такой момент? Подняв руку, Бичерахов подал команду перейти на шаг. Стало все слышно. Доносился жалобный шепелявый голос:

— Эх ее, матушку-пашаничку, колыхаешь... Ежли такой еще подуеть, в аккурат всю свалить...

Второй голос пробасил со вздохом:

— Через два-три дни от такой жары колос осыпаться začнеть... Через неделю начисто пустой станеть...

Кто-то хрипло:

— Мы, значить, воевать, а кто хлебушек убирать будеть? Наголодаемся в зиму...

Откуда-то сзади, еле разборчиво:

— Оно, канешна, большевизму уничтожить надо, да не то время выбрано...

Бичерахова коробило от таких разговоров. Он хотел, чтобы его слух ласкали рассуждения о предстоящих битвах, казачьей удали, ближайшей победе... А тут резала уши «матушка-пашаничка». С досады хлестнул иноходца, увлекая за собой остальных, помчался вскачь. Остановились у Павлодольской. Бичерахов повернулся к всадникам:

— Оцепить станицу! Младший урядник Тюпа, расставьте посты!

Одуревший от радости, Тюпа заорал во всю глотку:

— За-а мной! — сорвал голос и промекал: — Мм-ма-арш...

Казаки дружно загоготали. Не удержался от улыбки и Бичерахов.

В Павлодольскую он въезжал в сопровождении Христофора. Отдал ему бурку. На председателе вновь все блестело и сверкало. Палисадники шлепали на ветру листвою. Белели аккуратные хаты, разрисованные вокруг окон синькой. По улице бежал казак в распахнутом чекмене, бухал палкой в заборы:

— На сходку! На сходку!

Стучали калитки. Казаки спешили к площади. Следом мчались мальчишки. Из-за заборов высывались старики и старухи, шамкали, показывая на сверкающего Бичерахова:

— Гляди, енерал едя.

— Осподи сусе, к чему бы?

— К войне, стал быть...

— Дурак, типун те на язык!

За Бичераховым увязались мальчишки:

— Енерал едя! Енерал едя!

Площадь гудела огромным пчелиным роем, колыхалась множеством голов. Павлодольская уже знала об обстреле Луковской моздокскими большевиками. Из каменного дома вывалился упрямолицый сотник Порфирий Дремлюга. Робя перед председателем, его серебром и золотом, косноязычно отрапортовал:

— Станица ждыет выашего прыказання!

Бичерахов, привстав в стременах, начал речь.

8

В то утро Корней Терсков проснулся затемно. Вчера он выезжал в степь, сделал прокосы ячменя. Пшеница могла подождать, а ячмень созрел, пора косить. Сегодня решил начать.

Осторожно, чтобы не разбудить жену, поднялся с постели. В соседней комнате спали дети. Склонился над сынишкой, поправил одеяло, легонько поцеловал в щеку дочь.

Во дворе едва светало. Бил крыльями, орал в курятнике петух, вздыхали в конюшне лошади. Подперев бричку жердью, смазал оси. За древним курганом разливалась кремовая заря.

К восходу солнца напоил коней. В лицо ударила горячая струя суховея. Вышла из дома, протирая глаза, беременная жена, направилась с подойником в коровник. Корней запрягал лошадей, когда ударили в забор палкой:

— На сходку!

«Надо бы в степь, а тут какая-то сходка», — разозлился Терсков. Возвратилась с полным подойником жена, принесла запах парного молока. Тревожно заглянула в черное худое лицо мужа:

— К чему сход, не знаешь? Не к войне ли?

— Да ну, что ты! — досадливо отмахнулся. — Навоевались уже досыта, хватит. Да и не с кем вроде.

У Терскова еще не зажили раны от осколков немецких снарядов, гноились на спине свищи. Не забыл еще приторного запаха трупов. Влез в бричку, тронул коней.

— А на сходку? — удивилась жена.

— В степь надо, без меня обойдутся! — И выехал за ворота.

Павлодольская суежилась. Хлопали калитки, скрипели ворота. Терсков заметил впереди себя несколько подвод. Возницы, стегая кнутом лошадей, спешили в поле. Но едва выехали за станицу, налетели всадники с плетью, заорали:

— Поворачивай обратно!

К Терскову привязался вислогубый и длинноногий всадник на пегом мерине, хлопостнул плетью:

— Дезертировать, м-мать твоя курица!

Удар пришелся по гнойному свищу. Терсков задохнулся от боли. Не помня себя, огрел вислогубого кнутом. Тот, струсив, повернул мерина, убрался. Но преградили дорогу еще двое:

— Поворачивай без разговоров, покулева снова плетки не схватил!

Хмурый возвратился Терсков во двор. Выскочили из дома заspanные ребятишки.

— Папаня, зайчиного хлебца привез?

Улыбнулся. Когда оставался от обеда в степи зачерствелый хлеб, привозил домой, отдавал детям, говорил в шутку: «Вот вам зайчик прислал, вку-усный!» Они верили, с наслаждением грызли твердые корки.

Прибежала с улицы, в слезах, жена, повисла на плече Корнея, прижалась щекой к его подбородку:

— Корнеюшка, милый, правда, война... Об этом сходка... Сколько же мне горевать без тебя?!

Терскова покорило от такой новости.

— Обожди, не убивайся... Может, и не возьмут меня, все тело в свищах... Да с кем воевать, не пойму?

— С большевиками, кажись...

Жена, всхлипывая, вцепилась в мужа. Надрывно билось ее сердце. Он лубил ее, а еще пуще ребятишек. «Неужели бросать семью? — мучительно размышлял Терсков. — Неужели снова — под пули?»

Ведь и пожил-то он после свадьбы немногим больше года. Родился сынишка — вскоре угнали на германский фронт. Потом родилась дочурка. Столько лет тосковал в окопах по семье! Едва вернулся, не успел поднять еще хозяйство, и вот снова...

Обнял жену, погладил шершавой ладонью ее мокрую щеку. Поцеловал. Оттолкнул легонько, ласково. Отдал притихшим ребятишкам «зайчиный хлеб» — нетронутые харчи, что брал сейчас в степь. И побежал на площадь.

Вырядившийся в погоны председатель держал речь. За крупом его коня сгруппировались станичные офицеры в штатской одежде. Бичерахов на все лады клял большевиков, доказывал необходимость войны, обещал скорую победу, призывал сегодня же освободить Моздок.

Терсков понял, что похода ему не избежать.

Кончив речь, председатель вытер потное лицо носовым платком. Из толпы крикнули:

— А как быть с хлебами?

— Для уборки есть женщины и подростки, — не задумываясь, ответил Бичерахов.

Ему возразили:

— Жнитво — мужская работа, бабы с казачатами не справятся...

Бичерахов досадливо поморщился:

— До жнивья мы управимся. Во всяком случае, каждый за участие в боевых операциях получит деньги. Они окупят потерю урожая...

Но кто-то снова упрямо возразил:

— Станица войдет в зиму без хлеба!

Председатель, не найдя что ответить, растерянно пожал плечами. В ту же минуту станичные офицеры нырнули в толпу. Площадь затихла. Однако Терсков не испугался, спросил:

— А у которых раны еще не зажили?

Бичерахов, подумав, ответил:

— Нам важно сегодня взять Моздок. Потом можно пройти комиссию.

Терсков побрел седлать коня. Через полчаса он скакал в павлодольской сотне к Моздоку.

В шумящих от ветра перелесках у Терека хрустел под конскими копытами палый лист. Маскируясь деревьями, приближались к Моздоку казачьи сотни. Впереди на иноходце — Бичерахов, за ним, под командой офицеров, станицы Луковская и Павлодольская, несколько поотстав, — Черноярская и Новоосетинская.

Когда через просветы листьев стал виден шпиль Успенского собора, Бичерахов подтянул сотни под прикрытие городской рощи, дал сигнал остановиться.

Вскоре прискакал Мистулов. Размахивая пухлой рукой с виющей на запястье плетью, доложил председателю, что все готово к наступлению. С той стороны уже подошли под командованием Лымаря Стодеревская и Галюгаевская, справа в хуторе Предмостном ждет Терская, подготовлены пушки и резервы, в городе на армянской церкви установлен пулемет.

Позвали офицеров, посоветовались. Части казаков было приказано спешиться, занять позиции на окраинных задворках.

— С богом! — сказал Бичерахов Мистулову. — Подавай сигнал.

Мистулов огрел плетью коня, тот всхрапнул, встал на дыбы, размахисто прыгнул и пулей умчал командующего. Через пятнадцать минут бухнула пушка — сигнал общего наступления. Над городом ахнул, с треском разорвался снаряд. Бичерахов высоко вскинул клинок, прищипорил иноходца. Гикнув, станичники взмахнули плетями.

Косяки всадников врезались в узкие моздокские улицы. Город дрогнул от грома копыт. Взвизгнула, не успев убежать, и тут же превратилась в окровавленную лепешку собака. С кудахтаньем разбегались куры. Клубы пыли, подобно дыму пожарищ, поднялись над городом. Горожане плотно закрывали ставни, прятались в подвалах.

Бичерахов выстрелил из маузера по окнам Совдепа. Звонко вылетели стекла. Круто завернув коня, помчался к Луковской, в штаб. Председатель казачьего совета сделал свое дело, и оставаться сейчас в городе не было смысла: офицеры хорошо знали свои обязанности.

С колокольни застрочил пулемет. Хлопки выстрелов приближались с окраин. Непрерывно били пушки. Снаряды рвались на вокзале. Там стоял эшелон с отступившими из Дагестана красноармейцами. Разваливались вагоны, корежились рельсы.

Из казарм, на ходу заряжая винтовки, бежали красноармейцы. Выстрелов прибавилось. На булыжных мостовых и каменных тротуарах растекалась кровь. Оставшись без всадников, носились по улицам, дико ржали кони. Воздух уже досиня напитался порохом и пьяным запахом крови.

К моздокским красноармейцам присоединились бойцы из эшелона. Но слишком неравны были силы. Охватив город со всех сторон, неумолимо сжималось кольцо казаков. Красные, оставляя улицу за улицей, отошли к вокзалу, отстреливались из-за пакгаузов.

Но и здесь не удержались. Спасаясь от окружения, отступили в степь. Казаки не отставали. Вспыхивала на солнце сталь клинков. Казаки рубили, крикая от удовольствия.

К концу дня победители проехали по главной улице Моздока красивым конным строем. Возбужденные легким успехом, орали, присвистывая, разудалые песни, стоя в седлах, лихо танцевали лезгинку.

Бичерахов, успев переодеться в штатское — костюм, галстук и шляпу, — подъехал к зданию казачьего совета в автомобиле вместе с Эльмурзой Мистуловым. Мистулов уже был в генеральском мундире с погонями и при всех регалиях. Подчеркивая свое уважение к председателю, шел сзади на две лестничные ступеньки ниже.

В затхлом замусоренном кабинете сели у стола, закурили. Вошел сияющий Лымарь:

— Что прикажешь делать с большевистскими начальниками, Георгий?

— Как, собственно, что? Всех в тюрьму!

— А может, кое-кого повесим? Прямо на улицах... Для устрашения других, матери его черт.

Бичерахов мотнул головой:

— Почему бы и нет?! Одобряю! Не забыл, что тебе следует поторопиться в Прохладную?

— Да, да, господа, — поглаживая баки, откликнулся Мистулов, — Надо скорее, как можно скорее позаботиться о Прохладной. Не сегодня-завтра о наших действиях узнает Терский Совнарком и, разумеется, бросит на нас Красную Армию. Терек она вряд ли форсирует, а обойти его по излучине в районе Котляревская — Прохладная может, да, да, может...

— Поэтому, Тихон, — поддержал Бичерахов, — немедленно отправляйся. Чаще осведомляй меня нарочным, не забывай держать связь со Шкуро. И старайся, чтобы побольше казаков узнали об обстреле Луковской красными и что Моздок избавлен от большевиков. Убеждай, что воевать с Красной Армией — сущий пустяк.

— Так и сделаю! — кивал Лымарь.

Когда остались вдвоем, Мистулов, крикнув, посоветовал Бичерахову:

— Полезно, да, да, очень полезно — послать представителя в Нальчик, объединить наши действия с усилиями нальчикских

борцов, да, да, борцов с большевизмом. И там тоже восстановить монархию, то бишь, э...

Бичерахов возмущился:

— Собственно, я вас уважаю, Эльмурза, ценю военный талант, но... Не забывайте! Навсегда выбросьте из лексикона ветхое слово «монархия». Никогда ей не бывать, никогда, поймите же это наконец!

— Да, да, совершенно верно, я понимаю, но жаль, очень жаль, Георгий... Впрочем, слушаюсь, больше не буду, да, да, постараюсь...

Затем Мистулов выложил свое мнение о налаживании гарнизонной службы: как предотвратить дезертирство, уберечься от проникновения в Моздок большевистских разведчиков и просто агитаторов, наладить контрразведывательную службу...

Решили окружить Моздок заставами, а в Предместном для охраны моста через Терек держать небольшой гарнизон.

Согласились, что привлекать к предстоящим выборам Терского правительства неимущее казачество не стоит. Каким-то хитрым путем надо тут от него избавиться: кто поручится, что не успело оно обольшевичиться? А результатами выборов рисковать нельзя.

Мистулов ушел, а Бичерахов остался еще подумать наедине. Закурив, глянул в окно. Вечерние лучи кроваво скользили по белолиственнице внизу за окном. Два казака прилаживались повесить на ней какого-то служащего Совдепа — костлявого, в грязном исподнем. Ему уже связали руки. Особенно старался вислогубый казак. Выправляя в конце веревки петлю, одновременно пинал обреченного длинной ногой. Потом наотмашь ударил по лицу и, оскалив крупные зубы, рассмеялся.

«Тюпа!» — узнал Бичерахов старательного казака.

Когда Тюпа стал накидывать на связанного петлю, получил смачный плевок прямо в глаза. У Георгия Федоровича сразу испортилось настроение, быстро отвернулся и в окно больше не глядел.

Через полчаса вышел из здания. По всей главной улице свисали с деревьев трупы. К дому он ехал в автомобиле. На первом же углу увидел Капусто и Дремлюгу, сосредоточенно избивающих седого еврея. Квартала через два безусые молодые казаки деловито вздергивали на тополь вверх ногами истерзанную бабенку с завязанным на голове подолом. Встретил тяжело нагруженную награбленным мажару. Ее с трудом тянули лошади. Казаки, помогая им, толкали мажару плечами. Кого-то, распялив на пыльной земле, азартно пороли плетью. Гнали по улицам отобранный у горожан скот. В машину проникали и крики ужаса, и пьяный гогот, и матерщина. Георгий Федорович, стараясь не думать об этом, отворачивался...

Званцев благополучно миновал Терский хребет и, ничего не подозревая, приблизился к хутору Предместному. Конь на этот раз был резв и сыт, шел бодро, нес всадника легко.

Он въехал в единственную улицу Предместного, и какое-то тягостное чувство внезапно овладело им. Огляделся, прислушался. Хутор, мрачный перед закатом солнца, молчал, как кладбище.

Пугливо всхрапнув, шарахнулся в сторону конь. Званцев едва не вылетел из седла. В следующую секунду он увидел на акации повешенного. Длинно вывалился синий язык.

Конь под Званцевым пятился боком, приседал на задние ноги, вздрагивая, прижимался в страхе к забору. В просвете между акациями зеркалом блеснул Терек. Званцев заметил у моста людей с винтовками, различил пятна погон. Рука сама потянула повод. Конь, круто повернув, рванул галопом, вынес всадника в степь. Когда пропали вдаль хуторские деревья, остановил коня.

Мелькнула догадка: в Моздоке мятеж. Поразмыслив, пришел к выводу: что бы там ни было, в Моздоке он быть обязан. Оттуда его не отзывали. Там он узнает подробности, явится затем по месту службы и доложит. Так будет правильно. Только не мог придумать, каким образом пробраться. Вплавь невозможно: река здесь бурна и широка.

Солнце, падая за четкий горизонт, подрезалось, подожгло небо. И уже выступила из небесных глубин одинокая звезда. Прикинув так и этак, решил ехать к ближайшему чеченскому аулу, переночевать, дать отдых коню. А утром на свежую голову что-нибудь придумается. Повернул коня на дорогу влево. Жгло от усталости ноги.

А тьма уже теснила зарю, вывешивала над Терским хребтом крупные звезды. Густая душная ночь ложилась быстро и плотно.

Уже перед рассветом, пристально всматриваясь, Званцев различил силуэты деревьев и контуры строений. Внизу под откосом, играя звездами, плескалась вода. Аул лепился на крутом берегу Терека.

Званцев осторожно постучал в черное оконце первой сакли. Стекло озарилось тусклым светом, на забор упала тень карагача. Скрипнула дверь, на улицу вышел босой человек в нижнем белье.

— Салам ва-алейкум, — Званцев почтительно поклонился.

— Ва-алейкум салам, — поклонился и хозяин сакли.

Во владикавказских железнодорожных мастерских работали со Званцевым ингуши. От них он научился немного ингушскому язы-

ку. Чеченский близок ингушскому. Подбирая слова, попросился на ночлег.

Хозяин понял. Открыл хворостяные ворота. Помог Званцеву выбраться из седла. Приняв коня, сказал по-чеченски:

— Входи, путник, моя сакля открыта для тебя.

При неярком пламени свечи Званцев рассмотрел невысокий потолок, низкий столик, деревянную кровать. Земляной пол прикрывали войлочные коврики. Судя по всему, хозяин — бедняк.

Он угостил Званцева кукурузным чуреком и соленым овечьим молоком. Показал на кровать, взял свечку и удалился.

Проснулся Званцев, почувствовав свет. Луч, пронзив узкое оконце, высветил незамысловатый орнамент войлочных ковриков. Едва Званцев спустил ноги с кровати, как вошел хозяин — низкорослый, с горбатым носом. Одет бедно: старенький потертый бешмет, сыромятные ноговицы — мачи, заношенная войлочная шляпа. Было ему, пожалуй, лет сорок пять.

— Ты растер конь спина, — сказал, поздоровавшись, хозяин. — Как теперь будишь? Конь нада личить. Если нада скоро, бери мой конь...

Званцев, поблагодарив за великодушие, спросил, не слышал ли хозяин, что произошло в Моздоке.

Тот ответил, что весь аул уже знает о моздокских событиях. Со вчерашнего дня там другая власть. Изрублены красноармейцы, перевешаны большевики. Пьяные казаки грабят и насилуют.

Когда Званцев поинтересовался, откуда это известно, хозяин объяснил, что у жителей их аула Терк-Юрт есть за Тереком в казачьей станице Галюгаевской кунаки, от них и узнали.

— Как звать-то тебя? — спросил Званцев. — Давай познакомимся.

Хозяин назвался Дудой Хаттуевым, протянул жилистую натруженную руку. Сняв шляпу, обнажил бритую шишковатую голову. И Званцев отрекомендовался.

Они терпимо изъяснялись на русско-чеченско-ингушском языках, помогая себе жестами и мимикой. Званцев узнал, что Дуда Хаттуев один из многочисленных аульных бедняков. До революции своей земли не имел, арендовал ее в малом количестве у богача. Жил плохо, голодал вместе с семьей. Четвертую часть урожая платил землевладельцу. Весной богач сбежал, его землю бедняки поделили между собой, засеяли кукурузой. Зрел богатый урожай: муки семье Дуды хватит с избытком, зерном и кукурузными стеблями прокормят зимой лошадь и пяток овец. Заботится сейчас Дуда, чтобы сорные травы не повлияли на урожай, работает с семьей на прополке с рассвета до темна. И сегодня уже потрудились, домой же пришел, чтобы не оставить гостя одного.

Как бы прося у гостя прощения, Дуда застенчиво, по-детски улыбнулся и сказал, что, слава аллаху, жизнь складывается не-

плохо, лишь бы была Советская власть и не давала ходу богачам; только бы не вернулся в аул богач и не отобрал землю.

И еще рассказал Дуда, что он, по приглашению члена Гойтинского народного совета Асланбека Шерипова, вступил в вооруженный отряд, организованный в ауле для защиты Советской власти...

Званцев решил: это человек, которому можно довериться. Объяснил, что является представителем Советской власти и желает проникнуть в Моздок. Попросил помочь перебраться на ту сторону Терека.

Огонек любопытства сверкнул в глазах Хаттуева, но он ничего не спросил, только покачал головой и ответил, что такую просьбу выполнять не станет: нового человека за Терек сразу заметят, узнают в нем иногороднего, по этой причине схватят и казнят, а он, Хаттуев, не желает плохого своему гостю.

Тогда Званцев попросил, в крайнем случае, достать для него хотя бы лодку, но Хаттуев, отчаянно замахав руками, объяснил, что по святым обычаям народа нохчи,* долг хозяина заключается в том, чтобы охранять гостя от опасностей, а не способствовать его гибели.

Званцев настаивал, что ему необходимо пробраться в Моздок, Советская власть должна знать, что там делается.

Наконец Хаттуев перестал возражать. Сидел, молчал и думал, потирая лоб и почесывая щеку. Затем встал и заявил, что сейчас ничего не ответит, прежде поговорит с мудрыми стариками. Если они посоветуют переправить Званцева за Терек, тогда он, Хаттуев, отлучится из аула и постарается кое-что достать. Удастся достать, — значит, перевезет гостя на ту сторону.

— Тебе нада ждать, — закончил Хаттуев. — Завтракай, пожалста. Абед будишь без меня.

Но и после обеда, и вечером он не явился. Не пришел и на следующее утро. Званцев, валяясь в постели, томился от неведения. Наступил полдень. Неслышно, как кошка, вошел бритоголовый мальчик, принес ломоть чурека, миску супа, оставил на столе и, не успев Званцев слова сказать, удалился.

Обед не поднял настроения. Званцев терялся в догадках, что могло произойти с хозяином. Чего только не передумал. Томясь от скуки, вспомнил свою жизнь.

...Родителей он не знал. Говорят, отец, фабричный рабочий, умер в тюрьме, мать — от чахотки. Вырос и научился грамоте в приюте. В пятнадцать лет взяли учеником во владикавказские железнодорожные мастерские. Мастер попался злой и пьяница. В приюте били воспитатели, в цехе — мастер. Мальчишка озверел от побоев и озоровал еще больше. Назло! Вот тогда-то к Сергею присмотрелся слесарь Добров. Вступился за сироту, помог на-

* Нохчи — самоназвание чеченцев.

учиться ремеслу. Приласканный хорошим человеком, Сергей перестал озоровать. Но однажды, уже парнем, сорвался. На всю жизнь пометил жандармского офицера Малюту.

Лют был Малюта. За одно неосторожное слово против царя предписывал сечь. Секли до полусмерти, случалось — до смерти. Малюта лично присутствовал при экзекуциях, иногда сам брал розги...

Однажды засекли насмерть троих рабочих. Званцев не выдержал. Неделью бродил по окраинам Владикавказа, присматривая подходящее место. В глухом переулке облюбовал брошенный подвал. Подговорил четверых надежных ребят, сам — пятый. Закутались в башлыки, подстерегли поздним вечером Малюту. Схватив, заткнули рот кляпом. Обезоружили и связали. По задворкам затащили в подвал...

...Воспоминания прервал хозяин. Вошел быстро, крикнул еще с порога:

— Эй-бох, пайдешь на Маздок!

Улыбнулся доброй улыбкой, снял с плеча мешок. Сказал, что аульные старейшины велели ему выполнить просьбу гостя. После этого Дуда побывал на той стороне Терека у кунака казака и достал то, что поможет гостю.

Вынул из мешка легкую светло-серую черкеску, шаровары с синими кантами, рубашку с высоким воротником и множеством мелких пуговичек. Вытряхнул пояс с серебряным набором, кинжал и невысокую шапку-кубанку с синим верхом и крестом по нему из серебряного галуна. Шлепнул по столу парчевыми погонами с двумя звездочками на каждом...

— Вот тебе, меряй!

Это был полный комплект одной из форм летнего обмундирования офицера Терского казачьего войска. Что могло быть лучше для Званцева в настоящее время? Он с благодарностью пожал руку Хаттуеву. Переодевшись, осмотрел себя. Одежда была несколько просторной, но носить вполне можно, вряд ли кто обратит внимание на мешковатость.

Дуда ходил вокруг, одергивал черкеску, поправлял шапку и, удовлетворенно цокая языком, говорил тоном извинения, что из-за этих вещей пришлось так долго задержаться в Галюгаевской. Казак-кунак достал не все сразу.

Затем Дуда принес ножницы и бритву. Срезал Званцеву чуб, выбрил голову, выскоблил щеки, оставив небольшие усики. Пристегнув к его черкеске погоны, а к поясу — кинжал, отошел на шаг, любуясь новоявленным офицером:

— Эй-бох, харунж! Ишо давай тебе на рука плетка, сапсем сволач будишь! — И рассмеялся своей шутке.

В одиннадцатом часу ночи подошли к Тереку. Он разлился широко, катил быстро. В одной лодке сидели сами, другую вели

на буксире пустой. Маленькие плоскодонки казались ничтожными в сравнении с огромной темнотой и бурливым простором черной воды. Тревожно плескались волны, предостерегающе булькали многочисленные воронки.

Стушевались очертания аула. Впереди смутно возник противоположный берег. Удачно воткнули лодку носом в прибрежный камыш. Вторую лодку для обратной переправы Званцева спрятали в камышовых зарослях, забросали валежником.

Дуда рассказал Званцеву дорогу: идти все время кустарником, держаться левее, подальше от станицы. Так он выйдет к разъезду. Попасть в Моздок первым товарным поездом — самый надежный способ.

— Буду ждать назад, — сказал Хаттуев. — Буду личить твой конь.

Сергей крепко обнял Дуду. Было такое чувство, словно расставался с родным братом. Надо же: пожил в сакле всего-то около двух суток, за это время Дуду почти не видел, а привязался к нему всем сердцем.

2

Заурчала, затарахтела, наконец, зазвенела деревянная коробка — телефонный аппарат. Желтая от одышки, Тамбинский тяжело вышел из-за стола, снял трубку.

— Алло! — металлом скрежетал в старой мембране искаженный голос. — Кто у телефона? Константин Петрович? Говорит Ястребов. А ну-ка быстренько до товарища Гикалы. Срочнейшим образом!

— Что случилось? — встревожился Тамбинский.

— А то, что в Моздоке мятеж, сничтожают большевиков.

— Мятеж? — задохнулся от неожиданности Тамбинский. — Бегу!

В приемной Тамбинский кивнул чубатому адъютанту Ястребову и, не задерживаясь, шагнул в кабинет Гикало.

Председатель Совдепа и командующий грозненской Красной Армией сидел за широким письменным столом, читал какие-то бумаги, очевидно, разбирал свежую почту. Макал ручку в оправленный бронзой чернильный прибор, писал резолюции. Курил толстую, из газеты, цигарку. Дым стлался под лепным потолком просторной комнаты, заставленной массивным шкапом, бархатным диваном и солидными креслами.

Еще недавно пребывал здесь толстый царский полковник — грозненский окружной начальник. Может быть, ему подходила эта громоздкая мебель? Что же касается председателя Совдепа и командарма, она с ним не сочеталась.

Николай Гикало был худощав, скуласт и близорук. И испол-

нилось-то ему немногим более двадцати лет. Правда, выглядел он несколько старше. Но это потому, что старался быть серьезным, носил очки в стальной оправе и маузер в большой деревянной кобуре, висевшей на ремне, перекинутом через плечо. Придавала ему строгость гимнастерка, застегнутая при любых обстоятельствах на все пуговицы и туго затянутая широким ремнем.

Гикало вскинул голову, поправил очки. Узнав Тамбинского, встал. Одной рукой потушил сигарку, смяв ее в треснутом блюде, которое было вместо пепельницы, вторую протянул для приветствия:

— Присаживайтесь, Константин Петрович. Очень неприятные новости. В Моздоке — мятеж, во Владикавказе убит предсовнаркома...

— Буачидзе?.. — екнуло больное сердце, Тамбинский приложил руку к груди. — Не верится... При каких обстоятельствах?

— Выступал на митинге, подло выстрелили в спину...

Скорбно, тяжело молчали. Погиб выдающийся профессиональный революционер-ленинец. Это была большая утрата.

— Смекайте, смекайте, Константин Петрович, — начал наконец Гикало и побарабанил пальцами по столу. — Три дня назад, как вы докладывали, появился у нас некий Малюта, несомненно, посланец Бичерахова, вчера, вам это хорошо известно, толпа разъяренных казаков станицы Грозненской вывалила на Граничную улицу города, угрожала расправой с большевиками... Теперь вот известие об антисоветском мятеже в Моздоке, гибели Буачидзе... Не кажется ли вам, что все это не случайно, взаимно связано и, думаю, исходит от Бичерахова?..

— Похоже, так...

— «Похоже, так...» — покривился Гикало. — Слишком спокойный тон, Петрович! Контра активизируется, а мы, извините, заднее место чешем. Что-нибудь новое есть?

— Есть сведения, будто полковник Поморцев создал в станице Грозненской подпольный антибольшевистский комитет...

— Подробности, как всегда, вам, конечно, неизвестны...

Тамбинский, вздохнув, пожал плечами.

— О Малюте еще что-нибудь удалось узнать?

— Абсолютно ничего, — Тамбинский развел руками.

Гикало рывком снял очки, швырнул на бумаги перед собой:

— Вот я и думаю...

— А что я могу сделать в моем положении? — рассердился Тамбинский. — Людей-то у меня нет!

— Вот я и думаю, — Гикало ударил ребром ладони по столу: — Хватит вам быть «сотрудником адмхозотдела». Обстоятельства требуют по-настоящему укрепить разведку и нашу, советскую, если можно так выразиться, контрразведку. И заниматься этим должен солидный орган, например, военная комендатура.

Комендантом назначим вас. Завтра же представьте мне соображения о штате комендатуры, включая следственную комиссию...

У Тамбинского округлились, расширились глаза. Ошеломленный, сидел неподвижно несколько секунд. Потом вдруг вскочил и пошел к Гикало с объяснениями:

— Коля, милый, дай я тебя поцелую, какой ты умный!

Только узкий круг ответственных товарищей знал, чем в сущности занимается «сотрудник адмхозотдела», недавний масленщик со Старых промыслов Тамбинский. Да, он добывал канцелярские принадлежности и распределял их среди совслужащих. Но это было для вида. Главным же образом, Тамбинский вел трудную и сложную разведывательную работу, был полностью ответственным за нее перед Совдепом. Контрреволюция пакостила ежедневно, а помощников у Тамбинского — только название: два агента-разведчика из раненых красногвардейцев-инвалидов — Кадушкин и Кочкарев, вот и все. Да кое-когда, выполняя просьбу Тамбинского, печатала для него под строгим секретом бумаги машинистка одной из контор Наташа Доброва. Сам вел допросы и следственные дела, ночами просиживал над обвинительными заключениями. На части разрывался, однако всюду успеть не мог. И вот, пожалуйста: не сотрудник адмхозотдела, а военный комендант! Тут и права, и штат, и следственная комиссия. Куда как расширяются возможности.

Гикало погладил стриженные под ежик волосы:

— Так вот, товарищ комендант, нам надо иметь в станице Грозненской своего человека. Рекомендую Петухова.

— Какого Петухова?

Тамбинский впервые слышал эту фамилию.

— Владимир Петухов служит у нас в Красной Армии, один из командиров бронеавтомобилистов. Бывший офицер, уроженец станицы Грозненской. Смышленный, умеет управлять автомобилем, знает английский язык. Состоял в разведке царской армии, говорит, что любит это дело, давно просится в разведслужбу...

— А не предаст?

— Не должен. Служит образцово. Да и что ему предавать? Задачу поставим единственную: разведай, мол, на всякий случай, как там в станице, не замышляет ли кто против Советской власти. Вот и все. И в Моздок надо слать разведчика. Мы должны знать каждый шаг предателя Бичерахова. Подберите надежного товарища. Еще что нового?

— Крестьянам невозможно выехать за город. Нападают бандиты, отбирают лошадей. Этак они уборку хлебов сорвут.

— Алдынские, что ли, бандиты?

— Какие же еще!

— Чуликов, контра, гадит. Сразу виден грубый меджлисовский почерк. — Гикало сверкнул очками. — Вышлем роты две красно-

армейцев, будут охранять крестьян. Уборку сорвать не позволим!

— Инцидента бы не произошло...

— Другого выхода нет. Постараемся предотвратить провокацию. Все новости?

— Еще одна. Попытка поджечь Старые промыслы. Веду следствие. Преступник не сознается, но улики налицо. Пойман бойцами Пролетбата у скважины, когда обливал бензином вышку, имел при себе паклю и спички.

— Вот сволочи! — Гикало сжал кулак. — Новые промыслы сожгли, теперь подбираются к Старым. Еще что?

— На сегодня все. Да ведь завтра опять что-нибудь случится.

Тамбинский поднимался, опираясь на спинку кресла. Он страдал грудной жабой. Опять перехватило дыхание, сильная боль пронизала сердце. Пот выступил на висках, набухли синие жилы. Гикало покачал головой:

— Лечиться надо, Константин Петрович...

— Пустой разговор, Николай. Разве мне до лечения?

— Погодите, погодите, — Гикало встал, положил ему руку на плечо. — Работа само собой, а сердце подкрепить необходимо. Иначе какой вы борец с контрой? Я, как вам известно, фельдшер, знаю, что нужно вашей грудной жабе. Напишу рецепт. Две аптеки в Грозном работают. Конечно, микстурой навсегда не вылечитесь, но дышать и ходить будет куда легче. — Согнувшись над столом, Гикало уже писал строчки по-латыни. — Порядочному рецепту полагается лекарская печать, да где ее возьмешь? — Пришлепнул совдеповскую печать. — Возьмите. По столовой ложке — три раза в день.

— Ладно, там видно будет, — Тамбинский, засовывая рецепт в выпуклый от бумаг нагрудный карман, направился к двери: — Пошел я...

— Отставить! — Гикало посуровел. — В целях интенсивной борьбы с контрреволюцией приказываю принимать микстуру!

Тамбинский понял, что Гикало не шутит:

— Будет исполнено, товарищ командарм!

— То-то же! Да, чуть не забыл: Владикавказ интересуется уполномоченным Совнаркома Званцевым. Вам что-нибудь о нем известно?

— Уехал в Моздок, больше не появлялся.

— Позвоните во Владикавказ, доложите, там беспокоятся.

— Наверняка в живых его нет. Ввалился в Моздок, ничего не подозревая, сразу же схватили и...

На пороге появился председатель партийной ячейки паровозного депо Дмитрий Добров. Крутнул ус, потер ладонь о ладонь:

— Можно к тебе, Николай Федорович? Пришел по такому делу... Нашлось в нашем депо около тридцати листов броневого ста-

ли, да столько же есть в вагонном депо... Был на заводе «Молот», и там имеется... Словом, поговорил с партийцами, решили своими руками построить бронепоезд, имя ему придумали «Борец за власть трудового народа». Как смотришь на это дело, Николай Федорович?

— Как я смотрю? — Гикало распахнул для объятий руки. — И он еще спрашивает... Гений вы, Дим Димыч, гений! — Обнял его. — Монумент вам надо воздвигнуть за это!

3

Проводив Тамбинского и Доброва, Гикало прошелся по кабинету. Подумал о том, что надо бы знать, как восприняли бичераховский мятеж в Чечне. Открыв дверь в приемную, сказал адъютанту:

— Если появится Асланбек Шерипов, разыщешь меня, где бы я ни был.

— Разрешите послать до них в аул нарочного? — тряхнул чубом Ястребов.

— Бесполезно. Асланбек дома не сидит.

За столом подвинул к себе почту. Только макнул перо в чернильницу, вошли военный комиссар Сафонов и вонный специалист Левандовский. Поздоровались. Приглашая садиться, Гикало показал на кресла.

Пожилой, большеголовый, совершенно седой, Сафонов говорил громко, сопровождая слова резкой жестикующей:

— По городу поползли слухи, будто Совдеп сидит на чемоданах и Красная Армия собирается покинуть город...

— Контра и баламутит народ, кто же еще?! — перебил Гикало.

— Надо бы, понимаешь, провести в городе и окружающих поселках и слободках собрания, разъяснить населению, что это брехня, дать отпор провокаторам. Вот список докладчиков, глянь!

Гикало посмотрел список:

— Со всеми согласен, а Тамбинского вычеркни. Больной он, надо его побережь. Я вместо него пойду в станицу Грозненскую.

— Тебе намечена Щебелиновка.

— А я и там управлюсь.

— Мог бы я, — заикнулся Сафонов.

— Вписываю себя! — Гикало нажал на ручку, брызнули чернила.

— Сегодня утром, понимаешь, — Сафонов потряс руками, — объявили учебную тревогу. Рота Маклакова построилась на десять минут позже других. Пять бойцов оказались в незастегнутых гимнастерках, двое без обмоток, один забыл подсумок с патронами...

Гикало вспомнил остроносенького, лобастого командира роты

Маклакова — неопрятного, с равнодушным лицом. Однажды вместо того, чтобы проводить занятия, он играл с бойцами в карты. Распек тогда его Гикало. Сейчас стукнул кулаком по столу:

— Выгнать! Его уже предупреждали.

— Ну это ты загибаешь, — возразил Сафонов. — Людей надо воспитывать.

— Это и послужит воспитанием для других. Ваше мнение, Михаил Карлович? — Гикало повернулся к Левандовскому.

Дисциплинированный, вежливый, Левандовский вытянулся, звякнул шпорами. У него был медный загар лица и усики колечками. Зеркально блестели сапоги, пуговицы кителя, пряжки наплечных ремней:

— Армия, полагаю, бывает сильна не только количеством, но и качеством. Я за то, чтобы уволить. Но нельзя не считаться с мнением комиссара...

— Уволить! — Гикало резко придавил дужку очков.

— Николай, не забывайся, я комиссар!

— Объявить строгий выговор! — Гикало свернул сигарку, пыхнул дымом. — Пригласил же я вас вот для чего. В Моздоке — мятеж. Смекайте, товарищи, он может докатиться сюда. Надо срочно позаботиться о военном укреплении города. Наша армия, сами знаете, малочисленна, пополняется весьма слабо, вербовочная комиссия работает из рук вон плохо. Так вот, Михаил Карлович, расшевелить эту комиссию поручается вам. В ближайшие дни грозненская Красная Армия, разумеется на добровольных началах, должна увеличиться, по крайней мере, вдвое. Комиссар против такого поручения не возражает?

— Поддерживаю.

— Слушаюсь! — притронулся к усикам Левандовский. — Однако военное укрепление Грозного — это не только увеличение числа армии. Мы по сути безоружны. Того, что прислал нам из Баку Степан Георгиевич Шаумян, недостаточно. Мне известно, что Сергей Миронович Киров выехал за оружием в Москву. Но Терская республика велика...

— Все это ясно, Михаил Карлович, — перебил Гикало. — Пожалуйста, конкретнее.

— Нельзя ли наладить производство некоторых видов вооружения на местных заводах? Гранат, например, бомб?.. Может быть, и патронов?..

— Идея! — подхватил Сафонов. — Говорят, в подвалах бывшего гарнизонного арсенала ржавеют неисправные винтовки и даже пулеметы. Их же можно отремонтировать!

— Только приходил из депо Добров, предлагает построить бронепоезд, я его расцеловал за это. В общем, так! — Гикало стукнул пальцами по столу. — Распределим всех ответработников Совдепа по заводам и уже сегодня начнем налаживать производ-

ство вооружения. — Подвинулся поближе к Левандовскому: — Как, вообще, живете, Михаил Карлович? Квартира вас устраивает, паек получаете регулярно? Не стесняйтесь, если в чем есть нужда, говорите.

— Спасибо, Николай Федорович, не беспокойтесь, все в порядке. Вот только... — Левандовский замялся, — такое дело... Да стоит ли об этом говорить? Впрочем... Нет, нет, не стоит, не заслуживает внимания!..

— Выкладывайте! — произнесли почти одновременно Гикало и Сафонов.

— Нет, нет, все это курам на смех, да, не заслуживает внимания! Считайте, я ни о чем не заикался.

— Ну как знаете, — Гикало пожал плечами.

Сафонов досадливо поморщился.

4

В конце Дундуковской улицы за высоким деревянным забором стояли серые, узкооконные казармы. Раньше здесь жили царские солдаты, сейчас разместилась грозненская Красная Армия. Тут же, возле обширного цементного плаца, поднялся двумя этажами белый массивный дом — бывшие квартиры офицеров. Естественно, теперь в них поселился комсостав. Одну из комнат с кухонькой выделили военному специалисту Левандовскому.

Левандовский шагнул по комнате туда-сюда, остановился, пощипал усики. Да, на приказ командарма он, Левандовский, ответил коротким чеканным словом «слушаюсь!» Иного ответа не представлял. Человек сугубо военный, он полностью, до последней клетки был предан службе, дисциплине, выполнению любого, даже, иногда казалось, неосуществимого приказа.

Примерно такое, во всяком случае трудное распоряжение — увеличить в считанные дни грозненскую Красную Армию вдвое — надо было реализовать быстро и безупречно. А как именно? «Расшевелить вербовочную комиссию»... — вспомнил слова Гикало. Но что может сделать эта комиссия, состоящая из пяти заводских рабочих, занятых весь день в цехах и способных лишь в короткое свободное время обойти несколько дворов, чтобы пригласить жителей на службу в армию? Город-то большой, а вокруг еще и поселки: Щебелиновка, Бароновка, Индюшиновка; Татарская и Еврейская слободки... Как ни шевели комиссию, многого она не даст, надо что-то другое. А что?

Глянул в окно. На плацу, отрабатывая строевой шаг, маршировали красноармейцы. В сторонке, лениво покуривая, беспристрастно наблюдал за занятиями комроты Маклаков. Недолюбливал этого остроносенького, лобастого командира Левандовский: очень уж равнодушен. Вон в той шеренге у красноармейца разматывается обмотка, но никто этого не видит. Обязан увидеть ком-

роты! Должен остановить шеренгу, сделать отделенному замечание, внушить красноармейцу, чтобы лучше следил за собой.

Недовольно вздохнув, прошел в тесную кухню. Рядом с небольшой кафельной печкой стояла в углу на табуретке походная спиртовая плитка, заправленная из-за отсутствия спирта бензином. Чиркнул спичку, вспыхнуло бледно-желтое пламя. Всыпал в эмалированный кофейник горсть цикория из жестяной банки, налил кружкой воды из оцинкованного ведра, пристроил на огне.

Вообще-то кофе любил Левандовский. Крепкий, душистый, освежающий, придающий бодрость, натуральный кофе. Но где его взять? Приходилось мириться с цикорием, все же как-то, хоть отдаленно, напоминал он кофе. А цикорий добывал сам: купить тоже негде. Цвел он среди трав тут же, во дворе рядом с плацем, яркими синими цветами. Выкапывал лопатой корни, мыл, сушил, молот кофеиной мельницей, поджаривал на сковороде...

Кофейник выпустил пар, застучал крышкой. Левандовский погасил огонь, дал осесть гуще. Присев у стола, пил, приятно обжигаясь, мелкими глоточками коричневую жидкость. «И вкусно вроде, но нет, с настоящим кофе не сравнить!»

Откуда же появилось пристрастие к дворянскому благородному напитку у человека простого происхождения?

...Его мать — прислуга в доме тифлисского богача — осталась вдовой, когда Мише исполнилось четыре года. Прошло несколько лет. Приглянулась она бравому пышноусому солдату пехотного полка Максиму Возлюбленному. Вскоре закончился срок его службы. Они обвенчались.

— Тоскливо здесь, на чужбине, — сказал однажды Максим жене. — Поедем на мою родину.

Они очутились в станице Николаевской Терской области.

Бедная, безлошадная семья Возлюбленного была совершенно бесправной среди станичных, в основном зажиточных казаков. Неграмотные мать и отчим Миши могли выполнять только черную работу: полоть чужие огороды, чистить коровники. Миша ходил в начальную школу, как мог помогал по дому. Жили впроголодь, едва сводили концы с концами.

— Подохнем мы здесь, — рассудил отчим, — давайте подаваться в Грозный: может, там повезет?..

В Грозном мать стала прачкой, отчим — чернорабочим на нефтеперегонном заводе, Миша — на том же заводе — масленщиком.

Отчим был с Мишей ласковым, ни разу не поднял на него руку, никогда не сказал грубого слова. Беседовал же, учил, наставлял часто. Как-то посадил рядом с собой, погладил по голове:

— Люблю тебя, Михайла, как родного сына, счастливой судь-

бы желаю тебе. А потому слушай меня и исполняй: учиться надо, учиться! В люди оно выведет, ученье!

И Миша стал готовиться в реальное училище. После изнурительного двенадцатичасового рабочего дня на заводе до позднего вечера просиживал он над учебниками. Помогали заботливая внимательность отчима, ласковая его поддержка.

Когда у Миши начинали слипаться от усталости веки, отчим говорил:

— Отбой. Допускается удовольствие побаловаться кофеем.

Простой чернорабочий, отчим однако следил за собой тщательно: был всегда старательно выбрит, ходил после работы чистым, выглаженным, с душисто напomaженными усами, в сияющих ботинках. Курить старался хоть и дешевые, но папиросы, пил только натуральный кофе, приобретая его иногда за последние деньги.

За чашкой кофе позволял себе расстегнуть рубашку. Наливал кофе Мише, гладил свою широкую грудь, поучал пасынка:

— Ублажать себя кофеем — благородно и полезно, упраздняет телесную усталость и прибавляет разуму. Не перечу, даже рекомендую. Баловаться вином категорически воспрещаю: вредит телу, делает человека свиньей и дураком. Эвон какие офицера, помню, в Тифлисе поспивались, стали ни к чему не пригодные.

Постепенно Миша влюбился в отчима, в его привычки, поучения и рассуждения. А к кофе так пристрастился, что обходиться без него уже не мог.

Год еще оставался до экзаменов в реальном училище, а отчим беспокоился о дальнейшей участи пасынка:

— Не пойти ли тебе, Михайла, по военной линии? Быть офицером, учить ратному делу солдат, защищать от нападения врага родное отечество — почетно и благородно. Выбери-ка время, да почитай сии книжечки...

Книжки эти были «Строевой устав», «Устав караульной службы», «Наставление по стрелковому делу», «Наставление по тактике сухопутных войск», издавна хранившиеся у отчима.

Так, одновременно с окончанием реального училища, Михаил уже многое знал из военной науки, даже некоторые тактические задачи мог решить.

Настала пора идти в военное училище, но и отчим, и Миша вдруг засомневались: примут ли? Во-первых, не того он, Левандовский, происхождения — в такие училища брали в основном дворян, но отнюдь не сыновей прачек и чернорабочих. А во-вторых, был он на учете в полиции и жандармерии.

В Грозном происходили классовые столкновения. На Дровяной площади собралось на митинг множество рабочих. Ораторы-большевики призывали усилить борьбу против самодержавия. Нагрянула полиция. Рабочие не подчинились требованию разойтись. Прибыли две роты солдат. Они отказались применить силу и ору-

жие против рабочих. Прискакала сотня казаков, врезалась в толпу, начала стегать нагайками. Но неожиданно в казаков полетели увесистые поленья дров, что штабелями высились для продажи на площади. Это Миша Левандовский и его друзья придумали такой метод против казаков. Дровами воспользовались и рабочие. Не выдержав дружного натиска, избитые казаки убрались восвояси.

Участвовал Левандовский и в маевках, посещал нелегальные собрания...

И вот теперь приходилось гадать: доступно ли ему после всего этого военное училище? Однако привыкший уже к мысли быть военным, об иной профессии Миша думать не хотел.

Вряд ли бы, конечно, он стал офицером, если бы не счастливый случай.

Пришел как-то отчим домой радостный, возбужденный:

— Варя... Михайла... Кого я сейчас встретил! Батальонного командира, у какого служил в Тифлисе. Подполковником он был тогда. Прекрасной души человек, отцом родным мы, солдаты, его считали. Иду, значит, по Дундуковской, гляжу, мне навстречу — полковник. Батюшки, он! Высокий, моложавый, грудь вперед, ноги не идут — печатают. Забыл я, что давно уже не солдат, вытянулся в струнку: «Здравия желаю, ваше высокоблагородие!» Остановился он, присмотрелся: «Никак четвертого взвода второй роты рядовой Возлюбленный?» — «Так точно, ваше высокоблагородие!» — «Отчего это ты здесь, братец?» Рассказал ему, что живу тут, отслужившись. А он мне: перевели, мол, его из Тифлиса, командует теперь здесь полком. Я сдуру и выпалил ему все как есть, начистоту. Так и так, дескать, ваше высокоблагородие, сын у меня приемный очень способный для военной службы. Книжки военные читает, все уставы изучил, тактические задачи, словно офицер, решает. В военное училище ему до смерти охота. Помогите в таком деле, не по уму мне это, не по силам. Сразу он не ответил, подумал. Подумал и говорит: «Не знаю, не знаю, братец, примут ли? Не такого он происхождения, чтобы приняли. Впрочем, я наведу справки, вроде, есть одно училище, куда принимают детей отличившихся солдат и унтер-офицеров. Служил ты Отечеству верой и правдой, больше чем превосходно, ротный тобою был всегда доволен. Постараюсь, пожалуй, помочь, напишу рекомендацию, как сыну примерного солдата, хотя за успех не ручаюсь. Приходи дня через два ко мне в полковую канцелярию. — Отчим перевел дух и продолжал: — Все пойдем к их высокоблагородию. Когда войдем в кабинет, ты, Михайла, тянись перед полковником в нитку, ты, Варя, вались на колени, крестись на него, как на икону, и все время приговаривай: «Смилуйся, ваше превосходительство, не откажи, век буду помнить доброту!» А уж что мне делать, я знаю.

Через два дня они подошли к казармам. Часовой у ворот до-

ложил о прибывших по телефону дежурному офицеру. Получил разрешение пропустить.

Полковник сидел в просторном кабинете за широким письменным столом.

— Ваше высокоблагородие, — начал отчим, — способный для воинской службы наш мальчонка...

Полковник перевел взгляд на Мишу. Он стоял прямой, подтянутый, неподвижный, с припаянной к картузу рукой — образец выправки и для иного офицера. А мать его, повалившись на колени, забыла, что надо говорить и твердила одно и тоже:

— Ваше превосходительство... Ваше превосходительство...

— Встань! — страшно заорал на нее полковник. — Встань, глупая! Не позволю женщине валяться у меня в ногах. Сейчас же встань, иначе откажу!

Испугавшись отказа, она мигом вскочила и, поперхнувшись на полуслове, замолчала.

— На тебе, юноша, мою рекомендацию, — протянул полковник бумагу, — езжай с богом в училище, желаю удачи.

Мать часто обстирывала семьи офицеров. На следующий день она обошла офицерских жен, попросила повлиять на мужей, чтобы и они дали ее сыну рекомендации.

Вскоре Михаил с несколькими рекомендательными письмами уехал в Петроград во Владимирское пехотное училище.

Вступительные экзамены он сдал успешно. Учился отлично. На выпускных экзаменах ему задали трудную тактическую задачу: «Прорыв с малыми потерями хорошо укрепленной обороны превосходящего силами противника». Он, дерзко споря с оппонентами, защитил ее блестяще. Ему дали еще задачу, ничуть не легче: «Форсирование водной преграды примитивными средствами, захват плацдарма противника, расширение его и развитие наступательной операции». И эту решил. Бывалый седой генерал — начальник училища восхищенно хлопнул выпускника по плечу:

— Умен ты, поручик Левандовский, далеко пойдешь, сукин сын. Пошли-ка я тебя на стажировку в Генеральный штаб.

На другой день Левандовский облачился в мундир поручика, хотя остальные выпускники получили лишь звание подпоручика. Для проверки, на что способен новичок, в Генеральном штабе ему велели разработать план условного наступления, притязав его к конкретной местности. Он получил данные, обложился картами. План начальству понравился. И еще несколько раз отличился по службе Левандовский. Ему присвоили чин штабс-капитана.

Однако не всем пришелся по душе талантливый офицер. Иные посчитали его выскочкой, намеревающимся занять чье-то место. Вокруг Левандовского начали плестись интриги. Он подал рапорт о переводе в обычную часть. Получил направление в Горький

пехотный полк. Здесь начал было готовиться в Академию Генерального штаба, но летом 1914 года началась война, и Левандовский попросился на фронт.

Он не вникал пока в программу большевиков по отношению к империалистической войне, считал, что долг офицера повелевает ему защищать Отчизну от иноземного врага. Но позже разобрался что к чему. Революционные солдаты избрали его заместителем председателя Совета солдатских депутатов и командиром автоброневоего дивизиона. Этот дивизион отличился в первом же сражении с мятежным генералом Красновым у Пулковских высот.

Победила Октябрьская революция. Левандовский возвратился в Грозный. Явился на завод, где когда-то служил масленщиком. Вступил в заводскую роту самообороны по защите завоеваний Октября. Учил рабочих военному делу. Стал военспецом, организатором грозненской Красной Армии.

...Очнувшись от воспоминаний, вздохнул глубоко, выпил еще чашечку цикория. Однако надо было выполнять задание командарма, а он, Левандовский, до сих пор ничего не придумал. Пошел в комнату: ковер на стене, портреты отца, матери и отчима, плюшевый диван, ворсистая дорожка на полу, солдатская койка, несколько стульев, письменный стол. А на столе — разорванный синий конверт, рядом — исписанный тетрадный листок.

Еще раз прочитал этот листок. Кто-то каллиграфическим почерком, старательно и разборчиво, предлагал Левандовскому все, что он пожелает, вплоть до собственного дома со всей обстановкой и красивой образованной невестой, если уйдет навсегда из Красной Армии и явится в течение трех дней в станицу Грозненскую, к зданию бывшего казачьего правления, где его достойно встретят, устроят на большую почетную должность и сразу же дадут высокое воинское звание.

Левандовский заложил бумагу в конверт, сунул в стол и задумчиво подошел к окну. На плацу занималась рота Маслова. Нравился Левандовскому этот молодой синеглазый комроты. Всегда любовался его безупречной выправкой, четкими командами, умными наставлениями бойцов. Вот и сейчас. Не стоит в стороне равнодушно, а ходит между марширующими шеренгами, смотрит, что-то замечает, останавливает, поправляет, сам показывает, как надо вырабатывать бодрый армейский шаг.

И вдруг тут ему пришла мысль: увеличить вербовочную комиссию: не пять человек должно быть в ней, а тридцать, сорок, даже пятьдесят! Туда же включить командиров Красной Армии — ротных, взводных, отделенных и лучших, более сознательных, красноармейцев. Распределить всех по городским кварталам, поселкам и слободкам. Каждый день после работы на заводах и армейских занятиях вести с жителями разъяснительную работу. О результатах вербовки каждодневно докладывать командарму или комиссару.

«Полагаю, задание таким образом будет выполнено в ближайшие дни!» — удовлетворенно пощипал усики.

В кухне погрыз сухую воблу, пожевал черный хлеб, выпил еще чашечку уже остывшего цикория. Подумал, что пора бы жениться, надоела одинокая жизнь. Но ведь для того, чтобы выбрать невесту, надо знакомиться с женщинами, ухаживать за ними. А где для этого время? То учеба, то война, потом революция, а теперь — заботы о грозненской Красной Армии...

Одернул перед зеркалом китель, ту же затянул пояс, поправил наплечные ремни. Пристегнул к поясу шашку, кобуру с револьвером, полевую сумку. Причесался на пробор, разгладил усики. Натянул, сдвинув слегка набок, фуражку с самодельной жестяной звездочкой. Позванивая шпорами, пошагал через плац в служебный кабинет, расположенный рядом с армейской канцелярией.

Из канцелярии навстречу Левандовскому вышел чисто выбритый, но не очень подтянутый дежурный по гарнизону. Не стараясь соблюдать выправку, доложил, что происшествий за время дежурства не произошло. Протянул синий конверт:

— Письмецо вам, товарищ военспец.

На конверте, таком же как и на том, что был дома, каллиграфический старательный почерк.

«Не отстают!» — подумал Левандовский. Поблагодарил дежурного, велел позвать командиров. Шагнул в кабинет: просторный, но из-за узких окон мрачноватый, со старинным письменным столом, длинными рядами стульев вдоль серых, давно не беленых стен. Снял с телефонного аппарата трубку, покрутил воркующую голубем ручку. Доложил Гикало, каким образом намерен усилить вербовку в армию. Получив одобрение, попросил расширить вербовочную комиссию и за счет рабочих. Доложил и военному. И тот утвердил.

В кабинет входили, козыряли, докладывали о прибытии командиры. Выслушав разрешение садиться, опускались на стулья. Были тут молодые и пожилые, одетые во что попало, больше в старые, оставшиеся от царской армии вылинявшие брюки и гимнастерки. Все — в обмотках, только один комроты Маслов в сапогах.

Левандовский объяснил задачу. Никто не возразил. Поднял руку, пожелал сказать остроносый, лобастый Маклаков:

— Полагаю, — он явно передразнивал Левандовского, имеющего привычку произносить это слово, — полагаю, — усмехнулся, — такое отвлечение комсостава от основных обязанностей может снизить боеспособность вверенных нам подразделений.

— Полагаю, — нажал на это слово Левандовский, — вверенному вам подразделению не грозит снижение боеспособности. Я освобождаю вас от участия в вербовочной комиссии. Полагаю, что, пользуясь этой возможностью, вы уделите больше внимания дис-

циплине, учебной и воспитательной работе во вверенной вам роте и постараетесь сделать ее образцовой. Товарищи командиры, с завтрашнего дня выполняйте поставленную перед вами задачу. Если ко мне нет вопросов, вы свободны.

Командиры поднялись.

— Не паясничай бы ты, Маклаков! — услышал Левандовский недовольный голос Маслова.

Когда все ушли, вскрыл синий конверт:

«Уважаемый Михаил Карлович! Мы продолжаем ждать вас в условленном месте. Однако вы не являетесь. Очень жаль, для вас же хуже. Все-таки надеемся на встречу в любое время, удобное для вас, в ближайшие три дня, с 6-ти утра до 10-ти вечера. Ждем и надеемся».

Левандовский сунул письмо в карман, одернул китель и направился в станицу Грозненскую.

5

Кабинет Гикало был переполнен. В нем собрался актив Совдепа: рабочие, служащие, казаки, крестьяне. Они принесли сюда запах нефти, бензина, металла, древесных стружек, земли, свежескошенного сена — запах тех мест, где работали и откуда сюда пришли. Сидели, поглаживали усы или бороды и внимательно слушали.

— Вот я и думаю, товарищи, — говорил Гикало, поправляя иногда очки и притрагиваясь к ежику волос, — нам по крайней мере двести наиболее бедных и многодетных семей надо немедленно переселить из сырых подвалов и ветхих бараков в нормальное жилье. Для этого придется потеснить буржуазию, иного выхода пока нет. Вам поручается осмотреть дома богатых и определить, сколько оставить для господ комнат в зависимости от числа семьи. Четыре-пять человек — две комнаты, два человека — обойдутся одной. Дать срок потесниться в течение трех дней — больше мы ждать не можем — и начинать переселение. Освободившиеся бараки отремонтировать, перестроить, сделав их уже не общего типа, а разделив на сравнительно просторные и удобные квартиры. Оббить дранкой, заштукатурить, побелить. Таким образом, по моим подсчетам, мы сможем обеспечить неплохим, на первых порах, жильем еще примерно сто семей, ютящихся в темных и тесных самодельных землянках. Тес на мебельной фабрике есть, сам видел, для перестройки бараков вполне годен. Далее, был на кирпичных заводах, видел: все вокруг завалено штабелями прекрасного кирпича. Смекайте, мы можем строить новые дома. Двери, дверные и оконные рамы для них готовить на той же мебельной фабрике. Прошу поскорее выявить, сколько найдется у нас каменщиков и плотников. Транспорт — брич-

ками, телегами для перевозки кирпича и древесных изделий — думаю, помогут крестьяне. По моим расчетам, уже в этом году сумеем воздвигнуть несколько домов, расселить в них семьи рабочих, живущих где попало и как попало, в случайных халупах... Это мое мнение, товарищи, возможно, кто дополнит, подскажет...

Зашевелились в кабинете, прокашлялись, загомонили:

— Правильно, чего там?..

— Согласны, Николай Федорович, одобряем...

— Давай, говори, куда кому, пойдем выполнять...

Шагнул из угла помначперотдела штаба Красной Армии Пулер, потербил смолянистую эспаньолку:

— Как понимать, Николай Федорович, потеснение граждан в их домах? Не будет ли это насилием?

— Это будет, — выше поднял голову Гикало, — справедливым распределением жилой площади, с учетом нуждаемости. Граждане буржуи от этого не пострадают, а сотни гибнущих от чахотки в землянках и бараках людей, в том числе и детей, получают нормальные условия быта.

— И все-таки это насилие над личностью, — не унимался Пулер, — что не может не снизить авторитета Советской власти.

— А я так думаю, — резко встал из-за стола Гикало, — Советская власть никогда не будет пользоваться авторитетом у буржуазии, в чем не особенно нуждается. Для пролетариата же она обязана делать все, что в ее силах.

— Хватит, товарищ Пулер, разводить демагогию! — отозвалось несколько голосов.

По кабинету пошел гул. Гикало поднял руку. Наступила тишина.

— Разрешите сказать? — вышел на середину кабинета казак станицы Грозненской Василь Дубков. Помял в руке старую шапочку, переступил с ноги на ногу, стесняясь своих стоптанных ичигов. — Рядом с вокзалом — несколько пустующих домов. Сбежал начальник станции, также железнодорожные чиновники, станционные жандармы и полицейские, офицеры стрелковой охраны. Шутка дело, пустует столько домов...

— Спасибо, товарищ Дубков, — Гикало подошел к нему, протянул руку. — Обращаюсь ко всем: присмотритесь хорошенько, может быть, еще где обнаружите пустующие или недозаселенные дома, сообщите, пожалуйста, Совдепу...

Снова возник гул, все утвердительно закивали.

— Второй вопрос, товарищи, — Гикало сел, посмотрел перед собой в бумагу. — Плохо у нас дело с базарами, очень плохо. Пусты они, кроме кукурузы ничего нет. То, что дает нам продразверстка, едва хватает на паек — фунт-полфунта хлеба на человека в день. Вот тут и купить бы что-нибудь вдобавок на базаре... В качестве продразверстки мы берем только зерно, платим

за это по твердым ценам. Но у казаков и крестьян, конечно, остаются излишки, а уж сало, картофель и еще кое-что, не предусмотренное проработкой, несомненно, имеется, а скоро арбузы начнутся, помидоры... Нам надо, товарищи, ехать в станицы и села, приглашать казаков и крестьян в город торговать на базарах всем, чем они смогут, и по какой угодно цене. Тут уж диктовать цены мы не можем...

— Вполне разумное предложение, — отозвался, теребя эспаньолку, Пулер, — без насилия и реквизиции...

— Благодарю за поддержку, — поклонился Гикало.

Все засмеялись.

— Третий вопрос. Непокойно в городе. Воров с каждым днем прибавляется. Ограбили склад бывшего купца Чернявского, унесли более тридцати тюков мануфактуры. Кое-кого из воров поймали, но, к сожалению, не всех. Мы намерены были открыть на днях в городе кинематограф, едва успели соорудить экран и расставить в зале стулья, полотно с экрана сорвали, а стулья растащили. Сторож оказался избитым и связанным. Позавчера напали на аптеку, ограбили кассу. Сейчас заканчиваем оборудовать отремонтированную городскую больницу, боюсь, пока мы примем больных, все в ней разворуют. К чему я это говорю? Слабо мы патрулируем город. Красноармейцы и отряды самообороны не справляются. Как было бы хорошо, если бы актив помог Совдепу и в этом. Каждому из вас, как я подсчитал, выпадает поохранять город в ночное время, с напарником, конечно, и с оружием, один раз в неделю. Не так много, правда? Не сказал бы, что занятие это из приятных, но...

Помолчали в кабинете, подумали, наконец откликнулись:

— И буржуев уплотнять, и...

— Успеем ли всюду?..

— А кто за нас будет делать? Дядя?

— Согласны и патрулировать!

— Предлагаю резолюцию, — Гикало прочитал по пунктам краткое изложение поддержки того, о чем он сейчас говорил. — Кто «за»?

Дружно поднялись руки.

— Кто «против»?

Не дернулась вверх ни одна рука.

— Кто воздержался?

Одиноко вытянул руку Пулер.

Проводив всех к двери, Гикало закурил, вынул из шкафа и разложил на столе испещренный карандашом лист меловой бумаги. Изображались на нем квадраты, длинные прямоугольники, круги, овалы, изгибы...

Это был план застройки и благоустройства города. Гикало работал над планом урывками, часто ночами, упоенно, с наслажде-

нием, четко представляя просторные дома, светлые квартиры, зеленые от деревьев и пестрые от цветов, чистые, мощенные булыжником и камнем площади и улицы. Старательно наносил изображения новых кварталов, парков, цветников и скверов. Замыслил председатель Совдепа сделать Грозный красивым городом-садом.

Уселся поудобнее, взял в руки линейку и карандаш. Думал, рассуждал про себя, курил и чертил. Что-то стирал ученической резинкой, снова чертил, перечерчивал... Иногда откидывал голову назад или вбок, любовался планом и снова чертил...

Очнулся от ощущения сильного голода. Только сейчас вспомнил, что с утра, занятый делами, еще ничего не ел...

6

Сказав адъютанту, что съездит пообедать, Гикало вышел на улицу. Под лопочущим на ветру тополем ждало средство передвижения: побитый и погнутый, без башни, непригодный к бою броневичок.

Звякнув дверцей, сел рядом с молчаливым шофером. Тот передвинул рычаги, броневичок рыкнул, фыркнул и понесся, дребезжа всеми своими железками, отсчитывая дома, улицы и переулки.

Солнечным сегодня был Грозный. И ветреным. Ветер подмел улицы, отогнал дым пожарища. Солнце, стараясь принарядить, обливало город сиянием. Но бессильно было оно в своем старании. Уродливо выглядело почти все, что лепилось по берегам мутной Сунжи: саманные халупы с подслеповатыми окошками, хилые деревца, ветхие заборы. Девять десятых городской площади занимало это убожество. Здесь ютился рабочий и ремесленный люд, бедные крестьяне, мелкие торговцы, нищие, живущие на подаяния.

И только вон там, в сторонке, поднимались, как цветы над пеплом, красивые широкооконные дома из малинового кирпича и белоснежного туфа, с лепкой и балконами. Жили в них богачи. Были тут их конторы, магазины, игорные дома, рестораны. Вот и принял Совдеп постановление потеснить бывшую знать, отдать часть жилой площади бедным, многодетным семьям трудового люда.

Броневичок дребезжал до такой степени, что заложило уши. Но виляла уже вкривь и вкось вся в плетнях и глиняных мазанках родная улица. Убогая и неказистая, прошла она через все безрадостное полуголодное детство Николая, сына отставного фельдфебеля. Летом была горяча от солнца, и на тех вон тутовничках начинали розоветь ягоды. Но попробовать их спелыми так и не довелось. Обрывал, как и другие голодные мальчишки, задолго до созревания. А вон любимый тополь. Бывало, взбирался Николай на самую верхушку. Прибегала соседская девчонка Настя,

задрал голову, кричала: «Колька, можно до тебя?» Махал ей рукой: «Давай, лезь!» Усаживались рядом. Ветка гнулась и трещала под их тяжестью, качалась от ветра. А они блаженно любовались блеском и живописными извилинами Сунжи, синими башлыками взгорий за городом и прекрасными пиками кавказского хребта: сверкающим нагромождением хрустала в чистом утреннем воздухе или небрежно разбросанными голубовато-рафинадными кусками сахара в воздухе, подернутом вечерней дымкой.

По этой улице бегал Николай в четырехклассное городское училище. По ней отправился на первое собрание подпольного революционного кружка. Отсюда уехал в тифлисскую военно-фельдшерскую школу. Возвратился уже зрелым большевиком и сразу очутился в гуще борьбы среди единомышленников-коммунистов.

Быстро, точно этот броневилок по улице, промчалось детство. Покоился от времени тополь. Всем сердцем полюбил Николай девушку Настеньку. Закалившись в борьбе за большевистскую правду, стал командовать армией, руководить Совдепом.

Плоский продолговатый дом вытянулся вдоль улицы, неярко белел облупившейся известью. Здесь на квартире жила семья Гикало. Броневилок остановился, и стало слышно, как шуршат гонимые ветром обрывки газет, скрипит над домиком, размахивая желтоватыми листьями, акация.

Открыл дверь в кухню. Мама сидела у плиты на скамейке, крутила ручную мельницу, молола кукурузное зерно. Вечная нужда рано согнула и состарила ее. Но, увидев сына, как бы помолодела. Разгладились морщины на лице, порозовели бледные губы. Радость понятна, не каждый день видела сына. Часто, занятый до поздней ночи, он не находил времени добраться к дому, ночевал в кабинете или красноармейской казарме.

Поправив клубок седых волос, скрученных на затылке, сказала:

— Пообедай, Коля.

Сняла с него кубанку, кобуру с маузером, повесила на гвоздь, вбитый в стену. Пришла с занятий скуластенькая, как и Николай, сестра Вера. На обложке книги, которую держала в руках, — красный крест и название: «Обязанности сестры милосердия». Вера училась на медицинских курсах.

Она полила из кружки брату на руки, подала полотенце. Соседняя с кухней комната заставлена опрятными кроватями, столом под льняной скатертью, громоздким гардеробом. Со стены смотрит из крашенной бронзой рамы добродушный, в мундире с погонами фельдфебеля отец. Он умер уже.

Мама принесла укутанную тряпичей кастрюльку. Открыла крышку, запахло распаренной кукурузой. Глаза бы на нее не смотрели, так надоела! Мама, как бы оправдываясь, сказала:

— Была сегодня на двух базарах, а Вера бегала на станичный — нигде ни одной картофелины...

Разлила по тарелкам жидкую мамалыгу. Сели за стол. Вера поковырялась ложкой, хлебнула:

— Казаки-то в станице — сы-ы-тые... Видно, есть у них всякие запасы, а базар станичный пустой...

Мама пожала плечами:

— Не торгуют, чтобы нас, городских, голодом заморить!

— Контра! Что вы от нее хотите?! — Глядя на маму, Николай энергично принялся за еду.

Мама ела сосредоточенно, не подавала вида, что невкусно. Ей так хотелось, чтобы дети не встали из-за стола голодными.

Николай расспросил Веру, как она учится. Ответила, что хорошо, все на курсах понятно, не терпится поскорее закончить и поступить на службу.

Когда тарелки опустели, мать с надеждой глянула на сына:

— Может, вздремнешь малость? Я разберу постель...

Уж очень хотелось матери, чтобы задержался он в доме лишнюю минуту. Когда теперь явится? Тоскливо без него, тревожно. Не могла оторвать от сына глаз. Но он покрутил головой: нет, нельзя! Схватил шапку, маузер, заторопился. День на исходе, а многое еще надо сделать!

Вера убирала со стола. Мама, провожая Николая, сказала:

— Настенька тебя что-то спрашивала. Может, забежишь на минутку?

Николай растерялся. Так хотелось увидаться с девушкой, но не могли ждать ни минуты нерешенные служебные вопросы. Подумал, махнул рукой, поцеловал маму в щеку и, открыв калитку, побежал к соседнему дому. Настенька стояла у ворот, перебирала перекинутую через плечо длинную косу. Увидев Николая, пошла навстречу.

— Здравствуй! — протянула руку. — Как давно мы не виделись...

— Все некогда, Настенька. Приходи к вечеру в парк, посмотрим с тобой «Вишневый сад» Чехова. Хорошо?

— Ой, как хорошо! — обрадовалась она. — Только не задерживайся, Коля. Ладно?

— Ладно! — он поспешил к броневичку.

Снова дребезжало железо, мелькали дома, улицы и похожие на пустыри, городские площади.

В приемной адъютант доложил:

— Вестовой за товарищем Асланбеком все ж таки посылался. Но их, товарища Шерипова, найти не удалось. По аулам мотаются...

Гикало поморщился: адъютант самовольничал. Вошел в кабинет, сел за стол, углубился в бумаги. Багровые подпалины гасли

на оконных стеклах. Дочитать до конца почти не удалось. И встреча с Настенькой не состоялась. Широко распахнув дверь, Ястребов сообщил с порога, что убили часового и подожгли склад, где хранился неприкосновенный запас продовольствия для Красной Армии. Гикало выругался, сунул адъютанту бумаги и побежал к броневику.

7

Левандовский приближался к бывшему станичному правлению, каменному дому с дверями и ставнями, заколоченными крест-накрест досками. Прохожие казаки злобно косились на фуражку с пятиконечной звездочкой. Падало за дальние акации расплывчатое солнце, мычали возвращавшиеся с пастбища коровы.

Вышли из переулкa трое. Один в новой черкеске с нарядными газырями из слоновой кости и кинжалом с такой же рукоятью и наконечником на ножнах. Двое — в обычных европейских костюмах. Судя по выправке, несомненно офицеры. Подошли к заколоченному дому, подождали Левандовского. Приятно улыбаясь, откозыряли, протянули, здороваясь, руки. Левандовский пожал их.

— Это мы вам писали, — выступил вперед тот, что в черкеске. — Искренне рады вашему приходу, горячо приветствуем согласие. Отправимся, уважаемый Михаил Карлович, сразу в предназначенный для вас дом, где все подробно обговорим за бутылкой шутовского, в приятной компании...

Левандовский покрутил головой:

— Я пришел сюда с единственной целью просить вас, чтобы не писали мне больше писем. Они неприятны мне. Полагаю, не стоит зря переводить время.

— Как? — ошарашенно отступил тот, в черкеске. — Вы пришли с отказом?!

— Да!

И те двое непонимающе пялили на Левандовского глаза.

— Неужели вы, вы, штабс-капитан... — нервничал тот, в черкеске, — штабс-капитан, блестящий офицер генерального штаба, преданы этим... этим... Как их? Большевикам?

— Я предан, — говорил Левандовский твердо, голову старался держать выше, — своему народу, своей Родине, людям, совершившим справедливую революцию. Не смею вас больше задерживать.

— Михаил Карлович, — старался тот, в черкеске, — мне стыдно и горько за вас. Большевики вас погубят. Увянет ваш прекрасный талант, скажу — полководца. А в наших рядах вы расцветете, как лотос, возрожденный из пепла.

Левандовский брезгливо поморщился:

— Не старайтесь говорить красиво, вам не идет быть артистом. Я сказал все, что был намерен сказать. Еще раз, господа:

согласия . не ждите! — приложил руку к козырьку. — Прощайте!

— Одну минутку, — притронулся к его плечу один из тех, что в европейском костюме, — вы еще не слышали наших условий. Сегодня же — чин полковника, в ближайшее время — генерал-майора...

— Высокую командную должность, — подхватил второй, в европейском костюме, — о которой вы даже не посмеете мечтать у большевиков!

Левандовский круто повернулся и зашагал так быстро, что шпоры издавали непрерывный звон. Ему кричали вслед:

— Мы подождем еще три дня, если не получим согласия, начнем охотиться за вами, как за глупым, несчастным, диким зверем!

Никогда еще не злился Левандовский так сильно, как сейчас. Туго сжал губы.

8

С памятной ночи, когда Малюта вынудил Акима Хрящева работать на мятежников, прошло несколько суток. Несмотря на короткий срок, Хрящев сделал многое.

Он, проводив тогда Малюту, до рассвета сидел в раздумье, курил папиросу за папиросой и пришел к выводу, что от жандарма не отделаешься: глазом не моргнет, пристукнет из-за угла либо и впрямь даст знать в Совдеп. Если же вернутся старые порядки, он, Хрящев, в обиде не будет, определенно станет обладателем поместья.

А в глубине души посасывало: зря загубил Марью, оказывается, не одна она помнила его прошлое; предала бы она или нет, а вот Малюта в случае неповиновения точно загубит!

Марью похоронил пышно, с цветами, священником и певчими. Но поминальный стол был скудным: не хотел, чтобы люди догадывались о продовольственных запасах. В день похорон пополз слух о моздокском перевороте. Слова Малюты сбывались. Не раздумывая больше, Хрящев горячо взялся за дело.

Вспоминая адреса, от утренней зари до поздней ночи шагал он по улицам Грозного, поселков и слободок. Осторожно стучал в двери, заходил в дома.

По-разному встречали его люди, связавшие себя когда-то с жандармерией. Одни, узнав о цели посещения, гнали его к чертовой матери, обещая заявить куда следует. И он убирался по-добро-поздорову. Другие слезно просили оставить их в покое, не тревожить прошлое. В таких случаях, беря пример с Малюты, Хрящев нагнул, совал кулак под нос, грозил Совдепом и добивался согласия. Третьи, кажется, только и ждали его прихода,

крестьян от умиления, соглашались выполнять любое задание. Были и такие, которые требовали за дело деньги, и Хрящев обещал оплату. А иные, как выяснилось, сложа руки не сидели, хрящевского толчка не ждали, по собственной инициативе активно действовали против Советской власти с первого дня ее существования.

Словом, Хрящев обзавелся агентурой, разбил ее, как учил Малюта, по группам, назначил резидентов. И себе взял группу.

И вот усталый, но довольный, возвращался он поздним вечером домой, чтобы наконец отоспаться. Надоедливо мерцало пожараще, в такт мелькали звезды. Шел, сокращая путь, широким пустырем. Скопище теней кишело в бурьяне, путалась плохо заметная тропинка.

Черное вынырнуло из бурьяна. Хрящев неожиданно получил удар в затылок и упал. Ему закрутили веревкой руки, затащили в канаву. При свете пожараща узнал склонившегося Малюту:

— Докладывай, что сделано по моему заданию?

Смутно сообразив, что Малюта умело лишил его, Хрящева, способности сопротивляться и теперь требует отчета, поспешно залепетал о сделанном.

— Врешь! — не поверил Малюта и крепко потряхнул Хрящева.

При этом с Малюты свалилась фуражка, и Хрящев в ужасе увидел невероятное: у Малюты вдруг появилось второе лицо. То, первое, как всегда бледное, точно у мертвеца, было тоже не из приятных, но это, второе, возникшее чуть повыше, наводило страх: синее, клыкастое, рогатое, как у черта.

Малюта пошарил в траве, нашел фуражку, и черт исчез. Малюта сунул Хрящеву под нос холодный ствол. нагана и сказал злым шипящим голосом:

— Буду проверять. Познакомишь меня с каждым человеком. Веди. Если сбредал, доживаешь последние дни.

Развязал руки. Но Хрящев лежал, как парализованный, не мог прийти в себя: кто же все-таки Малюта, человек или черт? Но кто бы он ни был, шутки с ним плохи: прибьет, как муху.

Малюта бесцеремонно поднял Хрящева пинком, и они отправились по квартирам.

Двое суток представлял Хрящев людей. И одного только пришлось приводить в повиновение заново. Этот недавний приказчик в магазине купца Чернявского был опрятен и пригож: прилизанные волосы, правильные черты лица, губы бантиком. К тому же обладал прекрасным звонким голосом, которым, бывало, привораживал покупателей. И вот давнишний жандармский осведомитель Феоктист Криволапов вздумал юлить.

Малюта мягко спросил:

— Давал ли ты, так сказать, согласие сему Хрящеву участвовать в священной борьбе с большевиками?

Криволапов небрежно подбоченился:

— Ну и что-с? Давал по принуждению. Однако, сударь, ничем помочь не могу, не позволяет здоровье-с!

Но уже знал Хрящев от своих агентов, что кража мануфактуры из склада бывшего купца Чернявского — дело и Феокистовых рук. Только он сумел замести следы, когда другие участники кражи арестованы Совдепом. Хрящев, поддабриваясь, шепнул об этом Малюте.

Малюта терпеливо выслушал Криволапова. Потом волчьей хваткой вцепился ему в горло, повалил на стол и стал душить. Он продолжал душить ослушника, хотя у того по-рачьи выпучились помутневшие глаза, и отпустил лишь, когда жизнь Криволапова отделялась от смерти несколькими секундами: опыт у жандарма был большой.

Потом Малюта, уютно усевшись в креслице, ждал, пока Криволапов приходил в себя и набирался сил. Помог ему принять вертикальное положение и, покрутив наган под носом, произнес таким тоном, что возражать было бессмысленно:

— Да ты только вздумай еще юлить! Тогда уже я всю, без остатка, выдавлю твою поганую душу. Мануфактуру красть здоровье позволяет, а наши задания выполнять не позволяет?!

Криволапов вздрогнул:

— Знаете, выходит?..

— Я все знаю! — гордо ответил Малюта. — И запросто определю твою милость в Совдеп. Расстрел неминуем. Выбора, как видишь, у тебя нет. Завтра в десять утра жду на базарной площади в станице Грозненской. Получишь задание. Попробуй не явись, скотина!

Малюта ткнул Криволапова в грудь. Крахмальная, уже измятая манишка и вовсе сморщилась гармошкой. Голова звучно стукнулась о стену. Не оглядываясь, Малюта поспешил вон. Хрящев — следом. На улице, жмурясь от всходявшего солнца, Малюта сказал Хрящеву:

— Можно бы и отказаться от этого дерьма приказчика, но обольстил он меня своим приятным голосом. Такой голос способен повлиять на толпу. При желании обладателя. Но пусть попробует не пожсрать... Освобождаю тебя от приказчика, беру под свое начало. Показывай следующего.

Обросший дремучей бородой, резидент Трофим Синеоков Малюте понравился. Это был осторожный, опытный провокатор, служивший охранке многие годы и от всей души отправивший на каторгу и виселицу не один десяток революционеров. Люди знали его как обер-мастера литейного дела на заводе Фаньева. Когда пришла Советская власть, ошалев от злобы и огорчений, Синеоков дал зарок не касаться волос бритвой и ножницами до тех пор, пока не сгинет ненавистный Совдеп.

Как божий глас принял Синеоков задание Хрящева и сразу начал действовать. Он успел уже убить из обрез часового, поджечь военный продсклад и пустить слух: поджоги учиняют большевики, чтобы не досталось добро противнику; Совдеп сидит на чемадах, Красная Армия вот-вот покинет город.

Понравилась Малюте и Гурия Канотье — особа, тщательно, но без успеха сохранявшая остатки былой красоты. Выглядела Гурия за сорок, хотя ей не было и тридцати лет. Свою молодость и красоту вместе с настоящим именем, Лукерья Конопаткина, оставила она в веселом заведении госпожи Бисякиной на Дворянской улице. Публичный дом закрыли, мадам Бисякина сбежала, а Лукерья — Гурия, не растерявшись, занялась торговлей вразнос. Перепродавала чулки, соль, косынки, гребешки так удачно, что имела возможность одеваться в прежнем стиле и следить за своей внешностью. Некоторые мужчины еще обращали на нее внимание.

Подбритые в стрелку брови, ярко-зеленые, как стекло на изломе, глаза, золотая коронка зуба и соблазнительная походка произвели и на Малюту впечатление. А несвежего лица он не заметил.

Когда Малюта заговорил с ней, она так же, как прежде Хрящеву, бойко заявила:

— Я женщина честная и в цапки играть не собираюсь. Говорила ему и говорю вам: за деньги — пожалуйста, а за бесплатно, хоть кишки вынимайте, работать не буду!

Малюту обольстила ее откровенность:

— Вполне естественно, всякий труд заслуживает оплаты.

И тут же назначил ей крупную ежемесячную сумму, взяв к себе связной и поручив одновременно внушать населению непрочность большевизма. Прощаясь, сообщил пароль и место их следующей встречи.

9

Гурия Канотье шла по кривой шебелиновской улице. Шелковое платье, сквозь которое просвечивалось дорогое белье, шляпка со страусовым пером и туфли на высоких каблуках делали ее несколько моложе. Руку оттягивала вместительная сумка из голубой лакированной кожи.

Гурии нужны были люди. Всматриваясь в подслеповатые дома и дырявые заборы, заметила трех хозяйшек, пригорюнясь, судачивших у облезлой мазанки. Подходила к ним, чутко прислушиваясь к разговорам.

— Коли склады палят, голоду не миновать, помрем, как мухи...

— Нам-то ладно, пожили свое, детишек жалко...

— Кукуруза в горле комом торчит, да хоть бы ее вволю было...

Гурия остановилась рядом:

— А Гикала, вы думаете, кукурузным чуреком давится? Ого! Ему сдобные пироги пекут.

— Откуда знаешь? — покосилась на нее молодайка в стареньком платочке.

— Говорю, значит, знаю! — бойко болтала Гурия. — В Совдепе я служила. Сама видела. И знаю, что смываться надумал, барахло увязывает. Царская власть, бабоньки, непременно будет. В Моздоке она есть уже и сюда придет! Не верьте большевикам, плюйте им в глаза. Народ голодом мoryт! Потому из Совдепа я уволилась. Какой там Совдеп, если власть меняться скоро будет...

— Чем же ты живешь? — окинула Гурию завистливым взглядом сутулая женщина.

— Запасы кое-какие продавать приходится, вот чем! Лежал пуд соли, не мешал, а теперь вот, — Гурия печально вздохнула, — уже половину сбыла. Соль-то одну есть не будешь, хлеба за что-то купить надо. Сколько лет берегла дюжину чулков, а сейчас по дешевке отдаю.

— Эх, сольцы бы надо, щепотки в доме нет, — плаксиво сморщилась старуха в клетчатом переднике.

Гурия услужливо открыла сумку, вынула мешочек с крупной солью и невысокий граненый стаканчик.

— Пожалуйста. Сколько: стакан, два?

— А почему стоит?

Гурия назвала цену.

— Да ты что, очумела! — загалдели женщины. — Где такие деньги взять?

— Милые бабоньки, — грустно глянула на них Гурия, — что же я могу купить за копейки при такой дороговизне! Вы же знаете, почему блюда кукурузной муки... При большевиках ведь живем...

— И то верно, — примирительно вздохнула старуха. — Насыпь стаканчик.

— Мне тоже, пожалуй...

— Чулки при тебе, что ли? — спросила молодайка.

Гурия достала из сумки пару суровых нитяных чулок:

— Пожалуйста. Крепкие, навек!

Подошли еще женщины, заглянули в сумку. Попросили показать гребешки, косынки.

Бойко торгуя, Гурия не молчала. Плела на большевиков и Советскую власть все, что приходило в голову, раня в самое сердце обремененных нуждой женщин. Ушла, насовав в сумку кучу «николаевок».

За день побывала на всех шебелиновских улицах. К вечеру с остатками товара отправилась еще и по дворам.

10

Босая, в домашнем платье с синими цветочками по сиреновому полю, Наташа Доброва готовила незамысловатый ужин к приходу отца из депо.

Ужин варился в кастрюле, поставленной на два кирпича, между которыми дымили, не хотели разгораться щепки. Их собирал на улице Тимка. Керосин строго экономился.

Неподалеку на замшелом бревне сидела, вытянув больную ногу, Глафира Петровна. Она страдала ревматизмом. Болезнь обострилась, нога нудно ныла. Рядом присела забежавшая одолжить пару спичек соседка. Ахая и охая, пересказывала она печальные новости об убийствах и поджогах.

Щелкнула, открываясь, калитка. Наташа повернула голову. Во двор вошла хорошо одетая женщина в шляпке со страусовым пером.

— К вам можно?

— Отчего же нельзя, заходите, — пригласила Глафира Петровна.

Незнакомка поставила у ног женщин голубую сумку:

— Гребешки продаю вот, бабоньки, косынки, — сверкнув золотой коронкой зуба, вынула из сумки товар.

Глафира Петровна давно пользовалась маленьким остатком гребешка, но на предложение торговки покачала головой:

— Воздержусь пока — денег только на муку осталось.

— Уступлю в долг, бабоньки, — незнакомка протянула гребень.

— Нет, нет, сейчас не до этого, — отрезала Глафира Петровна.

— Ох, — сочувственно вздохнула незнакомка, — вот жизнь пошла! Гребешка человеку купить не за что... Ни денег, ни хлеба! Куда она нас приведет, Советская власть?..

— Ну что вы! — перебила Глафира Петровна. — Нечего на власть грешить. Совдеп старается. Вот уже и базары есть, и чеченцы кое-что привозят. Муки, правда, кукурузной, вполне купить можно.

Наташа наконец раздула огонь, щепки вспыхнули, пламя обняло кастрюлю. Вытирая рукавом платья слезившиеся от дыма глаза, прислушалась к разговору.

— Хм, — незнакомка презрительно вздернула подбритые брови. — Чеченцы накормят, ждите! Перережут скорее.

— Как вас зовут, милочка? — спросила незнакомку охающая и ахающая соседка.

— Гурия... — насторожилась она. — А что?

— Так просто, люблю имена узнавать. Насчет власти — не знаю, а насчет чеченцев правду ты говоришь, Гурия. Жизни от них нету. — Она всхлипнула. — Отобрали у нас чеченцы лошадку. Поехал муж за город сена накосить, налетели и отобрали... — Она заплакала громче. — Как без лошадки жить будем?

Глафира Петровна обняла соседку, стала успокаивать. Наташа, не стерпев, крикнула Гурии гневно:

— Знаете, что? Убирайтесь отсюда со своими разговорами!

— А ты мне рот не затыкай, — огрызнулась Гурия, засовывая в сумку товар. — Правду говорю, весь город подтвердит!

В проеме щелкнувшей калитки сверкнул винтовочный штык. Вошел Дмитрий Добров, а вслед — Ионыч. Гурия, увидев вооруженных, осеклась, поспешила на улицу.

— Вот, кажется, и ужин готов, — кивнул Дим Димыч на кастрюлю. — Корми нас, дочь, поедим — и на дежурство. Патрулировать нам сегодня с Ионычем до утра.

— Здравсте! — сердито поклонилась мужу Глафира Петровна. — Опять на всю ночь?

— Извини, Глашенька...

— «Глашенька», «Глашенька»... Господи, да когда же это кончится?

Прибежал Тимка, вывалил из старого ведра кучу щепок и, обрадованный приходом отца, бросился к нему.

11

Город Грозный и станица Грозненская жили по-соседству. Только улица с чахлым бульваром разделяла их. Она так и называлась — Граничная. По эту сторону — халупы рабочих, по ту — отличные дома казаков. Высились в городе в малом количестве добротные здания буржуазии, в станице в небольшом количестве припадали к земле завалюшки бедных. Из неимущего люда в основном состоял город, в станице сильно преобладали зажиточные. Правда, ютились среди казаков случайно по квартирам несколько десятков рабочих и крестьян.

В городе большевики призывали дружить с казаками. Офицеры же натравливали станичников на рабочих и большевиков. Поэтому и злились яро казаки на городских: была бы возможность, так стерли бы Грозный с земли. Гноилось в ямах зерно, протухали в кладовых продукты, но запасы на базар не выносились: морили рабочих голодом.

За станицей громоздились корпуса нефтеперегонных заводов, раскинулись пути железнодорожной станции. Другой дороги к дому после вахты у нефтеперегонщиков и железнодорожников, кроме как через станицу, не было. Казаки встречали рабочих и же-

стоко били. Никакие меры Совдепа не помогали. Горожане опасались появляться у казаков.

Часто, выпив чихиря, станичники являлись на Граничную улицу и истошно орали:

— Эй, босяки пролетарьяцкие, голодранцы краснопузые, земли нашей захотели? Вот вам!

И размахивали туго сжатыми кулаками. А считавшие себя находчивыми и остроумными развязывали очкур и показывали городу срамное место.

Наглея, станичники в последнее время открыто, во всю глотку угрожали городу уничтожением Советской власти.

В эту озверелую станицу шел сейчас Гикало. Пешком и без оружия. Не хотел он ехидных насмешек, что вот, мол, пригнал «ахтанабиль» — улепетывать в случае чего под броней. Не желал кривотолков: «Вишь, прицепил маузер — нас пужать».

Шел, не слишком надеясь на успех своего доклада: переубедить замороченную офицерами уже закоренелую контру так сразу невозможно, нужны месяцы, годы. Но все-таки шел. Чтобы лично убедиться, насколько эта контра опасна. Есть ли хоть малейшая надежда приобщить ее в конце концов к Советской власти? Или разгул контрреволюции настолько велик, что не митинговать следует, а принимать иные меры?

Прошагав Граничную улицу, подтянулся. Поглубже надвинул кубанку, прочнее посадил очки. Он полагал увидеть злобно устремленные на него глаза разъяренной толпы, ждал провокационных вопросов, оскорбительных выкриков и буйного рева. Возможно, и выстрела в спину. Готовый ко всему, крепче сжал челюсти, сделал шаг тверже.

Но заколоченный досками дом бывшего станичного правления у площади скучал в тишине. Не то что толпы — ни одного человека вокруг не было. Даже случайного прохожего, даже какого-нибудь мальчишки. Полное безлюдье. Только куры копошились в траве, да суетились, чирикали на ветках воробьи.

Пожав плечами, Гикало вынул из прорези кармашка в брюках толстые часы. Он явился точно, минута в минуту. Недоумевая, постоял немного, прошелся туда-сюда. Решил подождать: может, соберутся с опозданием? Присел на ступеньку крыльца, закурил.

Именно здесь, у этого дома, назначен на сегодня, в воскресенье, станичный сход в одиннадцать часов дня. Самое удобное для казаков время: отслужена в церкви обедня, успели все позавтракать, длился полностью свободный от работы день. Ведь ничем не заставишь истово верующего православного казака трудиться в воскресенье. Только идти на сход... Они и до революции собирались по воскресеньям...

И вдруг Гикало совершенно отчетливо понял, что схода не будет! Да, да, станица не желала встречаться с председателем Сов-

депа, не хотела его видеть и слышать. Дружно демонстрировала ненависть к Советской власти.

Все же решил подождать полчаса, чтобы не сказали потом: только явился и тут же удрал.

Сидел на ступеньке, курил. Полуденное солнце в упор било по крышам домов. Широкие, в большинстве из оцинкованного железа и дорогой глазированной черепицы, украшенные всякими жестянными узорами, петухами и флюгерами крыши блестели ярко, как начищенные. Но когда низко и густо наплывал дым новопромыслового пожарища, цеплялся за трубы и верхушки деревьев, потухал блеск, становилось мрачно и грустно.

Ох, и осточертел этот дым!

Более семи месяцев уж сатанински выплясывало огромное жирное пламя на пепельно-серых взгорьях промыслов. Оно вспыхнуло спустя полмесяца после провозглашения власти Советов рабочих и крестьян во главе с Лениным. Не хотел мириться с новой властью владелец промыслов чеченский миллионер Тапа Чермоев. Поручил тайно поджечь вышки, уничтожить нефть, в которой так нуждалась Советская республика. Свыше ста миллионов пудов (полмиллиона в сутки!) уже превратилось в смрадный дым. Сил подступить к пожару у Совдепа не было. Силы отдавались борьбе с контрой, заботе о горожанах, сохранению и упрочению завоеваний Октября.

— Вот сволочи! — плюнул Гикало.

Поднялся, расправил под поясом гимнастерку и, злой, еще туже сжав челюсти, быстро пошагал к городу. Прошел шагов десять вдоль дворов — и вдруг прямо перед ним открылась тесовая калитка, вывалился из нее рослый казак в просторном бешмете. Чинно снял с головы войлочную шляпу с кисточкой, поклонился:

— Можно вас на секунд, товариш?

Гикало не привык, чтобы перед ним снимали шляпы и отвечивали поклоны, удивился.

— Пожалуйста...

У казака — продолговатое лицо и разделенная надвое кудрявая борода. Переступил с ноги на ногу, прищурил узкий коричневый глаз:

— Извиняйте, вы будете самый главный над городом и станицей?

Предполагая подвох, Гикало ответил сердито:

— Я — председатель центрального Совдепа, что вас еще интересует?

— Вот-вот... По-новому я не знаю, а по-старому, следует быть, окружной начальник, то есть самый главный... А если бы так, чтобы вы зашли до меня в дом для разговора? Или погнушались?

Слушая казака, Гикало замечал, как оживала станица. Вон

пересекла улицу казачка с ведрами на коромысле. Вон вылезли из калиток на свет божий два бородача. Прошагал молодой казак в черкеске, встретился с другим, поздоровались... Проскакала верхом на хворостинках ватага казачат... Конечно же, затаившись, ждала станица, когда Гикало отсюда уберется. Следила, очевидно, за ним из окон и разных щелей. А теперь этот, хитро прищутив глаз, чего-то мудрит, тянет в дом... Заманит — там и другие. Искалечат, а то и убьют... Контра способна на все. А отказаться нельзя — на всю станицу ославят трусом или высокомерным чинушей, побрезговавшим казачьим домом. Гикало презирал и трусость и высокомерие.

— Почему погнушаюсь? Если нужно, пожалуйста.

Шагнули за калитку. Двор был длинный, просторный: сарай, навес, хлев, конюшня. Зрели груши и абрикосы. Дом, правда, саманный, но добротный, с застекленной верандой. Казак открыл перед Гикало дверь на веранду, затем — в комнату. В комнате как-то неуютно. Дубовый стол плохо выскоблен, без скатерти, окна без занавесок, кровать застлана простым рядном. Только божница традиционно украшена бумажными цветами и обрамлена вышитым полотенцем. Теплилась лампадка.

Неряшливая баба сидела на лавке. Казак глазами показал ей на дверь. Баба окинула Гикало недобрый взглядом и ушла, позвавшая, связкой ключей на согнутом пальце.

— Ну раз зашли, оказали внимание, так садитесь, — казак шлепнул ладонью по лавке у стола. — Чихирем как, балуетесь? Или большевикам ихней верой воспрещено? Наточу *, ежли желаете. И сала порежу.

— Нет, — Гикало крутнул головой и, сняв кубанку, сел.

— Конечно, при таком чине с каждым чихиревать не придется, следует быть, не настаиваю. А позвал вас к тому, чтобы жаловаться и просить помощи. Хотел сам посетить ваш *сондев*, да засумлевался: может, не пустят туда? А тут, гляжу в окно, идете. Дай думаю, приглашу, может, не погнушаются. Не погнушались, благодарствую...

У Гикало на счету была каждая минута, его раздражало длинное предисловие, которое черт знает к чему. И казак не нравился: на сход-то не явился — контра, не иначе. Однако вида не показывал, терпеливо слушал.

— Жаловаться, извиняйте, буду на чеченов, жизни от них нет! Коней отбирают. Посеял окрест Алдов на бросовой земле три десятины ячменя. Вчера выехал скосить коням на корм хоть немного. Напали трое в лохматых шапках, насили ускакал. По царскому времени я бы бахнул из винтовки — наповал, и все тут: оборонил себя. А сейчас по-вашему вроде бы нельзя. Что же вы-

* Наточу — палю. От слова течь (мест.)

ходит, бросать его, ячмень, некошеным? Пусть гибнет?.. Какое ни то ваше мнение по такому делу будет?

Он сидел на лавке, уперев руки с растопыренными пальцами в колени. Руки вздрагивали, казак явно нервничал.

— Скажите, как вас зовут? — поинтересовался Гикало.

— Ну, положим, Елисей Миронович... Фамилия — Голубцов... А мнение все ж таки ваше будет?

— Мое, Елисей Миронович, мнение, — Гикало встал, — что чеченцы здесь ни при чем! Разбойничают бандиты, а не чеченцы. Смекайте, бандиты могут быть и из казаков, и из иногородних, это зависит от поведения, а не от национальности исловия.

— Оно-то, конечно, — неохотно согласился Голубцов, — следует быть, могут... Но порядок быть должен? При царе да при окружном начальнике за разбой на каторгу ссылали, а при вашей власти, выходит, наказания нет.

— Почему «нет»? — Гикало пожал плечами. — Доберемся и до бандитов. Цари триста лет правили Россией, а сколько было неразберихи! Советской власти — считанные месяцы. Что можно сделать за это время? Добьем контру и порядок наведем.

— Что-то сомнительно...

Гикало шагнул раза два, круто остановился:

— Не нравится вам Советская власть. Верно?

— Сказать правду? — Голубцов зажал кулаком половину бородки, прищурил оба глаза.

— Да, хотелось бы правду!

— А в тюрьму не засадите? По чести говоря, при царе, случалось, и за правду на каторгу гнали...

— Нет, Советская власть не жестока. Вы же не ведете анти-советскую пропаганду, а всего лишь отвечаете на мой вопрос.

— Тогда извольте: не нравится!

— За откровенность спасибо. Но интересно, почему?

— Да все потому, что порядка, следует быть, нет. — Голубцов, раздражаясь, щипал бородку. — Сын у меня тяжелый, неделю как распух, глаза не видят, а дела до него никому нет. Раньше фершал в станице всегда дело исполнял. Которые заболеют, отказа не было. А сейчас при вашем *сопдеве* хучь бы какую милосердную сестру назначали. Подыхай, помочь некому...

Гикало поежился. Да, упустил из-за множества разных дел этот вопрос Совдеп. В городе постарались — там и госпиталь, и амбулатория, и аптеки, больница скоро откроется. А про станцию забыли.

— Что же, Елисей Миронович, возмущение ваше справедливо, виноват Совдеп, верно. Завтра же будет в станице медицинский пункт с врачом. Даю слово. А сына показывайте немедленно, я по специальности фельдшер.

— Не верится, чтобы завтра... — Голубцов недоверчиво покачал головой, подозрительно покосился на Гикало. — Вы фершал? Неужель? А я думал, какой-нито красный генерал... Идемте, покажу.

В плохо убранной соседней комнате на деревянной кровати лежал прикрытый грязноватым одеялом и стонал подросток лет пятнадцати. Лицо красное, пухлое, воспаленное. Сильно затекли, не могли открыться глаза. «Рожа», — определил Гикало. Полез рукой под одеяло, нащупал пульс. Тело горячее, сердце бьется тяжело.

Помыв под умывальником руки, вырвал из записной книжки листок, склонился над подоконником, написал рецепт. Печати при себе не было. Чтобы в аптеке не сомневались, внизу вывел крупно: «Председатель Совдепа, фельдшер...» И отчетливо расписался:

— Посылайте в городскую аптеку, сегодня же начинайте лечение. Завтра придет врач, скажет, что делать дальше. Через неделю встанет сын с постели.

— Господи, если бы так, — растроганно смотрел на Гикало Голубцов. — Не верится... Это мой меньшой, самый любимый сын. Как же вас?.. Станичного фершала, бывало, благодарили салом и курицами... А вы... Может, деньги возьмете?

— Бросьте говорить ерунду! — рассердился Гикало.

Голубцов привел Гикало в прежнюю комнату, сбежал во двор, отдал рецепт жене и возвратился:

— Чем еще интересуетесь?

— Так вот, товарищ Голубцов, вы сказали, что Советская власть не нравится вам из-за отсутствия порядка. А если наведем его, тогда как?

— Тогда?.. Как сказать... Тогда посмотрим. Сперва наведите, потом, стало быть, спрашивайте.

— Да вы из богатых небось?

— Думаю, что нет, а вы считайте, как хотите, это уж ваше дело.

— Продразверстку, наверное, не выполнили?

— Оставил себе на харчи, скотине на прокорм и на семена для сева...

— А остальное по-честному все сдали, подчистую?

— Не подчистую, стало быть, немного придержал на всякий случай...

— Вот видите! — укоризненно поднял палец Гикало. — Рабочий Грозного при тяжелом физическом труде получает мизерный паек, голодают дети, а в это время в ямах безжалостно преет зерно. Не стыдно? Разве это по-человечески? Люди вы все-таки, а не звери!

— А это меня не касается, — Голубцов махнул рукой и отвернулся. — У меня зерно не преет.

— Теперь скажите вот что: а почему почти всей вашей станице не по душе Советская власть? Тоже из-за отсутствия фельдшера?

— Да нет, тут, следует быть, другое. Боятся казачество подчиняться кому попало, кроме атамана, не хочет отдавать хлеб, выращенный на собственной земле, и земли не желает лишаться, и привилегий, которые имели всегда...

— Так, так... — Гикало подвинулся ближе к Голубцову. — Вот я и думаю, а почему привилегии должны быть только казакам? А чем хуже рабочие, крестьяне, горцы, ремесленники? Всем должны быть равные привилегии, исключая эксплуататоров, всему трудовому народу!

— Да что вы на меня напали? — развел руки Голубцов. — Я-то, следует быть, при чем? Вы спрашиваете — я отвечаю...

— Извините, Елисей Миронович, есть чем возмущаться. И еще один вопрос, если уж пошло на откровенность. Стали бы вы воевать против Советской власти? Лично вы?

— А это уж зависит не от моего желания, товарищ Гикала. Куда вся станица, туда и я. От станичников казаку отрываться не полагается, жизни потом не дадут, заедят.

— А почему вы на сход сегодня не пришли?

— Врать не буду. Приказали, следует быть, я не пошел.

— Кто приказал?

— Известно, кто приказывает в станицах. Офицерство! Явился до меня офицер и сказал: не смей ходить! Вот я и не пошел. Что же мне, до скончания века врага наживать? Так и остальные.

— Ну что же, — Гикало скрестил руки на груди, — спасибо за откровенность. Я тоже буду откровенным: контра вы, Елисей Миронович, настоящая контра! А ячмень свой все-таки уберете, даю слово. Уберут все, имеющие посеы вблизи Алдов. Выставим для охраны Красную Армию, никто не обидит, лошади останутся целы.

— Благодарствую за данный мне чин, а в безопасную уборку, что лошади останутся целы, по чести говоря, не верю.

12

На окраине станицы Грозненской буйно разросся одичавший, заброшенный сад. Переплелись крючковатыми ветвями абрикосины, сцепились загустевшие побеги алычи, спутались виноградные лозы. Когда-то, говорят, хозяин сада зарубил здесь за измену красавицу жену и сам от горя тут же повесился. С тех пор сад получил дурную славу, отпугивал угрюмой темнотой. Его обходили. А Малюте пригодился.

Рядом за высокой кирпичной оградой размещался при царе военно-ветеринарный пункт. Сейчас он пустовал. Малюта из сада пробил пешней в ограде лаз и проник во двор, где не выветрился

еще запах карболки и покосились старые коновязи. Осмотрел большой мрачный дом с несколькими комнатами и глубоким подвалом. Оценил подвал профессионально: можно приспособить для арестованных. В конце двора стоял в окружении кустов сирени флигель, в котором жил раньше начальник пункта. Сохранилась кровать с несвежей постелью, буфет с посудой, стол, стулья.

Малюта замаскировал лаз ветками и поселился во флигеле. Ночами больше, а иногда и днями выходил в станицу. Он не боялся быть пойманным, его незаметно для других, охраняя, сопровождали казаки. Они же сторожили двор, приносили Малюте пищу, случалось, выпивку, к которой пристрастился он уже давно. Казаков этих назначил председатель негласного антибольшевистского комитета полковник Поморцев.

Тишина стояла кругом. За высокую ограду двора не проникали станичные звуки и шорох листьев заброшенного сада. Тих был и выгон, примыкавший к ограде с противоположной от сада стороны. Только изредка шевелились за окном флигеля кусты сирени.

Малюта сидел за столом и при свете коптилки писал донесение Бичерахову. Первое было отправлено через людей Поморцева, шло долго, могло потерять оперативное значение. Обратной оказией Бичерахов прислал новые указания, требовал некоторых уточнений и срочного ответа. Малюта намеревался это донесение переправить побыстрее со связной Гурней.

Чернильный фиолетовый карандаш Малюты рассыпал по листу бумаги цифры, которые при расшифровке обозначат слова донесения:

1. В Грозном нашей агентуры имеется достаточно. Активно обрабатывается население против Советской власти. Предпринимаются диверсии и террористические акты. Ликвидирован склад Красной Армии. В ближайшие дни будет уничтожен Левандовский. Согласия служить у нас он не дал. Подготовились срывать собрания, которые намерены проводить большевики в городе. Однако отношение рабочих Грозного к Советской власти по-прежнему положительное, большевикам симпатизируют, колеблющихся мало. Приняты меры к усилению антибольшевистской пропаганды.

2. Комитет борьбы с большевизмом в станице Грозненской действует успешно. Казачество обработано эффективно. Благодаря этому активно проведен бойкот Совдепа, намеревавшегося созвать в станице сход. Ни один человек не явился. Считаю, в случае военных действий казаки выступят против Советов дружно.

3. На ваш запрос сделал через Поморцева уточнение и отвечаю: переброску вооруженных отрядов из Моздока и терских станиц к Грозному надежнее осуществлять ночами по Алхан-Чуртской долине, маскируясь в отрогах Сунженского и Терского хребтов. Поморцев готовит места секретного размещения отрядов

в прилегающих к Грозному некоторых станицах, а также во дворах наиболее надежных казаков станицы Грозненской.

4. Фальчиков сейчас в сунженских станицах сколачивает верных людей, вербует пропагандистов.

5. Чеченцы, объединившиеся вокруг Старо-Атагинского меджлиса, в случае существования Советской власти теряют нефтеносные участки в окрестностях аула Алды, поэтому делают все для подрыва Советов. Нам полезны. Но прошу учесть: чеченцы, примкнувшие к Гойтинскому народному совету, полностью на стороне большевиков и противодействуют староатагинцам. Верховодит этим чеченец-большевик Асланбек Шерипов.

6. Об Ингушетии сведений пока нет.

7. Из грозненской Красной Армии дезертировал бывший поручик Петухов Владимир. Живет тайно у родителей в станице Грозненской. Прощупали с Поморцевым через агентуру. Обозлен на Советы. Намерены использовать.

8. Все ваши указания ясны, выполняются неуклонно, жду дальнейших распоряжений. Прошу ускорить высылку денег. Полученные ранее израсходованы строго по назначению.

Кончив писать, Малюта широко зевнул, потянулся. Он много работал ночами и чувствовал усталость. Шагнул было к кровати, но, не поддавшись соблазну, пошел к двери. Надо было встретить связную.

13

Гурия боязливо вошла в нелюдимый сумеречный сад. Было душно, пахло прелой листвой. Сквозь нависшие космы ветвей проглядывало чернеющее в ночи небо. Пробралась в угол потемнее, присела в условленном месте на пень.

Где-то шевельнулись ветки. Гурия догадалась: идет Хозяин, человек с бледным, желтоватым лицом, пока не назвавший себя. Машинально поправила волосы, мазнула по бровям наслюенным пальцем. Но тут же скептически поджала губы: к чему, если Хозяин на нее, как на женщину, внимания не обращает? Разговаривает коротко, грубо. Это задевало ее самолюбие. Обиду она, конечно, не показывала, старательно выполняла задания, тем более что получила приличную сумму новенькими николаевскими пятирублевками.

Откуда у него столько денег? Туго набивала пятирублевками голубую сумку, прикрывала сверху кукурузной мукой и разносила в городе по адресам, указанным Хозяином. Ах, как подмывало «закосить» денежки! Наполнить мешок и скрыться!

Пока остерегалась. Но в будущем... Трудно было поручиться за себя. Разве воздержаться от такого соблазна?

Решила подъехать к Хозяину надежным методом. Направ-

ляясь сюда, свернула к базару, купила полштофа самогона, белую! булку и фунт редкой, как находка, копченой колбасы. Может быть, клонет Хозяин на этот подарок, обратит на Гурию свое мужское внимание?

Снова встрепенулась листва, опять наслоненный палец потянулся к бровям. Близко и страшно крикнул сын. Испугавшись, съежилась.

— Струхнула?! — услышала грубый голос Хозяина.

— Не из пугливых! — ответила весело, скрывая робость.

— Пошли! — властно приказал он.

И зашагал быстро, но так осторожно, что лист не шелохнулся. Гурия едва успевала вслед. У кучи веток Хозяин велел лезть за ним, нагнулся и исчез. Она тоже нагнулась. Он схватил ее за руку и протаскил через дыру в кирпичном заборе. Очутились во дворе со слабым запахом карболки, прошли мимо старых коновязей и кустов сирени. Остановились у деревянного флигеля. Хозяин отомкнул дверь.

В пропахшей плесенью комнате зажег коптилку, кивнул Гурии на стул. Не снимая фуражки, сел напротив. Она рассмотрела запыленную мебель, паутину по углам, давно немытый пол. В жилище Хозяина Гурия вошла впервые, до этого встречались в заброшенном саду.

— Поедешь в Моздок! — наклонившись, Хозяин изучал выражение ее лица. — Повезешь важную бумагу. Транспорт будет. Оттуда доставишь деньги. Много денег! — Заметив, как хищно сверкнули ее глаза, погрозил пальцем: — Но-но! Вижу твою страстишку. Позволишь — задушу!

— Не думайте обо мне плохо, — самым честным голосом ответила Гурия. — Скажите лучше, как вас зовут?

— Можешь называть Афоном. Обойдется поездка благополучно, получишь добавочную плату.

Гурия расцвела в улыбке. Решила, что наступил момент вынуть подарок и полезла в сумку.

— Афон... Я так благодарна... Позвольте вас угостить...

Полуштоф с самогоном, булка и колбаса оказались на столе. Она заметила, как дрогнули при виде спиртного руки Афона, заблестели глаза, и поняла, что попала в точку: Хозяин любит выпить! Не спрашивая разрешения, достала в буфете стакан, нож и тарелку...

Он пил, так и не сняв фуражки, кричал от наслаждения. Сразу опьянел. Сказал заплетающимся языком:

— На ночь останешься у меня. Марш в постель!

«Грубиян!» — едва не вырвалось у Гурии. Но, закусив губу, смолчала. Ведь Хозяин платил деньги, и это обязывало к покорности. К тому же у нее возникли некоторые соображения...

Шагнув к кровати, Афон покачнулся. Фуражка упала с головы.

— Ай! — Гурия взвизгнула.

С лысины Афона смотрел страшный, синий, рогатый и клыкастый черт.

Щебелиновцам объявили, что в воскресенье в одиннадцать часов у железнодорожного переезда будет собрание. Хрящев заранее оповестил своих людей и пришел к переезду без опоздания. Здесь, на лужайке, уже стояли непокрытый дубовый стол и прочный табурет.

Из улиц и переулков валили жители халуп и землянок. Толпа, заполнив лужайку, гомонила, дым тянулся от сигарок. Многие знали, что в станице Грозненской на собрание никто не пришел. Об этом сейчас разговаривали. Набежали мальчишки, дурачась, галдели точно воробы. С Хрящевым поздоровался соседский парнишка Тимка Добров, Хрящев ответил ему улыбкой.

Ровно в одиннадцать появился у переезда очкастый, с заметными скулами, молодой человек в каракулевой кубанке. Толпа, узнав председателя Совдепа, начала стихать.

С иронической улыбкой смотрел на Гикало Хрящев. Он был уверен, что его люди провалят это собрание.

Гикало шагнул сперва на табурет, затем на стол. Председателя было видно всем. Блеснув очками, вытянул руку. Щебелиновцы зашикали друг на друга. В наступившей тишине стало слышно, как плескалась за переездом Сунжа.

— Товарищи! — начал Гикало. — Будем разговаривать начистоту. Не стесняйтесь, выкладывайте все претензии к Совдепу. Но прежде я объясню создавшееся положение.

— Руби, Николай, напрямик! — крикнули из толпы.

— Валяй, Федорович!

— Да, живем мы плохо. Совдеп знает, что в городе нет хлеба, мяса и картошки. В то же время в окружающих станицах всего этого в избытке. Но станичные богачи и офицеры препятствуют продаже зерна, привозу продуктов. Центральные же органы в Москве не в состоянии оказать помощь Грозному, потому что Советская Россия окружена врагами. Три четверти страны находятся в руках интервентов и белогвардейцев. Советская республика — в огненном кольце фронтов, отрезана от основных продовольственных районов. Теперь вот прибавился моздокский мятеж — новая вылазка против трудящихся. Сотни злобных врагов объединяются, чтобы задушить республику Советов, замучить голодом, затравить, запугать. На днях контра подожгла красноармейский продсклад и сама же распускает слухи, что сделал это Совдеп. Находятся, к сожалению, трусы и паникеры, которые верят подлым провокациям...

Хрящев улыбался: «Вякай, вякай, фельдшеришко, увидишь, что сейчас будет!»

Гикало говорил все громче, румянцем рдели его скулы.

— Ответственно заявляю, не будет так, как желает контра! Ничем не задуют враги Советскую власть и трудовой люд. Рабочий класс в Грозном настолько крепок духом и силен ненавистью к врагам, что никакие провокации и мятежи его не сломят, при любых условиях он отстоит Советскую власть. Под руководством большевистской партии всякая контра будет раздолбана впрах!

«Что-то никто не выкрикивает против, — забеспокоился Хрящев. — Заворожил дураков очкастый мальчишка...»

Гикало продолжал:

— Вот ближайшие задачи Совдепа: сделать все, чтобы не нарушался мир; помочь крестьянам и казакам безопасно убрать урожай, сделать богаче и дешевле грозненские базары, улучшить жизнь населения; укрепить дружбу между горцами, казаками, крестьянами и рабочими; пресекать малейшее проявление контрреволюции, обеспечив гражданам спокойный и плодотворный труд. Я — большевик. А у большевиков слова не расходятся с делом. Грозненский Совдеп до конца выполнит намеченные задачи!

Толпа одобрительно загудела. Хрящева пробрала дрожь: «Вон как поворачивается дело. Вместо возражений — одобрение! Совсем не то, что в станице Грозненской». Скрывая волнение, глупо ухмыльнулся.

Гикало погладил щеточку усов, попросил задавать вопросы.

Кто-то выкрикнул злобно:

— Не надо ссылаться на окружение и огненное кольцо. Продукты — рядом с нами, у казаков и крестьян. Но вам же не дают их, товарищи большевики, не доверяют вам. Просто не желают вас кормить, слушать и признавать...

Тут же подхватил второй:

— Додиктовались, большевички, своей диктатурой пролетариата, до голода и разорения...

«Нет, не мои это люди, — рассмотрев крикунов, определил Хрящев, — должно быть, какие-нибудь социалисты».

Гикало, подняв руку, сказал спокойно:

— Вот я и думаю, а зачем же кричать откуда-то издала? Пожалуйста, господа эсеры, выходите сюда и говорите, возможно, кто и поверит вашим рассуждениям...

Работая локтями, пробрался к столу тщедушный человек в замасленной блузе, с неярким румянцем на щеках. Все узнали Ионича, обер-мастера с завода «Молот».

— Николай Федорович, у меня вопрос. А можно, куси его мать, лишать жизни подобных, как эти, провокаторов?.. Я имею в виду,

хватать за глотку и душить до смерти, чтобы не гавкали и не баламутили народ... Которые распускают поганые слухи, подстрекают и прочее?

— Дали бы разрешение, — загалдела толпа, — быстро отправим на тот свет!

Кто-то крикнул звонко и отчетливо:

— Нет таких декретов Советской власти, чтобы душить людей. А есть распоряжение насчет свободы, равенства и словесного убеждения. Не запрещается никому говорить про свои идеи.

«Теперь, — облегченно вздохнул Хрящев, — наши начали действовать!» Он узнал приказчика Феоктиста Криволапова, того самого, которого Малюта, едва не задушив, заставил работать на себя.

Толпа загалдела громче. Гикало, успокаивая, поднял руку:

— Отвечаю на вопрос. Так вот, товарищи. Тем, кто не понимает, что произошло в России и каково положение молодой Советской республики, надо терпеливо разяснять. А злостных провокаторов, наймитов и прихлебателей контрреволюции, которые с целью разлагают население, следует задерживать и сдавать органам Советской власти. После расследования их накажет ревтрибунал.

— Понятно, — сухо покашлял Ионыч. — А я душил бы их, как мух!

— Серьезный вопрос хочу задать, товарищ Гикала, — к столу подошла изможденная женщина в залатанной кацавейке, видно, фабричная работница. — Все же скажите насчет харчей, когда наладится снабжение. Очень трудно жить, товарищ Гикала.

Гикало вздохнул всей грудью:

— Разве я не понимаю... На днях мы пошлем в села, станицы и аулы своих представителей, будем приглашать, агитировать крестьян, казаков и горцев, чтобы везли продукты на грозненские базары. Создадим приезжающим все условия для нормальной торговли, уже завтра откроется для них постоянный двор. Принимаются также меры к благополучной уборке урожая с полей. Смекайте, товарищи, большего, к сожалению, сделать пока невозможно. Положение резко улучшится, как только покончим с контрой. Есть еще вопросы?

И снова Хрящев услышал голос Криволапова:

— Разрешите сказать! Можно высказаться?

Гикало сошел со стола, предоставив его желающему говорить.

«Сейчас он вам покажет!» — удовлетворенно подумал Хрящев и взглянул на толпу победителем. Встретившись в стае мальчишек с глазами соседского Тимки Доброва, сам не зная для чего, подмигнул ему.

На стол взобрался рабочий в замазученной блузе и латаных штанах. Хрящев одобрительно крикнул: ничего не осталось от

прежнего Феоктиста Криволапова: ни белоснежной манишки, ни тщательно выглаженных брюк. Настоящий пролетарий!

— Наболело у меня! — вертя то головой, то плечами, еще звонче воскликнул Криволапов. — Николай Федорович, товарищ Гикало, как можно при такой власти жить, если нет ни хлеба, ни соли? И вы ничего конкретного народу не пообещали... С голоду нам, что ли,дохнуть? Какой же толк от вашей власти, если с голодудохнуть? Если она не в состоянии дать людям питания?..

— Заткнись, гад! — громыхнула толпа.

Но тут взгромоздился на стол рядом с Криволаповым лохматый кривоносый бородач. Хрящев узнал Трофима Синеокова.

— Правильно он говорит! — завопил Синеоков. — Жизни нет от такой власти!

— Долой провокаторов! — ревела толпа.

Махал рукой, прося его выслушать, стоящий рядом со столом длинный, худой, в масляных пятнах на тужурке, должно быть, заводской рабочий:

— Да, конечно, не сыто живем, правильно. Но власть-то Советская тут при чем? Власть-то! Куркули зажимают хлебушек, богачи, а не власть! Расстреливать таковых сволочей надобно. А власть нас из подвалов вытаскивает, в буржуйские дома селит. За сколько лет в сухой квартире очнулся, в широкое окно смотрю, свет, солнышко вижу. Детишки радуются!..

Но его перебил Синеоков:

— Не слушайте этого дурака! — Поощрительно похлопал Криволапова по плечу: — Давай, товарищ, продолжай!

— Говори, говори! Дайте человеку сказать! — старались перекричать толпу и те двое — эсеры.

Хрящев узнал в толпе и других своих агентов. Надрываясь, пытались они помочь Криволапову и Синеокову овладеть собранием.

Вдруг Хрящев заметил Дмитрия Доброва. Покручивая ус, тот решительно протиснулся к столу. Вскочил на него, долбаил Синеокова кулаком под бороду. Зверяя Синеоков площадно выругался, оттолкнул Доброва. Однако прыгнул Синеоков со стола, с силой распахнул нападающих на него людей и, зажимая кулаком бороду, побежал за переезд. Криволапов тоже пытался скрыться, но ему ловко подставил ногу Ионыч. Велел подняться и сказал, грозя пальцем:

— Предупреждаю тебя, куси ево мать, как рабочий рабочего: перестань гадить, стерва! Сейчас бы задушил своими руками, был бы ты буржуй, а поскольку рабочий, говорю твердо: услышу еще от тебя подлое, избегу декрета Советской власти и самолично ликвидирую, как таракана! Сам не подую, других приглашу на помощь!

— Да-с... Хорошо-с... — лепетал Криволапов.

Ионыч толкнул его ногой в зад, и тот под дружный хохот толпы исчез за переездом. «Слава богу, отпустил! — мысленно прекрестился Хрящев, — а то и меня мог бы выдать...»

На Ионыча заорали эсеры и оставшиеся люди Хрящева. «Молчали бы уже, дураки, — испугался он, — пока вас не похватали...»

Гикало появился на столе:

— Товарищи, какие вы молодцы, не дали разгуляться контре. Только руки прикладывать, Дим Димыч и Василий Ионыч, никто не давал права. Для наказания виновных существует ревтрибунал...

— А я, Николай Федорович, ногу прикладывал, а не руки, — отшутился под общий смех Ионыч.

Добров промолчал, только головой крутнул.

Хрящев уходил сгорбленный от напряжения и усталости. Не удалось сорвать собрание: городской рабочий люд — не казаки станицы Грозненской.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Из Владикавказа Тамбинскому звонили каждый день: не появился ли Званцев? Тамбинский терпеливо отвечал, что нет, не появился. А сам дивился наивности владикавказского начальства: не ясно ли, что Званцева нет в живых.

Но Званцев вдруг появился. Открылась дверь, и Тамбинский увидел незнакомого человека с обритой головой, с усиками, осунувшегося, смертельно усталого. И только, когда тот поздоровался, узнал голос и поспешил, насколько позволяла отдышка, на встречу:

— Наконец-то! Где столько пропадал?

— В Моздоке...

Не верилось Тамбинскому, что можно уйти от разгула контрреволюции так просто.

— Молодец!

— Нет, не совсем... — скривился Званцев. — Я ведь обязан быть во Владикавказе. Но пробиться туда не удалось. Все станицы по Тереку восстали, входы и выходы перекрыты заставами. Каждого придирчиво проверяют, при малейшем подозрении расстреливают. Риск большой. Вот и пришлось прибыть не по назначению. Зато к Грозному у меня проторенная дорожка...

Присев, рассказал об ауле Терк-Юрт и Дуде Хаттуеве.

Тамбинский, изобразив сожаление, покачал головой:

— Из Грозного к Владикавказу путей нет. Железная дорога бездействует, на лошадях — бандиты отберут...

— А как быть? Я обязан явиться к месту службы...

Тамбинский пожимал плечами. Он хитрил. И поезда иногда ходили, и можно было пробраться к Владикавказу горными тропами через Чечню и Ингушетию.

— Иди-ка сейчас в столовую и общежитие, а завтра потолкуем.

Вкратце изложив обстановку в Моздоке, Званцев ушел. Разговор состоялся на следующий день, когда он отдохнул.

— Знаешь что, парень, — Тамбинский положил ему руку на плечо. — Поскольку пути к Владикавказу отрезаны, никуда не рыпайся, оставайся в Грозном, да и работай здесь. Не все ли тебе равно? Утверждена у нас военная комендатура, я назначен комендантом, выделили нам отдельное здание... Приглашаю в штат!

Сергей подумал: «Жить и работать вблизи Добровых? Рядом с Наташей Добровой... Прекрасно!» Они быстро договорились. Оставалось добиться согласия владикавказского начальства.

Долго Тамбинский крутил ручку деревянного телефонного аппарата и ругался с телефонистами, пока его не соединили с заведующим отделом Совнаркома, где числился Званцев.

Сперва заведующий выслушал краткий доклад Званцева о Моздоке. Но краткость не устраивала, было приказано написать подробный рапорт и шифровкой передать по телефону. Потом, забрав у Званцева трубку, Тамбинский от своего имени и от имени Гикало настойчиво просил позволения зачислить Званцева в штат комендатуры. Совнаркомовец было уперся, но учел наконец серьезность создавшегося в Грозном положения, нехватку кадров, невозможность Званцева пробраться во Владикавказ и разрешил оставить временно, чтобы отозвать сразу же, как только улучшится положение.

Довольный Званцев пристроился у подоконника и написал рапорт. Вместе с рапортом подал первый номер бичераховской газеты «Терский казак». Тамбинский брезгливо повертел газету, но вдруг, заинтересовавшись, впился глазами в последнюю страницу. Подумал, прочитал еще раз и сказал:

— Покажу-ка эту газетку Гикало. Да и рапорт — тоже. Потом отдам его на зашифровку и — во Владикавказ. А ты пока свободен, погуляй, что ли, по городу... Согласую с Гикало, получишь боевое задание.

Званцев побродил по одной улице, по другой... И вдруг увидел Наташу Доброву. Она, похоже, спешила, шла быстро. В согнутой руке держала у локтя ридикюль. Посмотрела на Званцева невзначай, но не узнала. Глянула еще раз, остановилась:

— Сережа? Трудно узнать вас с усиками, бритоголового. —

Протянула руку. — Живы-здоровы? А я так переживала за вас! Теперь рада!

Она легонько задыхалась, розовело ее лицо. Сергей догадался, как утешенно бьется Наташино сердце. И у него оно замирало радостно.

— Ну что мы стоим тут? — Наташа взяла Сергея под руку. — Пойдемте в парк, посидим, поговорим...

2

РАПОРТ

Довожу до вашего сведения нижеследующее.

Прибыв в форме казачьего офицера в Моздок, явился на квартиру, где проживал прежде. Эта квартира была рекомендована мне в свое время моздокским Совдепом, ее хозяйка — надежный человек.

Увидев меня офицером, она испугалась. Я понял причину этого. В Совдепе мне тогда сказали, что ее живущий во Владикавказе сын, студент, является членом пробольшевистской партии «Кермен». Успокоил ее, объяснив, что офицерская форма — лишь маскировка.

Она осведомилась, знаю ли я, кто ее сын. Ответил, что знаю. Попросила никому не проговориться случайно о его принадлежности к партии «Кермен», бичераховцы будут за это преследовать. В Моздоке же о владикавказской деятельности сына знают лишь верные друзья и близкие родственники. Я дал слово. Она заявила, что всегда готова помочь для поддержки идей своего сына всем, что в ее силах.

Последующие дни ходил по городу, посещал все доступные мне уголки Моздока, разговаривал с казаками. В результате, а отчасти с помощью квартирной хозяйки, установил следующее.

В день, когда во Владикавказе был убит предсовнаркома тов. Буачидзе, в Моздоке состоялась сессия казачьего совета. Она предъявила Совдепу ультиматум: сложить с себя власть, передать ее казачьему совету. Совдеп, естественно, не подчинился.

На другой день Бичерахов устроил заранее подготовленную провокацию. По его заданию офицер Пятирублев обстрелял из пулемета станицу Луковскую, убив и ранив несколько человек. Пулеметная очередь послужила сигналом Бичерахову, Лымарю, Мистулову и другим. Они тут же явились в станицы, подняли казаков на захват Моздока.

Они же распространили слух, что обстрел Луковской — дело рук большевиков. Слух подогрел казаков, все станицы по Тереку восстали. Моздок пал. Разгул грабежей, насилия и жестокости озверелых казаков продолжался в городе несколько дней.

Затем в Моздоке был созван так называемый казачье-крестьянский съезд. Присутствовали в основном богатые казаки, офицеры, интеллигенты с меньшевистско-эсеровским уклоном и немного крестьян. С речью выступил Бичерахов. Он приветствовал, в частности, прибывшую делегацию от генерала Шкуро, зачитал его послание об одобрении и поддержке совместной борьбы с большевизмом.

Съезд избрал председателем Терского казачье-крестьянского совета Г. Ф. Бичерахова, утвердил комиссаров, то есть министров.

В газете «Терский казак» опубликовано постановление съезда, где говорится: «Объявить Советской власти войну, мобилизовать для борьбы с большевиками от каждой станицы определенное количество конных и пеших со своим оружием... А какая из станиц не выполнит данного постановления, таковую лишить казачьего звания, отобрать землю, конфисковать имущество, выселить из пределов Терской области».

На следующий день началась мобилизация. Бичераховские уполномоченные применяют не только карательные, но и поощрительные меры. За участие в войне выдаются суммы от 700 руб. и выше. Деньгами вознаграждены участники захвата Моздока. Откуда берутся деньги, установить не удалось. Известно только, что все денежные знаки — новые, николаевские, пятирублевого достоинства.

Мобилизация проходит не везде гладко. Так, в станице Государственной произошел крупный инцидент. Посланцы Бичерахова потребовали выставить тысячу штыков и сабель. Станичники наотрез отказались, заявив, что втянуть себя в войну не позволят, подчиняются только законной Советской власти, никакого бичераховского правительства не признают. Схватились за оружие, заставили посланцев убраться восвояси.

Бичераховские агенты явились также в станицу Марьинскую и тоже предложили выставить определенное количество конных и пеших. Против бесстрашно выступил на сходе местный житель Александр Дьяков. Но тут же был объявлен офицерами «предателем казачества» и арестован. Суд офицеров приговорил: «Станичника Дьякова за измену казачеству предать земле». Прошел слух, что Дьякова отбили от конвоя его друзья, помогли бежать.

Бесстрашием Дьякова восхищены даже некоторые бичераховские казаки.

В станице Ищерской пытавшихся уклониться от мобилизации секли плетью и винтовочными шомполами, десять человек расстреляли.

Из двадцати станиц моздокского отдела не подчинились бичераховскому приказу об участии в войне шесть станиц, остальные пошли у него на поводу.

Большого мне установить не удалось. После неудачной попытки

пробиться во Владикавказ возвратился в Грозный с помощью жителя аула Терк-Юрт тов. Хаттуева Д.

Считаю, что к помощи тов. Хаттуева при необходимости можно обращаться и впредь. Прошу иметь в виду, что у меня есть надежная квартира в Моздоке, и я вновь готов проникнуть туда для выполнения любого задания.

Приложение: первый номер газеты «Терский казак».
К сему: С. Званцев.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

*Председателям Совдепов, командующим войсками,
военным комиссарам Терской Советской Республики*

Для ориентировки и принятия надлежащих мер Терсовнарком излагает события последних дней.

На ликвидацию казачьего мятежа Терсовнарком направил в район Моздока красноармейские части. Столкновение с восставшими произошло у Терека вблизи станиц Прохладная и Котляревская. Руководитель мятежа Бичерахов позвонил из Моздока по телефону в Совнарком, потребовал отозвать войска. Предсовнаркома тов. Пашковский ответил, что они будут отозваны, если мятежники сложат оружие. Бичерахов заявил, что оружие может быть сложено при условии, если из Совнаркома выведут большевиков, в том числе и народных комиссаров. Тов. Пашковский объяснил, что он таких прав не имеет, комиссары избраны съездом. Бичерахов пообещал жестоко расправиться с большевиками и служащими Красной Армии, а также с самим тов. Пашковским. У Прохладной и Котляревской возникли военные действия. Указанные станицы в наших руках. Одновременно добармия Деникина начала интенсивное наступление на юг.

О сложившейся ситуации доложено Чрезвычайному комиссару Юга России тов. Орджоникидзе. Он выехал во Владикавказ.

Доводим также до сведения, что атаман Краснов, ликвидировав с помощью Германии Советскую власть на Дону, развивает интенсивное наступление на Царицын. Английский военный кабинет направил из Персии в район Баку большой отряд казаков под командованием Лазаря Бичерахова — родного брата Георгия Бичерахова.

Предполагается, что мятеж, поднятый в Моздоке, связан с выступлением контрреволюции в центре страны, а также с действиями Деникина, Краснова и Лазаря Бичерахова и осуществлен, вероятно, по единому плану.

Терсовнарком располагает сведениями, что буржуазные националисты, сбежавшие после Октябрьской революции с Северного Кавказа в Тифлис к меньшевикам, создали при поддержке Турции

так называемое горское правительство. В его подчинении, по замыслу, должен быть весь Северный Кавказ, то есть мусульманское государство от Черного до Каспийского моря под покровительством Турции. Она приняла обязательство оказать горскому правительству военную помощь. Главой этого правительства представлен чеченский миллионер, инициатор поджога грозненских нефтяных промыслов Тапа Чермоев.

По последним данным, председатель ингушского национального совета Васангирей Джабагиев связался с Чермоевым, ведет переговоры. Вступил в связь с Чермоевым и председатель чеченского национального совета (меджлиса) в Старых Атагах Ибрагим Чуликов.

Примите к сведению: решением ВЦИК меньшевики и правые эсеры, как поддерживающие врагов Сов. власти — белогвардейцев и эмигрантов, — исключены из Советов.

4

Гикало и комиссар Сафонов составляли список партийцев и активистов Совдепа, которым надо было ехать в станицы и аулы агитировать казаков и горцев везти в Грозный для продажи продукты, когда вошел в кабинет Тамбинский. Сел, отдышался и прочитал вслух рапорт Званцева. А спустя несколько минут адъютант Ястребов положил на стол перед Гикало телефонограмму из Владикавказа. Гикало пробежал ее глазами, отдал Сафонову, а тот Тамбинскому.

В кабинете затаилась мрачная тишина, все молчали под тяжестью прочитанных документов, соображая, не зная пока, что сказать. Гикало усиленно курил, под потолком густо прессовался дым.

Было о чем думать. Контра нажимала со всех сторон. События развивались так быстро, что в Грозном не поспевали за ними. Средств обороны по-прежнему недоставало. Изготовление их на заводах налаживалось медленно: в цехах много неисправных станков, не хватало оснастки, запасных частей и инструмента. То нет того, то другого и в паровозном депо, из-за чего затягивалось сооружение бронепоезда. Единственное радовало: Левандовский, приняв руководство вербовкой в армию, заметно ее пополнил, но она все еще малочисленна...

Гикало, сдернув очки, покачивал их в пальцах:

— Что мы имеем?.. Четыре пехотные роты, кавэскадрон, шесть орудий, четыре бронеавтомобиля, двенадцать пулеметов и... музыкальную команду. Рабочие отряды: пролетбат, железнодорожная дружина, заводская рота самообороны. Итого — немногим более тысячи человек, вот и вся наша армия. Бичерахов же, если даже еще несколько станиц не подчинится ему, самое малое наберет

десять-пятнадцать тысяч. Вот я и думаю, нам надо не только пополнять армию путем вербовки и увеличивать рабочие отряды на заводах и промыслах, но и создавать роты самообороны по месту жительства: в городских кварталах, в слободках и поселках. Чтобы все население, в случае чего, поднялось на защиту Грозного. Всем партийцам непременно изучить военное дело, для чего организовать краткосрочные курсы. Рабочих вооружить уже сейчас. Смекайте, стоит человек у станка, а ружье — рядом. Вдруг, тревога — цап ружье — и в бой. Немало оружия у населения, тут и охотничьи ружья, и кинжалы, да и винтовки с револьверами найдутся. Ходить по дворам, разяснять, просить и собирать... Вот так, товарищи...

— Как нищие подаяние? — грустно вздохнул Тамбинский.

— «Подаяние...» — передразнил Гикало. — Хотя бы и так! Что в этом позорного? А если революцию отдадим контре? Вот где позор!

— Не отдадим! — взмахнул кулаком Сафонов. — У нас есть более сильное оружие, чем у Бичерахова. Он же, понимаешь, так его перетак, обманывает казаков, что видно из рапорта Званцева. Но ложь, сколько ее ни прячь, все равно вылезет наружу, и это неоднократно доказано историей. Постепенно станичники раскусят его авантюру, и тогда сами сыграют ему за упокой. А у нас — без обмана! С нами ленинская правда! В нее твердо и непоколебимо верит трудовой народ. В этом сила: правое дело всегда побеждает!

— Салам, друзья, здравствуйте!

Гикало повернулся на знакомый голос. В дверях стоял Асланбек Шерипов. Надвинута на брови каракулевая шапка. Черные сверкающие глаза. Усики над сочными губами. Гикало шагнул к нему. Обнялись. Затем Шерипов крест-накрест, по-кавказски, обнял Тамбинского, Сафопова.

— О бичераховщине в аулах уже известно, — Асланбек знал, что сейчас интересует Совдеп. — Разный идет хабар *. Богачи рады, бедняки озадачены. Бедняки считают, что, если мятежники захватят Грозный, Советская власть и в Чечне не удержится. А терять ее, снова лишаться земли, свободы, батрачить и голодать... Вот что услышал я от одного ашуга, певшего под струны дечик-пондура **. Ашуга окружила большая толпа, и все дружно кивали, выражая согласие с его словами:

Уэпик, получив волю,
Вдохнув полной грудью воздуха свободы,
Нет, не возвратится в тюрьму
Добровольно...

* Хабар — разговор (чеченск. и ингушск.).

** Дечик-пондур — музыкальный инструмент.

Гикало любовался другом. Смуглый, румяный, коренастый. Стоит крепко, пружинисто, слегка расставив ноги. Парусиновая гимнастерка тщательно выглажена, блестят начищенные сапоги. Идет ему и маузер в серебристой кобуре-коробке, на лакированном ремне, перекинутом через плечо.

Бедняк, хлебнув горькое
И вдруг отведав меду,
Конечно, навсегда полюбит
Сладкое...

Он читал громко, выразительно, сперва по-чеченски и тут же переводил на русский язык, который знал отлично, говорил без акцента, правда, по-горски, слегка гортанно. Талантлив был Асланбек: страстный оратор, отличный организатор, собиратель фольклора, публицист, переводчик.

Днями и ночами скакал он по аулам, собирал бедноту, призывал спланиваться с русскими рабочими и крестьянами, вместе отстаивать Советскую власть, завоеванную русским пролетариатом, давшую обездоленным горцам землю. Почти во всех аулах, признавших Гойтинский народный совет, членом которого был Шерипов, уже существовали вооруженные отряды по защите Советской власти. Вечно был занят Асланбек, но когда находились свободные минуты, переводил на чеченский язык Пушкина, Шевченко, Лермонтова, Некрасова, записывал фольклор, писал для газет статьи на острые политические темы.

Кроме всего был он еще и бесстрашен. За то любил его народ. За ум, храбрость и творчество.

Они ровесники, Гикало и Шерипов. Вместе на втором съезде народов Терека встретились с Кировым, подолгу с ним беседовали. Сергей Миронович рассказывал о национальной политике большевиков, сущности пролетарского интернационализма.

И если до встречи с Кировым Асланбека несколько увлекала пропагандируемая националистами идея «независимости Северного Кавказа», то теперь он сам горячо разоблачает националистические устремления Чермоевых, Чуликовых и Джабагиевых...

Не медли, раздави змею в зародыше,
Не мешкай, уничтожь ее гнездо.
Иначе ты умрешь
От гадючьего укуса!

Закончив декламировать слова ашуга, поправил кубанку и сел:

— Беднота, узнав о мятеже, еще активнее вступает в вооруженные отряды, чтобы отстоять свое право на землю. «Лучше раздавить змею в зародыше, чем умереть потом от гадючьего укуса!» И если, предположим, нападет на Грозный Бичерахов, Чечня бед-

няков, несомненно, будет сражаться против его банд рядом с русским рабочим и крестьянином. Но вот горское правительство... Ярмо, цепкое, тяжелое ярмо готовит оно под видом независимости неимущим горцам. К сожалению, не все, даже самые бедные, понимают это. Прельщают высокопарные слова: «мусульманское государство» — незыблемость ислама, шариата и адатов. Конечно, народ очистится в конце концов от всего этого, как очищает себя от наносного мусора бурлящий Аргун. Но сколько нужно потратить для убеждения сил и времени!..

Шерипов вдруг встал, протянул руку:

— Извините, друзья, пусть покарает меня аллах, задерживаться больше не могу. Забежал лишь для того, чтобы сказать вам то, что сейчас сказал. Нет у меня времени больше ни одной минуты. До свидания.

Круто повернулся и исчез за дверью так же неожиданно, как и появился.

— Орел, понимаешь, ну и орел! — потряс руками Сафонов. Гикало спросил Сафонову:

— Как ведет себя после наказания Маклаков, интересовались?

— Толку от него, замечаю, мало. Я уже за то, чтобы выгнать, да Пулер, понимаешь, против.

— При чем тут Пулер? Он всего лишь помначотдела.

— Не забывайся, Николай. Пулер — помощник начальника оперативного отдела штаба армии. С ним надо считаться. Он говорит, что расшвыриваться комсоставом, которого и так не хватает, преступно. Не могу, понимаешь, ему возразить.

— Не армия, а цыганский табор! — Гикало сердито толкнул треснутое блюдо с окурками. — Командарм — свое, комиссар — свое, помначотдела — свое... Тьфу! Что там с Левандовским происходит: что-то хочет сказать, а не договаривает. Интересовались?

— Рассказал он мне. Белогвардейцы требуют его перехода на их сторону. В противном случае угрожают расправой. Он хотел сказать об этом, но постеснялся.

— Контра способна на все! — Гикало повернулся к Тамбинскому. — По вашей линии, Петрович, примите меры, пока не поздно. Теперь вот о чем: Петухов, которого послали в станицу Грозненскую, что-нибудь сообщил?

— Молчит, как рыба, твой поручик Петухов.

— Неужели предал?

— Я так и думал тогда. А ты, помнишь, убеждал: что ему предавать? Как что? Он у нас командиром был, кое-что знал: численность личного состава, количество вооружения...

— Помолчали бы вы, Петрович, и так тошно!

— На вот, почитай бичераховскую газетку, а потом, для успокоения, я тебе что-то предложу. Вот тут читай, на последней странице.

Гикало протер очки, начал с первой страницы. Увидел заголовок «Терский казак», рассмотрел рисунок: казак разрубил шашкой дракона с надписью «большевизм». Пробежал глазами заголовки и сильно сморщился:

— Фу, гадость! От нее контрой несет, как из сортира.

— Тут читай, в отделе объявлений. — Тамбинский ткнул в то место пальцем.

Гикало прочитал:

— «Канцелярия Терского казачье-крестьянского совета приглашает на службу хорошо знающую дело машинистку. Оплата по соглашению».

Несколько секунд Гикало смотрел на объявление не мигая. Потом в упор глянул на Тамбинского. Тот кивнул:

— Понял?

— Да.

— Можно посылать?

— Чем скорее, тем лучше!

Тамбинский свернул газету, сунул в карман и, посапывая, медленно переставляя ноги, ушел.

— А я — в казармы, — поднялся Сафонов.

— Подождите минутку, Иван Павлович, — попросил Гикало, — открою форточку и пойдем вместе.

Распахнул форточку, чтобы выветрить густо скопившийся табачный дым, и увидел в окно Настеньку. Она, принарядившись в новое цветастое платье, задумчиво стояла под топодем, теребила перекинутую через плечо косу. Очевидно, поджидала его, Николая.

— Не пойду я сейчас в казармы, Иван Павлович. Потом, немного позже.

Тот развел руки, пожал плечами и удалился. Гикало выскочил на улицу. Настенька, заметив его, пошла навстречу.

— Зачем обманул меня тогда, Николай? — Ее с длинными ресницами веки часто-часто мигали, вот-вот всхлипнет. — Приглашал на «Вишневый сад», а сам не пришел. Я так долго ждала... Не стыдно обманывать?

— Случился пожар, Настенька, я не мог...

— Ладно, за то прощаю. Пошли сейчас, пока нет пожара, «Вишневый сад» идет сегодня последний раз. Пошли?

Николай хотел объяснить, что ему сейчас очень некогда, что он занят неотложными делами, должна же она понять, не маленькая! Но глянул на милое, такое грустное, страдающее лицо и не выдержал:

— Пошли, Настенька!

Она улыбнулась, схватила его за локоть и потащила за собой. На город опускались сумерки, ярче становилось новопромысловское пожарище. В саду играл духовой оркестр...

Левандовский рассуждал: Маклакова надо было если уж не уволить из Красной Армии, то во всяком случае понизить в должности. Не годился он командовать ротой — не те данные, не те замашки. Достаточно уже в этом убедился Левандовский и решил твердо настаивать перед Гикало и Сафоновым: перевести Маклакова хотя бы в помкомроты. Попросил по телефону у командарма разрешения встретиться с ним, получил согласие.

И вот теперь шел. Таял день, близился к вечеру. За тонкой пеленой облаков пряталось низкое солнце, и в том месте сверкали радугой широкие круги, напоминая огромную кокарду. Искрились от этого листья деревьев, булыжник мостовой и даже каменный тротуар под ногами. Было тепло, тихо и как-то необыкновенно приятно. Левандовский никогда не запоминал мотива песен, не знал их слов. А тут вдруг зазвучала в душе какая-то мелодия и захотелось петь. Он удивился этому странному желанию и необычайной душевной приподнятости. Но, подумав, пришел к выводу, что ничего особенного в том нет. Отчего бы человеку не порадоваться и не попеть, если дела у него идут хорошо? Армия Левандовского уважала и ценила, боевая подготовка, за исключением разве роты Маклакова, проходила на высоком уровне, ряды красноармейцев все же пополнялись. И белогвардейцы со своими письмами, кажется, отстали...

От прилива бодрости само собой шагалось быстрее, выше поднималась голова. Но вот ему показалось, что из-за угла кирпичного дома выглянул кто-то бородатый. А следом высунулся ружейный ствол. Не успел Левандовский опомниться, как прогрехотал в тишине выстрел...

6

У Добровых — пир. Во время пожара на складе кое-что удалось спасти. Хранить тронутые огнем продукты дальше нельзя, их распределили среди рабочих. Добров получил десять фунтов картошки, пять вяленых во бл и давно забытую роскошь — осьмушку китайского чая.

На пир пригласили Сергея Званцева.

Глафира Петровна посыпала отварную картошку зеленью лука, разделала кусочками во блу. Дим Димыч с Сергеем, смакуя еду, неторопливо разговаривали.

— А Шерипов кто такой? — допытывался Званцев.

— Отчаянная голова, вот кто! — пояснил Добров. — Родился в предгорном ауле. Отец, армейский поручик, устроил его в кадетский корпус, а он сбежал. Определился в Грозном в реальное

училище. Сошелся с революционной молодежью. Подружил с большевиками. Теперь — вождь чеченской бедноты!

Глафира Петровна не принимала участия в трапезе. Колдуя над чаем, ждала Наташу. Тимка, устав от дневной беготни, крепко спал.

Званцев продолжал расспрашивать. Раз уж остался в Грозном, надо знать, кто тебя окружает.

— Сафонов? — Добров обсасывал каждую косточку воблы. — Рядовой царской армии. Революционный полк выбрал его комиссаром. Царская армия распалась, приехал в Грозный, вступил в Красную Армию, избрали военкомом. Коменданта Тамбинского ты уже знаешь: рабочий, масленщик — подшипники на Старых промыслах заправлял.

Глафира Петровна подала стаканы с чаем. Приходилось пить чай Сергею, но такого благоухания, как от этого, не ощущал никогда. Может быть, потому, что соскучился по настоящему. Сколько лет уже заваривал кипяток сушеной морковкой.

— Сахару, извините, нет, а торт пожалуйста, — Глафира Петровна шутливо поклонилась и поставила тарелку с приплюснутым кукурузным чуреком.

Тимка вдруг открыл глаза, с любопытством уставился на стол: — Мамк, а чево это такое бывает — торт? Дай попробовать...

Все рассмеялись. Тимка сонно поморгал, рассмотрел обычный чурек, повернулся на другой бок и уснул.

— Вкусно! — прихлебывая чай, восхищался Званцев.

Добров сообщил приятную новость. И у обоих поднялось настроение. Из Владикавказа пришло сообщение, что Киров уже выехал из Москвы с оружием и боеприпасами. Терсовнарком сделал предварительное распределение, большая доля намечена Грозному.

В коридорчике стукнуло. Слегка прихрамывая, Глафира Петровна поспешила к двери. Вошла Наташа. Сергей поперхнулся.

— Вот это чай! — кричал Дим Димыч. — Дай-ка стакан, Сережка, налью тебе еще.

— Да, да, конечно... — не слушая Доброва, пробормотал Званцев и накрыл пустой стакан ладонью.

Наташа, поздоровавшись, шагнула в угол.

— Сережа, позвольте, я налью вам чаю, — Глафира Петровна подошла с чайником.

— Да, да, — рассеянно ответил Званцев, но ладони со стакана не снял.

Глафира Петровна понимающе переглянулась с мужем: «Влюбился парень!» Наташа сняла туфли, прошлепала босиком за спиной Сергея, остановилась у зеркала. Званцев старался угадать, что она делает: вот вынула заколки... рассыпались по плечам волосы... Он даже ощутил их запах. Повернулся к ней. Нет, не вы-

нимала она заколок и не распускала волос. Она лишь поправила их. И печальными были глаза, лицо выражало тревогу. Она села за стол против Сергея. Обнаружив ладонь на пустом стакане, Сергей смутился, покраснел.

— Кушай, доченька, — Глафира Петровна подвинула к ней тарелки, села рядом.

— Не хочу, мама. Утомилась. Принесла новости.

— Хорошие или плохие? — насторожилась мать.

— Сегодня стреляли в Левандовского...

Молчали, пораженные. Первым заговорил Добров:

— При каких обстоятельствах?

— Не знаю точно. К счастью, промахнулись. Говорят, стрелявший не задержан и известно о нем мало. Михаил Карлович, рассказывают, успел заметить лишь бороду.

Сергей рванул с вешалки картуз.

— Куда вы? — удивилась Глафира Петровна.

— Чрезвычайное происшествие, а я тут чай...

— Не спешите, — жестом остановила Наташа. — Сейчас я вам кое-что скажу. Нам... — Она внимательно посмотрела на Тимку: не проснулся ли? Но тот, сопя и всхрапывая, крепко спал. Понирила голос: — Нам с вами предстоит отправиться в Моздок...

— «Нам?» — Глафира Петровна побледнела. — И тебе?

— Не волнуйся, мама...

— Что же ты там будешь делать, доченька?..

— Это большой секрет... Но вы родители, мне разрешили вам сказать. Моздокская газета напечатала объявление, что канцелярии Бичерахова требуется машинистка. Постараюсь устроиться на эту должность. А Сережа...

— Понятно, — глянув на Тимку, тихо сказал Добров, — Сергей будет у тебя связным.

— Но ведь это опасно, доченька! — у Глафиры Петровны повлажнели глаза.

— Не надо, Глаша, — грустно и ласково попросил Добров.

Осушив глаза фартучком, она умоляюще сказала Званцеву:

— Сберегите Наташу, Сережа! Вы храбрый и сильный.

Добров хмуро теребил усы:

— Если уж судьба вам такая, будьте осторожны!

— И ты, папа... Слышала, тебя включили в список агитаторов ехать в станицы, приглашать казаков торговать в Грозном продуктами...

— Здрас... — сердито глянула на мужа Глафира Петровна, но осеклась, приложила руки к глазам и заплакала. — Оставляете нас с сыночком, сиротиночек...

Добров горестно смотрел на жену.

Сергей допоздна задержался у Добровых, ночевал у них. Ворочаясь с боку на бок в кровати рядом с Добровым, Званцев слы-

шал в темноте, как скрытно зевал и притворно посапывал Дим Димыч, как шептались и вздыхали до утра Глафира Петровна с Наташей, постелившие себе на полу. Один Тимка безмятежно свистел носом.

7

— Чевой-т мы, бабы, здря ждем? Не будеть, должно, и в эт день оттелева поездов...

— Откелева?

— От Кизляру на Моздок...

— А чевой-то так, третьево дня уже нету?

— Толкують, округ Кизляру бой идеть. Наши казаки большевицких босяков луплять. За это поездов нет.

— А хучь бы и были, дак приедешь в Моздок, а там словлять и в кутузку заарестують.

— Эт иногородних мужиков да большевиков ловлять, а казаков и казачек не трогают. Аль наши станишники — враги Егорий Федрычу? Небось всей станицей на ево сторону поднялись...

— Маво тожеть за семьсот рублей нибилизовали, воюеть, родненький, с босяками...

— А раз поездов не будеть, чевой-т нам здесь сидеть? Айда, казачки, обратно по станицам...

Наташа внимательно слушала казачек, собравшихся на степном разъезде Галюгаевском. Они сидели группами на лужайках возле железнодорожного полотна, шелкали арбузными семечками. Рядом лежали мешки с луком и огурцами, кошелки с битыми курами, салом, маслом и окороками. Все это предполагалось везти в Моздок на базар.

Наташа так же, как и казачки, была одета в кофту с оборками и длинную сборчатую юбку, так же грызла семечки. Незаметно подсаживалась то к одной, то к другой группе. По словам женщин выходило, что под ударами казаков большевики панически бегут из Кизляра. Вроде бы громят станичники красных под Прохладной и Котляревской. Будто уже выбили советских из Георгиевска. Выходило, везде у бичераховцев успех, а большевикам — крах. И еще: вокруг Моздока заставы, всех задерживают, уличенных большевиков тут же казнят...

Званцев в черкеске с погонами, единственный тут мужчина, чтобы не бросаться в глаза, стоял поодаль, прислонившись спиной к тополю. Тень от тополя накрывала кирпичный домик разъезда и выщербленный цементный перрон.

Долго ждали поезда и гомонили казачки. Уже совсем рассвело, вот-вот взойдет солнце. Потеряв надежду уехать, взвалили мешки и кошелки на плечи и разошлись. Наташа приблизилась к Сергею, передала все, что слышала. Маячить вдвоем на пустын-

ном разъезде было опасно. Решили добираться до Моздока пешком, отшагать свыше двадцати верст.

Пыльная дорога петляла завитушками в синей, красной и бронзовой степи. Пахла степь крепким настоем васильков, угарным маковым цветом и набрякшим колосом. Васильков на полях разрослось множество — реками синели в пшеничных делянках — некому было в войну уничтожить плодovitый сорняк. И маки буйно цвели по низинам, будто растекались кровавые озера. А хлебов маловато: сеять помешала та же война...

Шли, говорили о том, что видели вокруг, стараясь не думать о будущем. День только начинался, но оба чувствовали усталость: третьи сутки без сна! Хлопот было много. Наташе срочно шли одежду, какую носят казачки. Искали подводу и надежного возницу. Готовили документы. Нашлись чистые бланки, и обоим выписали паспорта: Наташе — уроженки Моздока, Званцеву — уроженца Червленной. Выправили ему и офицерский билет хорунжего Терского казачьего войска. В документах, естественно, вымышленные фамилии. Обоим даны конспиративные клички. Наташа — Василек, Сергей — Тюльпан. Решили, как им себя вести, за кого выдавать. Выехали под ночь. Лошади попались плохонькие, к аулу Терк-Юрт добирались почти сутки. Дуда Хаттуев встретил радушно, помог переправиться через Терек.

Поднималось солнце. С кавказских гор, от Терека и прибрежных лесочков все слабее тянуло прохладой. Духота напознала из пустынных Ногайских степей и от Бажиганских песков. Разливался зной.

Наташа остановилась и, держась за плечо Сергея, сняла тяжелые, с высокой шнуровкой ботинки. Пошлепала босиком по прогретой пыли. Сергей взял у Наташи ботинки, связал шнурками, перевесил через плечо. Нести ее вещи доставляло удовольствие.

Иногда Сергей оглядывался. Уже далеко позади плавала в миражах синяя точка разъезда. Но вот непонятное пятно появилось на дороге. Приближалось, нагоняло путников. Сергей взял Наташу за руку и увлек в бронзовую пшеницу. Они, на всякий случай, залегли подальше от дороги. Заливались жаворонки, вторили цикады. Вкусно пахло поспевающими хлебами. И рядом была Наташа: общее дело с ней — это ли не счастье? Она, покусывая травинку, с тревогой смотрела на Сергея, напряженно слушающего степь.

Косынка сползла набок, взъерошились волосы, отчего, как показалось Сергею, Наташа стала еще красивее. Он не мог больше смотреть на нее равнодушно, решил сейчас же сказать, что любит, обнять и поцеловать. Но едва открывал рот, появлялась робость, язык становился тяжелее гири, не могли подняться руки.

Осторожно выглянул из колосьев. По дороге, пыля, рысила конница. Казачья сотня спешила к Моздоку. Скопив глаза, увидел

вдали еще одну сотню, а следом и третью. Бичерахов стягивал силы. Когда последние всадники скрылись вдалеке, Званцев помог Наташе подняться. Она причесала волосы, перевязала козынку.

Приплыл с гор медленный ветер, принес струйку прохлады и запах вечных снегов. Кофта и юбка, вспугнутые ветром, облепили фигуру Наташи.

И снова шли, задыхаясь от жары. Ноги деревянели от усталости. Но вот зубчатая кайма леса протянулась по горизонту, сверху нечетко возник шпиль Успенского собора. Приближался Моздок.

Лес накрыл прохладой, брызнул запахом диких яблок. Сели под яблоней с красными плодами, перекусили воблой и вареной картошкой. Наташа сорвала два яблока, одно, побольше, протянула Сергею. Горько-душистое, непомерно кислое, оно сводило челюсти, но Сергей, стараясь не морщиться, стойко ел, не смея выбросить Наташино угощение. Она, кусая свое яблоко, смешно кривила губы. Потом обтерла ноги, обулась:

— Пора, Сережа...

Взяла его за кончики пальцев, и они пошли. Лес, сгущаясь, нависал над дорогой. Оранжевое солнце путалось в зеленых сумерках.

Вдруг Наташа остановилась:

— Тсс...

Оба, напрягая слух, замерли. Едва слышно шелестела листва, где-то потрескивали сухие ветки. Застрекотала сорока. Но сквозь этот обычный лесной говор явно пробивалось фыркание лошадей. Сергей наклоном головы показал на обочину дороги, где разросся кустарник. Они протиснулись в него.

Часто застучал дятел. Опять донеслось фыркание лошадей. Совсем близко шоркнула трава. Приближались чьи-то шаги. Званцев увидел сквозь кустарник клочок дороги и длинные ноги в рыжих ичигах. Неслышно поднял голову и рассмотрел короткую, выше колен, черкеску, погоны урядника, лицо с отвислой губой. Урядник, держа винтовку наготове, шарил глазами по кустарнику. Званцев затаил дыхание. Наташа прикусила губу.

«А почему мы прячемся? — пришла Званцеву мысль. — Документы у нас в порядке, одежда соответствует... Подумаешь, какой-то урядник... А я — хорунжий! Вот выйду и гаркну на этого вислогоубого: «Прочь с дороги!» Да еще и по морде дам...»

Решившись, Званцев дернулся, и поймал умоляющий взгляд Наташи — молчаливую просьбу не шевелиться. Но Сергей уже шевельнулся, и это не минуло ушей урядника. Он напряжился и направил винтовку в кустарник. Черный глазок дула уставился на Званцева.

Несколько минут стоял так урядник, прислушиваясь. Не обнаружив больше подозрительного шума, почесал затылок и ушел.

Покинув дорогу, Сергей с Наташей круто свернули влево. Вскоре выбрались на плохо заметную тропинку. Сиреневый отблеск пал на деревья: уходило солнце. Утихали птицы. Тропинка вывела к мелкому лозняку. Послышался плеск, блеснула вода. Круто вскинулся вдали противоположный берег. Оказывается, вышли к Тереку. Он бурлил, неся стремительно и широко.

Из лозняка угрожающе высунулся ствол винтовки. Сергей попытился, мельком увидел побелевшее лицо Наташи. В тот же миг раздался суровый оклик:

— Стой, кто идешь?!

8

Шеренга из пяти человек старательно подбирала животы и задирала подбородки. Урядник Тюпа — грудь колесом — ходил около, стараясь обнаружить изъяны в выправке подчиненных.

Маленький белобрысый казак на левом фланге горбился, боязливо мигал белесыми ресницами. Тюпа ткнул его пальцем в грудь:

— К-как стаишь?

Тот натужился так, что вспухли на висках жилы, но положения не исправил, он был полугорбатым.

— Помилуй, господин урядник! Не выйдешь из меня прямого.

— Пач-чему?

— С детства таков родился.

Тюпа сплюнул от досады и приблизился к стоявшему рядом с белобрысым черному, с худым лицом казаку. Однако встретив злобный взгляд, отпрянул. Глаза, смотревшие на него с ненавистью, принадлежали тому самому вознице, которого тогда за станицей Павлодольской огрел плетью, а в ответ получил кнута. Тюпа узнал его. Казалось, павлодолец Корней Терсков схватит его сейчас за горло и задушит.

— Ну-ну, не бал-луй! — попятился Тюпа и предостерегающе погрозил кулаком.

Старший наряда Тюпа не зря мучил казаков, стараясь привить образец выправки. Он уже получил за усердие новый чин. Был младшим урядником, теперь урядник. Прослышал, что за рвение к службе и беспощадность к врагам готовится ему следующее звание — старший урядник. Тюпа же имел цель возвратиться в станицу после победы над большевиками по крайней мере сотником, а то и есаулом.

Оставив в покое Терскова, озверело глядевшего на него, Тюпа принялся за очередного казака. Сменившись, уехал с лесной заставы предыдущий наряд, фыркая, ждали корма нерасседланные кони. Солнце, остывая, скатывалось за лес, а Тюпа все ходил страусом вокруг шеренги и зычно выкрикивал:

— Замкни н-ноги! Ш-шире грудь.

Потерявший терпение, Терсков грубо выкрикнул:

— Хватит мордовать казаков, кони по овсу скучают!

Тюпа оценил решительный и недобрый вид Терскова, напоследок спросил:

— Воп-просы есть?

— Есть, господин урядник, — откликнулся рябоватый казак. — А эт правда, если большевики победят, всякому на лбу печать зачнут ставить?

— Кто тебе сказал-л? — строго выкатил глаза Тюпа.

— Говорят, сами Егорий Федорович молвили.

— Если Егорий Федорович, то истинная правда!

— Господин урядник, — продолжал рябоватый, — а эт правда, что ли, мол, большевики бедных задарма земель наделять будут?

— А эт кто тебе сказ-зал-л? — рассвирепел Тюпа.

— А эт, значит, когда мы моздоцкую совдепию громили, печатную бумагу на полу подняли, в ней про то сказано... А еще, чтобы войнам не бывать... А еще...

— Ма-алчать, свинье рыло! — затопал ногами Тюпа. — Заарестую!

— Смилуйся, ваша благодрь, — испугался рябоватый. — Я ни то чтобы... Я из-за интересу...

— Мал-лчать, пролетарьяцкий агитаторщик!

Наконец велел отпустить у коней подпруги, задать в торбах овса. И развел казаков по постам. Двоих уложил в секрет слева от дороги, двоих поодаль — справа. А сам с одним остался стеречь дорогу, поручив второму коней. Корнею Терскову и полугорбуну достался пост в мелком лозняке, вблизи тропинки у Терека.

Наказав напарнику глядеть в оба, Тюпа пошагал дорогой в глубь леса, так, на всякий случай. Дорога была плохо наезжена, ее колени терялись в густой траве. Сверху нависали ветви, что напоминало тоннель. Было сумеречно.

Вдруг Тюпе послышались чьи-то шаги. Насторожился. В это время напарник снял торбы с коней, они фыркнули. Где-то зашелестело и смолкло. Выпятив винтовку, Тюпа двинулся дальше.

Легкий шорох за ближайшим кустарником коснулся Тюпиного уха. Напружинился, навел туда винтовку: «Еще если шелестнет, стрельну в то место!»

Однако, как ни прислушивался, ничто больше не нарушало обычных лесных звуков. Возвратясь к напарнику, придрался к нему для порядка, выругал и отправился проверять посты.

Корней Терсков и белобрысый полугорбун улеглись в лозняке на сухую траву, выдвинув перед собой винтовки.

— А ты храбер, станичник, — сказал белобрысый, — не убоялся урядника.

— Я его, шкуру, все одно сничтожу, от моей руки подохнет!

— Да ты что! — испугался белобрысый. — Разве так можно? Устав гласит: командир — отец родной, его надо чтить.

— Плевал я на устав, — Терсков расстегнул черкеску, задрал рубаху и показал на спине гнойную рану, подплывающую сукровицей. — Вот в самое это больное место, вислогубая сука, плеткой хлестнул. Слезьми тогда облился от боли. За это отомщу! — Он застегнул черкеску.

— А как же так, станичник, у тебя раны незажитые, а на войну забрали. Сам, что ли, за семьсот рублей пожелал?

— Сморкал я на ихние рубли. В Моздоке показался доктору, а он мазнул вонючкой, бинтом залепил, «годен» — кричит. Я тот бинт содрал и в сортир кинул, нехай гной стекает...

— А я сам пошел, — задумчиво говорил напарник. — Оно и деньги сгодятся для семьи, да и большевиков тоже кому-то надобно бить...

— А за что их бить, большевиков? Или плохое они тебе сделали?

— У нас в станице на Кругу полковник Лымарь сказывал: они казачьих прав нас лишат, а самое главное, на Луковскую напали, жителей из пулемета поубивали. Нельзя, мол, краснопузым прощать казачью кровь.

— А мне что-то кажется, брешет он, Лымарь, — сплюнул сквозь зубы Терсков. — Толкуют, Лымарь с Бичераховым сами подговорили какого-то офицера, он и стрелял по Луковской, а на большевиков свалили...

— Неужели брешет? — мигал белесыми ресницами напарник. — А к чему брехать, в толк не возьму.

— К тому, чтобы мы большевиков разбили. Оттого Бичерахову и Лымарю — польза громадная. И богатство будет им, и почет, и уважение. А мы как копались в земле и навозе, так и будем копаться!

— Ишь ты, как складно говоришь. Только сумление меня берет. Так ли?

— Бит, видно, мало, вот тебя и сумление берет. В работниках приходилось служить?

— Слава, осподи, пока нет...

— А мне приходилось. Случился как-то неурожайный год, голодно стало. Пошел в услужение к одному войсковому старшине. Ох, и поиздевался надо мной. Нажрется, бывало, чихиря и орет:

«Эй, а ну поди сюда, что я тебя спрошу... Отвечай, кто ты есть такой?» Говорю: «Казак я, кто же еще...» Хмыкнет: «Какой же ты казак, если в работники нанялся? Быдло ты, вот кто!» И уперев руки в бока, закатывался длинным хохотом. А на Покров день, помню, перепил, так и нагайкой по спине хлестанул. Яростью меня крутило, так бы и вцепился ему, гадюке, в горло. — Терсков, задыхаясь от возбуждения, скреб ногтями приклад винтовки. — А ты толкуешь, большевики прав лишат... Которых? От богатейших нагаек избавят? От офицерских и урядничьих придинок?

— Не-е!.. — крутил головой белокрысый. — Все ж таки сумеваюсь. Казаком мой прадед был, дед, и отец, и я тоже. И хочу, чтобы дети мои, и внучата, и правнуки казаками были... Краснопузым не поклонюсь, воевать с ними буду... А ты как хощь...

— Куда денуть? Казак я, положено... Только, если ляпнешь кому про мои слова, берегись, пулю в спину пушу!

— Что ты, что ты! — боязливо замахал руками белокрысый. — Страшусь я тебя...

Шумел Терек, иногда, громко всплескиваясь, принимал в свои объятия подмытый обрушившийся берег. Терсков закрыл глаза. Мучила щемящая тоска по дому, жене, особенно по детям.

Утихали лесные голоса. Лес дымился сиреневым закатным маревом. Послышались шаги. Напарник Терскова встрепенулся. Приподнял голову Терсков. В лозняке мелькнуло серое пятно черески. Белокрысый встал, выпатив винтовку, сурово окликнул:

— Стой, кто идеть?!

Терсков видел, как отпрянул от винтовки коричневый, похожий на цыгана мускулистый офицер с погонами хорунжего. Как побледнела от испуга его спутница, молодая казачка. Но хорунжий быстро пришел в себя, принял гордый, надменный вид. Небрежно отстранил винтовку рукой:

— Прочь с дороги!

Белокрысый растерянно опустил винтовку. А Терскова взбесило высокомерие хорунжего: «Нет объяснить, кто таков, так он от простых казаков морду воротит, за людей не признает».

— Стой, ваше благородие! — вскочив, властно приказал Терсков и наставил винтовку. — Ни с места!

Хорунжий, продолжая идти, даже не глянул на Терскова, буд-то его и не существовало.

— Стой, говорю! — Терсков, клацая затвором, подал патрон в патронник.

— Отстань, в морду получишь! — Порылся в кармане, ткнул Терскову под нос офицерский билет в голубой обложке.

«В морду получишь», — хлестнуло болью обиды. Кровь бросилась в голову и тут же отхлынула. Лицо, налившееся бурачным

цветом, вдруг приобрело меловую бледность. Не помня себя, размахнулся винтовкой, толкнул хорунжего в грудь. Тот, не удержавшись, упал.

Оторопев от невиданного надругательства над офицером, крестился дрожащей рукой белобрысы:

— Господи сусе, господи сусе...

Ошеломленная, не зная, что ей делать, застыла с ужасом в глазах спутница хорунжего.

Хорунжий поднялся с трудом.

— Руки вверх! — свирепел Терсков, вскидывая винтовку к плечу.

— Ответишь, казак, за офицера! — поднимая руки, сказал хорунжий. — От полевого суда пощады не жди!

— И нехай! — дурным голосом выкрикнул Терсков. — Нету сил терпеть измывательства! Застрелю и все тут, тем ублажотворю себя.

Патрон был в патроннике. Осталось спустить курок. Терсков не собирался шутить. Презрительное обещание хорунжего дать в морду переполнило чашу терпения. Самым серьезным образом решил расстрелять обидчика, а там будь что будет.

И это безошибочно поняла, угадала спутница хорунжего.

— Не надо! — метнувшись к казаку, схватила его за руку. — Прошу, умоляю, не надо, у нас — дети! — Слезы текли из ее глаз.

«Дети!» — это отрезвило Терскова. Он вспомнил своих, по которым так мучительно тосковал. Он отлично понял эту молодую казачку: спасала мужа ради детей. Опустил винтовку.

— Ух, и больно ты меня оскорбил, хорунжий, — успокаиваясь, но все еще тяжело дыша, сказал Терсков. — Навроде яду в рану залил! Да разве я не такой человек, как ты? Показал бы свой документ... А ты... Иди, бог с тобой!

И неожиданно услышал слова, произнесенные приятельским тоном:

— Извини, друг! Нет к тебе обиды! Подлецом я оказался перед тобой. Прости, пожалуйста!

Хорунжий уходил, подталкиваемый спутницей.

Терсков, оставшись один, мазнул рукавом черкески по влажным глазам. Впервые за всю свою трудную жизнь почувствовал он слезы радости. Впервые офицер (офицер!) назвал его, Терскова, другом, признал себя виноватым, попросил прощения. До этого при всех обстоятельствах виноватым оставался только Терсков. Оглянувшись, не увидел белобрысого. Догадался, что тот скрылся подальше, чтобы не быть свидетелем страшного происшествия. Но вот раздвинулся лозняк, вылез перепуганный напарник:

— Слава те, господи, что хорошо кончилось. Душу у меня вы-

трепало. Как это можно, чтобы рядовой казак в своего ахвицера стрелял?..

Пришел Тюпа. Белобрысый вытянулся перед ним. На вопросы урядника ответил, что все в порядке, происшествий не было.

10

Да, Званцев сам увидел казака, который не посчитался с офицером, поднял на него оружие, заявив о себе, как о равном. Значит, не только станица Государственная, еще пять таких, и марьинский казак Дьяков — против бичераховщины.

Такой вывод навел Званцева на мысль — быть связным у Наташи и одновременно выявлять, крайне осторожно, разумеется, недовольных и колеблющихся, раскрывать им суть Советской власти и политику большевиков. Это ускорит разгром контрреволюции.

Лес оставался позади. В него, круто повернув из широкой степи, с шипением вползал Терек. На западе еще сохранялся кровоподтек заката, но звезды уже выступали из небесных глубин. И низко навис медный рожок только родившегося месяца. С самой заставы Сергей и Наташа шли молча, чувствуя неловкость друг перед другом. Сергей ругал себя: «Дурак, возомнил о собственной персоне, забыв про бдительность, элементарную осторожность. Вместо того, чтобы беречь Наташу, она его, безмозглого, спасла».

Нарушив ритм ходьбы, Наташа вдруг покачнулась. Лицо ее было вялым и бледным. Сергей догадался, что страшно устала она от долгого пути и нервного потрясения. Он и сам устал, но откуда взялись силы: поднял Наташу на руки и понес... Как ребенок, доверчиво положила она голову ему на плечо. Потом они посидели на обочине у дороги, отдохнули. И, держась за руки, снова пошли.

За поворотом Терека выглянули из-за деревьев городские крыши. Над ними матово тлело острие Успенского собора. Началась первая моздокская улица. Вон там, у переулка, белел в сгустке палисадника домик, где квартировал Званцев. Туда вел он и Наташу.

Хозяйка встретила приветливо:

— Заходите. Милости просим, барышня!

Пахнуло уютом жилья и чем-то вкусным.

— А ко мне только что явился сын, — поделилась радостью хозяйка.

— Так знакомьте нас, тетя Сусанна!

В комнате неярко горела керосиновая лампа. Окна прикрыты внутренними ставнями. Стояли тахта, стол. На стенах — ковры, фотографии, у печи на полке — кувшины, тарелки, металлические, с кавказским орнаментом блюда. За стеклом буфета виднелась фарфоровая посуда.

Из другой комнаты вышел тонкий в талии молодой человек с орлиным носом и ясными глазами. Белая, со множеством мелких пуговичек кавказская рубашка на нем была туго схвачена ремешком с узорным серебряным набором. Сдержанно поклонился, подал руку Сергею, дождался, пока ему протянет руку Наташа, назвал себя Симоном. Сергей отрекомендовался Иваном, Наташа — Марусей, так было в документах. Симон принялся ухаживать за гостями.

Вскоре умытые и причесанные гости вместе с Симоном сидели за столом. Невысокая, с проседью в волосах, затянутых косынкой, тетя Сусанна подавала на стол. Затем села сама. Горячий, только из печи, осетинский пирог с сыром, олибах, запивали холодным из погреба кумалом, кукурузным квасом.

Разговор не клеился. Мать и сын понимали, что гости явились неспроста, естественно, ждали объяснений. В тете Сусанне Сергей был уверен. Смекнул, что и Симон — член партии «Кермен» * — в бичераховском Моздоке не случайно. Поэтому сперва намекнул, а потом, решившись, прямо сказал о цели прибытия. Симон уже имел понятие о Сергее от своей матери. Узнав теперь, что представляет его спутница, повеселел и рассказал о себе.

Центральный комитет «Кермен» во Владикавказе встревожен тем, что бичераховцы вовлекают в свои ряды осетин, формируют из них вооруженные отряды. Чтобы воспрепятствовать этому, ЦК разослал в населенные пункты активистов. Посланцем для подпольной работы в Моздоке среди осетин негласно прибыл активист партии Симон Калоев.

Сергей, подумав, открыл и легенду, с помощью которой «Маруся» должна проникнуть в бичераховскую канцелярию. Представлялось это так. Тетя Сусанна поможет «Марусе» найти квартиру у своих, надежных людей. Они будут выдавать «Марусю» за вдову погибшего на войне казачьего офицера, сбежавшую от большевиков из Владикавказа, где служила машинисткой в бельгийской фирме «Фламандец». Так же скажет и в бичераховской канцелярии, попросив принять машинисткой. Что касается Сергея, то он спрячет погоны, офицерский билет и будет жить, если она позволит, у тети Сусанны или, по ее рекомендации, у кого другого. В случае необходимости назовет себя станичником из Червленной, приехавшим в Моздок для розыска скрывшегося куда-то казака большевика, насолившего лично ему, «Ивану», чтобы расправиться с предателем и обидчиком. Будет доставлять до-

* Кермен (Чермен) — имя легендарного героя осетинского народа, борца за свободу. Этим именем была названа революционная организация в Северной Осетии, созданная большевиками по инициативе С. М. Кирова, Г. А. Цаголова, А. П. Гостиева и других. Она спланировала трудовые массы на борьбу против контрреволюции, за установление Советской власти на Кавказе. Впоследствии волилась в РКП(б).

несения «Маруси» в Грозный. В случае необходимости может обернуться и офицером.

Тетя Сусанна и Симон согласились, что легенда в общем-то неплоха, но для большей безопасности надо бы прибавить к ней еще кое-какие элементы. Высказали несколько мнений. Но тут же и отвергли их как несостоятельные. Тетя Сусанна посоветовала лечь спать: утро вечера мудренее!

Наташе постелили в небольшой комнатушке, Сергей отправился с Симоном в его комнату. А тетя Сусанна, погасив лампу, заторопилась на улицу.

Сон к Наташе не шел. Она думала, как себя вести у бичераховцев. Решила реже поднимать голову, чаще опускать глаза, быть скромной, застенчивой. Никому не перечить, показывать трудолюбие и уважительность.

На душе стало спокойней. Повернулась на бок с намерением уснуть. Но скрипнула дверь, послышался голос тети Сусанны:

— Оденьтесь, барышня, мы вас ждем...

За столом, при прикрученной лампе, ждали наспех одетые Симон и Сергей. Тетя Сусанна сказала, что ходила советоваться к добрым людям, мудрым друзьям, которых Симон хорошо знает. Вот что они порекомендовали.

Сергей сейчас же, пока ночь, уйдет на квартиру к другим, надежным людям. С Марусей он не должен встречаться. Она останется у тети Сусанны, ей будет выделена комнатушка. Утром тетя Сусанна объявит соседям, что приехал сын, привез невесту. Завтра Симон пойдет в бичераховский штаб, запишется добровольцем. Завтра же Симон с Марусей отправятся в Успенский собор и венчаются...

Званцева покорило. Он понимал: венчание — условность, необходимая для лучшей конспирации, но...

Далее, по замыслу тети Сусанны, состоится скромное, так, для отвода глаз, свадебное пиршество. А послезавтра можно наняться машинисткой. Связь с Сергеем поддерживать только через Симона.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Невзрачный бичераховский кабинет преобразился. Не было уже здесь тусклой лампочки под потолком. Вместо нее свисала многоламповая люстра с гранеными подвесками. Выброшен заляпанный чернилами стол. Появился — резной мореного дуба, украшенный чернильным прибором в оправе из старой бронзы. Бархатной шеренгой раскорячились гнутыми ножками кресла. Ковры

закрыли стены, шелковые шторы завесили окна, а ласковые ворсистые дорожки легли на сияющий паркет. Стену же за спиной Георгия Федоровича заняла приличная копия с картины Брюллова «Последний день Помпеи».

Приемная рядом с кабинетом Георгия Федоровича выглядела проще: скромный стол адъютанта, Арсения Лутоева, столик с пишущей машинкой для будущей машинистки, пятак стульев — посетителям. В этом же здании располагался и хорошо обставленный кабинет командующего войсками. Несколько комнат отведено войсковому штабу и общей канцелярии. Нашелся и зал заседаний. В коридоре сидел у телефона дежурный.

У Георгия Федоровича было прекрасное настроение. Начал меняться и облик степного отцовского хутора. Опытный управляющий, немец, рьяно принялся за возрождение хозяйства.

В белом чесучевом костюме, нарядном шелковом галстуке и туфлях из кожи лося сидел Георгий Федорович вполоборота в кресле, любовался «Гибелью Помпеи», представляя примерно вот такую гибель большевизма от его, Бичерахова, рук. Прикидывал в уме первые результаты своего управления, намечал планы ближайшего будущего. Яркий солнечный свет, просеиваясь сквозь тонкий шелк штор, купал терского правителя в своем сиянии.

Что же, дела радовали. Мятеж снежным комом катился по станицам, облипая новыми приверженцами. Выдумка об обстреле Луковской большевиками прекрасно играла свою роль.

Поднятые подъесаулом Ушинкиным станицы нижнего Терека блокировали большевистский Кизляр. Успешно развивались бои на среднем Тереке. Окружена и вот-вот будет вырвана у большевиков Прохладная. Доблестный генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро очистил от власти Советов Кисловодск. С участием Андрея Григорьевича подготовлен конец большевикам в Нальчике. Полковники Беликов и Соколов расшевелили казачьи станицы и осетинские поселения вокруг Владикавказа.

А кроме всего, уничтожен так мешавший Ной Буачидзе. Посадили на его место эсера Пашковского. Бичерахов было обрадовался — социал-революционер, свой человек! Но увы, Пашковский навстречу не пошел, красноармейские части по его, Бичерахова, просьбе не отвел. Попал, значит, под влияние большевиков. Убрать так же, как и Буачидзе!

Лелеял Георгий Федорович мечту устранить со своего пути и Кирова. Пока не удавалось.

И англичане не забывали Бичерахова, завалили пятирублевыми денежными знаками. Их уже трижды привозил тайно целыми бричками адъютант и связной Арсений Лутоев.

А вчера появился вот здесь в кабинете капитан Роберт Вильям Литтон. Одет в чекмень, шапку, ичиги и шаровары с синими кантами: маскировался под казака. Всего несколько слов шепнул

Литтон Георгию Федоровичу: воспользоваться растерянностью коммунистов в связи с гибелью Буачидзе, поторопиться с нападением на Владикавказ и Грозный. Сказал также, что в усадьбе ждет Бичерахова личный подарок полковника Пайка — немецкий «бенц». Не задерживаясь лишней минуты — Литтон конспирацию соблюдать умен, — отказавшись от обеда и отдыха, он немедленно покинул Моздок.

Вчера вечером Георгий Федорович с удовольствием осмотрел действительно прекрасный автомобиль. «Бенц» был, по всей вероятности, трофейный, но почти новый, с сильным мотором и уютными кожаными сиденьями.

Что же, с Владикавказом все решено. Он будет взят быстро, как вспышка молнии, большевики и опомниться не успеют. А вот как с Грозным? Тут требуется кое-что уточнить. Ткнул пальцем в пурпурную кнопку, устроенную в тумбе стола. В ту же минуту появился Лутоев.

Куда девались его худоба и сутулость? Успел отъестся, выпрямился, стал румяным и холеным. Его отлично украшали зеленатый английский френч, серебро аксельбантов и тщательно отглаженные, будто отточенные, брюки навыпуск.

— Садись, Арсений, — Бичерахов кивнул на кресло, но адъютант стоял, почтительно вытянувшись. — Узнай у Мистулова, какое количество войск уже переброшено в район Грозного, отправлены ли к станице Грозненской броневые автомобили, сам подбери надежных людей, чтобы послать в сунженский подотдел, список покажешь мне. Что, собственно, делается в сунженских станицах, чем занимается там Фальчиков, хцауштан*, мы не знаем... Узнать!

— Будет сделано, Георгий! Разреши доложить: по объявлению в газете пришла дамочка наниматься в машинистки.

— Кто такая? Какого происхождения?

— Местная. Казачка.

— Неграмотную дуру не возьми, такое напечатает, смеху не оберешься. Что еще у тебя?

— Колесников объявился.

— Григорий Колесников? Которого я в командующие прочил? Откуда он, собственно?

— Говорят, от Деникина. Пользуюсь слухами, будет у нас представителем...

— Где же он?

— Будто бы по станицам ездит.

— Представитель Деникина — по нашим станицам? — Вынул из кармана портсигар червонного золота, закурился, сердито пустил дым кольцами. — А что ему надо в наших станицах?

* Хцауштан — ей-богу (осетинск.).

Лутоев неопределенно пожал плечами.

— Можешь идти, — махнул рукой Бичерахов.

Поддерживая стрелки усов, он ломал голову: что понадобилось деникинскому представителю в терских станицах? И тут же увидел в окне подкативший к подъезду зеркально-черный автомобиль, куда шикарнее полученного Бичераховым.

Брызнув солнцами, открылась дверка, вывалился на тротуар генерал: широкие в золоте погоны, тройные полосы лампасов по штанам. Колесников! Бичерахов узнал его по острому подбородку и вздернутому, с крупными ноздрями, носу.

«Ишь ты, генерал!» — зависть кольнула Бичерахова. Ведь еще недавно Колесников был полковником.

Когда Колесников вошел в кабинет, Бичерахов уселся нарочито осанисто и не поспешил навстречу, все-таки тот слыл монархистом. Колесников, заметив это, не расшаркался, не наклонил голову для приветствия, а надменно поднял ее. Рывком протянув руку, глухо сказал:

— Здорово, Георгий!

— Привет, Григорий, — скучно ответил Бичерахов. — Садись.

Колесников сел, сложив руки на животе, окинул взглядом обстановку.

— Зачем это тебе?

— Что? — не понял Бичерахов.

— А вот это... ковры-мовры? — Колесников иронически усмехнулся.

— Не сарай, — насупился Бичерахов, — мне тут с людьми разговаривать.

— А по-моему, борец должен быть спартанцем. Ах, да, теперь ты уже правитель!..

Глуховатый голос Колесникова всегда раздражал Бичерахова, а сейчас тем более. Злясь, он повысил тон:

— Что ты, собственно, желаешь этим сказать?

— То, что сказал, не более. Да не лезь ты в пузырь, Георгий. Нравятся тебе ковры, ну и черт с ними. А мне они не по душе. Разреши лучше представиться.

Он вынул из внутреннего кармана бумагу, не поднимаясь с кресла, положил на стол. Бичерахов прочитал:

— «Предъявитель сего генерал-майор Колесников Г. К. назначен штабом русской Добровольческой армии уполномоченным представителем в моздокском штабе Терского казачьего войска. Г. К. Колесникову вменено в обязанность подробно информировать штаб Добрармии о действиях Тервойска, а в случае необходимости корректировать их в соответствии с действиями Добрармии».

В конце бумаги — розовая печать. И отчетливая подпись Деникина.

— Ну что же, — примирительно произнес Бичерахов, — милости просим, всегда рады... Кто это тебя генералом сделал?

— Антон Иванович! — не без гордости поднял голову Колесников. — Умнейший человек! Мудрый стратег и великий тактик! Бери пример.

— А что поделывает у вас наш представитель штабс-капитан Угнивенко? До сих пор, стервец, не прислал ни одной информации...

— На кой черт нужны тебе его информации? Вот я перед тобой, расскажу. Угнивенко знает английский, мы его переобразовали. Для тебя не должно быть секретом, что и добрармию так же, как и ваше войско, опекает Антанта. Угнивенко назначен связным, поддерживает контакт с английской миссией во Владикавказе. Ему не до информации, дел по горло.

— Что же он, стервец, мне не доложил? — снова озлился Бичерахов. — Все-таки я его посылал...

— Не доложил и ладно. Понимай: конспирация. Формально он твой представитель, отлучается к англичанам, а всем говорит — в Моздок.

— Автомобиль тебе англичане дали?

— Кто же еще? Все под одним богом ходим!

— Добрармия ваша, — Бичерахов ехидно прищурился, — все еще в Мечетинской топчется? Или малость продвинулась? Информируй, пожалуйста, козь моего информатора нахально присвоили.

— Добрармия наша... — Колесников тоже ехидно прищурился, — уже вступила на Кубань. Овладела Кущевкой. Готовим удары по Тихорецкой и Кавказской. Краснов успешно приближается к Царицыну. Ты должен понимать, что это такое. Большевики лишатся Царицына и Екатеринодара. А ты, извини, все еще у Прохладной топчешься? Или малость продвинулся? Прохладную бери скорее, иначе все проиграешь. Есть сведения, в нашу сторону продвигается с боями одна из дивизий Одиннадцатой Красной Армии. Если не загородишь ей дорогу, она с тобой нянчиться не будет, чего доброго, вышибет из Моздока. Я имею поручение предупредить тебя об этом...

— Не считай нас дураками, Григорий. Прохладную днями возьмем! И Нальчик тоже!

— Мой долг предупредить: не проморгай подобно станице Государственной.

— Вполне естественные издержки предприятия, они могут быть в любом деле. Металл и тот дает окалину.

— Издержки?! — вспыхнул Колесников. — Так может рассуждать только протухший инженер, нигилист-социалист. А ты ведь правитель! — Нос Колесникова стал пунцовым. — Извини, этак ты повернешь ноги передом назад под Кизляром, упустишь

Прохладную и Владикавказ и оправдаешься своими инженерно-нигилистическими издержками? Не позволительно, господин председатель! — Помолчал, спокойнее добавил: — Не спускать подлецам, которые подобно Государственной не с нами. Карать! Казнить изменников!

— Никому не спускаю, кого надо покарал.

— Явного большевика Дьякова из станицы Марьинской тоже, скажешь, покарал? Ты его покарал, а он удрал. Этот Дьяков еще напомним о себе, вот увидишь...

— Станицу Ищерскую, например, мы выдрали и подчинили себе!

— Драть мало, расстреливать мало, вешать тоже мало! — горячился Колесников. — Сжигать вместе с потомством за измену казачеству — вот что надо! Жечь на кострах, как инквизиция еретиков. Аутодафе! Вот так-то, господин правитель Терека!

— Знаешь что, Григорий, — шелкнув портсигаром и закурив, предложил Бичерахов. — Давай бросим эту неприятную беседу, пока вовсе не поругались. — Он встал, намекая, что разговор окончен. — Если тебе, как уполномоченному представителю, что надо, говори: квартиру, кабинет, личного секретаря?..

Однако Колесников не поспешил уходить, он словно прирос к креслу. Сцепив пальцы, вертел большими один вокруг другого. Глаза еще таили злорадство.

— Ты меня, Георгий, не гони. Сам уйду, когда сочту нужным. Информируй сперва, каковы дела на Тереке, я обязан это знать.

— Отложим разговор, — настаивал Бичерахов. — За дверью подчиненные, возможны посетители. К чему им наши пререкания слушать? Жду тебя завтра в девять утра в квартире. Приглашу Мистулова, потолкуем в домашней обстановке. Где устроился?

— Нахал ты! — смирился Колесников. — Выпер-таки! Ладно, уйду, пес с тобой. Нашел я, где устроиться. В кабинете и секретаре не нуждаюсь. А вот машинистку, раз в неделю, не плохо бы: печатать информации в мой штаб. Об этом прошу.

Колесников наконец встал, рывком сунул в ладонь Бичерахову свою руку, сразу же отдернул, точно от огня, приложил два пальца к козырьку генеральской фуражки и с достоинством удалился.

— Фу! — облегченно вздохнул Бичерахов.

Странно вел себя Колесников. Не доложив, разъезжает, словно инспектор, по станицам, позволяет себе поучать председателя правительства и даже повышать голос. Бичерахов не мог определить, в чем тут дело, но интуитивно чувствовал: приезд «уполномоченного представителя» таит какой-то подвох.

Черно-зеркальный автомобиль Колесникова подкатил к Бичераховской квартире ровно в девять. Христофор встретил Колесникова глубоким поклоном. Тот, потрогав погоны и оправив китель, твердо и широко прошагал в столовую, где уже ждали Бичерахов в домашней пижаме и Мистулов в мундире, при всех регалиях. Поздоровались. Колесников особенно крепко пожал руку Мистулову: оба одного толка — за монархию! Сели у стола. Христофор подал выпивку и еду.

— Один обитаешь, без семьи? — осмотрелся Колесников.

— Пока да, скоро привезу. Ну что же. — Бичерахов говорил гордо, без тени заискивания, — ты просил меня информировать о положении на Тереке... Изволь... — И он подробно рассказал о том, что сделано.

Мистулов погладил бакенбарды и розовую складку на шее:

— Покончим с Прохладной, будем брать Владикавказ. Соображаю так, что Грозный на помощь Владикавказу пошлет часть своего гарнизона, тем, да, да, господа, тем самым оголит себя. Тут и наносу удар по Грозному. Но сперва, чтобы избежать потерь, надо, считаю, предъявить Грозному ультиматум о сдаче без боя. Не подчинится — какую ему, да, да, какую!

— Гм, — одобрительно, с почтением глядя на Мистулова, кивнул Колесников, — пожалуй, так. Но прежде разведайте Чечню. Не надо морщиться, Георгий, знаю, ты ненавидишь чеченцев и ингушей, но дело прежде всего. Чечня там рядом и имеет значение. Так что отбрось пока свою ненависть и поезжай лично к Чуликову в Старые Атаги, разнюхай, чем там пахнет...

— Хорошо бы, — подхватил Мистулов, — в ближайшем к Грозному ауле расквартировать сотню казаков. Да, да, хорошо бы! Понимаю, магометане могут и не подпустить к себе христиан. Но за деньги... Да, да, господа, за деньги все можно!

Они аппетитно опрокинули по рюмке араки и теперь смаковали из цветастых чапурок * душистый чихирь. Закусывали окороком и малосольными огурцами.

— Далее... — наставлял Колесников. — Вам, уважаемый господин Мистулов, не мешало бы съездить в Кизляр. Не полагайтесь особенно на Ушинкина. Что такое Ушинкин? Всего лишь подъесаул, желторотый птенец. А вы генерал! — повысив голос, подчеркнул: — Генерал много значит! И карайте! Беспощадно уничтожайте всяких изменников, отказчиков, болтунов. Вешайте всенародно! Пусть неделями висят для устрашения других!

Бичерахова раздражали поучения, и он нервно тряс под столом ногой. Насчет карательных мер и без Колесникова ясно, они

* Чапурка — так называли казаки пилу.

необходимы. И уже многое придумал Георгий Федорович, оставалось формально узаконить постановлением совета.

— Знаю! — перебил гость. — Лучше скажи, зачем, собственно, по моим станциям разъезжаешь? Что в них не видел?

Колесников взвинулся:

— Снова поеду, это мое право! В кабинете, как некоторые нигилисты, штаны-маны протирать не стану. Предпочитаю быть в строю, в баталиях, в деле, а не в вонючих тыловых заведениях.

Недоброе подозрение вновь закралось в душу Бичерахова. Поучает Колесников, суется в станицу. Не получил ли он от Деникина указание держать его, Бичерахова, в руках? Или на место председателя терского правительства, пес, метит?

Георгий Федорович поставил чашурку вверх дном, что означало конец выпивки. Колесников только головой покачал и далеко в сторону отставил поднесенную было к губам свою чашурку. Мистулов, когда возник спор, растерялся и к вину не притронулся. Бичерахов проводил Колесникова не дальше двери столовой, попрощался сухо. Прошелся из угла в угол, сказал:

— Хцауштан, Эльмурза, поезжай-ка ты под Кизляр, проинспектируй Ушинкина, помоги ему. Сделай, собственно, так, чтобы Кизляр пал в ближайшие дни. А я, пожалуй, побываю у Чуликова.

Любезно проводив Мистулова, вызвал по телефону адъютанта, велел наряжать охрану и присылать автомобили.

3

Ибрагим Чуликов принял Бичерахова немедленно, как только о нем доложил секретарь. Сам вышел в приемную, почтительно подал руку и, распахнув дверь, с поклоном пригласил в кабинет. Усадил в кресло, сам же, не смея присесть в присутствии высокого гостя, так и стоял за столом, слушая просьбу прибывшего.

Чуликов — интеллигент с длинными волосами, аккуратно зачесанными назад. На нем черная, отменного заграничного сукна, тройка. В глазах — внимательность и угодливость.

Заканчивая просьбу, Бичерахов без обиняков предложил за расквартирование казаков в ауле Алды полтора миллиона рублей николаевскими деньгами.

Чуликов кивнул, сложил руки на груди, подумал.

— Видите ли, почтенный Георгий Федорович, говоря по совести, я не вправе самостоятельно решить данный вопрос, это было бы нарушением высокопочитаемой в нашем медресе демократии. Обещаю передать просьбу совету старейшин, решение которого, несомненно, сообщу вам.

Бичерахов понял: Чуликов виляет. Скорее всего, из-за ненависти к казакам, да и лично к нему, Бичерахову. Встреча не при-

несла успеха, ничего положительного не следует ждать и впредь. Но на всякий случай сказал:

— Убедительно прошу вас, господин Чуликов, не откладывать решения в долгий ящик. Большевики с каждым днем наглеют, собственно, и в ваших интересах принять неотложные и эффективные меры.

— Да, да, многоуважаемый Георгий Федорович, — Чуликов изобразил обаятельную улыбку, — конечно, безусловно, разумеется... Пожалуйте, прошу вас отобедать со мной в моей скромной сакле. Убежден, чеченский жижиг-галныш не уступает вкусом вашему прославленному осетинскому фыдчину... *

Бичерахов сказал:

— Благодарю вас. Не располагаю временем. До свидания! Резко встал, протянул руку, лишь слегка пожал ладонь Чуликова и быстро направился к двери.

Была уже ночь. Машины карабкались через Терский хребет осторожно, с потушенными фарами. Бичерахов, кутаясь в бурку, держал маузер наготове. Телохранители — двое рядом, в той же машине, что и Бичерахов, и трое во второй машине, идущей сзади, — не выпускали из рук винтовок.

Подъезжали к Моздоку с рассветом. В городе перекликались петухи. Бичерахов устал, однако велел шоферу свернуть к штабу: нетерпелось узнать новости.

В коридоре заспанный дежурный подал пакет:

— Доставлен нарочным час назад.

Бичерахов, взломав сургучные печати, узнал почерк Лымаря. Он сообщал, что станица и железнодорожная станция Прохладная очищены от большевиков, развивается наступление на Котляревскую.

«Когда наши казаки, — продолжал читать Бичерахов, — заняли указанные пункты, на станцию, с северной ее стороны, ворвался неизвестный бронепоезд. Выскочивший наружу машинист успел перевести стрелки. Бронепоезд, тут же набрав скорость, отбыл по правому ответвлению пути в сторону Владикавказа. Очевидцы утверждают, что в передней части бронепоезда отчетливо виднелись красные пятиконечные звезды. Офицер, находившийся со взводом казаков вблизи и не сумевший задержать бронепоезд, взят мною под арест, конвоируется в Моздок для наказания...»

— Повесить мерзавца! — твердо решил Бичерахов.

Швырнул бурку дежурному на руки, велел срочно вызвать с квартир Мамилова и Перманент-Бермана. Проследовал в кабинет.

* Жижиг-галныш — чеченское национальное блюдо, фыдчин — пирог с мясом — любимое кушанье осетин.

За окнами вставал по-утреннему розовый Моздок. Остатки туманной синевы стекали с крыш. Бичерахов широко зевнул и с хрустом потянулся. Письмо Лымаля обласкало сердце, подняло упавшее было после встречи с Чуликовым настроение. Еще бы! Прохладная — уже не распахнутые для большевиков ворота, а надежный от них запор. Теперь можно чувствовать себя куда увереннее и безопаснее. Пожалуй, пора перевезти сюда и семью: уютнее жить рядом с женой и сыном, в станицу к ним не наездишься.

Угрюмый Мамиллов, поздоровавшись, молча ждал распоряжения. Предельно вежливый Перманент-Берман отвешивал поклоны.

— Прохладная взята, друзья! — с подъемом воскликнул Бичерахов.

Мамиллов никак не отреагировал на это, Перманент-Берман еще раз поклонился.

— Но... — Георгий Федорович поднял палец. — В последнюю минуту прорвался на Владикавказ большевистский бронепоезд. Это таит для нас угрозу. Кто, что в нем? Надо узнать подробности. Прошу, друзья, не перепоручать это никому. Вы хорошо ориентируетесь во Владикавказе. Только вы, и больше никто, можете связаться с Беликовым и Соколовым... Счастливых успехов, с нетерпением жду возвращения.

Обнял каждого, пожал руку, проводил к двери.

Кто-то презвенел шпорами по коридору. Кто-то уже говорил по телефону, голос долетал из открытой двери соседней комнаты. Послышались мягкие шаги Лутоева... Бичераховский штаб прилежно начинал день.

Через некоторое время в приемной застучала пишущая машинка. Бичерахов нажал кнопку, вызвал адъютанта:

— Докладывай!

Лутоев доложил о количестве войск, тайно переброшенных в район Грозного, и что к станице Грозненской послано пять броневиков. Что его, адъютантова, машинистка приступила к работе.

— Ну и как?

— Хорз! Стучит бойко. Грамотна!

— Что из себя представляет?

— Во Владикавказе окончила гимназию, курсы машинописи. Служила в бельгийской фирме «Фламандец». Русская. Вышла замуж за осетина Калоева.

— Нашего осетина? — удовлетворенно поднял голову Бичерахов.

— Оба явились на родину в Моздок, поселились у его матери, обвенчались.

— Зачем в Моздок?

— Муж, узнав о нашем движении, поспешил сюда, записался в осетинский отряд, чтобы бороться против большевиков.

— Хорз. Все это проверено?

— Анамаг*, Георгий.

— Позови, гляну на нее.

Статная блондинка, едва взглянув на Бичерахова, стеснительно опустила голову. «Красивенькая!» — отметил про себя Георгий Федорович. Понравилась ему и ее скромность. И строгий костюм осетинки, сшитый, очевидно, в угоду мужу.

— Как зовут?

— Маруся...

— Девичья фамилия?

— Табацкова...

— Табацковы — древний казачий род, этим можно гордиться! Вопросы ко мне есть?

— Нет... — Она, не поднимая головы, только глянула на него мельком и сейчас же опустила длинные ресницы.

— Ну с богом!

Когда дверь закрылась, сказал Лутоеву:

— Прелестное создание, не в пример современным девицам с нахальными глазами. Пусть печатает пока мелочь, проверку продолжай, все-таки из большевистского Владикавказа явилась. Поручи походить тайно за ней, за ее мужем — где бывают, с кем встречаются... Теперь о другом. Подготовь распоряжение об отзыве Лымаря из Прохладной. Он свое сделал, теперь понадобится во Владикавказе. И еще: набросай проект постановления правительства о карательных мерах. Значит, так. На фронтах и в станциях учредить секретные службы для выявления подозрительных. Оборудовать арестные помещения. Увеличить количество военно-полевых судов. Особо секретную службу иметь у нас при штабе, начальником назначить Мамилова. — Бичерахов задумчиво пожевал губами. — При Петре Аркадьевиче Столыпине, бывало, и смертные приговоры приводились в исполнение без предварительного следствия. И у нас должно быть упрощено: нет времени заниматься глубокими юридическими поисками, большевика сразу видно.

— Я тоже так думаю, Георгий, — поспешил согласиться Лутоев.

— И знаешь что, Арсений. Не нравится мне наше название «Совет». Навязал нам его сдуру Перманент-Берман. Давай переименуем. Например, «Народное правительство»! Ну добавим «временное»: «Временное Народное правительство Терского края». Завтра же созовем сессию, утвердим название. А послезавтра с утра заказывай новые штампы, печати, вывеску на здание.

* Анамаг — конечно (осетинск.).

После нескольких дней нетерпеливого ожидания возвратился наконец Перманент-Берман. Изогнулся перед Бичераховым, кланялся, мигал, привычно виноватым тоном докладывал:

— В бронепоезде прибыл во Владикавказ видный большевистский деятель...

Без стука ввалился в кабинет генерал Колесников, небрежно поздоровался, раскинулся в кресле.

— ...Чрезвычайный Комиссар Юга России, небезызвестный Серго, он же Григорий Константинович Орджоникидзе...

— С какой целью? — нетерпелось Бичерахову.

— Цель, извините, Георгий Федорович, установить пока не удалось. Мамилов остался выяснять, а я поспешил к вам, дабы скорее известить о том, что удалось узнать.

— Хорошо, благодарю вас, — приподнявшись, Бичерахов пожал Перманент-Берману руку.

Когда тот ушел, вопросительно взглянул на Колесникова.

— Ай, молодец! — Колесников ударил кулаком по подлокотнику кресла. — Смотри ты, пробился!

— Кто молодец? Перманент-Берман? — не понял Бичерахов.

— Чего?.. Много чести! Дурак твой Пергамент-Герман! Орджоникидзе молодец! На Кубани наша добрармия, в Прохладной — твои казаки, а он проследовал, куда ему надо, и все. И звезды свои большевистские не замазал на бронепоезде. Герой! Георгиевского креста достоин! Каковы ваши ближайшие планы?

— Знаешь ведь, надо брать Владикавказ, Нальчик...

— А во Владикавказе этот самый герой Орджоникидзе! Не раз побеждавший вашего брата, меньшевика! Думаешь, легко будет с ним тягаться? — Постучал пальцем себе по лбу. — Соображайте хорошенько. Соображайте, господа Бичерахов и Мистулов. Прежде чем ехать через речку, ищут брод. Пришел же я к тебе по другому делу. Помнишь, обещал машинистку? Прошу, завтра понадобится. А вообще, чего особенно соображать? Подошли человека, как тогда к Ною Буачидзе, пусть выберет удобный момент — хлоп в спину... Может, и в Нальчике так? О событиях в Ярославле слышал?

— Слышал. Социал-революционеры под руководством как всегда талантливого Бориса Викторовича Савинкова успешно изгнали большевиков и установили истинно демократический порядок. Я, собственно, всегда уважал Бориса Викторовича, теперь влюблен в него!

— А не влюблен ли ты в ту поганую бабу, которая прохлопала ваш так называемый лево-эсеровский мятеж в Москве? Поднять сумела, даже Дзержинского арестовала, а довести до конца ума

не хватило. Ловко ее Ленин шуганул. Смотри в оба, Георгий, я ведь неспроста это говорю, как бы у тебя так не вышло...

— Спиридонова — дура! Истеричка! Я ее давно знаю. И, собственно, не понимаю, почему ее избрали вождем? Неужели не нашли поумнее?

— А черт его знает, кто из вас умный, а кто дурак? Царь был умный! Единолично правил великой Россией с принадлежащими ей инородцами. Сердце радовалось! И откуда вы на нашу голову взялись, нигилисты-социалисты. Вы же турнули царя. Вы же разодрали великую Россию на части, а ума ей никак не дадите. Да вы сами себе ума не дадите, сами разодрались на части: большевики, меньшевики, какие-то правые эсеры, какие-то левые... Позор!

— Хватит тебе в конце концов! — вспыхнул Бичерахов. — Надоело одно и то же. Царю, сам хорошо понимаешь, не бывать!

— Как сказать... — перебил Колесников.

— Не бывать! — повысил голос Бичерахов. — Победит истинная демократия. За это, собственно, боремся. И ты — с нами!

— Да, и я! Потому, что прежде всего с большевиками надо покончить. А там, может быть, и за вашего брата, прочего социалиста, примемся, все вы одним миром мазаны, которые против монархии.

— Про царя не мысли, Григорий, не выйдет!

— А он, к твоему сведению, жив, и не известно еще, как дело повернется...

— Не допустим!

— Ладно, что с тобой спорить. Однако непонятно мне. Как же так, Пашковский тоже эсер, вроде бы должен быть против большевиков, а он сидит во Владикавказе председателем Совнаркома и правит большевиками? Красную Армию бросил против твоего войска. Что на это скажешь?

— Мог бы, собственно, не спрашивать. Понятно, что попал под влияние большевиков. Его ждет такая же участь, как и Буачидзе.

— Не могу не одобрить такой маневр! Правильно! Ну некогда мне, надо кое-куда съездить. Так будь любезен, не забудь про машинистку.

Колесников ушел, не попрощавшись. Бичерахов закурил, прошелся крупными шагами по кабинету. «Вот оно что! — со злостью подумал о Колесникове. — Значит, он с нами до победы над большевиками... А потом он — против нас!.. Так... Так... Потом он турнет меня, займет этот кабинет и утвердит себя царем Терской области... Нет, я тебя, господин Колесников, обезврежу прежде. Сразу после победы над большевиками: хлоп в спину, как Ноя Буачидзе! Как ты советуешь поступить с Орджоникидзе! Как, уверен, произойдет и с Пашковским!»

Позвал Лутоева:

— Колесникову надо печатать для Деникина. Сведения, разумеется, не подлежащие оглашению. Можно доверить новой машинистке?

— Вполне.

— Как ведет себя вне службы?

— Нигде не бывает, мужем наслаждается. Каждое утро он провожает ее на службу, вечером встречает. Прохаживаются вблизи дома у Терека, ходят на базар за снедью. Муж посетил наш моботдел, узнавал о своем назначении. Авзарай ницы ис! *

— Тогда запрягай ее в работу. Возьми подписку о неразглашении служебных тайн, припугни расстрелом. А то, что она будет печатать Колесникову, даже лучше. Ты сидишь рядом — прислушивайся, о чем он станет расписывать своему Деникину. Хцауштан, не плохо знаты! Дальше. Едва появится Мамилов — хоть днем, хоть ночью — немедленно доложить мне, где бы я ни был.

5

Наташу посадили в тесном и не очень светлом углу небольшой приемной. У стены наискось, рядом с окном, работал за столом Лутоев. Он всегда был занят. Читал бумаги, писал, разговаривал с посетителями или по телефону. Многие вопросы решал сам и лишь в исключительных случаях докладывал Бичерахову или пропускал к нему посетителя.

Наташа внимательно прислушивалась к разговорам Лутоева, заглядывала в оставленные им на столе бумаги. Но тщетно: того, что пригдилось бы Грозному, не попадалось. Шли дни, Тамбинский с Гикало, несомненно, ждали сообщений, а ей не о чем было сообщать.

Отношения с непосредственным начальником, Лутоевым, у Наташи сперва были сухими. Когда же он увидел в ней хорошего работника, стал приветливо-вежливым. А в последнее время, убедившись, что машинистка умеет уважать начальство, — почти доверительным.

Как-то, отлучившись по срочному делу, Лутоев велел ей докладывать Бичерахову о посетителях приемной. Она поняла, что такое поручение сделано не без Самого, и старалась вовсю. Была очень внимательна к посетителям, исключительно скромна при обращении к Бичерахову. Чувствовала, это нравится и посетителям и ему.

А сегодня утром, только явилась на службу, Лутоев, обнажив зубы в приятельской улыбке, подал ей бумажку и попросил расписаться.

— Не пугайтесь, Маруся, — сказал успокоительно, — это так, для формальности...

* Авзарай ницы ис — плохого нет (осетинск.).

Прежде чем расписаться, прочитала не без страха, что ее расстреляют, если она разгласит служебную тайну. Поняла, что кончился испытательный срок, отныне ей будут доверять.

Лутоев тут же предупредил, что вот-вот явится генерал Колесников и она будет работать с ним.

Колесникова ждала с нетерпением. Не станет же генерал печатать чепуху. Сегодня она добудет нужные сведения. Желая угождать Колесникову, приготовила отличную меловую бумагу и копиру несколько цветов, на выбор.

Войдя, Колесников обнюхал приемную. Буркнул что-то насчет несвежего воздуха и, никого не спрашивая, распахнул окно. Потом подошел к Наташе:

— Вы имеете распоряжение, барышня?

— Я вас жду, ваше превосходительство, — она уважительно приподнялась.

— Ну что же, будьте любезны. Никаких копирок — в единственном экземпляре.

Она сосредоточилась, чтобы запомнить все, что узнает сейчас от генерала. Ей показалось: наострил уши и Лутоев. Но Колесников, крикнув и почесав бровь, начал диктовать двух- и трехзначные числа. Наташа разочарованно вздохнула. Кажется, и Лутоев сник.

Закончив диктовать, Колесников забрал напечатанное и ушел. Лутоев, сердито захлопнув окно, побежал к Бичерахову.

Пользуясь случаем, Наташа поинтересовалась бумагами адъютанта. Она быстро подошла к тумбочке у окна, где стоял графин с водой. Потягивая из стакана теплую воду, читала, скосив глаза, документы на столе: список каких-то фамилий, незаполненные, но с подписями и печатью, бланки пропусков для прохода через заставы и уже готовые пропуска со вписанными в них фамилиями.

Наташа задыхнулась от волнения, сообразив, какая ценность лежит перед ней: иметь такой пропуск Сереже, значит беспрепятственно выходить за пределы Моздока и возвращаться.

Долго думать не приходилось. Боязливо глянула на двери, прислушалась. Кажется, все спокойно, подозрительных шагов не слышно. Взяла из стопки три незаполненных бланка... И замерла, растерянно поняв, что спрятать некуда: в осетинском платье отсутствовали карманы.

Показалось, бичераховская дверь открывается. Бросила бланки обратно, отскочила от стола. Но было тихо. Схватила бланки, сунула под тумбочку адъютантского стола.

Только села к машинке, открылась дверь, возвратился Лутоев. Стуча машинкой, украдкой поглядывала на него. Но он сосредоточенно писал, похоже, не догадываясь о пропаже.

Неторопливо колыхался маятник старинных часов, тягуче мед-

ленно отсчитывал секунды. Ушел Бичерахов. Оторвавшись от бумаг, Лутоев рассказал вполне приличный анекдот. Ей, взволнованной кражей, было не до смеха, но она постаралась засмеяться. Неожиданно Лутоев сказал:

— Маруся, душа моя, а почему бы нам с вами не пообедать в одном уединенном местечке?.. Я ведь вдовец, мне одному скучно, — улынулся многозначительно.

— Что вы! Что вы! — испуганно замахала руками. — Как можно! Симон...

— Шучу, шучу, не сердитесь...

Собрал бумаги, замкнул стол, поклонился и ушел.

«Или испытывает? — гадала Наташа. — Или вздумал ухаживать?..»

Наконец в часах зашуршало и они отбили пять медных ударов: миновал служебный день. Она вынула из ящика столика ридикюль, оглянувшись, спрятала в него бланки пропусков. Отдав дежурному в коридоре ключ от приемной, вышла на улицу.

Рыхлые облака плыли над городом. Серебрились кроны белолиственниц. Фаэтоны на дутых шинах катили по мостовой. Нарядные женщины важно шествовали под руку с франтоватыми офицерами. На углу Наташу встретил Симон. Он был особенно красив сегодня в белой черкеске с красными отворотами на рукавах и белой шапке с красным верхом.

Наташа взяла его под руку, и они пошли, ощущая на себе завистливые взгляды. Она тихо рассказала ему о похищенных бланках, отдала один, велела передать Сергею. Наташа чувствовала, что Симон, идя рядом, прижимается к ней плечом плотнее, чем следовало. Это было приятно ей...

6

А на другой день неожиданно услышала женский боязливо-заскисивающий и, кажется, знакомый голос:

— Извините, пожалуйста, мне — к Егорий Федоровичу...

Подняв глаза, Наташа тут же опустила их. Тревожно заколотилось сердце. Боясь снова взглянуть на посетительницу, низко нагнулась. Вспомнилось: Грозный, дом, двор, кастрюля на двух кирпичках... И вот эта торговка с подбритыми бровями, в шляпке со страусовым пером. Она тогда что-то плела на Советскую власть, до слез растравила пришедшую к ним, Добровым, соседку. Наташа крикнула тогда ей, торговке, чтобы убиралась со своими разговорами...

— Вам по какому делу? — спросил Лутоев.

— Мне, извините, пожалуйста, лично — к Егорий Федоровичу.

— Как о вас доложить?

— Гурия... Из станицы Грозненской, от Афона Даниловича Малюты.

— Сию минуту! — Лутоев мигом побежал к Бичерахову.

И тогда Гурия, переступив с ноги на ногу, уперлась взглядом в Наташу, в глазах мелькнуло пристальное внимание. Гурия даже подалась вперед, собираясь, видимо, подойти ближе и что-то спросить. Но в этот момент открылась дверь — и Лутоев пригласил Гурию к Бичерахову:

— Прошу, мадам!

Наташа решила: самое лучшее сейчас — уйти, не дать Гурии возможности еще раз увидеть ее. Сославшись на головную боль, попросила отпустить в аптеку за пилюлями.

— Пожалуйста, ради бога! — благосклонно кивнул Лутоев.

Купив пилюль, смотрела через аптечное окно на улицу. Отсюда наискось различалось белое здание бичераховского штаба. Там то и дело открывались двери, входили и выходили люди. Гурия не появлялась.

От густых лекарственных запахов разболелась голова. Аптекарь подозрительно рассматривал через очки так долго задержавшуюся посетительницу. Вышла. Два раза прошла туда-сюда по тротуару. Мысль, что Гурия все рассказала, что ее, Наташу, ждут и, как только она войдет в штаб, схватят, билась все настойчивее. Дрожь стягивала кожу.

Прячась за спинами прохожих, еще два раза прошла туда-сюда. Наконец показалась Гурия. По сторонам не оглянувшись, зашагала безразлично, помахивая голубой сумкой. А может, Наташу ждут за дверью? Замирая от страха, переступила порог... Дежурный лениво глянул в ее сторону. В приемной Лутоев, занятый бумагами, и не посмотрел на машинистку. Господи, кажется, обошлось! Успокоившись, села за машинку.

И вдруг сделала для себя открытие, что установила связную Малюты! Того самого жандарма, за которым следил Званцев и потерял у Грозного. Сегодня же надо сообщить Сереже!

Черепашей ползло время. Наташа отсиживала свои часы. Но ровно в пять поднялась, не задерживаясь ни на секунду.

На углу улицы ждал Симон. Она взяла его под руку, повела на базар.

Богатый моздокский базар многоязычно шумел. Русские, осетины, армяне, горские евреи, грузины, приезжие из окрестных сел, хохлы, казаки со своим особым говором как-то понимали друг друга, торгуясь возле пестрых груд арбузов, помидоров, макитр со сметаной, пирамид окороков, мешков муки, вязанок рыбы... Наташа купила бязевую сумочку, приобрела и сложила в нее головку сахара, фунт клейких самодельных конфет, осьмушку чая и две катушки ниток.

Они шли домой безлюдной улочкой. Наташа рассказала Симо-

ну о Гурии, велела скорее сообщить об этом Сергею, чтобы тот срочно ехал в Грозный, с донесением. Затем вручила Симону сумочку с покупками:

— Пусть отнесет нашим на Щебелиновку, порадует их.

Симон, слушая Наташу, кивал, смотрел на нее пристально и ласково. Недалеко от дома остановил и, глядя ей прямо в глаза, произнес тихо, едва слышно:

— Маруся, вы чудесная...

Не зная, что ответить, она опустила голову.

7

Ночью Бичерахова разбудил пронзительный телефонный звонок. Сунув ноги в туфли, добрался в темноте к аппарату. Говорил адъютант: в штабе появился Мамилов, дежурный позвонил ему, Лутоеву.

Бичерахов приказал доставить Мамилова на квартиру. Христофор, зевая, зажег в кабинете свет, подал араку, чихирь и закуску.

Мамилов с дороги был голоден, ел угрюмо, но с аппетитом. Одновременно рассказывал.

Чрезвычайный Комиссар Юга России Орджоникидзе затевает во Владикавказе Четвертый съезд народов Терека. Будут присутствовать представители всех национальностей, решено пригласить также делегатов мятежных станиц. Цель съезда — всесторонне обсудить создавшееся положение, мирно урегулировать вооруженный конфликт, прекратить междоусобную войну.

— Мнение Орджоникидзе, — закончил Мамилов, — на Тереке должен быть мир.

— Мир? Чего захотел! — Бичерахов крупно зашагал из угла в угол. — Прежде всего: вон коммунистов, хайраг ай бахара! * В том числе и самого Орджоникидзе. Никаких уступок. Никакого мира! Терек должен принадлежать только нам!

Он уже не шагал — бегал взад-вперед, понося большевиков и Советскую власть. Мамилов с Лутоевым боялись шевельнуться. Наконец утихомирился, сел, долго думал, глядя в угол выпуклыми глазами. Во дворах горланили полуночные петухи. Выпил чапурку чихиря, смахнул с усов винные капли. Сказал, ни к кому не обращаясь:

— На съезде нам участвовать надо, чтобы не обвинили в попрании демократии. Пошлем туда лучшие силы: Лымаря, Фальчикова, Мамилова, Перманент-Бермана... Будем отстаивать свое. А тем временем... — Круто повернувшись, крикнул слуге: — Христофор, приготовь постель господину Мамилову.

Когда Мамилов отправился спать, спросил Лутоева:

* Хайраг ай бахара — черт их возьми (*осетинск.*).

— Сколько мы уже получили денег от англичан?

— Точно не помню, при себе записей нет, но немало. Несколько десятков миллионов рублей. Представь, все пятирублевками...

— Какое это имеет значение? — отмахнулся Бичерахов. — Важно, что получили много. А сколько раздали?

— Да все и раздали. Там у тебя сколько-то оставалось...

— Теперь уже нет. Переправил Малюте. Вот видишь, сколько денег ухлопали. Какой же, хайраг ай бахара, после этого мир? Да разве нам англичане позволяют? Раздавят, как клопов, с помощью того же Деникина... Кстати, что там Колесников ему наплел?

— Он цифры диктовал. Шифровка.

— Все-таки не мешало бы знать, что он там какает...

— А мы попробуем подобрать ключ... Расшифровать! Хутор свой приводишь в порядок?

— При чем тут хутор, Арсений? Есть вещи дороже хутора. Прежде всего надо разделаться с большевиками! — Помолчал, подумал. — Знаешь что, поезжай-ка ты в Старые Атаги к Чуликову. Обещал он мне прислать ответ, да не шлет. Предложи ему от моего имени за постой казаков три миллиона. Сумма в два раза большая, чем я предлагал. Может, клюнет на нее со своими старейшинами? А теперь иди отдыхай. Утром — в путь. Доброй ночи.

Уходил Бичерахов в спальню со спокойной душой. У него уже сложился твердый план в отношении съезда. Его, Бичерахова, представители, активно участвуя в дебатах, будут во всем идти большевикам наперекор, требовать устранения их со всех постов. А тем временем полковники Беликов и Соколов возьмут город внезапно, штурмом, похватают большевистских делегатов, убьют Орджоникидзе и Пашковского. В тот же день в городе будет создано нужное ему, Бичерахову, правительство, например, городская управа. Туда непременно надо ввести Перманент-Бермана — глаза и уши Георгия Федоровича...

8

Дверь за Званцевым закрылась, и Тамбинский, взявшись одной рукой за грудь, успокаивая взбудораженное сердце, другой снова крутил ручку телефонного аппарата. Нужен был Гикало, чтобы срочно доложить ему новости. Не только сообщенную сейчас Званцевым — о контакте Малюты с Бичераховым через связную Гурию, но еще одну, полученную часом раньше и крепко пахнущую порохом.

Однако вместо Гикало отвечал адъютант. Вот и опять он:

— Нету товарища Гикалы, они все еще по заводам ездят.

Тамбинский швырнул трубку на рычаг и перечитал донесение из станицы Грозненской:

«Глубокими ночами перебрасываются из-под Моздока небольшими группами вооруженные всадники, тайно размещаются в Грозненской и других примыкающих к городу станицах. Прибыло также пять бронеавтомобилей, их спрятали во дворах, накрыв соломой. Здесь действует негласный антибольшевистский комитет, которым руководит местный житель полковник Поморцев, а заместителем у него — бывший атаман кизлярского казачьего отдела полковник Халеев. Комитет состоит из офицеров, имеет актив зажиточных казаков, через них убеждает станичников не признавать Совдеп, присоединиться к мятежникам.

Листопад.»

Листопад — конспиративная кличка бывшего поручика Петухова Владимира, посланного в Грозненскую, откликнувшегося наконец после долгого молчания.

Тамбинский опять крутил ручку телефона. Вновь отвечал Ястребов:

— Нету товарища Гикалы, не возвратились с заводов.

У Тамбинского — новый кабинет. Гораздо просторнее прежде. Кроме письменного стола и сейфа здесь поместились и шкаф, и диван, и десяток полумягких стульев. Вообще, в здании комендатуры комнат было в достатке. Но вот беда, многие пока пустовали. Медленно пополнялся штат комендатуры. С трудом укомплектована лишь следственная комиссия. А очень необходимых оперативных работников не прибавилось. Так что основными оперативниками по-прежнему были ковыляющий на деревянной ноге Кадушкин и однорукий Кочкарев.

Тамбинский покрутил ручку аппарата.

— А чего вы беспокоитесь, Константин Петрович? — На этот раз уже раздраженно ответил Ястребов. — Как только они появятся, им будет об вас доложено, Николай Федорович вам позвонят.

Тамбинский вздохнул, подержался за ноющее сердце и принялся писать план операции.

Но уже первые наброски показали: чтобы обезвредить вооруженные группы, прибывшие из-под Моздока, и изъять броневики, одной лишь Грозненской армии вряд ли хватит. Следовало плотно окружить войсками и Грозненскую, и другие станицы. Затем уже предъявить требование о выдаче иностаничников и сдаче оружия. Не выполняет если — сразу же начинать обыски во дворах. При этом не исключено вооруженное сопротивление. Словом, силы для операции требуются не малые...

Коротко тренькнул телефон. Тамбинский схватил трубку. Наконец-то Гикало:

— Что у вас, Петрович?

Поняв с одного намека суть дела, сказал, что сейчас будет в комендатуре.

Гикало поздоровался и, прежде чем сеть, протянул руку за донесениями из Грозненской и Моздока. Чем дальше читал, тем круче сводились к переносице брови и обострялись скулы.

— Вот сволочи!

— Что будем делать? — Тамбинский пристально глядел на Гикало.

— А черт его знает что! И хлеба надо убирать, и народное добро охранять, а теперь вот...

— Где столько сил возьмем? — надоедал Тамбинский.

Сдерживая раздражение, Гикало сел, начал скручивать толстую сигарку. Взглянув на болезненное лицо Тамбинского, выспал махорку обратно в кисет. Сказал, не повышая тона:

— Вот я и думаю, операцию проведем сразу же после жатвы, то есть в первых числах августа. Как ни хотелось бы раньше, не сможем. Уборка — завтра-послезавтра, в поле вышлем половину армии. Не послать не можем. Второй же половины недостаточно даже для того, чтобы окружить станицы. Рабочие отряды трогать нельзя: оторвем от срочной работы на оборону, оголим промыслы, заводы, железную дорогу — диверсанты только этого и ждут... И мне предстоит отлучиться: двадцать третьего июля собирается Четвертый съезд народов Терека, обязан быть. Кстати, доложу Орджоникидзе наше положение, попрошу на время операции хоть сколько-нибудь красноармейцев из Владикавказа.

Сердце отпустило, Тамбинский повеселел, благосклонно махнул рукой:

— Кури! На меня смотреть — уши опухнут. Сворачивай потолще. Как считаешь, может быть, актив отзовем из станиц и аулов? Все-таки тревожное положение...

— Актив завтра и так отзовем дня на два. Чтобы убедить крестьян в безопасности уборки. Не каждый поедет — напуганы. Но как только выедут все, актив — обратно. Рынки-то стали богаче, горожане радуются, надо продолжать агитацию.

— Когда отбываешь во Владикавказ?

— Завтра, — Гикало сворачивал сигарку. — Распоряжения оставляю такие: армию — на чрезвычайное положение, спать в одежде, при оружии; усилить патрулирование города, особенно бдительно охранять Граничную улицу...

Зажег спичку, прикурил, пыхнул дымом. Разогнал дым рукой и поспешно ушел.

А Тамбинский, поднявшись, отправился к Кадушкину и Кочкареву рассказать приметы Гурии.

Синей тенью взметнулась над Владикавказом мохнатая, вся в лесах, плосковерхая гора Столовая. Над ней, подплавленная солнцем, повисла рафинадная громада Казбека. Алмазно сверкают зубчатые цепи вечных снегов. Внизу веретена тополей, шары белолиственниц, палевые пятна акаций. Глядят из них разноцветные крыши. Бегут под ними шишковатые ленты булыжных мостовых. И на весь город — шум стремительно стекающего с гор Терека. Он бурлит, штурмует мутными волнами берег, ворочает тяжелые камни, взбивает серую пену.

Но Терек не в состоянии заглушить разноязычного говора делегатов. Их много сегодня во Владикавказе, представителей всех национальностей, населяющих горы, предгорные равнины, берега Терека. Сунжи, Малки, Ассы, Аргуна и Баксана.

Делегаты собрались у кинематографа, краснокирпичного здания, вдоль которого протянулся бульвар, затененный все теми же пирамидальными тополями, белолиственницами и акациями. На фронте — красное полотнище с белыми буквами: «Привет делегатам IV съезда трудовых народов Терека!»

Сюда только что добрались окольными горными дорогами Гикало, Шерипов и Левандовский. Сейчас они с интересом рассматривали людей в многоцветной разнообразной одежде: горцев и казаков в бешметах и черкесках, красноармейцев в линиях гимнастерках, рабочих в куртках и блузах, крестьян в домотканых рубашках, очкастых интеллигентов в стареньких костюмчиках и узеньких галстучках.

Все, за исключением разве некоторых крестьян да интеллигентов, вооружены револьверами, маузерами, браунингами, иные карабинами, горцы и казаки еще и кинжалами. И все по-кавказски темпераментны, говорят громко.

Шерипов, знавший не только родной, но и языки соседних народов, переводил Гикало и Левандовскому содержание разговоров, в которых часто слышалось:

— Орджоникидзе!

— Серго!

— Лениным прислан!

Говорили, что гражданская война полыхает всюду, что интервенты захватили город Онегу на Белом море, а следом и Архангельск, что денкинская добармия, двигаясь на юг, овладела Тихорецкой и Кавказской; везде реками льется кровь, теперь уже и на Тереке.

Гикало в гимнастерке, Шерипов в парусиновой кавказской рубашке, Левандовский в кителе и ремнях прогуливались в тени

бульвара, ожидая начала съезда. Гикало, протерев очки, внимательно присматривался к каждому: не встретится ли знакомый? А сам не переставал думать о том, что следует поскорее возвращаться домой. Тревожно было на душе, неохотно покидал Грозный.

Шерипов притронулся к локтю Гикало, показал глазами на боковую дверь кинематографа. Размахисто распахнув ее, вышел широкогрудый усач без головного убора, с гривой волнистых волос. Все повернулись в его сторону. Уважительно смолкла улица. Тихим ветром прошелестел говорок:

— Орджоникидзе! Серго!

Чрезвычайный комиссар одет был просто. Солдатская гимнастерка, синие галифе, старые, до блеска начищенные сапоги. В руке — фуражка военного образца. Шел четко, голову держал высоко. Гикало с интересом смотрел на него: вот он какой, знаменитый Серго! Активный участник революции 1905 года. Организатор по поручению Ленина шестого созыва (Пражской) партийной конференции. Узник Шлиссельбургской крепости. Ссылный в далекой Якутии. Один из организаторов и участников вооруженного восстания в Петрограде в дни Октябрьской революции... Легендарный революционер Серго! Между прочим, в прошлом фельдшер, коллега Гикало.

Орджоникидзе подошел к одной группе делегатов, пожал каждому руку, здороваясь. Поговорил. Направился к другой...

Тут Гикало и увидел давнего, еще по первым терским съездам, знакомого казака Дьякова. Вместе выступали на съездах против меньшевиков, эсеров и монархистов, отстаивали линию большевиков. Того самого Дьякова, что дал дерзкий отпор бичераховцам в станице Марьинской и был приговорен к «преданию земле». Простое курносое лицо, средний рост, линиялый чекмень...

Заметив Гикало, Дьяков помахал ему рукой, поспешил навстречу. Крепко обнялись. И с Шериповым обнялся Дьяков. Они на втором съезде подружились. Это было непривычно: казак обнимается с чеченцем, православный — с мусульманином!

Гикало представил Дьякова Левандовскому. Тот козырнул, звякнув шпорами, протянул руку. Дьяков улыбнулся, обнажив удивительно белые зубы, и начал рассказывать, что Орджоникидзе просит его быть редактором газеты «Трудовой казак», которую намеревается издавать во Владикавказе для всех станиц, в том числе и мятежных.

— Какой из меня редактор? — блеснул белыми зубами Дьяков. — А придется согласиться, нужна такая газета!

И еще одного знакомого увидел Гикало: Гапура Ахриева, видного ингушского большевика. Издавна дружил Ахриев с Кировым, помогал ему в революционной работе на Северном Кавказе, главным образом в Ингушетии. Был теперь депутатом владикавказ-

ского Совдепа, входил в состав Ингушского национального совета. Быстрыми шагами приближался Ахриев, прямой, крепкий, с умными светлыми глазами. Одет по-городскому: европейский костюм, шляпа, галстук. От Гапура не отставал веснушчатый горнец с крутыми бровями, в бурой домотканой черкеске.

Поздоровались. Подвижный, разговорчивый Ахриев назвал своего спутника Юсупом Алмазовым, охарактеризовал его храбрым защитником Советской власти. Юсуп при этих словах терялся, прятал глаза, старался смотреть в землю.

Детально расспросил Ахриев о положении в Грозном, Чечне и казачьих станицах. Сам кое-что рассказал. После доклада Ленина на Пятом Всероссийском съезде Советов о деятельности Совета Народных Комиссаров левые эсеры заняли антисоветскую позицию. Но встретили твердый отпор со стороны большевиков. Ответили на это мятежом. Убили германского посла Мирбаха, чтобы спровоцировать войну с Германией, обстреляли Кремль, арестовали Дзержинского. Ленин сумел ликвидировать мятеж в течение двух дней. Съезд успешно закончил работу. По постановлению съезда левые эсеры исключены из Советов. Съезд утвердил Конституцию РСФСР. Утверждены также мероприятия по организации Красной Армии на основе всеобщей воинской повинности. Далее сообщил Ахриев, что уже разгромлен и савинковский меньшевистско-правоэсеровский мятеж в Ярославле, там полностью восстановлена Советская власть. Савинков бежал за границу.

Вздохнув, поведал Ахриев и неутешительную новость:

— Да, Сергей Миронович прибыл с оружием и боеприпасами в Астрахань. А дальше продвинуться нет возможности, дорога в районе Кизляра отрезана мятежниками...

Молчали. Что скажешь в таком случае? Погодя, Шерипов спросил:

— Ну, а как действует Ингушский национальный совет?

Ахриев вспыхнул гневом, розовые пятна заиграли на щеках:

— Я порвал с национальным советом! В нем засели муллы и богачи. Они спекулируют национальными и религиозными чувствами народа, уводят от классовой борьбы. Честным людям там делать нечего. Многие ингуши уже не доверяют ни совету, ни Джабагиеву...

Алмазов, вскинув крутые брови, притронулся к плечу Ахриева:

— Эрджкнез!

Все обернулись. К ним подходил Орджоникидзе. Тряхнул гривой густых волос, глянул на Дьякова:

— А ну-ка, дорогой, знакомь меня с товарищами.

Представились Чрезвычайному Комиссару. Гикало рассмотрел высокий лоб, безупречного рисунка овал лица. Глаза добрые, с прищуром. Под крупным носом — выющиеся смоляные усы. Тугой энергичный подбородок. Говорил Орджоникидзе громко, басови-

то, правильно по-русски, но с характерным грузинским акцентом.

Он уже знал, что в Грозном налаживают изготовление оружия, строят бронепоезд. Что Шерипов организовал в Чечне вооруженные отряды. О покушении на жизнь Левандовского. Об антинародной политике Ингушского национального совета. Сейчас все это уточнял, интересовался деталями, давал советы.

— Отряды для защиты Советской власти, дорогой, это замечательно! — притронулся к локтю Шерипова. — Но, к сожалению, они разрозненны, что снижает их боеспособность. Мы с тобой еще поговорим подробно, очевидно, следует сформировать из отрядов единую чеченскую Красную Армию.

Шерипов сверкнул антрацитовыми глазами:

— Мы это сделаем!

Левандовскому Орджоникидзе сказал:

— Мне известно, что вы крупный военный специалист. Полагаю, масштабы деятельности в Грозном для вас малы...

Левандовский замер по давней привычке внимательно слушать начальника. А у Гикало сердце оборвалось: переместит Левандовского — большая для Грозного потеря.

Орджоникидзе поинтересовался обстановкой в Грозном. Гикало, рассказав, попросил перебросить из Владикавказа в Грозный на три-четыре дня хотя бы батальон красноармейцев. Орджоникидзе покрутил ус:

— Поговорю с владикавказскими товарищами.

Юсуп Алмазов плохо знал русский язык. Орджоникидзе разговаривал с ним через Ахриева. Спрашивал, в чем больше всего нуждается ингушский народ, какая ему требуется помощь от Советской власти. Алмазов отвечал, что ингуши давно мечтают о земле.

Всплеснулся тонкий переливчатый звонок. Орджоникидзе, достав из нагрудного кармана массивные часы, заспешил: стрелки показывали без пятнадцати десять.

Людской поток вливался в здание через несколько дверей. И тут Гикало заметил делегатов восставшего казачества. Ба! Да это старые знакомые: Лымарь, Фальчиков, Мамилов, Перманент-Берман... Они ждали звонка где-то в стороне, подальше от других, теперь шли важно, задирая подбородки, ни на кого не глядя. Гикало уже приходилось схватываться с ними на предыдущих съездах.

На сцене — длинный стол под кумачовой скатертью, трибуна с изображением серпа и молота.

Зал набит до отказа. Избирается президиум. Места в президиуме занимают Орджоникидзе, Шерипов, Ахриев, Дьяков, другие. Председательствующий объявляет, что вступительное слово предоставляется Орджоникидзе.

Дружные аплодисменты. Орджоникидзе подходит к трибуне, выбрасывает вперед руку:

— В самый тяжелый момент происходящих событий... приветствую вас от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета...

Кто-то нечаянно, а может быть умышленно, кашлянул. На него дружно зашикали.

— Вы должны сегодня же сказать свое авторитетное слово, будет ли продолжаться эта братоубийственная война... Будь проклят тот, кто пожелает, чтобы эта бойня продолжалась, ибо вытаптывается хлеб, кровью поливаются поля...

Вы должны заявить, что не хотите драться друг с другом, откидывайте прочь эту авантюру и идите за свободной Россией, за землю, за волю. От этого лозунга вы не должны отступать. Мне хочется с болью в душе сказать казачеству — опомнитесь!.. От вас зависит прекратить бойню трудового народа и протянуть братскую руку...

Аплодисменты. Гикало оглянулся. Бичераховцы сидят в конце зала у выхода. Старательно делают безразличный вид. Лымарь, не прикрыв рта, демонстративно зевает.

После вступительного слова на повестке дня отчетный доклад Совета Народных Комиссаров. Потом дебаты, выборы Совнаркома. На трибуну выходит докладчик, невысокий, худощавый председатель Совнаркома Пашковский. Но он не успел открыть рта. На весь зал грохочет отменный бас Лымаря:

— Пускай Орджоникидзе отдаст Красной Армии приказ сложить оружие!

Пашковский пожимает плечами — реплика относится не к нему.

Поднялся Орджоникидзе. Широко раскинул руки ладонями вверх — жест доброты и великодушия:

— Если восставшие казаки сложат оружие, Красная Армия сделает то же самое...

— Уберите из Совнаркома, — воркующе произносит Фальчиков, — народных комиссаров-большевиков. Мы можем все вопросы уладить по-семейному, без участия коммунистов!

У Орджоникидзе заметно зарделись щеки, но он спокоен:

— Съезд избрал народных комиссаров, съезд вправе их переизбрать. Преступник тот, кто чинит произвол, нарушает конституцию и третирует избранную власть.

Орут, не давая произнести слова Пашковскому, Мамілов, Перманент-Берман... Это похоже на мальчишескую бузу, что затевают в школах балбесы-второгодки. В зале начинают понимать: мятежники намерены сорвать съезд. Нарастает шум:

— Прекратите провокацию!

— Не мешайте докладчику!

Но бичераховцы свое:

— А что он может сказать нового, ваш докладчик?

— То, что нам известно от большевиков!

— В одной упряжке!

Им возражают:

— Вы еще не слышали доклада, как можно о нем судить?

Наперекор:

— И слушать не желаем!

Шум усиливается. Эта затеянная бичераховцами буза продолжается уже полчаса. Некоторые, не вытерпев, хватаются за кинжалы. Беспомощно звенит колокольчик председательствующего. Потянулся к рукоятке своего кинжала Юсуп Алмазов, но Гикало предостерег его движением руки. Дисциплинированный Левандовский только покачивал головой.

— Объявляется перерыв! — твердил председательствующий. — Перерыв!

Его голос тонул в разъяренном гуле.

Раскрылись двери. Встал, удалился президиум. Наконец поднялись в зале делегаты, закуривая и бранясь на ходу, повалили охлаждаться в тени бульвара.

После перерыва Пашковский все же начал доклад. Негромко, устремив глаза в зал, иногда заглядывая в конспект перед собой, он говорил о том, что всюду в Терской республике проводится земельная реформа на справедливых началах: избыток земли отдается трудовому населению, малоземельные или безземельные получают ее в достатке, многие уже обрабатывают. Сдача земель в аренду постановлением Совнаркома запрещена. Горная промышленность полностью национализирована. На заводах и фабриках введены самоуправление, рабочий контроль, восьмичасовой рабочий день. Решается национальный вопрос, укрепляется дружба между народами...

Едва докладчик закончил, захватил трибуну Фальчиков:

— Хорошую песню спел нам здесь гражданин Пашковский. Прямо-таки заслушаешься, хочется танцевать — до чего все мило. Ах, ах, идиллия! А на самом деле? Идет грабеж! Беспощадно отбирается земля, веками нажитая великим старанием наших отцов и дедов...

Громкий голос из зала:

— Выражайтесь точнее, господин Фальчиков: нажитая жесточайшей эксплуатацией!

Фальчиков еще говорит, а у трибуны уже стоит, нервно стуча кулаками, Лымарь. Он сразу же занимает место Фальчикова, когда тот уходит. Орет:

— Никогда еще история не видела такой анархии, которую творят большевики! Когда, где, кто, кому, матери его черт, давал право творить насилие над личностью? Извечно это считалось пре-

ступлением и наказывалось. Большевистские продотряды не стесняются нахально заглядывать в закрома, безапелляционно приказывать отдавать зерно, то есть то, что исконно считалось священной и неприкосновенной частной собственностью...

Несколько голосов из зала:

— А эксплуатация человека человеком — не насилие над личностью?

— Заглядывай, не заглядывай — в закромах пусто!

— В ямы не заглянешь, они глубоко выкопаны...

— Полюбуйтесь на него, вон какую рожу наел! На голодных детей поглядел бы!

— Долой с трибуны!

Но уже кланяется залу с трибуны Перманент-Берман:

— Вполне естественно, товарищи, вполне естественно! Большевистская партия, так называемая РКП(б), не может не творить насилия над личностью, не может и не может! Это ее природа, ее задача, ее обязанность в силу известного всем, широко провозглашенного лозунга о диктатуре пролетариата. Она беспощадно расправилась со своими идейными противниками, исключив из Советов сторонников иного, чем большевистское, течения в русской социал-демократии, так называемых меньшевиков и эсеров...

В зале неистовый топот ног и оглушительные крики:

— Так вы же перешли в лагерь буржуазии и контрреволюции!

— Спаялись с интервентами!

— Организуете мятежи!

— Вы за войну, за кровопролитие, за гибель и страдание людей!

Перманент-Бермана сменил Мамилев:

— Предыдущие ораторы достаточно обоснованно охарактеризовали поведение большевиков и цель их партии. Вношу предложение, я уверен, все меня поддержат: изгнать большевиков из Терского Совнаркома...

И опять топот, крики:

— Долой большевиков!

— Обойдемся без них, нам не нужны Совдепы!

Наконец-то на трибуне появляется рабочий в ситцевой косоворотке. Взмахивает снятым с головы картузом:

— Да здравствует большевистская партия! А потому, что восьмичасовую работу в день не сравнить с двенадцатичасовой. Белый свет увидели, отдых имеем, с детишками побыть есть когда! Гнилые бараки тоже не сравнить с нормальными квартирами, которые дают большевики рабочему! Что такое чистый воздух, что такое сухо, впервые узнали. Кроме того, шип теперь, дулю, чтобы милостивый хозяин обидел рабочего! Рабочий контроль над ним,

над хозяином! Нет ему теперь разворота! Да здравствует большевистская партия и пролетарская диктатура!

В зале — дружные аплодисменты. Их стараются подавить выкриками и яростным топотом меньшевики и эсеры.

Слова попросил Дьяков. Сверкнул белыми зубами:

— Приведу факты. По царским привилегиям казаки получали на душу, то-есть на каждого члена семьи, земельный пай 9—11 десятин. Пятьдесят десятин земли на семью считалось небольшим наделом. А казакам, отличившимся на царской службе, в том числе и тем, которые старательно пороли бастующих рабочих и расправлялись с революционерами, отмеривались двойные наделы. Это значит, не менее ста десятин на семью. Огромными наделами пользовались вышедшие в отставку генералы и офицеры. Такое количество земли своими руками обработать невозможно. Нанимали батраков. А кто батраки? Уходя на службу, казак обязан был иметь коня, сбрую, оружие, обмундирование. Но не у каждого была возможность приобрести положенное. В таком случае атаман давал ему от государства в долг. Возвратившись со службы, не каждый мог расплатиться с долгами. Для погашения задолженности продавался скот. А какой без скота хлебороб? Или в уплату долгов отбиралась атаманом земля. Так обнищавший казак вынужден был идти в батраки. Крестьяне не пользовались привилегиями. От общего количества земли в Терской области им отводилось лишь 4 процента, то есть всего-навсего 2—3, самое большее 5—6 десятин на семью. Волей-неволей приходилось наниматься в батраки, иначе не прокормишься. Видите, до правды далеко. А вы, господа офицеры, меньшевики и социал-революционеры, глотки дерете тут в защиту этой ужасной несправедливости, оправдываете эксплуататоров, выгораживаете помещиков и капиталистов. Разве трудовому народу закроешь глаза на такие факты? Потому и идет он за большевистской партией, которая борется против эксплуатации, за равенство, братство. Нет, господа, как бы вы ни старались, неминуемо потерпите крах!

Аплодисменты, топот, крик, свист...

Не в обычае горца снимать по каждому поводу с головы шапку. Но Шерипов из уважения к съезду снял ее. Положил на угол трибуны, подался грудью вперед, смотрел в зал горящими глазами:

— Что представляли из себя горцы — чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, осетины и другие народы Северного Кавказа — до Октябрьской революции? В подавляющем большинстве — это несчастные, лишенные земли, загнанные в горы, бесправные, обреченные на вымирание люди. Но вот, объединенные ленинскими идеями борьбы за правду и равенство, поднялись горцы-бедняки против буржуазии и контрреволюции. Теперь землевладельцы и муллы ставятся у нас в такие же рамки, в какие

русская беднота поставила свою буржуазию. И горская беднота верит в свое счастливое будущее. Очень жаль, что не вся беднота, но большинство верит! Иные верят даже больше, чем в коран и шарият! Не за страх, а за совесть мы будем бороться с контрреволюцией, что бы она собой ни представляла — «горское правительство», бичераховщину или деникинщину!..

И снова трибуну занял Фальчиков. За ним — Лымарь, Перманент-Берман, Мамилов. С заученной последовательностью повторяли они одно и то же:

— Разоружиться Красной Армии, большевикам выйти из Совнаркома, все вопросы решать без участия Совдепов...

Теперь уже было совершенно ясно, к чему клонили бичераховцы: ликвидировать Советскую власть.

Выступали затем представители Кабарды, Осетии, Балкарии, крестьян, красноармейцев... Доказывали антинародную сущность требований мятежников.

На трибуну вышел Гапур Ахриев:

— Вечные ссоры между народами разных национальностей, грызня, часто вооруженные конфликты — вот что характеризовало буржуазно-помещичью Россию. Меньшевики и эсеры ничего не предложили нового. Большевистская партия противопоставляет распрям единство и дружбу всех народов. Хотя бы только поэтому можно симпатизировать такой партии. Ингуши окажут большевикам надежную поддержку!

Но бичераховцы — снова свое.

Таких бурных споров не было, пожалуй, еще ни на одном съезде. Ораторы убеждали не только словами, но и потрясая оружием. Вот взобрался на трибуну горец в распахнутом бешмете и огромной бараньей папахе. Борода взлохмачена, сверкают налитые кровью глаза. Мотнул над головой карабином:

— Бичерах — правы! Бичерах — наша чалавек! Далой балшавык, привет Бичерах!

Его стащил за полу досиня выбритый, с непомерно длинными усами, человек с маузером. Захватил трибуну, колотя себя маузером в грудь, кричал:

— Мешок с кукурузам каждый видал? Сколька в мешке кукурузный зернышка есть, столько Бичерах паршивый сволач!

Но и его стащили. Однако не столько выступали горцы, сколько бичераховцы. Не слушая председательствующего, вновь появлялись на трибуне один за другим либо из зала твердили все то же.

Орджоникидзе подошел к краю сцены, провел пальцами, точно гребенкой, по волосам. Поднял руку. Медленно стих шум.

— Наблюдая поведение так называемых делегатов восставшего казачества, я пришел к убеждению, что они не являются посланцами массы казачества. Они, очевидно, представители какой-то определенной группы, заинтересованной в срыве съезда. Поэтому

му, прежде чем решить вопрос, следует выслушать мнение тех казаков, которые сидят сейчас в окопах против красноармейских частей у Котляревской. Предлагаю послать делегацию нашего съезда для переговоров.

2

Делегация в тот же вечер выехала в Котляревскую поездом, возвратилась на другой день после полудня, и съезд продолжил работу.

Руководитель делегации, степенный горец с бородкой клинышком, взошел на трибуну, рассказал о поездке.

Делегацию встретили офицеры, окружили, повели к блиндажу, где уже ждал, очевидно заранее предупрежденный, Бичерахов. Выслушав, что делегации надо поговорить с рядовыми казаками, ответил: тут фронт, а не большевистский базар, чтобы митинговать и разлагать казачество; на съезд, мол, посланы делегаты, они и скажут, что надо восставшему казачеству. Повторил то же требование: разоружить Красную Армию, изгнать из Совнаркома большевиков. Заявил, что у него нет времени на дальнейшие разговоры, и ушел. Офицеры велели делегации удалиться. Рядовые казаки с любопытством смотрели из окопов вслед делегации...

Закончив рассказ, руководитель делегации потерял бородку и добавил:

— Мое мнение, Бичерахов мирно вопрос решать не желает, стремление у него только одно — задушить Советскую власть. Он ярый антисоветчик и контрреволюционер!

— Осторожней в выражениях! — запальчиво выкрикнул Фальчиков. — Георгий Федорович известный революционер!

Зал снова накалялся. Некоторые опять схватились за оружие. Крик, свист, топот ног...

И тут все заметили, что бичераховцы встали. Шумно двигая стульями, вытиснулись в проход. Хлопая дверью, покидали зал. Им уютно было встать:

— Скатертью дорога!

— Воздух будет чище!

Действительно, словно ветром продуло зал. Спокойно выходили на трибуну ораторы, спокойно говорили о делах. Никто не кричал. Никто никому не мешал. Сорвать съезд не удалось. Гикало послал в президиум записку с просьбой включить его в список ораторов. Но председательствующий объявил перерыв для вечернего намаза верующих. Вместе с Левандовским и Алмазовым Гикало прогуливался по бульвару, когда почувствовал прикосновение к плечу. Повернувшись, увидел Орджоникидзе. Рядом Шерипов, Дьяков и Ахриев.

— Возвращайся в Грозный, дорогой, — спокойно сказал Орд-

жоникидзе. — Вместе с товарищем Левандовским. Будьте особенно бдительными. Красноармейцев из Владикавказа дать невозможно, как бы у тебя не пришлось просить...

И он рассказал, что есть данные о подозрительной возне в окрестностях Владикавказ станицах и некоторых осетинских селах. Возможно нападение. Принимаются меры предосторожности, делегаты съезда из гостиницы «Париж» в центре города переводятся для безопасности за город, в здание бывшего кадетского корпуса.

На прощание обнял Гикало и Левандовского. Им крепко пожали руку Шерипов, Ахриев и Алмазов. Рванул ветер, качнулись деревья, поднялась на бульваре пыль. Садилось солнце, становилось холодно и неудобно.

3

Званцев был у Добровых всего пять минут. Передал Наташин подарок, сказал, что все нормально, попрощался и побежал за ворота к коню.

Грустно смотрела ему вслед Глафира Петровна, думала о Наташе. Конь и всадник исчезли в переулке, Глафира Петровна, сдерживая слезы, возвратилась в дом. Тимка, слазив в Наташину сумочку, с хрустом разгрызал конфеты, жмурился от удовольствия.

Прихрамывая, ходила Глафира Петровна по комнате. Отрезала кусочек хлеба, положила на холщовую тряпицу. Прибавила луковичу, две вареные картофелины. Подумав, со вздохом положила еще одну, последнюю. Связала тряпицу узелком:

— Отнеси отцу поесть. Рано заспешил, стакана чаю не выпил.

— Папка же в станицы уехал!

— Эх, ты, Тима. Набегаешься за день, спишь, ничего не слышишь. Отец ночью приехал. Отозвали его из станиц на несколько дней. Должен он рассказать крестьянам, чтобы спешили убирать хлеба под охраной Красной Армии...

— А потом в станицы, да?

— Ох, не знаю, сынок... Должен он еще достроить бронепоезд...

— Броне-е-е-поезд?! — восхищенно протянул Тимка. Новость поразила и взволновала его мальчишескую душу. — Вот да!

— Сразу же возвращайся! — крикнула вдогонку мать.

Она с трудом поковыляла в коридорчик. Нога разболелась не на шутку.

А Тимка, отсчитывая голыми пятками шпалы, мчался к паровозному депо. Пробежал закопченный свод входа, очутился в слесарном цехе, где не раз бывал у отца. Склонились над верстаками чумазые люди, стучали молотками, шоркали напильниками. Силь-

но пахло металлом. Заглянул во все уголки, но отца не нашел. Отправился в другие цехи.

И вдруг — ого! — Тимка увидел железное чудо: огромную, всю в заклепках коробку, из которой торчали стволы пушек и пулеметов. Конечно же, это бронепоезд! Ну и штука! Ка-ак ба-абахнет из всех стволов! Тимка замер от восторга.

К бронепоезду приставлена лесенка, на ней человек. Он выводит краской последнюю букву названия: «Борец за власть трудового народа». С тонким писком открылась в бронепоезде дверца, из нее выпрыгнул отец, сильно похудевший, потный, горячий от работы. Увидел Тимку:

— Здорово, сынуля! — подхватил на руки, щекоча усами, поцеловал ямочки на щеках.

Тимка поскреб пятерней затылок и сказал солидно, по-взрослому:

— Хороша штука! Насмерть контру перепугает!

— Вот обкатаем его сегодня ночью, сынок, — постучал пальцем по броне отец, — проверим, как действует, и пусть стоит на запасном пути. А потребуется — выведем на главный! Ну давай харчишки и без задержки — домой. Передай маме мое извинение, скажи, к утру приду, не раньше. Скажи, ну никак не получается у него раньше.

Выскочив из депо, Тимка задумался. Вот бы сейчас — к казармам! Серые, многооконные, стояли они за высоким забором в конце Дундуковской улицы. Жили там бойцы грозненской Красной Армии! Ух, до чего интересно смотреть, когда они маршируют! Выбирая время, Тимка часто бегал к казармам. Там была щель в заборе, через которую все-все видно. Красиво маршируют! Залюбуйся. Вот бы и сейчас полюбоваться. Правда, мамка велела не задерживаться... Так он только немного поглазеет — и домой!

Пересек веер замазученных путей с крикливым маневровым паровозом и вскоре прильнул к заветной щели в заборе. Но вот беда — никто не маршировал. Скучали во дворе рядом с казармами накрытые брезентом пушки, грустно замерли броневики. У столбика с крышкой, похожей на гриб, застыл часовой. А марширующих красноармейцев нет.

Вздохнув, поплелся домой. Но только миновал первый переулочек, ввинтился в тишину переливчатый звук сигнальной трубы. Словно бешеный, помчался Тимка обратно, едва успев завладеть щелью: к забору со всех сторон спешили мальчишки и девчонки.

В щель все видно. Красноармейцы выбегали из казарм, строились во дворе на цементной площадке. Они были опоясаны через плечо скатанной шинелью, держали у завернутых в обмотки ног винтовки.

Нажимая на Тимку плечом, щель упрямо отвоевывала косматая девчонка. Дернул ее за волосы — заревела, перекосив рот и

размазывая слезы. Но в это время открылись ворота. Солнечно запылали трубы. Оркестр грянул такой бодрый марш, что у Тимки сами по себе затанцевали ноги, а девчонка сразу забыла обиду.

Красноармейцы шли вслед за оркестром колоннами, в каждой — ровные ряды. Сверкали под солнцем штыки. Перед каждой колонной — командир. У командиров — тоже обмотки, только у одного-единственного — сапоги, и так начищены, что блестели не хуже оркестровых труб.

Красноармейцы растянулись больше чем на квартал. Тимка, старательно маршируя, не отставал. К нему пристроились другие ребята.

А седой военком Сафонов шел сбоку, рядом с тротуаром, поглядывая то на одну, то на другую колонны. С тротуара глазели горожане.

— Куда это они, сердешные?..

— Должно, город покидают...

— Против чеченов воевать гонять!

«Ну и горазды враты!» — сердито подумал Тимка. Он-то знал, куда идут красноармейцы.

Военком Сафонов услышал болтовню. Взойдя на тротуар, сказал громко:

— Мы идем охранять от бандитов крестьян, чтобы, понимаешь, спокойно убрать урожай. Если есть среди вас имеющие посеы вблизи аула Алды, выезжайте в поле.

И вдруг Тимка расслышал звонкий знакомый голос:

— Будут они охранять задарма? Ждите!..

Любопытный Тимка остановился и рассмотрел в толпе того самого вертлявого оратора в замазученной блузе, что ругал тогда на щбелиновском собрании Советскую власть, пытался удрать и получил хороший пинок.

— Обмолотите хлеб, — усердствовал звонкоголосый, — а Совдеп отберет, кормить большевистских комиссаров!

В толпе недовольно заворчали:

— Вот тебе на! Над хлебобором издевательство!..

Тимка поднялся на цыпочки, чтобы лучше слышать, как ответит военком Сафонов.

— Мальчик, не скачи по ногам! — на Тимку смотрела сверху вниз женщина в шляпке со страусовым пером. — Какой неаккуратный, запачкал мне обувь. — Вынула из голубой сумки бархатку, почистила свои туфли с перламутровыми застёжками. — А ты, между прочим, на кого-то похож: такое же лицо, такие же ямочки... — Улыбнулась, блеснув золотым зубом: — Хорошенький симпапончик!

Но Тимка плохо слушал ее, смотрел на военкома Сафопова. Тот сказал:

— Под трибунал пойдешь, провокатор! Отвечай народу: где видел приказ о реквизиции зерна у населения?

— Говори! — закричали из толпы.

— А зачем видеть? Продразверстка — известно всем!

— Врешь, подлец! — грудью лез на него Сафонов. — На всех афишных тумбах и телеграфных столбах расклеены бумаги с постановлением Совдепа об освобождении от продразверстки крестьян и казаков, имеющих посеы вблизи Алдов, ввиду малой площади посева и трудностей уборки.

Провокатор шарахнулся от Сафонова.

— Сбрехал гад! Морду ему побить! — загалдела толпа.

— Задержите его, товарищи, так-перетак, — выругался Сафонов, — и отправьте в комендатуру!

Звонкоголосый метнулся в одну сторону, но люди сгрудились перед ним. Рванул в другую — плотная людская стена. К нему тянулись руки, чтобы схватить.

— Давай сюда! — шепнула провокатору женщина в шляпке со страусовым пером. — Расталкивая толпу локтями, кричала:

— Женщину пропустите, невежи. Пропустите женщину!

Схватила провокатора за руку, поспешно вытолкала из толпы. Тимка протискался за ним. Звуки оркестра уже не слышались, красноармейцев вряд ли скоро догонишь. Едва женщина покинула толпу, к ней подскочил инвалид на деревянной ноге:

— Гражданка Гурия, следуйте за мной!

Подбежал еще и однорукий.

— Нахалы! — закричала на них Гурия. — Как смеете приставать к честной женщине?!

Оттолкнув обоих, вырвалась, юркнула в какие-то ворота. Стуча деревяшкой, инвалид побежал вслед. Не отставал и однорукий. А звонкоголосый, удирая, свернул в первый переулок. Тимка устремился за ним. А как же! Узнает сейчас, где тот живет, скажет отцу. Провокатора поймают и отправят в комендатуру, как просил военком Сафонов.

У переулка Тимка оглянулся. К Сафонову подскакал на коне красноармеец, который вел за повод второго коня. Подал повод Сафонову. Военком вскочил в седло, устремился догонять красноармейские колонны.

Провокатор пересекал Граничную улицу, приближался к станции Грозненской. И Тимка побежал туда же...

Глафира Петровна начала прибираться в коридорчике, но опустилась на табуретку: нога не давала покоя. Ноющая тупая боль, все усиливаясь, отдавала в сердце, тяжело стучала в висках. Не вытерпев, пошла в комнату, прилегла на кровать.

А когда очнулась, уже туманились сумерки, в уголке окошка дотлевал последний блик заката. Нога вроде бы успокоилась, но едва ею пошевелила, разболелась с прежней силой. Встать же надо было непременно, пора готовить ужин. О сыне подумала, что из депо он, конечно, возвратился, не стал тревожить спящую мать, снова убежал на улицу.

Стараясь не сгибать ногу (в таком положении она меньше болела), с трудом приготовила мамалыгу. Есть не хотелось. Укрыла чугунок, чтобы не остыл, снова легла.

Проклятый ревматизм привязался во Владикавказе, в железнодорожных мастерских, где она работала в водяной насосной. Вечная сырость, знобящий холод, двенадцатичасовой рабочий день в таких условиях сделали свое дело. Болела уже, но продолжала работать, надо было платить в гимназию за Наташу.

Окно озарилось желтыми отблесками пожарища. Ушел вечер, пришла ночь. И мужа не было, и Тимка не появлялся. Муж, понятно, в депо, как всегда. До чего же надоели его вечные отлучки — не жизнь, а постоянная тоска: называется замужем, а мужа почти не видит, и конца этому нет. Ладно, Дмитрий в депо, но где же сын?

Волоча ногу, выбралась во двор, подняла какую-то палку. Опираясь на нее, постанывая, вышла за калитку. Долго кричала, звала Тимку. Полыхала пожарищем ночь, летела в клубах дыма луна. Было тихо. Никто не отвечал на зов матери.

Чувствуя недоброе, она мучилась от бессилия: нога не позволяла отправиться на поиски, обратиться за помощью к патрулям, заявить об исчезновении сына в Совдеп. Глафира Петровна разрыдалась и неуклюже осела в лебеду, что разрослась у плетневого забора рядом с воротами. Когда выплакалась, ослабла до такой степени, что подняться уже не могла. Так и сидела, тупо уставившись в пространство, не замечая ничего перед собой.

Или задремала она, и это ей приснилось, или просто так, померещилось... Но только вдруг увидела перед собой Наташу. Вскрикнула радостно, Наташа тут же исчезла. Как хотелось, чтобы она была рядом, как нужна она сейчас больной матери!.. Сильно, каждый день, каждый час тосковала по дочери.

Пронзительный холод заставил Глафиру Петровну подняться с земли. Родилась уже роса и покрыла бисерной тканью деревья, крыши, всю улицу. И ветер проснулся в горах, принес запах вечных льдов. Солнце пробивалось откуда-то из далекой дали, робко высвечивало лохмы дыма.

Наступило утро. Тимка не приходил.

Волоча ногу, упираясь палкой в землю, потащилась Глафира Петровна к дому...

Вслед за провокатором Тимка очутился в станице Грозненской.

В палисадниках желтели подсолнухи, глупо глядели мальвы, «бабы рожи». Над ними гордо стояли каменные с железными крышами дома. Вскоре открылась площадь, посредине — белая, с зеленой маковкой церковь. Вокруг — магазины со ставнями из волнистого металла, коновязи на унавоженной земле, немногочисленный базар с лабазами и торговыми рядами. Провокатор свернул на базар и исчез. Тимка, толкаясь среди торговков, старательно искал его. Заглядывал за лабазы. Но так и не нашел.

А уже рдел в косых лучах солнца крест на церковной маковке. И само солнце стремительно падало за край станицы. Тут Тимка спохватился, обругал себя за непослушание отца-матери и во всю силу ног устремился к дому.

Но ему неожиданно преградили путь казачата. Выбежав ватагой из-за угла, они встали перед Тимкой стеной — шесть задиристых мальчишек.

— Глянь-к, — сказал один из них, пузатый, в каракулевой шапке и с плетью в руке, — эт мужик!

Казачата насупились, рассматривая городской Тимкин картуз.

— Мужик, што ль? Отвечай! — спросил другой, сопливый, в шляпе с кисточкой и заедами на губах.

— Вы что, не видите? — разозлился Тимка. — Какой я мужик? Мальчишка!

— Нет, мужик! Иногородний! А потому большевик! — пузатый угрожающе помахал плетью.

Тимка не совсем ясно представлял, что такое «иногородний», но понимал, что значит большевик. Это — отец, мать, Наташа, дядя Ионыч, наверное, ну конечно, Гикало... Потому что они за Советскую власть. И Тимка тоже!

— Ну большевик!

Его сразу окружили. Сопливый кинулся с кулаками, а пузатый занес плетью. Сжав кулаки, Тимка ударил одного в подбородок, другого — по уху, третьего оттолкнул локтем, четвертого ногой... И прорвал кольцо. Но тут кто-то сильный схватил его за воротник. Подняв голову, Тимка увидел над собой каштановую, венком, бороду, жирный угристый нос и маленькие злые глазки.

Джунг казак в зеленом чекмене, держа Тимку за воротник, дохнул вином и хрипло сказал:

— Ты кто такой нашелся, чтобы наших ребятишек забижать?

— Не я их, — огрызнулся Тимка, пытаюсь вырваться.

Но казак держал его крепко. Шел мимо человек в потрепанной шапчонке и стоптанных ичигах, попытался вступить за Тимку:

— Пусти его, Африканыч, они первые к нему полезли, я видел.

— Кто это гавкает? — прохрипел Африканыч. — А... Дубков Василь! Иди, голодранец, своей дорогой!

— Кобель цепной! — сплюнул Дубков и ушел.

Пузатый мальчишка доложил:

— Из городу он и говорить, что большевик!

Подошел казак в новенькой черкеске с нарядными газырями из слоновой кости:

— Вроде бы около конюшен я его видел, коней он считал, — и поиграл рукоятью кинжала на пояске.

— Шпиен, значить, — сделал вывод Африканыч.

Подхватил Тимку под мышку и понес к большому дому с резными ставнями и железным петухом на крыше.

В просторной горнице за столом под образами сидели двое: бледно-желтый, в фуражке и черном городском костюме, и второй, с продолговатым лицом и раздвоенной бородкой, в бешмете. На столе — четверть красного вина, тарелки с кусочками сала и колечками огурцов. Тимка проглотил слюну.

— Извиняюсь, гостечки, за отлучку, — Африканыч поставил Тимку на пол. — Глянул ненароком в окно, а это, оказывается, шпиен. Говорять, коней считал. — Он приоткрыл дверь в соседнюю комнату, крикнул: — Чего там возишься, Федоровна? Яишню давай!

Пышная казачка с румянцем от ушей до подбородка внесла шипящую сковороду яичницы. Африканыч налил в чапурки вина:

— Ну, бог благословит!

Выпили. Крякнули. Закусили. Тимка нахмурился, опустил голову. Подошел к нему серый упитанный кот, глянул добрыми глазами, потерся о ногу теплой бархатной шерстью. Поставил хвост трубой и замурлыкал. Тимка нагнулся, погладил кота. Африканыч поддел кота ногой, отшвырнул. Тот коротко мекнул по-овечьи и шархнулся под кровать.

— Ты откелева, слышь, будешь? — уперся в Тимку глазками Африканыч. — Кто тебя послал коней считать?

— Не считал я...

— Ишь, «не считал»... Бреешь! Вот я те задницу плеткой пощекотю, признаешься!

У Тимки от обиды затуманило глаза, к горлу подступил комок.

— Чего вы пристали?! Не считал я коней. Не видел даже! Африканыч снял с гвоздя на стене плеть.

— Ну-кась, скидывай штаны...

Но тот, что с раздвоенной бородкой, прищулив узкий коричневый глаз, вступился:

— Не падо, кум, пускай, следует быть, идет себе домой...

— Не мешай! — прикрикнул на него Африканыч и, прикусив губу, занес плеть.

Но человек с желтым лицом сказал сердито:

— Прекрати!

— Нет, Афон Данилович, я ему, большевицкому выброску...

— Кому говорю! — крикнул Афон Данилович.

Африканыч сразу опустил руку:

— Слушаюсь!

Схватил Тимку за воротник и поволок в дверь. Но не отпустил, а протаскив через двор, швырнул в темный сарай, шелкнул задвижкой.

Тимка нащупал дрова, гнилую солому и совковую лопату. Начал ковырять ею земляной пол. Но крепко затрамбованный, он не поддавался. С подкопом, чтобы убежать, не получилось. Не выпуская лопаты, сел на солому, голодный и обиженный. Вдыхал в непроглядной тьме запах соломенной прели и до боли кусал губы. Очень хотелось плакать.

6

Когда Африканыч возвратился в горницу, Малюта сказал ему строго:

— Дурак, что ли? Связался с сопляком...

— А может, он и вправду пролетарьяцкий шпнен...

— По глазам видно, случайно в станицу затесался. Пожалует-ся отцу, что ты издевался над ним, а тот — в Совдеп. Припрут-ся, так сказать, разные следователи. Это тебе, дураку, надо?

— Оно, конечно... — мял Африканыч бороду.

— То-то же!

Малюта выпил чапурку вина. Налил из четверти вторую, третью... Оставил немного на дне бутылки, подмигнул Африканычу и пошел к двери. Африканыч поспешил вслед. В коридоре Малюта произнес шепотом:

— Выделено тебе два квартала от Граничной улицы до первого базарного лабаза. Завтра к вечеру представишь мне пофамильно список: всех иногородних, которые могут тут проживать, затем подозрительных казаков, что к Советам примазываются...

— Дубков Василь, к примеру... — вставил Африканыч.

— Список составлять тайно. Перед нападением на город всех ненадежных уберем, чтобы не могли способствовать большевикам. Да не будь дураком, по мелочам не цепляйся, как сегодня к мальчишке.

— Слушаюсь!

Африканыч гордился тем, что он активист антибольшевистского комитета, выполняет тайные поручения Малюты, Халеева и самого полковника Поморцева. Не подав руки, Малюта ушел. Африканыч возвратился к столу. Кум Елисей Миронович Голубцов поинтересовался:

— Кто таков, этот... восковой? Не из нашей станицы!

— Городской, — соврал Африканыч о Малюте, — но казак. Так, знакомый один. А что?

— На мертвеца, следует быть, похожий, вид отвращающий. Тошнит от него.

— Бог с ним! Давай, кум, почирируем да об жизни побеседуем. Война, вроде, должна быть.

— С большевиками, что ли?

— А то ж с кем?... Да мы, растуды их, раз-два и готово!

— Ой ли? Кабы они нам шею не намылили...

— Чево? Большевицкого духу, кум, ты нанюхался. Гикалу, говорят, в своем доме привечал! — Африканыч, багровея, сжал кулаки.

— Не трогай меня, — прищурил глаз Голубцов, — по роже смажу!

На шум прибежала Федоровна. Схватила вставших друг против друга кумовьев, расшвыряла по углам:

— Петухи дьявольские! Начихирились до беспамятства!

Взяла четверть и ушла. Казаки отдышались, разгладили бороды.

— Чего это ты, кум, напал на меня? — обидчиво начал Голубцов.

— Не заступайся за большевиков! Терпеть мне их неволю. Ставь четверть чихиря, тогда прошу.

— Не в чихире дело, а только ты не правый.

— Замолкни, ради бога! Я тебе четверть поставлю, только большевиков не выгораживай. Эй, Федоровна, неси чихирю!

Федоровна высунула из-за двери руку, переплела пальцы в выразительный кукиш.

— Не даст, — безнадежно махнул рукой Африканыч. — Пойдем, кум, к Аниське, у ней завсегда есть чихирь.

— Не...

— Ну к Софке!

Голубцов встрепенулся. Вспомнил свою неряшливую, никогда не расстающуюся с ключами, жадную жену. Потянуло к милой, картаньей, с красивыми раскосыми глазками, Софье. Вдохнул:

— Времени нет. Пойду ладить мажару, едва свет, ячмень косить поеду.

— Сдурел? Твой ячмень под Алдами, чечены враз лошадей заберут.

— Не должно бы... Красная Армия охранять, вроде, вышла. Сам Гикал меня обнадеживал — никто, следует быть, не тронет...

— Брешешь твой Гикал!

— Не должно, я сам ему вначале не поверил, а он, оказалось, слову хозяин, как обещал — исполнил: доктора на постоянно в станицу прислал... Нет, поеду, жалко ячмень в степу бросать.

— Ну как хошь, — махнул рукой Африканыч. — А я к Аниське пойду.

На улице кумовья разошлись в разные стороны.

7

Наступил вечер, и Фёдоровна вышла во двор осмотреть хозяйство: заперта ли на ночь конюшня, надежно ли закрыты куры, крепки ли на амбарах замки?

Взглянув на саманный сарай, вспомнила, что муж по какой-то причине посадил туда городского мальчишку. Вмешиваться в дела казаков, хотя это и муж, она не имела права — не ее бабье дело, но накормить-то арестанта надо, все-таки христианская душа.

Возвратившись в дом, отрезала ломоть сала и четвертушку хлеба. С тем направилась к сараю. Чтобы мальчишка не убежал, дверь приоткрыла слегка. Из темноты, немного оттиснутой светом пожара, глянуло на нее бледное лицо с такими ненавидящими глазами, что она невольно отпрянула. Побавиваясь, протянула руку с едой:

— На вот, сердешный, пожуй... Мать-то небось, беспокоится... Мальчишка, сжимая руками лопату, всхлипнул и отвернулся.

— Чевой-то ты такой дикий? На, бери!

Она ждала. Мальчишка не поворачивался к ней.

— Бери...

Так и не дождавшись протянутой к еде руки, положила хлеб с салом на пол, заперла дверь и ушла.

А Тимка твердил про себя: «Не буду есть и все! С голоду помру, а не притронусь!»

Он не видел сейчас в темноте съестного, но отчетливо представлял пахучий хлеб и аппетитное сало. Они лежали совсем близко, надо только подняться и взять. Набить просящий, ноющий, сосущий желудок и почувствовать благодать сытости...

Но нет! Обидели ни за что, плетью хотели пороть, в сарай заперли. Пусть подавятся своим хлебом и салом. А если попробуют обидеть еще, он вот этой лопатой драться будет. Обижать себя напрасно не позволит!

8

Федоровна в это время ждала мужа: был уже поздний вечер, пора быть дома. Заподозрив недоброе, накинула платок и отправилась искать. К своей удаче встретила за воротами шепелявую сваху Варвару. А кто как не она знает все, что делается в станции? Дала точный адрес.

Пылая густым румянцем Федоровна сбегала во двор, захватила лом и поспешила к дому вдовушки Анисьи. Окинула мутным

взглядом разрисованные цветочками ставни и принялась крушить их ломом.

Подкрашенная свекольным соком грудастая Анисья вытолкала Африканыча на улицу.

— Я вам покажу, Лаврентий Африканыч, как позорить жену, менять ее на всяких этаких! — Федоровна властно схватила супруга за плечи и повела перед собой к дому. Она всегда, даже в часы супружеских расправ, называла мужа уважительно на «вы».

В горнице повалила на пол, била кулаками в бока, грудь и по голове. Африканыч не сопротивлялся, потому как попался с личным. Он только жалобно просил:

— По голове не надо... Она же на фронте ранетая...

Утром они проснулись, оба ласковые, тихие, как ни в чем не бывало. Африканыч, расчесав бороду, сел к столу похмеляться, Федоровна пошла во двор по хозяйству. Взглянула на сарай и вернулась:

— Пора бы вам, Лаврентий Африканыч, об арестанте подумать...

Только сейчас вспомнил Африканыч, что по пьяному делу не выполнил приказа Малюты отпустить мальчишку. Афон Данилович, говорят, не спускает ослушникам! Заторопился к сараю. Однако, поймав взглядом плетъ на стене, не удержался от соблазна стегануть большевистского мальчишку. Снял с гвоздя, с удовольствием потрогал заделанную в конце свинчатку. Этой плетью, бывало, в доброе царское время с наслаждением порол в Питере бастующих рабочих.

Подошел к сараю, откинул задвижку, замахнулся:

— А ну подь сюда!

Далее только и успел рассмотреть, как на его голову опустилась совковая лопата. Шарахнулся, но избежать удара уже не удалось. Бахнуло по лбу, потемнело в глазах. Рывкнув от боли, рухнул на землю.

Тимка перепрыгнул через Африканыча, рванулся к калитке и был таков.

9

Влетев в родной двор, Тимка увидел отца. Он бережно вел под руку к дому сильно хромающую мамку. Застыв на полушаге, Тимка не решался выдать себя. Он чувствовал большую вину перед родителями. Но мать, случайно оглянувшись, увидела его. Вскрикнула. Тимка кинулся к ней, расплакался. И обида, накопившаяся за ночь в сарае, и жалость к матери вырвались наружу. А мать обнимала его и целовала в мокрые от слез щеки. Отец молчал.

Когда успокоились и сели в комнате завтракать, отец, угрюмо пережевывая вчерашнюю мамалыгу, спросил:

— Где же ты почти сутки пропадал, сынок? Ведь я просил не задерживаться.

Тимка виновато вздохнул и честно рассказал обо всем.

— Сволочи станичники! — сердито шлепнул ладонью по столу отец. — Надо бы проучить этого Африканыча, арестовать подлеца. Ну и от тебя ему хорошо влетело. Будем считать, он наказан. А если точнее, нет у меня времени этим заниматься, обратно надо ехать в станицы.

— Здрас... — заикнулась было мать, но лишь вздохнула тяжело да махнула рукой.

Уложив ее в постель, отец пообещал прислать доктора и торопливо ушел. Сморщенный старичок врач явился через час. Вместе с ним — хрупкая, чернявенькая девушка с застенчивыми глазами. На ней длинное чеченское платье, на косынке — красный крест.

Тимка, не отходивший от матери и выстрегивающий ножом из обрезка доски наган, с интересом наблюдал за гостями. Врач тщательно выслушал мамку через трубку. Девушка стояла в стороне, открыв защитного цвета сумку. Потом доктор расспрашивал маму о болезни. Наконец сделал вывод:

— Ревматизм с преимущественным обострением в суставах правой ноги. Как следствие — порок сердца. Если мне не изменяет память, я уже осматривал вас однажды и назначал салициловые препараты. Не думаю, чтобы не помогли.

— Помогли, доктор, очень помогли! Я обрадовалась и забросила лекарства.

— Неразумно! — Повернулся к девушке: — Фатима, оставьте больной запас салициловой мази и пилюль пирамидона, покажите, как втирать мазь в ногу. — Обратился к больной: — Раз в неделю вас будет навещать сестра милосердия Фатима, контролировать лечение. Через месяц зайду я. Не беспокойтесь, милая, поднимем вас с постели, еще как будете бегать!

10

А в это время в убежище на окраине станицы Грозненской Гурья рассказывала Малюте, что встретила в городе мальчика, очень похожего на машинистку, работающую в приемной Бичерахова, которую видела где-то раньше...

Но Малюта не прислушивался к болтовне. Голова была занята поиском надежного способа тайной передачи оружия агентам в Грозном.

— Где я ее могла видеть: белявую, с ямочками на щеках?.. Тебе не встречалась такая, Афончик?

— Отстань!

Вчера глубокой ночью полковник Поморцев познакомил Малюту с планом захвата Грозного, разработанным в моздокском штабе. Если грозненское командование отклонит ультиматум о безоговорочной сдаче оружия, город в один и тот же час будет атакован со всех сторон. Войска уже подготовлены...

— И у мальчика такие же ямочки, как у нее... Точная копия... Афончик, дай я тебя поцелую.

— Отвяжись! — Малюта, чтобы не потерять мысль, оттолкнул Гурию.

Одновременно с лобовыми ударами войск последует нападение изнутри. Для этого большинство тайной агентуры должно вдруг превратиться в вооруженных бойцов. Рассредоточившись в разных частях города, они займут места на чердаках и в подвалах, станут стрелять в спины командирам и красноармейцам...

Гурия не отставала:

— Голова разболелась, никак не могу вспомнить, где я ее видела...

— Дождешься, по роже дам!

Превращение агентуры в вооруженных бойцов и убийства из засад защитников города, по мнению моздокского штаба, вызовет в Грозном панику, что обеспечит неминуемую и быструю победу.

— Ой, Афончик, а что я тебе скажу...

— Да заткнись ты!

Подготовка нападения изнутри возлагалась штабом на Малюту. И вот теперь надо придумать, как поскорее и втайне снабдить агентуру обрезам, карабинами и патронами, которые в достатке присланы из Моздока, лежат пока в захоронке.

— Про приказчика Феоктиста Криволапова расскажу тебе, Афончик, — Гурия ласково заглянула ему в глаза.

— Что?! — очнулся Малюта, услышав фамилию своего агента.

— Отговаривал от уборки хлебов, да неудачно, чуть не схватили, слава богу, помогла ему удрать.

Гурия рассказала подробно. Афон Данилович улыбнулся уголком рта:

— Я ему покажу! Поищи, не найдется ли тут цыганской иголки? Люблю развлечения такого рода.

Крякнул, выпил рюмку. Гурия налила новую. Малюта сидел за столом. В тарелке — помидоры с огурцами, в полуштофе — арака. Гурия служила Малюте, стоя за спиной. Садиться в его присутствии не смела.

Но про то, как ее пытались задержать в городе двое — один на деревянной ноге, второй — однорукий, Малюте не заикнулась. Юркнула тогда в ворота, но инвалиды гнались через весь двор. Даже грозили нагаками. Гурия догадалась, что это представители Совдепа, и удирала во всю. Перелезла, разорвав платье, через за-

бор, но все же убежала. И сделала вывод: за ней следят. С тех пор стала вдвойне-втройне осторожной!

— Полежим, Афончик?

— Отстань!

Изрядно надоела ему эта баба со своими обнимочками, поцелуйчиками, болтовней, так же, как быстро надоедали и все прежнее, с которыми приходилось сожительствовать. Отвязаться бы, да была служебная надобность в ней, приходилось терпеть. Она была старательной прислугой, послушной любовницей и толковой связной. Никогда не перечила, во всем подчинялась, из кожи лезла, чтобы угодить. В жилье навела уют, украсила окна занавесочками, развесила лубочные картинки. Моет, стирает, сытно кормит, достает самогон...

Но после захвата Грозного ничего этого не потребуется. Любовниц и лакеев найдется для него достаточно. А эта баба слишком много знает. И он терпеливо ждал той приятной минуты, когда загонит Гурию в темноту подвала и там, не спеша, задушит. Любил он развлечения такого рода: выпить побольше и медленно замучить беззащитного человека. Именно беззащитного, в том особенная приятность!

Предвкушение успокоило. Малюта поймал утерянную было мысль и решил, что снабдить агентуру оружием удобнее всего через Гурию. Устроить в бричке тайник, сверху положить оклунки с кукурузой. Возницей посадить Гурию. Она и развезет оружие под видом, что продает кукурузу. Помогут Хрящев и Синеоков: для надежности организуют негласную охрану брички...

Малюта сказал:

— Отправляйся в город. Ты знаешь, к кому, — он имел в виду Хрящева и Синеокова. — Скажи, пусть подготовят людей к приему оружия. Завтра повезешь.

— Хорошо, Афончик!

Схватила голубую сумку и ушла.

11

Но не в город.

Миновав заброшенный сад, вышла на выгон, в безветренную сегодня и сухую степь. Опаленные солнцем травы лениво шелестели под ногами. Упруго брызгали потревоженные кузнечики.

Устало шагала Гурия. Она редко отдыхала, никогда не высыпалась вдоволь. Замучил ее бесконечными поручениями безжалостный Малюта. Приходилось исполнять их днем и ночью. Совсем не думал о том, что не каменная она и не чурбан, а живой человек. Но Гурия терпит оскорбления, даже побои. Все сносит, вида не подает. Даже отвратительную, с изображением на ней страшного черта, лысину целует... Между прочим, не сдержала

любопытства, спросила Малюту, отчего это у него такая нелепая татуировка: черт на лысине? В ответ он глянул так страшно, что навсегда отбил охоту задавать вопросы.

Всячески угождает Гурия Малюте. Стараются заслужить полное доверие! Чтобы не удалит от себя прежде времени. А потом...

Не впервые, выбирая урывками время, выходит она за станицу. Сколько раз шагала то в одну, то в другую сторону, присматривалась к выгону. И может быть, нашла уже наконец что надо. Два дня назад заметила вон ту возвышенность поодаль. Сегодня урвала время посмотреть, что это такое.

Солнцем обесцветило небо. Изнемогая, едва двигались облака. Утихали сраженные зноем жаворонки. Смолк печальный пересвист сусликов. Только кузнечики трещали без умолку. Повалиться бы сейчас прямо в жаркую траву и, забыв все, уснуть, пусть даже под этим адским солнцем. Так устала! Но она, помахивая голубой сумкой, шла. Надо!

Отступала жидкая лазурь горизонта, выпячивала вдали комолый, канареечного цвета Терский хребет. Приближалась та самая возвышенность. Это была скирда. За нею — другая. Увидела черное от гнили сено. Зашла в узкий проход между скирдами. Там валялся ребристый конский скелет, очищенный вороньем до снежной белизны. От него все еще исходил запах падали.

Да, скирды эти вполне подойдут. Они надежно сохраняют тайну Гурии. Довольная, присела отдохнуть. Даже в тени была горячей блеклая трава. Сразу же властно навалился сон, сладко заклепал веки. Гурия на ощупь сунула под голову сумку и всхрапнула.

Солнце теряло накал. С гор осторожно дунуло прохладой. Овеянная ее лаской, Гурия повернулась на другой бок. Цветисто замелькало сновидение: красивая золотоволосая и голубоглазая барышня с длинными ресницами и ямочками на щеках сидит за низким столиком и стучит клавишами машинки... Вот барышня улыбнулась мило и застенчиво. Но вдруг растаяла... Гурия проснулась. Долго терла глаза. «До чего же прилипла ко мне эта бичераховская машинистка, даже во сне плетется! Где же я ее видела?» Казалось, восстанови память забытую встречу — и произойдет что-то очень важное, совершенно неожиданное!

Она ломала голову, но вспомнить не могла. Сотни людей встречались на базарах и улицах, в городе и станице. Очевидно, попало на глаза и это лицо. Тяжело вздохнула: а может, старость приходит, память слабеет? Не желая с этим согласиться, стукнула кулаком по лбу: «Быть не может, чтобы совсем запмятовала, все равно вспомню!»

Шевельнулась мысль: «А может, удрать от Малюты? Вот и кончатся мучения! Нет, от него не удерешь, найдет — жизни лишит! А если выдать его властям?» Но тут же выругала себя вслух:

— Ох, дура! От Малюты хорошие деньги имею. И гораздо боль-

шие, чем он думает. А что мне дадут власти? Кукурузный чурек! Нет уж, потерплю. Главное — не выйти из доверия. А потом...

Она забрела в заросли желтоцветущей сурепы и неожиданно наткнулась на широкую яму, заброшенный глиняный карьер. Вылетев оттуда, защебетала туча встревоженных щурков. Обойдя карьер, заспешила к городу.

12

Малюта притаился в дальнем углу заброшенного сада. В отблесках новопромысловского пожарища деревья то выступали из тьмы, то прятались в нее. Рядом зловеще кричал сыч.

Ровно в назначенное время зашелестели кусты. Малюта подсушил рукава пиджака, вынул из кармана веревку. Упруго качнувшись, кусты раздвинулись, из них вышел человек в куртке и яловых сапогах. В тот же миг Малюта крепко схватил его за глотку. Не дав опомниться, свалил. Кусты треснули, испуганно улетел сыч. Ловко и быстро завязал сваленному руки и ноги.

— За что, Афон Данилович? — беспомощно пролепетал человек.

Малюта впихнул ему в рот тряпку, вытащил из своего пиджачного борта кривую цыганскую иголку, кольнул в бедро.

— А за то, что работать, как следует, не желаешь! На Шебелиновке на собрание не повлиял, перед военкомом Сафоновым опростоволосился. — Малюта кольнул в другое бедро и посильнее. — Учужу тебя, любезный Феоктист Криволапов, чтобы работал умнее и старательнее...

Криволапову было больно. Он извивался и стонал. Малюта, наслаждаясь страданиями, методично покалывал иглой то в одно, то в другое бедро, приговаривал:

— Не учить тебя — схватят дурака, и меня выдашь...

Насладившись издевательствами, спрятал иголку.

— Если хоть еще раз покажешь себя дураком, не прошу, готовься к смерти. Вспомни, как работал у купца Чернявского. Запугивал людей, оторваться от тебя не могли. И здесь сможешь, если захочешь. Зачем полез наперекор Сафонову? Видишь — не та ситуация, отойди в сторону, пережди, выбери удобный момент и умно, доказательно выскажись. Доказательно. Понял? Доказательно! Чтобы примеры и факты. Не обязательно нахрапом лезть в толпу, а смотря по обстоятельствам... Подойди к небольшой группе, прислушайся, поддакни вовремя... Так же к отдельному человеку. — Вынул кляп изо рта Криволапова. — Что скажешь?

— Афон Данилыч, — взмолился Криволапов, — прошу-с, увольте! Не прошибешь их, городских, как ни пробовал, никакими способами и доказательствами...

Не желал Малюта верить этому. Только разозлился еще пуще. Схватил Криволапова за грудь, приподнял, ударил головой о землю. Ударил еще раз. Заплетающимся языком покаялся Криволапов, что теперь, да, да, теперь будет работать умно!

— Ладно, — Малюта развязал веревку. — Я запомнил твое обещание.

Шелестя листвою, Малюта исчез в темноте.

«Бежать! — пришло в голову Криволапову. — Немедленно бежать к большевикам! Скрыться, пока живой, от беспощадного сатаны Малюты, рассказать о нем, о Хрящеве Совдепу. Все рассказать! Да, да, только так, иначе — гибель...»

Поднялся. Болела голова, щемило в бедрах. Выбрался из сада, миновал переулок, улицу, вторую... Вон и Граничная... А там и Совдеп... Совдеп? Дрогнуло сердце. Испугался: а вдруг арестуют за кражу мануфактуры? Нет, нет...

Опрометью кинулся в обратную сторону. Вот и выгон, и степь...

Ни дороги, ни следа. Сухой шорох травы под ногами. Кругом мертвая заколдованная тишина. Крупные, холодные звезды.

С каждым шагом, как мог, набирал скорость. И молил бога:

— Господи праведный, задержи рассвет, чтобы уйти в темноте подальше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Глубокая ночь, но не спится делегатам. Кто, сидя на койке, оживленно жестикулирует, кто не спеша разбирает постель, долго возится с ней, отвлекаясь разговорами. А кто уже лежит, прикрыв себя одеялом, но глаз не смыкает. Все говорят, делятся впечатлениями, анализируют речи ораторов.

Юсуп Алмазов, готовясь ко сну, стягивает ичиги. Сосед по койке, положив щеку на ладонь и уперев локоть в подушку, никак не может успокоиться:

— Бичераховцы ушли, в зале стало чище, но кое-какая грязь осталась. Слышал, как защищали Бичерахова прочие меньшевики и эсеры?

Юсуп стянул ичиги, положил у койки, лег:

— Стараются замутить чистую воду... Не замутят. Нас большинство!

Орджоникидзе тоже не спит. А с ним — Шерипов, Ахриев и еще несколько человек. Ходят в лунном свете, стучат каблуками о булыжник двора. В проходах между корпусами, в железных узорах наглухо закрытых ворот, в просветах кирпичной ограды

мелькают тени часовых. Покой делегатов охраняют красноармейцы и осетины-корменисты.

Орджоникидзе интересуется все до мелочей: быт северокавказских народов, их отношение к Октябрьской революции, к другим национальностям, к казакам, крестьянам и рабочим. Шерипов и Ахриев подробно расспрашивают Серго о Ленине, его мнении по национальному вопросу.

Иногда они останавливаются, слушают Терек. Луна взошла высоко. Она режет изрешеченное бледными звездами небо, ныряет в прозрачные, как кисея, светлеющие перед утром облака. Орджоникидзе зевнул — устал он за эти дни:

— Пойдемте, дорогие, поспим немного, весь день работать...

Открыв дверь, они шагают по гулкому, слабо освещенному коридору. Со свистом пронесся снаряд, оглушительно разорвался во дворе. Вздрыгнули стены. Заскрежетали по булыжникам осколки.

Вскочили с коек делегаты:

— Кто стреляет?

— Аллах его знает...

Юсуп Алмазов отшвырнул одеяло, натянул ичиги:

— Неужели непонятно, кто? Подлые шакалы не могли убедить нас словами, теперь действуют пушками.

— Бичераховцы!

— Эй, там, потушите свет, они же по окнам целятся.

Делегаты хватают оружие, бегут во двор. По двору уже бьют из винтовок, вжикают пули, колушают стены, с визгом рикошетят. Бойцы охраны — корменисты и красноармейцы — залегли вдоль кирпичной ограды, высунув винтовки в дыры, посылают ответные выстрелы. Стрельба доносится и из города, значит, и там завязался бой.

Сквозь перестрелку слышен густой голос Орджоникидзе:

— Без паники! Все, кто способен владеть оружием, — в бой! Осетинские и ингушские товарищи — ко мне.

Делегаты ползут, прижимаясь к земле. Ложатся рядом с красноармейцами и корменистами, посылают пули в тени, что мелькают в кустарнике напротив. Но вот заговорили бичераховские пулеметы, трещат с флангов их длинные очереди, глушат винтовочные хлопки. Визжат и визжат пули...

Осетинская и ингушская делегации входят в тесную комнатушку, тускло освещенную огарком свечи. Орджоникидзе старается быть спокойным, но его ноздри заметно раздуваются:

— Осетия и Ингушетия расположены рядом с Владикавказом, потому помощь этих народов будет самой быстрой. Пробирайтесь в свои села и аулы, поднимайте людей на оборону города. А где Шерипов? — Орджоникидзе смотрит на Юсупа Алмазова. — Разыщи Асланбека, дорогой, пришли ко мне.

Гапур Ахриев догоняет в коридоре Алмазова:

— Оставайся во Владикавказе, Юсуп, здесь дорог каждый боец. Сам в Ингушетии сделаю, что нужно.

Во дворе они расходятся в разные стороны. Отыскивая Шерипова, Алмазов ползет вдоль ограды. Делегаты, красноармейцы и керменисты сосредоточенно стреляют в силуэты людей, что стремятся вырваться из кустарника напротив. Есть среди красных бойцов уже убитые и раненые. Убитые лежат ничком, будто прикорнули нечаянно, с усталости. Раненые не уходят, продолжают стрелять. Вот и Шерипов, он бьет из маузера, привстав на колени. Выслушав Алмазова, уползает. Юсуп занимает его место, просовывает в дыру ограды ствол карабина.

В той же комнатухе, освещенной огарком свечи, Орджоникидзе поспешно говорит Асланбеку:

— Быстрее в Грозный, дорогой! Противник, судя по интенсивности обстрела, значительно нас превосходит. Нам надо стянуть побольше сил. Пусть Гикало пошлет не менее двух рот красноармейцев.

Потом Орджоникидзе созывает делегатов, слабых здоровьем, зрением, пожилых, не способных участвовать в бою:

— Пробирайтесь, товарищи, для безопасности в ближайшее ингушское селение Назрань, там ждите конца сражения.

А война разгорается. Солнце встает в черном дыму пожарищ и сизых клубах порохового дыма. Густо заволокло гарью Столовую гору. Стрельба глушит шум Терека.

Но вот влетает на окраину Владикавказа стая всадников в черных бурках. Отражая утро, розово сверкают обнаженные клинки.

— Вурро! — мощный гортанный крик потряс воздух.

— Вурро! — подхватил Юсуп Алмазов. — Товарищи осетины и красноармейцы! Это Гапур Ахриев прислал в помощь революционных ингушей. Вурро! В атаку на бичераховских шакалов!

Преодолев ограду, стремительно бросились на засевших в кустарнике. Дрогнули бичераховцы, попятились. Их подмял под себя конный отряд ингушей, с гиком ворвался в город.

В городе расходовали последние силы и патроны наполовину поредевшие красноармейский полк и две роты рабочих Курской и Молоканской слободок. Ободрились, почувствовав помощь. С другой стороны пробивался к ним с боем поднятый посланцами Орджоникидзе отряд революционных осетин.

Бичераховцы медленно покидали город.

Красноармейский командир в заломленной на затылок папахе с красной лентой доложил Орджоникидзе:

— Имеются пленные. Что с ними делать?

— Веди меня к ним.

В темном подвале полуразрушенного дома сгрудилось десятка

три горцев в черкесках. Орджоникидзе поманил пальцем одного, который был поближе:

— Рассказывай, дорогой, откуда ты, почему с нами воюешь?

У этого пожилого серебрянобородого горца печальное землистое лицо и тусклые глаза:

— Все мы здесь бедняки из селения Магометанского. Послал нас в город бывший сельский староста Хазрат. Сказал, что сюда прислан главным советским начальником Лениным грузинский комиссар Орджоникидзе, который будет отбирать у народа землю и скот. Нам велели окружить гостиницу «Париж». Офицеры ворвались в нее, чтобы схватить грузинского комиссара, но его там не оказалось. Потом нам велели стрелять в рабочих и красноармейцев. Мы постреляли немного, но тут началось наступление красных. Мы побросали винтовки и сдались в плен.

— Правильно сделали! — подхватил Орджоникидзе. — Идите себе с миром домой и рассказывайте всем, что комиссар Орджоникидзе прислан Лениным не для того, чтобы отбирать у всех подряд землю, а, наоборот, наделять ею тех, кто не имеет, — бедняков.

— Неправда, — зашевелились, загомонили пленные.

— Истинная правда. Я комиссар Орджоникидзе и лично подтверждаю, что это так. — Повернулся к красноармейскому командиру: — Отпустить всех!

— Как? — засомневался командир. — Все-таки они... Так просто... и все?

— Если считаешь, что так просто не годится, выстави, дорогой, оркестр, пусть сыграет туш.

А бой продолжался. Бичераховцы отступили, но выбить их из города все же не удалось. За ночь они подтянули из сел и станиц резервы и начали теснить красных, отвоевывая улицу за улицей. На второй день к вечеру полностью заняли центр города.

Орджоникидзе собрал на совет командиров. Мнение было единым: снова обратиться не только к осетинам, но и к ингушам. Ингушетия рядом, помощь подоспеет быстро. Однако большинство опасалось, что дело может испортить председатель Ингушского национального совета Вассангирей Джабагиев. Командиры доказывали, что лучше всего в Ингушетию отправиться самому Орджоникидзе.

Красные контратаковали мятежников в районе вокзала, отбросили, сдержали напор. В образовавшуюся брешь Орджоникидзе прорвался к путям, где стоял паровоз с пассажирским вагоном. Паровоз распустил пары. Ингуши сказали Юсупу Алмазову:

— Езжай и ты. Эрджкинез не знает нашего языка и Ингушети. Помогай ему и береги крепко, как отца!

Куцый поезд на всех парах вышел за Владикавказ. Орджоникидзе сел на середину нижней полки, наслаждаясь отдыхом, ши-

роко раскинул руки. Потом полез в карман галифе, достал бумажный сверток:

— Давай перекусим, дорогой. Догадываешься, что в этом свертке? Нет, не догадываешься. Чурчхела! Возможно, у ингушей есть что-нибудь повкуснее, но у грузин вкуснее чурчхелы ничего нет!

Развернул бумагу, протянул Юсупу две ароматные колбаски, две оставил себе. Начиненные орехами, уваренными в виноградном соке, колбаски были действительно вкусными. Ели, жмурясь от удовольствия, Юсуп шутливо прищмокивал.

— Ехать до Назрани добрый час, а то и полтора, давай поспим, дорогой, — предложил Орджоникидзе, поудобнее располагаясь на полке.

— Тебе не нада Назрань, — объяснил Юсуп, — тебе нада Базорки. Вассангирей, ему есть Базорки кабинет. Сичас будит Ольгин, пешком иди прямо, быстра пешком будишь.

Орджоникидзе понял, что, чем ехать кружным путем, можно гораздо быстрее дойти к резиденции Джабагиева пешком напрямую с разъезда Ольгинского.

Мелькали за окном, уносились назад перелески, дробно стучали вагонные колеса, позвякивали буфера. Куций поезд бешено мчался под уклон. Потянувшись и хрустнув суставами, Орджоникидзе выглянул в окно. Маячил вдаль открытый, с поднятым крылом, семафор. Приближался разъезд Ольгинский.

— Пешком, так пешком, — согласился Орджоникидзе.

Поезд замедлял ход. Орджоникидзе снова выглянул в окно. Разъезд уже близко. Он запружен вооруженным народом. Паровоз гудел, прося освободить путь. Но люди не сторонились, размахивая винтовками, требовали остановки. Конечно же, это были бичераховцы.

Орджоникидзе открыл в тамбуре дверь, через которую обычно проходят в соседний вагон, кивнул Алмазову. Они прыгнули на шпалы, шагнули в перелесок у полотна. Далее Юсуп повел Орджоникидзе веселой извилистой тропинкой в зеленой траве к ближайшему ингушскому поселению.

2

На крутом, желтом от глины берегу Сунжи торчат кишжалы тополей. Под ними скучились сакли аула Алды. Рядом травянистый ковер луга, разбрелось по нему стадо кустов. Поодаль — темная густота леса.

Галопом вымчался из леса всадник. Конь распустил по ветру хвост. Всадник обтянут черкеской, легок на коне, молод и бородат. Борода и усы окутали лицо, точно шарфом, лишь торчит нос да видны прорези сердитых, недобрых глаз. Десятикратный цейс

свисает на ремешке, перекинута через шею. В такт конскому скоку бинокль бьет всадника по груди.

Осадил коня у самого обрыва над Сунжей. Конь взвился свечой, повис передними ногами над пропастью. Танцует задними, отошел, опустился. Бесстрашен джигит Умалатгирей, молодой бородастый всадник. О его смелости знают все в ауле Алды.

Внизу Сунжа несет кофейные с солнечными искрами струи. А на том берегу — размазанная солнцем желчь полей, васильковая клетка межевых полос, совсем близкий, широко распластанный Грозный. Он затянут тучами дыма. Правее — Новопромысловское взгорье и, будто извержение вулкана, пожарище...

Зоркий, как горный орел, Умалатгирей с высоты этого берега всегда высматривает добычу. Увидит подводу, две, три, даже четыре, разумеется спряженными лошадьми, — тотчас его пронзительный свист потрясает воздух. На опушке леса дежурят джигиты. Услышав знакомый посвист, они в свою очередь подадут сигнал другим. И тогда вылетят из чащобы люди Умалатгирея, молодые, стройные как на подбор конники, вооруженные винтовочными обрезами и топорами. Лихо перемахнут по знакомому броду Сунжу. И уже гарцуют вокруг подвод, размахивая обрезами. Рубят топорами построжки и на лихом галопе уводят захваченных коней сюда, за Сунжу, под надежное укрытие леса. Начнут сопротивляться подводчики, убивают их.

Умалатгирей действует не сам по себе. Он служит людям, уважаемым даже меджлисом: ак-ци-о-не-рам! Это их земля, и за ее охрану от посягательства гяуров людям Умалатгирея щедро платят. Кроме того — почет! Если грозненцы презрительно называют людей Умалатгирея бандитами и головорезами, то меджлис именует их почетно и возвышенно: джигитами и храбрецами.

Умалатгирей, привычно заслонив глаза от солнца, смотрит вдаль. И вдруг передергивается. Что это? На полях по ту сторону Сунжи множество мажар, лошадей, быков и людей... Как смеют нечестивые гяуры топтать святую землю? Не веря глазам, Умалатгирей поднимает бинокль.

Да, совершенно отчетливо: вертятся крылья лобогреек, сверкают лезвия кос... Сверкают и штыки винтовок!

В стороне, за тремя одинокими чинарами, — белые ряды палаток... Красноармейцы! Это под их охраной распоряжаются здесь неверные.

— Валла-билла, — Умалатгирей любит к месту и не к месту божиться, — грозненская Красная Армия вступила на территорию, принадлежащую не только акционерам, но и меджлису! Мостаг! * Не послужит ли это поводом к войне?

* Мостаг — неприятель, противник (чеченск.).

А если это война, разве справятся с Красной Армией джигиты Умалатгирея? Не придется ли поднимать Чечню? Он сдвигает каракулевую шапку и скребет ногтями бритый лоб... Впрочем, не ему, Умалатгирею, решать сложный государственный вопрос. Его дело доложить.

Конь, пружиня хвост, быстро берет высоту, режет, распластавшись в галопе, узкие улочки Алдов, спускается на равнину. Вдали видно большое селение Старые Атаги, за ним — бесформенное нагромождение гор, чистые снежные вершины.

На утыканной бурьянами, запачканной кое-где овечьим пометом сельской площади — угрюмая мечеть. Серое острие полумесяца вонзилось в знойное небо. За мечетью — большой дом. На вывеске извивается червяками арабская вязь, шеренгами выстроились русские буквы: «Чеченский национальный совет (меджлис)».

Неслышно, как кошка, ступает Умалатгирей мягкими ичигами по длинному коридору, проходит комнату, где скрипят перьями писари, и открывает дверь секретаря. Щеголеватый, с усиками, тонкими, как шилья, секретарь встает из-за стола, загораживает собой массивную дверь в кабинет председателя Ибрагима Чуликова.

— Дрраст, сакартар, — говорит Умалатгирей пренебрежительно, хвастаясь знанием русского языка.

Пренебрежительно, потому что этот щеголь на целых полгода моложе его, Умалатгирея.

— Издраст, началник, — не уступает ему в знании русского языка и в пренебрежительности секретарь.

Не уступает потому, что какие-то полгода не дают Умалатгирею прав старшего. К тому же, он секретарь самого Чуликова, а не какой-то наемный разбойник.

— Отодвинься в сторону, эй! Мне нужно к председателю, — говорит по-чеченски Умалатгирей и притрагивается к рукоятке кинжала, на которой вычеканена голова разъяренно разинувшего пасть волка.

— Председатель не сидит без дела, чтобы впускать к нему каждого, — отвечает также по-чеченски секретарь и поигрывает кинжалом с глазком драгоценного камня в рукоятке.

— Валла-билла, у меня важное сообщение!

— Билла-валла, у Ибрагима дела поважнее твоих, подождешь, наиб-начальник!

— Валлаги-биллаги-таллаги, — страшно клянется Умалатгирей, — важнее дела, которое сейчас у меня, не может быть. Грозненская Красная Армия ступила на землю меджлиса!

— Вах! — у секретаря от неприятной новости набухают глаза, он цокает языком и распахивает дверь к председателю.

В кабинете Чуликова — заседание.

— Почтенные старейшины, — говорит Чуликов, уважительно склонив голову перед верхушкой меджлиса. — Я докладывал вам прошлый раз о приезде к нам председателя терского правительства Георгия Бичерахова. Вашим желанием была отклонена его просьба о размещении казаков в ближайшем к Грозному ауле Алды...

— Ва-а! Еще бы! Правильно отклонена! — дружно загомонили старейшины.

Ибрагим Чуликов изредка поглаживает длинные волосы. Одетый в черную тройку, стоит он за письменным столом, не смея поднять глаза на старцев, чтобы этим не оскорбить их достоинства. Смотрит в хрустальный чернильный прибор, не выше.

— Уважаемые старейшины, — продолжает Чуликов после почтительного молчания, — имею честь снова доложить, что Бичерахов на том не успокоился. Вчера прислал к нам своего адъютанта и передал нижайшую просьбу найти все-таки место в ауле Алды для расквартирования хотя бы одной сотни вооруженных казаков...

Старейшины насупились. Не забыли еще, как Лымарь и Бичерахов затевали войну против чеченцев. Снова загомонили. Сидят они друг против друга за длинным столом, покрытым зеленой скатертью. У всех бороды: клиньями, кирпичами, лопатами, вениками, веерами. Только один безбородый: заместитель председателя и правая рука Чуликова, самый богатый купец в Чечне, Магоматмирза. У него через все лицо кинжальный шрам — лучшее украшение мужчины, и не стоит прятать его под волосами бороды. Зато усы непревзойденные: желтые, до того длинные, что концы их, перечертив виски, спрятались за ушами.

Все старейшины — в высоких каракулевых папахах. Только один без папахи — мулла Хаджибекир. На его круглой голове — огромная витая чалма.

Загомонив, старейшины полезли растопыренными пальцами в бороды:

— Гяуров — в мусульманский аул?

— Врага чеченцев Бичераха — на чеченскую землю?

— Илляль азим, ни в коем случае!

Тогда поднялся Магоматмирза. Обвил ус вокруг пальца, снова спрятал за ухо:

— Достопочтеннейшие старейшины! Может быть, не в ту сторону направлен мой скудный ум, но позвольте-таки высказать соображение. Пока в Грозном сидят коммунисты и существует Совдеп, до тех пор будет мутить чеченцев Гойтинский совет и выскоч-

ка большевик Асланбек Шерипов. А это, как мы хорошо понимаем, нам не желательно. Отважны, отчаянны, как волки, джигиты под командованием храбрейшего Умалатгирея, но их мало! Вот мой скудный ум и подсказывает: заключить с Бичераховым договор о совместной войне против Грозного. Потерпеть, пустив казаков в Алды. Вместе выгнать большевиков из города. Тогда наш меджлис будет в самом Грозном, который станет центром всей Чечни. Пусть простит меня аллах милостивый и милосердный, если я говорю неправильно...

Соблазнительны слова Магоматмирзы, да мало в них весу: он недостаточно стар. Можно ли серьезно к нему прислушиваться? Совет молчал, шевелил бородами. Косил глаза в сторону муллы Хаджибекира. Он хаджи, совершивший паломничество в Мекку, у него — сан, значит, и ум. Не раз случалось: как скажет Хаджибекир, так и будет. Пусть решит и на этот раз.

Хаджибекир не стал подниматься с кресла — не мальчишка, подобно Магоматмирзе. Только тряхнул чалмой да огладил бороду, похожую на павлиний хвост, большую, веерообразную, с голубым оттенком.

— Аллах мудр и велик, он простит твою неопытность, Магоматмирза. Внемли словам старших и сведущих, запоминай и делай. Люди аула Алды будут недовольны присутствием иноверцев, а тем более казаков, наших исконных кровных врагов. Никакие гяуры, кто бы они ни были, а тем более воины хитрой лисы Бичерахова, не должны осквернять чистый воздух мусульманских поселений. Не место, — Хаджибекир сердито стукнул о пол суковатым посохом, — нечестивым на земле правоверных! Баркалла! великому аллаху и его святейшему пророку Мухаммеду, что они предостерегают нас от необдуманных свершений. Завоевав вместе с нами Грозный, мерзкий хитрец Бичерахов и близко не подпустит к нему меджлис. Это Бичерахов будет лакомиться победой и править городом, а мы в Старых Атагах только оближем сухие губы. Ла иллаха иллах Мухаммед расулу лах!

Вынув из кармана янтарные четки, он принялся отсчитывать молитвы.

— О, да, да, правильно!.. — закивали старейшины. — Правильно учит святомыслящий Хаджибекир. Нет места у нас нечестивому Бичераху!

— Собар, уважаемые старейшины, — робко попросил внимания Чуликов, — минуточку терпения, я еще не все договорил. Бичерахов через своего посланца передал, что Красная Армия рано или поздно нападет на Чечню и что он готов уплатить меджлису за постой казаков вдвое больше, чем предлагал прежде, а именно — три миллиона рублей николаевскими деньгами...

Кабинетом овладела глубокая тишина. Три миллиона — не три копейки! Ошарашенные старейшины онемели. Только крайне не-

пристойно икнул Магоматмирза. А мулла Хаджибекир вполне уместно сотворил молитву.

— Доклад мой окончен, — кашлянул Чуликов, — а теперь, высокочтимые, принимайте решение.

И сел, вежливо прикрыв глаза, но наострив уши. Ему нетерпелось: к какому выводу придет совет старейшин? Что касается самого Чуликова, так он, не задумываясь, пустил бы в Алды нечестивых: три миллиона на земле не валяются!

Молчали. Еще не пришли в себя и не нашли слов, чтобы что-то сказать. Но не растерялся Магоматмирза:

— Благодарение аллаху, что простил он мою неопытность, слава ему и слава, пусть простит еще раз, если снова не в ту сторону направлен мой язык. Уважаемые старейшины! Получив три миллиона, мы сможем приобрести оружие и пополнить ряды наших джигитов, ибо в состоянии будем заплатить каждому новому храбрецу, поступающему к Умалатгирею. Может быть, неправильно я рассуждаю своим скудным умом, но за деньги найдется гораздо больше желающих выступить против грозненского Совдепа. К тому же, мы, члены совета старейшин, обременены тратой личных средств на служебные нужды. Из полученных денег найдется возможность выделить определенную сумму каждому из нас для несения служебных расходов. Разве мы не имеем право окупить наши затраты?

Охваченный вдохновением сочинительства, Магоматмирза поддел пальцем ус, дернул. Но перестарался, скривил лицо от боли.

Шепот прошелестел среди старейшин. И вдруг все сразу залопотали, как листва при порыве ветра.

— Ва-а, правильно он сказал, правильно...

— О да, да, у нас столько служебных расходов!..

«Хитер, желтоусая бестия! — подумал Чуликов о своем заместителе. — Нашел, по какому месту гладить, ей-богу перетянет на свою сторону». Чуликов-то знал: никаких служебных расходов у старейшин никогда не было и не предвидится.

И вдруг все замолчали, спохватившись, что рядом мулла. Будто кинжалами отсекали языки. Правильно или неправильно изрек Магоматмирза — судить в конечном счете Хаджибекиру: у него сан — значит, его верх.

Хаджибекир тряхнул чалмой, стукнул посохом. Именно в этот момент распахнулась дверь. Не ожидая, что предстанет перед почетными стариками, Умалатгирей оторопел. Замер на пороге. Затем согнулся дугой в поклоне, заискивающе пролепетал:

— Ассалам ва-алейкум, высокочтимые...

— Ва-алейкум салам, Умалатгирей?! — недобро откликнулись хором высокочтимые, оскорбленные вопиющей непристойностью молодого человека, посмеявшего так нахально ворваться на совет старых и мудрых.

Вопросительно глядя на него, кривили рты в усмешке:

— Жив-здоров, Умалатгирей? Не одолела ли тебя старческая немощь? Как поживают твои внуки и правнуки? Не желаешь ли нам что-либо посоветовать, о умудренный годами! Садись, садись, старейший, рядом с нами...

— Почтенные! — сгорая от стыда, воскликнул Умалатгирей. — Я виноват, но я не мог медлить: Красная Армия расположилась вблизи Алдов!

— Ка-ак?! — вскочил мулла. — Ой, расскажи нам, мужественный юноша!

Умалатгирей, путая слова от смущения, рассказал.

— Коней! — вскричал Хаджибекир. — Немедленно коней! Мы должны видеть, сколь велика угроза, постигшая нас. Уважаемым старейшинам собраться здесь после обеденного намаза... — Он распоряжался, будто председателя Чуликова не существовало. — Умалатгирей, веди нас, показывай. О дела, дела*, о святой Мухаммед, до какой степени обнаглели большевики! За мной, Ибрагим! За мной, Магоматмирза!

Оседланных коней подали к крыльцу. Умалатгирей уважительно принял от Хаджибекира посох, поддержал стремя, помог мулле сесть в седло. Хаджибекир поправил на поясе черкески кобуру с наганом и поскакал вперед. У берега Сунжи, где свисали над обрывом колючие деревца алычи и розовые кусты кизила, Умалатгирей услужливо вручил мулле бинокль. Недолго смотрел в бинокль Хаджибекир. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — сборище нечестивых под охраной вооруженных шайтанов распоряжается золотой землей.

Да, слишком дорога была она, эта земля, чтобы уступить ее так просто, пожертвовать безвозмездно. Она была нефтеносной. И куплена за большие деньги. В числе держателей нефтяных акций и Чуликов, и Магоматмирза, и другие члены меджлиса, и он, Хаджибекир, прикупивший без лишней огласки немалый участок. Советская власть рано или поздно падет, озолотит тогда акционеров эта земля. Ее надо сберечь! По недосмотру меджлиса засеяли ее русские. Теперь вот нахально убирают урожай. Не выгнать сейчас, так и скважины начнут бурить!

Хаджибекир возвратил бинокль, отер после него руки о полу черкески и поспешно вынул из кармана четки. Не стерпел мулла, выругался про себя похабно. Янтарные зерна четок нервно прыгали на нитке и зло стучали: руки Хаджибекира дрожали от гнева.

Поглядев в бинокль, подавленно молчали Чуликов и Магоматмирза.

— Благословен аллах и велики дела его, — прервал молчание Хаджибекир, — пусть простит он наши прогрешения. Да, гяуры

* Дела, дѣла — господи, господи (чеченск.).

не должны осквернять своим присутствием мусульманские поселения. Но безбожные большевики втрое нечестивее верующих казаков. Изгнать большевиков — значит, угодить аллаху. Да и высокопочитаемые нами древние адаты не велят отказывать нуждающимся в гостеприимстве. Не мы отправились на поклон в Моздок, а к нам приехали из Моздока просить пристанища. Как же можно отказать в том, в чем не должно быть отказа? Заключение, Ибрагим, договор с Бичераховым, получай деньги и размещай казаков. И объявляй Грозному войну!

4

Гикало вместе с Левандовским и Сафоновым приехали на литейно-механический завод «Молот». Они обошли уже все цехи и теперь направлялись в токарно-слесарный. Миновав кучи чугунных чушек и стальных полос, шагнули через низкую дверь в цеховой полумрак.

В проходе между станками и паутиной ременных передач их встретил обер-мастер Ионыч. Щуплый, заваленный работой, он забыл, когда брился: не до того, даже ночевать часто приходилось в цехе. Щеки и подбородок заросли голубовато-седым пухом, похожим на застывшую мыльную пену.

Ионыч вытер о жирнозамазученную куртку ладонь, отчего она стала еще грязнее и, приветствуя гостей, протягивал ее каждому. Он догадывался, зачем пожаловало начальство, и повел прибывших по проходу. Большинство станков молчало. Около высились кучи рыжих застарелых стружек. Над десятком работающих станков горбились люди. Так было и в других цехах. Многие не возвратились на завод после войны — пали в сражениях.

На верстаке под скудным светом давно немытого окошка гости увидели похожие на бутылки корпуса гранат, круглые, как мячи, оболочки бомб и боевые патроны. Передавая друг другу эти предметы, Гикало, Левандовский и Сафонов осматривали их со всех сторон, взвешивали на ладонях.

— Гранаты получают, куси ево мать. — Ионыч тыкал пальцем в гранату. — Корпус не хуже как на военных заводах, ударный механизм — тоже. И бомбы получают. А вот с патронами не справляемся. — Смотри... — Он выхватил из рук Левандовского патрон, нажал на пулю с одной и с другой стороны — пуля заметно шевельнулась. — Смотри, елозит... Обжимной станок слаб, не достигает полного обжима, ремонтировать надо...

— Почему не ремонтируете? — нахмурился Гикало.

— Эх, Николай Федорович, «почему», — развел руками Ионыч. — Новую обжимную головку ставить надо. Которая есть, разболталась, в том закавыка. Пробовали чинить, не поддается. А новую взять где? Весь завод перевернул, нету!

— Да... — думал Гикало. — Стоп! Где я такие головки видел?... Так... Так... Точно! На заводе Фаниева!

— На Фаниева — не у нас...

Гикало вырвал из записной книжки листок, неудобно согнувшись над верстаком, написал несколько строк.

— Сейчас же посылайте, по этой записке дадут. Станок отремонтировать сегодня! Завтра утром проверю!

— Николай Федорович, дорогой, спасибо. Все будет сделано, как велишь.

— Полагаю, одного станка слишком мало, — вмешался Левандовский. — А нельзя ли собрать три-четыре таких станка? Нет ли такой возможности?

— Вот именно! — подхватил Сафонов.

— Если будут головки, вполне сумеем! — обрадовался. Ионич.

Походили по цеху, поговорили с рабочими. Заглянули еще в два цеха.

За воротами ждал тот самый броневичок. Гикало открыл дверцу, жестом пригласил в машину Сафонова и Левандовского. И в это время увидел верхового, скачущего галопом. Всадник отлично владел конем, держался в седле, точно приклеенный. Над ним, поднимаясь, вспухала пыль, пудрила серым налетом хатенки, пригнувшиеся по сторонам улицы.

Верховой сдержал коня у броневичка, теперь все узнали Шерипова.

— Салам, друзья! — красный, возбужденный Асланбек выпрыгнул из седла. Белая пена падала с лошади.

Поддавая волнение, рассказал о событиях во Владикавказе, передал распоряжение Орджоникидзе слать две роты красноармейцев.

Лицо Гикало покрылось испариной, в горле сделалось сухо: а как же быть с операцией в первых числах августа? Ждали только конца жатвы. А выходит, и уборку надо срывать, возвратив бойцов с полей в казармы вместо отправленных во Владикавказ — город нельзя оставлять с малым числом вооруженной силы.

С надеждой смотрели друг на друга: может быть, предложит кто-нибудь утешительное? Шерипов задумчиво теребил гриву коня.

Молча ехали в броневичке. Шерипов, отстав, скакал на коне сзади.

В Совдепе адъютант Ястребов протянул Гикало пакет. Сломав сургуч, тот впился глазами в бумагу. Его напряжение выдавала пульсирующая на щеке жила:

— «Грозненскому Совдепу. Командующему Грозненской армией. Чеченский национальный совет — меджлис — от имени чеченского народа требует: с получением сего очистить территорию

Чечни, занятую войсками Грозного. В случае невыполнения данного требования вам будет объявлена война. Председатель меджлиса Ибрагим Чуликов».

Гикало туго упер локти в стол, сдвинул виски ладонями. Вошел, тяжело отдуваясь, Тамбинский. Поздоровался, подсел к Гикало:

— Сегодня ночью кто-то, закутанный в бурку и башлык, поджег на Старых промыслах вышку. Это заметили патрульные, огонь удалось потушить. Но преступник не задержан, усккал на коне. А патрульные-то пешие... Выдели мне дополнительно для охраны промыслов хотя бы кавалерийский взвод...

Гикало, бледнея, рывком сдернул очки, зверем глянул на Тамбинского, тут же рывком посадил очки обратно на нос. Разыгравая спокойствие, произнес очень тихо:

— Вам нужен взвод, Петрович, да? А я вот думаю, может быть, вам нужен эскадрон? Или рота? Смекайте, смекайте, может быть, две роты? Пожалуйста, я вам дам, для нас это пустяк, ничего не стоит...

Не понимая, Тамбинский пялил глаза на остальных. Те, насупившись, отворачивались. Хлопнула дверь, как всегда быстро вошел Шерипов. Гикало молча протянул ему чуликовскую бумагу. Асланбек, почитав, скомкал ее и швырнул в угол.

— А может быть, так, друзья?.. Часть красноармейцев, охраняющих уборку урожая... Даже большую их часть заменим чеченскими бойцами? Я сумею убедить в такой необходимости Гойтинский совет.

Сафонов, взмахнув руками, точно птица крыльями, обнял Шерипова:

— Орел, понимаешь, честное слово, орел! Это ж имеет не только практическое, но и политическое значение! Чуликовский меджлис, так его перетак, разжигая вражду против Грозного, проповедует ненависть между чеченцами и русскими. А тут, понимаешь, чеченский боец стоит рядом с русским красноармейцем, вместе охраняют мирный труд!

— Спасибо, Асланбек, — пожал ему руку Гикало. Волнение сошло с его лица. — Это все же выход. Пишу Чуликову отповедь.

Через пять минут Гикало прочитал вслух:

— «Грозненский Совдеп считает представителями чеченского народа только чеченскую фракцию Терского народного совета и Гойтинский народный совет. Что касается «меджлиса», то Совдеп его совершенно не признает, потому в переговоры и переписку вступать не желает». Так пойдет? А теперь надо подумать, как быстрее перебросить красноармейцев во Владикавказ.

— А главное — секретно, — вставил Левандовский. — Полагаю, таким образом. — Он взял лист чистой бумаги, набросал карандашом схему железнодорожной станции. Ткнул пальцем в

изображение дальнего тупика. — Вот сюда, скрыв от посторонних глаз, подадим глубокой ночью состав. Роты погрузим бесшумно, на цыпочках. Двери вагонов плотно закроем, навесим пломбы. Красноармейцы в пути будут хранить полное молчание и не курить. Обыкновенный товарный поезд, с обычным грузом! Это не вызовет подозрений. Красноармейцев проинструктирую лично. И, полагаю, поеду с ними!

— Что?! — вновь опешил Гикало. — Очень мило с вашей стороны, уважаемый Михаил Карлович, покидать Грозный в такой критической ситуации. Просто-таки великолепно!

— Знаете ли, товарищ командарм, — Левандовский набылчлсь, глаза светились упрямством: — Владикавказ сейчас в более критической ситуации, чем Грозный. Тут пока мир, а там уже война! Там нужны не только вооруженные люди, но и военные специалисты. Если вы благоразумный человек, не посмеете отрицать это обстоятельство. Впрочем, я не задержусь. Разгромим во Владикавказе, как вы выражаетесь, контру, и я немедленно возвращусь.

Гикало мучился, затрудняясь, что ответить. Гладил волосы, чесал подбородок.

— Отпускай, чего там, понимаешь, обойдемся, — подсказал Сафонов. — Владикавказ нам так же дорог, как и Грозный.

Гикало только намерился поднять руку для разрешительного жеста, а Левандовский, уже поняв это, звякнул шпорами:

— Слушаюсь, товарищ командарм!

Гикало сказал Тамбинскому:

— Вот я и думаю... Каввзвод, пожалуй, вам выделить стоит. Не плохо иметь этакий... постоянный оперативный комендантский взвод!

5

От аула к аулу передавался хабар: в Ингушетию прибыл большой советский начальник Эрджкинез.

Эрджкинез — на языке ингушей — князь черных, то есть бедных и угнетенных. Люди думали и гадали: что ему понадобилось в Ингушетии? Может быть, собрать всадников для войны во Владикавказе?.. Но следует ли вмешиваться в эту войну?

Правда, известный большевик Гапур Ахриев говорит всем, что надо выгнать бичераховских казаков из Владикавказа, иначе они погубят Советскую власть не только там, но и в Ингушетии. И многие, вняв его словам, взяли оружие, вскочили на коней и ринулись в бой за Советскую власть.

Но многие все еще нерешительно цокали языками: как быть, кого слушать? Потому что председатель национального совета Вассангирей Джабагиев говорил другое. Он говорил, что во Вла-

дикавказе по каким-то причинам подрались большевики с казаками и совать туда свой нос ингушам не следует.

И вот, подогретые противоречивыми убеждениями, потянулись из аулов к большому селению Базоркино конные и пешие вооруженные ингуши. Люди сгрудились на пригорке против белокаменного дома, в котором на краю села — кабинет и канцелярия председателя.

Солнце неторопливо катилось над сединами Кавказского хребта. Слабый ветер гладил вокруг пригорка траву. В ней паслись кони, в сторонке высились в козлах винтовки. Время шло, а председатель не появлялся, за ним уже посылали в кабинет, но он медлил. Толпа волновалась:

— Почему не выходит Вассангирей, что он там делает?

— Он советуется со своими помощниками: как и что нам сказать.

— А Эрджинез где? Он тоже не идет к нам.

— Эрджинез разговаривает с народом.

— С каким народом? Мы не видим...

— Его на пути к вам обступила толпа, он никак не может войти сюда.

— Ты-то откуда знаешь?

— Да уж сам видел.

— Ну и что говорит Эрджинез людям?

— Эрджинез говорит, что ингуши маленький, но храбрый народ, который не побоятся выгнать из Владикавказа Бичераха и спасти Советскую власть...

— Воллахи, он правильно говорит, мы храбрый народ! А что нам даст Советская власть?

— Она даст ингушам землю, луга и леса.

— Ца, ца, ца... Красиво говоришь... Вот уже больше полгода Советской власти, а мы не видим ни земли, ни лугов, ни лесов... Где же они? Их нам обещал Вассангирей...

— А ну ответь нам на это ты, красиво говорящий!

В середину толпы протиснулся веснушчатый человек в бурой домотканой черкеске, вскинул крутые брови:

— Вассангирей не даст нам ничего, он не дружит с Советской властью. Он хочет быть царем Ингушетии... Не у Советской власти ищет поддержку, а у Турции. Эгей, ингуши! Неужели вам завязали глаза и уши, что вы не замечаете поступков Вассангирея... Он улыбается Советской власти, а сам ищет случая, чтобы продать нас туркам. Он обманывает свой народ!

— Кого мы слушаем? Кто этот храбрец, что так смело плюет на папаху самого председателя?

— Это тот самый Юсуп, что один на один схватился в горах с барсом и вышел победителем. Ему ли бояться Вассангирея?!

— Слушай, народ! Он же делегат владикавказского съезда!

Эгей, Юсуп, а ну рассказывай, из-за чего у них там драка, у большевиков с казаками?

Юсуп Алмазов поправил на заношенном пояске старый кинжал. И в наступившей тишине рассказал о съезде, о том, как бичераховцы, словно побитые псы, удрали из зала, а ночью, точно трусливые шакалы, напали на город.

Юсуп поднял голову, повысил голос:

— За Владикавказ уже бьются осетины и ингуши. Ему на помощь придут отряды от всех национальностей Северного Кавказа, за ними послал Эрджкинез. Но Осетия и Ингушетия рядом, мы можем оказать быструю поддержку. Эрджкинез просит нас об этом. От имени Советской власти он даст нам землю. И пусть горы обрушатся на мой тайп * и равнина разверзнется под моим тайпом, если Эрджкинез не выполнит обещания.

Толпа всколыхнулась, загудела:

— Мы готовы воевать за землю!

Но кто-то возразил:

— Не спешите с решением, ингуши! Эрджкинез — грузин, такой же неверный христианин, как и русские. Мы не должны слушать неверного!

Юсуп, случайно глянув в сторону, крикнул:

— Гей, гей, смотрите, сколько народу валит с гор! Если мы все двинем на шакалов Бичераха, они подожмут хвосты и побегут из Владикавказа, как зайцы от волков.

Толпа повернула головы.

Людской поток запрудил пыльную дорогу, что полого спускалась с гор. Ехали верхом на конях и сидя в арбах. Все были вооружены. Из двух арб торчали стволы станковых пулеметов. Над колонной дымилась пыль, ветер относил ее, швырял на травы. Травы становились серыми.

Колонна остановилась у пригорка и начала расползаться, расседлавая и распрягая коней. Вскоре кони жадно щипали траву, а винтовки высились в козлах. Прибывшие жители гор узнавали кунаков с равнины. Приветствия, объятия, расспросы. Гортанный говор зазвучал с новой силой. Алмазов заметил, как выпрыгнул из ближайшей арбы прямой, крепкий человек в пыльной черкеске. Быстрыми шагами он поднимался на пригорок. Гапур Ахриев! Алмазов обнялся с ним:

— Это ты привел столько народа, Гапур?

— При чем тут Гапур? — он стряхивал с черкески пыль. — Я только рассказал народу правду о событиях во Владикавказе, намерениях Бичерахова, задачах большевиков, и люди решили идти на защиту Советской власти.

— Тогда почему они не пошли прямо к Владикавказу?

* Тайп — род (ингушск.).

— Нас встретил какой-то путник и сказал, что где-то здесь Чрезвычайный комиссар. Люди хотят послушать его. Они желают также знать, что скажет и Вассангирей.

— Вассангирей собьет их с толку, Гапур...

— А зачем мы с тобой, Юсуп? Надо убедить!

— Смотри, Гапур, вон и Эрджикинез!

Орджоникидзе шагал широко. Расстегнут на одну пуговицу воротник гимнастерки, фуражка в руке, волосы шевелятся от ветра. Алмазов побежал навстречу.

Покинув тогда поезд, они благополучно приближались к Базоркино. Но вот Чрезвычайного комиссара окружила группа людей. Его засыпали вопросами. Не успел он ответить на вопросы одних, как его окружили новые люди. А потом подошли еще и еще. Решив, что Эрджикинез теперь в полной безопасности, — никто не посмеет тронуть гостя, — Юсуп побежал к толпе на пригорке, где уже знали о появлении Эрджикинеза.

Встретив его сейчас, Юсуп пошел следом. Чрезвычайный комиссар направлялся к белокаменному дому — резиденции Джабагиева.

Председатель, немолодой, рыхлый, с подплывшими жиром глазами, в ослепительно белой черкеске, восседал за большим столом. Перед ним развалились в креслах хорошо знакомые Алмазову члены национального совета: лупоглазый кади с чалме с зеленой полосой, сухолицый недавний полковник в кителе с невылинявшими следами погон, румяный коммерсант в отличном европейском костюме, тучный овцевод с животом, распиравшим черкеску.

Чрезвычайный комиссар назвал себя. Правители Ингушетии смотрели на него со страхом и любопытством. Джабагиев, отрекомендовавшись, жестом пригласил гостя в кресло. Но тот, поблагодарив, не сел — стоя изложил цель своего посещения.

— Ваш национальный совет, — закончил он, — признает Советскую власть, потому обязан поддерживать ее и вооруженной силой!

Джабагиев пошевелил большими губами, страдальчески закатил глаза:

— Какие-то группировки не ладили между собой, а зачем в это вмешиваться маленькому народу галга *. Нам дорог мир, а его можно сохранить только невмешательством...

Члены совета утвердительно закивали.

— Учтите! — Орджоникидзе повысил голос. — Сегодня белые полковники разгромят владикавказских рабочих и красноармейцев, а завтра обрушатся на Ингушетию, если не подавить их разгул.

— Я вам уже ответил! — раздражаясь настойчивостью гостя,

* Галга — самоназвание ингушей.

недружелюбно глянул Джабагиев. — Могу еще добавить, что мы в одинаковой степени друзья большевикам, осетинам, казакам и грузинам... Ни с кем ссориться не желаем.

Члены совета дружно поддакнули.

Разговор происходил на русском языке. Алмазов не так понимал, как угадывал смысл беседы. Намекая, что больше говорить не о чем, Джабагиев встал, поднялись остальные. Но Орджоникидзе не уходил. Воцарилось неловкое молчание.

— Простите, дорогой, — наконец произнес Орджоникидзе. — Если вы не в состоянии решить такой вопрос, предоставим это собравшемуся народу.

Джабагиев гордо поднял голову:

— Народ ждет моего совета. Вы станете свидетелем разумной рассудительности ингушей. И не вздумайте давать свои советы, у нас есть разные люди, я не могу поручиться за каждого.

Алмазов иронически шевельнул бровью: «Пугает!»

Галдевшая на пригорке толпа смолкла. Пропуская Джабагиева со свитой, расступилась. Орджоникидзе не пошел вслед, остановился вместе с Алмазовым в сторонке. К ним приблизился Ахриев. Невдалеке сгруппировались седовласые старики, выделялся один — опрятный, тощий, козлобородый. В толпе слышались возгласы:

— Тише! Вассангирей говорить будет!

Кто-то крикнул:

— А где Эрджкинез?

Кто-то ответил:

— Аллах его знает, может, удрал...

Джабагиев стоял в подкове свиты. Свои слова он подкреплял ленивыми взмахами руки:

— Ингуши! Вы ждете моего слова? Я и ваш национальный совет преданы народу так же, как вы нам. У нас общие мысли и единые действия. Наше мнение: не вмешиваться в конфликт тех, до которых нам нет никакого дела. Сохраняйте гордое достоинство, не позволяйте обмануть себя посулами земли, ибо до установления постоянной власти земли никто не даст. Если же вас станут пугать нападением казаков, не поддавайтесь провокации. В случае необходимости нам поможет мусульманская Турция...

Ахриев перевел это Чрезвычайному комиссару. Орджоникидзе шагнул в толпу. Гапур и Юсуп — вслед.

— Эрджкинез! — шевельнулась толпа.

Орджоникидзе вскинул руку:

— Трудовые ингуши!

— Я не давал вам слова! — оборвал Джабагиев.

Ладный и сильный, с чеканным лицом, головой, красиво посаженной на широкие плечи, Орджоникидзе пробежал по толпе глазами. Она напряженно притихла.

— Товарищи трудовые ингуши! Вы слышали, что заявил Джабагиев? Вместо свободы и равенства, земли и счастья он обещает вам иностранную кабалу. Раньше вы батрачили у российских помещиков, теперь Джабагиев хочет, чтобы вы шли в батраки к турецким хозяевам. Не надоело вам гнуть спину на чужих полях, товарищи ингуши? Пора стать полными хозяевами родной земли, строить свое счастье вместе с русскими рабочими и крестьянами. Царь отобрал у вас землю, отдал своим прислужникам — казачьим атаманам. Но русские рабочие прогнали царя, а потом и предателя Керенского. По декрету Советской власти земля перешла к трудовым хлеборобам. А законной землей ингушей все еще пользуются атаманы и белые казаки. Это потому, что взять ее не позволяет Джабагиев. Он надеется на падение Советской власти, желает угодить и иностранным богачам, и казачьим атаманам! И вот я говорю: вы должны немедленно отобрать свою законную землю у атаманов и белогвардейских казаков навечно и безвозмездно!

Орджоникидзе, широко раскинув руки ладонями вверх, как бы протягивал долгожданную землю.

От его слов и от этого великодушного жеста замерла, задохнулась толпа. Еще бы! Людям давалось наконец счастье. Толпа уже не смотрела на Джабагиева, лицо которого приобрело от злости цвет дорожной пыли. Не видела, как он нервно топтался. Не слышала ничего кроме густого голоса Эрджикинеза. Приоткрыв рты, ловила через толмача каждое его слово.

— Гоните полковников, атаманов, бичераховских казаков-мятежников, отбирайте у них землю и пользуйтесь ею. К оружию, трудовые ингуши! В бой за землю, свободу и счастье!

Толпа вскинула, потрясая кулаками, сотни рук:

— Веди нас в бой, Эрджикинез, давай нам землю!

Но кое-где плескались заглушенные гулом толпы выкрики:

— Большевицкий начальник обманывает нас...

А один старался погромче, нарочно употребляя русские слова, чтобы досадить Орджоникидзе:

— Брешит ему есть, бог ему нет, агутатур есть, верить ему ненад!

Кто-то спохватился:

— Остопирлах! * Мы не слышали совета мудрых стариков. Разве они не достойны нашего внимания? Пусть произнесут хехар! **

Джабагиев насторожился, перестал топтаться. Он знал силу влияния стариков, надеялся на нее. К нему возвращалась потерянная уверенность. Тощий козлобородый старик шел в середину

* Остопирлах — возглас удивления (ингушск.).

** Хехар — поучение (ингушск.).

толпы по уважительно широкому проходу. Он не проявил почти-тельности ни к Орджоникидзе, ни к Джабагиеву. Встал к ним спиной и сказал:

— Земля — наша мечта. Почему не брать ее, если дают? Не даром дают, воевать надо... Но, не преодолев гору, на вершину не поднимешься. Воюйте за землю, сыновья мои и братья!

— Вурро! — прогрохотала толпа.

Вытянув шею, настороженно зафыркали кони и, почувствовав тревогу, побежали навстречу спешащим к ним людям. Толпа таяла. Козлобородый старик с достоинством возвращался к своему месту. На опрятной стариковской черкеске виднелись аккуратные заплаты.

Разбирались из козел винтовки. Звенели стремена седел и кольца уздечек. Кони, чуя поход, беспокойно ржали. Всадники распределялись звеньями, строились в ряды. Тут же избирались командиры. Джабагиев со свитой уходил сгорбившись. Боязливо крались в разные стороны те, кто не решился встать в строй храбрых.

Алмазов тем временем добыл коней себе и Чрезвычайному комиссару. Конь для Эрджикнеза был темно-гнедой, горячий, тонконогий, с упругой шеей. Эрджикнез ласково огладил его, натянул повод, легко вскочил в седло.

Конница взяла направление на Владикавказ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

В тот вечер Симон постучал в комнату Наташи и протянул ей букет красных роз. Крупные, бархатные, они излучали тончайший аромат, от которого замирало сердце и слегка кружилась голова. Наташа с благодарностью глянула на Симона. Сбегала за водой, поставила розы в глиняную цветочницу.

Симон пригласил погулять. Наташа взяла его под руку. На улице было безлюдно. Горожане с приходом власти мятежников не стремились за ворота. Не шелохнувшись, тлели деревья, в окнах мягко горела заря.

Как всегда, много говорили. Сейчас — о нападении мятежников на Владикавказ. Симон занкнулся, что его место в бою, в рядах защитников Владикавказа. Наташа предостерегла: покинув Моздок, Симон поставил бы ее под удар. К тому же ей не хотелось с ним расставаться. С каждым днем все сильнее тянуло к нему. А в последнее время — непреодолимо. Она вдруг поймала себя на том, что уже не может обходиться без него. Хорошо, покойно было с Симоном, забывалась печаль по дому, приглушалось сознание

опасности, поднималось настроение. И вот теперь, сама того не замечая, приникла к его плечу.

В конце улицы они вошли в тень-плакучей ивы. Симон замедлил шаг и неожиданно опустился на колено. В первую секунду Наташа растерялась, но тут же поняла: Симон сейчас объяснится! Казалось, она различала гулкие удары его сердца, чувствовала, как краска заливает ее лицо. Не зная, что делать, прижала руки к груди:

— Милый Симон, не надо!

Он встал, сконфуженный:

— Почему же, Маруся?

Она отдышалась:

— В такую бурю гнезд не выют!

И тут же пожалела, что отказала. Да, да, конечно, она любит его. Вот схватит сейчас за руку, извинится, обнимет и поцелует. Но было уже поздно. Круто повернув, он уходил быстрыми стучащими шагами.

— Симон! — жалобно, почти плача, крикнула вслед.

Он не вернулся и не ответил.

Померкла заря, и сразу нахлынула ночь. Подул ветер, принес бормотание Терека. Наташа вошла в дом на цыпочках, чтобы не потревожить тетю Сусанну. Разговаривать не хотелось.

Всю ночь в комнате царил нежный запах роз. Она не спала, смотрела в темноту, туда, где стоял букет. За ним чудился Симон.

Утром к столу Симон не вышел. Завтракали с тетей Сусанной. Вид у нее был грустный. Разговор не клеился. И на службу сегодня Симон Наташу не провожал.

Едва села за машинку, начал диктовать свои цифры Колесников. Наташа заметила: Лутоев, делая вид, что разбирает бумаги, на самом деле чутко прислушивался к Колесникову и что-то записывал. Едва Колесников ушел, поднялся Лутоев:

— Распоряжайтесь тут, я отлучусь надолго.

Поглаживая серебро аксельбантов, он задержал взгляд на Наташе, откровенно ей улыбнулся.

Его улыбки были всегда ей противны, а сейчас особенно: она думала о Симоне, тот так и стоял в глазах, опустившись перед ней на колено. А вообще-то Лутоев посматривал на нее с этакой влюбленной улыбочкой все чаще, и это не на шутку тревожило: а вдруг вздумает волочиться? Не дай бог!

Было условлено: если адъютант отлучается, докладывает Самому о посетителях машинистка. Сам или принимает, если находит нужным, или велит ждать адъютанта. Такой порядок касался только посторонних лиц, свои, штабные, шли без доклада.

Вот, не задерживаясь в приемной, проследовал к Бичерахову мрачный, нелюдимый Мамилов. Он даже не взглянул на машинистку. А она молила судьбу, чтобы он никогда на нее не глядел:

боялась его глаз, жутких, пронзительных и колючих. Недавно Мамилов стал начальником той вездесущей особо секретной службы, о которой со страхом шептались не только в городе, но и в самом Бичераховском штабе. Служба эта хватала людей по малейшему подозрению в большевизме и беспощадно расправлялась: вешала, расстреливала, сжигала живо. Говорят, чтобы разгрузить битком набитую моздокскую тюрьму для новых жертв, заключенных вывели в степь, обвязали пшеничными снопами, облили бензином и подожгли...

Побывав у Бичерахова, Мамилов ушел. Явился жирный, как боров, мордастый посетитель, потом второй, вертлявый, напудренный, пахнувший духами, третий... Оставив машинку, Наташа учтиво каждого встречала, мило улыбалась, любезно приглашала присесть. Докладывая Бичерахову, не забывала смущаться, стеснительно опускать глаза. Она чувствовала, что это ему по душе, и старалась вовсю.

Старалась... А сердце то обдавало жаром, то окатывало ледяной водой, тело лихорадило, казалось, что следом за ней ходит Симон, что сейчас она бросится к нему и тогда наконец кончатся эти мучения.

К концу дня посещения прекратились. Прибежал сияющий, чем-то довольный Лутоев, велел срочно печатать под диктовку. Она делала ошибки. Лутоев недоуменно, подозрительно косился на нее. «Да что же это такое? Сумасшествие! Возьми себя в руки, ты же разведчица!» — пытаюсь вникнуть в суть печатаемого, она гнала мысли о Симоне. Поняла все же, что печатается содержание донесения Колесникова штабу Деникина о положении на Тереке: о провале быстрого захвата Владикавказа, о выходе Орджоникидзе из окружения, сопротивлении Кизляра и Георгиевска, которые все еще оставались у большевиков. Наташа догадалась, что Лутоеву удалось найти ключ к шифру Колесникова. Схватив напечатанное, Лутоев помчался к Бичерахову.

Часы пробили пять. Глянула в зеркальце, поправила локоны и, надеясь встретить Симона, поспешила домой.

Но, увы, на углу, где каждый день ждал Симон, сегодня его не было. Сверкнула искра надежды: может быть, он ждет ее дома?

Но и дома его не оказалось, к столу он не вышел, обедали вдвоем с печальной тетей Сусанной. Поднимаясь из-за стола, она сказала:

— Схожу на базар, продам ведра два абрикосов... Ветки в саду гнутся от урожая — куда нам столько?

Наташа переменяла в цветочнице воду, розы благоухали с прежней силой. Сидела на диване, не спускала глаз с букета, а губы шевелились и произносили одно и то же слово:

— Симон!.. Симон!..

Вдруг схватила за голову: «А как же Сережа? Ведь он тоже

любит меня!» Ей было жалко его. Только и всего — жалко... А по Симону она страдала!

Мягкие шаги слышались из соседней комнаты. Неужели так быстро возвратилась тетя Сусанна? Наташа решила рассказать ей обо всем: она мать Симону, она должна знать!

Открыла дверь и увидела... Симона! Грустный, насупившийся, он складывал в саквояж вещи. Даже не глянул в сторону Наташи. Нет, она не могла больше молчать:

— Симон, милый... Единственный мой!

Целовала его в губы, щеки, лоб. Руки туго обнимали его шею. Потом он целовал ее... Не помнили, как очутились в ее комнате. Было страшно и сладостно. Только очнувшись, поняли, что теперь они — муж и жена.

— Маруся... — шептал Симон, — Маруся... я...

Наташа догадывалась, что он хочет сказать что-то очень важное, но не решается. А вдруг объявит, что у него есть другая?

— Маруся, милая, если бы ты знала, как тяжело мне с тобой расставаться... Но... Во Владикавказе идут тяжелые бои, там нужны люди... Мне велено ехать туда...

Страх сковал Наташу:

— А как же я? Узнают бичераховцы, где ты, мне несдобровать.

— Я постарался обезопасить тебя. Пошел в их штаб и сказал, что не могу больше ждать назначения в моздокский осетинский отряд, который неизвестно когда сформируется. Заявил о своем желании сражаться в войске полковника Беликова. Это для отвода от тебя удара. В случае необходимости, ссылайся на штаб, там все официально записано. Если же тебе потребуется что-нибудь передать Сергею, можешь через маму, мы с ней об этом уже договорились, она готова быть твоей помощницей.

На улице, провожая Симона, крепко вцепилась в его руку:

— Если у нас будет ребенок, а он будет непременно, мы дадим ему осетинское имя, я так хочу! Ладно?

Он смотрел на нее с благодарностью:

— Если родится дочь, назовем ее Марусей!

Симон разрешил жене проводить его только до первого угла: не хватало времени, надо было спешить.

Он уже скрылся за косматой плакучей ивой на углу, а Наташа, как скованная, все стояла, тоскливо смотрела вслед.

2

В тоске и тревоге медленно ползли неуютные дни.

Наташа старалась образцово выполнять все, что ей поручали: печатать чисто, без ошибок, в отсутствие Лутоева расторопно управлять с посетителями. Ею были довольны. Она чувствовала, что ей вполне доверяют. Но старалась еще и потому, чтобы заглу-

шить тоску, нараставшую с каждым днем после отъезда Симона. В делах же тоска забывалась. Но часовая стрелка неизбежно приближалась к пяти — концу рабочего дня, и тогда Наташа не знала, куда себя девать, кому излить душу, что делать и как быть... А впереди еще и бессонная ночь. «Господи, боже, как страшно, как жутко кругом!» — не раз смятенно шептала Наташа.

И вот однажды, когда она иступленно, чтобы забыться, колодила пальцами по клавишам машинки, навязчиво вплелась в голову мысль увидеться с Сергеем. Понимала: эта встреча опасна, грозит провалом. Но желание идти к Сергею не покидало. Надо, пожалуй, рассказать ему о том, что произошло у нее с Симоном. Пусть знает Сережа. Зачем таить? Тогда станет у нее легче на душе.

Несколько дней колебалась. Продумав все детали встречи, решилась.

Вышла в пять, после службы. На улице пекло, поникли деревья. Встречные казаки и офицеры, вопреки уставу, расстегнули воротники. Свернула в переулок, внимательно осмотрелась. Миновала квартал, снова оглянулась. Так и шла настороже, приглядываясь к прохожим. К счастью, их было немного.

Вот обогнал ее субъект в клетчатой кепке, с тростью под мышкой. Обернулся, почему-то посмотрев на Наташу. Квартала через два снова мелькнула клетчатая кепка. Это показалось подозрительным, решила, на всякий случай, свернуть к базару, затеряться в пестрой толпе.

Побродила в торговых рядах, осмотрелась. Клетчатой кепки не увидела. За базаром осмотрелась еще. Подозрительного субъекта не было. Успокоившись, юркнула в кривой переулок, оттуда — в зеленый от кустов жасмина тупичок. Тут где-то жил Сергей. Его адрес она знала от Симона. Вот и примета: розовое крылечко, резные перильца над четырьмя ступеньками. Номер дома сходился.

Дернула гирьку звонка. Прошла минута, другая... Наконец знакомый голос:

— Кто там?

Ответила условленной фразой:

— Ванюша? Выйдите, это я, Маруся.

И он появился на крылечке, сильно похудевший, с заострившимися скулами. От Симона знала, не сидит он сложа руки, много работает, даже в ближайшие станицы выезжает. Осторожно настраивает казаков против Бичерахова.

— Скорее, куда-нибудь! — торопила она.

— В дом нельзя, у хозяев — посторонние люди. Куда же нам?.. К Тереку, что ли?

Поспешно спустились оврачком под крутой берег Терека, к самой воде. Широко и мутно разлилась река. Кустарник на том бе-

регу едва виден. Тут не заметят: берег высокий, противоположный — далеко.

Только сейчас поздоровались.

— Почему сами, что-нибудь важное? — спросил он, не сводя с нее глаз. — Надо ехать?

— Пока не надо. Просто решила встретиться.

— Так, без надобности? — удивился Сергей. — Но это рискованно...

— Рискованно, рискованно... — совершенно неожиданно обиделась она и вдруг, еще больше разозлившись, как-то неестественно, визгливо выкрикнула: — Я что, маленькая, чтобы меня учили?! — Но поняв, что ведет себя дурно, осеклась. — Извините, Сережа, я должна... Мне необходимо сказать... Произошло... Вот что произошло со мной...

Дальше она не могла произнести ни слова. Голос ее стал хриплым, хлынули слезы. Он достал из кармана платочек, низко склонился над ее лицом и осторожно вытер слезы.

Она легонько, но настойчиво отстранила Сергея. И увидела на круче человека в клетчатой кепке. Он заглядывал вниз, из-под мышки торчала трость. Наташа, сдавив руками виски, пробормотала сквозь слезы отчаянно, безнадежно:

— Все. Нас выследили...

Поднявшись по овражку наверх, они внимательно осмотрелись. Вблизи не было ни одного человека.

— Может быть, вам показалось, Маруся?

— Не показалось! Этот тип следил за мной в городе. Я считала, что ушла от него. Сыщик!

— Не надо волноваться...

— Молчите! — крикнула грубо. — Это провал! Во всяком случае, его начало.

Не желая больше видеть Сергея и вообще что-либо видеть, пошла медленно и осторожно, как в темноте, не различая улицы.

3

Военные действия шли совсем не так, как хотелось Бичерахову. Это раздражало. Он бегал по кабинету из угла в угол, курил, швырял окурки прямо на пол.

Не получился внезапный захват Владикавказа вместе с Орджоникидзе. Ушел он из окружения при каких-то совершенно невероятных обстоятельствах. Не верилось, что Беликов и Соколов выпустили из клетки льва.

А лев, вырвавшись, сразу же показал себя. Собрал «диких» и ударил по Владикавказу, кроме того обезоружил три резервные сотни, сохранявшиеся для решительного броска. Еще один удар нанесли невесть откуда взявшиеся грозненские красноармейцы.

Штурмом овладели привокзальной площадью, потеснили казаков.

Конечно, хорошо, что Грозный оголил себя, бросив часть армии на Владикавказ. На такой вариант и рассчитывал штаб. Но каким образом грозненцы незаметно очутились у Владикавказа? Не иголка — целый батальон.

Однако верные Бичерахову войска сражаются геройски, прочно удерживают центр города. Правда, тревожат донесения разведки: из Кабарды, Балкарии, Черкесии и даже с Кубани идут в помощь большевикам вооруженные отряды... Но и моздокский штаб подтягивает к Владикавказу новые сотни. Жаль, конечно, что не получился короткий неотвратимый удар, но на войне всякое бывает.

Успокаивало и падение большевиков в Нальчике. Его, Бичерахова, агенты убили председателя нальчикского Совдепа Сахарова, город захвачен с помощью генерала Шкуро. А в станице Змейской пойман все-таки председатель Терсовнаркома Пашковский. Конечно, расстрелян, даже вместе с семьей!

Утешив себя таким образом, Георгий Федорович сел к столу. Но собраться с мыслями не дал Колесников. Вошел, поздоровался и давай отряхивать с мундира дорожную пыль. Что ему здесь — туалетная комната? Потом опустился в кресло, сцепил пальцы, покрутил большими — один вокруг другого:

— Герой! Ах, черт, сукин сын! Я же говорил, трудно тебе будет с ним тягаться!..

— С кем?

— С Орджоникидзе! В руках был... В руках! И испарился. А какой маневр! Не генерал, не полковник, вообще не военный! Но замысел полководца! Тройной удар: в лоб, с тыла и по резервам! Четвертый — грозненцев — по вокзалу. Куда твои Беликовы да Соколовы, заткнул он их за пояс вместе с Мистуловым, Лымарем и тобой. Да не лезь в пузырь, Георгий, дело говорю. Выпустили Орджоникидзе, теперь поворачивайтесь проворнее. Я только из Владикавказа. Посмотрел бы, что там вытворяет этот Орджоникидзе... Сам командует! Фуражку потерял, волосы всклочены, усы распущены, глазищи горят... Маузером размахивает... Суший черт! И в самое пекло прет. А за ним все, как звери. А твои Беликовы-Меликовы из блиндажей по телефончику командуют... Лымарь по тылам катается... Мистулов и Бичерахов в кабинетах скучают. Спасибо скажи своим казакам. Не Соколовым-Моколовым, а казакам рядовым! Они истинные герои.

Колесников зажал нос батистовым платочком и трубно высморкался.

Накалившись до предела, Бичерахов еле сдерживал нервную дрожь. Тугими струнами натянулась каждая жилка. Рот, перекосившись еще больше, сделал лицо страшным. Можно бы, живьем

съел этого монархиста, косточки обглодал: так возненавидел. Резко вскочил с кресла:

— Осетинскую пословицу знаешь? Когда кобелю делать нечего, он под хвостом лижет. Так и ты! С чего бы тебе, собственно, совать нос в каждую задницу? Знаем, что делаем. Беликов и Соколов опытные военачальники, не хуже некоторых генералов! Мистулов только сегодня возвратился из-под Кизляра, там был нужен. И сегодня же отправляется к Владикавказу. Лымарь не катается, а подтягивает новые силы. Извини, Григорий, но ты всего-навсего деникинский посыльный. А мнишь о себе выше самого Деникина. Смотри, прикажу не пускать в кабинет!

Излив гнев, Бичерахов остывал. Краснота медленно сходила с лица. А Колесников смотрел на него с насмешкой, глаза нагло вато шурились:

— Не запретишь, буду указывать! Не осилишь большевиков — спрошу! Именем России спрошу, нюнькаться не стану!

Сильно хлопнув дверью, ушел.

Пощипывая кончик уса, Бичерахов раздумывал. Выходило, что Колесников не только деникинский информатор. А то откуда бы у него и генеральское звание, и шикарный автомобиль, и манера совать нос в каждую дырку, указывать и даже угрожать. Значит, имеет тайные полномочия. И, вероятно, не только от Деникина, но и английской миссии. Очевидно, не полностью доверяют ему, Бичерахову, потому и приставили к нему этого пса.

Торопливо вошел Лутоев, придерживая аксельбанты, подал бумагу. Бичерахов едва взглянул на двойное расположение букв и шестизначные числа, сразу догадался — шифровка от англичан, доставленная лазутчиком. Ключ от шифра — тайну из тайн — знали только он и адъютант. Заперев кабинет, принялись расшифровывать.

В первых строках восхвалялся поступок бригадного генерала Лазаря Бичерахова. Заявив о желании служить Советской власти, он вступил в соглашение с бакинским Советом и 10 июля вместе с отрядом своих казаков перешел на сторону кавказской Красной Армии. А 30 июля, командуя важным участком обороны, открыл англичанам фронт, впустил их в Баку. За находчивость, служебное рвение и преданность стране, подданным которой он является, Л. Бичерахов награжден и занесен в почетный военный список.

«Какая там, к черту, находчивость! — Георгий Федорович вспомнил первую встречу с Литтоном, который просил тогда не удивляться, если дойдет слух, что Лазарь перешел на службу к большевикам. — Теперь вполне понятно: все обдуманно раньше, и не Лазарем. Не находчивость, а запланированная инсценировка! Конечно, блестяще исполненная Лазарем».

Далее сообщалось: «Советская власть в Баку свергнута, бакинские комиссары арестованы, английские войска вошли и в Тур-

кестан. Отряд Лазаря Федоровича продвигается к Порт-Петровску, ближе к Терской области. Добрармия Деникина, развивая наступление в трех направлениях, овладела Армавиром, Ставрополем и станицей Динской в двадцати верстах от Екатеринодара. Красные стихийно отходят на всех участках. Обстановка для действий Терского казачьего войска как нельзя благоприятна, предлагается форсировать захват Грозного».

— Вот так! — с подъемом воскликнул Бичерахов и шелкнул игриво пальцами. — Цель наша близка. Грозный Владикавказу помог, но Владикавказ ему не поможет. Будем начинать. Если не дураки там, в Грозном, — сдадутся без боя, иного выхода у них нет.

— Не сдадутся — уничтожим! — поддакнул Лутоев.

Бичерахов помолчал, почесал кривую губу.

— Вот что, Арсений. Поезжай-ка ты в сунженские станицы. И посмотри, что там делается. Что мне Поморцев? Что мне Фальчиков? Даже такие орлы, как Беликов и Соколов, опростоволосились перед Орджоникидзе. Больше всего тебе доверяю, Арсений, родственник ведь. Проверишь все тщательно и доложишь. Сунжа наш резерв, там особый глаз нужен. Обойдусь несколько дней без тебя. Почту пусть принимает, как ее... Калоева. Проинструктируй хорошенько. Папки с бумагами поважнее принеси мне. Отрывать от дела офицера для исполнения обязанностей адъютанта не буду: людей мало. Долго не задерживайся, а недельку помотайся по станицам. Действуй там через стариков, они в почете.

Закурил и отправился к Мистулову. Главнокомандующий, как всегда, был подтянут, свеж, выбрит, в генеральском мундире, при всех регалиях. Кабинет у него удобно обставлен, на стенах — ковры и дорогое оружие. Мистулов склонился над столом с раскинутой по нему картой, пощипывая бакенбарды, думал.

— Объявляю Грозному войну! — торжественно, точно Грозный был уже побежден, воскликнул Бичерахов.

Мистулов откинулся на спинку кресла, поласкал пальцами георгиевский крест на мундире:

— Ну что же, пора! Я проверил, у нас все к этому готово. Да, да, вполне готово. Командующий войсками Поморцев, его заместитель Халеев давно ждут приказа, да, да, только приказа.

— Что мне Поморцев! — задиристо продолжал Бичерахов. — Что мне Халеев! Поезжай-ка ты сам туда, Эльмурза. Вот побываешь под Владикавказом, а оттуда — под Грозный. Сам все хорошенько проинспектируешь, скоординируешь, своими глазами поглядишь... Учить тебя не собираюсь, но подсказать обязан. Может быть, есть ко мне вопросы?

— Ну зачем же? Все ясно. Да, да, все совершенно ясно!

Они поговорили еще о том, о сем, и Бичерахов возвратился к себе. Лутоев отдал ему печать, пяток пухлых папок и доложил,

что Калоева проинструктирована. Георгий Федорович обнял Арсения, проводил к двери. Затем выхватил из ящика стола лист бумаги и написал быстро, размашисто:

«Весьма срочно. Совершенно секретно. Станице Грозненской.

Предложите немедленно командующему советскими вооруженными силами в городе Грозном в 24 часа сдать все оружие, броневики и прочее, а также выдать большевиков. В случае невыполнения наших требований в назначенный срок — открыть боевые действия против неприятеля».

Слова «выдать большевиков» подчеркнул жирной линией.

Звонком вызвал Марию Калоеву, велел отпечатать, принести на подпись. Машинистка стояла перед ним, скромно опустив глаза: милое, бессловесное существо. Был бы меньше обременен делами, можно бы... Муж там, все такое — не имеет значения. Но, к сожалению, Колесников, стервец, рядом — заметит, разляпает, да и Лутоев — тоже, до жены может дойти... Нет, нельзя рисковать авторитетом правителя. В порыве чувства ласково взглянул на нее:

— А что, Маруся, если присвоить вам чин прапорщика? Ей-богу, вы этого заслуживаете. Женская нежность в сочетании со строгостью военной формы... Вы украсите наши суровые будни.

— Благодарю вас... — Она попросила разрешения уйти.

4

Подписав приказ станице Грозненской, Бичерахов ушел. Наташа осталась одна. Ей давно следовало бы отдать приказ в канцелярию для отправки нарочным, но она медлила. Не поднимались руки нести приговор Советской власти, большевикам, грозненскому рабочему люду, родному городу... Всему, что было так дорого, мило и близко сердцу...

Раздумывала. Если отправить приказ сейчас, завтра он наверняка будет в станице. В тот же час Грозный получит унижительный ультиматум. Город, конечно, не покорится, но защищаться ему будет трудно: грозненские красноармейцы сражаются во Владикавказе. Представила себе разгромленный, весь в трупах, крови, слезах город, и стало страшно. При воспоминании об отце, матери, Тимке скатились по щекам слезы. Да, с нее могут спросить о причине задержки. Она постарается как-то оправдаться. Сейчас не хотелось об этом размышлять, что-нибудь придумает. Возможно, и не поверят. Что же, будь что будет. Дело, которому она служит, дороже жизни!

Вдали погромыхивало. Наползала гроза. Потускнело солнце, притихли за окном воробьи. Наташа не стала ждать пяти. Замкнула приемную, отдала ключ дежурному и вышла на улицу. Ветер старательно выдувал из города духоту. Шумели белолиственницы.

Наташа почти бежала. Навстречу шли важные мужчины, рядом с ними под руку плыли нарядные дамы. Стуча каблуками, вышагивал по мостовой взвод казаков, ветер нес от них крутой запах пота.

Неожиданно наткнулась на Лутоева. От пышного адъютанта ничего не осталось. Сейчас это был заурядный, неряшливо одетый казак в поношенном, без погон, чекмене и облезлой шапке. Слегка покачиваясь, он вывалился из ресторана. Тут же заметил машинистку.

— Маруся!

— Вы? В таком виде? — искренне удивилась она.

— Душа моя, разве это имеет значение? Если вы согласны потанцевать со мной у Каспара, я моментально переоденусь. И не ссылайтесь, ради бога, на Симона — его нет в Моздоке...

— Тем более нельзя. Что свекровь подумает? — Она было растерялась, но уже взяла себя в руки. Сморщилась, придавая лицу болезненное выражение. — К тому же у меня разболелась голова. Простите, мне сейчас не до танцев...

— Пустяки, Марусенька! Вы так милы! Пойдемте со мной, и я буду счастлив!

— Разве это так срочно? — она улыбнулась. — Мы еще успеем потанцевать!

— Душа моя, но я уезжаю.

— Счастливого пути, я вас буду терпеливо ждать.

Она подала ему руку. Лутоев прикрыл глаза и поцеловал кончики ее пальцев. Наташа едва не отдернула ладонь.

Потом долго ощущала запах вина и скользкое прикосновение влажных губ на пальцах. Шла и вытирала их платочком. А ветер настойчиво тянул за собой огромные тучи, набухал влагой, горько дышал грозой.

На крикливом базаре купила сахару, леденцов, жареной колбасы. Сложила в сумочку. И вдруг заметила связную из станицы Грозненской. Гурия, увлеченно торгуясь, закупала мотки суровых ниток. Как? Неужели ее не обезвредили? Наташа, побледнев, шарахнулась, кого-то толкнула, забыла извиниться и скорее, скорее затерялась в тесном людском скопище.

За базаром отдышалась. У входа в тупичок огляделась. Нет, за ней не следили. А может, и вчера не следили, только так показалось? Ой, как хотелось Наташе, чтобы все обошлось благополучно. Ведь она еще так мало сделала!

Кусты жасмина в тупичке гнулись под ветром, на них волнами накатывалась пыль. Гром теперь грохотал близко, оглушительно. Молнии синими штыками вспарывали толстые тучи. Приближалось розовое крылечко. Наташа волновалась, ругала себя за грубость с Сергеем.

Гирька звонка.

— Кто там?

— Ванюша? Это я, Маруся.

Сергей хмурый, печальный: больно смотреть. Она умоляюще подняла на него глаза:

— Не надо сердиться...

Радуюсь ее ласковому тону, он расплылся в улыбке. Она отступила и, торопясь, скороговоркой рассказала о бичераховском ультиматуме Грозному, положении во Владикавказе и встрече на базаре с Гурией. Сергей, кивнув, устремился в дом.

Вскоре, кутаясь в бурку, вывел из ворот оседланного коня. Принял от Наташи сумочку с продуктами, спрятал в переметной суме. Сергею не хотелось расставаться с Наташей, и он медлил: смотрел ей в глаза, переступал с ноги на ногу. Она напомнила:

— Надо спешить...

Пушечным залпом ударил гром, молния подожгла тучи. Сергей вскочил на коня:

— Наташа, милая, будь осторожна!

— И ты береги себя, Сережа!

Она махала ему рукой.

Полил сильный и плотный дождь. Он падал отвесно синей дымящейся стеной. Смутно различались через него дома. Конь унес Сергея под край черной лохматой тучи. Наташа все стояла на мокром крылечке, теперь совсем одна. Пенились крупными пузырями, широко разливались лужи.

5

Грозненцы с недоумением рассматривали странного всадника. Он ехал по пыльной раскаленной солнцем мостовой, одетый в жаркую бурку, обильно заляпанную грязью. Устало плелся под ним грязный конь.

Грозненцы не могли предполагать, какую страшную весть привез городу этот всадник.

Он остановил коня у Совдепа, с трудом выпростал из стремян отекавшие ноги. Кинул повод на сук старого тополя и ввалился в приемную Гикало. Чубатый адъютант, ревниво оберегавший чистоту, которую так любил командарм, с негодованием кинулся на странного посетителя:

— Куда тебя... То есть, извиняюсь, вас, черт несет в таком страшном виде?!

Посетитель, оставляя на высокобленном полу следы грязных сапог, шел напрямик к кабинету Гикало. Адъютант загородил дверь:

— Если вам до товарища Гикалы, то сегодня их не предвидится, ввиду как уехали по заводам.

— Я — Званцев, из Моздока, — измученно стащил бурку, череску с погонями, кинул в угол. — Найди Гикало, где хочешь!

Адъютант недоумевающе смотрел на Званцева.

— Давай, давай, поворачивайся, войной пахнет, дорога каждая минута! — Званцев плюхнулся на стул.

Адъютант пожал плечами, тряхнул чубом и, приоткрыв дверь, крикнул в коридор:

— Вестовой! Прыгай на коня и дуй полным аллюром до «Молота», до товарища Гикалы. Пускай безотлагательно приезжают до себя.

Адъютант достал из шкафа выдавшую виды винтовку, клацая затвором, проверил ее. Потом осмотрел, вытащив из кобуры, наган. Открыл ящик стола и, бренча металлом, пересчитал обоймы с патронами.

— Маловато, — сказал сам себе. — Надо достать патронцев... А где?

Вошел, запыхавшись, Гикало, вопросительно глянул на адъютанта, перевел взгляд на Званцева. Растолкал его, дремавшего, втащил в кабинет. Сапоги Званцева пачкали пол. Покачав головой, адъютант крикнул вестовому, чтобы нес тряпку.

— Вот сволочи, — выслушав Званцева, подчеркнуто спокойно произнес Гикало, но пальцы хрустнули, туго сжимаясь в кулаки, а на щеке предательски запульсировала жилка. — Этого мы ждали, но несколько позже. А он, гад, поспешил. Не успели провести операцию по изъятию контры, уборка помешала... Добрая часть армии во Владикавказе... Левандовского нет... Адъютант!

— Слушаю, Николай Федорович!

— Зови Сафонова, Тамбинского, комиссаров Совдепа... Званцеву — машину, покормить, отвезти в общежитие.

— Николай Федорович, — возразил Званцев, — пусть меня везут к Добровым.

— Ладно, на Шебелиновку. Отоспишься — обратно в Моздок!

Оставшись один, сел за стол, сжал ладонями скулы, устремил глаза куда-то в угол. Но тут же вскочил, схватил подвернувшийся стул, ударил им об пол. И сразу успокоился. Уже складывались в голове планы: как разместить войска, где быть окопам и блиндажам, пушкам, броневикам и пулеметам... Откинул за спину коробку с маузером, открыл дверь к адъютанту:

— Поторопи, пожалуйста, пусть собираются скорее.

Через пятнадцать минут пришли все. Адъютант принес недостающие стулья. Гикало не садился, стоял. На него смотрели с тревогой, не зная еще, что произошло. Поправил очки, начал:

— Дело, товарищи, вот какое, навязали нам войну... — Когда рассказал все, спросил: — Что будем делать?

- Бить гадов!
- Без общих фраз, конкретно! — перебил Гикало.
- Поднимать на оборону весь город! — разрубил рукой воздух Сафонов. — Эту задачу военный отдел берет на себя. Ты-то что думаешь?

Гикало вышел на середину:

— Я вот думаю, надо послать станице Грозненской требование о безоговорочной сдаче оружия. Это, в сущности, мы и имели в виду, намечая операцию. Пусть смекают: на колени перед контрой не падаем! На самом трудном участке — Граничной улице, где город подходит к станице вплотную, сконцентрировать красноармейцев. На остальных участках — отряды самообороны. Артбатарейку разместить на выгодной высоте — Карпинском кургане. Вдоль нефтеперегонных заводов по железной дороге пустить бронепоезд. Все пулеметы объединить, создав маневренную пулеметную команду. Из женщин организовать санитарные дружины...

План Гикало обсуждался и дополнялся. Решили к размещению войск приступить сейчас же, предупреждение станице послать вечером, срок выполнения — до семи утра завтрашнего дня; для руководства боевыми действиями создать Военно-революционный совет; срочно слать сообщение Орджоникидзе...

Совещание шло не больше часа. А еще через полчаса каждый уже был в назначенном месте. Гикало, побывав в казармах и поставив задачу перед командирами, осматривал теперь будущую линию фронта.

Он начал с северной стороны города — от кирпичных заводов, трубы которых были видны издали, и двигался к югу, к Шебелиновке. Броневичок, пофыркивая и покашливая, шел медленнее обычного. Шоферу нетерпелось прибавить скорости, но Гикало не разрешал. Он внимательно присматривался к каждой улочке и каждому пустырю, впадинам и возвышенностям, строениям, заборам и канавам, выбирал тактически выгодные для боевых действий места.

А сам думал... Его почему-то мучила совесть, что он был недостаточно инициативен и расторопен для подготовки города к обороне. Думал, все ли сделал для этого? Да, он и его товарищи сделали все, что от них зависело. Налаживали производство вооружения и боеприпасов, пополняли армию, увеличивали отряды самообороны, совершенствовали разведку. И от народа не прятались, встречались лицом к лицу, разговаривали откровенно, ничем не обманывая. И о жилье, и о снабжении продуктами заботились. Что же, вполне чиста совесть перед партией, народом и Советской властью. Можно смело смотреть людям в глаза!

На Граничной вышел из броневичка. Тихо было здесь. Как-то напряженно тихо. И людей не видно. И станичники не орали се-

годня, не размахивали кулаками, как делали это почти каждый день. Даже воробьи почему-то не чирикали. Только едва шелестели бледной листвой деревья на бульваре да где-то чем-то глухо стучали.

Свернул с тротуара, пошел задворками. Тут и стучали. Работали уже в мокрых от пота гимнастерках красноармейцы. Рубили, под прикрытием заборов с улицы, поперечные плетни и прочие загородки, вели через них, копая сухую неподатливую землю, окопы. Долбили ломами стены домов, проделывая отверстия для сплошного прохода по линии обороны...

Начинались тяжелые дни войны, и Гикало решил непременно встретиться сегодня с Настенькой. Пора уже сказать ей, что надо пожениться. Тогда им обоим легче будет переносить тяжесть войны.

6

В большой горнице солнечно пылает над столом десятилинейная лампа. Она делает почти невидимым крохотный огонек лампадки в углу перед иконостасом. На столе всего достаточно, но Африканыч, не надеясь на расторопность жены, сам все подбавляет да подбавляет свеженького — то индейку, то круг колбасы, то кусок окорока. Высятся среди блюд и тарелок бутылки с французским вином, долго ждавшие в захоронке этого торжественного момента, графины чихиря, штофы араки...

За столом тесно от гостей. Среди них и важные: великан с пучками волос, торчащими из ноздрей, бывший атаман Халеев; розовый, как ветчина, полковник Поморцев; загадочный Малюта, не пожелавший снять фуражку даже за столом; желтоглазый поручик Петухов — дезертир из Красной Армии.

Все в штатском.

Остальные — близкие родственники и друзья Африканыча, добрые, надежные соседи. В том числе кум Елисей Голубцов, чинно поглаживающий свою раздвоенную бородку.

Сегодня у Африканыча именины. Исполнилось ему сорок лет с того дня, как родители нарекли Лаврентием. Именинника уже поздравили, выпили за его здоровье, и теперь гости, не спеша, закусывают. Шутки и смех редки, больше — злые слова, крепкие ругательства. Благо, женщин здесь нет, а Федоровна хлопочет на кухне.

— Исчезают намеченные к выселению... Что бы это значило? — Малюта, осушив стакан араки, в упор смотрит на сидящего рядом Петухова. — Не могут же они нутром чувствовать, что их будут изымать...

— Глупости! При чем тут чувства? — Петухов, играя рюмочкой с чихирем, выкатывает на Малюту глаза. — Закономерно миг-

рируют к своим, в родную стихию. Разве не ясно, что львы живут со львами, а вороны с воронами...

— Жили они раньше в станице, и черт их не драл. Но как только взяли тайно на список, начали удирать... Подозрительно! Когда я уже начну расправляться с большевистским отродьем? Руки чешутся!

— Не долго ждать, думаю, обстановка назрела.

И, как бы подтверждая это, Поморцев недоуменно вскинул плечи:

— Черт знает, почему медлят в Моздоке? Во Владикавказе начали, пора бы и здесь...

— Самая пора забивать скот! — крикнул довольный своей шуткой Халеев.

— Вообще, Георгий Федорович, — Поморцев пригубил бокал с рубиновым французским вином, — чрезмерно расчетлив, все-то он прикидывает да примеряет, а время идет. Надо же знать меру! Поеду, пожалуй, в Моздок, потороплю.

Все согласно закивали, зашумели. В это время постучали с улицы в парадную дверь. Африканыч, оглаживая бороду, поспешил из-за стола. Через минуту он привел невзрачного казачишку в мешковатой черкеске. Его узнали. Это был офицерик из богатых. По приказу Поморцева нес сегодня тайную службу в негласном дозоре, какие были разбросаны по всей станице на всякий случай. Офицерик остановился в проеме распахнутой двери. Африканыч поспешил поднести ему стакан араки.

— Слушаю вас, — повернулся Поморцев.

— Господин полковник, — зашепшил офицерик скороговоркой, — на втором квартале от Граничной улицы наш дозор заметил в станице трех конных красноармейцев... Я счел своим долгом спросить, куда они следуют. Один вручил мне пакет, попросил расписаться в получении и передать вам.

Вынув из отворота рукава, протянул опечатанный сургучом пакет. Поморцев торопливо ломал сургуч, коричневые крошки сыпались в недопитый бокал. Все притихли. Поморцев про себя читал бумагу, и лицо его становилось бордовым.

— Расписавшись в получении и приняв пакет, — заорал вдруг Поморцев на офицерика, — вы стащили краснюков с коней и надавали им как следует?!

— Никак нет! Отпстил!

— Отпстил, — передразнил Поморцев и потряс бумагой. — Нет, вы только послушайте, господа, до какой наглости дошли большевики! Вот что они пишут: «Станице Грозненской. Грозненский Совдеп и командование Красной Армией предлагают вам немедленно, с получением сего, сдать оружие, броневики и замки от пушек, а также передать нам всех присланных Бичераховым иностранников. Срок исполнения — семь часов утра завтрашне-

го, 11 августа, дня, сего года». — Поморцев язвительно рассмеялся. — Но это черт знает что, господа! Точно не мы подлинные хозяева земли терской...

— Скот диктует нам условия!? — рявкнул, бледнея, Халеев. — Залпы, залпы будут нашим ответом!

— Только залпы! — подхватил Поморцев. — Господа, именины кончились, началась война. Членов комитета прошу на экстренное совещание. Ротмистр Малюта! Чтобы к утру в станице не осталось ни одной сволочи — всех этапом в Моздок. Поручик Петухов, теперь вы легализованы, распоряжайтесь броневиками. Атаман Хатеев, гоните к Фальчикову нарочного, пусть поднимает сунженские станицы. Немедленно собрать офицеров... Объявить тревогу... Рыть окопы... Занимать позиции... Артиллерийскую батарею — на Карпинский курган! Поспешим, господа!

Ринулся на улицу. За ним — гости. Малюта задержался. В коридоре поманил к себе Африканыча, прикрыл дверь в горницу, где все еще сидел за столом Голубцов.

— Через полчаса начнем изъятие, — шепнул Малюта Африканычу. — Чтобы был на своем месте. Сможешь кого захватить с собой, бери, лишние в таком деле не помешают. Но только надежных.

— Слушаюсь!

Возвратясь в горницу, Африканыч крикнул на кухню:

— Федоровна, бросай все, шей на чекмень погоны!

Елисей Голубцов медленно тянул из стакана чихирь.

— Война, кум! — весело напомнил Африканыч.

— А я на нее не спешу, радости в том, следует быть, нет. — Голубцов угрюмо отставил стакан. — Слава богу, ячмень успел убрать с поля. Дочиста свезли хлеба по домам под охраной... Диву даюсь — под охраной чеченов! Они же нападали, коней отбирали, а это — диво дивное — не только под красноармейской охраной, но и под чеченской. Ума не приложу, как это понимать? А кукурузу убрать не успели. Не созрела, недельку бы еще... Теперь, раз война, загинет...

— А я, кум, плевал на это дело, у меня всяких запасов в достатке имеется, надежно закопал в землю от краснопузых. Кончай чихиревать, айда на аресты. Голодранцев будем хватать!

— Нет, кум, — Голубцов встал. — На это я не пойду. В полиции и жандармерии не служил и служить не буду. Воевать — что поделаешь? Куда станица, туда и я. А на аресты — нет!

Махнув рукой, Голубцов ушел. Озлившись на него, Африканыч выпил залпом стакан араки. Федоровна, играя румянцем на щеках, вынесла новый чекмень с потертыми погонами рядового. Африканыч, благоговейно вдыхая густой запах нафталина, поцеловал каждый погон и, перекрестясь, натянул чекмень с серебряным георгиевским крестом и двумя медными медалями.

— Осподе сусе, — страстно произнес Африканыч, повернув лицо к иконостасу и глядя в желтый огонек лампадки, — сделай Советской власти гроб!

Федоровна слезила в подполье, подала мужу винтовку. Поклацав затвором и зарядив ее, он высочил на улицу. В темноте мелькали огни, стучали молотки, визжали выдергиваемые гвозди. Это казаки при свете фонарей приводили в порядок здание бывшего станичного правления: отдирали от окон и дверей доски, которыми те были заколочены, водружали над крыльцом сбереженную кем-то вывеску с крупным изображением двуглавого царского орла. Африканыч, ликуя, любовался приятной его сердцу картиной, снова перекрестился и, держа винтовку наперевес, широко побежал в душную малозвездную ночь.

7

Дмитрий Добров почти всю ночь трясся в старой бричке, добываясь из станицы Карабулакской в Слепцовскую.

Поездка по сунженским станицам приносила пользу.

Сперва, правда, казаки к гостю из Грозного относились недоверчиво. Но вот съездили в город с продуктами несколько человек. Вернувшись, рассказали о хорошем приеме. Станичникам дали на базаре место, пригласили на постоянный двор, никто на них не нажимал, не диктовал цен. Продажа оказалась выгодной, в город потянулись другие.

Так было несколько дней. Но вдруг казаки заартачились. В город ехать не желали, уполномоченному из Грозного недвусмысленно намекали, чтобы он убирался восвояси.

Позавчера вечером Добров прибыл в Карабулакскую, ночевал в доме казака Исаея Рохлина. Хозяин попался вроде бы хороший и за ужином кое-что рассказал. По сунженским станицам разъезжают переодетые в простых казаков адъютант самого Бичерахова есаул Лутоев и бывший депутат Войскового круга хорунжий Фальчиков, подговаривают выступать войной против грозненских рабочих, угрожают расправой тем, кто отправится в город с продуктами. Впервые Добров узнал от Исаея Рохлина о владикавказских событиях. Однако зловещих слухов не испугался, пошел по дворам. Двадцать подвод укатили в Грозный, увозя муку, сало, помидоры и арбузы.

Исаей Рохлин взялся подбросить своего постояльца к соседней станице. Заложил пароконную бричку, сунул в нее под сено винтовку, а в карман шаровар — гранату. И вот они въезжают в Слепцовскую. От Сунжи ватными хлопьями поднимается туман, нависает над крышами, окутывает сады и виноградники. С восходом солнца Рохлин остановил лошадей у перекошенных ворот бедного двора с маленькой хаткой. Перекинув через плечо кнут,

вошел в калитку. Возвратился обеспокоенный. Его глаза внимательно осматривали улицу, лохматые брови вздрагивали, вместе с ними трепетала в складках лба выпуклая коричневая родинка:

— Лучше всего, мужик, сейчас тебе схорониться, пересидеть день в этом доме, а ночью я увезу отсюда.

Добров, спрыгнув с брички, потребовал подробного объяснения. Рохлин растолковал, что в Слепцовской стало известно о каком-то конфликте станицы Грозненской с городом Грозным. И она забурлила. Уже избран станичный атаман, он подбивает на войну против Грозного. Слепцовцы обозлены, готовятся к бою. А в станице Михайловской, говорят, жестоко разгромлена большевистская организация, коммунисты арестованы, расстреляны. Рохлин настаивал, чтобы Добров спрятался, иначе его, представителя Грозного, не пощадят.

— Скорее всего, какая-то провокация, — равнодушно погладил усы Добров. — В Карабулакской же спокойно...

— Эге, мужик, — Рохлин озлился, — ты ее со Слепцовской не равняй. Карабулакская, считай в большинстве — беднота, а Слепцовская — сплошь богатеи и офицеры. Да, может, и не дошел еще до Карабулакской слух, день только начинается. А прочие станицы по Сунже раскипятились, аж пар идет. Ховайся, мужик, пока не поздно, дело говорю.

Рохлин снова тревожно осмотрел улицу: не появился ли кто, не заметил ли гостя? Но она была безлюдна. Солнце, повисая над взгорьями, растопило туманную мглу, оранжево выкрасило станицу.

— Пойду! — упрямо махнул рукой Добров. — Провокации были и будут, а Грозный кормить надо!

И он направился прежде в станичный Совет, чтобы представиться и попросить в помощь себе местных активистов, как делал это в других станицах, а потом уже вместе с ними начать обход дворов. Вон и церковь — позолоченные шлемы куполов, вокруг нее — площадь, мелкая травка и суглинистые пролысины земли. Где-то здесь должно стоять здание Совета. Тут он и встретил долговязого казака в шароварах с синими кантами. Бежая от дома к дому, тот стучал палкой в забор, созывая станичников на круг. Остановив посыльного, Добров вежливо поинтересовался, чем вызван созыв схода. Долговязый удивленно уставил на незнакомца недобрые оловянные глаза:

— Или не знаешь? С большевиками войну начинаем! — Осмотрел одежду городского рабочего и резко повысил голос: — А ты, слышь, откуда будешь, мужик?

Но ответа ждать не стал, убежал. Однако минут через десять возвратился, бесцеремонно схватил Доброва за руку:

— Постой, мужик, тебя атаман кличет!

— Мне нужен станичный Совет, а не атаман.

— К атаману, говорю, пойдём!

— Рукам волю не давай, друг, — Добров отстранил казака.

— Ты чего пихаешься, большевистская морда? — озверел долговязый. — В скулы хочешь? — Прицелился кулаком в лицо, но Добров нагнулся и кулак прошел мимо.

— Подошли еще казаки, окружили Доброва:

— Муки нашей желаешь, собака, сала и помидоров?!

— Продразверстки вам мало, так еще кроме того...

У них горели злостью глаза, на перекошенных губах вскипала пена. Добров пытался утихомирить разбушевавшихся:

— Да вы что, товарищи?.. Выслушайте сперва...

— Ты-ты слышь, казаки, он говорит «товарищи»... Какие же мы ему товарищи, мать-перемать! Бей его! Предавай землю!

— Предать земле! — взревела толпа.

Первым бросился тот, долговязый, следом — какой-то слюнявый, носатый. Подступили плотным кольцом остальные. Доброва свалили, кто-то ударил каблуком сапога. Сопя, екнув от удовольствия, матерясь, ударил второй раз...

8

Кровавый квадрат с черным крестом посредине испугал Званцева. Открыв после сна глаза, он не сразу понял, что это восход солнца багрово отпечатал на стене оконную раму.

Глафира Петровна ставила на стол стаканы, резала хлеб. Тимка с восторгом уписывал жареную колбасу и хрустящие леденцы, Наташин подарок. Сергей вскочил с постели. Вчера в доме Добровых он, преодолевая усталость, хлебнул три ложки супа и, едва сняв сапоги, уснул. Теперь, отдохнувший, был бодр, энергичен. Вспомнив Наташу, схватил с гвоздя шапку и, прощаясь, заспешил к выходу: не терпелось скорее добраться в Моздок. Глафира Петровна удержала Сергея за руку:

— Куда же ты? Позавтракай!

— Что вы! Мне надо быстрее!

— Господи, ну что это такое?! — Наклонилась к его уху, прошептала: — Все-таки я мать, а ты еще слова не сказал мне о дочери. Как она там?

Сергей повесил обратно шапку и попросил умыться. Поливая ему во дворе, Тимка тараторил свои мальчишеские новости. Про то, как увидел бронепоезд и побежал вслед. Его заметили папкины друзья, остановили бронепоезд, втащили внутрь. И чего там только нет... Пушки, пулеметы, ящики со снарядами... Речь выплескивалась из Тимки, будто вода из кувшина. Но вдруг осекся, опустил голову и сказал так горько, что у Сергея дрогнуло сердце:

— А папки все нет и нет... И Наташи тоже... Забыли, что нам без них плохо...

Званцев вздохнул. Утершись подотенцем, поцеловал Тимку в щеку с такой же милой, как у Наташи, ямочкой.

Садясь за стол, Званцев почувствовал в доме Добровых какую-то перемену. Внимательно присмотрелся и понял: Глафира Петровна не хромала, как прежде, а лишь слегка тянула ногу. И резала она не желтоватый кукурузный чурек, а аппетитный пшеничный хлеб. И сама выглядела свежее, и Тимка — упитаннее. Значит, живут они лучше.

Званцев торопливо ел жареную картошку, запивал чаем, а Глафира Петровна рассказывала, что навезли было станичники в город много всяких продуктов, цены снизились, стало возможным кое-что купить. Но вот опять привоз прекратился, снова вздулись цены. Помолчав, добавила:

— Пора бы уже и Дмитрию возвратиться, сердце изболелось... — Всхлипнула, вытерла фартучком слезы. Затем отослала куда-то Тимку, чтобы не слушал разговоры, и начала с жадностью расспрашивать о Наташе.

Сергей не хотел огорчать материнское сердце, поэтому врал, расписывая безопасное Наташино житье. Глафира Петровна верила и не верила, смахивая фартучком слезинки. С приятным удивлением убедился Званцев, что называет она его на «ты», как родного сына.

Глафира Петровна вышла проводить Сергея к калитке. Красное небо бледнело, солнце делало его желтым. Траурными шарфами вились бесконечные дымы. Во двор влетел Тимка:

— Мамк, дядь Сереж, а там бронепоезд на путя вышел...

Званцев понял, почему вышел бронепоезд. Попросил Глафиру Петровну не волноваться и выложил, что сегодня, пожалуй, начнутся бои. Она смотрела на Сергея внезапно застекленевшими глазами. Съезжился, приник к матери Тимка.

— Что же мы будем делать? — едва шевелила бледными губами, — Дмитрия нет... Наташи нет... — Ее руки гладили, гладили Тимкину голову.

И залилась слезами. Сергей растерялся, начал невпопад успокаивать.

— Идите же! — прикрикнула она. — Скорее добирайтесь... И берегите... Вы знаете кого!

Он поспешил за калитку. Окутываясь паром, по железнодорожному полотну полз бронепоезд «Борец за власть трудового народа». Броня щетинилась разнокалиберными стволами. Миновав переезд, Званцев увидел торопливо шагающую по улице колонну рабочих. Вооруженные винтовками и охотничьими ружьями, они старались идти в ногу, выпячивали грудь. У домов тревожно шептались люди. Свернул к Сунже и заметил железнодорожников в форменных куртках, поспешно роющих окопы. В узком переулке громко судачили женщины:

— Большевики-то! Сами драли глотку против войны, сами же ее затевают!

— Да против кого! Против своих же, русских!

На Дворянской улице бегали, оглядываясь, какие-то молодчики, что-то шептали встречным, прятались и вновь появлялись. Один из пустырей был запружен народом. Здесь кипел митинг. Возвышаясь над толпой, взмахивал кулаками, тряс седой головой военком Сафонов:

— Они не войдут! Мы не станем перед ними на колени!

На Дворяной площади красноармейцы, суетясь, разворачивали дула орудий в сторону станицы Грозненской. Связисты разматывали катушки, тянули провода. И снова в улицах и переулках тревожно шептались жители. Видно, уже весь город знал о неминуемых кровавых событиях.

В военной комендатуре Тамбинского не оказалось. Измотанный дежурный передал Званцеву приказ немедленно отправляться по назначению. Сытый, отдохнувший конь понес Сергея за город.

Но там, где начиналась дорога на Моздок, заметил Званцев свежие брустверы и притаившихся за ними вооруженных казаков. Повернув коня, поскакал в объезд, мимо кладбища. И здесь наткнулся на казаков. Попытался проскочить в окрестностях станицы Петропавловской. Вдруг обожгло в сапоге правую ногу, и сразу же он услышал за спиной выстрелы. Быстро набухла от крови портянка. Вот и все. Война только еще начинается, а он уже ранен, выведен из строя... А как же Наташа?

Резко дернул повод, направив коня к городу. Пули свистели и вжикали справа и слева. Сбавив ход, конь припал на задние ноги, поковылял, оставляя за собой кровавый след. Наконец спасительный переулок — выстрелы прекратились.

Человек и конь с трудом добрались до комендатуры.

9

...И третий раз смачно ударили Доброва. Но близкий выстрел заставил всех поднять головы. Прямо на толпу неслась в разъяренном галопе пара лошадей, запряженных в бричку. Толпа отхлынула. Человек в бричке, стоя, одной рукой горячил коней вожжами, другой палил из винтовки вверх. Он осадил коней, бросил в бричку винтовку, выхватил из кармана гранату. Угрожая ею толпе, спрыгнул на землю, поднял Доброва, кинул в бричку. Не успела толпа опомниться, лошади понеслись по улице.

— По коням, казаки! — очнулась толпа. — В погоню!

Стегая лошадей кнутом, Исай Рохлин (это был он) бешеным галопом преодолел мост через Сунжу, швырнул в него гранату. Высоко подпрыгнули, разлетелись в стороны обломки деревянного настила.

У края станицы Рохлин оглянулся. Казаки, размахивая винтовками, беспомощно мордовали коней на том берегу Сунжи.

Далеко за станицей Рохлин сдержал коней. Добров лежал в бричке скрючившись, бледный, прижимал руку к боку.

— Жив? — спросил Рохлин.

— Жив... — простонал Добров.

— Хорошо, что я поспешил вслед за тобой, убили бы.

Приближалась синяя зубчатая гора, там начиналась Чечня.

Под горой, между высоким буковым лесом и мутной извилистой рекой, раскинулся белыми саклями аул. У опрятной мечети строились шеренгами всадники. Несколько верховых приблизились к приехавшим. Рохлин рассказал, что произошло в Слепцовой. Один всадник сразу же погнал коня за лекарем, двое, спешившись, схватили Доброва под руки и повели в ближайшую саклю. Добров спотыкался и стонал.

Расторопный хозяин сакли открыл дверь, показал на деревянную кровать. Доброва уложили. На его висках выступила испарина.

Вскоре, опираясь на посох, вошел в саклю маленький, беззубый старикашка в огромной витой чалме, с холщовой сумкой на лямке, перекинутой через плечо. Уставился на Доброва подслеповатыми глазами, шамкаяще спросил, что с ним случилось. Рохлин рассказал через знающего русский язык хозяина сакли. Старикашка покивал головой и ответил, что ему приходилось воскрешать людей из мертвых, а уж излечить побои, похоже, не так тяжелые, суший пустяк, что этот человек встанет на ноги и сумеет отомстить обидчикам в полную меру, как велят единственное на земле святое писание — коран и единственно справедливая во всем мире мусульманская вера — ислам.

Напевно бормоча молитву, он доставал из своей холщовой сумки пучки сушеных трав, баночки с мазями и бутылки с какими-то жидкостями. Травы он отдал хозяину, объяснив, как приготовить отвар. Заверотив на Доброве рубашку, осмотрел, ощупал ссадины и кровоподтеки и принялся втирать в тело липкую зеленую мазь. Добров сопел и постанывал.

Решив, что больше здесь не нужен, Рохлин вышел на улицу. Его провожал хозяин. Всадники у мечети, все вооруженные, закончив построение и вытянувшись звеньями, покидали аул. Рохлин спросил, кто они, эти всадники? Хозяин объяснил: жители аула, пожелавшие вступить в формируемую Асланбеком Шериповым чеченскую Красную Армию. Они отправлялись на пункт формирования.

Далее хозяин сказал, что привезенного им, Рохлиным, избитого человека начал врачевать не кто иной, как сам Яраги-хаджи, известный в Чечне лекарь, знаток лекарственных растений, мастер травяных мазей, отваров и настоек, хирург и костоправ, великий

целитель, спасший от тяжких недугов множество людей. Потому не надо беспокоиться, избитый человек выздоровеет и будет им, хотяином сакли; надежно отправлен туда, куда он пожелает.

Рохлин распрощался, напоил коней и, подальше объезжая Слепцовскую, поехал в свою станицу.

Из Совдепа Гикало перебрался в штаб Красной Армии, названный теперь штабом обороны города. Вместе с мебелью и аппаратом полевой телефонной связи в кабинете, по просьбе Гикало, поставили казарменную койку с жестким матрацем, одеялом из шинельного сукна и набитой сеном подушкой.

В соседней комнате разместился адъютант Ястребов.

Все утро, почти не отрываясь от телефона, Ястребов принимал сообщения для доклада командарму.

Гикало ночью не спал, переезжал с одного участка линии обороны на другой, следил за сооружением оборонительных укреплений. Перед утром побывал на заводах, где также всю ночь ни на минуту не прекращалась работа, подсчитал вместе с мастерами, что можно дать фронту.

Ровно в семь утра подъехал к штабу, вошел в кабинет. Ястребов тут же начал докладывать.

В городе идут митинги. Вооружаются кварталы и окраинные поселки. Уже готовы к бою отряды самообороны на Шебелиновке, Бароновке и Индюшиновке. Начали получать оружие Казанская и Еврейская слободки. Всем составом решили воевать на стороне Совдепа китайцы, прибывшие в Грозный на заработки из Астрахани. Образовалась целая рота.

— Уже имеются, — докладывал далее Ястребов, — убитые и раненые. Неизвестные лица стреляют из разных укрытий в спины всем, кто попадает на мушку. Уже погибли три вестовых красноармейца, служащий Совдепа и двое рабочих-большевиков. Конный комендантский взвод занят ликвидацией террористов. Всю ночь и утро наблюдаются перебежчики из станицы Грозненской в город. Они допрашиваются и проверяются военной комендатурой.

— Все понятно, — Гикало посмотрел на часы.

Шел восьмой час, срок ультиматума станице истек. Решил подождать еще полчаса. Не будет ответа — открыть боевые действия.

Через несколько минут снова появился Ястребов, сказал, что прибыла делегация из станицы Грозненской. Гикало велел звать.

Вошли, сгруппировались у двери седые старцы с расчесанными бородами, одетые во все новое. Увидев Гикало, сняли шапки, чинно поклонились.

— Садитесь, — Гикало жестом показал на кресла.

Старики не сели. Шагнул вперед сухой и морщинистый, с выпуклыми глазами, видно, самый старый.

— Извиняйте, — сказал скрипучим голосом, — станица в затруднении, пока не ведаёт, что вам ответить... — Он вынул массивный хронометр на серебряной цепочке. — Присланы просить отсрочки на два часа, — повернул к Гикало циферблат, — до полдесятого, стало быть, считая с сей минуты.

Гикало по глазам стариков определил, что они хитрят. Отсрочка нужна, очевидно, для лучшей подготовки к нападению. Ответил хмуро:

— Ладно, до полдесятого.

Старики, топчась, уступая друг другу дорогу, ушли. Гикало подумал: «И мы за это время подготовимся лучше». По-утиному крикнул зуммер полевого телефона. Приложив трубку к уху, услышал голос Тамбинского:

— Интересуешься, почему так много перебежчиков из станицы? Спасаются от расправы. Это в основном неимущие казаки. Ну и крестьяне, давно поселившиеся в станице. Батраки... На допросах говорят, что их предупредил о расправе некий желтоглазый человек... Догадываешься, кто? — Тамбинский кашлянул, намекая на Петухова. — Многие желают вступить в наши отряды самообороны. Как смотришь на это?

— Направляйте на сборный пункт!

Время позволяло съездить лишний раз на позиции. Гикало поспешил к броневичку.

11

И над станицей Грозненской так же зловеще возшло багровое солнце, окровавило небо и землю, и так жеплыли вверх печальные завитушки дымов. В то утро у многих казаков появились на плечах пахнущие нафталином погоны, а грудь украсили царские кресты и медали. Все уже знали о требовании Совдепа. Что ответом будут залпы, тоже знали. Решение Поморцева встретили восторженно.

Потому с удовлетворением долбили ломами твердую землю, устраивая огневые гнезда во дворах и переулках, примыкающих к городу. Рыли окопы. Подмигивая друг другу (дескать, мы им покажем, краснопузым!), заряжали орудия. Взводами и отделениями тихо накапливались вдоль Граничной улицы.

На полном аллюре влетела на Карпинский курган казачья батарея, успела занять господствующую высоту. Черные пасти пушек разверзлись над городом.

Сотни стрелков залёгли у пакгаузов железнодорожной станции, поперек моздокской дороги, в канаве, окружающей городское кладбище, и вдоль нефтеперегонных заводов.

Двое бородачей, кряхтя от тяжести, втаскивали по крутой винтовой лестнице станковый пулемет на церковную колокольню.

А под колокольней, в самой церкви, в мигающем свете коптящих свечей, тусклом блеске икон и душном запахе ладана завершалось торжественное богослужение. Отец Симеон в парчовой ризе, с бородой, лоснящейся от бриолина, читал проповедь. Приятный, волнующий тенор его слушали в немом молчании:

— Да поможет господь бог нашему христолюбивому воинству сокрушить антихриста для торжества в мире сем святости и справедливости. Да убьет всевышний руками нашими исчадие ада — сатану. Ибо антихрист и сатана — се есть заклятый враг наш, именуемый вкупе большевизмом...

Отец Симеон поспешал. За церковной оградой ждала подвода с матушкой и скарбом. Священник до лучших дней покидал паству, уезжая от греха и пуль в дальнюю сунженскую станицу.

— ...Да не пощадим живота своего в праведной битве за святую веру нашу. Да вознесет господь бог в светлые небеса и куши райские души усопших на поле брани храбрых воинов наших...

Старики и старухи, крестясь, всхлипывали от умиления. Казачки помоложе плакали от горя, провожая в бой мужей и женихов. Истово отбивали поклоны взопревшие от духоты воины. Степенно молились полковник Поморцев и атаман Халеев.

Сразу же после богослужения Халеев открыл на церковной площади станичный круг. Присутствовали немногие. Большинство уже залегли в окопах, стояли в конном строю, ждали приказа у пулеметов и орудий.

Атаман Халеев всеми ругательствами поносил Советскую власть, призывал покончить с логовом красных — городом Грозным — сегодня же к закату солнца. Полковник Поморцев, сохраняя спокойствие и улыбку, говорил веско, доказательно. Он сообщил, что Грозный обложен многотысячным храбрым войском, в то время как в самом городе можно наскрести всего несколько сот чудаков, не умеющих держать винтовку, по глупости своей предъявивших ультиматум, на который они наивно ждут ответа. Но ответом сейчас будет залпы и только залпы. К исходу дня город, несомненно, падет...

Круг, приветствуя эти слова истошно заорал «ура!»

В заключение Халеев прочитал угрожающий приказ из Моздока об учреждении в станице чрезвычайного следственного органа, военно-полевого суда, арестного помещения и о беспощадном наказании лиц, заподозренных в пособничестве большевикам.

Когда круг стал быстро расходиться, Поморцев, повернувшись, столкнулся с измученным человеком, державшим за повод взмыленного коня. Узнал не раз бывавшего в станице моздокского вестового-нарочного. Тот, покопавшись за пазухой, протянул пакет. Прочтя бумагу, извлеченную из конверта, Поморцев выругался,

как самый последний босяк, скомкал ее и повертел в воздухе, показывая Халееву:

— Вот полюбуясь, запоздалое распоряжение из Моздока: «Предложите немедленно командующему советскими вооруженными силами в городе Грозном...» Ирония, черт побери! Получи мы это предписание раньше, не пришлось бы терпеть унижение от большевистского ультиматума и они уже стояли бы перед нами на коленях.

12

Гикало стоял за столом, курил сигарку за сигаркой. Перед ним лежали часы. Было девять тридцать. Гикало все еще ждал, хотя на положительный ответ станицы не надеялся.

Коротко прозвучал полевой телефон. Командир артиллерии доложил, что, въехав на Карпинский курган, конная батарея повернула обратно: там оказались пушки противника. Он спрашивал, что теперь делать?

— Заднее место чесать! Черт его знает, что теперь делать. Смекайте, смекайте, товарищ командир. Надо постараться как можно выше поднять корректировщиков и наблюдателей, чтобы они могли фиксировать позиции противника... Попробуйте вознести их на верхушки труб кирпичных заводов.

В девять часов сорок минут Гикало позвал адъютанта и велел слать к командирам вестовых с приказом открыть боевые действия ровно в десять, если не поступит других распоряжений.

В девять пятьдесят пять велел телефонисту соединить его с командным пунктом на Граничной улице.

— Ну что же, — сказал Гикало командиру батальона Федорову. — Начнем! Слушай мою команду. Именем Советской власти и большевистской партии, — он с каждым словом повышал голос, — по врагам пролетарской революции, презренной оголтелой контре — огонь!

Через пять минут вздрогнули оконные стекла, донесся глухой, как удар в бочку, пушечный залп. Просочилась издали пулеметная трель, застучали винтовочные выстрелы. Стекла теперь дрожали непрерывно: пушки били чаще.

Пришел сильно пожелтевший, совсем больной Тамбинский. Отдышавшись, доложил, что на эту сторону сумел перебраться связанной Листопада (Петухова), принес важное донесение: общее количество войск противника, начавшего штурм города, составляет более тринадцати тысяч человек. Кроме того, подходят резервы из сунженских станиц.

Гикало присвистнул. Цифра тринадцать тысяч не входила ни в какое сравнение с количеством людей, обороняющих Грозный, семьсот красноармейцев и две тысячи восьмьсот бойцов отрядов

самообороны... Три с половиной тысячи против тринадцати тысяч! Шемяще закралось сомнение: устоит ли город?

Связной Листопада передал также, что на колокольне станичной церкви, удобной для обстрела города, установлен станковый пулемет. Гикало тут же послал вестового к бронепоезду с приказом ударить по колокольне из пушки.

А Тамбинский все докладывал. Сидел, тяжело дышал и большим монотонным голосом выматывал у Гикало душу. Сказал, что связной теперь вряд ли сумеет вернуться в станицу, — значит, связь с Листопадом прервана. Помолчав, добавил, что безнадежно прервана связь и с Васильком: Званцев ранен, в Моздок попасть не смог. Посопел, покряхтел и начал нудно распространяться о трудностях ликвидации вражеских террористов: не выловили пока ни одного, а убитых ими уже много, в том числе сотрудники комендатуры...

Потеряв терпение, Гикало сказал, как можно сдержаннее, стараясь не наругать:

— Так вот, товарищ комендант, хватит зудеть. Идите и выполняйте свои обязанности.

Тамбинский обиженно поморгал, пересиливая боль, поплелся к выходу. Адъютант подал командующему записку:

— «Товарищи, — читал Гикало, — держитесь крепче, бейте белоказakov. Чеченская Красная Армия идет на подмогу. Асланбек».

Гикало удовлетворенно кивнул, на душе полегчало. Спрятал в карман часы, собираясь уходить, но увидел в дверях сестру Веру. Она никогда прежде не переступала порога гикаловского кабинета, и вдруг... Что привело ее сюда? Вера заметно волновалась. Гикало заподозрил недоброе.

— Вот... Коленька... — Она теребила то один, то другой палец. — Я решила... Мы все решили, которые учились на медкурсах, идти на фронт... Но не в этом дело... Бомбы... Или, как их там называют, снаряды... падают на город... И много пожаров... И развалин... Горит мельница Баширова... Но не в этом дело... Ты не волнуйся, Коленька... Снаряд попал в их дом и... Настенька... Она погибла, Настенька...

Вера всхлипнула. Гикало ощутил бешеный прилив крови к голове и туман в глазах. Вынул из кармана кисет и никак не мог развязать стягивающую его тесемку...

— Ты только не волнуйся, Коленька... — Вера растирала мокрые глаза ладонью. — Мама велела передать, чтобы ты не волновался... Ладно?

Гикало наконец закурил. Поцеловал сестру в щеку:

— Ладно, Вера. Скажи маме, что я не буду волноваться... Постараюсь! Иди, Верочка, иди, мне некогда.

Когда она ушла, опустился на стул и почувствовал, как набу-

хают влагой глаза. Вскочил, протер носовым платком очки, промокнул глаза и пошел в комнату адъютанта. Объяснил, что искать его, Гикало, в случае надобности, следует на командных пунктах. Уже взявшись за дверную ручку, добавил:

— Не находишь ли ты, адъютант, что флаг на крыше Совдепа укреплен для данного момента слишком низко? Распорядись-ка достать реек подлиннее и оттяжек покрепче. Да как можно выше подними наш советский Красный флаг! Пусть его видят все бойцы и весь город. И контра пусть видит. И пусть контра знает: раз подняли мы свой флаг высоко, — значит, сдаваться не собираемся! Ну, я пошел... Да, чуть не забыл: самовольничаешь иногда... Так вот, бросай эту привычку, цыганский табор не разводи. Сиди у телефона и никуда не отлучайся.

Козырнув и проводив командарма за дверь, Ястребов позвал вестовых, распорядился относительно флага. Затем опоясавшись набитой патронами пулеметной лентой, накинул на себя крест-накрест еще две таких же, насыпал в карман револьверных патронов. Проверил наган, вынул из шкафа винтовку. Тряхнул чубом, прилепил кубанку почти на затылок и решительно направился на передовую.

13

Тамбинский добирался к комендатуре трудно. Грудная жаба на этот раз рассвирепела, рвала сердце нестерпимой болью, огнем горел левый бок, в гудящем шуме тонула голова. Шел, задыхаясь, жадно глотал воздух, хватался за заборы. И единственное у него было сейчас желание — не свалиться. Рухнешь если на этот булыжный тротуар — уже не поднимешься. Дотянуть как-нибудь до комендатуры и немедленно слать за лекарством! Ничего не поделаешь, придется пить капельки, прописанные Гикало, иначе загнешься. Любое зелье пить, что угодно, только бы жить и бороться, хотя бы до дня победы!

Прислонившись к забору, нащупал в нагрудном кармане рецепт. Вот он, миленький! Теперь-то я тебя употреблю! И удивительное дело: от одного только намерения лечиться вроде бы полегчало. Шел по-прежнему неуклюже, слабо шевелил ногами, но в стороны уже не швыряло и к заборам не лепило. Подвернулась скамейка, присел. В груди стало просторнее, посветлело в глазах, как бы выпали из ушей затычки. Теперь разборчиво слышались звуки.

Их было множество. От звуков начавшейся войны дрожал город. Бухало, стонало, подвывало, татакало, свистело, щелкало... Иногда все это настолько сгущалось, что, казалось, клокочет, бушует гигантский котел.

Проносились над городом невидимые снаряды, падали на ули-

цы, рвались. В развалины и щепки превращались дома и деревья. Дико вскрикивали и тут же затихали люди. Где-то совсем близкий пронзительный детский вопль ожег сердца. Поперхнулся предсмертным криком и умолк.

Снова рванул снаряд. Расползлся на противоположной стороне улицы дом, трескуче крошились стекла. Шаркнуло над головой, срезало верхушки акации. Рассиживать было опасно, и Тамбинский поковылял дальше. Боли поутихли, но одышка, затянув горло удавкой, не отпускала. Теперь снаряды рвались где-то у деревянных бараков. Чадающими факелами вспыхивали пожары, тянулись к небу новые дымы.

Он приближался к комендатуре, когда из переулка вывернулась колонна людей с охотничьими ружьями и облезлыми винтовками. Спешила в бой рота самообороны, шагала бодро, старалась держать равнение в рядах. Алые ленты на картузах, а у пожилого командира еще и кумачовый бант на косоворотке.

— Ать, два, левой, ширше шаг! — подбадривал роту командир.

Близкий выстрел оглушил Тамбинского. В тот же миг, неестественно скосив голову, командир начал оседать. Крутнул ногами и упал, разбросав руки. Бурая струя крови выползла из-под него, завилыла в неровностях мостовой. Из колонны выскочили трое. Двое подобрали убитого, третий поднял руку:

— Слушай мою команду! Врассыпную, цепью, искать душегуба!

И тут же упал, подкошенный вторым выстрелом.

Стреляли из засады, где-то рядом — это Тамбинский отлично понял. Забыв о боли в сердце, выхватил из кобуры наган, завертел головой, отыскивая убийцу. В ту же секунду почувствовал ожог правого уха, и — вжик — звук рядом пролетевшей пули. Захлопали винтовки у здания комендатуры — вступили в перестрелку постовые красноармейцы.

Тамбинский заметил: человек мелькнул в кустах ближнего палисадника, исчез в глубине двора. Выстрелил вслед. Рассредоточившись, туда бежала, была из винтовок рота самообороны.

Щемило ухо. Размазывая кровь, Тамбинский нащупал небольшую рану — пуля задела кончик хряща. Пустяки. Взошел по ступенькам на крыльцо. В темноватом коридоре свернул в комнату дежурного. Затянутый ремнями, тот при виде начальства припаял руки по швам. Тамбинский, зажимая рану, спросил, много ли задержано террористов.

— Только один, — невесело доложил дежурный.

— При каких обстоятельствах?

— Выстрелом из обрез убил конного вестового, кинулся бежать к Сунже. Нагрянул комендантский разъезд. Убийца швырнул обрез в Сунжу, пытался снова бежать, но его схватили.

— Тертый душегуб, — определил Тамбинский, — избавился от

улик. Веди ко мне, посмотрю, что за птица. Только прежде пере-
вяжи ухо.

Дежурный вскрыл пакет с бинтом, приложил тампон к уху, обмотал голову. Просочилась кровь, расплзлась по бинту темным пятном.

Поубавилась одышка, приступ грудной жабы благополучно проходил. Тамбинский забыл о рецепте в нагрудном кармане.

Дежурный привел в кабинет детину с лохматой бородищей и ушел. Дитина глянул на коменданта наглыми красными глазами, изошренно выругался.

— Фамилия? — Тамбинский положил перед собой на столе карандаш и бланк протокола допроса.

— Еще чего! — ухмыльнулся бородач. Раскаленные его глаза пылали непримиримой злобой, раздувался искривленный, в малиновых прожилках, нос. — Стану я знакомиться с разной тварью!

«Ого! — подумал Тамбинский. — Этот орех будет крепким». И вдруг вспомнил показания Левандовского, что стрелял в него бородастый. В те дни пришлось поинтересоваться всеми бородачами в городе. Наиболее подозрительным показался дюжий, черно-бородый и кривоносый обер-мастер завода Фаниева Трофим Синеоков. Хотя улики для ареста не было, собранные данные говорили, что настроен он крайне антисоветски.

«Он! Этот», — почти не сомневался теперь Тамбинский.

— Трофим Синеоков? — Тамбинский пристально наблюдал, какое впечатление произведут эти слова на арестованного.

Но тот даже бровью не шевельнул. Взгляда не отвел. Силен! А вот глаза его как бы затуманились. И вроде бы чуточку сузились. «Конечно, он!» — совсем утвердился в своем мнении Тамбинский.

— Садись, Синеоков. Ноги небось устали перебегать из засады в засаду...

Синеоков, зажав ноздрю пальцем, высморкался на пол, провел под носом рукавом плисовой рубахи. Но не сел. И не ответил. Даже ухом не повел, будто его не касалось. Стоял, усмехаясь. Кобылился.

— Садись, садись в ногах правды нет. Правда должна быть на языке. Вот и выкладывай правдиво!

Тамбинский говорил неторопливо, давая понять, что у него достаточно крепкие нервы и никакие фокусы не в состоянии поколебать хладнокровия. А у самого бушевала в груди ненависть, с трудом сдерживалось желание растоптать эту мерзкую гадину, загубившую не одну человеческую жизнь.

— Выкладывай, Синеоков: кто тебе платит за убийства?

— Еще чего! Может, скажешь, я Белобоков или Краснобрюхов? Не за того принимаешь! Убийств за собой не признаю!

Переступил с ноги на ногу, постучал по полу носком сапога.

Рожь набрякла киноварью. Кажется, начинал нервничать. Садиться же не желал. Тамбинский повысил голос:

— Не Белобоков и не Краснобрюхов, а именно Синеоков. Сорока шесть лет от роду, обер-мастер завода Фаниева. Рассказывай подробно, по чьему заданию стреляешь в людей? Например, убил сегодня вестового красноармейца...

— Жалко, что не тебя. А надо бы! Вижу, кто-то метил, да не совсем попал...

— Может быть, тебе и жалко, да ведь не удалось. А нам тебя поймать удалось. Объясняй, по чьему приказу покушался на военс-пеца Левандовского? По поручению Малюты, так, что ли? Знаем мы Малюту, тонкогубого, с лицом, как у мертвеца. Ты тоже его хорошо знаешь... И связную Малюты Гурию наверняка знаешь... И другие, такие же, как ты, террористы тебе известны. Вот и рассказывай о каждом, кто они?

Заговорив о Гурии, Тамбинский с сожалением вспомнил, что до сих пор не удалось обезвредить эту помощницу Малюты. Представился как-то удобный случай, но агенты — одноногий Кадуш-кин и однорукий Кочкарев — не смогли ее задержать, хотя и старались: помешала инвалидность. Ускользнула Гурия и с тех пор не попадалась на глаза сотрудникам комендатуры. Вероятно, стала более осторожной.

Задумавшись, только на миг отвлекся Тамбинский от арестованного. И тот решил не упустить момента. Оскалил вдруг собачьи крупные зубы и легко, точно волк, прыгнул к Тамбинскому. Страшно выпучились глаза, исказилось, стало звериным лицо, волосатые пальцы, повиснув над столом, потянулись к горлу коменданта. Тамбинский отчетливо различил длинные, с черной каймой грязи, необрезанные ногти.

Легко бы задушил Синеоков больного коменданта, завладел бы его наганом, убил единственного на все здание дежурного и скрылся, не оказавшись у Тамбинского расстегнутой кобуры. Отпрянув, успел выдернуть наган. Велик был соблазн уложить негодяя наповал. Напрягая волю, сдержался, выстрелил вверх. С потолка посыпалась штукатурка.

Прибежал дежурный. Тамбинский приказал ему жестом, чтобы молчал, не вмешивался. Синеоков вдруг рванул на себе рубаху, разодрал до живота и, выпячивая волосатую грудь, всхлипывая, крикнул сквозь слюни и слезы, комкая слова:

— Стреляй, гад! Стреляй! Все равно ничего не скажу! Слова не выжмешь!

И внезапно успокоился. Отер рукавом рот, оправил бороду, демонстративно отвернул лицо. Из всего этого Тамбинский еще раз сделал вывод, что угадал: перед ним — Трофим Синеоков. Он связан с Малютой, убивает по его заданию, и, конечно, известны ему другие диверсанты и террористы, хотя, возможно, не все. И

надо склонить его, чтобы назвал фамилии и адреса. Не такой уж он, кажется, крепкий!

Тамбинский положил наган ближе — с края приоткрытого ящика стола, подал знак дежурному уйти. Смел со стола ладонью куски штукатурки. Синеоков наконец сел на стул, небрежно, боком к спинке, на Тамбинского глядеть не желал.

— Вот что, Трофим, горько у тебя не душе... Поэтому выкладывай, очищай душу, как на исповеди. И тебе станет легче, и нам спокойнее. Кому еще Малюта давал задание стрелять в спины из укрытий? Только полное признание облегчит твою участь.

Синеоков до посинения прикусил губу.

Долго, до поздней ночи, просидел с ним Тамбинский. Устал смертельно, но ни одного слова не добился.

14

Связным-нарочным. Совершенно секретно.

Чрезвычайному комиссару Юга России Г. К. Орджоникидзе.

Ваше распоряжение о предоставлении Вам сведений относительно положения в Грозном получено. Ниже подробно докладываю.

Силы противника, атакующего Грозный, почти в четыре раза превышают численность защитников города. Несравненно большое преимущество у врагов и в вооружении. Кроме того, непрерывно поступают резервы из станиц Сунженской линии. Однако неоднократно попытки белоказаков прорвать оборону города не имеют успеха. В первый же час боевых действий нам удалось с бронепоезда прямой наводкой из пушек повредить колокольню в станице Грозненской, где был установлен пулемет для обстрела хорошо видимых городских улиц и мостов. Тем самым подавлена выгодная врагу огневая точка. Тот же бронепоезд, курсируя по железнодорожной линии вдоль нефтеперегонных заводов, препятствовал проникновению вражеских войск в данный район, одновременно преграждал путь резервам из сунженских станиц.

В первый день боев нами выведен из строя командующий белогвардейскими войсками в станице Грозненской полковник Поморцев. Упомянутый полковник стрелял из окна собственного дома, расположенного у Граничной улицы, по красным бойцам. Был взят на прицел, метким выстрелом ему раздробило руку.

Умело руководят боевыми операциями краскомы товарищи Маслов, Федоров и Григорян, не уступают многоопытным бичеровским офицерам. Командующий обороной Грозного тов. Н. Гикало появляется на самых трудных участках фронта, лично вступает в бой, своим примером увлекает бойцов. Считаю нужным также довести до Вашего сведения о беззаветной храбрости де-

вушки-чеченки Фатимы Арсановой. Упомянутая тов. Арсанова, являясь сестрой милосердия, не только отважно выносит и выводит раненых с поля боя, но также при случае принимает личное участие в боях, то есть ведет огонь по противнику из винтовки. Бесстрашно оказывает помощь раненым Вера Гикало, родная сестра Н. Гикало.

Городские женщины поголовно записываются в санитарные дружины для помощи раненым и ухода за ними.

Но в результате интенсивной артиллерийской дуэли между конной батареей врага и нашим бронепоездом после неоднократных в него прямых попаданий таковой получил опасные пробиты и вынужден был отойти. Два дня удерживала кварталы домов в районе вокзала железнодорожная дружина, пока семьи рабочих-железнодорожников были эвакуированы. Из-за угрозы вражеского окружения дружина отошла к Сунже на заранее подготовленные позиции.

За неделю боев, с 11 по 18 августа, имея подавляющее превосходство в численности и вооружении, белоказаки отрезали нефтеперегонные заводы и железнодорожный узел, захватили Старые промыслы. Сейчас продолжаются интенсивные боевые действия по всей линии столкновения с противником — от Щебелиновки до кирпичных заводов, то есть фронт представляет собою почти кольцо, не замкнутое белоказаками, на небольшом участке со стороны Чечни. На помощь защитникам города пришла чеченская Красная Армия под командованием Асланбека Шерипова. Она рассредоточилась в районе городских садов и несколько южнее, прикрывает собой расстояние незамкнутого белоказаками кольца. Пополнение данной армии продолжается за счет аульной бедноты.

Особенно жестокие бои идут в непосредственной близости к противнику на Граничной улице. Здесь почти не прекращаются лобовые атаки и рукопашные схватки.

Все атаки белоказачков стойко отражаются, дальше вышеупомянутых рубежей противник не продвинулся ни на шаг.

Все же следует иметь в виду, что положение в Грозном крайне тяжелое. Расход боеприпасов настолько большой, что местные заводы далеко не в состоянии удовлетворить потребность. Фактически боеприпасы на исходе. Бронеавтомобили дожигают последний бензин. Заканчиваются запасы продовольствия. Нет керосина, жители освещают дома лучинами.

Но грозненцы полны решимости до последней капли крови отстаивать завоевания Великой Октябрьской пролетарской революции, до последнего патрона биться с оголтелыми бандами Бичерахова.

Комиссар военного отдела Грозненского Совдепа
И. Сафонов.

Большой группой шли бедняки из аула Терк-Юрт, тревожили ногами горячую дорожную пыль. Поднимаясь, она липла к грубой сыromятной обуви — мачам. Шли молча. Прислушивались к шелесту кукурузных стеблей на полях и звонким, как струны пондара, песням цикад. Шли в бой. Дома остались семьи, каждый думал о своем.

Узнав о нападении Бичерахова на Грозный, Дуда Хаттуев наказал жене убрать с поля кукурузу, отыскал два крепких хурджина. В один насыпал патронов, в другой положил чурек и сушеный бараний курдюк. Винтовку повесил на одно плечо, связанные хурджины — на другое. Обнял жену, приласкал ребятишек. Вытер им своей шершавой ладонью слезы и, низкорослый, незаметный, отправился к мечети, где был условлен сбор. Односельчане, имеющие мало-мальски подходящих коней, давно усаkali по-полнять ряды защитников города, а безлошадные отправились пешком.

Дуда тоже имел лошадь. Но воевать на ней, полуслепой, с бельмами на глазах, с больными ногами, было невозможно.

Молча поднялись на Терский хребет. Спугнули с дикой скалы одинокого орла. Присели отдохнуть. Внизу виднелся Грозный: белые точки домов, черно-оранжевое пламя новопромысловского пожарища. Перекусили. Орел долго кружил спиралями над людьми, потревожившими его покой. Дуда почему-то вспомнил русского кунака из Грозного Сергея Званцева, которого второй раз, теперь уже с девушкой, переправил на ту сторону Терека, к проклятому Бичераху, и подумал: жив ли он, этот пришедшийся по душе русский?

Солнце начало косо сползать к западу. Снова тронулись в путь. Едва спустились на равнину, из придорожной рощицы вымчались казаки. Сорок пять жителей аула Терк-Юрт мгновенно были окружены двадцатью свирепыми всадниками на быстрых откормленных конях. По знаку молодеца того приказного казаки обнажили шашки, приблизили коней к окруженным. Кони сдавливали людей крутыми потными грудями, горячо дыша, роняли слюну на головы в лохматых шапках.

— Кто такие? — грозно спросил приказной, подбоченясь, выставив редкостно красивую плеть с серебряными насечками по рукоятке.

Горцы молчали. Они попали в руки врагов глупо и безнадежно. Ну почему бы, подходя к городу, не проявить осторожность, не выслать вперед дозорных? И держать винтовки наготове? Тогда можно было бы принять бой... А теперь? Низко опустили головы.

— Кто такие? — повторил приказной и сам нетерпеливо обнажил шашку.

— Чего с ними чухаться? — отозвался верзила с проваленным носом. — Не видишь, что ли, чеченская баранта... Супротив нас, не иначе, бредут воевать...

Его поддержал обросший рыжей щетиной, с двумя георгиевскими крестами на бешмете:

— Давай команду, приказной, посечем с богом бусурманов — да и все тут! Руки небось свербят по делу.

— Обожди, — не согласился приказной, чечены тоже разные бывают, надо разобраться.

«Да, вот именно, чеченцы разные бывают!» — мысленно согласился с ним Дуда. Его осенило обмануть казаков.

Станичники от нетерпения играли шашками. Так поигрывают ножами мясники перед убоим скота.

— Алды — наша! — вдруг поднял к приказному свое жилистое горбоносое лицо Дуда. Ткнул себя в грудь пальцем, обвел рукой остальных односельчан, произнес как можно выразительнее: — Алды — наша! Идет Алды... Все наша идет Алды. Воевай идет... — Он прищурил глаз, согнул указательный палец, будто нажимал курок. — Балшавик будим бей! Стреляй будим! Балшавик башка далой... Ибрагим Чуликов — наша!

— Ха-ха, — весело хохотнул приказной. — Панят-на! В Алды идут воевать против большевиков. Куда денешься — Ибрагим Чуликов наш союзник. Панят-на! — Он горделиво глянул на подчиненных. — Говорю, чечены тоже разные бывают! — Сунул шашку в ножны. — Поворачивай с богом!

— Бичерах наша привет атдай, — добавил для надежности Дуда.

Пришпорив коней, казаки умчались к рощице, своей засаде. Дорога, вильнув полукругом, врезалась в зубчатую зеленую лес и раздвоилась. Дуда посмотрел на ответвление вправо и сплюнул: это была дорога на Алды. Повернули налево, к Чечен-Юрту, где должен быть центральный распределительный пункт.

Недалеко от Чечен-Юрта белели на плешивой опушке палатки. Сюда реками стекался вооруженный народ, конный и пеший. Здесь уже различался орудейный гул. Добровольцев встречал заместитель командующего чеченской Красной Армией Абу-Решид Ясаев. Высокий, в генеральской папахе, он то и дело поправлял кобуру револьвера на черкеске и бегал, бегал...

Бегая, записывал фамилии, разбивал на группы, назначал старших. Потом махал рукой в одну сторону — это значило: конные должны следовать к городским садам, махал в другую — пешие направлялись к южной окраине города, на пункт формирования у сунженского моста. С целью предосторожности люди пробирались к Грозному группами не более пяти-шести человек.

Дуда с группой подходил к городу вечером. За ключьями дыма припадало к дальнему взгорью солнце. Город мутно распластался в сиреновом тумане. Плыл раскатистый гул канонады.

Барabanом прогремел под ногами деревянный настил моста. Разный люд толпился в бурьянах обширного пустыря у Сунжи. Дуду ошарашил многоязычный говор русских, украинцев, чеченцев, ингушей, армян, горских евреев, татар, китайцев... Все, кто желал защищать Советскую власть, назначались здесь в подразделения, получали право занимать окопы. Многие прикрепили к пиджакам и фуражкам красные ленточки.

Доложив начальнику в фуражке с красной звездочкой о прибытии, Дуда присел в сторонке, развязал хурджин и поужинал. Поблизости прохаживался с берданкой на плече тощий человек в стоптанных ичигах и дырявой шапчонке.

— Нохчи ву? — окликнул его Дуда по-чеченски: — Ты — чеченец?

— Нохчи вац, урус ву, — ответил тоже по-чеченски тощий: — Нет, я не чеченец, а русский.

— Валлах-биллах, ты казак! — догадался Дуда и встал.

— Казак, — признался тот.

— Слушай, казак, — удивился Дуда, — твой места — станица... Зачем здесь?

— Удрал на эту сторону, перебежчик я, — казак передернул плечами.

— Оо-е! — Дуда недоверчиво покосился на перебежчика. — Драл да? Как эта — казак брасай станица? Казак рабочих бей, чечена бей, стреляй в них делай! А ты бежал? Эт как?

Но казака окликнул начальник со звездочкой на фуражке, и тот ушел. Долго еще покачивал головой Дуда, не веря, что казак способен убежать из станицы и воевать против своих.

Выкликнули Дуду.

Через полчаса он стоял в окопе на Граничной улице. В артиллерийском гуле плавилась винтовочные выстрелы, таяли пулеметные очереди. Дуда с удивлением рассмотрел рядом тощего казака-перебежчика, того самого, с которым недавно разговаривал на пустыре.

— Эгей, казак, драстуй! — окликнул Дуда. — Теперь ты мой сосед, скажи свой имя, будишь кунак, друг будишь...

— Василь меня зовут, — ответил казак, перезаряжая берданку. — Василь Дубков.

— Тогда и со мной знакомься, я тоже твой сосед и хочу быть кунаком-другом, так нам воевать легче.

Дуда обернулся, рассмотрел рабочего с взлохмаченными усами. Он только что выстрелил из винтовки, клацнув затвором, выбросил гильзу.

— Давай будим кунак, — согласился Дуда, назвал себя и спросил: — А ты кто ему есть?

— Дмитрий Добров, — ответил усач.

Дуда кивнул, выставил из окопа винтовку. Поймал на мушку врага по ту сторону улицы, неосторожно высунувшего из укрытия голову...

2

В окопах становилось теснее. Шли и шли к позициям люди. Только не все добирались к линии фронта — многие гибли, не успев сделать по врагу даже одного выстрела.

Добровольцев, затаившись, подстерегали террористы, убивали в спину.

С наслаждением целился из карабина, хладнокровно спускал курок, метко убивал жирнолицый Аким Хрящев.

Он удобно устроился в темноте сырого, пропахшего плесенью подвала полуразваленного пушечным снарядом дома. Присел на какой-то ящик, уставился глазами в маленькое окошечко с выбитыми стеклами. Карабин в руках наготове. Вон вдоль серого штатетника идет рабочий в полинялой блузе. Голову держит высоко, гордо. А к груди прицепил красный бант. Не иначе, доброволец! Высунул Хрящев в окошко ствол, соединил мушку с прорезью прицела...

— На тебе!

Тявкнул выстрел. На полушаге припал на колено рабочий. Поклонился земле и замер. Довольная улыбка кривит рот Хрящева: еще на одного уменьшилась сила красных. А вот вышагивает по середине улицы группа добровольцев-самооборонщиков, человек двадцать. Кого только нет: белобрысые русские, рослые украинцы, смуглые чеченцы, узкоглазые татары, тщедушные горские евреи... Стараются соблюдать строй, но не получается, не все попадают в ногу, ломают ряды... Тоже мне вояки! А ихний командир, что шагает сбоку в кожаной тужурке, не иначе, большевик!

— И тебе — на!

Тот упал. Затих. Вертят головами самооборонщики — откуда выстрелы? Выскочил из строя, нашелся герой:

— Слушай мою команду!

— И тебе — на!

И этот скрутился. А теперь — не мешкать, пока не поймали. Дверь вот она — рядом, предусмотрительно распахнута раньше. Бросок в конец двора, прыжок через забор. Тут и Сунжа, крутой спуск к воде. Бегом, бегом, бегом... Прибрежный песок скрипит под ботинками, стучит галька. Где-то сзади частят выстрелы. Может быть, они предназначены ему, Хрящеву? Затихают постепенно. Крутой поворот Сунжи... Переулок. Улица. Теперь не

страшно, миновало... Картуз — набекрень, папиросу — в зубы. Карабин пристегнут к поясному ремню, сверху — старенькое летнее пальто. На пальто — красный бант. Кто подумает, что не большевик?..

Идет по городу Хрящев, присматривается. Снова ищет удобное укрытие. А не подойдет ли этот дом? Не жилой, вроде, высокий, с черепичной крышей. Заглянул осторожно, приоткрыв калитку. Пустой двор порос молодой травкой. Хозяев не видно. Удрали, должно быть, от войны. Три ступеньки к открытой веранде. Оттуда крутая лестница на чердак...

На чердаке темновато, душно, пахнет летучими мышами. Вот и они свесились головами вниз с перекладин, спят, распутив крылья. Надавил снизу на черепицу, приподнял, сдвинул. Хорошо видно: улица, высокий частокол на той стороне. Сдвинул черепицу в другой части крыши: край двора, совсем рядом стог сена, сразу за ним — тесовый забор, сад... Сюда и убежать! Сдвинул еще несколько черепиц, предусмотрительно расширив отверстие, чтобы легче выскочить.

Зорко смотрит Хрящев в дыру в черепичной крыше. Ласкает ладонью еще не остывший ствол карабина. И думает. Все идет так, как сказал тогда Малюта: казачье правительство, война большевикам, многотысячное войско вокруг Грозного... Разве не ясно, что город вот-вот падет! Теперь уже определенно быть Хрящеву человеком: иметь свое поместье, держать управляющего, наемных рабочих... Не «вонючий трудовой крестьянин», как метко выразился Малюта, а помещик... Помещиком будет Аким Хрящев! Ваше сиятельство! Поэтому надо стрелять, бить, уничтожать...

Вон скачет вдоль частокола, пригибаясь к шее коня, красноармеец. Не иначе, вестовой.

— Получай!

Вывернулись из-за угла патрульные. Двое.

— Получайте!

...Помещик... А кроме того — при ордене! Разве не заслужил ордена Хрящев? Вон сколько малютовских заданий выполнил! И Синеоков орден получит! И другие. Всех учтет, никого не забудет после взятия Грозного терский правитель Бичерахов!

Кто это бредет у частокола? В пенсне, с портфелем... Похоже, большевик!

— Вот тебе!

Пока хватит, а то могут поймать. Кинулся, вспугнув летучих мышей, в противоположный конец чердака. Нырнул в подготовленную дыру. По крыше — брюхом вниз, ногами вперед — точно с ледяной горки. Прыжок на стог сена, потом на тесовый забор — и в сад. Пристегнул карабин к поясному ремню, поправил красный бант на пальто. Адью, ищите ветра в поле, иголку в сене, или как там хотите...

Минут через пятнадцать заскрипела под ногами крутая лестница на чердак. На чердаке под дырами черепичной крыши появился с револьвером в руке прихрамывающий Званцев. Следом — шербатый красноармеец с винтовкой наготове. Успокаиваясь, попискивали испуганные было мыши.

— Удрал, гад! — Званцев рассмотрел в чердачном мусоре стреляные гильзы. Просунув голову в дыру, увидел край двора, стог, забор. — Бегом! — крикнул шербату красноармейцу. — Передай: окружить сад!

И сам торопливо, насколько позволяла заживающая нога, спустился во двор, приблизился к привязанному у акации коню. Пять верховых красноармейцев, наставив винтовки в сад, уже скакали вокруг него.

Обошли, осмотрели, обыскали сад. Объехали потом пустырь. Нет, не нашли террориста. Званцев печально вздыхал: хотя и порядочно уже выловили в городе убийц, но, по всему видно, много еще и осталось...

Сколько уже суток шли бои на Граничной улице? Никто из тех, что воевал там, не мог сосчитать их, запомнить. Не замечали бойцы ни восхода, ни захода солнца. Непрерывные атаки и контратаки, рукопашные схватки, стрельба, кровь, мертвые тела, пороховой дым и дым пожаров, визг пуль, взрывы гранат и скрежет осколков — все смешалось в одно сплошное страшное побоище.

Стремясь любой ценой захватить город, бичераховские казаки, храбрые, дисциплинированные, понимая офицеров с полуслова, с полувзмаха руки, лезли и лезли под пули и штыки, безжалостно уничтожали защитников города и тут же гибли сами.

Гибли, отставная Советскую власть, горожане. Гибли, но не сдавались. Это был дьявольский натиск непреодолимого упорства, самоотверженности, дерзкой смелости, неистового желания победить.

В равной степени упорствовало желание победить и с той, и с другой стороны.

Но силы неравные.

Это казалось невероятным: капля не уступает потоку. Но это было так!

Станичников меняли. Уставших выводили на отдых, в бой бросались свежие силы. Они накатывались на город новой волной, жутким девятым валом. И в конце концов таяли, словно разбивались о гранитные скалы.

Уставших горожан нечем было заменить. И они, негибкие, сдерживали атаку за атакой.

Чередовались сутки, они сгорали, словно угли в раскаленной топке, а линию фронта не прорвала ни та, ни другая сторона.

И обе стороны считали, что прорвать линию фронта возможно только на Граничной улице. Считали, потому что в других местах — естественное препятствие — Сунжа, а тут противников отделял лишь узкий бульвар с чахлыми акациями. Здесь и сосредоточили главные силы станичники и горожане. Здесь бились в лоб, шли напролом, лезли вруклопашную...

...Которую уже атаку отбила рота краскома Маслова? Юный, с мальчишеским лицом, синеглазый Маслов не чувствовал, как сбило пулей фуражку, как появились на лице ссадины и кровоподтеки, что соленая от пота гимнастерка, выбившаяся из-под пояса, уже прострелена, что из ноги, поцарапанной выше колена осколком гранаты, сочится кровь... Не помнил себя Маслов. Он лишь различал бегущие, прыгающие, оружие черескни и бешметы, потные распаренные лица, плоские шапки над бритыми лбами, всклокоченные бороды и взлохмаченные усы, дула винтовок и зеркальный блеск кинжалов. И он стрелял в них, тщательно целясь, то лежа под забором, то с колена из-за телеграфного столба, то на бегу, идя в контратаку, увлекая за собой роту хриплым «ура!» Выстрелов он не слышал, он уже привык к ним, как привыкают к шелесту листьев, плеску реки, шуму дождя...

И снова казачья атака: безжалостный напор штыков и кинжалов, кровь, злая брань, трупы... В сознании мелькает догадка: цель атаки — захватить Пушкинский сквер. Нет, нет, Пушкинский сквер — ни в коем случае! Это выход в город, это заход с тыла, окружение, захват Грозного...

— За мной, ур-ра!..

Щетка красноармейских штыков. Густой топот ног. Пятна напряженных лиц... Дрогнули белогвардейцы!

— За мной! Ур-ра-а-а!..

— ...ра-а-а-а!..

Отбита атака. Но уже назревает другая. Пушкинский сквер притягивает казаков точно магнитом. И снова ведет Маслов роту в контратаку...

Сошлись. Сцепились...

Удар потряс Маслова, опрокинул, стукнул головой о землю. Теряя сознание, на какую-то секунду почувствовал он саднящую боль во всем теле. В глазах мелькнула хрупкая чернявенькая девушка с красным крестом на косынке — Фатима Арсанова. Подбежала другая, скуластенькая, — Вера Гикало. Сестры милосердия... Они тащат его волоком в сторону от боя. Потом звенящая фиолетовая пустота...

Нападают казаки, теснят красноармейцев...

— Слушай мою команду! — сиплый голос комиссара Сафонова.

Он черный, как уголь, и седой, как снег. Кровь из рассеченной щеки пачкает белую небритую щетину. Сверкают красные воспаленные глаза, кровоточат разбитые зубы:

— Не пятиться, ребята! Не позорься ж, понимаешь, перед конторой, бей ее, так-перетак! Бей!

Уже не было сил сопротивляться, уже не чуяли себя, отказывали красноармейские руки и ноги. Но бодрил голос комиссара, и опять билось у каждого в сознании: «Нельзя отступать, нельзя!» И в который раз собирались, казалось, уже последние силы. Сжимались в комок нервы. И снова натягивались мускулы.

Но как бы ни было, а не равны силы сторон. С каждой минутой интенсивнее натиск бичераховцев. Всему есть предел. Дрогнули красноармейцы. И начали отходить. Медленно, яростно отбиваясь, оставляя шаг за шагом обильно политую кровью Граничную улицу...

Не мог смотреть на это спокойно Дмитрий Добров. Он был на левом фланге Граничной улицы. Вместе с ним — многие штатские люди разных национальностей, пришедшие сюда, на самый главный участок фронта. Сколько раз порывался Добров выскочить из окопа, увлечь за собой других и ринуться туда, в слабеющие ряды красноармейцев, которых уже не мог сдержать комиссар Сафонов. И только благоразумие останавливало Доброва: поможешь правому флангу, — значит, оголится левый, тогда прорвут фронт здесь.

Но красноармейцы явно отступали. Напор казаков рос. Еще шаг, два... Еще несколько минут... И тогда с силой спущенной пружины устремятся враги в зев прорыва... Пушкинский сквер послужит отличным плацдармом... И это станет началом неминуемого конца.

В ту трудную минуту увидел Добров бегущего по окопам Гикало. Командующий высоко поднял над собой маузер. Чугунное лицо и обострившиеся скулы, стиснуты зубы и блестят очки. Под очками черные круги глаз. Заметил Доброва:

— Половину бойцов — за мной! — Взмахнул маузером и выпрыгнул из окопа на правом фланге, где, слабо отстреливаясь, пятились красноармейцы: — Ни шагу назад! За спасение революции, за Ленина! — И разрядил маузер в первую шеренгу наступавших.

Добров, за ним несколько десятков бойцов, в упор расстреливая бичераховцев, приближались к командующему, обходили казаков слева.

— Гикало! Гикало! — освежающим ветром прошуршало в красноармейских рядах. — Командарм с нами!

По сигналу Гикало красноармейцы обходили казаков и справа. Станичники дрогнули.

— Вперед, за мной! — Гикало, размахивая пустым маузером, лез в самое пекло боя. — Бей контру! Вот так, вот так, не давай пощады!

— Бей, коли, вгоняй штык в пузо, так-перетак, — хрипел Сафонов.

...Поредели красноармейские ряды. Уменьшилась группа Доброва, ставшего теперь как-то само собой командиром многонационального отряда. Не тают ряды казаков. Бросаются в бой новые силы, и война продолжается...

Сколько уже бьются с врагами Дмитрий Добров и Дуда Хаттуев, Василь Дубков и сам Гикало, комиссар Сафонов и адъютант командарма Ястребов и все остальные на Граничной? Потерян счет времени. Отекли ноги, онемели руки. Задымились лица. Только белыми полосками выделяются зубы. Блестят глаза. Они блестят особым, непримиримым пламенем, какое появляется только в горячке боя.

Солнце утомилось смотреть на все это. Растерзанное и взлохмаченное сгустками дыма, набухшее, окровавленное, оно уже в какой раз обшаривает косматыми лучами край города, ищет себе на ночь покой...

Но нет покоя красным бойцам.

Вот глухо ахнула копытами, вырвавшись из Тенгинской улицы к Граничной, казачья кавалерия, брызнула молниями клинков. Вздывив коней, накатывалась лавиной. Харкнули огнем пулеметы красных и принялись выкашивать кавалеристов свинцовыми струями. Первым упал под смертельный град копыт скакавший впереди brave сотник. Он вмиг превратился в кровавое месиво. С диким ржаньем опрокидывались лошади, давили всадников. На них валялись другие. Смешались людские головы и конские хвосты, клинки и седла, шапки и погоны. Смялась, не выдержав, повернула обратно конная сотня, поливаемая вслед из пулеметов.

— Прекратить огонь!

Снова дробь копыт.

— Вурро!

Всадник в каракулевой шапке и белой рубашке с пятнами пота на спине птицей летит впереди. Не отстают от него конники в лохматых шапках.

— Конница Асланбека! — передается по рядам красных.

Шерипов догоняет бичераховскую кавалерию, подавшись вперед, тянется клинком, крестит направо-налево, рубит, рубит, рубит... Секут бичераховскую конницу чеченские кавалеристы. Свистят клинки. Вскрикивают умирающие. Ржут, храпят кони. Несутся короткие, как перекличка, боевые возгласы:

— Гей-гей, нохчи!

— Марж дунэ!

— Хайт!

— Хайт-вайт!

Вовремя подоспел Асланбек. Дал вздохнуть смертельно уставшим бойцам.

Стоят насмерть, крепятся, не сдаются, сдерживают врага красные герои на Граничной улице.

5

Конец Граничной улицы упирался в красноармейские казармы. Удивительно: тут стояло затишье.

В первые дни, правда, казаки пытались взять казармы штурмом. Но всякая попытка отбивалась. Сами казармы с крепкими каменными стенами служили хорошей преградой. Окончательно потеряв надежду овладеть этим участком, станичники отошли, сосредоточив силы на Граничной улице. И пулеметчиков красные из казарм перебросили на ту же Граничную. Теперь красноармейцы, занимавшие позиции в казармах, можно сказать, отдыхали.

Помощник командира роты Маклаков, позевывая, глядел в окно. Стекла были выбиты пулями, на подоконнике валялись осколки. Они хрустели под ногами и на полу. Перед казармами виднелся пустырь, однообразие которого нарушали лишь два стога сена. Вокруг разросся бурьян. Сейчас он лежал вповал, свидетельствуя о недавних атаках бичераховцев.

Ни одной живой души на пустыре. Где-то рвался воздух от выстрелов, тяжело, как молот, бухала артиллерия. А здесь — умильная неподвижность бурьяна, синие тени тополей вдали и огромные клубы облаков, что застилали утреннее солнце.

Маклаков потянулся, почесал мизинцем остренький носик, поскреб пятерней выпуклый лоб. Шагнул по казарме. Бойцы, томясь от безделья, сидели на голых койках. Винтовки у кого на коленях, а кто поставил у спинки кровати. Некоторые прилегли, трое спали, скрестив руки на груди, сладко всхрапывая.

— Ску-ука... — зевнул Маклаков.

— Да уж лучше скука, чем ад на Граничной, — отозвался, скручивая сигарку, большеухий боец.

— Тут такого не будет! — махнул рукой Маклаков. — Все силы противника на Граничной!

— Боязно, — поежился большеухий, — выставить бы все-таки охранение...

— И так все видно через окно, каждый бурьян на пустыре различается. Заметим небось, ежели что...

— Война... Все может быть...

— Паникуешь? — сердито взглянул на него Маклаков. — Прекрати!

— А почему это «прекрати»? — поднялся с койки давно не бритый, густо обросший волосами, дюжий красноармеец. — Что мы есть такое против казаков? Вот-вот задушат нас!

Заговорило сразу несколько человек:

— Правда! У них — силища, а у нас — силенка...

— Они патронов не жалеют, а мы за каждый патрончик дрожим.

— Жрут от пуза, а мы голодные, как собаки!

— Не положено так рассуждать! — прикрикнул Маклаков. — Надо говорить: «Мы победим!»

— Заткнулся бы ты, «победитель!» — пробасил небритый. Выпятил широкую грудь, подступил к Маклакову. — Кто тут тебя признает? Молчали до поры до времени, а теперь все равно скоро гибнуть, так мы тебя первого раздавим, как вошь!

— Ну, ну, не перебарщивай, — вступился за Маклакова большеухий, — нельзя так с командиром.

— Какой из него командир? — свирепел небритый. — Портянка невытая!

— Товарищ командир, — наставлял большеухий, — а охранение все-таки положено выставить.

— Вот вы и пойдете в охранение, раз положено, — ты и ты! — Маклаков ткнул пальцем в большеухого, затем — в небритого.

— А этого не хотел?! — показал небритый на срамное место.

— Трусись? — прищурился Маклаков.

— Слушай, ты! — взревел небритый, хватаясь за винтовку. — А ну марш вон в тот угол! И не дыши, а то я тебе башку прикладом расколю.

— Хватит вам! — слышалось со всех сторон. — Прекрати, командир, и так тошно.

Не сопротивляясь больше, безвольно опустив голову, побрел Маклаков в угол, присел на краю койки. Низко опустил голову, зажал ее ладонями. Поморгал... Таилась в казарме неловкая тишина, нарушаемая лишь покашливанием да тяжелыми вздохами бойцов.

А тем временем отяжелели, приобрели черный цвет облака. Высекли молнию. Пророкотал гром. И вот с ожесточением обрушился шумными потоками дождь. В казарму хлынула прохлада.

Очнувшись, Маклаков поднял глаза, расстегнул гимнастерку. Грудь обласкало освежающей струей. Смутным беспокойством защемило сердце. Встал, прошелся, взглянул в окно. Дождь бил по земле тугими струями, плескался, вспенивал лужи. Но что это?.. Маклаков вздрогнул, увидев людей...

Их было много. Они ползли по пустырю, как черви, вжимаясь в землю, стараясь маскироваться полеглым бурьяном. Все в добротных прорезиненных плащах, офицерские кокарды белели на

шапках, выбивающихся из-под капюшонов. Катили перед собой станковые пулеметы.

Офицерский отряд окружал казармы.

— К бою! — дико заорал Маклаков.

Выдернул из кобуры револьвер, бросился к двери. В монотонный шум дождя врезался дробный стук пулеметов. Выпячивая винтовки, бежали за Маклаковым бойцы.

Но уже смыкалось кольцо офицерского окружения.

Красноармейцы ударили из винтовок в туманную пелену дождя. Не целясь, куда попало садил из нагана Маклаков. Увлекая за собой бойцов, он ринулся в глубину приказарменного двора. Здесь залегли вдоль забора.

Но офицерский отряд, без труда овладев казармами, рванулся в глубину двора. Поднялся в это время во весь рост дюжий небритый красноармеец. Широко расставив руки, вскинул над собой винтовку и, тут же бросив ее, не опуская рук, побежал навстречу офицерской цепи. Офицеры прекратили стрельбу. Прицелился в спину небритому большеухий боец, спустил курок. На миг остановился небритый, попятился, шатаясь. И брякнулся тяжело спиной о землю, раскинув руки. Всплеснулась вокруг труп жидкая грязь.

Офицеры, стреляя залпами, неумолимо приближались. Не выдержав натиска, красноармейцы прыгали через забор, разбегались по улице.

Маклакова уже никто не видел.

6

Рана, полученная командиром роты Масловым в бою на Граничной, оказалась нестрашной. Пуля, прострелив левую руку, обошла локтя, не задела кости. И упал он тогда не столько от ранения, сколько от полной потери сил. Полежав в госпитале и почувствовав себя способным двигаться, категорически потребовал, чтобы его выписали. Оделся, попрощался и ушел.

Лил дождь. Шинелишка сразу промокла. В дырявых сапогах хлюпала вода. Маслов быстро шагал к Граничной улице. Он был еще слаб, еще болела рука на перевязи. И было пухлым серо-бледное его мальчишеское лицо, на котором ярко выделялись синие глаза. По пути решил заглянуть в казармы, где часть бойцов его подразделения занимала оборону под командованием помкомроты Маклакова.

Свернув в переулок, встретил комиссара Сафонова с лицом, залепленным кусками бинтов. Поздоровались.

— Иду, понимаешь, Маклакова проверить, — сказал комиссар.

Он давно собирался выбраться в казармы, посмотреть, как там ведет себя не очень надежный командир Маклаков, которого

когда-то сам защищал, но впоследствии понял, что ошибочно. Собирался, да никак не мог выбраться из ада на Граничной улице. А теперь вот выбрался наконец — душа изболелась из-за этого Маклакова.

— Что там, комиссар, в штабе происходит? Отступить, говорят, будем? — Маслов пристально посмотрел на Сафонова.

— Что? — рявкнул комиссар. — Ты мне, понимаешь, панику не разводи, а то я тебя быстро — под трибунал!

— Это уж ты штабных — под трибунал. Я-то при чем?

И тут они услышали близкую пулеметную стрельбу. Догадались, что у казарм—бой, и заспешили. Свернули за угол и увидели бегущих красноармейцев.

— Эх, опоздал, видно! — Сафонов скомкал на голове фуражку и скрипнул зубами. Поймал за полу шинели первого попавшегося красноармейца: — В чем дело?

Тот, задыхаясь, рассказал. Сафонов выстрелил из револьвера вверх, чтобы привлечь к себе внимание убегающих. Собрав в слова всю силу, крикнул:

— Стой! Ни с места!

Некоторые, узнав комиссара, остановились. Тем, кто все еще бежал, устремился наперерез Маслов:

— Именем революции: назад! — Схватил самого прыткого бледного от страха паникера, тряхнул, разорвав на нем гимнастерку: — Назад! — Ткнул другого револьвером в грудь: — Назад!

Запыхавшиеся красноармейцы (с винтовками, слава богу!) окружили командира и комиссара.

— К бою! — скомандовал Маслов.

О том, чтобы выбить офицерский отряд из казарм, и думать было нечего. Удалось бы хоть как-нибудь сдержать. Маслов остался с группой прикрытия, а Сафонов отвел остальных к заводу «Молот». Заняли оборону за заводским забором — отступить дальше означало отдать немалую часть города. Офицерский отряд, прикрываясь кустами, канавами и кучами металлического хлама, залег напротив, вдоль забора. Сафонов побежал по цехам. Офицерские пулеметы, изрешетив деревянный забор, теперь крошили его, превращая в щепки. Красноармейцы, экономя патроны, стреляли в крайнем случае. Из закопченных заводских цехов ползли, маскируясь, рабочие с охотничьими ружьями, изредка — с винтовками. Ложились рядом с красноармейцами, целились в офицеров.

А дождь лил. Рабочие и красноармейцы дрожали от холода. Кончались патроны... Особенно жестоко строчил офицерский пулемет справа. Его сумели подтащить совсем близко к линии красных, надежно замаскировали в канаве с кустами дикой смородины. Он бил почти в упор, не позволял поднять головы. К Маслову подполз щуплый заводской обер-мастер Ионыч. Почесав голубые завитушки волос на небритых щеках, кивнул в сторону пулемета:

— Не дает, куси ево мать, жизни... А что, если я ево подавлю?

— Каким образом?

— С тылу ево... Может, и удастся... А может, как сказать, и не удастся... Испыток не убыток...

Ионыч дружески подмигнул Маслову и Сафонову, не спрашивая у них разрешения, втиснулся в пролом забора и пополз, спрятанный толстым разбухшим от дождя бурьяном. Он разросся широко, и по нему приближался к канаве, к кустам дикой смородины, к пулемету Ионыч. Полз тяжело, трудно дыша (немолодой ведь!), ввинчиваясь в грязь. Усиленно работал локтями и коленями. Перед собой выставил винтовку, заряженную последней обоймой патронов. Потоки дождя обливали его, хлестала вода с бурьяна. Но жирно замазученная одежда Ионыча не пропускала влагу.

Сделав порядочный круг, Ионыч подползал к пулеметному расчету сзади. Различались капюшоны офицерских плащей, зеленатый щит пулемета под навесом мокрых смородинных кустов.

Двигаться дальше было опасно. Тихо навел винтовку на капюшон. Очевидно, почувствовав постороннего, офицер оглянулся. Ионыч, не дав ему опомниться, выстрелил в упор. Тут же покончил с другим. Не мешкая, рванулся, насколько позволяли силы, вперед, круто развернул пулемет, ударил по белогвардейцам длинной очередью. Это была удача. Ошеломленные неожиданным шквалом пуль, офицеры поползли назад.

Дождь медленно утихал. Рваные клочья тумана цеплялись за крыши цехов. Выглянуло солнце, обогрело бойцов. Ионычу помогли прикатить пулемет, принесли несколько цинковых коробок с патронами. Пользуясь затишьем, красноармейцы и рабочие укрепили линию обороны баррикадами, окопались, устроили пулеметное гнездо.

— А где Маклаков? — спохватился Маслов.

— В плен сдался, — шмыгнул носом большеухий боец. — Предатель, должно, вот и сдался. Я одного такого — в спину... А этого не заметил...

Маслов покачал головой. Сафонов крепко выругался.

К вечеру пушечные снаряды с воем разрезали воздух над заводом. Они рвались в заводском дворе, разбивали также корпуса мебельной фабрики, что примыкала к «Молоту». Рушили расположенную вблизи городскую больницу.

Отдохнув, получив подкрепление, офицерский отряд снова пошел в наступление. В течение часа белогвардейцы захватили мебельную фабрику и городскую больницу. «Молот» держался.

Ночью расплылся по городу тяжелый удушливый запах. Взбухла, покрылась радужной пленкой Сунжа. И вдруг, сотрясая воздух, река вспыхнула. Брызнули во все стороны ослепительные искры, взметнулось бушующее пламя. Извиваясь между берегами, двинулась через весь город страшная громада огня. Горели по берегам

дворы, деревья, лесопилки, склады, выгорали травы, пылали все деревянные мосты. Вскоре река закипела, всплыла разваренная рыба. Пар и дым заволокли город, всюду метались огненные отблески.

Это сотни тысяч пудов бензина, керосина, масла, мазута выпустили казаки из резервуаров нефтеперегонных заводов в Сунжу и подожгли. Через несколько минут они подожгли мебельную фабрику. Огонь вздыбился над множеством штабелей отменного теса. Оглушительно рвался фабричный склад с бутылками лака, политуры, и древесного спирта. Пожар переметнулся к городской больнице. Запылали дощатые холерные бараки, разные больничные пристройки. Дунул с севера ветер, швырнул огонь на соседние кварталы. Буйно разрасталось огромное пожарище...

Кто-то, чтобы взвинтить нервы горожанам, ударил на церковной колокольне в набат. Кто-то на «Молоте» потянул шнурок заводского гудка. Он взвыл басовито и тревожно.

Стар и млад выскочили из домов на улицы. Море огня заливало город. Казалось, горит все: земля, воздух, небо, что нет спасения от этого ужаса и наступил конец света. Женщины и старики крестились, цепenea от страха. Какие-то люди бегали по городу, подбывая на переполох, истощно орали:

— Очищайте свои души, братья и сестры, наступило светопреставление, не сопротивляйтесь казакам!..

В Грозном, страшнее пожара, вспыхнула паника.

Разведав боем слабое место в районе казарм, бичераховцы подтянули резервы, создали в городе панику и теперь старались развить наступление.

Покинув Граничную улицу, прибежал, в окружении вестовых, на этот участок Гикало. Приказал пересбросить сюда отступивший накануне со Старых промыслов Пролетбат — батальон нефтяных рабочих, и несколько расчетов из пулеметной команды.

Пролетбат отбил два штурма белогвардейцев. Третьего не выдержал: иссякли патроны. Казаки заняли городскую электростанцию и запалили ее. Кончились патроны у красноармейцев Маслова и пулеметчиков. Пустые пулеметы оттащили подальше в тыл. Швырнули последние гранаты. Кидали, поджигая, заготовленные заранее бутылки с древесным спиртом. Отбивались врукопашную.

Тогда Гикало, сняв с бронепоезда всю команду, бросил ее в контратаку. Подтянул также железнодорожную дружину, почти оголив тем самым левый фланг у Шебелиновки. Сосредоточил здесь роту Еврейской слободки, китайскую роту и все до единого броневые автомобили...

В бушующем огне пожарища бой длился до конца ночи. Каждая минута угрожала широким прорывом линии обороны, захватом города.

К утру бичераховцы едва не пробили брешь в обороне красных.

В контратаку пошла рота заводских рабочих. Она несколько раньше в ущерб правому флангу перебрасывалась из района кирпичных заводов. В бою погиб командир роты. Командование ею принял комиссар Сафонов.

С рассветом горожанам удалось выбить станичников с занятых ими позиций, отбросить к казармам. Атаки прекратились.

Никто не заметил, как снова притащились тучи, раскатился гром. Снова хлынул проливной дождь. Он шипел и парил над огнем. Пламя пожарищ заметно теряло силу.

Едва держась на ногах, Гикало присел на крыльце какого-то дома, с трудом раскурил сигарку с влажной махоркой. Подошел Сафонов, сел рядом. Оба были вымазаны сажей и грязью, измождены до крайней степени. Удивительно, как у Гикало уцелели очки.

— Черт возьми, — Гикало жадно затянулся дымом, — штабные гоьсрят...

— Слышал! — резко перебил Сафонов. — Твои штабные, понимаешь, разводят панику насчет какого-то отступления. В чем дело?

— Настаивают, чтобы сегодня же эвакуировать учреждения, а следом и войска...

— И куда же это эвакуировать?

— На ту сторону Сунжи...

— На ту сторону Сунжи?! — Сафонов, вскочив, помахал перед носом Гикало кулаком. — А этого они не хотят, твои штабные, так-перетак?! Кто именно?

— Пулер...

— Какой-то Пулер!

— Не «какой-то», а начальник оперативного отдела штаба армии. Его поддерживает начальник снабжения.

— Пулер был помначотдела. Почему повышен без моего ведома?

— Начальник — в госпитале. Пулер автоматически исполняет его обязанности, естественно, со всеми правами начальника отдела. Он и начснаб приводят веские доказательства. Патронов и вообще боеприпасов у нас, считай, уже нет, расходует последние. Людских резервов тоже нет, под ружьем каждый житель города. Завтра останутся броневики, бензин кончается. А у контры резервы фактически неисчерпаемы, сунженские станицы непрерывно пополняют войска Бичерахова. Эх, заткнуть бы как-нибудь эти сунженские станицы, тогда бы еще можно тягаться... За Сунжей достать нас не так просто: река — естественное препятствие...

— Так. А подумали о жителях той половины города, которую отдадим врагу? Что с ними сделают бичераховцы? Да и остальные горожане, разве не потеряют они веру в Советскую власть, в большевиков, в нашу победу? И бойцы — тоже! А бойцы, потерявшие веру в победу — это уже не бойцы! Бичераховским офицерам это,

конечно, на руку, они, понимаешь, не замедлят укрепить уверенность казаков в свою непобедимость и превосходство над нами. Вы подумали над этим, товарищ командарм?

— Вот я и думаю, — Гикало, чтобы казаться спокойным, старался неторопливо скручивать новую сигарку, — прежде всего давай умоемся, а то мы с тобой на чертей похожи. Потом послим час-полтора. Закусим. И отправимся, Иван Павлович, вместе по всей линии фронта. Посмотрим внимательно, проанализируем, что мы на сегодняшний день из себя представляем, как армия. Поговорим с бойцами — какое у них настроение, выслушаем советы и предложения. А после этого сегодня же будем конкретно разговаривать на Военревсовете, а не размахивать под носом друг у друга кулаками.

7

Клокотали непрерывные бои во Владикавказе. Пороховой дым застилал дома и улицы, громаду Столовой горы. Порохом пропахло все — воздух, одежда, даже хлеб и вода. И всюду — руины. Лишь трубы торчали над развалинами, напоминая печальные кладбищенские обелиски.

Но жестокие бои не приносили успеха ни той, ни другой стороне. Бичераховцы по-прежнему удерживали центр города, красные упорно защищали окраины.

На четвертый день боев бичераховцы перекрыли где-то водопровод, и на окраины, занятые красными, перестала поступать вода. Люди изнемогали от жажды, кожаные пулеметов заправлялись мочой.

Орджоникидзе собрал командиров в подвале полуразбитого дома. Не было здесь ни стола, ни стульев. Стоя на цементном полу, командиры затягивались махоркой. В заплесневелой нише коптила сальная свеча. Орджоникидзе одернул гимнастерку, выправил усы. Похудел он в последние дни, почернел, ввалились глаза. Веки от бессонья и усталости пухлые и красные. Но по-прежнему задорно сверкали зрачки и воодушевленным было лицо:

— Нам надо побеждать, товарищи! — Он говорил громко и отчетливо, как бы чеканил каждое слово. — Освобождать Владикавказ! Показать этим, на что способны красные бойцы! Подорвать у бичераховских бандитов веру в свою непобедимость! И руки развязать себе для полной победы над контрреволюцией. Прохладную требуется освобождать. К ней пробивается с боями дивизия Одиннадцатой Красной Армии, которой надо создать оперативный простор, открыть тем самым путь к Моздоку, сыграть Бичерахову заупокойную. Слышали, наверное, бичераховские банды окружили город Грозный. И тут пужна помощь, а руки у нас к нему, из-за такого положения во Владикавказе, не доходят. Пора

бы заглянуть в сунженские станицы, говорят, они — резерв Бичерахова, и опять руки не доходят из-за Владикавказа. Да и из Нальчика требуется выбить бандитов! Кизляр и Георгиевск в затруднительном положении. Деникин идет... Как видите, топтаться на одном месте никак нельзя. Кто имеет предложение? — Орджоникидзе вытер ребром ладони сухие губы — ему страшно хотелось пить.

Поднял голову стройный, тонкий в талии командир, перегинутый ремнями крест-накрест:

— Имею предложение наступать! Наступать — и никакая гайка!

— Каким образом, дорогой? — прищурился Орджоникидзе.

— Всеми силами, средствами и способами!

— Хорошо. Замечательно. Кто еще скажет?

Шагнул вперед не молодой, но brave командир с копной кудрей на голове, в папаче, заломленной на затылок. Ударил себя плетью по голенищу сапога:

— Активно поддерживаю предыдущее предложение. Наступать! Всеобъемлюще, беспощадно и неудержимо! До полной победы и максимального истребления врага!

— Все? Или что добавишь, дорогой?

— Категорически все!

— А я категорически против наступления! — появился из угла Левандовский.

— Кто это там такой умный нашелся? — насторожились командиры.

— Похоже, офицерик — усики колечками.

Звеня шпорами, Левандовский вышел на середину, поправил ремни:

— Да, полагаю, наступательная операция сейчас ни к чему...

Кто-то пропел тонким бабьим голоском:

— Ах, полагаю я, рванемся вспять, их благородие — за «отступать»!

Все хохотнули.

— Прекратите, товарищи, стыдно! — насупился Орджоникидзе. — Интересно, что же ты предлагаешь, дорогой?

— Да, я против наступления как попало, на «авось», только ради наступления. Это принесет лишь вред. Я за то, чтобы прежде создать условия для наступления. А именно: запастись необходимым количеством боеприпасов, во что бы то ни стало захватить у противника единственный броневедомость. Лишившись его, противник наполовину потеряет боеспособность, а мы настолько же поднимем ее. Далее, начать методически отбивать у противника дом за домом, улицу за улицей... Отбивать и тут же закреплять отвоеванное. Главное в этом — строгая последовательность и под-

чение всех подразделений только данной цели. Таким образом, полагаю, будут созданы условия для победы.

— А что?! — Орджоникидзе протянул руки ладонями вверх и потряхнул ими: — Вижу смысл! Как считаете, товарищи?

Командиры покашляли, переступили с ноги на ногу:

— Оно бы, конечно... Но раз такое дело...

— Пусть, стало быть, будет так...

Орджоникидзе подошел к Левандовскому, положил ему руку на плечо:

— Ты, дорогой, предложил план, тебе, очевидно, и командовать его выполнением. А что, товарищи, если мы выберем Левандовского начальником штаба?

Кто-то прорычал, просипел простуженным басом:

— А он, что ли, правда из офицера?..

— Да, — кивнул Орджоникидзе, — Михаил Карлович — бывший офицер генерального штаба царской армии, то есть военный специалист высшего класса. Тем и ценен для нас. Не менее ценен и тем, что служит Советской власти верой и правдой, преданно и бескорыстно. Согласны избрать его начальником штаба?

— Согласны!

— Поэтому без всяких насмешек и подковырок! Он ваш товарищ, и подчиняйтесь ему, как себе! Это говорю я, Чрезвычайный комиссар, со всеми вытекающими отсюда последствиями: кто позволит анархию или вакханалию, будет строго наказан. Приступайте к исполнению обязанностей, товарищ начштаба.

— Слушаюсь!

Левандовский объявил, что штаб будет располагаться здесь, в этом подвале. Приказал принести столы, аппараты полевого телефона, наладить связь, выделить вестовых. Послать в Ингушетию фургоны за боеприпасами, которые должен подготовить Гапур Ахриев. Повывсив голос, предупредил: как только боеприпасы доставят, доложить немедленно, они будут выдаваться подразделениям не как попало, а в его, Левандовского, присутствии, строго с учетом огневых средств.

— Броневомобиль противника захватить сегодня же! — закончил Левандовский.

Броневомобиль подстерegli вечером, когда он мчался по узкой улочке. Преградили путь бревнами, обстреляли из пулемета. Оказавшись в безвыходном положении, экипаж пытался подорвать броневик гранатами. Экипаж уничтожили, автомобиль взяли.

Утром следующего дня началась настойчивая борьба за каждый дом, даже в самих зданиях шла битва между этажами. Бронепоезд с вокзала бил по тылам противника. Броневомобиль появлялся в самых неожиданных местах, выкашивая поднимавшихся в атаку. Уже на другой день защитники Владикавказа от-

воевали у бичераховцев несколько центральных улиц. В упорных боях брались квартал за кварталом. Центр города постепенно перешел к красным.

Командуя по телефону, посылая вестовых с приказами, Левандовский испытывал мучительную жажду. Казалось, испарилась из тела кровь, высохли внутренности. Кружилась, отказывалась сообщать, мутная голова. Боясь лишиться сознания, Левандовский напрягал себя всеми остатками сил.

14 августа батальон красноармейцев из Грозного, тот, что был под командованием Левандовского (теперь там был другой командир), прорвал фронт противника со стороны вокзала, соединился с центром города.

В штаб, отдуваясь, вошел Орджоникидзе, в руке он нес оплывший жестяной чайник.

— На вот, дорогой, отведи душу. Никогда не думал, что простая вода может быть такой необыкновенно вкусной, — протянул Левандовскому чайник.

Левандовский вцепился в него хваткой тигра. Дрожа, задыхаясь, пил, боясь, что отнимут у него этот бесценный чайник. Чувствовал, как оживает, торжествует все внутри, чистой, ясной становится голова.

— Хватит! — силой отнял чайник Орджоникидзе.

15 августа прорыв, сделанный батальоном грозненцев, был расширен.

— Может быть, товарищ начштаба, пора? — услышал Левандовский в телефонной трубке голос одного из командиров. — Я имею в виду всеобщее наступление...

— Отставить! — оборвал Левандовский. — Выполняйте приказ!

16 августа противник дрогнул. В 10 часов 30 минут Левандовский распорядился развить наступательные операции лишь на отдельных участках. Огромная часть города уже принадлежала красным.

Наконец, с утра 18 августа началось всеобщее наступление.

Бичераховцы побежали. Войско полковников Беликова и Соколова, напоминая разномастное стадо, запрудило дорогу на станицу Архонскую. Были здесь измученные, небритые офицеры; угрюмые, провонявшие потом рядовые казаки и осетины; бледные проститутки с напмаженными губами. Попы в измятых рясах и муллы с распущенными чалмами. Были тут в пыльных костюмах и измятых галстуках члены городской управы — владикавказского правительства, поспешно созданного Бичераховым в первый день нападения. Мигал воспаленными глазами, дрожал от испуга, удирая, член управы Перманент-Берман.

Ехали на конях, в бричках и тачанках, жовыляли и пешком, с трудом передвигая ноги. Везли и тащили на собственных спинах

узлы с награбленным добром. Напирали, пытались обогнать друг друга. Страшно орали, перекосив от злости рты, изошренно крыли матом. Не умещаясь в пределах дороги, начисто вытапывали пшеничные и кукурузные поля.

Тем временем во Владикавказе завершались последние операции. Бичераховцев выбивали из подвалов и чердаков, выковыривали из помойных ям и отхожих мест, снимали с деревьев и крыш.

Прозвучал последний выстрел, и наступила непривычная тишина. Но еще долго дотлевали угли и тянулись к знойному небу дымы.

8

Из газеты «Трудовой казак»

После победы над бичераховцами со знаменами и революционными песнями пришли к кинематографу делегаты. Четвертый съезд народов Терек возобновил работу.

Не все делегаты явились в зал заседаний. Одни пали смертью храбрых в сражениях с контрреволюцией, другие переметнулись на сторону врага.

Съезд проходил в атмосфере дружбы и взаимопонимания. Предложения тов. Орджоникидзе и делегатов-большевиков принимались единогласно под аплодисменты. Это не случайно. Высоко поднялся в дни боев авторитет Чрезвычайного комиссара, большевиков.

Съезд проголосовал за резолюцию, направленную на укрепление Советской власти и беспощадную борьбу с контрреволюцией. Избран новый Совнарком, в составе которого преобладают большевики. Совнаркому предоставлены чрезвычайные полномочия.

По предложению тов. Орджоникидзе, народным комиссаром по военным делам республики избран М. К. Левандовский, народным комиссаром по национальным делам — Асланбек Шерипов, народным комиссаром государственного контроля — Гапур Ахриев... Председателем казачьей фракции и редактором газеты «Трудовой казак» утвержден А. З. Дьяков.

Тов. Орджоникидзе доложил Совнаркому о положении на фронтах. Принято постановление — изыскать возможность оказания всесторонней помощи Грозному, Кизляру, Георгиевску; формировать новые отряды для борьбы с контрреволюцией...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Около двух часов ночи, побывав всюду на линии фронта, Гикало и Сафонов подъехали к штабу.

Командарм теперь четко знал обстановку на каждом фронтовом

участке и был готов к докладу реввоенсовету. Приказал дежурному по штабу вызывать людей.

В кабинете зажег керосиновую лампу с закопченным стеклом. Темнота неохотно попятилась, притаилась в углах. Спертый воздух, пыль на столе, груда неразобранной почты. Нет Ястребова, некому следить за чистотой. Адъютант проявил самовольство. Но воюет, говорят, неплохо. Отстрелил к чертовой матери руку полковнику Поморцеву, вывел белоказацкого командующего из строя. Ну и пусть воюет, если такое дело, можно пока обойтись без адъютанта.

Совет собрался быстро. Кабинет заполнили до отказа. Гикало, напрягая зрение, старался рассмотреть лица, чтобы по ним определить настроения людей. Рядом с командармом сидел за столом комиссар.

— Левый фланг, — начал Гикало, — вполне надежен. Здесь линия обороны проходит частью по ту, частью по эту сторону Сунжи — естественному, трудно преодолимому рубежу. Но железнодорожный и беликовский мосты вызывают опасение...

— Не пропустим! — сказал из угла бывший прапорщик. — Сейчас один из лучших краскомов на левом фланге — Григорян. — Поворошил волнистые волосы на голове: — Тут не пройдут, ответственно заявляю!

Сафонов показал Григоряну рукой, чтобы тот помолчал.

— Вот я и думаю, мосты надо укрепить лучше, установить особый присмотр, выделить специальные сторожевые охранения. Такое приказание отдано. Граничная улица, сами знаете, что представляет. Сколько уже бьется за нее контра, а взять не может. Уверен, и впредь не возьмет. Но это не значит терять бдительность...

— Как можно! — не вытерпел, поднялся с кресла командир красноармейского батальона Федоров. — Маклаков кое-чему научил! — Пощекотал пальцами две узкие вертикальные полоски усов.

Сафонов взглядом приказал ему сесть. Гикало продолжал:

— Плохо у нас с правым флангом. Вот тут могут прорвать. Тут надо укреплять всеми способами и как можно скорее. Это уже поручено товарищу Маслову, но ему трудно: бойцам надо и укрепления сооружать, и отражать врага. Боюсь, не управятся ни там, ни там. Может быть, подбросим ему на время людей из других подразделений? К сожалению, дело не только в линии обороны. На исходе патроны, горючее для броневигов, продовольствие, нет людских резервов. Обер-мастер на заводе «Молот» Василий Ионыч Ершевский, вы его знаете, сумел перестроить обжимные станки, сам выточил детали; собирает еще несколько таких, обещает вдвое увеличить выпуск патронов из стреляных гильз. По его примеру делают то же самое на других заводах. Далее. Я разговаривал с заводскими сгонщиками, утверждают, что для производства

бензина можно приспособить ныне бездействующий спиртзавод. Однако нужно сырье... С продовольствием выход только один: закупать в Чечне. Но... денег у нас нет. Давайте советоваться. Смекайте, смекайте, товарищи, отступать, как полагают некоторые, хотя бы всего-навсего за Сунжу, — смерти подобно. Я полностью согласен с комиссаром, что это на руку только контре, и категорически против подобного решения.

Гикало давно заметил, как ерзает в кресле исполняющий обязанности начальника оперативного отдела Пулер. У него щегольская льбящаяся эспаньолка и привычка пощипывать ее. Сейчас не пощипывал — нервно теребил. Едва Гикало кончил говорить, вскочил с кресла:

— Извините, Николай Федорович, но меня возмущает ваше спокойствие, этакое умаление по поводу того, что нас могут разгромить. Зачем приглаживать неприятную действительность? Присмотр за мостами... Какой-то Ионыч! Бензин на спиртзаводе... Все это чепуха, полумеры. Одни только террористы, не говоря уже о многих других вопиющих трудностях, нас замучили, так и жди пулю в спину...

— Террористы интенсивно вылавливаются! — бросил Гикало. — Правильно я говорю, Константин Петрович?

— Без дела не сидим, — скромно откликнулся Тамбинский.

Пулер, распаляясь, сильно задергал эспаньолку:

— Все это несерьезно и поверхностно! Вы уже взрослый человек, Николай Федорович, поймите же, продолжать бои, напрасно терять людей бессмысленно, я бы сказал, преступно!

— Вот именно! Вот именно! — воздел руки к потолку начснаб, плешивый старичок из интендантов. — И не только это... И не только горючее и провиант. Иссякли и перевязочные средства. Чем перевязывать раненых? Соломой?

— Выход единственный, — перебил Пулер. — Спасаться отступлением. Не только за Сунжу, это вряд ли поможет. Отходить к Владикавказу на соединение.

— Вы паникер, Пулер! — напоминая спущенную пружину, вскочил Сафонов. Его седая голова тускло серебрилась. — Трус! Бросать, понимаешь, женщин, детей, стариков на растерзание озверелой бичераховщине — вот где преступление! Речи не может быть! Не имеем права!

— Точнее, Иван Павлович, конкретнее! — дергал эспаньолку Пулер. — Все это общие фразы. И при чем тут трусость?

— Точнее. Да, гнать бензин на спиртзаводе! Специалистов-сгонщиков у нас достаточно, настроят аппаратуру в два счета. Сырье, я знаю, где есть: в балке, рядом с Новопромысловой возвышенностью, в земляном амбаре. Этот участок контролируется чеченской Красной Армией и нам доступен.

Сверкнул антрацитовыми глазами Асланбек Шерипов:

— Доставку сырья на завод чеченская Красная Армия берет на себя. Сделаю все, чтобы поступали продукты из Чечни. В горной крепости Ведено остался царский арсенал. А вдруг там сохранились боеприпасы? Обещаю разведать. Отступать? Нет и нет! Сто раз, тысячу раз нет! Трудовая Чечня верит в нас, как в богов, видит в нас не трусливое стадо, а бесстрашных могучих богатырей! Лучше уж героически умереть, чем терпеть презрение народа, носить позорное клеймо трусов! Слава храбрым, проклятье трусам!

— Стыдитесь, Пулер! — Сафонов резко оттолкнул от себя кресло, оно, загремев, упало. — Или задумали похоронить Советскую власть? Не выйдет, так-перетак! Пролетариат этого не простит! Сомневаюсь, товарищи, чтобы Пулер со своей настойчивой идеей отступления мог и дальше пребывать в штабе. Подберем более стойкого товарища!

Пулер сидел бледный, туго зажав кулаком эспаньолку.

Тамбинский, преодолевая одышку, сказал, что на второстепенные заводские работы надо посылать не участвующую в боях буржуазию, а освободившимися таким образом рабочими пополнить ряды бойцов в окопах. Буржуев же использовать на сооружении оборонительных укреплений, рытье окопов, расчистке улиц от завалов разрушенных домов и так далее...

Гикало вдруг осенила мысль:

— Товарищи! Так буржуазный элемент может же поделиться с защитниками города продовольствием... И деньгами! Они же, буржуи, жрут в три горла, у них запасы портятся, а бойцы голодают. И денег у них, уверен, до черта! Смекайте, на эти деньги мы можем закупить продовольствие...

— Экспроприация? — поднял голову начснаб.

— Хорошо бы без принуждения. Попросить буржуев деликатно, по-человечески. Возможно, поймут наше положение. Ну, а если нет, тогда это закоренелая контра и поступать с ней надо, как с контрой!

Начснаб неопределенно пожал плечами. Гикало на него озлился:

— Вы слишком безынициативны, товарищ начснаб. В вашей должности надо поворачиваться быстрее. перевязочный материал не проблема, на складе есть бязь, прикажите рвать на бинты.

Маслов, переводя синие глаза с одного человека на другого, предложил установить пулеметы на трубах кирпичных заводов, где сидят артиллерийские корректировщики: обзор большой, стрелять так же удобно, как, например, с церковной колокольни, что пытались делать белоказаки, да не удалось.

Бывший прапорщик краском Григорян, поправляя на голове величественные волнистые волосы, сказал, что громоздкую, проходящую через весь город линию обороны целесообразно разделить на три фронта, назначив на каждом командующего, разумеется, с полной властью, с подчинением Гикало.

— Да, — поддержал комбат Федоров, — это позволит оперативнее руководить боем, поднимет ответственность бойцов и командиров за свой рубеж, внесет в оборону города четкость. И порядка будет больше.

Гикало определил, что идея реорганизации всем понравилась, и предложил назначить командующим Левым фронтом Григоряна, Средним — Федорова, Правым — Маслова.

— Вот еще что, — взмахнул рукой Сафонов, — надо иметь в каждом подразделении агитатора, из коммунистов, конечно, чтобы разъяснял бойцам все, что их может интересовать...

В это время появился на пороге дежурный по штабу, доложил, что из Владикавказа прибыл связной. Минуту спустя вошел небритый исхудавший парень, поздоровался, разулся при всех, достал из глубины сапога скрученную бумажку.

Гикало ее раскрутил, поднес к очкам и прочитал вслух. Бумага была от Орджоникидзе. Он писал об изгнании из Владикавказа бичераховских банд и решении Совнаркома оказать Грозному помощь. Просил прислать к нему во Владикавказ ответственного товарища. Сообщал, что принимаются меры для повсеместного разгрома бичераховщины. Выражал уверенность, что грозненцы будут держаться стойко, город врагу не отдадут.

Решили командировать во Владикавказ к Орджоникидзе военкома Сафонова.

Быстро наступал рассвет. Под напором утренней белизны плавилась в окнах ночная синь. Гикало погасил лампу.

2

Орджоникидзе пригласил к себе военного наркома республики Левандовского, разостлал на столе карту Терской области. На карте голубыми извилинами текли реки, черными точками мельтешили города и станицы. Провел карандашом от точки к точке:

— Итак, Бичерахов черпает пополнение войскам вот из этих станиц Сунженской линии... Понятно. Но можно ли быть уверенным, дорогой, что данные станицы все без исключения контрреволюционные?

— Полагаю, нет. Впрочем, это лучше известно председателю казачьей фракции и редактору газеты Александру Дьякову. Знаете ли, Григорий Константинович, он говорит, что там порядочно и противников Бичерахова.

Орджоникидзе открыл дверь в приемную:

— Позовите, пожалуйста, Дьякова.

Коренастый, курносый Дьяков, поздоровавшись, сел на стул, предложенный Орджоникидзе.

— Рассказывай, дорогой, все, что тебе известно о Сунже.

— Что мне известно... — Дьяков поблескивал белыми зубами.

— Известно, что по станицам рышут бичераховские уполномоченные. Их приказы беспрекословно выполняются захватившим власть кулачем. Станичные Советы разгромлены. Казаков гонят на фронт силой. Явно антисоветски настроены Слепцовская, Самашкинская, Ермоловская... А вот Михайловская разделилась надвое, половина — за Бичерахова, половина — за Советскую власть. Соседи там пошли друг на друга с оружием, прямо в станице, говорят, образовался фронт — окопы, пулеметные гнезда, — идут бои. Но Карабулакская, Нестеровская и Троицкая целиком отказались подчиняться мятежникам, не дали их войскам ни одного человека. Кстати, десять станичников из Михайловской пробрались во Владикавказ, сегодня были у меня...

— Ну и что они говорят?

— Что говорят... Требуют от меня, как председателя казачьей фракции, решительных мер против действий бичераховцев.

— Что же ты им ответил?

— Что ответил?.. Ответил, что надо объединяться.

— Правильно ответил, дорогой. Надо советски настроенным казакам объединяться как можно скорей. Но для объединения нужен руководитель. Так? Стойкий, бесстрашный, смекалистый руководитель! — Орджоникидзе повернулся к Левандовскому, прищурился.

— Где бы нам взять такого руководителя, Михаил Карлович, ты не знаешь?

— Вот он, стоит перед вами! — Левандовский показал на Дьякова.

— Верно, дорогой! — Орджоникидзе вплотную подошел к Дьякову. — Отправляйся на Сунжу, объединяй вокруг себя казаков для борьбы против бичераховщины...

— Я?.. Да разве я справлюсь?

— Справишься! Как считаешь, Михаил Карлович, справится Дьяков с организацией сунженской Красной Армии?

Левандовский подумал:

— Сунженской Красной Армии?.. Да... Задача, знаете ли, не из легких, но, полагаю, Дьяков-то справится.

— В таком случае, Михаил Карлович, немедленно подготовь отправку экспедиции в сунженские станицы. Она будет состоять из одиннадцати человек: Дьякова и десяти михайловских казаков. Поедут на бронепоезде, высадятся ночью на глухом перегоне, а там пусть действуют сами.

— Слушаюсь!

Левандовский, козырнув, ушел. А Дьяков бормотал, все еще никак не мог опомниться:

— Целой армии? Ого! Да кто я такой, чтобы...

— Да, дорогой, армии! В тылу у Бичерахова. Конечно, не сразу — армии, сперва — отряда, который постепенно должен превратиться в армию! И будешь не только организатором, но и пропаган-

листом в станицах. Станичникам есть что рассказать, и ты рассказывай смело, не стесняйся, что их кровью Бичерахов отстаивает не интересы казаков, а интересы Великобритании. Если вчера мы только догадывались об этом, то сегодня уже имеем бесспорные доказательства. Нами задержан некий штабс-капитан Угнивенко, вырядившийся рабочим. Он признался, что является связным между Деникиным и английской миссией во Владикавказе, а до этого был в деникинском штабе представителем Бичерахова. Показал о Бичерахове все, что знал, привел неопровержимые улики. Нам даже известно, кто вербовал Бичерахова на службу англичанам по поручению полковника Пайка. Вот и говори в полный голос, что из-за интересов английских капиталистов Бичерахов затеял эту братоубийственную войну. Что мятеж этот не случаен, а заранее предусмотрен Антантой и входит в общий план действий контрреволюции в других местах России. Пусть казаки покроют имя предателя несмываемым позором! Вопросы ко мне есть?

— Вопросы? Нет... Какие там вопросы! — Дьяков приходил в себя. — Надо — значит, надо! Тем более, что у меня есть десять помощников — михайловские казаки.

— Ну и хорошо. А теперь пошли ко мне завтракать, дорогой. Живот подводит. Сациви, правда, у меня нет, но лобио, зелень и картофельный суп найдутся. Желушечка моя, Зинаида Гавриловна, уехала в Грузию, возможно, привезет что-нибудь повкуснее, а пока, чем богат, тем и рад.

Орджоникидзе обнял Дьякова за плечи и повел к выходу:

— После завтрака отправишься в редакцию, подготовишь и выпустишь специальный номер газеты «Трудовой казак» для сунженских станиц. Напишешь и отпечатаешь в типографии побольше пропагандистских листовок. Потом подберешь на свое место редактора, надежного товарища, и сдашь ему дела. После этого уедешь. В первый же день подберешь там связного, через него информируй меня о положении дел на Сунже. Связной же будет доставлять из Владикавказа на Сунжу свежие газеты и листовки...

3

Кто бы мог подумать: хрупкая чеченская девушка и вдруг — героиня! Слава о ней вышла за пределы города, облетела Чечню и Ингушетию, достигла Владикавказа... Сестра милосердия, в обязанности которой входит лишь оказание помощи раненым, кроме того, воюет с винтовкой в руках наравне с мужчинами!

Глафира Петровна восхищалась Фатимой Арсановой. Ведь это та самая чернявая девушка с застенчивыми глазами, что приходила тогда с врачом-старичком, а затем приносила лекарства. Фатима помогла Глафире Петровне избавиться от боли в ноге. Она перестала хромать.

Прибежала Фатима три дня назад к Глафире Петровне, попросила переписать щебелиновских женщин, желающих вступить в санитарную дружину. Глафира Петровна, составив список, ждала. И вот хлопнула калитка. Глафира Петровна заспешила навстречу Фатиме, обняла, как родную дочь, поцеловала, попросила немного подождать и отправилась по дворам.

Узнав, что пришла Фатима, женщины бросали дела и спешили во двор к Добровым. Всем хотелось глянуть на смелую чеченку. Невольно вспоминались виденные на базаре дико-пугливые чеченские женщины, закутанные до глаз тяжелыми черными платками. А тут — героиня!

Добровских табуреток всем не хватило. И на бревнах, что лежали посреди двора, тоже не уместились. Многие стояли. Не спускали с Фатимы любопытных глаз. Она заговорила негромко, ласково, с легким чеченским акцентом:

— Дорогие женщины! Даже бывалые фронтовики не видели таких жестоких боев, какие идут сейчас в Грозном. Ваше желание помогать раненым — это очень хорошо, очень благородно! Я научу вас, как надо помогать, что надо делать. Три дня буду учить, потом начнете оказывать помощь сами. И вам надо выбрать себе командира, старшину дружины. Я думаю, пусть это будет Глафира Петровна, если не возражаете...

Все дружно подхватили:

— Не возражаем, пусть будет Глаша!

Ее окружили женщины:

— Принимай меня в санитарки, я еще не записалась.

— Пиши, Глаша, меня!

— Куда тебя с таким малым? Гляди, за подол держится!..

— Ничего, бабка есть, присмотрит...

Женщины постепенно разошлись. Когда остались вдвоем, Фатима сказала Глафире Петровне:

— Надо, очень надо подыскать просторное помещение для санитарного пункта... Это первый приют раненым. Тяжелых потом в госпиталь, а легких, наверное, по домам. Госпиталя на всех не хватит, забит совсем.

Глафира Петровна задумалась. Откуда на Щебелиновке просторное помещение? Здесь почти сплошь убогие халупы. Обещала поискать. На том простились.

Снова брызнул теплый, надоевший дождь и пошел мелко сеять, перемывая уже отмытые деревья, бурьяны и крыши. Обильно пролившись однажды, он вот уже несколько дней собирался покинуть город, но никак не уходил. Земля, пресытившись, не принимала влаги, широко расплескала пузырчатые лужи. Непогода тревожила: снова может разболеться нога, муж мокнет в окопах. Но больше беспокоил Тимка. Босой, плохо одетый, он не сидел дома, уговоров не уходить дальше двора не слушал, плакал, просился на

улицу. Не пускала — убегал, возвращался поздним вечером — мокрый; озябший. Приходилось отпаивать его горячим чаем, согревать одеялами. Но едва занималось утро, снова убегал. Не дай бог, простудится, заболеет.

А вот и он наконец. Загнал все-таки дождь. Вбежал в комнату мокрый, одежда прилипла к сухонькому телу. Захлебываясь от восторга, рассказывал:

— Мамк, опять у подлых белогвардейцев не прошла ихняя хитрость! Знаешь, что они сделали? Они, чтобы поджечь наш мост, пустили по Сунже плот с горящими бревнами. Мамк, я его первый заметил, чесслово, и побежал сказать командиру дяде Ване... Выловили и привязали к берегу. Плот сгорел, а мост как был, так и есть!

Глафира Петровна знала, какое значение имел этот мост. Его построили уже после пожара на реке. По нему доставляли пищу и боеприпасы в окопы на той стороне Сунжи, по нему выносили раненых. Молодец, сын! Она слушала его болтовню, как сладкую музыку, улыбаясь, стаскивала с него мокрую одежонку. Велела обмыться теплой водой, принесла полотенце, сухое белье, загнала в постель под одеяло. Подала стакан горячего чая, присела рядом.

— Растешь ты, сынок, ой как растешь! Давно ли в люльке качала, а сейчас, гляди какой! Скоро станешь большим, а я состарюсь... Будешь меня кормить?

— А как же, мамк, — вытер ладонью вспотевший нос. — Супом. И дажеть сахаром!

Будущий кормилец, допив чай, клюнул носом и свалился в подушку. Мать поправила одеяло, подошла к окну — не кончился ли дождь? По ту сторону забора поблескивала в просветах росяных деревьев черепичная крыша соседнего дома. Глядя на него, подумала: «Единственный, пожалуй, на Щебелиновке большой дом. А может, согласится Аким Хрящев уступить его для раненых? Зачем ему, теперь одинокому, лишние комнаты? Правда, не из бедных он, но к Советской власти относится хорошо. Конечно, согласится!»

Решила сходить к Хрящеву на переговоры.

А Хрящев с некоторых пор замечал: ряды его сообщников быстро редеют. Бойцы комендантского взвода схватили одного, второго, третьего... Да и сам едва спасся тот раз, прыгнув с чердака на стог, затем в сад. Долго крался соседними садами, путая след, заходя в чужие дворы, петляя по улицам... Унес, слава богу, ноги. С каждым днем усиливалось беспокойство, одолевал страх. Дома теперь не ночевал, места засад выбирал еще тщательнее.

Прикрывая карабин полый брезентового плаща, обошел покинутый дом. Под сапогами шлепала жидкая грязь. Место, вроде, удобное: пустой, в дикой конопле двор, с одной стороны, простор

широкой улицы, с другой — узкая извилина переулка, вдоль плетневой огорожи, вся в бурьяне — канава. И обзор хороший, и укрытие в конопле, и отход по канаве к оврагу, а там и Сунжа...

Упругая конопля, брызнув водой, поглотила Хрящева. Дуло карабина неприметным глазом выглянуло из плетневой щели. Лежать удобно. Сквозь угловое соединение плетней отлично видны улица и переулок: приземистые хатки, зеркала луж в оправе черной жидкой земли.

Появляясь в разрывах туч, припекает солнце. Душно, парит, приторно пахнет коноплей. У Хрящева смыкаются веки. Или оттого, что измучен бессонными напряженными ночами? А возможно, от конопли? Говорят, ее запах усыпляет.

Протащи́лась через улицу старушонка. Перешел переулок ветхий дедок. Вот и все. А ведь неподалеку отсюда штаб, должны проезжать вестовые, возможны птицы и покрупнее, Гикало, например, Сафонов и прочие. Но пока пусто. Все меньше и меньше красных попадаете́ся под карабин, научились кое-чему, осторожничают.

Хрящев поеживается: а вдруг победят красные? Но старается убедить себя: не может быть! Вон какая у Бичерахова рать, да чтобы не осилила босяков?!

А сон наваливался ласково и властно. Чтобы побороть его, тряс головой, широко тарашил глаза. Мигал. И едва не промигал коноплю красноармейца.

Тот уже проскакал угол, свернул в переулок, и Хрящев едва успел прицелиться в затылок. Одновременно с выстрелом слетела с красноармейца фуражка. Впервые промазал Хрящев. С сожалением подумал, что оказываются нервозность и усталость, нужен отдых. Конь всхрапнул, осел на задние ноги, поднялся на дыбы. Красноармеец на нем не растерялся, рванул с пояса гранату. Хрящев метнулся за дом.

Успел. Звук взрыва догнал за стеной, осколки врезались в саманную кладку дома. Через некоторое время осторожно подполз к плетню, выглянул. И испугался. Тот самый красноармеец без фуражки, скакал обратно, а следом еще пять всадников. Конские копыта секли грязь, она разлеталась кусками. Страх затуманил память. Забыл, что уходить надо по канаве, кинулся в глубину двора. Сообразив, перескочил через плетень в соседний двор. Обогнул бричку, ударился с размаху о стожок сена. Поскользнулся, упал, снова побежал. Увязалась собака, вцепилась в полу плаща. Сдернул плащ, отдал собаке. А она продолжала гнаться, захлебываясь лаем.

Красноармейцы, перемахнув конями плетень, перетоптали в угловом дворе коноплю, осмотрели пустой дом и теперь спешили на собачий лай. Хрящева заметили. Но не стреляли, намереваясь взять живым. Главное теперь — избежать улик. С трудом перевалил через забор в следующий двор, сорвал с пиджака красный

бант, воткнул карабин в кучу какой-то соломы. Сам пытался ввинтиться в нее головой. Его вытащили за ноги. Пять стволов грозно смотрели в грудь. Фыркали, звенели удилами кони. Спешившись, шагнул к Хрящеву щербатый красноармеец:

— Давай, гад, оружие!

Второй, широкоплечий, сказал:

— Ему карабин в солому тыкал...

Щербатый выпул из соломы карабин.

— Какой карабин? При чем тут я? — Хрящев разыгрывал удивление. — Мало ли кто чего куда понатыкал?..

— Довольно брехать! — сказал мускулистый, с коричневым лицом парень. — Руки — за спину, вперед шагом марш!

Когда проходили через ворота, приблизилась к Хрящеву женщина с серым, опухшим от голода лицом, плюнула в глаза:

— Убийца, белогвардейская сволочь!

Месил грязь посередине улицы, винтовки конвойных смотрели в спину. «Расстреляют!» — от этой мысли ударила по телу знобящая дрожь, скользнули ледяные струйки пота. И разом запали глубоко глаза. Страх корежил Хрящева.

Втолкнули в дверь, повели коридором. Хрящев увидел борода-того Синеокова. Тот понуро шагал навстречу в сопровождении конвоиров. Очевидно, вели его на допрос. Узнал, похоже, Хрящева, но вида не подал, отвел глаза. «Значит, и этот попался!» — мрачно констатировал Хрящев.

В кабинете с розовыми панелями сидел за столом желтый, болезненный человек, должно быть, начальник. Парень с коричневым лицом назвал его товарищем Тамбинским и доложил об обстоятельствах поимки еще одного террориста.

— Хорошо, товарищ Званцев, — кивнул Тамбинский. — Отпускай красноармейцев, а сам пока останься.

Тамбинский внимательно посмотрел на Хрящева и начал задавать вопросы. Хрящев соврал фамилию, имя и отчество. Назвался трудовым крестьянином, приехавшим в Грозный еще до войны из Ставропольской губернии продавать муку. Но из-за боев не может отсюда выбраться, сбыл бричку и лошадей, тем и живет, ночует где попало...

— Зачем же вы, трудовой крестьянин, стреляли в вестового?

— Да вы что! — косив глаза в сторону, заорал Хрящев. — Меня вытащили из соломы, где я спал. Мне негде больше спать, я скитаюсь. Карабин вынули из кучи соломы, откуда знать мне, кто его туда положил.

— Напрасно врете, гражданин, отпираться бессмысленно, есть все основания для расстрела.

У Хрящева оборвалось сердце, застыла кровь. Но он бодрился:

— Не имеете права, меня должен судить суд.

— Разумеется. Он и приговорит к расстрелу.

— По каким уликам?

— На основании свидетельских показаний и вещественного доказательства. Вас обнаружил в засаде вестовой, швырнул гранату, позвал конный разъезд. Вы удирали с карабином, прятали его на виду у красноармейцев. Они свидетели, карабин — вещественное доказательство.

— Красноармейцы не свидетели! — возразил Хрящев.

— Разве они не люди?

— Я скажу трибуналу: они — подставные лица.

— Это ваше право, гражданин, — Тамбинский развел руками, — что вы там скажете. Но выкрутиться при такой ситуации невозможно, дело тут бесспорное. Остается только чистосердечное признание.

Званцев, молча сидевший в стороне, поднял руку:

— Есть и еще свидетель, совершенно посторонний человек, — повернулся к Хрящеву. — Та самая женщина, что плюнула вам в глаза. Плюнула же она не напрасно, видела ваши действия, в любую минуту даст показания.

И Хрящев сник. Пытался еще возражать, оправдываться, но уже не настойчиво, робко. Тамбинский с Званцевым поняли: до признания ему осталось мало. Этот не то, что Синеоков. Тамбинский сказал Званцеву:

— Уведи, чего зря время тратить.

Хрящев вздрогнул. Испугался, что обратно уже не приведут, расстреляют и он не сумеет ничего сказать, спастись признанием:

— Пойдемте! — Званцев вынул из кобуры револьвер.

В конце коридора Хрящев увидел обитую жестью дверь — камеру. Передернулся:

— Н-нне надо!.. Ведите обратно, с-скажу...

Десятки смертей от собственных рук наблюдал Хрящев. Смотрел, как корчатся в агонии люди. Представил себя в таком положении и затрясся, не попадая зубом на зуб. В кабинете спросил Тамбинского:

— Ска... Скажите, если я б-буду че... Честным! Расскажу об известных м-мене ли... Лицах! И рук... Руководителе! М-меня рас... Расстреляют?

— Зачем вы торгуетесь? — брезгливо поморщился Тамбинский. Ему было противно смотреть на эту гадину. — Вы убивали, не щадили! Могу только объяснить, что Советская власть гуманна и за вами остается право просить снисхождения у ревтрибунала.

Молчал Хрящев, низко склонив голову. В кабинете стояла тишина. Хрящев трижды проклял про себя Малюту, втянувшего его в эту авантюру. И пришел к окончательному выводу, что совсем не грех его выдать, пусть тоже при случае расстреляют. Решительно мотнул головой:

— Пишите... Моя фамилия Хрящев...

И рассказал все о Малюте, Гурни, Синеокове и других. Признался, что был резидентом, выдал всю агентуру, которую знал, назвав фамилии и адреса. Сообщил собственный адрес. Правда, о том, что служил в жандармерии, умолчал. И настойчиво повторил несколько раз, что он простой трудовой крестьянин.

Когда все было зафиксировано в протоколе и Хрящев расписался, Тамбинский сказал Званцеву:

— Завтра и заканчивай это дело. С утра произведи в доме обыск, к обеду исполни остальные формальности, и передадим в трибунал.

5

Глафиру Петровну разбудил стук в дверь. Наскоро одевшись, побежала в коридорчик:

— Кто там?

— Знакомый голос:

— Это я, откройте, пожалуйста.

Заволновалась: весть от Наташи! А какая? Плохая, хорошая? Радостно и одновременно тревожно заколотилось сердце. Поддерживая нечесанные волосы, пропустила в комнату прихрамывающего Званцева. Вскочил с постели, протер глаза Тимка. Глянул в окошко, поспешно оделся. Было раннее утро, робко таяла рассветная лазурь.

— Куда спешишь? — Званцев щекотнул Тимку под мышкой. Тот шарил руками в шкафчике.

— Известно куда, в разведку! — Тимка сунул за пазуху кусок чурека.

— А ты разведчик, что ли? — приставал Званцев.

— Я, дядь Сереж, не только разведчик, а даже начальник разведки!

— Да ну?! — удивился Званцев.

Но Тимка уже не слышал, хлопнув дверью, убежал.

— Верховодит ребятами! — не без гордости сообщила Глафира Петровна. — Раньше переживала, что дома почти не живет, а теперь привыкла. Все-таки пользу приносит. Пусть!

— Не один он, — согласился Званцев, — по всему городу ребята помогают фронтовикам. Сперва гнали бойцы от себя, да разве выгонишь?..

Глафира Петровна тоскливо смотрела на Званцева:

— Не тяни, Сережа: как Наташа?

Вздыхнув, объяснил, что ничего решительно о ней неизвестно. Прорваться к Моздоку из-за ранения не удалось, нога еще болит, пускаться в далекий путь рискованно, начальство не разрешает. Да и дороги перекрыты мятежниками. Глафира Петровна

всхлипнула, вытерла глаза фартучком. Званцев объяснил, по какому делу пришел: просить ее, Глафиру Петровну, быть понятой при обыске в доме Хрящева, пригласить для этого еще двух человек. Узнав, что произошло с Хрящевым, она поразилась:

— Кто бы мог подумать? Такой вежливый, обходительный и вдруг...

Ко двору Хрящева пришли еще две женщины, которых позвала Глафира Петровна. Но калитка оказалась крепко-накрепко запертой. Пришлось сбегать за обер-мастером завода «Молот» Ионычем. Хотя он и спешил на завод, но все же явился со связкой разных ключей и инструментом. Поздоровался со всеми за руку и, сопя, принялся ковыряться в нескольких замках.

— Готово, — Ионыч открыл калитку.

Пахло густым запахом груш и яблок. Они виднелись в конце двора за забором сада: красные и желтые пятна на фоне пышной зелени.

Ионыч, покопавшись в замке, распахнул и дверь дома. Осмотрели веранду, просторные, с добротной старинной мебелью комнаты, кухню. Званцев заглядывал во все уголки, в забитые вещами комоды, сундуки и шкафы, под диваны, кресла и столы, за пыльные ковры и картины. Ничего подозрительного не нашел. Но сделал вывод, что не мог иметь эту богатую обстановку и уйму ценных вещей простой трудовой крестьянин. Кроме протокола обыска составил еще и акт — доказательство принадлежности Хрящева не к бедным и даже не к средним слоям населения. Оставалось осмотреть спальню.

Ударил в нос кислый запах плесени, удушье застарелой грязи. Званцев, засучив рукава, брезгливо морщась, ошупал неудобранную постель. Подняв перину, увидел на кроватных досках измятую тетрадь и прочитал написанное неровным почерком. Покачал головой:

— Ну и отъявленный гад этот Хрящев! Послушайте, что пишет его жена:

«Аким!

Пишу в этой тетрадке слова, что давно собиралась сказать. Но не сказала потому, что боюсь тебя: можешь придумать еще какие-нибудь мучения-издевательства, ты горазд на все. А мучиться еще больше не хочется, хватит с меня того, что со мной делаешь, чую, травишь каким-то снадобьем, а сопротивляться не могу, нет у меня сил, да и лучше уж умереть скорее, чем жить в таких муках. Разумею, травишь потому, чтобы избавиться от меня, боишься — выдам новой власти твою службу в жандармерии. Напрасно подозреваешь в этом — нет, не выдала бы ни за что, ведь я преданно любила тебя. Чую, смерть близка, прощай, не поминай лихом. Марья».

— Подлец, какой подлец! — ужаснулась Глафира Петровна.

Ругались и другие женщины. Загнул крепкое слово Ионыч. Званцев внес тетрадь в протокол обыска. Когда покидали дом, Глафира Петровна подумала, что теперь-то здесь вполне можно оборудовать санпункт.

Осмотрели кладовую и сарай. Обнаружили тюки тканей, мешки кукурузного и пшеничного зерна, муки, пшена... Спустились в погреб: копченые колбасы, окорока, солонина, топленое сало...

— Ишь, гадина, сколько добра запрятал...

— А наши мужья голодают в окопах...

Глафиру Петровну осенило:

— Бабоньки! А что, если из этого добра готовить бойцам пищу?

Ну кто бы возразил?

Ионыч поскреб ногтями голубоватые завитки небритых волос:

— А ну, куси ево мать, заглянем в тот угол. Кажись, ковырялся соседushка-жандармушка. Подглядывать стеснялся: за человека считал, а издали подозрительные шорохи слышал...

Под навесом нашлись лопаты. Рыхлая земля поддавалась легко. В яме оказался вместительный ларь, уже тронутый гнилью. В нем — доверху отборные початки необрушенной кукурузы.

Возмущаясь, ругали Хрящева. В то же время и радовались: хороша будет из кукурузы каша бойцам! Побывали в саду, отведали плодов. Решили: все, что в саду, тоже для бойцов. За двором разошлись. Ионыч пообещал изготовить для всех хрящевских замков ключи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

В вестибюле на доске объявлений появился приказ о назначении Марии Калоевой помощником адъютанта и присвоении ей воинского звания прапорщика.

Наташу нарядили в светло-голубой мундир с золотыми погонами и такими же аксельбантами, в серую, отличного каракуля, почти голубую кубанку с кокардой и лаковые сапожки на высоких каблуках. Новонпеченный прапорщик выглядел весьма эффектно. Ею любовался Бичерахов, с нее не спускал глаз Лутосв. На нее с восхищением смотрели штабные офицеры. Когда шла по улице, вслед устремлялось множество восторженных мужских и завистливых женских глаз. Сколько раз слышала за своей спиной:

— Кто такая?

— Тихо. Приближенная Самого!

Наташу подбадривали подобные толки. Они спасали от уха-

живаний. Офицеры боялись связываться с особой, близкой к правителю.

Постепенно ушла гнетущая тревога. Но не забывался Симон. Аромат бархатных роз. Мягкая вечерняя заря в окнах. Плакучая ива на углу. Он, Симон, опустившийся перед ней, Наташей, на колени. Его стучащие шаги. И поцелуи, поцелуи, его и ее, бесконечные поцелуи. Страх и радость любви... Смутно, как во сне, вспоминался Сергей: бурка, конь, синий, дымящийся дождь...

Работала по-прежнему старательно. Дело кипело в руках. Вот куда-то ушел Лутоев. Села за его стол, разобрала почту. Стопку секретных пакетов отложила в сторону: пусть ими занимается адъютант. Остальные вскрыла. На бумаги, не имеющие большой важности, решила ответить сама, разумеется, с подписью Лутоева. Села за машинку, напечатала ответы. Когда явился адъютант и узнал, что половина почты обработана, расплылся в улыбке, похвалил за усердие.

Пришел генерал Колесников, поклонился Наташе, небрежно козырнул Лутоеву. Чиркнул глазами по приемной, сморщился и бесцеремонно распахнул окно:

— Поработаем, милочка, госпожа прапорщик? Будьте любезны, в единственном экземпляре, без копии.

Он монотонно отдиктовал цифры. Адъютант, как всегда в таких случаях, незаметно, на слух записал. Едва Колесников ушел, Лутоев принялся диктовать Наташе расшифрованное колесниковское донесение.

Наташа знала любимое выражение правителя о снежном коме, подобно которому должно расти, одерживать победу за победой бичераховское движение. Но факты говорили о другом. Пресловутый ком не двигался, даже подтаивал. Колесников сообщал Деникину, что Кизляр все еще не взят, казаки, осаждающие его, обессилели, есть угроза прорыва блокады красными. Аналогичное положение в районе Георгиевска, где блокировал красных генерал Шкуро. Недовольны станичники и отступлением из Владикавказа. Затяжка со взятием Грозного также может повлечь снижение боеспособности. В заключение Колесников докладывал, что командующим войсками Грозненского фронта назначен полковник Халеев, ввиду того, что Поморцев потерял в бою руку и вышел из строя.

Кончив диктовать, адъютант понес отпечатанную расшифровку Бичерахову.

Потом Лутоев велел Наташе помочь ему разобрать скопившиеся бумаги, разложить по папкам и подшить. Проследовал в кабинет правителя Колесников. Спустя несколько минут туда же важно прошагал генерал Мистулов, чистый, выбритый, в отглаженном мундире, при всех регалиях.

Адъютант с помощницей работали молча, не отвлекаясь, что-

бы не напутать. Зато не молчали в Бичераховском кабинете. Мистулов не плотно прикрыл за собой дверь, и Наташа многое слышала. Сперва с тревогой говорили о том, что Красная Армия одержала крупную победу в Поволжье, выбив белую гвардию и иностранные войска из многих волжских городов. Но Колесников сообщил, что в Балтийское и Черное моря вошли эскадры Англии, североамериканских Соединенных Штатов, и в разговоре снова появились нотки радости. Затем Колесников упрекнул Мистулова и Бичерахова в военных неудачах. Те оправдывались, и вот... Она затаила дыхание... Пальцы же проворно подшивали листы дела...

Мистулов: Они понастроили укреплений со стороны станицы Грозненской, да, да, господа, станицы Грозненской, а мы ударим с противоположного фланга, от Петропавловской. Да, да, Петропавловской, где нас не ждут!

Бичерахов: Вот, собственно, и конец Грозному!

Колесников: Дай бог черепахе летать ласточкой!

Тут Лутоев задвигал ящиками стола, о чем-то спросил Наташу. Ответила невпопад и уже не могла уловить смысла дальнейших изъяснений в кабинете. Бумаги валились из рук. Молотом било по сердцу, по всем жилам: «Вот и конец Грозному!» Она немедленно должна отослать донесение. Но с кем? Сергея нет. Как же быть? Ничего, ничего не придумывалось. И Симона нет, даже посоветоваться не с кем.

Наконец-то подшиты проклятые бумаги. Ушли Колесников и Мистулов, Бичерахов позвал звонком адъютанта. Надо было что-то отпечатать. Пальцы не ложились на клавиши: «Как быть? Что предпринять?! Возможно, тетя Сусанна?..»

«Тетя Сусанна!» — ухватилась за эту мысль. Вспомнила, что сохранились бланки пропусков через заставы, которые взяла тогда со стола Лутоева. Один передала Сергею, а два надежно спрятала. У тети Сусанны много преданных друзей, возможно, найдется человек, который доставит донесение? Вряд ли, конечно... Не шуточное дело попасть сейчас в Грозный. Ну, а вдруг найдется? Если нет, тогда что же?.. Тогда надо самой... Бросать все и добираться. Грозный должен знать, что ждет его со стороны Петропавловской!

Но...

Открылась дверь приемной. Наташа подняла глаза от машинки. Вошел Мамилов, начальник той беспощадной и вездесущей, особо секретной службы, от которой содрогался Моздок. Недобрым взглядом окинул Наташу. Остановил глаза на мундире и как-то по-особому, страшно улыбнулся. Не по себе стало от этого взгляда и от такой улыбки. Чего он это вдруг?

Возвращаясь от Бичерахова, Мамилов снова ударил своей страшной улыбкой. Вскоре вышел от правителя Лутоев, и Ната-

ше показалось, что он как-то странно посмотрел на нее. Сел за стол молча, насутился, старался отворачиваться от помощницы.

А вскоре проследовал через приемную Бичерахов. По всему видно: сегодня уходил совсем. Обычно говорил в таких случаях: «До свидания, Маруся!». Сейчас просверлил ее неприязненным взглядом. Она пыталась успокоить себя тем, что все это ей кажется. Мало ли какое у кого настроение? Одни улыбаются, другие хмурятся. Но тщательное наблюдение подтвердило опасность. После службы, до самой квартиры ее сопровождали два сыщика. А ведь вчера слежки не было.

Наташа хорошо знала, что никогда не дремлет особо секретная служба, прилежно обнюхивает и ощупывает всех, кто окружает Бичерахова, от самого неказистого казакишки до самых надежных приближенных правителя. Не минула, значит, эта служба и помощника адъютанта, прапорщика Калоеву, видно, нащупала пробел в ее тайной деятельности...

Тети Сусанны дома не оказалось, на двери висел замок. Отыскала в условленном месте ключ, прошла в свою комнатку, где едва умещались кровать, тахта, столик и старый граммофон. Показалось, граммофон на тумбочке стоит не так, как прежде. Резделась и, даже не подумав об обеде, залезла под одеяло. Оно не грело. Холод ломил суставы. Через полчаса осторожно приподняла оконную занавеску. Сыщики не ушли, подпирали плечами акации напротив. Значит, добираться к Грозному самой — совершенно бесполезная мысль: только шагнет за Моздок — схватят.

Тетя Сусанна не приходила. Звенела в ушах лунная ночь, стучали в голове молотки. Лихорадило. Интересно: и ночью дежурят сыщики? Старательно пряча лицо за геранью на подоконнике, всмотрелась в голубую темноту за окном. Под акациями — две человеческие тени. Дежурят! Нет из Моздока выхода. Нет! В капкане!

Заголосили петухи. Перед рассветом одолел короткий сон. Но и утром не появилась тетя Сусанна. Наташа готова была разрыдаться от невозможности что-либо предпринять.

Пора на службу. Город был алмазным от росы, воздух хмельным от запахов степи, леса и теплого парного Терека. Прохожие, как и прежде, с завистью и любопытством рассматривали красавицу в нарядном мундире. А сыщики прилежно исполняли свои обязанности.

Бичерахов с Лутоевым задерживались. Приемная была заперта. Но дежурный не дал ключ помощнику адъютанта. Как никогда официально ответил, что ключ у господина Лутоева. Да, конечно, у него и правителя были ключи от приемной, но третий хранился у дежурного. И Наташе всегда любезно протягивали этот ключ.

Невесело ждала Лутоева. Он поздоровался сухо. Беспокойство и растерянность выражало его лицо. Молча поплелась вслед.

Позже пришел вместе с Колесниковым Бичерахов. Генерал ей поклонился, правитель пронзил враждебным взглядом. Лутоев плотно закрыл за ним дверь кабинета. Понятно: чтобы не слышались разговоры. А когда адъютант на несколько минут куда-то отлучился, убрал со стола все до единой бумажки, надежно запер ящики.

Все, все замечала, внимательно присматриваясь, Наташа. И сделала окончательный вывод: доверие к ней утрачено!

Медленно тянулось утро. Колесников ушел. Лутоева вызвал Бичерахов. Она допечатала последние бумажки, что поручили вчера. Сегодня работы не давали. Но вот явился от Бичерахова Лутоев, взял у нее эти бумажки, пожал плечами и наигранно развел рукой:

— Возможно, у вас есть желание уйти домой? Пожалуйста, работы пока нет...

Побледнев, кивнула. Ясно! Больше здесь она не нужна, ее выпроваживают. И сюда уже не пустят. И ждать теперь, пожалуй, недолго, вот-вот схватят! Могли бы уже. Непонятно, почему медлят? Скорей, скорей бы передать сведения. Как?.. Кому?.. Ну хотя бы тете Сусанне! Она хорошая, она постарается... Но она куда-то запропастилась! Что с ней?

Домой шла быстро, почти бежала. Молила судьбу, чтобы сразу же увидеть тетю Сусанну. Увы! На двери замок. Ключ лежит нетронутым. В доме — никого. Упала в кровать и разрыдалась. А когда выплакалась — не было сил подняться.

Лежала, соображая, что именно и каким образом они могли о ней узнать. Скрупулезно проанализировала все, что произошло от выезда из Грозного до настоящей минуты. Зацепилась только за два факта: либо Гурия вспомнила, при каких обстоятельствах встретилась с ней, Наташей, в Грозном и донесла, либо это последствие встречи с Сергеем под кручей у Терека, когда их выследил тот, в клетчатой кепке.

Конечно, оба факта не бесспорны. Мало ли что может наговорить какая-то Гурия? А свидание с Сергеем порочит лишь как жену Симона, но не сотрудницу бичераховской канцелярии. Нет, это не улики. Однако такое заключение не ободрило. На кой черт особо секретной службе улики? Кто будет утруждать себя поисками истины? Когда расстреливают по самому незначительному подозрению.

«Что же я лежу, дура! — выругала себя и вскочила. — Только тетя Сусанна может помочь, больше никто! Ее надо искать. Немедленно. Но где? Возможно, на базаре... Она продает иногда фрукты из своего двора...»

Заметив важную особу в золоте погон и аксельбантов, тесный базар расступался перед ней, как перед царицей. Подвыпившие

казаки в форменной одежде, старались уйти подальше, не успевшие, выпятив грудь, козыряли. И ни на шаг не отставали сыщики.

Обошла фруктовые и овощные ряды, заглянула в продуктовые, даже фуражные! Нет, не было тети Сусанны, не было!.. Обида, досада, зло терзали душу. Хотелось рвать погоны, аксельбанты, мундир и швырять ключьями в лицо этим идиотам, что со страхом или завистью пялят на нее глаза — беспомощную, как красивая канарейка в клетке.

Не забыла захватить из дома корзиночку. Купила арбуз. Пусть зафиксируют сыщики: ходила на базар по делу!

Возвращалась улочкой вдоль Терека, все еще надеясь встретить тетю Сусанну: где-то здесь жили родственники Калоевых.

Тесно Тереку в берегах, и он бурлит, брызгается, взбивает пену, тяжело вздыхает и несется, несется к просторам Каспия. Хорошо ему, Тереку, у него есть выход к морю. У Наташи тоже кипит, бурлит в душе, ей тяжело вздыхается, только не может она сделать дальше Моздока даже шага. У нее нет выхода.

Увидела плакучую иву на углу улицы, ту самую... Где ты, Симон? Почему так долго не возвращаешься, жив ли? Плохо мне без тебя, плохо!.. Как счастливы были те минуты ласк, нежности и поцелуев. Наступят ли они снова? Глянула на небо, что тлело тогда в мягкой вечерней заре. Но не было сейчас зари. А был августовский полдень с короткими четкими тенями от деревьев, с терпким кисловатым запахом нагретого виноградного листа и медовым — зреющих гроздьев, с пыльной духотой и свежим, как сквозняк, дыханием Терека. А над ивой плыло в золотистых брызгах солнца алмазное облако, сверкали, лучились, резали глаза перламутровые грани его.

Но она, кажется, замедлила шаги? А надо спешить, спешить! Может быть, уже дома тетя Сусанна, а она, Наташа, зря шляется где попало...

Но не было тети Сусанны дома. Не было! Господи, что это такое? Да жива ли она?

2

Глафира Петровна, встретив Фатиму, обрадовала ее, сказав, что нашла дом для санпункта. И побежала собирать сандружину на занятие.

Когда трехдневные курсы закончились, дружина начала распорядиться в доме. К тому времени Ионыч принес ключи. Всем командовала Глафира Петровна. Вещи переписали. Нужные отобрали для бойцов. Побелили стены, вымыли полы. Добавили из своих халуп кровати, матрацы, подушки.

Через два дня комнаты в доме (теперь их называли палатами) преобразились, заблестели белизной и чистотой. Дружинни-

цы нарвали в палисадниках богатеев флоксов и георгин, поставили в цветочницах и стаканах на подоконники. Задымили печные трубы. Пекли хлеб, в больших кастрюлях, чугунах и ведрах варили борщ с колбасой или окороком, томили кукурузную или пшеничную кашу, готовили галушки.

В тех же кастрюлях, чугунах и ведрах дружинницы, пригибаясь в ходах сообщения, под свист пуль и россыпь шрапнели разносили пищу бойцам. А из окопов, оказав первую помощь, выводили и выносили раненых, укладывали на койки в новом санпункте. Тяжелых увозили на двуколках в госпиталь, легких развозили по домам.

Стучали швейные машинки. Из хрящевской бязи шили для раненых постельное и нижнее белье. Стирали, гладили, латали белье бойцам, что воевали в окопах. И везде можно было видеть Глафиру Петровну: в палатах у раненых, у корыта с мыльной пеной, с иглой в руке...

3

Скрипнула наконец дверь. Наташа бросилась на шею хозяйке: — Тетечка Сусанночка, миленькая! Где же вы пропадали?! У меня такое горе...

Тетя Сусанна выглядела измученной. Опустив руки, грустно слушала квартирантку. Наташа почти залпом выпалила обо всем: об угрозе Грозному, отсутствии Сергея, подозрении к ней, Наташе, из-за чего фактически ее уже выгнали из канцелярии, что по следам ходят сыщики и, очевидно, вот-вот ее схватят.

— Как это важно, — почти плакала Наташа, — чтобы в Грозном знали... Тетечка Сусанночка, миленькая, помогите, умоляю!..

— Сядем, доченька, у меня нет сил стоять, — тетя Сусанна обняла Наташу, посадила рядом на подвернувшуюся скамью. — Господи, и тебя коснулось... Да, конечно, в Грозный надо бы... Но вряд ли, милая, смогу помочь... Я только с допроса...

— С допроса? Какого?

— Допрашивал этот самый, будь он проклят, Мамилов... Сперва вежливо, потом кричал... На ночь бросил в тюрьму... Сегодня допрашивали сразу трое, намахивались раскаленными прутьями... Домогались, где прячется Симон. Неужели не понимают, что я мать! Пусть сожгут всю своим прутьями, да разве скажу...

— Симон?! — у Наташи потемнело в глазах. — Прячется? Боже мой! Где прячется, почему?

— Милая, он керменист, сражался на стороне большевиков.

— Неужели им это известно?

— Выходит, известно...

— Тетечка Сусанночка, миленькая, говорите, пожалуйста, говорите, что с ним?

— Вчера, примерно через полчаса после твоего ухода на службу, пришли ко мне его друзья и сказали, что он прячется. Что нуждается в более надежном укрытии, но возможности такой нет, и это их тревожит. Пока он в Моздоке — опасность большая, меня это тоже тревожит: мамилевская служба умеет вынюхивать...

— Господи, тетя Сусанна, не соображу, зачем же он появился в Моздоке, если опасно?

— Этого, прости, я уже не знаю. Значит, надо, если появился. Сказали мне только, что он сделал то, что ему поручили в Моздоке, но его нащупали, а вырваться путем, которым сюда проник, уже невозможно. Ну вот. А спустя еще час после того, как я это узнала, пришли от Мамилова с обыском, после которого меня увели.

— Был обыск? — Наташа стала бледнее.

Кинулась в свою комнатушку, заглянула под кровать. Да, саквояж стоял не на прежнем месте. Теперь понятно, почему сдвинут и граммофон. Вещи в саквояже переверочены... Но это чепуха. Страшно другое. Пальцы лихорадочно ощупывали узкую щель в том месте, где кожа саквояжа соединялась с металлической рамой. Фу! Отлегло. Не заметили. Не тронули! Извлекла скатанную бумажную трубочку. Вот где спасение родному, милому Симону! Плюхнулась на тахту, отдышалась. Раскручивая трубочку, побежала к тете Сусанне:

— Смотрите, смотрите, вот бланки пропусков через заставы! Здесь есть все: печать, штамп, подписи. Остается вписать любую фамилию...

Лицо тети Сусанны просветлело:

— Да, это, пожалуй, спасение.

— И пусть пробирается в Грозный! Где еще можно найти укрытие надежнее? И пусть скажет командарму Гикало или коменданту Тамбинскому, что готовится наступление со стороны Петропавловской. Запомните: Пет-ро-пав-лов-ской! Пусть принимают меры.

Но замолчала, сообразив, что болтает зря. Ведь не может тетя Сусанна встретиться с Симоном, за ней, конечно, следят. Сказала об этом.

— О милая, — успокоила тетя Сусанна, — друзей у нас много, связь налажена. Симону передадут все точно и уже сегодня. В конце нашего двора растет груша. Стану трясти ветки, собирать плоды в зеленое эмалированное ведро. Это сигнал. Выйдет сосед, начнет рвать персики с дерева рядом с забором. Тут мы незаметно переговорим. И бланки пропусков передам. А он знает, кому дальше.

Наташа рассказала, как лучше попасть в Грозный: вблизи станицы Галюгаевской свернуть к Терек, найти в камыше за-

лива лодку; на той стороне реки в ауле Терк-Юрт спросить Дуду Хаттуева, тот укажет дальнейший путь. Подумав, попросила тетю Сусанну не передавать Симону о ее, Наташином, тяжелом положении: что за ней следят и, возможно, арестуют. Будь что будет, не следует еще и по этому поводу расстраивать Симона, ему и так трудно.

Тетя Сусанна обещала промолчать, взяла бланки пропусков, захватила зеленое ведро и ушла. Наташа привела в порядок вещи в саквояже, поправила граммофон, присела на тахту. Волнение несколько улеглось. Главное сделано, донесение наверняка будет в Грозном, и Симон спасется. Но сама она все еще в опасности. И причина тут скорее всего — не Гурия, и не шпик в клетчатой кепке, а Симон. Кто ей, Марии Калоевой, жене кермениста, поверит, что она не шпионила в его пользу? И расправа будет жестокой—жизни не пощадят! И не схватили ее пока, чтобы некоторое время послужила приманкой для Симона. Потому не держат в тюрьме и тетю Сусанну. Авось Симону вздумается встретиться с женой и матерью? Тут его и прихлопнут. Следовательно, сыщики ни за что от нее, Наташи, не отстанут, на побег рассчитывать нечего. Оттого не оставила себе бланк пропуска — не к чему. Симону же могут пригодиться оба.

Терла лоб, ворошила на голове волосы. Думала. А может, все-таки попытаться спастись? Например, отправиться к Бичерахову, притвориться возмущенной поступком мужа-предателя, заявить о своем с ним разводе, уходе из его семьи и просить помощи в устройстве с жильем. Вдруг поверит?

Шагнула туда-сюда по комнатухе, рассудила так и этак. Решительно одернула мундир, причесала волосы. Оконное стекло трогала маслянистая желтизна второй половины дня, когда солнце уже спускается к горизонту и лучи становятся густыми, словно бы липкими. Вошла с ведром краснобоких груш тетя Сусанна. Наташа сказала о намерении идти к Бичерахову. Та покачала головой, попросила выслушать ее. Но прежде заставила Наташу пообедать. Когда подала на стол после супа вазу с грушами, начала:

— Нет, доченька, к Бичерахову не надо! Предположим, он поверит тебе. Все равно не следует доверяться врагам: найдут такое жилье, что в случае необходимости не выберешься. Лучше ближе к своим. Я сейчас посоветовалась и уже кое-что предприняла. Да, уйти из нашего дома ты должна немедленно. Может быть, это единственное для тебя спасение — разрыв с мужем-керменистом. И Симону это необходимо. Чтобы было понятно — почему, расскажу по порядку.

Она говорила и гладила, гладила Наташу по плечу. Шафрановым казалось от предвечернего солнца худощавое, доброе лицо тети Сусанны.

— Когда Симон отправился сражаться, друзья в Моздоке сочли необходимым оберегать его жену. Ведь им неизвестна тайна вашей мнимой женитьбы, она принята за чистую монету. Решили охранять тебя от возможных опасностей. Не думай, пожалуйста, что они затеяли подлую слежку, желая знать твоё поведение, уличить в неверности мужу. Друзья Симона выше этого. То было благородное желание хороших людей прийти в случае чего на помощь, спасти от обидчиков, выручить из беды. Так один из них стал невольным свидетелем твоей встречи у Тёрека...

Наташа, покраснев, опустила голову.

— Я-то догадываюсь, кто он, Сергей! Но для них... Конечно, возмущенные друзья рассказали Симону, а вчера и мне...

«Значит, тот, в клетчатой кепке, не шпик!» — отметила про себя Наташа.

— По обычаям горцев, жену-изменницу убивают, во всяком случае выгоняют немедленно. И если этого не случится, Симона засмеют, от него отвернутся даже лучшие друзья. А без друзей он не сможет. Правда, сын мне говорил, что по-настоящему любит тебя... Но если ты предпочла Сергея...

— Нет, нет! — внезапно вырвалось у Наташи.

— Что?..

Наташа еще ниже опустила голову. Тетя Сусанна подождала, но, не дождавшись ответа, продолжала:

— Симон тоже догадался, конечно, что это был Сергей. Уверена: на вас Симон не в обиде и по-прежнему друг, ведь вы товарищи по борьбе, а это для него прежде всего... Сейчас же напиши прошение о расторжении брака. Кому писать? Раньше подавали в святейший синод, сейчас все перевернулось, пиши местному настоятелю Успенского собора. Ведь брак фиктивный, всё равно его расторгать надо...

— Нет, нет!

— Что?

— Нет, нет, не фиктивный, не фиктивный! — Наташа беспомощно свалила голову на грудь тети Сусанны. Обхватив ее шею, захлебнулась слезами. — Я тоже люблю его, тоже... Мы муж и жена, муж и жена мы, милая тетечка Сусанна... Нет, вы теперь моя мама, милая мамочка!..

Тетя Сусанна, пораженная, молчала. Смотрела на Наташу изучающим взглядом. Потом взяла ее голову, повернула к себе, не отрывая от нее глаз, спросила строго:

— Это правда, ты не шутишь?

— Правда! Он для меня все, он мое счастье! Нет ничего у меня дороже его.

Тетя Сусанна думала. То суровело ее лицо, то смягчалось.

Наконец прижала к себе Наташу, погладила ее голову, поцеловала в губы. Сложила пальцы щепотью и перекрестила:

— Ну, что же, доченька, и я тебя люблю. Благословляю вас. И пусть благословит вас господь и даст вам счастье.

И Наташа поцеловала ее:

— Спасибо, мама.

— Кончится, бог даст, все благополучно, — свекровь гладила Наташину голову, — сыграем настоящую свадьбу. А пока для вида надо развестись. Сделаем так. Напишешь сейчас прошение о расторжении брака, заберешь свои вещи и пойдешь в Успенский собор к отцу-настоятелю. Может быть, ты там его не заставишь сегодня, время уже позднее, но сыщики это увидят и кому там у них положено скажут. Пусть начальство знает, что ты там была. Потом отправишься на новую квартиру, — свекровь назвала адрес. — Хозяйка вполне надежна. Я договорилась с соседом, он предупредит ее о тебе. Узнаешь ее по большим серебряным серьгам. Твоя примета для нее — мундир прапорщика. Однако сразу не иди. Побродишь по городу, постучишь в калитки, поспрашиваешь квартиру у других. Это тоже для сыщиков, чтобы видели: покинув наш дом, захватив вещи, сама искала себе жилье, наконец нашла. Пусть не будет для них повода полагать, что оно заранее подготовлено. Вот и все, доченька. Пусть господь избавит тебя от всех бед!

Свекровь принесла бумагу и чернила, помогла составить прошение от потомственной казачки Марии Табацковой о расторжении бракосочетания с обманувшим ее крестником Калосым.

Обнявшись на прощание, обе расплакались.

— А как же вы, мама? — Наташа вытерла носовым платочком слезы. — О себе вы подумали?

— Что я? — она жалостно развела руками. — Куда уйду от своего дома? Вряд ли пока меня тронут. Им важнее за мной следить, не встречу ли с Симоном, чем держать в тюрьме. Иди, Марусенька, пора, дай я тебя поцелую...

4

Полная, величественная, с гордо поднятой головой, толстогубая хозяйка, с большими серебряными серьгами в ушах, пригласила Наташу поужинать. Поблагодарив, та отказалась. Разоблала постель, разделась, легла. Окно за шторкой было темно-синим, затем мрачно-золотистым, наконец светло-зеленым: взошла луна. Не спалось...

Да, сделано все, как велела свекровь: ходила в собор, стучала в калитки, пришла вот сюда. Но как бы ни было, Симон — крест-

менист. Вряд ли они ей простят его. Больно и гулко билось сердце, ежилась каждая клеточка. Что это — страх? Нет! Она уже успела привыкнуть к мысли, что будут пытаться, мучить до смерти. Не испугают. Ничего не добьются! Не страшно, а обидно, что очень мало сделала для Грозного, и вот провал...

Тихо... Только где-то шумит монотонно, назойливо, будто ветер цедится через кроны деревьев. Но ветра нет. Видна через окно неподвижная листва тополя. Значит, шумит это от напряжения кровь в ушах. Луна заглянула в окно. Неулыбчивая она сегодня, злая. Тонкое, как тюлевое, облачко перечеркнуло ее, она сморщилась, стала еще злее. Глубокая ночь вокруг. Нет, теперь уже не придут. А может, и совсем не придут? Вот бы!

Медленно померкла луна. Вместо нее явилось веселое лучистое солнце. Зеленый росистый луг распростерся за окном далеко-далеко, до самого горизонта. Зачем же лежать в этой душной комнате, когда в двух шагах такая прелесть? Легкой птицей выпорхнула за окно и, босая, в одной сорочке, радостная, побежала росистым лугом. Навстречу ослепительному солнцу... Навстречу чистому голубому горизонту. А следом — Симон. Поймал ее. Поднял сильными руками высоко над своей головой. Нежно положил в мягкую душистую траву. Поцеловал. Но откуда-то надвинулась черная лохматая туча, закрыла собой солнце. Хлынул шумный дымящийся дождь. Наташе не хотелось расставаться, и они медлили. Симон ушел за развесистую плакучую иву, и Наташа разрыдалась...

Проснулась с мокрыми от слез глазами. Вставало за окном голубое утро. Его звучно встречал оркестр петухов, ласточек, удонов и воробьев. Весело было там, за окном, беззаботным птицам. Горестно было Наташе. Откинула шторку, глянула в окно. И обмерла. Во двор входили. Один в штатском, двое в погонах, с винтовками. Явились... Конечно, за ней, сомнения в этом не было...

5

— Разрешите войти? — Званцев приоткрыл дверь в кабинет Тамбинского.

— Да, да, конечно. Присаживайся, — Тамбинский показал на стул.

— Докладываю: нога зажила полностью!

— Вот и хорошо. И город от малютковской дряни почистили. Пора на ту сторону, восстанавливать связи.

— Давно рвусь!

— Завтра в ночь и пойдешь. План с Гикало и Шериповым согласован. Сначала в станицу Грозненскую...

— Лучше бы сперва в Моздок...

— Понимаю, любовь и прочее... Но ведь прямой дороги на

Моздок нет. А в Грозненскую нащупана лазейка. Примерно против аула Алды сохранились сваи от моста, кое-где настил. Сразу же за ними, по ту сторону Сунжи — казачий пост. Затеем бучу, чеченские бойцы нападут на пост, отвлекут на себя, тем временем перейдешь под шумок.

— В Грозненской встречу с Листопадом...

— Да. Постарайтесь подобрать связного. И сразу — в Моздок. Не удастся найти связного, принесешь сведения сам. А потом уже, тем же путем, через Грозненскую — в Моздок.

Званцев pokrивился.. Встреча с Наташей могла быть не так скорой, а тоска по ней томила душу. Стараясь не думать о Моздоке, настраивал себя на Грозненскую. И вдруг дерзкая мысль, родившись, потрясла Званцева своей значимостью. Вдумался глубже и пришел к выводу, что, если удастся эта отчаянная операция, вражеская агентура будет подорвана окончательно. Вскочил со стула румяный, возбужденный:

— Константин Петрович, а что, если в Грозненской копнуть поглубже, рубануть под корень?

— Что ты имеешь в виду?

Ответить Званцев не успел. Вошел перекрещенный ремнями дежурный, ввел стройного, красивого парня, очень усталого, в разорванной черкеске. Доложил, что задержан этот человек бойцами чеченской Красной Армии вблизи Ханкальского ущелья. О себе не говорит, желает видеть Тамбинского или Гикало.

Но Званцев узнал парня:

— Симон, дорогой! Каким ветром?

Они долго трясли друг другу руки.

Представившись Тамбинскому, Симон рассказал, в каком опасном положении он очутился и что передано из Моздока: готовится наступление со стороны Петропавловской. Тамбинский снял телефонную трубку, попросил телефониста срочно разыскать по проводам Гикало и соединить с ним. А Званцев тем временем интересовался, какой дорогой добрался Симон в Грозный.

Симон объяснил, что в Терк-Юрте Дуды Хаттуева не оказалось, воюет. Его жена отвела Симона к внимательному седовластому старику, он и указал небезопасный, но единственный, неотрезанный бичераховцами путь к Грозному. Осторожно пробирался Симон вниз по течению Терека, вышел к Сунже, а затем к устью Аргуна. Поднялся вверх по его берегу, свернул наконец к Грозному. Вблизи Ханкальского ущелья был задержан.

Сергею очень хотелось расспросить о Наташе, но не решался. Спросил Тамбинский:

— Как там чувствует себя Маруся?

— Точных сведений не имею, — грустно и тихо ответил Си-

мон, — но, должно быть, у нее все в порядке, она-то и спасла меня бланком пропуска.

— Я так понял, — продолжал Тамбинский, — что вам, Симон, нельзя сейчас появляться в Моздоке.

— Да.

— Следовательно, вы останетесь в Грозном?

— Нет.

— А как же?

— Мне невозможно быть далеко от Моздока. Я вхожу в штаб, который готовит восстание в бичераховской столице. Понимаете? Мы скрываемся вблизи города в одном осетинском хуторе, там мое место. И нам с вами было бы неплохо наладить постоянную связь. Наш штаб поручил мне договориться об этом.

— Что же, я представляю вас командующему, уверен, он не будет против координации совместных действий.

— Силы у нас пока небольшие, однако с каждым днем растут. Но даже этими силами, если выбрать удобный момент, мы сможем нанести чувствительный удар. Понимаете? С этой целью и просим разрешения пользоваться сведениями вашего человека в Моздоке, а также информацией о положении в Грозном...

— Очень хорошо! — потер руки Тамбинский. — Вы берете сведения у нашего человека в Моздоке, передаете нам через своих связных, одновременно пользуетесь этими сведениями сами. Мы через тех же связных информируем вас о положении в Грозном, одновременно поддерживаем контакт с нашим человеком в Моздоке. Прекрасно! — Тамбинский повернулся к Званцеву. — Если вопрос решается таким образом, тебе в Моздоке вообще делать нечего!

Званцев кивнул, но у него защемило сердце и возникло страшное предчувствие, что он никогда уже больше не встретится с Наташей.

Подал голос полевой телефон. Тамбинский снял трубку. Телефонист сообщил, что Гикало, покинув командный пункт на Левом фронте, отправился в штаб, просил коменданта явиться туда.

Велев Званцеву прийти позже, Тамбинский повел Симона к командующему.

6

Первым желанием Наташи, когда она увидела во дворе конвоиров, было выскочить в окно и бежать, бежать, куда попало. Но дошло до сознания, что это глупо, и она машинально начала натягивать мундир... Наконец сообразила, что самое лучшее притвориться, будто ни о чем не догадывается. Нырнула под оде-

ило. Окно накалилось, и первый луч солнца шевельнулся в стеклах, точно взмахнула крыльями сказочная жар-птица. В дверь постучали.

— Входите, — пригласила капризным голосом только проснувшейся женщины и, выпростав из-под одеяла руки, потянулась.

В ту же минуту увидела на пороге Лутоева. В соломенной, набок, шляпе, чесучовом пиджаке, красивом галстуке. Он покоился на белые руки. Она поспешила их спрятать. Прошагал к кровати, сказал резко и строго:

— Лежите и не шевелитесь. Где ваши вещи?

— Мои вещи? — ответила с ноткой удивления. — Зачем они вам? Пожалуйста, — показала глазами.

— Хорошо, — кивнул, переложив ридикюль подальше от нее. — А теперь встаньте.

— Арсений! — изобразила возмущение. — Что это значит? Я не одета.

— Прошу встать. Все объяснения потом, — он говорил сухо, официально.

Кутаясь в одеяло, соскользнула с постели. Лутоев слазил рукой под подушку, поднял перину, заглянул под кровать. Разрешил снова лечь. Осмотрел тумбочку, перебрал вещи в саквояже. Полез в ридикюль...

— Скажите, Маруся, только честно, оружие у вас есть?

— Господь с вами, Арсений! — крикнула с негодованием, села в постели, натягивая одеяло. — Какое оружие? — Уткнувшись лицом в одеяло, разрыдалась громче и жалобней, чем следовало.

Лутоев не отвечал. Потрогав в ридикюле зеркальце, носовой платочек, карандаш, нащупал бумагу. Развернул. Прочитал прошение о расторжении брака. Заметила: сходит напряженность с лица Лутоева.

— С этим, — потрянул прошением, — ходили вчера в Успенский собор?

— Откуда вы знаете?

— Мы все знаем, Маруся. Поэтому говорите правду. Где Симон Калоев?

— Арсений, скажите мне, пожалуйста, где завтра будет облако, которое плывет сейчас по небу?

— Муж не облако!

— Калоев поступил хуже. Обманул меня. Поэтому — больше не муж...

— Точнее!

— Меня давно беспокоило то, что бои во Владикавказе закончились, а муж не подает о себе вестей. Я понимаю, война не

в одном месте, он может быть на другом фронте. Но жене-то о себе как-то сообщить должен. Спросила у свекрови, она пожмает плечами, тоже не знает. А вчера шепнула: «Говорят, Симон воевал на стороне красных». Плачет, не верит этому, объясняет, что такого от сына не ждала. Я спросила: «Так это точно или нет?» Отвечает: «Наверное, точно». Это меня взбесило, и я ей крикнула: «В таком случае ваш сын мне больше не муж, я потомственная казачка, а он — против казаков, никогда не прошу ему этого, он оскорбил мою честь, связался с голодранцами, которые уничтожают казачество!» Собрала вещи, тут же написала прошение о разводе и пошла в собор разводиться. К сожалению, отца-пастыря не застала. Но не поздно и сегодня. В дом Калоевых я никогда не возвращусь, видите, нашла себе квартиру...

Поднялись у Лутоева насупленные брови, расправились строгие морщины на переносице:

— Неужели вы не знали, куда направился Калоев из Моздока?

— Почему не знала? Точно знала: в войско полковника Беликова! И не только от самого Калоева, но и от сотрудников нашего мотобдела. Что же в этом предосудительного?

— Странно все это, Маруся, — в его голосе не чувствовалось теперь официальной сухости, проскальзывали нотки дружелюбия. — Будем надеяться, господин Мамилов разберется во всем тщательно и справедливо.

— А тут и разбираться нечего, предельно ясно: отвечать за поступки Калоева я не обязана!

Она пожала плечами, одеяло упало, обнажив грудь, лишь наполовину затянутую полупрозрачным шелком сорочки. Лутоев не мог оторвать от нее глаз, лицо запылало жаром.

— Честно, Маруся... Я вас ни в чем не подозреваю, — он заикался, пьянея от возбуждения. — Произошло видно и недо-разумение. Вы знаете мои отношения с Георгием Федоровичем, я поговорю с ним... — Потянулся к ней рукой, она позволила прикоснуться к плечу. — К тому же... Как сказать?... М-мое сердце не позволит обидеть ту, к-которую... давно и крепко, да, да, без-зумно люблю!..

Потянулся к ней, Наташа легонько отстранила его руку, капризно погрозила пальчиком и натянула на себя одеяло:

— Кто любит, Арсений, тот не грубит! А вы вошли мрачнее тучи, и сразу: «Лежите и не шевелитесь!» Как не стыдно!

— Душа моя! Служба... Ин-инструкция. Я сделаю для вас все, что от меня з-зависит...

Она кокетничала. Она сама не могла себе ответить, как это произошло? Ей никогда еще ни перед кем не приходилось рисоваться, а тут вдруг... Вероятно, сработало чувство самосохране-

ния, получилось интуитивно. А теперь надо продолжать, хотя было не по себе, что оказалась перед Лутоевым в таком виде. Перед белогвардейцами, к которому питала только ненависть и гадливость. Но ведь этот бичераховский холуй способен повлиять и на Мамилова, и на самого правителя. Улыбнулась:

— Разрешите одеться?

— Пока и-не в мундир...

Она ждала. Он не уходил, снова тянулся к ней, теперь уже обеими руками.

— Арсений, ну что вы, право... За дверью люди... У нас с вами все впереди...

Накаленные глаза его с трудом оторвались от Наташи.

— Х-хорошо, Марусенька, отпущу конвой, буду вас ждать...

Прихорашиваясь перед зеркалом, мучительно соображала: «Конечно, после намека, что у нее с ним все впереди, жизни не даст, проклятый, будет помогать. Но лишь бы выкрутиться сейчас, восстановить доверие, быть полезной Грозному! А там уж как-нибудь отважу!»

Вышла в шелковом платье, плотно облегающем фигуру, в белых фильдеперсовых носках и модных изящных туфельках. Все это куплено в Моздоке, на бичераховское жалование. Красивая, гордая, с достоинством прошагала через двор, чувствуя, что идущий сзади Лутоев не спускает с нее глаз.

Величественная хозяйка стояла у калитки. Большие серебряные серьги покачивались в ушах. Она одобритительно смотрела на квартирантку: давай, мол, не теряйся...

Извозчик в кафтане, перепоясанный ярким кушаком, важно восседал на козлах фаэтона. Натягивая вожжи, сдерживал нетерпеливых коней. Наташа попросила Лутоева помочь ей сесть в фаэтон. Лутоев расцвел. Сейчас она была почти полностью уверена, что влюбленность Лутоева поможет ей выиграть это сражение.

Катили по мостовой. Цокали подковы. Чмокал губами на коней извозчик. Лутоев плотнее прижимался к Наташе. Она спросила:

— Куда мы едем?

— Велено везти в тюрьму. Но, как видите, я отпустил конвой.

— Вы милый! — шепнула у самого уха и взяла Арсения под руку. — Я не ошиблась, считая вас прекрасным человеком.

Лутоев прилип к ней плечом и тоже наклонился к уху:

— Надеюсь, Калоев не помешает мне теперь предложить вам руку и сердце.

— У нас — все впереди.

— А между прочим, Маруся, вам грозило серьезное обвинение.

— В чем?

— В том, что ваш муж — член пробольшевистской организации, вы же, зная об этом, скрывали, может быть, даже шпионили...

— Калоев — подлец! — вспыхнула Наташа. — Он скрывал это не только от меня, но и от своей матери!

Делая вид, что задыхается от гнева, подбадривала себя: «Так, так, Наташа!» Чувствовала, что хорошо играет свою роль.

— Думаю, это обстоятельство реабилитирует вас в глазах Георгия Федоровича.

У подъезда отпустил извозчика. Поднялся на второй этаж. Лутоев велел ждать в коридоре. Направилась в конец, к дальней стенке, остановилась у окна. На улице торжествовали солнце, зелень и жара. Думала: «По-своему они правы. Муж — керменист. Это уже улика. Но, пожалуй, единственная. Сыщики не могли доложить обо мне что-нибудь предосудительное. Однако, если бы не влюбленный Лутоев, тюрьмы и допросов с пристрастием не миновать».

Ждала долго. Наконец он явился. Вид у него был довольный:

— Ну что же, Марусенька, я убедил Георгия Федоровича в вашей невинности.

Одарив обаятельной улыбочкой, она протянула ему руку:

— Спасибо, милый Арсений, я этого не забуду.

Лутоев оглянулся. В коридоре никого не было. Он потянулся к ней губами. Она подставила ему щеку.

7

Тамбинский сказал Званцеву:

— Выкладывай, что ты там задумал в станице Грозненской, копать глубже, рубить под корень?

Званцев прокашлялся:

— Почистили мы город от малютовской дряни, но ведь не полностью. Убийства реже, правда, но случаются. Если Хрящев показал своих агентов, то Синеоков — ни одного. Да и всех ли показал Хрящев? Рано или поздно выловим, конечно, оставшихся, но ведь желательно скорее. Мы будем вылавливать, а Ма-

люта засылать новых, сволочи не перевелись. Надо взять Малюту! Тогда вражеская агентура будет подорвана окончательно!

— Да, это, пожалуй, рубануть под корень, — согласился Тамбинский. — Могут, конечно, на место Малюты найти другого. Однако сейчас им это не так просто. Пока руки снова дотянутся к Грозному, думаю, бичераховщине наступит конец.

— Разрешите действовать, Петрович?

— А вот горячиться не следует, — Тамбинский предостерегающе поднял палец. — Не так это легко, как тебе кажется. Какую-то Гурию, малютковскую связаную, до сих пор взять не можем, а тут Самого! Подумай хорошенько, сумеешь ли? При каких обстоятельствах доводилось тебе с ним встречаться?

— Собственными руками сделал ему метку на всю жизнь. На лысине!

— Какую метку?

— Да уж очень лют был проклятый жандарм. За одно неосторожное слово против царя предписывал сечь рабочих. Я тогда служил во владикавказских железнодорожных мастерских. Секли до полусмерти, а случалось и до смерти. Малюта лично присутствовал при экзекуциях, иногда сам брал розги. Однажды засек насмерть троих. Невозможно было равнодушно смотреть, как, мучаясь, умирали. Я и не выдержал, надумал убить проклятого. Потом рассудил: «Убьешь, тут же появится другой, такой же». Решил пометить меткой, чтобы не избавился от нее никогда. Подговорил четверых надежных ребят, сам пятый. Нашли в глухом переулке заброшенный подвал. Заранее спрятали там свечу, принадлежности для татуировки. Закутались в башлыки, подстерегли поздним вечером Малюту. Схватили, обезоружили, заткнули кляпом рот, связали. Затащили в подвал. Татуировке я научился еще в приюте. Изобразил на лысине рогатую и клыкастую рожу черта. Так с ней и ходит.

— Не нашли вас жандармы?

— Недели через три явился в мастерские Малюта, мрачный, осунувшийся, с ним еще трое. Медленно обошли цехи, пристально посмотрели в лицо каждому: не дрогнет ли кто, выдав себя? Спокойно выдержали взгляд я и мои соучастники. На том кончилось.

— Малюта стал мягче?

— Какое там... Еще злее. Жандарм есть жандарм. Сейчас я не стал бы затевать подобное озорство, а тогда был совсем молод, многого не понимал.

— Что же, будем Малюту брать! Но старшим в этой операции, согласись, лучше быть Листопаду. Разведчик он давний, не обижайся, Сережа, опытней тебя, да и обстановку вокруг объ-

екта хорошо знает, близок к нему. Так и передай: посылаешься ему в помощь. Свою конспиративную кличку не забыл?

— Тюльпан.

— Пусть так и будет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Не заходя в станицу, прокрались к кладбищу. Залегли между холмиками могил в высокой траве. Курили опасливо, в кулак. Разрывы зеленых облаков обнажали дынный кусок луны, зеденовато мерцали кладбищенские кресты и оградки. Станица выступала вдаль силуэтами тополей.

Когда луна, скатившись к горизонту, померкла, чутко задремали на теплой земле. К утру промокли и промерзли от обильной росы. С рассветом спрятались в канаве, что окружала кладбище, закусили. Взошло солнце, согрелись. Дьяков, блестя белыми зубами, сказал спутникам-михайловцам:

— Схожу в станицу, разведая, что там делается. Не вернусь к обеду — ищите, выручайте.

Шел поодаль дороги, выгоном, внимательно осматриваясь. Под ногами шуршала полынь, серая полынная пыльца густо оседала на ичихах. В станице юркнул в первый переулок и зашагал вдоль домов в тени деревьев. На Дьякове была казачья шапка, форменный военный чекмень без погон. Обыкновенный казак.

На площади у церкви — галдящая толпа. Люди, занятые своим, не обратили на Дьякова внимания; и он поспешил смешаться с ними. Толпа скопилась у каменного дома, по всем признакам, бывшего станичного правления. С верхней ступеньки крыльца пытался говорить стройный, с припухлыми веками казак в засаленном бешмете. Но выправка и холеное лицо выдавали в нем офицера. Дьяков безошибочно узнал бывшего депутата войскового круга хорунжего Фальчикова, того самого эсера, что так яростно выступал против большевиков на съезде во Владикавказе.

— Господа казаки! — напрягал он голос. — Будьте благодарны, прислушайтесь к мудрости отцов и дедов. Они советуют вам записываться в отряд для подавления большевизма. Авторитетно заявляю: каждый записавшийся получит от терского правительства крупную денежную сумму... Прошу не шуметь, прошу дослушать...

— Навоевались по горло, нужды нету!

— Не вякайте, бараны, дайте человеку сказать!

Внимательно прислушиваясь и присматриваясь, Дьяков понял, что большинство в толпе — бедно одетые, сравнительно не старые люди, у многих — шрамы от сабельных и осколочных ранений, синие пороховые ожоги. Конечно же, это недавние фронтовики. Меньшинство — важные, чисто одетые старики.

Разворачивая пятернями бороды, старики орали:

— Эй, голодранские петухи, поймите к представителю казачьей власти уважение, нанюхались большевицкого духу, потеряли совесть!

— Просим, говори, Лавр Георгиевич, слушаем...

Однако молодые не уступали:

— Не желаем слушать какого-то Лавра!

— Не вас на войну гонять, а нас...

Старики:

— Мы-то воевали, небось кресты и медали имеем, защищали отечество!

Молодые:

— И у нас не черепки. Вы отечество защищали, а нас против рабочих гонять!

Выбрав удобный момент, Фальчиков было открыл рот, но в ту же минуту послышался из толпы грубый голос:

— Эй, бичераховский холуй, передай своему Бичерахову, нам надоело воевать против турка и немца, кровь проливать больше не желаем и на Грозный не пойдем!

Дьяков присмотрелся к говорившему: лохматые брови, коричневая родинка в складках лба. Молодец, смелый!

Фальчиков обрушился на казака с коричневой родинкой:

— Господа станичники, как вы терпите в своей среде большевистского агента и агитатора?

Из толпы немедленно ответили:

— Не бреш! Мы Исае Рохлина сызмальства знаем, никогда не был агентом!

Рохлин, потеряв, видно, терпение, выпростался из толпы, поднялся на крыльцо, бесцеремонно оттолкнул Фальчикова:

— Не старайся, ваше благородие! Это тебе не Слепцовская, а Карабулакская, тут твой номер не пройдет. Знаем, как ты дурачил слепцовцев, нас — не позволим!

Дьяков слышал от михайловских казаков, что эта станица, Карабулакская, твердо противостоит контрреволюции, не желает, за исключением немногих, ее признавать. Не дала пока войску Бичерахова ни одного человека. Как видно, и сейчас продолжает упорно сопротивляться. Еще немного настойчивости — и Фальчиков будет бит, уберется отсюда не солоно хлебавши. Дьяков

решил помочь карабулакцам. Забыв об опасности, взошел на крыльцо:

— Фронтвики! Разве вы не знаете, кто добился мира, вернул вас из окопов к семьям и труду? Вождь большевиков и всего трудового народа Ленин! А кто спихнул правительство Керенского, состоявшее из буржуев, на которых вот такие трудяги, как вы, гнули спину? Ленин! Большевики! А кто передал земли богачей в безвозмездное пользование крестьянам и казакам? Советская власть! Она же отменила царский указ о воинской повинности казаков! Ленинские декреты об этом известны всему миру. Ленин, большевики и Советская власть создали на фабриках и заводах рабочий контроль, установили восьмичасовой рабочий день и не позволяют хозяевам измываться над пролетариатом. И не позволят богатым измываться над трудовым казачком! А господин Фальчиков, вырядившийся в засаленный бешмет, будто он простой казак, покупает вас за деньги, как скот, чтобы гнать на бойню против большевиков и рабочих. Ради кого? Ради английского наймита Бичерахова?

И Дьяков, чувствуя, что даже старики прислушиваются к нему, выложил все подробности о «терском правителе». Закончил:

— Вот что представляет собой Бичерахов! Да неужели вам за него воевать? Долой братоубийственную войну! Вон из станицы, бичераховский прихлебатель!

Старики смотрели на Дьякова с немym удивлением. Фронтвики поддержали:

— Сверкай отсюда пятками, господин Фальчиков!

Он еще пытался что-то говорить, но ему не давали открыть рта. Краснея, как девица, сжимая кулаки, спустился с крыльца. Уходил в окружении стариков.

Толпа таяла. Молодые удалялись все вместе. Дьяков присоединился к ним. Жаркое солнце повисало над станицей, струился раскаленный воздух. Исая Рохлин внимательно присмотрелся к Дьякову:

— А ты, слышь, не карабулакский... Откуда будешь?

— Откуда буду?... Уроженец Марьинской. Тянул фронтвую лямку в Волгском полку. Был на Четвертом съезде во Владикавказе. Выбрали председателем казачьей фракции. Вот приехал посмотреть, как у вас дела. Моя фамилия Дьяков.

— Дьяков! — загалдели карабулакцы. — Наслышаны, как ты в Марьинской турнул бичераховцев!

— Наслышаны?... Так вот, казаки, нам, фронтвикам надо держаться стойко, к примеру, как сегодня. Не поддаваться бичераховской авантюре!

— Силой погонят! — возразил со вздохом кто-то.

— Силой?.. Если всем встать стеной, ничего не сделают!

— Черт его знает, как быть? — откликнулся еще один. — Мозги перевертываются: большевики — свое, офицеры — свое... Кого слушать, кому подчиняться, чья сейчас власть? Сам сатана голову сломит.

Дьяков сморщил нос:

— Может, ты богат? Тогда иди к Бичерахову, воюй, тебе есть смысл.

Все рассмеялись. Рохлин сказал:

— Какой он богат? Было две лошади, одна уже сдохла от бескормицы, а если хозяин пойдет воевать — и другая сдохнет. Останутся кошка да собака, хочешь, в плуг запрягай, хочешь, сам ешь...

Остановились на перекрестке. Многие уже отстали, свернув к домам. Уходили остальные. Наконец Дьяков остался наедине с Рохлиным. Подумав, что ему можно довериться, сказал:

— Слушай, Исай, по правде, я в Карабулакской не один, еще десять михайловцев, которых преследуют бичераховские прихвостни. Помоги укрыться на короткое время, через день-два уйдем.

— Что же, — помолчав, ответил Рохлин, — давайте... Только днем опасно. Перемучайтесь как-нибудь до ночи — и ко мне. Но осторожно, с оглядкой. А то одного рабочего из Грозного, приглашавшего казаков продавать в городе продукты, так чуть не убили в Слепцовской. Я с трудом его спас, отвез подальше, в чеченский аул. Не знаю, вылечили?.. Видишь вон, два тополя-подростка против плетневых ворот? Хату-мазанку видишь? Это мой дом. Предупрежу жену, будем ждать.

2

Была уже ночь, когда вошли в низкую дверь, втащили два толстых мешка и ощутили наконец сладкий запах жилья. Хозяин, прежде завесил окна дерюгами, потом зажег керосиновую лампу, прикрутил фитиль.

— Бичераховские подхалимы и ночами рыщут, вынюхивают, потому громко не разговаривайте.

Дьяков шепотом представил Рохлину спутников. От ужина гости отказались. Пока хозяйка стелила на глиняном полу полость, раскладывала подушки, присели на табуретах.

— Значит, Исай, это верно, что ни один карабулакский казак не пошел в бичераховское войско? — уточнял Дьяков.

— Пока ни один. А фронтовики категорически не желают!

— Не желают... А как считаешь, те же фронтовики, которые не желают воевать против Грозного, пойдут с оружием против бичераховцев?

Рохлин, раздумывая, почесывал морщинки лба:

— Догадываюсь, вроде, что вам надо в Карабулакской. Как сказать... Трудно поручиться за каждого, но, наверное, найдутся.

— Найдутся... Много ли?

— А что мы будем гадать впустую? Ложитесь, отдыхайте, а я, пока ночь, схожу, поговорю кое с кем — станет яснее.

Легли спать на полость. Рохлин, погасив лампу, ушел. За тонкой перегородкой в соседней комнате ворочались во сне ребяташки, вздыхала хозяйка. Осторожно скребла мышь. Дьякову не спалось. Трудна была его миссия. Сможет ли вырвать из цепких рук Бичерахова станицы, что лепились по берегам мутной Сунжи вдоль невысокого Сунженского хребта? Было над чем размышлять. Строились в голове разнообразные планы.

В щели между дерюгами и оконными рамами просочились полоски света. Проснулась хозяйка, ходила из дома во двор, хлопала дверью. Поднялись ребяташки, мать кормила их завтраком, цыкала, чтобы не шумели. Потягиваясь, вставали Дьяков и его спутники.

Было уже позднее утро, а Рохлин не возвращался. Дьяков тревожился.

Наконец пришел, и Дьяков облегченно вздохнул. Рохлин посоветовал гостям для большей безопасности перебраться в сарай в глубине двора и там ждать вечера. Около двадцати бывших фронтовиков пожелали встретиться с председателем казачьей фракции, придут они с наступлением ночи. Рохлин сказал, что люди эти надежные и в разговорах с ними можно не стесняться.

В сарае пахло сухими дровами и кизяком. Хозяин разостлал на полу слой соломы. Под ней спрятали захваченные из Владикавказа мешки с листовками и газетами «Трудовой казак». Стеснительная, с виноватой улыбкой хозяйка принесла серый ячменный хлеб, чеснок и горячий картофельный суп. Прибрав затем посуду, плотно закрыла дверь, повесила снаружи замок. Сытый и несколько успокоившийся, Дьяков растянулся на соломе и уснул.

Около тридцати человек пришли по одному поздним вечером в сарай: Рохлин днем потолковал еще кое с кем. Дьяков увидел здесь и вчерашних знакомых. Он начал разговаривать тихо, попросив прикрыть дверь и не зажигать света. За воротами дежурили хозяин с хозяйкой.

— Все мы здесь, как я понимаю, полностью признаем Совет-

скую власть и отрицаем самозванное правительство Бичерахова. Так?

— Правильно! — подтвердили голоса.

— Правильно... Но одно дело признавать Советскую власть, а другое — отстаивать ее. Я с группой михайловских казаков, тоже бывших фронтовиков, прибыл на Сунжу, чтобы создать из добровольцев отряд для борьбы с бичераховщиной, восстановить в станицах законные органы Советской власти. Согласны ли вы вступить в такой отряд?

— Значит, воевать? — произнес кто-то с сожалением.

— Да, товарищи, воевать! Иных путей избавиться от белогвардейщины нет...

— Воевать, так воевать! — слышался тот же голос. — Лучше умереть, чем потом и детям гнуть спину на кулаков.

— Что думают другие? — Дьяков напряженно ждал ответа.

— Воевать... можно... — несмело сказал еще один. — Да мало нас, задушат...

— По правде говоря, — донеслось из угла, — выступили бы против бичераховцев многие, если бы были уверены в победе. Поговорить бы с каждым в отдельности, что ли? Или еще как?..

— Поговорить... Резонное предложение! — подхватил Дьяков. — Но говорить с людьми, кроме как нам с вами, некому. Вот и давайте убеждать, привлекать на свою сторону. А когда почувствуем достаточную силу, соберем сход, выберем станичный Совет. И сразу же начнем формировать отряд для защиты Советской власти.

Когда карабулакцы разошлись, Дьяков сказал михайловцам:

— Всем нам тут делать нечего, управляюсь один. Пробирайтесь в другие станицы и действуйте примерно как здесь: обзаводитесь активом, восстанавливайте Советы и формируйте вооруженные отряды...

3

Пышная, румяная Федоровна принесла в пулеметное гнездо у моста своему Африканычу штоф крепчайшей араки и кусок розового сала. Супруги поговорили о домашних делах, и Федоровна ушла. Едва затихли в ходе сообщения ее шаги, Африканыч опрокинул штоф, шурясь, вливал в рот араку. Голубцов завистливо смотрел на аппетитно булькающую жидкость.

Раздраженный неудачной войной и тем, что воюет против своего желания и совести, Голубцов в последние дни не находил

себе места. Ему сильно хотелось выпить, заглушить черную тоску. Но у него была болезненно скупая жена, даже спала с ключами от амбара и кладовой, ей, неряхе, и в голову не приходило сварить мужу кукурузной араки, порадовать добрым куском сала.

— Слышишь, кум, — не вытерпел он, — душа горит, следует быть, дай глотнуть...

Африканыч, отпив почти половину и жрякнув, дразняще покрутил штоф перед носом Голубцова:

— Что-то повадился ты на чужую выпивку, вроде бы баран на пастбище. Свою надо иметь! Нито у краснопузых бы кланчил, за кого глотку дерешь. На, лопай. Только не больше глотка!

Голубцов без передышки опорожнил штоф, швырнул посудину за бруствер. Африканыч, не донеся ко рту кусок сала с хлебом застыл от неожиданного нахальства кума. И только было принялся поносить его всякими словами, прибежал, запыхавшись, коротконогий офицер. Сказал, что поставлена задача — прорвать через мост оборону красных, велел открыть пулеметный огонь: не позволить большевикам высунуться из окопов. Повторив приказ, Африканыч крикнул куму, чтобы тот поскорее управлялся с лентой и, перекрестившись, развернул пулемет до отказа. С чувством нажал пуговки спусковой скобы, медленно повел ствол слева направо, целясь в бровку городских окопов. «Максим» клокотал, длинной строкой ложилась пули, вздымали фонтанчиками серую землю насыпи у окопов красных.

— Так-так-так-так, вот так!.. — удовлетворенно приговаривал Африканыч в тон пулемету.

— Бух! Ррр-дрин! Звеньк! — бомба разорвалась совсем близко, осколки царапнули по щитку.

Африканычу засыпало пылью глаза. Оборвался пулеметный клеткот. Красные поднимались из окопов.

— Кум, кум! Что же ты, мать твою, замешкался? — хрипел, протерев глаза, Африканыч. — Подавай ленту!

— Пошел ты, стерва! — рыкнул Голубцов, оттолкнул от себя ленту с патронами, и полез словно сумасшедший на бруствер, навстречу красным.

— Да ты ошалел, кум?! — вытаращил глаза Африканыч и дернул пьяного Голубцова за ноги.

Тот дал ему каблуком в грудь и высунул голову под пули. Африканыч, напрягаясь, с трудом стащил кума, пинком швырнул на дно окопа.

— ...ра-а-а-а!.. — красные, ошестинившись штыками, уже приближались к середине моста.

Африканыч судорожно поправил ленту. Пулемет щелкнул двумя выстрелами и снова смолк. «Ура!» нарастало, щетка штыков и чер-

ные дыры ртов страшно наплывали: вот-вот вонзится штык в сытое тело Африканыча. В это время подскочил к пулемету казак в шапке, сбитой набок, дернул перекосившуюся ленту, выпрямил ее и крикнул на Африканыча тонким бабьим голосом:

— Ну, какого хрена разнуздался? Давай!

Пулемет подкосил первые ряды красных. Дрогнув, они отступили за мост. Из окопов полезли казаки. Завязалась рукопашная схватка. Прекратив стрельбу, Африканыч глянул на неведомо откуда появившегося казака с бабьим голосом, увидел на шее пушистые завитки волос, свернутую клубком косу, торчавшую из-под шапки, и раскрыл рот от удивления:

— Аниська, ты?!

— А кто же еще?—подкрашенная свекольным соком Анисья сделала Африканычу глазки. — Нибилизовали нас с Софьей в санитарки и обращению с оружием научили. А вы чего это? Начихирились и скисли? Тот мертвый, что ли, валяется? Ай нет, никак раненый... Софка, иди скорее, твою любовь ранили...

На дне окопа лежал неподвижно бледный Голубцов. Кровь заливала голову, обтекая уши, ползла за воротник. Подоспевшая Софья склонилась над ним, рвала пакет с бинтом. Ее милое, грустное лицо с раскосыми глазками кривилось, она с трудом сдерживала слезы. Все-таки Софья и Елисей любились, жаль было его, пострадавшего.

Рукопашная схватка затихла. Казаки, постреливая, возвращались на свои позиции. Валялись трупы, стонали раненые.

— Ну, некогда нам, — заторопилась Анисья, — надо подбирать раненых. Пошли, Софка, снесем в первую очередь твою любовь... Слышь, Африканыч, вечером, может, загляну, жди!

Обе в мужской казачьей одежде. Стройная, грудастая Анисья подмигнула Африканычу. Бережно положили Голубцова на носилки, крикнули на помощь еще двух санитаров и унесли.

Затишье, безделье... Скука в отдельном пулеметном гнезде. И выпить нечего, и поговорить не с кем. И кума нет, чтобы поругаться. Африканыч, зевнув, перекрестил рот. Но вот заглянул сюда в поисках огнива казак с черным худым лицом, спросил, нет ли, слушаем, прикурить. Африканыч — некурящий, но зажигалку при себе имел. Пришедший сладко затянулся дымом:

— Откуда будешь, станичник? — поинтересовался Африканыч.

— Павлодольский.

— Постой, постой, — Африканыч припоминая, наморщил лоб, — был у меня командиром на действительной из станицы Павлодольской сотник Дремлюга. Не знаешь такого?

— Кто ж его, косноязыкого, не знает... Пребывал когда-то нашим станичным атаманом, перебрался в Моздок, пролез в правительство. А сейчас говорят, командует сотней в чеченском ауле Алды.

— Ишь ты, собака, в правительство вылез... Помню, ха-ароший был ахвицер!

— Сволочь порядочная, — сплюнул собеседник.

— За что поносишь ахвицера?

— За то, что тоже придумал эту гадскую войну.

— Постой, постой, — Африканыч нащупал в кармане записную книжку и карандаш, которыми его снабдил Малюта. — Какой ты части будешь?

— Был Павлодольской сотни, четвертого взвода, а теперь все перемешалось, черт его знает...

— А фамилия твоя?

— Корней Терсков. Тебе-то что?

— А кто у тебя, Терсков, командир? — увлеченно расспрашивал Африканыч.

— Командир взвода сейчас у меня луковский дурак Тюпа. Стерва, хуже некуда. И в детей, и в баб стреляет, и раненых убивает, за это в чинах повышается. Недавно был старшим урядником, уже офицер, подхорунжий.

— Так... — Африканыч мерил взглядом Терскова. — А почему назвал войну гадской?

— Потому, что она сволочная и гадская эта война, — попыхивал дымом Терсков. — Не успели от германской очухаться, у меня, к примеру, еще раны не зажитые, свищи гноем текут, теперь сюда на гибель пихнули. Желали большевиков за день покорить, уже сколько чухаемся, а ходу нам нету. Вишь, как свое отстаивают большевики! Скорее они нас победят, по-всему видно!

— Постой, постой, станичник, — потеряв спокойствие, задыхался Африканыч. — Ты кто такой, а? Казак? Или большевицкий агитаторщик?

— Казак я, — как бы с сожалением ответил Терсков. — Да при чем тут «казак»? Каждому своя семья дорога. Беременную жену оставил, ребятишек сколь лет не видел, душа по дому изнывает, а буду ли жив?

— Хочешь, станичник, — Африканыч покрутил перед носом Терскова кулак, — я тебе в морду заеду за большевицкую агитаторщину?

— А хочешь, я тебе в морду плюну? — разозлившись, Терсков собрал во рту больше слюны, харкнул изо всей силы Африканычу на бороду и удалился по ходу сообщения.

Африканыч, взбесившись, топал ногами, сипел, хрипел, матерился и растирал рукавом по бороде липкую влагу. Урал, хотя его никто не слушал:

— Да что же они, суки, пролетарьяцкую линию гнуть? Терсков — себе, Голубцов — себе... Это ж что делается с казачеством? Это до чего ж мы дожились? Расстреливать таких подобных мало! Вешать мало! Живыми резать на куски мало!

Послунив карандаш и высунув от усердия кончик языка, начиркал в записной книжке:

«Донесеня. Срочна. Важна. Сиво числа Павлодолской сотни четвертова взводу командира Тюпы рядовой казак Терсков Корней — большевик, агитаторщик и смутьян агитировал об том, что сволочная гадская война на гибель пхнула, чухаемся, а хода нет, и большевики победять... — Подумав, добавил: — А еще окромя того материл ахвицеров, желаеть порешить убивством самого господина Бичерахова, перейти к красным и воевать супротив христолюбивого казачества.

К симу Камар.»

Комар — это была тайная кличка Африканыча, данная ему Малютой с целью конспирации.

4

После нескольких суток напряженной работы среди станичников Дьяков и Рохлин, посоветовавшись с активом, решили, что пора собрать общий сход: победа над контрреволюцией в Карабулакской будет одержана наверняка.

Ранним туманным утром, когда жители, выгнав скот в стадо, возвращались обратно, звучно ударил церковный колокол. Это, по давно заведенному обычаю, означало приглашение на круг. Стар и млад повалили к площади.

Сход открыл георгиевский кавалер Исай Рохлин.

— Братья казаки! — он с достоинством позванивал крестами и медалями. — Вы добре знаете, что по всей России власть перешла к народу. И видите, что бичераховские офицеры, не спрашивая нас, то есть народ, прибирают ее к своим рукам. Мы, фронтовики, считаем, что это наглое самовольство, Советская власть должна существовать!..

— Не признаем! — выкрикнуло несколько человек.

Но их тут же заглушили возгласы:

— А мы признаем!

Дьяков, прислушиваясь, определил, что за Советскую власть голосов гораздо больше, чем против. Почувствовал это и Рохлин:

— Тихо, казаки! — он вскинул руку. — Здесь, вижу, имеется расхождение во мнениях. Как же нам быть, кого слушать? Я думаю, надо уточнить, кто «за» и кто «против». Значит, которые признают Советскую власть, отойдите в левую сторону, которые не признают — в правую...

Поспешно делился сход. Росла толпа сторонников Советской власти.

— Смелее, смелее, — подбадривал Рохлин. — Не пугайтесь ку-

лацких, бичераховских и подобных горлохватов. Не им, а нам строить новую жизнь. Так... Смотрите сами, товарищи станичники. Очень даже маленькое количество против. И горланить тут им нечего, само дело показало, за кого народ. Поскольку теперь установлено, что Карабулакская — за Советскую власть, нам надо избрать наш настоящий станичный Совет и поручить ему всемерно заботиться о трудовом казачестве... Кого желаете?

— Тебя! Тебя желаем! — фронтовики показывали на Рохлина. Называли и других.

Противники Советской власти покидали сход.

Когда проголосовали за состав Совета, Рохлин предоставил слово Дьякову. Он, сверкая белыми зубами, поздравил избранных от имени Терского народного Совета, рассказал сходу о положении в стране, о предательской деятельности Бичерахова.

Затем члены станичного Совета принесли на площадь столы и, расположившись за ними, начали записывать добровольцев в вооруженный отряд защиты Советской власти от белогвардейщины.

Дома, угостив Дьякова ужином, Рохлин сказал жене:

— Вот что, милая, дорогая, завтра собери сколько сможешь казачек, разведите свежей известки да добре побелите комнаты в доме бывшего станичного правления. Чтобы не пахло в нем атаманом и старорежимным духом, ввиду как разместим там стансовет.

Поздним вечером Дьяков отправился в сарай, что стоял в глубине двора Рохлина, ждать связного. Этот связной объезжал работавших в других станицах михайловцев, брал у них сведения о положении дел, привозил Дьякову.

Связной явился глубокой ночью. Стало известно, что в Нестеровской и Троицкой завтра-послезавтра состоятся сходы, где будут избраны станичные Советы и созданы вооруженные отряды. В Ассинской надо подождать, там много колеблющихся. Что касается Слепцовской, Самашкинской и Ермоловской, тут явно преобладают антисоветчики, о сходах пока нечего думать.

Проводив связного, Дьяков не спал почти до утра, все думал. И решил, что в Карабулакской ему делать уже нечего, есть председатель стансовета Рохлин. Надо ехать в другие станицы, помогать михайловцам.

В лазарете у Елисея Голубцова размотали бинты, промыли раны. Они оказались не опасными. Пуля стесала кожу на макушке, оставив целым череп. Вторая повредила левую щеку. Небольшой осколок срезал кусок мяса с шеи. Голубцова вновь забинтовали,

влили в рот успокоительных капель, положили в палату и велели спать.

Но раны болели, а в крови еще бушевала арака, и сон не являлся. Хотелось Елисею Мироновичу человеческого сочувствия, женской заботы и ласки. Хотелось, чтобы пришла Софья, села рядом, погладила ласковой рукой небритую щеку и запущенную бороду, что-нибудь сказала своим мягким, слегка картаненьким голоском.

От неряшливой и скупой жены не видел он ни заботы, ни ласки. Ни он ее, ни она его не любили. Жили, поскольку были даны друг другу богом и велением родителей. Спали, как положено, рядом, плодили детей, а души обоих разбрелись далеко и не собирались соединяться. Потому Голубцов и похаживал к вдовой Софье. А она и молода, и пригожа, и весела, и не скупа. Ни ласки, ни чихиря для любимого не жалела. Бывало, соберутся у Софиной подружки Анисьи, тоже вдовушки. Придет к Анисье Африканыч. И до утра пьют чихирь, поют милые сердцу казачьи песни, танцуют и веселятся. Африканычу можно бы и не посещать Анисьи — жена не плоха, добра и красива. Изменял же он ей из-за дурного своего характера. За то и влетало от ревливой Федоровны.

Так, раздумывая и вспоминая, Голубцов зябко кутался в тонкое одеяло. Хмель выходил ознобом, тянуло в сон. Палата, где лежали легко раненные, уже всхрапывала. Сладко спипались веки у Голубцова, когда явилась Софья. Он пока не видел ее, но в легком сне чувствовал ее запах. И открыл глаза. Она склонилась над ним — милое раскосенькое существо — сунула ему в руки подарок, дыню-репанку, лучший терский сорт. Села рядом, положила, как ему хотелось, пухлую мягкую руку на небритую щеку и начала рассказывать. О том, как мобилизовали в санитарки, как оказалась на позиции. Спросила:

— Чего так неосторожно? Берегти себя надо...

Ответил равнодушно:

— Сам, следует быть, под пули полез, Софа...

— Да ты что, Мироныч! С чего бы?

— Вроде бы с пьяну, дак нет... Тошно мне, Софка, чувствую, убьют, так скорей бы уже...

Она начала успокаивать тем, что скоро красных все равно уничтожат, тужить нечего, а беречь себя надо. В победу он не верил, но Софью не разубеждал, молча слушал, как воркование голубки, картаненький ее голосок... Так и заснул глубоким хорошим сном. И проснулся поздоровевшим, ощущая на щеке милую руку, хотя Софья рядом уже не было.

Палата гомонила. Но легко раненные остерегались, языки не распускали. Когда же, позавтракав, отправился бродить по другим палатам, чего только не наслушался от тяжело раненных, беспомощ-

ных калек, которые, потеряв руки и ноги, ничего уже не боялись.

— Приезжала до меня из дому жена, — вяло шевелил единственной рукой чахлый казачишко в грязном исподнем, — дак привезла такие новостя, голова идет кругом. Карабулацкая и отрез отказалась выступать против красных. Да это что?.. Красный казачий отряд сорганизовали в ей! И будто пойдеть он в бой против бичераховских...

Другой, безногий и хилый, неторопливо таскал из-под мышки вшей, пристально рассматривал и азартно щелкал, уничтожая ногтем на ногте. При этом больше кашлял, чем говорил:

— Не только в Карабулакской, также в соседних — Нестеровской, вроде бы, и Троицкой позаписывались казаки в красные. В Михайловской, говорят, так каша — сосед соседа убивает... И дезертирство по всей сунженской линии такое, что, покуль дойдеть к Грозному сотня — половины нет, разбегаются...

Третий, пытаясь перебить немощным голосом, уверял, что с красными воевать, как воду в ступе толочь. Будто поклялись они по-своему, по-большевишки, умереть, но Грозный не отдать.

И еще слышал Голубцов: Бичерахов — английский агент, взбаламутил казаков на войну за крупные деньги и для английского интереса. А пятирублевки, какими платят казакам, — фальшивые. Даже верить не хотелось.. Не всему Голубцов и поверил. Но в общем-то суть схватил: многие не желают больше воевать и на победу не надеются. В сущности, такое убеждение было и у самого Голубцова.

Ему сделали еще три перевязки и на пятые сутки выпроводили из лазарета, не долечив. В мрачном настроении вернулся к Африканычу.

К ним в окоп повадились ходить вечерами Анисья и Софья.

Вскоре пулеметчиков перебросили на Граничную улицу. Но и здесь санитарки нашли своих полюбовников. Приносили чихирь, закуску. Все четверо, когда не было боев, коротали нудные окопные вечера вместе.

6

Ох, уж эти расквартированные в ауле Алды казаки! Как они выматывали у председателя меджлиса душу!

Конечно, если рассуждать со стороны, все в порядке: обещанные Бичераховым миллионы были полностью новенькими пятирублевыми ассигнациями получены, а провонявшие потом бородатые вояки размещены. Договор обеими сторонами добросовестно выполнен.

Но договор предусматривал еще и снабжение казачьей сотни продовольствием. А труд этот, ох нелегкий! Не имея покоя, мотался Чуликов по аулам, добывал муку, птицу и баранов. Желая же отдавать кому-то свое добро становилось все меньше, а казачи, намаявшись в боях, жрали все больше. К тому же, шайтан их раздери, от кукурузной муки отказывались, требовали пшеничную. А где ее взять?

И что еще обидно: достопочтенные старейшины меджлиса, получив каждый крупную сумму на «служебные расходы», от служебных дел сразу отошли и увлеклись личными. Куда-то ездили, что-то закупали и выгодно продавали. Оно и понятно. Бичераховское войско билось с Грозным безрезультатно. Советская власть, как была в городе, так и оставалась, и неизвестно вообще, падет ли она и что будет впереди с меджлисом? Так что каждый заботился о своем будущем и как мог умножал полученную сумму или покупал нужное для дома.

Мулла Хаджибекир, например, приобрел за большой калым, третью по счету, молодую и красивую жену. Правая рука Чуликова Магоматмирза отхватил драгоценного, благородных кровей, кабардинского скакуна. А сам Чуликов увеличил свою отару, нагуливав шую жир и шерсть на дальнем горном плато.

Приглаживая длинные волосы, Чуликов случайно глянул в окно и заметил промелькнувшую упрямую рожу сотника Дремлюги. Хуже горькой редьки надоел ему этот вымогатель. Без доклада и стука ввалился командир казачьей сотни в кабинет, не ожидая приглашения, уселся, положив на стол перед самым носом Чуликова свою толстую руку с грязной исхлестанной о коня плетью. И сразу начал требовать невозможное:

— Господэн председатель, мои люды не можуть впотреблять какургузный чурек...

— Господин сотник, — перебил Чуликов (он злился одновременно и на косноязычие Дремлюги), — прикажите своим людям не загрязнять отхожих мест и уважительнее относиться к мусульманскому населению!

— Господэн председатель, — Дремлюга говорил будто рыдая, — жолудки моих людэй не приймають какургузу и страджають поносамаы...

— Господин сотник, горцы выращивают главным образом кукурузу, и обеспечить вас пшеничной мукой мы не в состоянии.

— Господэн председатель, я буду жалуваться кумандуванию на несполнение дуговора.

— Господин сотник, — Чуликов сжал кулак и едва не стукнул по столу, — я буду жаловаться комаңдованию, что вы действуете против большевиков слишком пассивно.

— В зоответствии з планом нашего штабу боевые вперации спро-

тив Грозного должны существовать совместными усилиями ваших и наших людей...

— Наши люди действуют!

— Ваши люди грызут случайные подводы!

— Господин сотник, мне некогда. Что вы еще хотите сказать?

— Я пришел согласовать план ближайшей совместной операции.

Чуликову не понравился план совместной операции против красных, потому что в нем главная роль и опасность отводились джигитам меджлиса, а не казакам. Но возражать не стал, зная, что с упрямым Дремлюгой можно спорить бесконечно, а убедить в чем-либо нельзя. К тому же не хотелось обострять отношения с союзниками.

— Господин председатель, вы согласны?

— Господин сотник, я согласен!

— Прощевайте.

И он, выпучив глаза, ушел, оставив после себя противный запах конского пота, даже не посчитав нужным козырнуть председателю. Чуликов же был уверен, что Дремлюга вскоре явится снова вымогать пшеничную муку.

Были и другие причины, выводившие Чуликова из равновесия. Все чаще, собираясь на улицах, алдынцы открыто выражали недовольство тем, что меджлис слишком надолго приютил гяуров. Хотя гостей по адату требовалось уважать, но они так надоели всем, что Чуликова осаждали жалобщики: то казаки загадили опрятную уборную, то жрали на виду у всех тошнотворное свиное сало, а то нахально заглядывались и даже пытались заговорить, не приведя аллах, с пугливыми чеченскими девушками. А кое-кто поносил и политику меджлиса, связавшего себя с Бичераховым. Так что казаки здорово выматывали председательскую душу.

Вдруг распахнулась дверь, ворвался в кабинет мулла Хаджибекир, бледный и растерянный.

— Ассалам ва-алейкум, Ибрагим!

— Ва-алейкум салам! — вскочил со стула Чуликов.

— Жив-здоров? — серо-голубая, веером, борода муллы тряслась.

— Слава аллаху, слава аллаху!.. — Чуликова беспокоила взволнованность муллы. — Как твои дела, достойнейший Хаджибекир?

— О Ибрагим, нечестивый гяур, хитрая лиса Бичерахов обманул нас!

— Что случилось? — испугался Чуликов.

— У меня неприятности с родственниками новой жены...

— Что такое?

— Они обвиняют меня в том, что я заплатил калым фальшивыми пятирублевками.

— Неужели?!

— Да, да, Ибрагим!

— Ты никому, случаем, не заикнулся об этом, досточтимый Хаджибекир? — задрожал Чуликов.

— Слава аллаху, он наделил меня не только умом, но и умением не болтать лишнего. Ла иллаха иллах Мухаммед расула х!

— Если деньги фальшивые, о Хаджибекир, мы уже ничего не в состоянии сделать. Тебе надо доказывать родственникам жены, что деньги настоящие.

— Но великий аллах наделил умом не только меня. По аулам пойдет неприятный хабар!

— О мудрый Хаджибекир, не надо волноваться! Мало ли какие хабары ходят вокруг нас с тобой, если обращать внимание...

Успокаивая муллу, Чуликов трясся от боязни, что придется вернуть купленную за бичераховские деньги баранту...

7

«...В чем сила Грозного? В том, что он располагает таким мощным оружием, какого нет у бичераховских казаков. Это оружие — идеи товарища Ленина, пролетарский интернационализм, правое дело. В окопах Грозного можно услышать разноязычный говор и рядом с русским рабочим и крестьянином увидеть украинца, горца, татарина, горского еврея и даже китайца. Здесь в большом почете лозунг «Свобода, Равенство, Братство!» Защищают город не только мужчины, но и женщины, и даже подростки. Город, который гордо и высоко держит красное знамя Советов и поднялся против врага, от мала до велика, непобедим!

Пора уже понять обманутым казакам, что авантюра господина Бичерахова провалилась, что они напрасно теряют время, силы, проливают кровь и лишаются жизни. Хватит смертей! Грозный, какому бы он адскому натиску ни подвергался, будет стоять неприступной крепостью!»

Дописав статью, Шерипов зажмурился. Была ночь, догорала свеча, хотелось спать.

Откинул, чтобы проветрить, полы палатки, пахло ароматом близких садов. Мирно шелестели в синеве деревья, а из города прилетали никогда не затихающие выстрелы. Бледнели уже предутренние звезды. Дунул на свечу, не раздеваясь лег на койку, прикрылся буркой.

Разбудил дежурный по штабу:

— Асланбек, тебя срочно зовет к себе Гикало.

Звенело птичьими голосами утро, сверкали росой сады. Бойцы у коновязей чистили коней. В сторонке от палаток дымили под котлами костры, варился завтрак. Вестовой, он же и коновод, парень в такой лохматой шапке, что она закрывала ему глаза и уши и непонятно было, как он видит и слышит, принес ведро воды. Шерипов с удовольствием умылся. Надел белую, тщательно отглаженную парусиновую рубашку со стоячим воротником, перекинул через плечо маузер, надвинул на самые брови любимую каракулеву кубанку.

Перечитал написанную ночью статью, запечатал в конверт, написал адрес: г. Владикавказ, редакция газеты «Трудовой казак». Сунул пакет в карман. Вестовой подал повод коня. Асланбек красиво, пружинисто сел в седло и поскакал в город.

В штабе обороны города хлопали двери, входили и выходили люди, то в штатском, то в стареньком военном, но непременно обвешанные оружием и затянутые ремнями. Слышались зуммеры телефонных аппаратов, надрываясь, кричали телефонисты. Встречные торопливо козыряли Шерипову, он едва успевал отвечать на приветствия.

Гикало с нетерпением ждал. Поднялся навстречу. Обнялись.

— Помнишь, ты говорил позавчера, что ваша разведка засекла перемещение вражеской конницы в сторону Петропавловской.

— Вчера снова засекла, — подтвердил Шерипов. — Ждем нападения, естественно, принимаем меры.

— Получено сообщение из Моздока: контра готовит со стороны Петропавловской нападение на Грозный. Вот я и думаю, удар будет мощным. Потому даю тебе подкрепление, отрывая от всех фронтов сколько возможно людей, две пушки, три станковых пулемета. Больше нельзя.

— Понимаю. И удар, каким бы он мощным ни был, не отразить никак нельзя. Если и тут выстоим, казаки окончательно поймут, что мы непобедимы. Придется потормозить и Абу-Решида, взять у него взвода два конницы и одну из двух пушек, что ты снял с бронепоезда. Не возражаешь?

— Смекай сам, тебе виднее, Асланбек.

— Еще какие новости?

— Получен первый бензин на спиртзаводе. Заправили броневики — действуют. Чихают, правда, как черти в аду, но колеса крутятся. Послезавтра будем брать у буржуев деньги и продукты. Срок, объявленный нами, истек, никто не откликнулся. Что же с ними нянчиться? Приходится принуждать.

— Буржуев — на работу?

— Всех до единого! Установим твердую зарплату. Сейчас, конечно, не сумеем платить, потом получат. Восьмичасовой рабочий

день, продовольственный паек — все как и рабочим. А кто будет саботировать — под трибунал! Будь здоров, Асланбек, желаю удачи!

— Николай, возьми этот пакет для газеты. Будешь слать связного во Владикавказ, пусть заодно захватит. Ну, всего тебе доброго!

Выйдя из штаба, Шерипов направил коня к Новопромысловскому взгорью. У его подножия располагалось одно из подразделений армии, а поскольку это был особо важный участок, распоряжался здесь сам заместитель командующего армией Абу-Решид Ясаев.

Дорога взбегала вверх. Конь пружинил хвост и екал селезенкой. Справа внизу лежал расчерченный улицами, голубой от порохового дыма и обугленный пожарами город. Слева сверху чадило новопромысловское пожарище, хлопьями сыпалась сажка, трава была черной, как креп. А вон и камень-валун, за которым начиналась седловина, разрезавшая взгорье, где стояли палатки бойцов.

В открывшейся вскоре седловине Шерипов увидел выбегающих из палаток бойцов. Они вскакивали на коней, строились звеньями. Абу-Решид Ясаев, в заломленной генеральской папаше, сверкал обнаженным клинком, выкрикивал слова команды. Затем он помчался в сторону Алдынской высоты. За ним с гиканьем устремились бойцы. Конечно же, затевался бой!

Любил Шерипов показать свою воинскую доблесть, удаль и храбрость. Разгорячил коня шенкелями и рванулся вперед, догоняя Абу-Решида, подняв над собой маузер.

8

Для наблюдения за операцией против подразделения чеченской Красной Армии выехали на конях Чуликов, Магоматмирза и мулла Хаджибекир. У всех висели через плечо отличные маузеры, приобретенные за те же бичераховские пятирублевки. На деревянной кобуре маузера Хаджибекира были выгравированы стихи из корана.

Наблюдатели замаскировались в лошине на спуске с Алдынской высоты. Отсюда, точно с балкона, можно было увидеть все, что произойдет в долине. Гнедые лошади Чуликова и Хаджибекира уныло дремали под всадниками. Но поджарый каурый красавец Магоматмирзы перебирал, будто на танцах, тонкими в белых чулках ногами, поводил изящно выточенным храпом.

Наблюдатели приложили к глазам бинокли. Дымящей печью поднималось впереди Новопромысловское взгорье. Внизу кривым зазубренным ножом надвое резала долину узкая речка Гойта. Справа и слева зелено пенились перелески.

Из-за высоты, от аула Алды, вдруг стремительным клином вы-

летела конница. Впереди скакал стройный бородатый всадник. В нем узнали командира джигитов Умалатгирея. Разбрызгивая искрящуюся воду, джигиты пересекли неглубокую Гойту. В воздухе растаяли сизые дымки, глухо докатились винтовочные выстрелы.

— Наш Умалатгирей — настоящий волк*, — кивнул в его сторону мулла. — Уважаемым старейшинам меджлиса следовало бы подумать о присвоении ему звания полковника.

А навстречу Умалатгирею уже неслась изломанными рядами конница красных. Впереди — двое. Один — в защитной гимнастерке и генеральской папахе, другой — в белой рубашке и каракулевой шапке. В соответствии с планом операции джигиты Умалатгирея повернули вспять, чтобы, провоцируя отступление, заманить красных в ловушку. Ряды красных, рассредоточиваясь, приобретали форму подковы. Сверкнув, вспыхнули крапинки клинков. Подкова, словно щупальцами, обвивала алдынских джигитов. Пора бы действовать казакам Дремлюги. Но на Новопромысловском взгорье расцвели синеватыми клубами дымы и неожиданно, как гром с ясного неба, загрохотали пушки. Снаряды рвались у перелеска справа, откуда должны были броском выскочить казаки. Однако отсеченный пушечным огнем отряд Дремлюги не появлялся. Красные, догоняя алдынцев, замыкали их в клещи.

— Будь проклят этот Дремлюга со своим дурацким планом! — не выдержав, неприлично выругался Чуликов. — И откуда у них взялись пушки? Никогда не было!

Джигиты меджлиса, пользуясь пробелом не успевших сомкнуться клещей противника, удирали. За Умалатгиреем увязался всадник в белой рубашке. Выстрелил из маузера. Наблюдатели сжались от недоброго предчувствия. Да, точно, конь рухнул под Умалатгиреем, а сам он беспомощно барахтался, стараясь выбраться из-под неподвижного конского туловища. Наблюдатели, не желая смотреть на этот позор, отвернулись.

Наконец-то из перелеска вырвалась сотня Дремлюги. Крутя обнаженными шашками, казаки галопом ринулись в атаку. Всадник в белой рубашке, занятый погоней за Умалатгиреем, отбил от своих и теперь, нагнав, скакал в сторонке.

— Почтенные! — с жаром воскликнул Магоматмирза, нервно дергая длинный ус. — Честью адата! Я отомщу этому, в белой рубашке, за позор моего родственника Умалатгирея!

Магоматмирза выдернул маузер, пригнулся к шее благородного красавца и птицей распластал его в бешеной скачке.

— О, дела, дела, помоги мужественному Магоматмирзе осквернить нечестивого врага и вероотступника, — беспокойно перебирал четки Хаджибекир.

* Волк почитался чеченцами, как образец храбрости и хитрости.

Магоматмирза приближался к всаднику в белой рубашке, бил ему в спину из маузера. Пушки смолкли. Красные, не приняв атаки, спешили укрыться в перелеске слева. Магоматмирза настигал преследуемого всадника. И вдруг из перелеска слева вырвался еще один косяк конницы. Похоже, то была засада красных. Они бросились к казакам с тыла. Несколько человек красных, отделившись, спешили на выручку всаднику в белой рубашке, палили в Магоматмирзу. Но тот, увлекшись, не замечал опасности.

— О, аллах, аллах! — переживал Хаджибекир.

Пуля сбила шапку с Магоматмирзы, и это отрезвило его. Благодарно повернул красавца-коня, и тот вынес его к Чуликову и Хаджибекиру. Усы выбились из-за ушей и болтались, как веревочные обрывки. Чуликов кусал губы. Хаджибекир бормотал слова молитвы. Да, красные чеченцы ловко заманили казаков Дремлюги к перелеску, где у них замаскировались конники, и сейчас, зажав в клещи, рубили. Магоматмирза бил кулаком свою непокрытую голову и, скрежеща зубами, ругался, не стесняясь муллы.

— Клянусь аллахом, — кричал он, — этот мальчишка большевик Шерипов не уйдет от меня!

Узнав теперь, что всадник в белой рубашке был не кто иной, как Асланбек Шерипов, Чуликов с Хаджибекиром вспикели еще больше.

Казаки с трудом вырвались из клещей и уходили, преследуемые по пятам. Вот всадник в защитной гимнастерке и генеральской папахе догнал сотника Дремлюгу. На этом и завершилась жизнь косноязычного вымогателя пшеничной муки. Чуликов даже обрадовался: теперь некому будет требовать невозможное.

— Кто же его прикончил? — глянул Чуликов на Магоматмирзу.

— Как я догадываюсь, друг Шерипова, такой же большевик Абу-Решид Ясаев.

Умалатгирей выкарабкался наконец из-под мертвого коня и, кривя плечо, припадая на пришибленную ногу, медленно заковылял к Алдынской высоте.

«Да... И этот бой проиграли, ох-хо-хо-хо-хо...» — с горечью думал Чуликов. Он первый повернул коня к дому. Мрачнее тучи, не глядя друг на друга, уезжали наблюдатели.

И вот теперь, после боя, разгоряченные, уставшие Шерипов и Ясаев поздоровались, обнялись. Асланбек одернул пропотевшую рубашку, Абу-Решид поправил съехавшую набок папаху. Присели на бугорке недалеко от камня-валуна. Бойцы в седловине кормили коней, навесив им на головы торбы. Женщины, пришедшие из

аулов к мужьям, сыновьям и братьям, варили в котлах чорпу*. Вкусно пахло чесноком. Абу-Решид с восторгом смотрел на Асланбека, друга и начальника:

— А метко ты его, меджлисовского командира, свалил под коня. Надо было убить!

— Умалатгирея? Похоже, Абу, ты желаешь ему хорошего. Если бы я его убил, он считался бы павшим смертью храбрых, героем. А теперь, когда он у всех на глазах беспомощно барахтался под конем, над ним будут насмехаться всю жизнь.

— Однако, Асланбек, тебе надо быть осторожным. Чеченский народ славит отважных и гордится храбрыми, но ты, клянусь, не знаешь меры, слишком увлекаешься в бою...

— Стоп! На этом слове, Абу, поставь, пожалуйста, точку, мне все ясно. И послушай, что я тебе скажу: когда человек едет на арбе, думает ли он о том, что может сломаться колесо? А когда ты идешь по улице, неужели все время смотришь себе под ноги? Ты чеченец, Абу, и хорошо знаешь нашу пословицу: чем жить курицей, лучше умереть петухом! От себя добавлю: гибель героя — это не смерть — песня мужества, полет в бессмертие! Никогда не напоминай мне больше о поведении в бою.

— Ладно, не буду. Спасибо тебе за пушки, что придал нашему отряду. Ты же знаешь, как было трудно нам без них восвать с алдынцами. Сегодня выиграли бой легко.

— Это не мне спасибо, наша армия, как известно, пушками не располагает. Поблагодари Николая Гикало. Считая твой участок очень важным, он снял две пушки с бронепоезда, огорчив его, и прислал сюда. Но я приехал огорчить тебя, Абу, одну пушку с расчетом бойцов придется отобрать, перебросить под Петропавловскую и еще взять у тебя два конных взвода.

— Зачем нас обижаешь, Асланбек? Ты только сказал, что здесь очень важный участок...

Шерипов объяснил, что готовится городу со стороны Петропавловской. Ясаев не посмел возразить. Теперь Шерипову предстояло сказать самое главное, для чеченской Красной Армии необычное, воспринимавшееся с трудом, и он волновался, предвидя, что Ясаев не поймет и станет упорно возражать.

— Тебе, Абу, надо подобрать в отряде агитатора...

— А это что такое, Асланбек?

— Это такой человек, который должен каждый день, как только появится у бойцов свободное время, беседовать с ними. Прочитать газету, листовку, тут же перевести с русского на родной язык. Сообщить новости: что делается на фронтах, какое положение у врага. Задачи Советской власти объяснить. Обо всем должен говорить с бойцами агитатор. О том, например, что пред-

* Чорпа — вид супа с чесночной приправой.

ставляет ваш участок, что произойдет, если враг прорвет здесь оборону...

Ясаев сразу же обиделся:

— Асланбек, не надо говорить плохое слово «прорвет». Клянусь каждой каплей своей крови, валла, не прорвет!

— Уверенность — хорошая черта, самонадеянность — плохая, разберись, Абу, что из них у тебя, и сделай правильный вывод. Но рассказать бойцам, что они обороняют здесь ту единственную полосу земли, которая связывает блокированный город с Чечней и Владикавказом, очень важно. Лучше воевать будут.

Ясаев снова обидчиво поджал губы:

— Ва-а, Асланбек, наши бойцы сражаются храбрее волков. Неужели сомневаешься?

— Боец Красной Армии должен быть сознательным: не только выполнять команду, но и представлять, для чего он ее выполняет. Это укрепляет дисциплину.

Непривычным было понятие «агитатор», не сразу воспринималось его значение. Ясаев начал раздражаться:

— Асланбек, зачем ты пытаешься найти недостатки, которых у нас нет. Ни один боец у меня еще ни разу не нарушил дисциплину!

Пришлось Шерипову повысить голос:

— В каждой городской роте есть агитатор, а у нас пока только в двух подразделениях. И бойцы этих подразделений, скажу тебе, с интересом слушают агитаторов. Не подберешь сразу подходящего человека, возьми пока эту обязанность на себя.

— Ладно, Асланбек, — надув губы, недовольно махнул рукой Ясаев, — если это приказ...

— Пойми же ты, Абу, все может случиться. Вчера, например, в одном подразделении неожиданно узнали друг друга кровники, схватились за кинжалы. Их разняли. Было свободное время, и агитатор тут же разъяснил, насколько вредно сейчас вспоминать вражду. Тут же и решили всем подразделением: забыть личные обиды до полной победы над врагом. Вот что значит агитатор!

— Ладно, Асланбек, — улыбнулся наконец Ясаев, — теперь дошло, извини.

Попрощаясь. Ясаев заспешил к бойцам. Шерипов поскакал в свой штаб.

Когда Шерипов поравнялся с садами, уже виднелись палатки и коновязи, приблизился к нему связной-коновод в лохматой шапке, показал рукояткой плети на дерево айвы.

— Смотри, Асланбек, там что-то чернеет... Может быть, тебя подстерегает бандит?..

В ту же минуту отделился от дерева человек с закутанным лицом и пошел навстречу. Асланбек невольно потянулся к маузеру, но, рассмотрев платье, убедился, что это женщина. Она разворачивала платок.

— Вай, вай! — смутился коновод, еще глубже надвинул шапку и отъехал в сторону.

Тонкие девичьи руки сдвинули платок с лица.

— Ты почему здесь, Хава? — поразился Асланбек.

Он узнал так хорошо знакомое милое лицо. Хава то краснела, то бледнела, старательно отводила глаза в сторону, никак не решалась заговорить. Асланбек понимал, насколько сейчас ей тяжело: горский этикет запрещал девушкам разговаривать с мужчинами. Наконец набралась смелости, произнесла тихо и смущенно:

— Мне нужно сказать тебе очень важное...

Асланбек сошел с коня.

— Говори, Хава, я слушаю.

И он, соблюдая тот же этикет, старался не смотреть на нее. Но было трудно не любоваться этой удивительной красотой, этими черными глазами и сочными губами. Хава, волнуясь, переби-рала кончик платка:

— Я хочу воевать, Асланбек, и прошу принять меня бойцом. Это можешь сделать только ты.

— Но ты не мужчина, Хава...

— А Фатима Арсанова мужчина? Почему ей можно, а мне нельзя?

Асланбек затруднялся с ответом. Как можно послать под пули дорогого ему человека? Настолько дорогого, что ничего дороже не могло быть.

— Мне жалко тебя, Хава, а вдруг...

— Лучше пусть будет это самое «вдруг», чем... Чем так мучиться. Разреши мне быть рядом с тобой, постараюсь биться с врагами так же бесстрашно, как Фатима. Разреши!

Асланбек, не утерпев, глянул ей в лицо. Прекрасные ее глаза блестели. Ох, уж эти девичьи слезы. Асланбек растерялся.

— Хорошо, Хава, я подумаю...

— Пока ты будешь думать, я с завтрашнего дня начну спасать на поле боя раненых и ухаживать за ними. Уж этого мне никто не запретит, даже сам командующий чеченской Красной Армией. Я давно намеревалась это тебе сказать, но не решалась. Не осуждай меня, ради бога. Прощай!

И, подняв голову, она ушла еще более прекрасная в своем гневе, гордая и быстрая.

Асланбек вскочил на коня.

Линия обороны вдоль Граничной улицы проколола насквозь дома, дворы и переулки. В стенах зданий для сплошного прохода по окопам — проломы, в поперечных заборах — дыры. Окна заложены камнями, чернеют лишь узкие бойницы. В продольных заборах — щели для стрельбы. Навалены над окопами тяжелые мешки с землей. На задворках устремились вверх стволы пушек и бомбометов. Зияют ходы сообщения.

И всюду бойцы: линялые гимнастерки, замазученные блузы, домотканые рубахи, черески и бешметы... Встречаются и женщины. Они разворачивают тряпицы с двумя-тремя отваренными картошками или парой поджаренных початков кукурузы, отдают мужу или брату. Скучные харчишки тут же делятся по крохам между всеми и мгновенно съедаются.

А вот большая группа окружила черноусого, тощего и бледного Дмитрия Доброва. Он рассказывает:

— Есть в Пролетарском батальоне, что состоит из рабочих Старых промыслов, боец Павел Мусоров, все зовут его просто Пашка. Молодой парень, худенький такой, вроде незаметный, но...

Бойцы сидят на дне окопа, кто курит, покашливая, сплевывая в сторонку, кто, склонившись над иглой с ниткой, чинит разодранную рубаху, кто, морщась от удовольствия, скребет ногтями грудь или под лопаткой, расчесывая давно не мытое тело. Но слушают все внимательно.

— Вроде незаметный, но... Вы даже не догадываетесь, что он совершил... Он, брат, пулемет у белогвардейцев спер!..

— Как, то есть? Не понятно... — поднимает голову повыше и настораживает уши боец Василь Дубков, перебежчик из Грозненской станицы. — Шутка-дело, — не вошь вытащить из-под рубахи... Пулемет!

— Сумел! — поглаживает усы Добров. — Когда захочешь, все, брат, сумеешь, даже на небо залезть. Пополз ночью на ту сторону, подкрался к пулеметному гнезду, выдернул у казаков из-под носа «Максим», да и прикатил на нашу сторону. И не то что живой остался, даже царапины не получил...

— Эй-бох, маладец ему есть эта Пашка Мусорски, очень лучша маладец! — восхищенно крикает боец Дуда Хаттуев, чеченец из Терк-Юрта.

Рыжий украинец восклицает ему в тон:

— Шо молодэць, то молодэць, нам бы такого смилого парубка!

— А кто знает, — подмигивает Добров, — может, и среди нас есть какой-нибудь тихоня незаметный, сопит себе, сопит, а потом вдруг как отколет штуку, пушку, например, сопнет...

Гомонят подзадоренные бойцы.

— А почему би нет? Почему би нет?.. — вопрошает, оглядывая всех, маленький горский еврей, с красными большими глазами.

— Шибка пролетарска боиц ничева ни страшна! — бьет себя кулаком в грудь щекастый татарин.

— Мне, мала-мала, пулемета таскать тозе хочет! — сипло доказывает китаец с редкими волосами на подбородке. — Пуска таскай тозе хочет!

— Это понятно, Дим Димыч, — перебивает галдеж Василь Дубков, — каждый из нас может быть Пашкой Мусоровым. Ты вот насчет патронов скажи, как дальше быть? Пулемет, например, сопрем, а стрелять из него нечем. У меня, шутка-дело, две обоймы осталось, на один бой может хватит, а потом что? Ответь, товарищ агитатор...

— Ээ... — подхватил Дуда Хаттуев, — богач тебе есть, Василь: десять штук патронов тебе есть! У меня сапсем бедный: адин абойм, пять патронов мне есть. А дальше как будим делать?

Опять загалдели бойцы:

— В самом деле, Дмитрий, отвечай, раз ты агитатор. что слышно про патроны?

— Говорили в крепости Ведено, в царском арсенале этих боеприпасов — пруд пруди. Где же они?

Молчал Добров, хмурился, растерянно теребил усы.

— Чего замешкался? Давай, говори правду!

— Хреново дело с арсеналом, ребята, — Добров угрюмо качал головой. — Разграбили его, растащили. Попали боеприпасы в руки ловких дельцов, а они, пользуясь случаем, хотят сделать выгодную коммерцию. Пожалуйста: один боевой патрон — пять рублей, граната — пятнадцать, оружейный снаряд — сто пятьдесят... Были бы только деньги. А где их взять? Надежда на буржуев. Сами они, теперь это уже понятно, денег нам не дадут, назначенный им срок кончается, — значит, реквизируем. На ихние деньги и закупим боеприпасы. Может быть, кто подумает, а зачем перед спекулянтами унижаться, когда тоже можно реквизировать. Ан нет, тут, брат, другое дело. Тут даже Шерипов со своей армией ничего не сделает: горы велики, ущелий много, тайные тропы неизвестны, век будешь искать — не найдешь. А нам, ребята, воевать надо. Разумнее платить деньги — так постановил военревсовет. Далее, еще есть возможность: рабочие на заводах ночами не спят, стараются ремонтировать и вводить в действие станки, чтобы увеличить выпуск патронов из стрелянных гильз. С заводов будем получать больше, чем сейчас. Вот, ребята, что я вам могу сказать. Может, вопросы есть какие? Что мне известно, отвечаю.

— С харчами как будет дальше, не знаешь?

— Восемь новых дырка на пояс проколол, ремнем живот туго-туго затянул. Еще колоть дырка, да?

— Пишов ты со своим поясом. Може тоби шутки, а в мэнэ от слабости винтовка з рук валится!

— Тише, ребята, — успокаивал Добров. — Чего раскричался? Или не надоели вам казачьи насмешки? Буржуйские харчи завтра-послезавтра получим, из Чечни кое-что везут...

Посмеивались бойцы:

— Не робей, братва, буржуйный шикалат будем есть!

— И этот, как его... малык...

— Чего плетешь, дура! Балык, а не малык!

Но слышали казаки в окопах на той стороне улицы, о чем толкуют красные. Началось:

— Эй, там, краснопузая басарня! Агитарные брехни едят замест хлебушка?

— Ихний агитар замест каши и патронов прокламации раздасть...

— Слышь, краском, иди сюда, покатаем на веревочных качелях, веток у нас хватит, где вешать...

И под дикий гогот казаков летели в окопы красных арбузные корки, объедки хлеба, обглоданные куриные кости:

— Нате, пожритя хуч!

Сдерживая гнев, молчали красные бойцы. Раньше, бывало, не уступали казакам, как только не обзывали в ответ. Но командиры и агитаторы убедили, надо быть выше хулиганства, сохранять выдержку, высоко нести пролетарское достоинство. Вот и молчали, скрипя зубами. Казаки поорали немного и, не получив ответа, утихли.

Шли наконец по окопам повара с ведрами и черпаками. Из всдер валил пар, распозался дразнящий, до спазм в животе, запах распаренной кукурузы.

— Получай обед!

Зазвенели котелки, из голенищ и карманов вытаскивались ложки. Торопливо съедали бойцы, слегка закрывающую дно котелка — всего один черпак — жидкую, без капли жира, кашницу, поспешно проглатывали крохотный кусочек чурека. Вылизывая ложки, тоскливо смотрели вслед уходящим поварам. Кто-то выматерился замысловато, многоэтажно:

— Ух!.. Пообедал, называется, а жрать еще больше хочется.

Кто-то смиренно перекрестился:

— Господи милостивый, когда уж кончатся эти мучения...

Дуда Хаттуев, засовывая ложку за голенище сыromятной нговицы, поманил Доброва пальцем, показал в щель забора:

— Пасматри, пожалста, на тот старана: кирпичный дом видишь? Еще ниже пасматри: максимски пулемет видишь?

Не раз уж видел Добров тупое рыло станкового пулемета, торчавшего из-за бруствера. Сторожко глядел «Максим» в сторону красных. Сильно мешал он: обстреливал весь участок, занимаемый полуротой Доброва, да еще и уличный перекресток захватывал; бил метко и беспощадно — голову из окопа не высунешь...

— Ну и что дальше, Дуда?

— Спер ему нада, как Пашка Мусорски, эта пулемет. Я знает, как надо спер, паслушай, пажалста...

Но прибежал с командного пункта, откуда доносился иногда писк телефонного зуммера, вестовой, припал губами к уху Доброва, шепнул и побежал дальше.

— Поступил приказ, приготовиться, — тихо сказал Добров бойцам.

Люди готовились к бою: осматривали винтовки, подтягивали подсумки, проверяли крепления штыков. Добров, вытянув шею, осмотрел забор над окопами. Столбы, на которых он держался, подпилены, его можно легко свалить, если потребуется выход на улицу.

— Берегти патроны! — предупреждали отделенные.

— Берегти, берегти — ворчали бойцы. — Чего берегти-то, когда нечего...

11

Шерипов распоряжался у себя в штабе. Скакали из штаба вестовые с приказом командующего. Бойцы чеченской Красной Армии рассредоточивались в районе Тыртовой роши и Сунженского леса.

До захода солнца Шерипов приехал к месту предстоящей схватки. Кипела на перекатах Сунжа, над ней склонились вербы. Шелест листвы тонул в трескотне птиц. Вдоль реки уже были выставлены строго замаскированные секреты. Наблюдатели вскарабкались на самые высокие дубы. Выделены вестовые и коннояды.

В глухом овраге, прикрытом зарослями орешника, Шерипов созвал командиров, обсудил план: не открывая своего присутствия, пропустить на эту сторону Сунжи авангард противника; огонь пушек и пулеметов обрушить на хвостовые подразделения; перебравшихся атаковать с трех сторон и гнать себе в тыл, где встретить в упор заранее подготовленным резервом. Окруженных, если не сдадутся, уничтожить. Бойцам до начала операции запрещалось курить. Говорить только в исключительных случаях и ш-

потом. Чтобы заглушить топот и фыркание коней, копыта обмотать тряпками, а если не найдутся, порвать на тряпки нижние рубахи, на морды навесить торбы.

После обсуждения плана Шерипов, ведя коня в поводу, до самой темноты ходил по лесу между кряжистых дубов и высоких чинар, пробираясь от одного подразделения к другому, шепотом разговаривал с бойцами и командирами, еще и еще раз спрашивал и повторял, как им надо себя вести.

Когда наступила ночь, Шерипов, завернувшись в бурку, прилег в лозняке под навесом из хмеля. Холодный ветерок пропихивал лес, низко летели дымчатые облака. Проскальзывал в просветах лимонный круг луны. Сунжа шумела вдали, и где-то назойливо бил крыльями по веткам филин.

Разные мысли лезли в голову двадцатилетнему командующему. Чем кончится предстоящий бой? И сколько их еще впереди? Что делает сейчас Хава — мирно спит или в самом деле стала бойцом? А как быть, если вдруг встретит ее — притвориться, что не заметил, или поспешить к ней?

Заря расцвечивала холодный утренний лес вишневыми отблесками. Седина росы лежала на траве, с листы стекали прозрачные капли. Звонко застучал дятел. Сбросив бурку, Шерипов залюбовался пестрой полянкой, унизанной звездочками цветов.

А вот и вестовой вывернулся из-за кустарника. Шерипов поспешил навстречу. Вестовой доложил: сотня верховых казаков, выслав разведку, приближается к мосту через Сунжу, еще сотня начала форсировать реку на перекатах.

Разведку пропустили, не тронули. Она, осмотрев лес, возвратилась. Подождали, когда вползут в лес головные колонны. Хвосты еще топтались в Сунже, когда прозвучал пушечный залп. Это был сигнал начала. Затем пушки зачастили, в них вплелись пулеметные очереди.

Шерипов видел в просветах листы растерянные лица казаков. Их ошеломила огонь, внезапно нарушивший такую неподдельную лесную тишину. Между деревьев мелькнули лохматые шапки чеченских бойцов. Ахнули винтовочные выстрелы, многократно умножились эхом. Шерипов, прячась за дубом, бил из маузера.

Валились с седел казаки. Падая, храпели, крутили головой, раздували кровавые ноздри кони. Бичераховцы растерялись: кругом лес, из него палат без промаха. Кто? Сколько? Чего еще можно ждать?

Головные казачьи колонны, не принимая боя, повернули обратно. Но им преградили путь свои же хвостовые колонны. Они еще не успели преодолеть реку. Головные напирала на задних. По тем и другим непрерывно били и били из леса. Каша из ко-

ней и всадников, не уместаясь на гулком деревянном мосту и мелких пенистых перекатах, сползала в беспокойные быстрины, глубокие тинистые омуты и заболоченные заливы, прикрытые подгнившим камышом.

Резервные бойцы, рассредоточившись вдоль берега, в дополнение ко всему стреляли почти в упор по дико ржущему и матеряющемуся месиву.

Сунжа стремительно уносила конские и людские трупы, вода румянилась кровью.

Меньше половины казаков, так уверенно вступивших в лес, с трудом выкарабкались на свою сторону и уходили на рысях. Шерипов смотрел вслед в бинокль. Хотя задуманный план полностью не удался, но все равно белогвардейцы не дешево заплатили за желание прорваться к Грозному.

Бойцы подбирали тела убитых товарищей, санитары уносили и уводили раненых. Худошавый санитар в слишком просторном бешмете и большой, не по голове, шапке, смешно съехавшей набок, помог подняться беспомощному раненому. Не сильное мужское, а отчетливо женское, нежное чувствовалось в этом санитаре. Шерипов невольно присмотрелся к нему. И узнал:

— Хава!

Чувствуя звучание сердца, да, именно звучание, ибо он явно слышал, как оно поет, Асланбек уверенно пошел к ней.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

После неудачи в районе Петропавловской бичераховцы притихли, крупных наступлений не предпринимали. На фронтах установилось относительное затишье: редкие стычки, отдельные перестрелки... Потянулась позиционная война, неяркая, как тление прикрученного в лампе фитиля, скучная, как зевота.

Красные бойцы получили долгожданные патроны. По полсгни на брата — в обоймах, настоящие, а кроме того, россыпью — самодельные, с местных заводов. Улучшились харчи. Каша заправлялась теперь смальцем или топленным маслом, бывали соловина, вяленая рыба. Подлакомились однажды бойцы не пробованными никогда до этого ветчиной, осетровым балыком и крупнозернистой красной икрой. Выдавались иногда к кипятку по одной-две конфетки.

Все уже знали, что деньги и провиант реквизируют у буржуев, патроны купили.

Стали появляться в окопах новые люди — пополнение с заводов, действовавших на оборону. А на заводы для неквалифицированных работ нагнали буржуев...

Утолив голод, повеселели бойцы, начали поговаривать, что пора уже самим двинуться в наступление, как следует потрепать Бичераховцев.

Но преждевременны были эти разговоры. Еще не иссякли силы врага, и Бичерахов не сидел сложа руки. Напряженно работал его штаб. Не знали пока красные бойцы, какие тяжелые испытания предстоят им, какие сокрушительные удары готовятся в Моздоке и станице Грозненской.

2

Больше ста рабочих «Молота», выстроившись повзводно, ушли на фронт. Грустно смотрел вслед Ионыч. Его не взяли: обер-мастер!

— Ну и что, как обер? — возмущался Ионыч, бегая по цехам и жалуясь рабочим. — А Никифорыч, к примеру, не может быть обером? Или Савельич? Или, скажем, Климентьич?.. По тридцати годов ишачат на заводе, гляди, получше меня кое-что кумекают и возраста преклонного — на хронт нельзя. А я помоложе и хватку хронтovou имею. Все одно уйду, вот те крест!

Только стал успокаиваться, тут тебе в дверях — шербатый красноармеец из комендантского взвода:

— Принимай буржуев, Ионыч!

— Чего, чего?..

— Рабочую силу. Вот тебе препроводилка.

Ионыч прочитал бумагу: «Завод «Молот», Василию Ионычу Ершевскому. Для отбывания трудовой повинности в Ваше распоряжение направляется буржуазный элемент. Обеспечьте работой, осуществляйте надзор. Строго руководствуйтесь инструкцией военревсовета. Пред. военревсовета Н. Гикало».

Схватился за голову:

— И за что ж мне такое наказание?

Принял от красноармейца вторую бумагу, инструкцию военревсовета: «Исходя из гуманных соображений... Обращаться вежливо... Терпеливо разъяснять... Только в крайнем случае злостного саботажа — административные меры и предание ревтрибуналу...»

Махнул рукой:

— Ладно, давай. Где они?

Красноармеец показал на людей, столпившихся у ворот, отдал пофамильный список и ушел. Ионыч присмотрелся к господам в канотье и котелках, тройках и чесучовых пиджаках: ничего себе,

справные, работать вполне могут. Пригляделся к холеным господским женам в шелковых платьях и фильдеперсовых чулках: как женщины, ясное дело, послабее мужиков, но кое-что выполнять сумеют. Сделал переключку по списку: все в наличии. Затем велел построить шеренгами в заводском дворе около кучи металлического лома, для порядка и соблюдения хорошего тона — женщинам отдельно от мужчин. Почесал завитушки волос на своих небритых щеках и обратился с разъяснительной речью, сперва к женщинам. При этом старался говорить вежливее, соблюдая инструкцию:

— Бывшие господа! Забывайте, куси ево мать, — при этих словах нежно-красивые дамы ахнули и закрыли лицо руками, — про свои помады, диколоны и разные пудры, потому вы теперь полезные обществу гражданки и должны думать, как лучше работать, то есть заслужить уважение пролетарьята. По вашей, независимой от вас, женственной слабости, вам дается легкая работа, то есть подметать цеха, выносить от станков стружки, ну, может быть, поднести кое-когда не тяжелые железные прутья, вот и все. Берите, вон они, совки и веники, и любезно желаю вам воспитаться настоящими людьми. Расходитесь и заканчивайте.

Все — нормально, честь по чести. Слова против не сказали. Вздохнули, правда, буркнули что-то про себя, разобрали совки, веники и пошли в цехи.

Соблюдая ту же инструкцию военревсовета, вежливо обратился к мужчинам:

— С сей минуты вы уже не буржуйские паразиты-эксплаторы, а полезные обществу граждане. Бросайте теперь думать о том, как владеть фабриками — заводами и угнетать рабочих, а хорошенько выковыривайте ломами чугунные чушки и перелопачивайте литейный песок. Старанием заработаете уважение пролетарьята, неохотой — арест в кутузке, саботажем — чего и хуже. Вон они, ломы и лопаты, обходительно желаю вам быть настоящими людьми. Расходитесь и начинайте.

С места не двинулись. Такой гвалт подняли — уши затыкай.

— Это произвол и насилие!

— Издевательство над личностью!

Ионич на основании инструкции туго прикрутил язык, на который так и лезли всякие ругательства. Деликатно выслушал, а когда поутих шум, сказал:

— И не стыдно гавкать, как теи собаки? Раздувать ноздри, как лошади? Выпускать из рта пену? Вон там в цехах рабочие каждодневно, не доедая, гнут спину над станками-верстаками, так им можно? А вам, справным да гладким, что откормленные

жеребцы, так нельзя? Люди вы или несознательные обезьяны? А ну, куси ево мать, жива расхватывай струмент.

Некоторые потоптались, пошмурыгали носами, неохотно, правда, но взяли ломы и лопаты. Остальные — ни с места, продолжали кричать. Затрясло от гнева Ионыча. Разъярившись, нарушил инструкцию:

— Ах вы, гниды буржуйские! Гады, паразиты, иксплататары! Долго я буду с вами нянькаться?!

И употребил такую неслыханную брань, что проходившие мимо буржуйские дамы, уже с совками, наполненными стружками, взвизгнули в ужасе и убежали. Размахнулся и хотел было уже со всей силой опустить кулак на скулу первого подвернувшегося саботажника, но, вспомнив инструкцию, сдержался. Струсив, очевидно, почти все похватали лопаты и ломы и поспешили трудиться.

Но человек десять все еще саботажничали. И так уговаривал Ионыч, и этак, и объяснял, и стыдил — не помогало. Побежал в цех, крикнул рабочих. Открыл под конторой завода подвал, пригласил саботажников заходить. Которые не пожелали, тех рабочие взяли под руки. Закрыл дверь под замок. Прoderжал сутки: административная мера! Не без еды, конечно, каждому паек. Когда выпустил, пожелали работать без дальнейших скандалов. За исключением одного.

Не старый еще, лет сорока, крепкий, с тугой бычьей шеей, хоть в плуг запрягай, наотрез отказывался идти в цех. Смотрел на Ионыча через плечо сверху вниз, как на ничтожество, блеснул золотыми зубами и хмыкал:

— Хм... Чтобы дворянин раболепствовал перед смердом? Не дождетесь!

Еще на сутки посадил Ионыч отказчика в подвал. Не помогло. Пришлось составить акт и сообщить в комендатуру. Явился щербатый красноармеец, увел под винтовкой. В тот же день получил Ионыч сообщение, что злостный саботажник отдан под ревтрибунал.

А на следующий день пришло буржуям пополнение: десятка три господ, все — мужского пола. Злые, как черти. После разъяснительной речи разорались куда сильнее, чем первая партия. Как только не оскорбляли Ионыча. Особенно усердствовал молодой, румяный, с высоким лбом и наглыми глазами:

— У меня — голубая кровь, чистая, как кристалл, а у тебя — дрянь, черная, как мазут!

— Это почему же у меня мазут, куси ево мать? — не понимал Ионыч.

— Потому, что ты чернь, мерзкий червяк, ничтожнейшая инфузория!

Слезы потекли у Ионыча от таких обидных слов. Кровь, вскипев, ударила в голову. Забыл не только инструкцию военревсовета, самого себя забыл. Размахнулся правой и ударил твердым сухим кулачком издевателю в левый глаз, размахнулся левой — в правый глаз. А потом еще под нос — правой и левой. Превратилось лицо подлого оскорбителя в сплошной пухлый кровоподтек и ползла из носа ничуть не голубая, а самая обыкновенная, как у всех, красная кровь. Отер Ионыч руки о полу замасленной куртки, промакнул краем ладони глаза. И громко, спокойно прочитал приговор трибунала о том саботажнике. Выслушав, побледнели буржуи. Без единого слова теперь отправились работать. Избитый — тоже.

Вошел Ионыч в цех, поманил пальцем пожилого рабочего в очках, сказал:

— Значит, такое дело, Савельич, назначаешься ты обер-мастером, так же командиром над буржуями. Смотри тут за ними хорошенько. А я удаляюсь по собственному желанию, пока не поубивал их, куси ево мать. На хронт удаляюсь, Савельич. Встретимся еще. Принеси-ка мне, там, у верстака, мою винтовку.

3

В огне войны сгорел август.

Сентябрь охладил солнце, напитал воздух влагой. По утрам Грозный нахлобучивал мохнатую шапку тумана. Часам к десяти шапка рвалась и робко приходил затихающий зной. От блекнувших деревьев тянулись длинные тени. В затишье между перестрелками слышалось тягучее курлыканье журавлей.

А вечера были теплые, синие, бархатные, расшитые золотом звезд. Только жаль, поминутно линяла эта картина. Стирало ее все то же пожарище. Вдруг вспыхивало на Новопромысловском взгорье огромное пламя фонтанирующей нефтяной скважины, и тогда рушилась синева, раскалывалось небо и осыпались звезды. Свирепствовал несколько мгновений по всей округе желтый слепящий свет. Угасал, и тогда вновь коротко торжествовала золотисто-звездная бархатная синева.

Ночи же пахли надвигающимися заморозками, воздух к утру стеклянел, становился звонким. Отчетливо слышался дальний говор, отдельные выстрелы звучали чисто, как удар молота по наковальне.

В одну из таких ночей отправились по окопам командующие фронтами, чтобы проверить бдительность бойцов и одновременно передать только что полученное сообщение из Владикавказа.

Явился в полуроту Доброва командующий Средним фронтом

Федоров. Сторожное охранение было на месте, бодрствовали дежурные бойцы, не спал и командир. Федоров обнял Доброва за плечо:

— Тридцатого августа какая-то эсеровская гадина стреляла в товарища Ленина...

У Доброва похолодело внутри:

— Жив?

— Жив. Тяжело ранен.

— Товарищи, — Добров толкал бойцов, будил уснувших, — вы слышали? Вы слышали, ребята, покушение на Владимира Ильича...

Как от внезапного залпа вскакивали бойцы:

— До какой подлости докатились негодяи!

— Неужели можно терпеть такое?!

— Отплатить мерзавцам!

— Ответим двойным ударом по контрреволюции!

Ненавистью кипели сердца, катилась по окопам волна возмущения. На многих языках звучали слова клятвы: отомстить ненавистным врагам за товарища Ленина!

В ту ночь не спали бойцы. И каждый еще и еще раз сказал себе: не быть врагу в Грозном, каких бы это страшных усилий ни стоило!

4

В ту ночь Дмитрий Добров, Дуда Хаттуев и Василь Дубков решили увести у казаков пулемет. Наметили план: в операции участвуют все трое: один, впереди, подкрадывается к пулемету; второй ползет вслед, охраняет и прикрывает первого; третий на чеку, дежурит в окопе. Командующему фронтом Федорову решили не докладывать: вдруг не позволит?

По всем приметам, вражеские пулеметчики были весьма бдительными. Однако кого не расхолодит ленивая позиционная война? И на них, очевидно, повлияло безделье. С некоторых пор с той стороны, наряду с мужскими, стали доноситься женские голоса. К ночи голоса затихали. Может, пулеметчикам было уже не до пулемета?

Трое чутко прислушивались. Из вражеского пулеметного гнезда все еще доносился говорок, в басистые мужские голоса влетали женские. Наконец, кажется, наступила тишина. Дуда и Василь вопросительно глянули на Доброва.

— Пора! Будьте осторожны, братцы.

На Новых промыслах, поглотив струю нефтяного фонтана, исчезло на одну-две секунды пламя, и город погрузился в снпий мрак. Ящерицей выполз из окопа Дуда, за ним—Василь. Оба друг за другом сделали бросок. А когда пламя разгорелось от новой неф-

тяной струи, озарив город, прильнули неподвижно к земле. Так они ползли в темноте, замирали при вспышках пожарища.

Бойцы по соседству с Добровым заметили затею, расспросили шепотом, приготовились в случае чего к выручке.

Трудно преодолевать улицу, изувеченную боями, мешают воронки от снарядов, выбоины от бомб. Трудно еще и потому, что заняты руки. У Дуды в одной — конец веревки с петлей, в другой — наган, выпрошенный у кого-то на этот случай. У Василя — винтовка со спущенным предохранителем. Оба дышат тяжело, но осторожно. Оба чувствуют, как сквозь ветхую одежку упираются в тело острыми углами комья развороченной земли.

Веревка волочится за Дудой, шуршит. Другой ее конец в окопе у Доброва. Дуда, оказавшись у пулемета, накинёт на щит петлю и тут же дернет веревку, подав сигнал Доброву. Тот потянет ее к себе, а вместе с ней и пулемет. Дуда поможет. Если поднимут белогвардейцы тревогу, появятся над бруствером, Дуда пускает в ход наган, Василь — винтовку. В зависимости от обстоятельств, возможно, будет стрелять и Добров. Словом, Дуда и Добров притаскивают пулемет к своим окопам. Василь прикрывает отход Хаттуева.

Так задумано. А как получится?

Вот и бульвар. Расщепленные деревья, обрывки измочаленной коры, кучи сбитой с ветвей, пересохшей листвы. Наконец-то он позади. Уже близок вражеский бруствер. Колыхнулось, вздыбилось пожарище. Совсем отчетливо различаются гофрированный кожух «Максима», гулька ствола, повисшая на цепочке пробка...

Мигнув, угасло пожарище. Теперь — скорее, скорее, пока темно. Дуда влип в землю, его движения стремительны и бесшумны, он напоминает барса. И уже ловко карабкается на бруствер. Только вот что плохо: шуршит, осыпаясь, земля, этого никак не избежать. Сердце гулко бьет в грудь, в виски, в ноги, во все части тела. Пулеметный кожух нависает над головой. Быстрей! Быстрей!..

Но разве все предусмотреть?..

Василь затаил вздох. Руки впаялись в винтовку. Глаза болят от напряжения...

Выпукло торчит над кожухом пулемета, напоминая подкову, холодный стальной щит. Дуда, слегка поднявшись на левом локте, накидывает на щит веревочную петлю: Готово!..

Но разве все предусмотреть? Разве мог знать Дуда, что там, за бруствером, высится рядом с пулеметом горка стреляных гильз. Веревка коснулась их. Гильзы, расплываясь, переливчато зазвенели, ударив по напряженным ушам оглушительным набатом.

Столбом взвилось зарево пожарища. Яркое вспыхнуло все во-

круг. Дуда успел дернуть веревку, подав сигнал Доброву. Но в тот же миг выпучилась из-за бруствера борода казака. На Дуду глянул в упор черный глаз винтовочного дула. Хриплый казачий голос приказал:

— Стой, стрелять буду!

5

Африканыч, зевнув, перекрестил рот:

— Да разве это война? Милое дело в первые дни! Душа кипела — бьешь краснопузых без передыху, будто чихирем услаждаешься. А сейчас — тьфу! И чего вылеживаемся, чего не наступаем?..

— Так мы, кажись, уже наступали, кум, — Голубцов поправил на голове пропитанный кровью бинт. — Сколько ж казаков погублено из-за этих наступлений... А толку? Следует быть, никого! Попробуй, наступай, они тебе чертей всыпят!

— Кто-о? Краснопузые?

— Краснопузые!

— Плохо наступали. Ахвицера такие, испужались пролетарьят. На меня ежели бы — давно выбил голодранских самооборонщиков и всех ихних баб перешупал...

— А глаза бы тебе, кум, не выдрали?

— Кто?

— Ихние бабы.

— Чтой-то ты, кум, все больше дерешь глотку за краснопузых. Или большевиком стал?

— Так оно, если по правде сказать, мне большевики вреда не чинили. Вот, следует быть, посуди: мыслимое ли дело, чтоб к простому казаку в дом сам окружной начальник пожаловал? А Гикал ко мне пожаловал. И запросто, как вот мы с тобой, толковал. И даже сына больного не погнушался посмотреть. Докторский пункт в станице учредил. И ячмень свой под охраной ихнего да еще и чеченского войска я убрал. Чего же мне обижаться, например, на Гикалу? Ненапрасно замест господина у них всякий зовется товаришш. Он мне в аккурат, как товаришш, сделал. — Голубцов прищурил узкий коричневый глаз. — Противу чего я воюю? Противу добра!

— Я ото думаю, кум, — Африканыч тарашил злые глазки, — панюхался ты от Гикалы большевицкого духу и надобно доложить на тебя кому следует за измену казачеству!

— Эге, кум, — Голубцов спокойно махнул рукой, — дак ить на всех не доложишь, чего только не говорят казаки, разве я один...

— А что мне слухать агитаторщину? Мне убивать таких, пет-

ли на ихние шеи накидывать. Ото замолкни по добру-здорову, пока по носу не смазал! — Африканыч помолчал, зевнул и потянулся. — Подразнить их, что ли? Все на сердце — облегчение. — Приподнявшись на цыпочки, сложил ладони рупором, поднес ко рту и завопил истошно в сторону городских: — Эй, там, голо-оштанни-ки! Ба-асяки!

Голубцова передернуло:

— Если еще гавкнешь, кум, так я тебя в самом деле по носу смажу!

Африканыч, заметив перекошенное лицо кума, смолк. Понял: разозлился тот не на шутку. Оба, отвернувшись, насупились. Угасал длинный тоскливый день. Под пепельным небом пылала на западе багровая подпалина. Одиноким угольком тлела первая звезда. Было по-дневному душно, но из глубин предстоящей ночи уже тек робко и медленно приятный ручеек свежести. Смешиваясь с духотой делал вечер ласковым. Оба с нетерпением ждали темноты, вместе с которой придут в отдельное пулеметное гнездо, пристроенное к угловому кирпичному дому, Анисья и Софья. Только эти встречи и скрашивали нудную тянучку позиционной войны.

А пока, отвернувшись друг от друга, думали каждый о своем. Перебирались в голове разные толки, что плелись в последнее время в общих окопах, куда заглядывали поочередно то Голубцов, то Африканыч, чтобы скоротать день и убить тоску.

Говорили в окопах, например, что теперешнее затишье неспроста, ожидается, мол, мощное генеральное наступление, которое оставит от красных мокрое место. В связи с наступлением, дескать, перемещение войск, по всему фронту, усиление позиций. Говорили также, что формируется какой-то отряд, чтобы устраивать красным подкопы, поджоги и тому подобные пакости для ослабления их боеспособности. По всей фронтовой цепочке передавалась новость: сгружаются с пароходов английские солдаты, придут на помощь казакам, и тогда уже Грозному никак не устоять! Особенно много было суждений вокруг английского генерала Лазаря Бичерахова. Будто идет он с тучей войск на Порт-Петровск, после захвата которого устремится к Грозному в помощь Георгию Федоровичу.

О чем только не гомонили в окопах! И все клонилось к уничтожению большевиков. Африканыч в это твердо верил, Голубцов, — нет, он достаточно убедился в силе красных. Так и остальные: одни надеялись на победный исход, другие — нет. И все поругивали офицеров. Одни — за медлительность и неповоротливость, даже за трусость, другие — за бессмысленную смерть множества казаков из-за какого-то Грозного, который таких огромных жертв не стоит. При этом рассуждали в том смысле, что голод-

ранцы — упрямый люд, ты его хоть в клочья терзай, он все равно свой Грозный не отдаст. И что, мол, красный генерал Гикал командует самооборонщиками не хуже, чем белые генералы и полковники казаками.

В конечном счете многие приходили к выводу: зачем переводить время, проливать кровь? Не лучше ли отступить от Грозного, разойтись по домам и начинать сев озимых. Урожай из-за войны не убран, будущий год может оказаться голодным!

С горечью Африканыч замечал, что мнений не в пользу Бичерахова с каждым днем высказывалось все больше и крамольные слова произносились чаще и громче. Африканыч опасался, что если безделье в окопах будет продолжаться, казаки совсем собьются с панталыку и окончательно растают перед голодранцами. Особенно же было обидно за Голубцова: потомственный казак, вроде бы не из бедных, даже чин урядника имел, а за красных глотку дерет. Столько уже зла накопилось против кума, что, если бы велели его четвертовать, глазом не моргнул, так и располосовал бы на куски и собакам выбросил.

Не выдержав, Африканыч повернулся вполоборота к Голубцову. Тот, зажав винтовку коленями, привалился спиной к стене окопа и мрачно смотрел в одну точку.

— Лучше бы тебя, кум, убило в тот день наповал, — Африканыч звучно сплюнул, — так мне куда было бы легче, чем слушать твои противные слова за краснопузых.. Слышь, кум?!

Но Голубцов не отвечал. Даже головы не повернул. Глазом не повел. Будто и не слышал. Африканыч сплюнул еще раз и повалился спиной на дно окопа, выставив бороду к небу. Небо густо синело, бархатилось, развешивало фонари звезд.

Хихикнули где-то в ходе сообщения. А вскоре уже близко шаркнули шаги. Из-за поворота явились, сверкая улыбками Анистья и Софья.

— Добрый вечер, казаки, — сделала глазки, завертелась перед Африканычем Анистья. — Вечерять желаете?

Расстелила на дне окопа платок, поставила штоф вина, разложила закуску. Софья поправила у Голубцова бинты. Выпили некрепкого водянистого чихиря. Над окопом уже нависла тьма, мелькала вспышками пожарища. Африканыч лип плечом к Анистье, она кормила его, как маленького, из руки. Голубцов сидел хмурый, неразговорчивый, выпив, отказался от еды.

— Ну чего ты, Мироныч, такой смурной? Не надо...

— Сумно мне чо-то, Софка, сумно, — он с грустью смотрел ей в слегка раскосые глаза под густыми бровями.

— Чего ты совсем расквасился? — грубо упрекнула Анистья. — Перечихирился нито? Меньше лакать надо!

— Не трожь его, — вступилась за любимого Софья. — Раны у него болят, не видишь?

— Ну вас... А мы не падаем духом, правда, Африканыч? — Анисья чмокнула его в щеку. — Такая ночь... Когда вспыхивает пожар, бело, как днем... Расскажи, Африканчик, чего-нибудь от скуки... Это правда, что в Петрограде, что ли, бывают какие-то белые ночи?

— Истинный бог, бывают! — Африканыч перекрестился. — Сам видал, когда служил на действительной и нас туда на усмирение гоняли... Вроде как сейчас в Грозном. Только тут пожар мелькает, а там все время ровно чего-то блестить. Свет в глаза колет и ворочаешься, как воши кусают... Но служили справно, секли усмиримых, аж ошмотья летели...

— Герой ты у меня, Африканыч! — Анисья гладила его жесткую бороду.

— Софа, — шепнул Голубцов, — не слушай его, противно его слушать... Отодвинемся дальше...

— Ну еще чего, Африканыч? — Анисья повисла на его плече.

— А еще, значить, за Петроградом есть места, где полгода — ночь, полгода — день...

— Ой, брешешь! Как же там люди — подряд полгода спать?

— Истинный бог, Аниська, так и спать. Утром встают, завтракают, через три месяца обедают, еще через три — ужинают и лягают спать. И люди там называются самоеды...

— Эт, чево ж такое — самоеды?

— Самн себя едят!

— Да ну тебя, разбрехался...

— Истинный бог! Делают такие, вроде как у нас, катухи, загоняют один одного, откармливают кукурузой, нито отрубями и едят обыкновенно колбасы, копченые окорока...

— Да ну? — Анисья по-собачьи преданно смотрела ему в глаза.

— Анись, — шепотом предложил Африканыч, — отползем подалее...

— Приласкай меня, Софа, успокой, — говорил тем временем Голубцов. — Предчувствие такое, умереть должен, душа волком воет...

Софья положила голову любимого себе на колени, пробралась рукой за его рубашу, нежно гладила ему грудь, чувствуя как тревожно бьется его сердце. Ощущая ее дыхание, теплоту тела и ласковую ладонь, задремал. Вот Софья поцеловала его в губы — горячо, сладко. Он, очнувшись на миг, улыбнулся и снова утонул в дреме.

Глубокая ночь царила над окопами...

И вдруг звон разорвал дремоту, упруго ударило по ушам. Голубцов привычно схватил винтовку. Переливчато звенела, расползаясь, горка стреляных гильз у пулемета. Гильзы катились,

падали в окоп. Забыв обо всем, высунул винтовку за бруствер. Столбом взвилось пламя пожара. Увидел на насыпи под кожухом пулемета притаившегося человека. Машинально, как научила военная служба, приказал хрипло, не узнав своего голоса:

— Стой, стрелять буду!

В тот же миг Голубцова оглушило и ослепило. Меркнувшие глаза уловили в последний раз, как дрогнул и скатился сам по себе за бруствер пулемет и своим же ходом пополз к окопам красных. Потом все угасло, нахлынула вечная тишина.

— Ай! — дико вскрикнула Софья.

Бледная, словно дневная луна, дрожала в испуге Анисья. Вслед за ней явился Африканыч, посмотрел на мертвого кума, перекрестился. И вдруг заорал:

— А пулемет где?!

На шум прибежал, размахивая наганом, коротконогий офицер. Непонимающе тарашил глаза. А когда смекнул, в чем дело, гаркнул, подступая к Африканычу:

— Пробабничал пулемет, стерва! А ну, марш под арест! И вы, курвехи, тоже!

В казачьих окопах зашлепали выстрелы. Отозвались выстрелами красные. Минут через пять перестрелка стихла.

6

Добров при Хаттуеве и Дубкове разобрал пулемет* до последнего винтика. Все трое выковыряли из каждой щелочки грязь, детали протёрли фланелькой. Затем Добров подробно объяснил взаимодействие частей, заставил все собрать и смазать, где положено. И часа три учил своих друзей обращению с «Максимом». Наконец вытер тыльной стороной ладони потный лоб и сказал Хаттуеву с Дубковым:

— Берите свой пулемет и действуйте. Будет что неясно, объяснить не откажусь.

Добров зевнул, хотелось спать. Но прибежал вестовой, позвал к командующему фронтом.

В уголке подвала коптил каганец, при тусклом свете можно было рассмотреть колченогий стол, полевой телефон и крупное распаренное кипятком лицо Федорова. Широко открытые, веселые его глаза блестели, с висков стекали капли пота, тонкие вертикальные полоски усиков шевелились. С каким удовольствием,

* После того, как боец Пролетбата Павел Мусоров похитил у белогвардейцев пулемет, по его примеру было еще два аналогичных случая. Здесь — второй случай.

выбрав свободную минуту, услаждал себя чаем командующий Средним фронтом! Он пил из большой глиняной кружки, дул в нее, обжигал губы и покряхтывал.

Увидев Доброва, кивком пригласил сесть на ящик из-под патронов, извлек откуда-то из темноты чайник, вторую кружку, налил, подал, велел пить. Чай был настоящий, китайский, ароматный. Добров глотал, щурясь, с наслаждением.

— Гикало требует объяснения, — начал Федоров, — рассказывай, как было дело.

— Про пулемет, что ли? — догадался Добров. — Когда успело дойти к главкому?

— А что тут особенного? Мне сказали, я — ему, так положено. Армия у нас все-таки, а не цыганский табор!

— Да что в том плохого? Вред от лишнего пулемета?

— Надо было со мной согласовать! Командующий я или цыганский барон? Ты-то ползал на ту сторону?

— Нет, хотя желание было...

— Это облегчает вину. Не так густо у нас с командирами, чтобы они сдуру подвергали себя риску, хотя бы ради такой ценности, как пулемет. Поясний.

Добров подробно рассказал.

— На мое мнение, все трое заслуживаете благодарности. Но за самоуправство... Буду надеяться, Гикало тебе всыплет! Вызвал же не только поэтому. Готовь потихоньку людей, ночью твою полуроту мелкими группами будем незаметно перебрасывать на Правый фронт!

— Зачем?

— Надо, значит! — Федоров, допив чай, оставил кружку, — Получены разведанные, Бичерахов затевает генеральное наступление. Главный удар по Правому фронту. Решено укрепить его всеми возможными силами и средствами. Буржуи роют для вас дополнительные окопы. Вопросы есть?

Вопросов не было. Аппетит к чаю сразу отпал. Добров, оставив кружку, вытер рукавом рубашки усы. Вот и конец затишью, снова бой, кровь, трупы. Удастся ли удержать город на этот раз?

Когда вернулся к себе, увидел в окопе жену. Милая Глаша! Занятая в санитарной дружине, не часто наведывалась она к мужу, ее приход — настоящий праздник. Крепко обнялись. Глафира Петровна, растроганная встречей с мужем, вытерла кончиком фартука слезинки. Такой уж она была, чуть что — слезы. Дуда с Василием, чтобы не смущать супругов, отошли в сторонку. Отодвинулись, отвернулись другие бойцы.

Глафира Петровна протянула узелок с чуреком и вареной картошкой. Но Добров отказался, вернул обратно: в окопах сейчас кормили неплохо, зачем отрывать от семьи последнее? Выгреб

из кармана горсть шоколадных конфет в золоченой обертке, протянул ей. По одной конфетке получал ежедневно к кипятку, не ел, сохранял для Глаши. Она подарку обрадовалась, но спрятала в узелок, сказала, что отнесет Тимке.

— Ешь сама! — настаивал Добров. — Сыну вот что! — вынул из второго кармана красивую жестяную коробочку.

Эту коробочку с душистыми леденцами — монпансье получили к кипятку на троих, но Дуда с Василем отказались от своей доли, упросили Доброва взять для сына.

Глафира Петровна, уступив настойчивости мужа, развернула одну шоколадную конфетку, положила на язык, смакуя, медленно съела. Остальные не тронула, сказала, что Тимка сумеет справиться и с монпансье и с конфетами.

Заговорили о сыне. Тимка скучает по школе, спрашивает, когда начнутся занятия? А какая может быть школа, если война?.. Далее Добров только головой качал от рассказа жены. Сын прибегает домой лишь ночевать, в остальное время командует ребячьим отрядом, который кроме самой разнообразной помощи бойцам заготавливает еще и топливо для стряпух, снабжающих шебелиновскую роту самообороны горячей пищей.

Говорили увлеченно. Поворошили домашние дела, перебрали знакомых. Вспомнив дочь, тяжело вздохнули. Расставаться не хотелось, но время подгоняло.

— Извини, Глашенька, — Добров виновато опустил голову. — Мне тут надо... Кое-что сделать... А тебе пора уже... домой... Ладно?..

— Эх... Когда-то в таких случаях я сердито произносила «здрате» и всхлипывала, а теперь уже привыкла... Ладно!

Она обняла мужа, смахнула набежавшую слезинку. Встреча могла оказаться последней. И Добров, расправив усы, поцеловал ее так крепко, как когда-то давно, в дни горячей молодости.

7

Уставший от забот, в третьем часу ночи добрался Гикало к штабу, чтобы наконец поужинать и поспать хотя бы часа полтора-два. Зажег на столе лампу с закопченным, разбитым и подклеенным бумагой стеклом. Но темнота далеко не ушла, обступила стол мрачным кругом, плотно утрамбовалась в углах. Рядом с ворохом бумаг стоял на столе котелок, в котором оказался остывший картофельный суп, лежала окаменевшая белая булка.

Макнул ее в суп, не дождался, когда размокнет, стал грызть, благодарно думая о штабных вестовых, не забывших на этот раз командующего. Обедал он где попало, в окопах, но о завтраке и

ужине для него заботились вестовые. Однако, занятые бегом, случалось, забывали и о нем, и о себе. Сегодня же и белую булку где-то раздобыли. Ел с аппетитом: тяжелая самодельная ложка в одной руке, булка — в другой.

Давненько уже он не был дома, все не мог выбрать времени. Соскучился по маме. Веру видел чаще. Сейчас, во время затишья, ее переправили в госпиталь, ухаживать за ранеными. Тосковал по Настеньке, надо было навестить к ней. Похоронили ее в конце кладбища на холмике, где меньше деревьев и больше солнца, где свободнее гуляют теплые весенние ветры и раньше сходит весной печальный саван снега. Спи спокойно, милая Настенька...

Заметил, что бумаг на столе прибавилось. А как выкроить время, чтобы разобраться в этой растущей с каждым днем куче? Решил вызвать адъютанта — повоевал, хватит, пусть займется бумагами, сам не сможет дать им ходу, так хоть расскажет содержание. Надавил кнопку телефонного аппарата, попросил соединить со Средним фронтом. Откликнулся Федоров. Гикало сказал:

— Поручи разыскать Ястребова, пусть идет сюда, бумагами меня завалило.

— Слушаюсь!

Ночь брала свое. Гикало зевнул. В ожидании адъютанта прилег на койку. Забеспокоился: долго что-то не возвращался из Владикавказа комиссар Сафонов. Пора уже! Замигала лампа, конечно, кончился керосин. А вставать, просить дежурных или самому вознестись с заправкой, ой как не хотелось... Уставал Гикало.

Наученный горьким опытом прорыва обороны по вине помкомроты Маклакова тогда у казарм, теперь он совал нос в каждую щель огромного фронтового хозяйства. Так вот и пропадали сутками на линии обороны, проверяя надежность укреплений, бдительность бойцов, расторопность командиров, тщательно контролировал караулы и боевое охранение. А особенно был обеспокоен сейчас, когда от разведчиков из Моздока и станицы Грозненской шли сведения о подготовке Бичераховым мощного удара по Правому фронту с тыла. Теперь здесь строились новые, дополнительные укрепления.

Лампа мигнула еще раз и погасла. Навалилась приятная темнота. Гикало засыпал. Еще хватило сознания снять очки и растянуть воротник.

Потревожил голубой, с румяным оттенком, рассвет. Вскочив, стянул гимнастерку. Тело, предчувствуя холодную воду, пошло «гусиной кожей». Он не увидел на столе ни лампы, ни бумаг. Догадался, что возвратился адъютант. А вот и он: чубатый, тщательно выбритый, перетянутый ремнями.

— Здравия желаю, товарищ главком! Разрешите спросить разъяснения?

— Мое почтение, адъютант, — Гикало достал из стола мыло и полотенце. — Вот я и думаю, с чего бы это меня главкомом окрестили? Приказа такого не было. Это первое. Второе: когда удирал отсюда самовольно, небось разъяснения не спрашивал...

— Примите извинение, товарищ главком. Первое. Это точно, что вы главком, потому тремя фронтами командуете, окрестили по справедливости. Второе. Я тогда про все забыл ввиду сложности обстановки, помнил только, что нам надо отбиваться, и сам не знаю, как очутился на передовой. Когда же наступило затишье, подумал: как пойду обратно до товарища Гикалы, может, я им уже не нужен... Но поскольку получил приказ, немедленно прибыл!

— Сегодня — военревсовет, мне надо знать содержание бумаг для доклада. Разберись, пожалуйста, и доложи.

— Слушаюсь! А все же разрешите спросить, как мне быть? Под утро мне предстояла интересная вылазка, а вы, отозвав сюда, перебили. Предвижу, зададите вопрос, какая вылазка? Поясняю: хотели подключиться до белогвардейской связи...

— Что, что?

— Видели на пустыре против казарм две трухлявые скирды? Казаки занимают позиции в самих казармах, а пустырь безлюдный. Бурьян там высокий... И вот позавчера ночью мы решили туда сползать, разведать, как там и что...

— Конечно, не доложив Федорову?

— Точно, не доложив... По причине, а вдруг они не разрешат? Обидно было бы. Без доклада оно надежнее.

— Вот-вот, суший цыганский табор! Ох, и наказывать буду за это! Ну, ну, дальше...

— А дальше, представьте, напоролись на линию связи. По-над скирдами идет из станицы провод полевого телефона к Карпинскому кургану, где ихняя батарея. Сразу уползли обратно, а потом надумали подсоединиться. Расстарались провода, инструмента и сегодня перед утром должны были... Представляете, как бы хорошо слушать белогвардейские разговоры? А при случае отдавать хитрую команду, чтобы ихний огонь да по ихним же позициям!

Гикало забыл, что идет умыться:

— А это здорово, черт возьми!

— Какие будут приказания, товарищ главком?

— Справься, не возвратился ли из Владикавказа Сафонов, и принимайся за бумаги.

— А ночью...

— Ни в коем случае! — отрезал Гикало.

— Ка-ак? Вы же воскликнули: «А это здорово, черт возьми!»

— До поры до времени нос не совать! Смекай: станут проверять линию, наткнутся на подключение — и все полетит к чертям. Ждать приказа, цыганский табор не разводить. За малейшее самовольство — трибунал!

— Слушаюсь! А товарищ Сафонов уже прибыли и в ожидании, чтобы не тревожить ваш сон, бредутся.

Ястребов открыл дверь в свою комнату. Сафонов, подперев языком изнутри щеку, скоблился бритвой. Обнялись. Сафонов измазал Гикало мыльной пеной. Перебросились двумя-тремя словами, и Гикало побежал во двор к колодцу. Выкрутил воротом ведро ледяной воды, окатил голову, спину, растер воду на груди. Выкрутил второе ведро, снова окатился. Третьим вымылся. Возвратился свежий, румяный. Истаяли голубые утренние тени, торжествовал золотистый оттенок дня. Адъютант принес две черствые булки и два котелка, из которых поднимался пар, вкусно пахло разваренной полбой.

Сафонов, жестикулируя ложкой, рассказывал о поездке во Владикавказ. Гикало, заслушавшись, забыл о еде, скрестил руки на груди.

— Во-первых, ВЦИК вынес постановление, которым объявил Советскую Россию единым военным лагерем и утвердил военревсовет республики. Во-вторых, Ленин знает о нашем здесь положении, Совет Народных Комиссаров России принял по докладу Ильича постановление об оказании экстренной военной помощи Грозному. Из Астрахани через Каспийское море к нам будут переброшены части Двенадцатой Красной Армии, о чем заботится Киров. Принимает эффективные меры Орджоникидзе. Он, понимаешь, пропадает в аулах. Из горцев им создана колонна, которая объединяется с пробивающейся к нам дивизией Одиннадцатой Красной Армии. Теперь эта дивизия так и называется — Шариатская колонна. Ей приказано овладеть Прохладной и развить удар по Моздоку. На Сунженскую линию послан Александр Дьяков, он уже многое сделал, несколько станиц отказались выступать против Грозного.

Сафонов хлебнул две ложки полбенного супа и продолжал, возобновив жестикуляцию:

— Во Владикавказе арестована английская миссия. Расследованием установлено, что она была связана с английской и французской миссиями в Москве и одновременно с Деникиным и Бичераховым. Активно вела подрывную работу на Тереке, вдохновляла, понимаешь, Бичерахова, щедро его финансировала. Теперь, так-перетак, точно известна цель бичераховского мятежа: отделить в угоду Англии нефтяной Кавказ от России. И теперь уже совершенно точно, без всякого сомнения установлено: мятеж этот не случаен, специально планировался Антантой, приурочи-

вался к выступлению контрреволюции внутри страны, восстанию чехословацкого корпуса, к подходам Краснова на Царицын, Деникина — на Кавказ...

— Вот сволочи! — качал головой Гикало.

— Но самое интересное, — Сафонов взмахнул ложкой, — это то, что при обыске в здании миссии, кроме многих компрометирующих ее документов, обнаружено клише, с помощью которого печатались фальшивые деньги — николаевские пятирублевки. Миссия обильно снабжала фальшивками Бичерахова, а тот, понимаешь, платил всем, в том числе и мобилизованным казакам...

— Ну и ну! — Гикало усмехался. — Со всех сторон околпачивает контра неразумных станичников.

Оба принялись за остывший суп. Ястребов принес кружки с чаем, высыпал на стол горсть конфет. Обжигаясь, пили мелкими, осторожными глотками.

— Орджоникидзе велел нам наладить связь с Дьяковым, операции, по возможности, проводить согласованно. Но я еще не сказал главного! — Сафонов загадочно поднял палец, помолчал для эффекта. — Григорий Константинович передал деньги. Один миллион рублей! Пришлось мне, понимаешь, помучиться, но все же довез в арбе и уже сдал закупочной комиссии.

Гикало оттолкнул кружку с чаем и принялся считать:

— Это сто тысяч боевых патронов!

Вошел сильно сдавший в последнее время, совсем больной, желтее лимона, Тамбинский, прерывисто дыша, неуклюже, как-то боком опустился в кресло:

— От разведчиков поступили новые сведения. Поднялся с госпитальной койки полковник Поморцев, снова принял командование войсками, с рвением принялся за дело. Перед началом известного нам генерального наступления последует ряд диверсионных актов в районе Граничной улицы и Щебелиповки. Поджоги и подкопы. Ими хотят запугать нас, отвлечь, а затем уже нанести удар. Из отъявленных кулаков-головорезов формируется в станицах Пятигорского отдела так называемый Волгский ударный пластунский полк. Среди казаков ходят упорные слухи, что в помощь им присланы английские войска, вот-вот придут в станицу Грозненскую и вступят в бой. Но и это не все. Двигаются из Баку войска Лазаря Бичерахова, которые окажут помощь Бичерахову Георгию... Вот какие дела.

Тамбинский замолчал, а Гикало все еще напрягал слух, не веря, что перечисление белоказачьих козней кончилось и больше этого уже ничто не угрожает Грозному. Сколько же бед опять валилось на город! Создавалась ситуация, пожалуй, опаснее, чем в начале войны. Выстоит ли теперь город? Ох, трудно поверить, что выстоит, если не придет своевременно помощь, которая го-

товится ему. У Гикало звенело от напряжения в голове и постукивала, пульсируя, на щеке жилка. Курил запоем, дым не успевал вытекать в открытую форточку. Что-то говорил, успокаивая, Сафонов, Гикало не слушал его. Но вот прошел звон, в голове прояснилось — уже строились планы, намечались расчеты: «Волгский полк встретить в лоб, ударить с тыла... Англичане? Связаться с Дьяковым... Лазарь Бичерахов?.. Поговорить с Шериповым... Диверсии?..»

«Диверсии... Диверсии... — тер лоб Гикало. — Где, когда, какие именно диверсии?» — Тут в голову ничего не приходило.

— Что мы можем противопоставить диверсиям? — посмотрел на Сафопова, потом на Тамбинского.

— Надо, понимаешь, подумать.

Тамбинский передернул плечами, не сказав ни слова.

— Смекайте, смекайте, товарищи, сегодня военревсовет, надо предложить что-то дельное.

Сняв очки, протер носовым платком воспаленные, уставшие глаза. Время до заседания военревсовета еще было. Гикало решил съездить на Левый фронт, по пути заглянуть домой.

8

Дребезжа, броневичок вилял в тесных от развалин улицах, шофер объезжал холмы саманного и кирпичного крошева. Дымил броневичок не хуже коптильни, распространял густо-черный, невыносимо удушливый дым. Стрелял, как винтовка. Бензин, примитивно вырабатываемый на спиртзаводе из выдохшейся бросовой нефти, хотя и вел себя таким образом, но, спасибо ему, колеса все же крутил.

Замелькала вкривь и вкось вся в плетнях и глиняных мазанках родная улица. Только не было уже здесь старого друга, любимого тополя. Рос он у хаты с камышевой крышей, вспыхнула от пушечного снаряда крыша, сгорела, сожгла тополь. Жалкий его остаток торчал сейчас из земли черным обуглившимся колом. Грустно сделалось Гикало. Хоть и не полез бы он теперь на верхушку дерева любоваться горами, минуло детство, а все-таки приятно было глядеть на свидетеля невозвратно минувших дней. Не было уже и Настеньки...

Открыл дверь в кухню. Мама, раскачивая между ладонями сито, просеивала кукурузную муку. Увидела сына:

— Коля!

Поправила седые волосы, обняла, поцеловала. От радости разгладились морщины на лице, порозовели сухие губы. Засуетилась. Достала миски, наполнила не успевшей остыть мамалыгой. Гикало повесил на гвоздь шапку. Сели за стол в соседней

комнате. Добродушно смотрел из окрашенной бронзовой рамы отец.

Есть Николаю не хотелось, недавно завтракал. Но, чтобы не обидеть мать, старательно ел. Она успокаивала, нечего ему беспокоиться о доме: все нормально, кукуруза пока есть, топливо на зиму заготовлено.

Он слушал. По крайней мере, делал вид, что слушает, кивал, поддакивал. Но голова была забита другим: опасностью, нависшей над Грозным черной страшной тучей. Сердился на Василия — Наташу Доброву, молчавшую об англичанах, уж где-где, а в Моздоке должно быть о них известно. Злился на Листопада — Петухова, который информировал лишь о разговорах казачков об англичанах, но подробностей не сообщал. Ведь он опытный разведчик...

«Опытный разведчик! — зацепился за эту мысль. — А если опытный, то, может быть, сумеет... К тому же их там двое, еще и Тюльпан — Званцев...»

Сидеть дома больше не мог. Откинув табурет, резко встал. У мамы сделались большие глаза — что случилось? Но догадалась: что-то срочное надумал сын. Не стала, как прежде, удерживать, сама подала шапку. Проводила до калитки.

— В комендатуру! — сказал шоферу.

Тамбинский был в своем кабинете.

— Свяznego к Дьякову послали, Петрович?

— Снаряжаем.

— Когда связной отправится к Листопаду?

— С наступлением ночи.

— Зашифруйте Листопаду и Тюльпану задание. Пусть постараются, если смогут... Нет, не так! Пусть непременно повлияют на исход диверсионных актов против нас в районе Щебелиновки и Граничной улицы. Если невозможно предотвратить полностью, то хотя бы ослабить.

— Будет сделано, Николай!

Вышел из комендатуры, велел ехать к Левому фронту.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Дьяков въезжал в Карабулакскую с заходом солнца. Только отмычало, покинув выгон, и разбежалось по дворам стадо, еще оседала после него пыль. Зазвенели во дворах под упругими струями подошники, запахло парным молоком.

По улицам ходили патрули. Охранялось здание станичного

Совета. Дьяков знал: дежурили бойцы и на окраинных станицы, каждый подозрительный проверялся. Не было хода бичераховцам в Карабулакскую. Такой же порядок был введен и еще в двух советских станицах — Троицкой и Нестеровской.

Понукая лошаденку, Дьяков пересек площадь. Купол церкви тлел закатным золотом. Поднялся по ступенькам. В пасмурном коридоре стансовета встретил озабоченный Рохлин, потащил Дьякова в свой председательский кабинет.

— Неприятности? — догадался Дьяков.

— Да! — Рохлин волновался. — Был тут посланец из Грозного, тебя не дождался, после колебаний доверился мне. Гикало дает знать, что на них готовится наступление, просит нас провести какую-нибудь боевую операцию, чтобы оттянуть от города часть бичераховцев. Я пообещал. Рассказал для Гикало наши дела и отправил лазутчика обратно. А потом узнал такую новость, что не только Грозному помогать, самим бы уцелеть...

— Что произошло?

Они присели за столом с кумачовой скатертью.

— Бичераховцы затевают съезд сунженских казаков, — Рохлин беспокойно перебирал край скатерти. — Выбрали для этого курорт Серноводск. Будто бы приедут для проведения съезда лучшие ихние силы: Лымарь, Лутсов, Фальчиков, Халеев и разные там почетные казаки. Вроде бы должна быть принята резолюция о подавлении нас. Офицеры уже инструктируют выделенных ораторов. Тут же на съезде будет назначена карательная экспедиция и направлена в «непокорные» станицы, громить «красные очаги», мобилизовывать казаков на войну с Грозным. Разве не понятно, что каратели явятся в Карабулакскую, Нестеровскую и Троицкую... Какая может быть операция в помощь Грозному, когда нас самих ждет разгром?..

Дьяков туго зажал подбородок кулаком. Но сколько ни думал, в голову ничего не приходило. Вскочил, пошagal по комнате. С силой нажимал суставы пальцев, они шелкали, как костяшки счетов. Наконец угрюмо спросил:

— Ты говорил с людьми? Как они смотрят на этот съезд?

— Должен тебя огорчить, — вскинул брови Рохлин, и коричневая его родинка спряталась в морщинках лба, — многие наши хотят принять участие в съезде. По-моему, это нежелательно.

— Почему?

— Наслушаются офицерских угроз, посулов, брехни, найдутся колеблющиеся, перейдут к нам.

Дьяков покачал головой:

— Эге, Исай, думаю, тут ты загибаешь. Да разве может устоять ложь против истины! Бичераховской брехне надо противопоставить большевистскую правду. — Дьяков оживился, сошло с

лица мрачное выражение. — А что, если мы все дадим бичераховцам дружный отпор нашей правдой, постараемся повернуть съезд на нашу сторону?.. Знаешь что, Исай, — Дьяков загорелся этой идеей, — посылай-ка хороших людей в бичераховские станицы к нашим сторонникам, пусть обо всем расскажут и приглашают на съезд. А я объеду советские станицы...

2

Окопы на окраине Шебелиновки. Возвышается рядом громада железнодорожного моста, нависшего над Сунжей. Всюду в окопах бойцы, среди них и Василий Ионыч Ершевский, недавний обер-мастер завода «Молот». Рассказал, как отлупил буржуя. Бойцы одобрительно кивали:

— Мало ты ему дал!

— Убить бы надо!

Ионыч поинтересовался, что произошло до него. Объяснили, что ничего особенного, притихли было куркули. Но сейчас вроде начинают снова. Затевают какие-то диверсии. Хотят подпалить Шебелиновку, отвлечь тем красных бойцов, воспользоваться паникой, захватить вот эти позиции и ворваться в город. Так говорил сам командующий левым фронтом Погос Григорян. Говорил, что загодя узнал об этом штаб обороны города. Что будут казаки гнать через мост подожженные с бензином цистерны, толкать на Шебелиновку. Потому подкрались ночью бойцы к рельсам на казачьей стороне, положили на них перед мостом тормозные башмаки. И вот вторые сутки уже не спят бойцы, ждут, что оно будет дальше.

Ионыч засомневался: смотря сколько цистерн погонят, да с какой скоростью, а то башмаки тормозные могут и не выдержать напора, послетают с рельсов. Пожар тогда неминуем: сразу же за мостом громоздятся у рельсов штабеля пропитанных мазутом шпал, рядом густо торчит опасный, как порох, сухой бурьян, тут же и деревянные заборы, и плетни, и крытые камышом и соломой хаты. Мудро придумали враги: вспыхнет все это — не потушить огромного пожара. А что можно сделать еще против подожженных цистерн? Ничего не мог придумать Ионыч.

Отгорел заревом запад, и на окопы навалилась густая безлунная ночь. Не спали бойцы, в том числе Ионыч.

И вот где-то в кромешных глубинах железнодорожной станции родилось пляшущее оранжевое пятно. Наплывало, увеличивалось. Напряженно ждали бойцы. Каждый знал, что делать. Одна часть, чтобы ни произошло, должна оставаться в окопах, в случае нападения — принять бой. Другая, если возникнет пожар, — тушить.

Летел, потроша тьму огненными мечами, дьявольский поезд. Сцепили зубы бойцы, туго сжали винтовки. Вот уже видно: впереди две пылающие цистерны, их бешено гонит сзади паровоз. Недалеко от моста паровоз, толкнув цистерны, остановился, попятился назад и ушел обратно. Пыхающие цистерны, не сбавляя скорости, стремились к мосту.

Но вот со скрежетом наехала на тормозные башмаки первая цистерна. Взрыв внезапно остановившимися скатами, поползла юзом, сдержала вторую. Обе, не достигнув места, там, на казачьей стороне, начали лопаться, стреляя, как из пушек. Высоко подпрыгивало разъяренное пламя, плевалось во все стороны. Корчилося в муках железо, цистерны, скрежеща, превращались в уродливые скелеты.

Хохотали от радости бойцы в окопах, кричали «ура!», подкидывали шапки.

Утренняя свежесть не могла побороть приторного запаха гари.

С рассветом с той стороны к железным скелетам пришел паровоз с облепившими тендер казаками. Они принялись расчищать путь. Шебелиновцы открыли по ним огонь. Много полегло под пулями казаков, но путь все же расчистили.

Тут и появился в окопах Гикало. Прибежали к нему носатый, с волнистыми волосами и в фуражке набекрень командующий фронтом Григорян и болезненного вида командир деповской роты слесарь Кравцов. Гикало угостил всех, кто пожелал, махоркой, закурил сам:

— Рассказывайте, как тут было?

Григорян и Кравцов рассказали.

— Да... — задумался Гикало.

— Они раз путь расчистили, — значит, на этом не успокоились, — заметил боец рядом с Ионычем, — снова погонят цистерны с огнем... Опять нам тормозные башмаки класть под рельсы?

— Вот я и думаю, ребята, — Гикало сделал успокаивающий жест, — никаких башмаков класть не надо. Мы их другим способом отвадим от Шебелиновки!

И в это время Гикало увидел Ионыча. Подошел поближе, рассмотрел получше:

— Так вот вы где притаились, куси ево мать, уважаемый Василий Ионыч... А мы вас по всем фронтам ищем. Придется за свои поступки отвечать перед ревтрибуналом. На каком основании приложили руки к гражданину?

— Нечаянно я, Николай Федорович, — виновато опустил голову Ионыч.

— То есть как это нечаянно? Что он, плохо различимая букашка?

— Червяком он меня обзывал и мазутом, какой-то еще фузурней... Ненормальное забытье со мной приключилось. Набимши морду, тогда опомнился.

— Вот и ответите за забытье перед трибуналом.

— Да вы что, Николай Федорович, за какого-то буржуя?..

— Смекайте, Ионыч, смекайте. Прежде всего за нарушение инструкции военпревсовета! И за самовольный уход с завода, точнее с военного объекта, что требует наказания по законам военного времени!

— Да что я, дезинтир? — совсем обиделся Ионыч. — На свое место не хуже себя Савельича назначил. Ушедши с завода, тем сохранил рабочую силу для пользы дела. То они работают, все ж таки, как-нибудь, теи буржуи, а то бы я их, забывшись, поубивал постепенно. Кто бы тогда чертопрудил?

— Под трибунал! — отрезал Гикало. — Хватит разводить цыганский табор!

Бойцы вступились за Ионыча:

— Не надо бы так строго...

— Не гневись, Николай Федорович.

Гикало не уступил:

— На этом все. До свидания, товарищи!

— Вот так-то — многозначительно поднял указательный палец Григорян. — Учтите, ребята!

И, подталкивая впереди себя нерасторопного Кравцова, ушел вслед за Гикало.

— Ну и пускай! — тщательно вытер рукавом нос Ионыч. — Виноватым себя не признаю!

К вечеру подошел к Шебелиновке, остановился около моста бронепоезд «Борец за власть трудового народа». Не зажигая фонарей, слабо попыхивал дымком. Бойцы с интересом поглядывали на него.

Ночью показались из крошечной тьмы железнодорожной станции огненные цистерны. А навстречу им, на ту сторону моста — бронепоезд. Подпустил к себе ближе, дал контрпар, попытлся, принял легкий удар. Потом раскатил пылающий состав, швырнул мощным толчком и ушел восвояси. Цистерны рвались и сгорали там, у себя.

На другую ночь — точно так же. И на следующую — так же!

Дорога вилась рядом с оврагами, поднималась на взгорье, стлалась лентой среди пожухлых осенних трав, вдоль догнивающих бахчей с сухими арбузными плетями и черными понурами

подсолнухами. Она протискивалась сквозь неубранные кукурузные делянки, серые и скучные. Бежала далее мимо полеглой пшеницы, распространявшей запах прели и уже поросшей местами нежными всходами падалницы.

Война не позволила убрать урожай. Всюду попискивали, шуршали жирные полевые мыши, свистели сытые суслики. На подсолнечных головках гроздьями висели воробьи, выклевывали последние семечки. Пронзительно вереща, копошились в гнилых дынях галки.

Впряженная в пару лошадей, двигалась по дороге мажара, груженная сеном. Дурковатый подводчик, небритый, в обветшалом бешмете, лениво шевелил вожжами, глупо поглядывая вдаль, гнусавил мотив наурской лезгинки. Когда мажара миновала последнюю заброшенную делянку, подводчик увидел под синим нагромождением Сунженского хребта темные метлы тополей и рафинадные кубики коттеджей. Это был курорт Серноводск. Там дымила черная коробка грозного бронепоезда.

Протащив сено мимо веселых коттеджей и множества вооруженных людей, лошади остановились за густым кустарником, подальше от посторонних глаз. Дурковатый подводчик накинул на одно плечо уздечку, на другое — кнут, приоткрыл из-за любопытства рот и пошел глазеть людское скопище. Как только он удалился, пришли к мажаре люди, покопались в сене, вытащили мешок. Развязав, убедились, что в нем то, что нужно: газеты «Трудовой казак», листовки с воззванием к сунженским казакам. Рассовали листовки с газетами за пазуху и удалились.

Тихий, незаметный подводчик позванивал удилами, шелестел кнутом, волочившимся в траве, и с глупым выражением лица рассматривал толпу. Тут были бедные и богатые, тощие и упитанные, в ветхих бешметах и роскошных праздничных черкесках. Шныряли офицеры в парадной форме, золотых погонах и белых перчатках. Когда к подводчику приближался офицер, тот старался уйти подальше. А вообще-то он смешался с толпой и был неприметным.

К нему подошли двое, шепнули:

— Как считаешь, Александр Зиновьевич, можно раздавать?

— Только осторожно, а то сцапают...

Это Дьяков, по совету товарищей, разыгрывал дурковатого. В обычном виде ему, приговоренному к «преданию земле», появляться среди множества врагов было опасно.

Мощным, двойным гудком, очевидно, для того, чтобы обратить на себя внимание, рывкнул бронепоезд. Он стоял на главном пути станции Серноводск, против белого здания вокзала, густо дымил, отдувался паром. Стволы пушек и пулеметов устрашающе торчали из его черной коробки. Отчетливо виднелось крупно написанное название «Богатырь». Бронепоезд рывкнул второй раз. И

снова повернулись к нему люди. Некоторые качнули головой: «С такой штукой шутить не следует!»

Дьяков осматривался. Участники съезда, все вооруженные, гомонили под пригорком, вытаптывая желтоватый бархат увядающей травы. Узнавал старых знакомых, большелицевого Лымаря, красавца с припухлыми веками, сбросившего на этот раз засаленный бешмет, принарядившегося в парадное хорунжего Фальчикова, великана Халеева... Офицеры вели себя непринужденно и уверенно. Они подходили без разбора к бедным и богатым, участливо расспрашивали о жите-быть, похлопывали по плечам, шутили...

Но и соратники Дьякова действовали. Тоже разговаривали и шутили, но при этом осторожно раздавали газеты и листовки. Их сразу — оставаться в тайне они не могли — читали, многие по складам. Господа офицеры тоже поинтересовались, внимательно прочитали. Вдруг нахмурились, загрустили. Дьяков, довольный, улыбнулся: в газете «Трудовой казак» была опубликована статья Асланбека Шерипова, рассказывающая о стойкости Грозного, о том, в чем его сила. Конечно, не по душе пришлось она офицерам, на многое открывала глаза простым казакам.

На пригорке, над толпой красовался приготовленный для президиума стол, покрытый синим сукном с крупным изображением бичераховского герба — золотым двуглавым орлом без короны. Рядом ждал горнист. Он подбоченился, выпятил ногу, упер в нее трубу. Начищенная медь отражала солнце. Поодаль у деревьев фыркали, звенели сбруей привязанные кони.

И вот офицеры взошли на пригорок, выстроились за столом. Лымарь поднял руку в белой перчатке. Горнист приложил к губам зеркальную трубу. Тонко и взволнованно прозвучал сигнал «Внимание». У стариков повлажнели глаза, вспомнили, должно быть, молодость, приятную суету лагерных сборов, хватающие за сердце звуки сигнальной трубы.

Толпа стихла, повернулась к офицерам. Полковник Лымарь снял перед съездом золотистую каракулеву папаху.

— Станичники! — начал он приветственную речь. — Терское правительство выражает твердую уверенность в том, что доблестные сунженцы не утратили дух славного свободолюбивого казачества, всегда стоявшего на страже государственности. Правительство верит, что казаки Сунжи поддержат его в борьбе с анархией и смутой, которую сеют большевики. Нет сомнения, что сунженцы будут бороться за свободу и независимость казачества...

Но Исая Рохлин, в праздничной форме, с георгиевскими крестами и медалями, уже стоял у стола. В упор спросил Лымаря.

— За какую независимость? Для кого свободу?

Лымаря передернуло. Он сразу же потерял спокойный тон, раздражаясь, пустил в ход свой громоподобный бас:

— Надеюсь, казаки суиженской линии не поддадутся на агитацию большевистских листовок?..

Его поддержал Фальчиков. Изящно изогнувшись над столом, энергично вскинул руку:

— И не присоединятся к изменникам и предателям из Карабулакской, приютившей у себя большевистских агентов...

Опытным пропагандистом слыл Фальчиков, но в запале ненависти к большевикам не подумал, очевидно, что жестоко оскорбит карабулакцев, назвав изменниками и предателями. Разгневанные, они сквозь толпу лезли на пригорок, окружали стол с офицерами:

— Не оскорбляйте казаков!

— Сами изменники и предатели!

Кто-то нетерпеливо заорал из толпы:

— Ближе к делу, зачем нас собрали?

Толпа колыхнулась, будто ее ударило крепким порывом ветра. Поднялся шум. Запрядали ушами, испуганно попятились кони. Со всех концов толпы несло:

— Что это — съезд или базар?

— Можно бы обойтись и без оскорблений!

Съезд гудел, как огромный встревоженный рой. К столу приблизился почетный и заслуженный вахмистр станицы Нестеровской. Толстые усы, окладистая борода, шрам на лице от удара немецкого палаша, грудь — в крестах. Перед ним почтительно расступились карабулакцы. Вахмистр, будто не замечая офицеров, повернулся к ним спиной, степенно огладил бороду:

— Братья-станичники, дорогие товарищи! До каких пор мы будем слушать оскорбительные речи царских офицеров? Царя давно нет, царские порядки отменены, а нами все еще пытаются командовать царские золотопогонники. Пора нам самим решать наши дела. Мы не какие-нибудь, а трудовые казаки. — Он, растопырив пальцы, показал заскорузлые мозолистые руки. — Хлеб растим своими руками, в белых перчатках не ходим, офицеры нас не кормят, и мы от них не зависим. Да и воевать, слава богу, умеем. Так что потребности в господах офицерах не имеется, сами разберемся, что к чему...

Но на него подналег плечом, оттиснул от стола дородный казачище с брюхом, распиравшим черкеску:

— Продался большевикам, вахмистр?! Как тот Иуда — за тридцать сребренников! Небось освободили они тебя от продрозверстки, чтобы ты за них гавкал, вот и рассусоливаешь здесь. Всем известно, что творят большевики: лишают привилегий, отбирают землю, выгребают зерно, вымогают харчи... А ты тут:

«хлеб растим», «сами разберемся»... Дурак! Вношу резолюцию: долой большевиков! Мобилизовать все до единой станицы на борьбу с большевистским Грозным, захватить его в ближайшие дни! Всех большевиков, продавшихся изменников казачества карать «преданием земле», дома и земли отбирать, семьи выселять за пределы Терской области. Вот за это призываю голосовать!

Победителем, с гордо поднятой головой он уходил от стола. На его место встал молодой, болезненный казак из Троицкой:

— Станичники! Разве вы не видите, что простым казакам здесь не дают хода, кричат и оскорбляют. Они хотят, чтобы мы вели себя, как им выгодно. А сами еще толкуют о свободе... Да неужели нас сейчас можно заставить подчиниться старому режиму?

— Хватит уже тебе! — прорвался на его место ободранный казачишко, очевидно, из бедных. — Ну вот я простой казак! Ну и чаво! Так ты думаешь, я за большевиков? Не! Я за то, чтобы уничтожить большевиков, победить Грозный. За то! Вот и все!

Едва тот кончил, появился у стола михайловский казак с лицом, обезображенным пороховыми ожогами:

— Рабочие Грозного нам ничего плохого не сделали, мы на них не в обиде и воевать с ними причин нет. Давайте по-хорошему скажем господам офицерам: мы, трудовые казаки, желаем жить мирно, не толкайте нас на войну с рабочими!

Но нет, не унимались бичераховцы. Нахально, расталкивая локтями толпу, напролом лезли на пригорок, кричали на советских казаков, оскорбляли, требовали жестокой с ними расправы, настаивали на продолжении войны с Грозным до полной победы. Доказывали, что силы грозненцев уже иссякли и конец им близок. Ораторам поддакивали из толпы.

Дьяков тревожился, что съезд может кончиться в пользу бичераховцев. Из толпы истошно орал:

— Уничтожить изменников казачества!

— Победить Грозный!

Нагло вели себя бичераховцы. Советские казаки отмалчивались, им попросту не давали открыть рта...

Наконец сумел привлечь к себе внимание член стансовета из Троицкой — стройный, бравый, голосистый:

— Хватит уже нам здесь орать, казаки! Давайте ближе к делу. Я лично вношу такую резолюцию: всем, здесь собравшимся, присоединиться к советскому казачеству станиц Карабулакской, Нестеровской и Троицкой, потребовать от бичераховского командования прекратить военные действия против рабочих, распустил казаков с фронта, потому как наступила пора осеннего сева...

Притихла толпа. Но загалдели, засуетились за столом офицеры. Их перекричал Исай Рохлин:

— Так что, давайте это предложение считать постановлением съезда. Кто «за» — прошу поднять руку.

К удивлению Дьякова, поднялось множество рук. Против голосовало явное меньшинство. Он никак не мог понять, почему так могло произойти при весьма активном выступлении бичераховцев. Наконец догадался. Вот в чем дело: присутствовало здесь людей из советских станиц гораздо больше, чем из станиц бичераховских. Офицеры пригласили сюда лишь тех, которых специально готовили для съезда, а советские казаки, как определил Дьяков, были почти все. Хоть и старались проинструментированные офицерами ораторы, победило большинство.

Исай Рохлин резко повернулся к столу:

— Ну что же, господа офицеры, подчиняйтесь постановлению съезда: прекращайте братоубийственную войну с Грозным! Не выполните постановления — пеняйте на себя! На этом съезд закончим. — Посмотрел на горниста: — Играй отбой!

— А мне каждый не приказ! — заносчивый горнист спрятал трубу за спину.

— Господин полковник, — Рохлин обратился к Лымарю, — прикажите играть отбой!

— Вы слишком обнаглели, господа большевики! — метал громы и молнии Лымарь. — Не забывайте, матери его черт, что мы у вас не в подчинении!

Не выдержав, вмешался Дьяков:

— Но как всем известно, вы, господа, изображаете из себя демократов. А коль так, будьте любезны подчиниться большинству, которое считает вопрос решенным и съезд закрытым.

На Дьякова (с какой-то уздечкой в руке и кнутом на плече) непонимающе покосились офицеры, а узнав, злобно выпучили глаза. Лымарь устало махнул горнисту рукой. Ласково-успокоительная мелодия неторопливо поплыла над толпой. По давней казачьей привычке голосу трубы немедленно подчинились. Съезд таял, обнажая рябой от вытопанной травы пригорок. Ветер колыхал скатерть с шитым золотом орлом.

— Товарищи нестеровские казаки, — крикнул с пригорка вахмистр-нестеровец, — слушай мою команду: следовать в свою станицу, быть в боевой готовности и ждать распоряжения советского командования. По коням!

Такие же приказы отдали командиры из Троицкой и Карабулакской. Конные сотни покидали Серноводск. Офицеры понуро брели к дымившему бронепоезду. Дьякову привели оседланную лошадь, и он, поручив мажару с сеном казачатам, избавился на-

конец от уздечки и кнута. Ехал рядом с Рохлиным впереди карабулакской сотни. Рохлин сказал:

— Облизнулись офицерки, поколебался ихний авторитет даже в глазах приспешников.

— Считаешь, Исай, они на этом успокоились?

— Что ты! Конечно, нет! Карательную экспедицию сорганизуют и на нас нападут!

— А силы у нас, Исай, малы. И если каждый отряд будет сидеть в своей станице, каратели учинят в отдельности разгром без труда. Надо объединяться, квартировать всем вместе, иметь единый план действий...

В маслянистом солнечном мареве замаячили очертания Карабулакской. Кони, почуяв станицу, рвались вперед. Рохлин, подняв руку, дал команду перейти на рысь. Придерживая поводом горячего коня, Дьяков подумал, что статью Шерипова, рассказывающую о том, в чем сила Грозного, надо напечатать отдельной листовкой, шрифтом покрупнее и распространить во всех, в том числе и бичераховских, станицах. И еще решил: не поспать сегодня ночь, но непременно написать в «Трудовой казак» статью о сегодняшнем съезде. Пусть узнают все станичники, как грубо и чванливо вели себя офицеры и кто победил на съезде. Дьяков не порывал связи с газетой, редактором которой был недавно. С трудом выбирая время, старался писать чаще. «Трудовой казак» проникал и в бичераховские станицы, даже в самые дальние.

Неожиданно пришла мысль — вести дневник. Раздобыть толстую тетрадь или большую записную книжку и систематически излагать события. И книгу потом не мешало бы написать...*

У станицы Рохлин сдержал сотню, кони перешли на шаг. Повернулся к Дьякову:

— Ну что же, потолкуем с командирами и будем объединяться!..

4

С часа на час ждал Ионыч: придет начальство, прикажет отправляться в трибунал. Поэтому, когда вынырнул из хода сообщения командующий фронтом Григорян, а следом и комроты Кравцов, решил — это за ним. Приуныл. Григорян приближался быстро, шинель распахнута, фуражка набекрень, волнистые волосы копной. Кравцов едва поспевал сзади. Бойцы при виде на-

* Такую книгу — «Борьба сунженских казаков за Советскую власть» — А. Дьяков написал. Она выпущена в 1957 году Чечено-Ингушским книжным издательством в г. Грозном.

чальства поправляли одежку, тянулись, взводные и отделенные козыряли. Ионыч же сутулился и кряхтел.

Григорян остановился рядом с Ионычем, но на него не обратил внимания: очевидно, дело, по которому он пришел, было поважнее. Командующего окружили. Тот изучающе обвел всех взглядом. Вдохнул. Потормошил козырек фуражки. Достал из узкой пачечки дамскую буржуйскую пахитоску, прикурил у кого-то от сигарки:

— Нужно, ребята, разобрать рельсы... — Помолчал, затянулся дымом. — Дело рискованное, приказывать не хотелось бы, а если найдется доброволец, возражать не стану. Суть вот в чем...

И он рассказал о данных, имеющихся в штабе. Вражеский бронепоезд «Богатырь» намерен приблизиться к щелебиновским окопам, в упор расстрелять с высоты насыпи бойцов, одновременно высадить десант. Под его прикрытием хлынут по железнодорожному мосту казаки, разовьют наступление...

— Вот почему, — заключил Григорян, — требуется разобрать рельсы. Полотно, вы сами знаете, у противника на виду, риск большой... Но задачу необходимо выполнить. Надо так схитрить, чтобы не обнаружить себя, сохранить свою жизнь и довести дело до конца. Кто возьмется, ребята?

— Я! — отозвалось несколько человек.

Ионыч протискался к комроты Кравцову, спросил потихоньку:

— А бичераховские позиции, я еще не успел точно рассмотреть, на каком примерно расстоянии от нас? Сразу могут убить на полотне или не сразу?

Кравцов пожал плечами и объяснил, что позиции противника не так уж под носом, вон там, у сада Голубинцева. С одного выстрела, может быть, и не ухлопают, но со второго-третьего... В чем разницы нет — умереть от первой пули или от третьей, не успев ничего сделать.

Ионыч кивнул и задумчиво почесал голубоватые завитки небритых волос на щеках. Григорян между тем всех желающих забраковал: трое оказались многодетными отцами, посылать их почти на верную смерть — жаль ребятишек; остальные очень молоды, — значит, горячи, неосмотрительны.

— Я желаю! — Ионыч сорвал с головы кепчонку и шлепнул ею о землю.

В окопах притихли. Григорян недоверчиво посмотрел на Ионыча. Прикурил новую пахитоску:

— А трибунал?

— Успею еще! — тряхнул головой Ионыч.

— Семейное положение?

— Старуха померла, один как перст, плакать некому. Бер-

кулезом-чахоткой прибалываю, такая болезнь, все одно долго не проживу. И хитрость придумаю, будьте уверены, постараюсь. Вполне подходящий я, не сумлевайтесь, куси ево мать!

Григорян посмотрел на Кравцова:

— Твое мнение, комроты?

— А может, мне самому? — вдруг ляпнул Кравцов и покраснел.

— Я тебе покажу самому! — Григорян погрозил пальцем. — Отвечай на вопрос.

— Что же, — отвечал Кравцов. — Я Василия Ионыча знаю давно. Гаечным рельсовым ключом вполне владеет. Ничего мужик, честный, храбрый... Зря его — под трибунал, напрасно. Вообще, и так далее... Вполне подходящий!

— Не думайте, — сказал стеснительно Григорян Ионычу, — что посылаю вас потому, что вы одинокий. Нет. Потому, что вы мудрый человек, думаю, дело сделаете и в живых останетесь. Успеха вам, дорогой Ионыч!

Григорян обнял его и поцеловал в небритую щеку с тусклым румянцем. Кравцов вручил гаечный рельсовый ключ. Стало очень тихо в окопах.

Григорян ушел. Кравцов остался. В окопах загомонили, но Ионыч стал собираться, снова притихли: не так просто отвинтить рельсовые гайки на виду у врага, надежда на возвращение ничтожна.

А Ионыча вдруг придавило тяжелое уныние. Предчувствие гибели, что ли? Никогда не боялся смерти, привык к тому, что жить осталось мало, задушит чахотка... Но вот пришла пора... Тоской защемило сердце. Сильно, как никогда до этого, захотелось жить! Лучше бы в бою: не знаешь, когда прилетит пуля, раз — и готово! А тут иди сознательно... Глянул на солнышко — предзакатное, едва теплое... Увидит ли его еще? На золотистое хрустальное облако, что спешило к солнцу, и удивился, что никогда не замечал таких красивых облаков. А больше, наверное, и не увидит.

— Братцы, — сказал бойцам, — чего буду ждать? Поползу... Только зябко мне что-то, может, одолжит кто ватничек или шинельку? Потом отдам или сами с меня стянете...

Кто-то неумно пошутил:

— А не все ли равно, как... В тепле или холоде?

Но ватник, еще нестарый, всего с двумя заплатами, уступил. Ионыч натянул его, спрятал под полую ключ и отшутился:

— В тепле, должно, лучше, вроде уютнее...

Взял винтовку наперевес, помахал рукой ротному Кравцову и

ушел к концу окопа, который упирался в железнодорожную насыпь. Перед Ионычем хмуро и молча расступались.

Бойцы видели, как он, покинув окоп, полз под железнодорожной насыпью. Полз, плотно прижимаясь к земле, волоча рядом винтовку. Отполз в сторону противника саженной двести и начал взбираться на насыпь. Потом его силуэт различили уже наверху у рельсов.

С напряжением ждали чужого выстрела.

И он не замедлил последовать, одиноко звонкий, неестественно страшный в зловещей окопной тишине. Все видели, как не стало больше Ионыча. Он вроде бы нехотя поднял голову, медленно повернул лицо к солнцу, клюнул носом и затих.

Ждали. Ионыч не шевелился. И выстрелов больше не было, зачем казакам переводить патроны, если дело сделано одним? Бойцы, вздыхая, негромко переговаривались:

— Тут ему и трибунал... И чего это вздумалось Ги-кале?..

— Какая уж тут хитрость может быть придумана, если у врага — на глазах...

Чтя память товарища, сняли фуражки, склонили головы, помолчали. Один произнес почти шепотом:

— Царствие ему небесное! — И перекрестился.

Другой в упор глянул на комроты Кравцова:

— Говори, Иван, кто следующий?

— Сам полезу! — решительно кивнул Кравцов.

5

Бешеным галопом ворвался в Карабулакскую конный нарочный из Михайловской. Потный, пыльный, выпрыгнул из седла, взбежал по ступенькам в здание Совета. В это время Дьяков совещался с командирами по поводу объединения вооруженных сил. Остановившись в двери, нарочный выложил новость:

— В Михайловской творится несусветное. Был сход по вопросу присоединения к советским станицам. Поднялся гвалт, кто-то кого-то оскорбил. Один из «почетных», должный георгиевский кавалер, ударил казака сторонника Советской власти. Тот, не стерпев, схватился за кинжал. «Почетный» — тоже. Их разняли. Но те, кто за Бичерахова, побежали домой за винтовками. Которые за Советскую власть — тоже. Началась перестрелка, залегли в окопах. К вечеру бой утих, разошлись по домам. Но сегодня утром бичераховцы, обошли дворы сторонников Советской власти и, угрожая погромом, предложили покинуть станицу, убираться ку-

да угодно. Опять дошло до оружия. Идет бой. Советские казаки не желают уступать бичераховцам, хотят проучить их, отбить охоту к погромам, просят у Дьякова помощи.

На вопросительный взгляд Дьякова командиры ответили утвердительно кивком. Тут же подсчитали возможности. В Карабулакской было два станковых пулемета на тачанках, два полевых орудия с запасом снарядов, в остальных станицах — по одному пулемету. Винтовками, шашками и кинжалами вооружены все. Имелись в достатке патроны. Каждая станица для лагерных сборов держала полевые кухни. Решили объединиться немедленно, называться Сводным отрядом красных казаков и поспешить к Михайловской.

Нарочный, кутаясь в клубы дорожной пыли, умчался с ободряющим ответом. Командиры поскакали к сотням.

Собрались быстро. Встретились в Троицкой. Объезжая бичераховскую Слепцовскую, двинулись форсированным маршем. Купами деревьев всплыла на горизонте Михайловская. Дьяков выслал разведку. Вскоре один из разведчиков возвратился с руководителем советской половины Михайловской. Дьяков позвал командиров, посоветовались.

Артиллеристы подняли коней в галоп и уже через несколько минут развернули орудия в назначенных местах. Передав лошадей коноводам, бойцы заполнили окопы, подтащили пулеметы, рассредоточились.

Дьяков рассмотрел в бинокль противоположную сторону. Окопы бичераховцев вились по краю широкой улицы, брустверы угадывались за штакетниками палисадников, пучились поперек переулков. С той стороны жидко постреливали из винтовок, два пулемета выпускали ленивые короткие очереди.

Бухнули почти одновременно обе пушки красных. Просвиств, снаряды лопнули громовым ударом. Над окопами противника поднялись черные султаны земли. Мощно и непрерывно заклекотали пулеметы — сразу четыре. Выстрелы противника казались писком мышат в реве льва. Снаряды ложились метко, рвали землю, швыряли ее в укрытия бичераховцев.

Дьяков, прижавшись к стене окопа, поглядывал на часы. Еще минут пять обстрела — и достаточно. Тогда вестовые побегут к артиллеристам с приказом прекратить огонь. Как только уляжется последний фонтан земли, Дьяков первым выскочит за бруствер, позвет за собой в атаку. Он не сомневался, что стремительным штыковым ударом бичераховские прихлебатели будут выбиты из станицы.

И вот прошло пять минут. Вестовые ждали рядом на корточках. Дьяков кивнул, и они юркнули в ход сообщения. Близка атака. Дьяков вынул из кобуры револьвер, проверил барабан...

Вдруг поблизости шмякнулся снаряд. Рванул, потряс, вздыбил землю. Дьякова осыпало с головы до ног, он перестал видеть и слышать, на черном лице блеснули лишь белые зубы. Отряхнувшись, протер глаза и прочистил уши. Пушки теперь раздирали окопы не бичераховцев, а красных. Снаряды падали часто, поперхнулись, умолкли пулеметы Сводного отряда. Ожили, вновь начали постреливать бичераховцы. Красные казаки жались от шквального огня, не смели поднять из окопов головы.

Дьяков не понимал, что произошло, не знал, что делать. Снова рванул вблизи снаряд, придавил Дьякова осыпавшейся землей.

Явились вестовые. Оказалось, подошел бронепоезд «Богатырь». Красные артиллеристы, переменяя позиции, ударили по нему, но это его несколько не тревожит. Дьяков знал, что железная дорога проходит по взгорью, выше станицы, оттуда видна каждая улица, в том числе и окопы красных. Ясно, преимущество у бичераховцев. Дьяков горько подумал, что ему, рядовому казаку, не имеющему военного образования, кроме обычных солдатских навыков, не решить такую сложную задачу — одолеть превосходящего силой врага. Нет, зря он полез в полководцы.

Между тем густела вечерняя темнота. Блекла станица, мельтешили черные тени. Когда в небе шевельнулись червяки звезд, бронепоезд замолчал. Долго еще шелестела в воздухе пыль и не могла пробиться в станицу ночная свежесть. Дьяков созвал командиров. Решили усилить боевое охранение, вести тщательную разведку на всех направлениях.

Ночью с той и другой стороны стреляли по малейшим шорохам. А перед утром разведчики донесли, что бронепоезд «Богатырь» ушел в сторону Грозного, а из-под Грозного прибыли товарным поездом сотни четыре казаков с конями, десятью станковыми пулеметами и четырьмя орудиями. Идет выгрузка из вагонов. Дьяков присвистнул: с такой силой тягаться невозможно.

Следующее донесение разведчиков предупреждало: прибывшие, похоже, собираются окружить Михайловскую. Дьяков внес предложение отступить. Командиры, вздохнув, согласились.

Вместе с рассветом поднялся над Сунжей непроницаемый туман. Под его прикрытием красные, в их числе михайловцы, покинули позиции, галопом усаkali в Троицкую.

Задымили в Троицкой походные кухни. Дьяков расхаживал среди бойцов, склонившихся над котелками с кашей, и не переставал размышлять. Сама собой получилась боевая операция, о какой просил Гикало: оттянуть от Грозного силы врага. Жаль

только, не хватило духу довести ее до конца. А как быть дальше? Завязывать бои или выжидать? В домах станичников жить бойцам, или разбивать палатки в перелесках? Где брать провиант и фураж?

Подошли командиры. Присели на трюхлявом бревне у какой-то хаты, долго рассуждали так и этак. Наконец решили: мирная агитация, листовки, газеты — само собой, но посильные боевые операции — непременно. Пусть враг у себя за спиной не чувствует покоя! Станичников не стеснять, разместиться, пока не наступили холода, в палатках. Да это и надежнее: в случае тревоги все в сборе. Провиант и фураж брать у населения под расписки, имея в виду расплатиться, когда окрепнет Советская власть.

Командиры разошлись, а Дьяков все сидел и думал. Еще раз решил, что не имеет права командовать Сводным отрядом, а вдруг погубит дело из-за военной неграмотности? И надумал ехать к Орджоникидзе: пусть даст толкового военспеца. Поручит отряд Исаю Рохлину и поедет!

Вынул из полевой сумки сшитую суровыми нитками из тонкой, розовой и трескучей бумаги тетрадь. Это жена Рохлина уступила несколько листов, из которых лепила цветы для украшения божницы. Что же, тетрадь вполне получилась. И сделал первую запись:

«Картина на Сунже проясняется с каждым днем. Теперь уже понятно, кто здесь враг, а кто друг. На глазах происходит размежевание. Это показал и так называемый серповодский съезд, и бои в Михайловской. Окончательно убеждаюсь, что к Карабулакской, Нестеровской и Троицкой другие станицы не присоединятся. Поэтому надо быть готовым ко всему: не станет бичераховский штаб терпеть у себя в тылу советский район из трех станиц... Что скажет Орджоникидзе?»

6

*Командующему обороной гор. Грозного тов. Гикало
Военному комиссару тов. Сафонову*

РАПОРТ

Докладывая о нижеследующем, прошу Вас считать бойца Шебелиновской роты самообороны тов. Василия Ионыча Ершевского революционным героем города Грозного, отличившимся при выполнении высокого революционного долга, а именно.

Имея информацию о переброске в район Шебелиновки бронепоезда противника, я явился в роту самообороны и поставил

задачу о разборе ж.-д. пути желающими бойцами. Из вызвавшихся был отобран боец т. Ершевский В. После моего ухода из роты он приступил к выполнению задания.

Появившись на ж.-д. насыпи т-щ Ершевский был противником замечен, и по нему произведен выстрел. Тов. Ершевский не был убит, но умело сыграл роль убитого, ввиду чего дальнейших выстрелов не последовало. Так он и продолжал лежать неподвижно, разыгрывая мертвого, до наступления глубокой темноты.

Комроты т. Кравцов, обеспокоенный тем, что путь остался неразобраным, решил приняться за повреждение рельсов сам. Не доложив мне, он захватил рельсовый ключ и под ночным покровом неслышно и невидимо для противника взобрался на насыпь, где убедился, что боец т. Ершевский жив, невредим и осторожно, беззвучно занимается разбором ж.-д. пути рельсовым гаечным ключом. Комроты т. Кравцову т. Ершевский велел не мешать и возвращаться обратно, что комроты и сделал.

Однако т. Кравцов снова приполз к месту разбора рельсов и притащил набитое соломой чучело, имитирующее убитого бойца.

Вскоре по выполнению задания боец т. Ершевский благополучно возвратился, оставив вместо себя вышеупомянутое чучело.

Об этом т. Кравцов доложил мне, после чего в ту же ночь я имел беседу с т. Ершевским и от имени командования вынес ему революционную благодарность за отличное выполнение задания. Отважным и хитрым поступком т. Ершевский достоин чести именоваться революционным героем, о чем ходатайствую перед вами.

Комроты т. Кравцову за самовольство, выразившееся в том, что отправился к т. Ершевскому без моего на то разрешения, чем развел так называемый цыганский табор, мною объявлено строгое замечание.

Командующий Левым ф-том П. Григорян.

7

Поздней ночью на станцию Плиево прибыл из Владикавказа бронепоезд. Он принял в теплушку единственного пассажира и ушел обратно. Этим пассажиром был Дьяков.

Стучали вагонные колеса, на уклонах лязгали буфера. Подслеповатый фонарь раскачивался под потолком теплушки. Дежурные бойцы, свесив с нар ноги в обмотках, курили и толковали о разном. Дьяков лежал в глубине нар, не спал. Заложив руки под голову, думал о своем.

Он сделал, что мог. Все сторонники Советской власти, в том числе и из бичераховских станиц, сосредоточились в присун-

женских перелесках, разместились в палатках. Правда, станица Ассинская все еще колебалась. Она не дала ни одного человека Бичерахову, но ни один не примкнул и к красным.

Две тысячи бойцов насчитывалось теперь в Сводном отряде. Такая сила при хорошем командире кое-что значит! Со связным, доставляющим на Сунжу газеты и листовки, послал Орджоникидзе записку с просьбой разрешить выехать для личных переговоров. Орджоникидзе прислал бронепоезд.

Громыхая броней, поезд тяжело взбирался на подъем, шумно дышал паром. Утро заползало в окна теплушки, гасило свет фонаря. На фоне заснеженных хребтов в тени неуклюжей громады Столовой горы, вставал из голубой дымки Владикавказ.

Дьяков подивился заботе и предусмотрительности Орджоникидзе. На привокзальной площади ждал автомобиль. И принял Орджоникидзе Дьякова, как только он появился у двери.

В военной гимнастерке, туго перетянутой широким ремнем, шел Орджоникидзе через весь кабинет навстречу, издали протягивая крупную руку. Он похудел и почернел, заметно впали щеки. Это, очевидно, от тяжелых повседневных забот и бессонных напряженных ночей. Но не угасли глаза — ясные, лучистые, выражающие огромную силу и волю.

В кабинете вдоль стен сидели люди. Шло совещание. Дьяков узнавал народных комиссаров Терской республики, ответработников Совнаркома и Народного Совета. Дьякову в знак приветствия кивали. Из угла помахали рукой Левандовский и Ахриев. Дьяков раскланялся.

Стратегические карты Северного Кавказа, Закавказья, Черноморского побережья и Приазовья висели на стенах. Карты были утыканы красными и белыми флажками. Дьяков сделал вывод, что Чрезвычайный комиссар хорошо связан с фронтами, отлично знает положение на юге страны.

— Садись, дорогой, — Орджоникидзе движением головы показал на свободное кресло у стола, сел сам. — Рассказывай, товарищи вот тоже послушают.

Дьяков доложил, что происходит в сунженских станицах, закончив словами:

— Надо, Григорий Константинович, слать на Сунжу опытного военного специалиста!

Орджоникидзе нахмурился. Задумчиво провел суставом согнутого пальца по усам. Обвел взглядом собравшихся:

— Ваше мнение, товарищи?

Кое-кто ответил:

— Надо послать...

— Кого? — спросил сердито, в упор.

Молчание. Орджоникидзе, упираясь руками в стол, медленно поднялся. Сказал жестко:

— Командующим Сунженской Красной Армией должен быть Дьяков!

Дьяков вскочил с кресла:

— Григорий Константинович, войско немалое, у меня нет военной подготовки...

— Справишься! — перебил Орджоникидзе. — Сумел организовать людей, сумеешь ими командовать! Кого пошлем? Каждый военспец на учете. А кто лучше знает обстановку на Сунже? Помочь тебе надо, это другой вопрос. Михаил Карлович...

Весь в хрустящих ремнях, Левандовский вытянулся.

— Чем сумеем помочь Дьякову в самое ближайшее время?

Левандовский отвечал не спеша, обдумывая каждую фразу:

— Только тем, что урвем из других частей.

— Сунжа не менее важна! — подчеркнул Орджоникидзе.

— Тоже так полагаю. Дадим пока две роты грозненских красноармейцев, тех, что воевали во Владикавказе, ингушский отряд Юсупа Алмазова, временно, до наступления на Прохладную, владикавказский бронепоезд...

— Бронепоезд? — не верил своим ушам Дьяков.

— Видишь, дорогой, даже бронепоезд!

Ничто не окрыляет человека так, как внимание к нему и доверие.

— Спасибо, Григорий Константинович. Постараюсь справиться.

— Не горячись! — Орджоникидзе предостерегающе поднял руку. — Один ни за что не справишься. Вокруг тебя много опытных воинов, из лучших создай военный совет. Штаб создай. Распредели обязанности, кто чем должен заниматься. Сам везде не успеешь. Сразу же вводи строгую дисциплину: получи приказ — выполни и доложи. Население не обижай. Наладь самые дружеские отношения с соседями — ингушами. Раньше у казаков с ними не прекращались конфликты, сейчас не должно быть. Войска свои называй не иначе как сунженская Красная Армия. Вопросы есть? Говори, что не ясно, пока здесь ответственные товарищи, сразу и решим.

— Все ясно, Григорий Константинович.

— Не может быть, чтобы все было предельно ясно. Оружие где берете?

— Оружие не проблема, казаки разного наменяли на хлеб, когда солдаты разбегались с Кавказского фронта.

— Где берете продовольствие?

— В кредит, под расписки...

— Не годится. Это подрывает ваш авторитет. Чем, когда отдавать будете? Тут сидит народный комиссар финансов, он нас прекрасно слышит, я уверен, постарается изыскать для Сунженской армии какую-то сумму.

— Постараюсь! — откликнулся народный комиссар финансов.

— Приобретение продовольствия за наличный расчет будет иметь большое агитационное значение, поднимет авторитет и командующего, и армии. Все понятно?

— Да!

— Задача ясна? Ликвидировать контрреволюционный фронт под Грозным и сразу распустить казаков для осенних полевых работ. Так и говори людям. Кроме оружия непременно действуй и мирным путем: разъяснением, уговорами, переговорами. Такой метод работы с обманутыми казаками может принести немалую пользу, позволит скорее прекратить братоубийственную войну. Но это не значит нянчиться с явно антисоветским элементом. Возникнут сомнения — не стесняйся, спрашивай меня обо всем через связного. Шли мне с ним донесения. Подбери человека для связи с Гикало. Бейте с ним в одну точку. Грозному такое распоряжение дано. — Обвел взглядом сидящих в кабинете: — Есть вопросы к товарищу Дьякову?

— Нет! — ответили.

Орджоникидзе сказал Левандовскому:

— Забирай к себе Дьякова, разработайте вместе подробный план операций на Сунже. Когда будет готов, скажи, приду, посмотрю, еще раз посоветуемся. В добрый час! — Постучал карандашом по столу. — Продолжаем совещание...

Кабинет Левандовского небольшой, опрятный, уютный: письменный стол, телефон, диван, стулья; на чисто выбеленных стенах — исполненная тушью карта Терской республики, две старинные, изображающие батальи, картины. В углу — столик, походная спиртовая плитка, чайник на ней.

Левандовский зажег плитку, подогрел чайник. Налил из него два граненых стакана черной, исходящей паром жидкости.

— Прошу вас, Александр Зиновьевич, отведайте, — протянул Дьякову стакан.

Дьяков попробовал. Жидкость горячая, горькая, отдает горелым. С трудом допил стакан. Левандовский же глотал с удовольствием, смакуя, щурясь. Наклонил чайник над стаканом Дьякова.

— Нет, нет, спасибо, — закрутил Дьяков головой, — скажите, пожалуйста, что это такое?

— Неужели не поняли? Кофе!

— Кофе?.. Настоящий?

— Ну что вы! Откуда? Ячменный...

— Ячменный... То есть горелое зерно ячменя. Зола?

— Жареные зерна. Не совсем зола, а около этого, — налил себе еще полстакана, щурясь выпил. Сел за стол, показал Дьякову на стул. — Садитесь, начнем. Итак, первым делом...

Работали над планом около двух часов. Он предусматривал мирные переговоры, агитацию и пропаганду, разведку и контрразведку, боевые операции.

Вошел Орджоникидзе. Предупредил взмахом руки, чтобы не вставали перед ним, приблизился к столу, склонился над планом. Прочитал.

— А вы знаете, товарищи, я сам этому удивлен, замечаний у меня нет. Обычно у меня не обходится без замечаний, наверное, я такой человек, но в данном случае план отличный. Молодцы! Устали небось? Я тоже устал и проголодался. Пил сегодня свой прекрасный напиток, Михаил Карлович?

— Так точно!

— А теперь пора обедать. Пошли оба ко мне. Возвратилась из Грузии моя милая женошка Зинаида Гавриловна, — почти месяц скучал по ней, — привезла кое-что вкусное. Попробуйте отгадать, что именно?

— Полагаю, чурчхелы, — сказал Левандовский.

— Вне всякого сомнения, дорогой, но это еще не все.

— Лобио, — догадался Дьяков.

— И еще что-то...

— Курицу для сациви...

— Нет, этого, к сожалению, не привезла. А кофе привезла. Настоящий, натуральный, ароматный, турецкий кофе! Целых две жестяные банки — специально для тебя, дорогой. Я ее так настойчиво просил. «Зина, — говорю, — всю Грузию переверни, а натуральный кофе Михаилу Карловичу достань, пусть человек за сколько лет отведет душу, он нам после этого всю бичераховщину вверх ногами поставит». Говорит: «Всю не всю, но половину Грузии перевернула и кофе достала». Эге, дорогой, да я вижу, ты чувств лишился от радости. Ну пошли, пошли, уж она нас накормит вкусно.

Он обнял за плечи Левандовского и Дьякова, повел к двери.

Малюта допрашивал Африканыча с пристрастием, хватал за глотку, совал под нос наган. Старался установить, насколько тот виновен в исчезновении пулемета и не продан ли ка-

ким образом красным? Времена теперь такие, все может быть!

Африканыч клялся, что ему неизвестно, как оно случилось, честно уставившись Малюте в глаза, отрицал свою симпатию к большевикам.

Малюта пихал Африканыча в вонючую камеру, вызывал из другой Анисью, требовал ответа:

— С какого времени служишь красным?

Анисья, оперев руки в бока, кричала на Малюту, что он, видно, обьелся дурману, если думает так о честной потомственной казачке.

Затем следовал допрос Софьи. Но та вообще ничего не отвечала. Скорбно приложив ладонь к щеке, плакала, вытирала батистовым платочком раскосые глазки. Неизвестно было Малюте, что убивалась она по любимому казаку Елисею Голубцову.

Наконец, убедившись в отсутствии у всех троих симпатий к красным, Малюта перевел их из своего подвального арестного помещения на гарнизонную гауптвахту в распоряжение войскового начальства.

В тот же день на гауптвахту явилась, румянее, чем обычно, пылающая гневом Федоровна. Потребовала у караульного начальника свидания с мужем. Порядочно проголодавшийся Африканыч, предвкушая пышный хлеб, розовое ароматное сало и крепчайшую араку, поспешил к супруге. Морщась от зуда, он скреб ногтями бока, искушенные тюремными вшами и клопами.

Она ждала его в отдельной комнате. Африканыч кинулся обниматься и целоваться. Но тут же получил ошеломляющий удар под глаз, отчего там стало синеть и набухать. Не успел Африканыч спросить, что это значит, как получил вторую оплеуху.

— Гнида вы, а не казак! — членораздельно разъяснила ему Федоровна. — Самая разнесчастная вы гнида! Кобель вы, Лаврентий Африканыч. Цельный пулемет пролюбовничали. Станицу опозорили. Вот вам! Вот вам! — Она совала ему в нос кукиш. — Не муж вы мне больше! В дом не являйтесь теперь, идите к своей потаскухе.

Вцепилась в липкую от грязи бороду и вырвала клоч. Африканыч взвыл от боли. На шум прибежал краснорожий караульный начальник, с трудом оттянул подопечного от его не на шутку разбушевавшейся половины.

— Тыфу вам!

Сильно хлопнув дверью, Федоровна удалилась. Африканыч угрюмо растирал слюну рукавом рубахи, а карнач, схватившись за живот, изнемогал от хохота.

В тот же день Анисью и Софью отпустили с гауптвахты, уволили из санитарной службы. Африканыча все еще держали, придумывая, на какую бы теперь службу определить. Дня через два красноречивый карнач снова позвал его на свидание. Но он не желал, яростно качал головой:

— Не-е!...

— Иди, — уговаривал карнач, — не бойся, если зачнет такое происходить, обороню, не сумлевайся.

— Не-е!..

— Иди, дурак. Не та теперича пришла, другая. Поспешай, покулева я до ней не присоединился.

Догадавшись, что это Анисья, Африканыч побежал. Чистенькая, нарумяненная свеклой и надушенная приятным мятным настоем, она бросилась ему на шею, азартно поцеловала в синяки. Развернула узелок с аракой, хлебом и окороком. Прежде всего налила полный стакан караульному начальнику. У того еще больше раскраснелась рожа, и он сразу стал догадливым. Замкнул пару в комнате и ушел.

Когда в замке щелкнул ключ, Анисья сказала Африканычу:

— Бросай, раз такое дело, проклятую Федоровну, переходи до меня. Будешь жить, как царь!

Наконец Африканыча освободили из-под ареста. Зачислили рядовым в остроту. Но прежде предоставили трехдневный отпуск для приведения себя в надлежащий вид. У выхода ждала Анисья, подхватила его под руку и повела к себе. Обобрала вшей и клопов, обмыла, одела в чистое, уложила в хрустяще накрахмаленную постель.

Три дня наслаждались они аракой и друг другом, пели песни, смеялись от веселья и плакали от умиления. Анисья рассказала, что в ту злополучную ночь жена увезла из окопа домой покойника Елисея Голубцова. Похоронила, как положено, по обычаю, с поминками. Поставила на могиле дубовый крест. Выйдя с гауптвахты, Софья украсила могилу цветами и чабрецом. Теперь, говорят, жена и любовница, часто встречаются у могилы, сидят рядом, оплакивая глупо погибшего казака.

Вечером третьего дня град ударов обрушился на дверь Анисьиного дома. Затрещали дверные доски. Едва успели Африканыч с Анисьей вскочить с постели, как в дом ворвалась вместе со своими многочисленными родственниками багрово раскрасневшаяся, с ломом в руках Федоровна. Орава учинила невиданный разгром: перебила посуду, поломала мебель. Анисью кинули в погреб, навалили на ляду камней. Африканыча потащили в родной дом.

Благополучно переночевав в обнимку с женой, он про-

пьянствовал еще день и к вечеру отправился в назначенную часть.

Его встретил вислогубый и длинноногий подхорунжий. Погрозил кулаком, кивнул на деревянный лабаз, сказал, что это казарма, и велел устраиваться. Поодаль, присев на корточки, угрюмо курили сильно отошавшие казаки.

В лабазе не было ни нар, ни окон. Отсюда убрали лари и закрома. На полу воняла измятая солома. Дневальный объяснил, что она заменяет постель. Гнилой дух распирает лабаз и от остатков прелой муки и крысиного помета. Крысы бегали смело, не боялись людей. Горько вздохнув, Африканыч прилег в уголке, но через три минуты был поднят подхорунжим:

— В строй, ж-жива!

Вдоль лабаза строились те самые тощие казаки. Рядом с Африканычем оказался знакомый, успели переброситься словами. Осрота, куда попал Африканыч, поголовно состоит из штрафников. А командует ею луковский станичник, новоиспеченный подхорунжий Тюпа, стерва, не приведи бог, мучает казаков хуже каторжников. До этого осрота размещалась в районе вокзала, осротовцы воспламеняли цистерны с бензином, которые толкал паровоз в сторону Щебелиновки. Поджог, однако, не удался, теперь вот перебросили ближе к Граничшой улице.

— Смир-рна! — показывая служебное рвение, Тюпа долго выравнивал шеренги.

Затем специально для новичка длинно разъяснил, что осрота есть особая рота, предназначенная ослаблять красных поджогами, подкопами и взрывами, называемыми по благородному диверсиями. А поскольку в роте — штрафная шантрапа, то он, Тюпа, будет нещадно приучать ее к дисциплине и подчинению.

— Не иначе желает эта гадюка выслужить чин генерала, — тихо сказал сосед Африканычу.

Тюпа объявил, что отлучек из казармы не потерпит, шашни с казачками запрещает. Оскалив зубы, погрозил Африканычу пальцем:

— Проходил, гов-ворять, по случаю, мимо ейного двора ахвицер, услышавши женственный вой, туда заспешил. Раскидал с ляды камень и вытянул с погребу тую Аниську. Гов-ворять той же ахвицер заночевавши у той же Аниськи, гы-гы-гы...

Африканыч кряхтел, его мучила ревность.

В заключение Тюпа заявил, что для надежности будет запереть на ночь казарму, и велел всем спать. Кромешная тьма ночи озарялась вспышками новопромысловского пожара. Глухо выли собаки. Шаркали о землю сапоги патрульных.

Рота вповал храпела на все лады. Не спалось Африканычу.

Ворочался, шелестел соломой, вздыхал. Его тянуло к араке, еще больше к Анисье. Но лабаз на замке. По ногам с писком бегают крысы. Понял Африканыч: кончилась его вольготная и почетная служба пулеметчика, начался суший ад. И он шептал грустно и смятенно:

— Господи, избави мя от этого луковского черта и от ада, что зовется осрот...

Помолившись, почувствовал облегчение. Заложил под щеку ладонь и только заснул — звякнул в замке ключ. Прибежавший Тюпа рывкнул так, что всех перепугал:

— Под-днимайсь, быстро! Ста-ановись!

Рота, протирая глаза, выстроилась у лабаза. Ошалело смотрела на выпяченную грудь подхорунжего:

— Р-равняйсь! — Он ходил вдоль строя, придирчиво изучая выправку. — Ка-ак стоишь? Выш-ше грудь! Обратно зачнем дивперсин. Шаг-гом арш! Зап-певай!

Боже мой — «запевай». Да есть ли у этого дурака голова? Над станицей еще ползла ночь. Даже собаки не тявкали. А тут горлань:

Базар большой, чеченцев много,
Русский барышня идет, давай дорога!

Тюпа шмурыгал носом от удовольствия. Это была его любимая песня. Африканыч старался не сбиться с ноги, горланил вместе со всеми и не переставал думать об Анисье: неужели изменила?

— Еще! — требовал Тюпа. — Друг-гую, энту!

Осротовцы знали, что нужно. Тонко проголосил запевала:

Мне казачка изменила, да,
А я упал перед ней.

Разом подхватили остальные:

Дурак я, дурак я,
Дурак я проклятый!
У ней четыре дурака,
А я дурак пятый!

Усладившись песнями, Тюпа приказал замолчать. В ночи образовалась прозрачная щель, из нее хлынул рассвет. У переулка ждали подводы. Осротовцы стали грузчиками и возницами. Грузили на складе нефтеперегонных заводов дюймовые трубы, возили в станицу, складывали штабелями. На это ушел весь день. Спать легли поздно.

С рассветом начали свинчивать трубопроводную линию. Од-

нако за ночь штабель уменьшился наполовину, труб для линии не хватило. Снова поехали на склад. Но там уже кто-то побывал — валялись жалкие остатки труб. Линию все же кое-как свинтили, и она длинной ниткой протянулась от возвышенности, где стоял резервуар с бензином, к Граничной улице.

Следующим утром Тюпа пригнал роту к задворкам Граничной улицы. Здесь торчал из бурьяна конец трубопровода, рядом извивался немецкий резиновый рукав — шланг. Выдернув из строя Африканыча и еще двоих, Тюпа приказал приспособить шланг к трубопроводу. А к другому концу шланга присоединить несколько свинченных труб с таким расчетом, чтобы они могли пересечь Граничную улицу с одной ее стороны до противоположной, что находится у красных.

Когда все было готово, приказал Африканычу тащить трубы в саманный домик, чудом сохранившийся на Граничной. И Африканыч тащил, обливаясь от патуги потом. Ему помогали двое, подтаскивали следом шланг. Тюпа понукал точно лошадей:

— Н-но-но, шевелись!

В домике Тюпа привязал у отверстия последней трубы жгут пакли. Рассветало. Ночная синева, испаряясь, обнажила за бульваром массивный, весь в оспе пулевых ранений кирпичный дом. Тюпа объяснил, что этот дом — сильно укрепленный опорный пункт красных, в его подвале — несколько пулеметов. Надлежало дотянуться трубами к дому, попасть концом с привязанной паклей в одно из подвальных окошек — бойниц. Пакля будет подожжена, от нее вспыхнет струя бензина. Она, дескать, зальет укрепку, возникнет пожар. Что и требуется для ослабления красных.

И вот в трубопровод пустили из резервуара бензин. Он пошел через край, облил паклю.

— Нап-правляй! — отдал команду Тюпа и швырнул в паклю зажженную спичку.

В тот же миг возник огромный огненный нимб, ослепил Африканыча, оглушительно взорвался и рассыпался шипящими искрами. Африканычу отожгло половину бороды, начисто спалило брови и ресницы. От испуга он помянул мать и шарахнулся в угол. Но Тюпа пинком привел Африканыча к выполнению воинского долга.

Африканыч, жмурясь, просунул пылающий конец трубы в оконце и стал двигать в указанном направлении. Ему помогали сзади двое. Маневрировать трубами позволял резиновый рукав — шланг, соединяющий их с остальным бензопроводом. Огонь, кипя и брызгая, благополучно миновал бульвар...

Командующему обороной г. Грозного т. Гикалэ.

РАПОРТ

Довожу до Вашего сведения о нижеследующем.

С целью наблюдения в районе Левого фронта за бронепоездом противника был выставлен соответствующий пост. Для встречи бронепоезда подготовлена пушка и выделен взвод бойцов. Из пулеметной команды, согласно Вашему распоряжению, переброшено три станковых пулемета с расчетом бойцов.

Пост наблюдения заблаговременно сообщил о приближении неприятельского бронепоезда «Богатырь». Все было готово к его приему. Он шел на большой скорости, очевидно, имея целью ворваться в наше расположение внезапно и своим видом и неожиданными действиями поднять в наших рядах панику.

Примерно в двухстах саженях от наших позиций, т. е. в том месте, где были ранее т. Ершевским развинчены стыки рельс и лежало чучело, бронепоезд осел передними колесами, потом врылся в землю и начал сильно парить. После чего последовал взрыв котла.

В это время мы начали интенсивный обстрел аварийного бронепоезда прямой наводкой из пушки. Персонал бронепоезда стал разбегаться. Наши пулеметы открыли огонь.

После чего огонь пушки и пулеметов был перенесен по позициям противника. Под этим прикрытием ждавший наготове взвод бойцов окружил бронепоезд, обезоружил оставшуюся часть персонала и захватил в плен. А также забрал с бронепоезда пулемет, большой запас патронов, а с пушек бронепоезда были сняты замки.

Таким образом бронепоезд «Богатырь» оказался в дальнейшем небоеспособным. Как Вам известно, данной операцией руководил комиссар т. Сафонов, то ему и передан мною список отличившихся бойцов.

Командующий Левым ф-том П. Григорян.

...Огонь, кипя и брызгая, миновал бульвар, приближался к массивному кирпичному дому на той стороне улицы — опорному пункту красных. Тюпа торжествовал. И вдруг огонь погас. Бензин перестал литься. Тюпа, суча кулаками, требовал ответа, что произошло. Африканыч, сам того не зная, крутил головой. Крас-

ные тем временем, заметив возню казаков, целились в трубы из пулемета. Тюпа приказал втащить трубы, осмотрел. Они были целы.

Тюпа велел кому-то из роты бежать к резервуару, проверить подключение. Посыльный, возвратившись, доложил, что оно не нарушено.

Но бензин не поступал. Тюпа выругал посыльного, послал второго. Когда тот прибежал обратно, запыхавшись, рассказал: линия действительно подключена, но на пустыре за станицей кем-то развинчена, несколько труб унесено, бензин вытекает на землю.

Тогда Тюпа велел всей роте заняться починкой линии. Однако залитый бензином пустырь уже пылал буйным трескучим пламенем. Он выжигал бурьян, расширяя круг пожара. Надо было отводить линию подальше от огня. Но на это не хватало труб. Кто-то предложил заменить их немецкими резиновыми рукавами — шлангами. Их едва нашли. К позднему вечеру бензопровод кое-как слепили.

Утром же обнаружили: половина шлангов, из которых состряпали часть бензопровода, была вырублена и исчезла. С трудом достали новые, линию починили. Наконец-то Тюпа догадался выставить вдоль бензопровода охрану.

Африканыч опять пошел в саманный домик, взяв трубы с привязанной паклей. Журча потек бензин. Тюпа бросил зажженную спичку. У бедного Африканыча отожгло еще часть бороды.

Огонь медленно, но верно подкрадывался к заветной бойнице. Красные строчили по трубам из пулемета, а саманный домик начали забрасывать из бомбомета. Трубы в руках Африканыча вибрировали и внезапно уперлись горящим концом в какую-то выбоину — и не с места. Как ни старался Африканыч, его усилиям они не подчинялись, заданной цели не достигали.

Тюпа оттолкнул Африканыча, сам принялся за дело. Но тщетно. Тут красные прострелили трубы, бензин хлынул через пробоины, огонь угас. Разозленный Тюпа ткнул Африканыча кулаком. Истинный служака, Африканыч прилежно замер по стойке «смирно». У него кудрявились корешки волос на висках, чернели полоски сажки вместо бровей, мигали безресничные веки. А из подбородка торчал жалкий клочок, остаток недогоревшей бороды.

Может быть, Тюпе следовало устыдиться явного провала операции, увести роту тихо-мирно закоулками подальше от насмешек? Но... Выстроив шеренги, погнал их центральной улицей, с песнями, парадным гренадерским маршем.

Возвратившись от Орджоникидзе, осуществляю его указания и план, составленный во Владикавказе. Создан военно-революционный Совет, меня избрали председателем. Назначен штаб. Учрежден отдел снабжения. Организована агитгруппа.

Агитгруппа побывала в нейтральной Ассинской. Результат оказался неожиданно благоприятным. Узнав, что после погашения мятежа казакам дадут возможность мирно трудиться, Ассинская присоединилась к нам. Сунженскую Красную Армию пополнило более трехсот человек.

Послали агитгруппу в бичераховскую Слепцовскую. Безрезультатно. Агитаторов выгнали. Предприняли еще одну попытку, направив в Слепцовскую мирную делегацию для переговоров со станичными главарями. На переговоры главари не вышли, делегация возвратилась ни с чем.

К тому времени прибыл в наше распоряжение обещанный М. К. Левандовским бронепоезд из Владикавказа. Стволы его пушек и пулеметов мы нацелили на Слепцовскую, подтянули к ней войска...

И тут появился в нашем штабе священник.

— Отец Симеон, — представился поп. Говорил он приятным тенором, борода лоснилась от бриолина. — Правил я приходом в станице Грозненской, началась война, испугался смертоубийства, уехал в Троицкую. Но бегство, вижу, не спасло от свидетельства смертоубийства и здесь... Ходил в Слепцовскую к брату, узрел ваш бронепоезд, чтобы предупредить смертоубийство, прибежал к вам...

Далее он настойчиво просил не стрелять по Слепцовской, снова послать мирную делегацию, включив в нее представителей церкви. Доказывал, что сумеет через своего брата, слепцовского священника, уговорить станичников мирно присоединиться к советским казакам.

В моем сознании не укладывалось «сотрудничество» с церковью. Однако, посоветовавшись, предложение отца Симеона приняли. Все-таки лучше решить вопрос мирно, чем проливать кровь...

Он написал письмо брату, послал со сторожем. А на следующий день с хоругвями и иконами пошли к Слепцовской верующие, надеясь увидеть такое же шествие с ее стороны. Но навстречу вышли белоказачьи главари, сказали, что они запретили священнику вмешиваться в «военные дела», а к красной сволочи никогда не присоединятся.

По уходящей мирной делегации они открыли артиллерийский огонь.

Что оставалось делать? Наш бронепоезд ответил огнем по кварталам богатеев.

Отец Симеон, возмущенный варварским поступком бичераховцев, выступил перед возвратившимися из Слепцовской верующими, объявил убийцам «анафему». Вскоре принесли убитых и тяжело раненых. Кто-то ударил в набат. Собрался станичный круг. Раздавались дружные возгласы:

— Проучить слепцовцев!

— Разгромить бичераховцев!

Тут же было вынесено решение — мобилизовать казаков и иногородних от 18- до 45-летнего возраста против врагов Советской власти.

Мы послали во все станицы агитаторов. Волна негодования против слепцовских убийц прокатилась по Сунже. Большую роль сыграли также распространенные всюду листовки с перепечатанной на них статьей А. Шерипова «В чем сила Грозного».

С того дня в настроении сунженских казаков наметился резкий перелом в сторону Советской власти. Многие служившие в бичераховском войске перешли к нам. Наша армия увеличилась до неожиданных размеров: четыре тысячи бойцов! Теперь вполне можно вести наступательные бои.

Прибыл лазутчик от Гикало, сообщил примерную дату генерального наступления бичераховцев на Грозный. Мы решили в то же время начать операцию одновременно против Слепцовской и Михайловской.

12

— П-поднимайсь, быстро! Становись! Выше голову! Смирно! На диверсию ша-агом... арш! Зап-певай!

Станицу окутывал лиловый вечер. Из дворов тянуло запахом борща. Хотелось посидеть в горнице, поточить ляды с кумом или сватом, выпить чихиря, либо съесть скибку арбуза. А казаков опять гнали в мглу наступающей ночи. И снова заставляли горланить песни. Затем копать, по выражению Тюпы, «пищ-щеру». Скребло на сердце: когда уже это кончится? И будет ли толк от «пищ-щеры»?

Тюпа остановил роту вблизи той же злополучной Граничной улицы, где она соединялась с улицей Тенгинской, раздал лопаты, ведра и заставил рыть.

И вот уже какие сутки ночью и днем кротами копались осро-товцы в земле. Изнемогали от усталости. Протирали на коленях шаровары.

Африканыч, пятась задом, полз по длинной темной норе и во-
лочил за собой ведро, доверху наполненное тяжелым влажным
грунтом. Наконец мелькнул белый свет раннего утра, в легкие
ударила свежесть воздуха.

— Но-но, быстрее!

Тюпа пристально глянул на Африканыча, тот, не мешкая,
передал ведро по цепочке осротовцев. Оно пошло в угол двора,
где выбрасывался грунт. А сам, схватив пустое, полез в нору —
«пищ-щеру», чтобы вытащить оттуда на четвереньках порцию
земли.

Но это считалось легкой работой. Тяжелая была там, в кон-
це норы, в забое. Когда наступила очередь Африканыча, при-
нял лопату от сменяемого им забойщика, лег грудью на холод-
ный грунт и долбил на ошупь в кромешной тьме неподатливый
суглинок и корни деревьев, растущих вверху, на бульваре. Потел
от каторжного труда, задыхался от недостатка воздуха. Земля
набивалась в рот и нос. Боялся, что проклятая «пищ-щера» об-
рушится вместе с бульваром и похоронит заживо. Напрягаясь,
выгребал из-под себя землю, наполнял ведро, чтобы другой ос-
ротовец ползком тащил наружу. И опять долбил, дол-
бил...

Нет, теперь уже не думал об Аписье, было не до нее. Хоте-
лось нахлебаться какого-нибудь варева, повалиться хоть в лаба-
зе, хоть на вонючую солому и спать, спать... Он всегда почитал
офицеров и приказы старших, но мучителя Тюпу вознена-
видел.

— Господи, — все шептал в смятении Африканыч, — избавь
меня от этава луковского черта и от ада, что зовется осрот...

Цель состояла в том, чтобы подвести подкоп под массивный
дом акционерного общества «Русский стандарт», где также рас-
полагался сильный опорный пункт красных. Предполагалось, за-
ложив в забой взрывчатку, разрушить здание и тут же внезап-
ной атакой прорвать линию обороны, ворваться в тот же пресло-
вутый Пушкинский сквер и, развивая наступление, овладеть го-
родом.

Наконец подкоп был готов, в забой заложена взрывчатка,
наружу выведен бикфордов шнур. Отборная сотня верховых ка-
заков, скопившись в районе Тенгинской улицы, ждала сигнала
к атаке. Заблаговременно были подтянуты резервы. Тюпа тор-
жественно поднес к бикфордову шнуру зажженную спичку. Еле
державшиеся на ногах, обессиленные осротовцы с нетерпением
ждали результата своего труда. Они жаждали удовольствия ви-
деть, как будет рушиться, оседая и расползаясь, тот дом. Сотня,
ожидавшая сигнала к атаке, уже видела на его месте триум-
фальные ворота победы.

Синий огонек, съедая шнур, заполз в нору. Тюпа глянул на

часы, взятые под шумок у своего же убитого казака. Командир сотни, разворотив пальцами усы, перекрестился и поднял над головой обнаженную шашку. Оставалось взмахнуть ею — и конница ринется на уничтожение красных.

И вот оно, долгожданное: в подземелье рыкнул взрыв. Верховые подняли плети, чтобы ударить по коням.

А взрыв рыкнул и затих, точно издыхающий в берлоге медведь. За бульваром, сажени на полторы ближе того дома, воронкой осела земля. А дом — массивный, крепкий — стоял нерушимым, оскалась пулеметами, будто издевательски посмеивался над бичераховцами.

Красные, разгадав замысел противника, ударили из пулеметов по Тенгинской улице. Командир казачьей сотни, матюкнувшись, вложил шашку в ножны, подал команду отходить. Осротовцы шепотом проклинали «пищ-щеру». Африканыч нервно тербил половину погубленной бороды. У Тюпы тряслась отвислая губа.

— Поч-чему? Почему оно так? — спрашивал он себя, не понимая причину нерушимости дома. И вдруг, срывая зло, напустился на Африканыча: — Эт, что за бор-рода? Эт, что, я спрашиваю, такое? — Он, исследуя остаток бороды, мял ее, точно хотел выжать сок. — Нарушениев не допущу. Марш в паликмахтерскую. Бы-ыстро!

Африканыч с трудом сообразил, что от него хотят, и побежал в гарнизонную парикмахерскую. Его любезно встретил женской красоты мастер в белом халате поверх казачьего чекменя, услужливо посадил в кресло. И тут только увидел Африканыч в зеркале, что борода действительно безобразна. Обгоревшая слева и сохранившаяся в какой-то степени справа, она напоминала безобразный чертячий хвост.

— Что изволите? — парикмахер, желая заработать, был изысканно вежлив. — Ах, понимаю, привести в порядок бороду? На какой манер желаете? Разрешите предложить вариант изящной бородки стиля его величества царя-государя в дни молодости. А ля модери! Стоимость один шелковый.

Африканыч, нащупав в кармане бумажный рубль и полтинник серебром, с радостью согласился на соблазнительный вариант бороды. Парикмахер, отличный мастер своего дела, старался не больше пяти минут, обкалал остатки волос, оставив их не длиннее вершка и округлив наподобие подковы. Подстриг усы и закрутил кончики вверх.

Извольте заплатить, готово!

Африканыч смотрел в зеркало и не узнавал себя. Да, это был почти тот самый самодержец всея Руси и прочая, его величество царь Николай, которым доводилось любоваться на лубочных картинках. Правда, царский вид Африканыча несколько

портит жирный, угристый нос, но куда от него денешься?

Улыбаясь от умиления, Африканыч вывалил мастеру все полтора рубля. Прежде чем явиться в проклятый лабаз, забежал домой. Федоровна, не узнав мужа, попятилась.

— Ты что, не видишь царскую моду? — Африканыч поспешил к дубовому буфету.

Налил из графина огненной араки, выпил. Помолчал, зажмурившись. Крякнул. Выпил второй стакан. И еще полстакана. Федоровна с негодованием рассматривала, по ее мнению, дурацкую бородку, плевалась от возмущения:

— Какой же вы казак теперь? На кого похожи? На козлиное гузно, фу!

Обругав Федоровну, побрел в лабаз. Но через две улицы встретил запыхавшегося Тюпу. С трудом узнав Африканыча, гаркнул:

— По всей с-станции ишу. И где ходишь? Марш в паликмахтерскую бы-стро!

Африканыч подумал, что Тюпа не замечает следов прекрасного мастера и выпятил бородку:

— Глянь, ваш благородь, на царский маневр!

— Но-но, не оскорблять его величество! Приказано обрить. Наголо.

— Наголо?

— Н-наголо!

От долгого неупотребления спиртного, усталости и теперь вот двух с половиной стаканов крепчайшей араки натошак Африканыч быстро пьянел, терял соображения, потому начал возражать:

— Не буду!

— Мол-лчаты!

— Да ты что, мать твою, сдурел?! — вдруг закричал Африканыч. — Как это можно наголо? Я ее с детства растил, с материнских пеленок... На царский маневр произвел, а ты желаешь лишить? Может, еще чего отрезать прикажешь? Вот те крест, не буду!

— Ар-рестую! — завопил Тюпа.

Африканыч, вспомнив, как томился недавно в камере со вшами и клопами, дрогнул:

— Ты хучь скажи, ваш благородь, с какими это целями? Или новую дивпресню выдумал?

— Это дивпресия самого Егорий Федрыча!

При упоминании столь высокого начальства Африканыч окончательно сдался, покорно склонил голову. Тюпа лично доставил его в парикмахерскую, показал на скамью, где уже ждали своей

очереди несколько бородачей. Передал под начало обритого наголо урядника и ушел.

Сосед на скамье рассказал тихонько, что по приказу Бичерахова формируется строго секретная часть, в которой все должны быть бритыми, и что сидящие здесь войдут в эту часть.

Женской красоты парикмахер глянул в список, выкликнул фамилию Африканыча. Без особой вежливости, потому что брит сейчас бесплатно, намыливая лицо, заляпал пеной нос. И принялся беспощадно драть волосы тупой бритвой, вызывая жестокую боль. Через несколько минут исчезла, вместе с усами, изысканная царская борода, и Африканыч с голым, как арбуз, лицом, подогреваемым аракой, едва не плакал от обидного над ним издевательства.

Через час вместе с другими бритыми казаками Африканыча затолкали в душный телячий вагон и повезли неведомо куда.

13

А еще через час Тюпе велели явиться к полковнику Поморцеву. Поморцев сидел в подвальном помещении за столом с двумя полевыми телефонами. Стены были окрашены приятной голубой краской. В дальнем углу виднелась большая карта Грозного. Вместо левой руки в пустом, воткнутом в карман английского френча, рукаве полковника угадывалась короткая культя. В правой руке дымилась дорогая папироса с золотой этикеткой.

Широколобое лицо Поморцева было бледным, выражало перенесенную боль.

Когда Тюпа отрапортовал о прибытии, Поморцев долго и внимательно рассматривал его. Потом заглянул в лежавшую перед ним бумагу и спросил вежливо:

— Скажите, подхорунжий, ваша фамилия — Тюпа?

— Так точно, вшасокродия! — выкатил глаза Тюпа.

— Ладно, — произнес еще вежливее Поморцев, но на его бледном лице появились багровые пятна, — предположим, я — «вша». А теперь скажите, какой дурак удостоил вас офицерского чина?

— Гос-сподин Бичерахов!

— Допустим... Все может быть... Но сами-то вы понимаете, что вы набитый дурак, или совершенно этого не понимаете? Вы понимаете, — Поморцев багровел все гуще, — что вас произвели в офицеры по вопиющему недоразумению, что вы ни к чему неспособны? Вы это понимаете, станичник Тюпа?

— Так точно! — ненароком колупнул мизинцем в ноздре Тюпа.

Не выдержав больше вежливости, Поморцев встал, дрожа-

щие его пальцы скомкали недокуренную папиросу и сжались в тугую, налившийся кровью кулак:

— Да ты понимаешь, наконец, ишак, — вдруг хрипло заорал Поморцев, — ишак, тупица и недоумок, что ты все к черту провалил! Загубил вполне осуществимые замыслы! Ты столько нагадил, что исправлять после тебя уже ничего невозможно. Ты это понимаешь, рядовой Тюпа?

— Так точно!

— Идиот!

— Так точно!

— Во-он! — взревел не своим голосом Поморцев. — Во-он отсюда, безрогая скотина! Адьютант!

Когда вошел молоденький нагловатый адъютант, Поморцев приказал:

— Растолкуй этому барану, что он разжалован в рядовые, направо в сотню у казарм. В окопы! — Пожал плечами. — Поражаюсь, как удостоило вас, адъютант, вместе с Халеевым представить дурака к офицерскому званию, да еще и назначить командиром особой роты? Вы явно перестарались. Подготовь распоряжение о расформировании этой роты. Всех в окопы!

Адъютант моргал глазами. Это близкий дружок желтоглазый поручик Володька Петухов советовал ему, адъютанту, рекомендовать начальству командиром особой роты преданнейшего служаку Тюпу. Вот и порекомендовал. Не надо было слушать чужих слов.

В своей комнате адъютант спорил с Тюпой офицерские погонь, трижды объяснил, куда идти, и выпихнул за дверь. Снял телефонную трубку и, назвав фамилию нужного ему командира, попросил соединить с ним. Когда тот откликнулся, сказал:

— Слушай, сотенный, я послал к тебе некоего Тюпу. Так ты, будь добр, сделай, пожалуйста. Надавай ему как следует и воткни в самое пекло. Он заслуживает, стерва! Что? Нет, об исполнении докладывать не надо, верю, постарайся!

Когда Тюпа появился в заплеванном, заброшенном арбузными корками блиндаже, небритый подъясаул с квадратным подбородком осклабился, предвкушая удовольствие почесать кулаки. Едва Тюпа доложил о прибытии, сотенный долбанул его кулаком в скулу.

— Цыц! — приказал. И с размаху ударил в ухо. — Цыц! — в другое ухо. — Цыц! — удар в нос. — Цыц, стерва! — в подбородок...

Тюпа свалился. Сотенный пнул его ногой и позвал вестового:

— Казак Терсков! Облей этого водой и укажи в окопах место ближе к противнику. При случае разрешаю бить нещадно, он заслуживает, стерва!

СЕКРЕТНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Сделано все возможное для выполнения вашего задания по срыву диверсионных актов против Грозного.

Листопад, имея близкую дружбу с адъютантом командующего, когда встал вопрос о подборе командира особой роты, советовал между разговорами, что к этой должности подходит недавно произведенный в подхорунжие, старательный, непримиримый к врагам луковский казак Тюпа. Нам же заведомо было известно, что Тюпа — необразован, несообразителен, просто глуп и в силу этих качеств не справится с возложенной на него задачей. Так и вышло.

При намерении поджечь опорный пункт на Граничной улице Тюльпану удалось устроить кражу труб, резиновых немецких рукавов — шлангов, воспламенить залитый бензином пустырь. В результате поджог не получился.

Операция «Малюта» готовится.

Английские солдаты в станице не появлялись, но, говорят, вот придут. Имеем сведения, что эти слухи распространяются самим командованием с целью якобы поднятия боевого духа уставшего от войны казачества.

Еще раз подтверждаем: наступление Волгского полка последует в указанный нами день со стороны городского кладбища и Александровской улицы. Уточняем: будет психическая атака.

Листопад, Тюльпан.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Итак, Грозный знал, что в станицах Пятигорского отдела сформирован из кулачья Волгский ударный пластунский полк. Было известно, в какой день и в каком месте он пойдет в наступление. Подготовились, ждали. На Правом фронте оборону насытили пулеметами, перебросили бойцов с других участков, усилили ударное ядро — Пролетарский батальон. Замаскировали резерв. Под шум наступления Волгского полка белогвардейцы могли попытаться прорвать линию обороны и в других местах, поэтому всюду были приняты меры предосторожности.

День накануне прошел спокойно. Вечером, когда разгоряченную грозненскую землю тронула прохлада, в окопах воцарилась тревожная тишина.

Тишину нарушили белогвардейцы. Они начали обстреливать

Левый фронт. Вслед за винтовками пошли в ход пулеметы. Стрельба продолжалась более часа, в то время как на других участках враги притихли, словно их не было.

Красные на стрельбу не отвечали, поняв, что это провокация, цель которой — отвлечь силы защитников города на левый фланг и оголить правый, где должен ударить Волгский полк. Стрельба угасла так же неожиданно, как и вспыхнула. И до утра по всей линии обороны было так тихо, что отчетливо различался малейший шорох в окопах.

Добров, прищутив глаза, напряженно всматривался в ночной пустырь. За ним призрачным островом маячили корпуса завода «Молот». Дымное небо слабо пропускало рыхлый блеск звезд.

Вместе с Добровым пастороженно коротали ночь за пулеметом Дуда Хаттуев и Василь Дубков. Далее занимала окопы притихшая полурота. Это были дополнительные окопы, еще не прокопанные, не пропахшие противным запахом пороха, от них тянуло сырым духом земли. Их отрыли, чтобы прикрыть со стороны кладбища и Александровской улицы подступы к основным позициям Правого фронта. Полурота Доброва первой должна принять на себя атаку отборных пластунов, ошеломить неожиданным отпором, внести в их ряды растерянность.

Небо начало затягивать серым пологом тумана. Спрятались звезды. С запотевшего пулемета стекали капли.

Туман густел, расплывался киселем. Медленный рассвет бросал на него лиловые тени. Тишина напрягала бойцов больше, чем когда-то гул боя.

И вот туман приобрел золотистый оттенок. Значит, всходило солнце. Вдруг огневой шквал с Карпинского кургана растерзал тишину. Снаряды рвали туман на куски, месили землю, как тесто. Бойцы приросли к окопам, не смея поднять голову.

Ураганный обстрел прекратился, заткнув уши тишиной, точно ватой. Улеглись фонтаны земляного крошева. Сомкнулся в разрывах туман. Все хорошо понимали: после артподготовки надо ждать атаки. Глаза впаялись в непроницаемую туманную муть. Ждали...

Порыв ветра разорвал туман. В блеске росы обнажалась израненная земля. Корпуса завода «Молот» запылали в солнечных лучах. Пластуны не появлялись. Томительное ожидание с новой силой взвинчивало нервы.

Но вот захлебнулась в дробном стуке казачьих пулеметов Граничная улица. А потом по всему Среднему фронту ринулись на укрепления горожан станичники. Их встретили ливнем свинца. Правый фронт по-прежнему затаенно молчал. Очевидна была и

эта провокация — оттянуть силы красных оттуда, где был задуман прорыв.

Не выдержав огневого заслона, казаки на Граничной отступили.

Наконец-то из-за кладбища явился в блеске солнца Волгский пластунский.

Пластуны шагали по пустырю цепями, колюче выставив перед собой штыки. Шагали браво, во весь рост — упитанные, румяные, бородатые. И пьяные. Георгиевские кресты и медали сияли на парадных черкесках.

Правый фронт по-прежнему молчал: ни шороха, ни вздоха, ни единого звука.

Шли, чеканя шаг, выпятив грудь, задрав голову, злые, вымуштрованные головорезы.

Не дрогнула у красных, невзначай, ни одна рука, не нажала на спусковой крючок в паническом нервном толчке.

Добров сцепил зубы. Туго сжимал винтовку. Он представлял, что будет, если поддаться страху. Тогда захлестнет, растопчет, перемелет эта беспощадная, грозная и пьяная волна.

Сто шагов отделяло полуроту Доброва от первой цепи пластунов... Восемьдесят шагов... Шестьдесят...

Тишина... Только слышно, как стонет под ногами шагающих земля и жалобно шуршит трава.

— Пятьдесят шагов...

Туго, до предела туго натянуты нервы бойцов...

И когда от первой цепи пластунов оставалось до окопов сорок шагов, Добров почти беззвучно подал команду по цепочке бойцов:

— Приготовиться...

Когда расстояние сократилось еще на десять шагов, приказал:

— Огонь!

Дружно пыхнули винтовочные выстрелы. В первой цепи наступающих образовались пробелы. И тогда эта первая цепь, а за ней еще две с гиканьем рванулись к окопам красных, нацелив штыки. Дуда с Василем врезали в строй бегущих длинную пулеметную очередь.

Казаки падали. Шеренги редели. Но задние все еще браво шли, стреляя в упор по окопам красных. Стреляли и бойцы Правого фронта. Стреляла вся фронтовая линия — и станичники, и горожане — от Шебелиновки до кирпичных заводов. Сплошной шелкающе-дребезжащий гул перекатывался над городом. Облака порохового дыма затянули улицы, будто снова возвратился туман. Птицы в небесных высотах, пугливо шарахаясь, улетали подальше от города.

Пластуны все еще старательно шли и стреляли.

А роты Пролетбата тем временем прокрались пластунам в

тыл. Схватили в кладбищенской канаве у телефона командира наступающего полка и его адъютанта. А потом — штаб и прочую свиту. И открыли огонь пластунам в спины.

И тут они дрогнули. Нарушились такие безукоризненно ровные ряды. Некоторые бросились к городу, надеясь укрыться в переулках. Рота железнодорожной дружины выметнулась из окопов, пошла наперерез.

Паника росла. Полк напоминал теперь дикое стадо. Он всем скопом шархнулся в противоположную от города сторону, в степь. Ему, поднявшись, преградила путь полурота Доброва.

Добров колот штыком, раскраивал черепа прикладом. Трупы белоказачьих и красных бойцов валялись друг на друга. Кровь напивала многострадальную грозненскую землю.

Однако бойцы Доброва не могли сдерживать бешеный напор гонимых паникой пластунов. Они, прорвав кольцо окружения, ринулись к Сунже. И тогда следивший за боем Гикало подмигнул своему чубатому адъютанту. Ястребов, скрючившись, сидел тут же у телефонного аппарата, держал трубку наготове. Аппарат был подключен к белоказачьей линии связи, что тянулась через пустырь против казарм к артбатареи на Карпинском кургане. Ястребов понял Гикало, быстро передал ему трубку. Командующий слушал, как переговариваются офицеры:

— Есаул... Есаул... Отвечайте, кто отступает к Сунже? Вы меня слышите? Господин есаул, мне непонятно, кто бежит через степь к Сунже?

Ему не отвечали. Он настойчиво требовал:

— Господин есаул, почему молчите, я жду данных!

Удобный момент наступил. Гикало сказал в трубку приказным тоном:

— Дайте огня! Что вы там медлите? Это противник прорвал наше окружение и пытается прорваться к Сунже. Дайте сосредоточенный огонь!

— Понял, господин есаул! — ответил белогвардеец в провод.

Степная полоса у Сунжи захлебнулась взрывами. Пластуны рванулись в обратную сторону. Снаряды валяли их. Густо устилалась трупами земля. Оставшиеся в живых бросали оружие, поднимали руки. Иные, корежась в нервном приступе, сучили кулаками, неистово били себя в грудь, до крови грызли руки.

Красноармейцы гнали через город пленных. Командующий фронтом Маслов подсчитывал трофеи. Подбирали убитых. Их было много. Не только казаков, очень много полегло и красных бойцов.

К Гикало подошел комиссар Сафонов:

— А что, если мы, понимаешь, вышвырнем контру из казарм? Вернем потерянные рубежи!

— Попробуем, — кивнул Гикало. — Где Маслов? — Когда тот подошёл, сказал ему: — Готовь бойцов Пролетбата, сам поведу на казармы!

— И я тоже! — взмахнул рукой Сафонов.

— Гениально! — засверкал синими глазами Маслов. — Разве взбредет им в голову, что мы способны еще на что-нибудь сегодня, после такого ада...

2

Из записей А. З. Дьякова.

В день генерального наступления на Грозный мы начали операцию одновременно против Слепцовской и Михайловской.

Сильно укрепленная и хорошо вооруженная Слепцовская не сдавалась. Офицеры мобилизовали поголовно всех жителей, даже стариков и подростков, организовали активную круговую оборону. Бой длился более суток. Только к исходу второго дня удалось занять Слепцовскую, захватить большое количество трофеев: четыре орудия, подбитый броневедомитель, снаряды, патроны. Кстати подоспели присланные Г. К. Орджоникидзе две роты грозненских красноармейцев. Они помогли быстро овладеть Михайловской и тут же — курортом Серноводск.

Первая крупная победа вдохновила бойцов. Решили с ходу занять Самашкинскую. Однако наткнулись на упорное сопротивление. Она оказалась отлично укрепленной. Ее обороняли не только самашкинцы, но и другие сотни, отозванные из-под Грозного. Штурм приостановили, чтобы лучше подготовиться.

На военпревсовате подвели итоги первых боев. Что же, мы выполняем свою задачу. Заставляем белоказарм снимать части с Грозненского фронта, значит, ослабляем удары по городу.

Штаб перевели в Михайловскую.

3

Сорок бойцов Пролетарского батальона под командой Гикало и Сафонова проникли мгlistой ночью к казармам, забросали ручными гранатами. Уставшие бичераховцы, не поняв сразу, что произошло, ошалело хватали винтовки, палили куда попало. Наконец, придя в себя, заняли оборону, упорно отстаивали часть казарм. Другая часть уже была занята красными.

На прорыв бичераховской обороны Маслов послал роту железнодорожной дружины и интернациональную полуроту Дмидия Доброва. Казармы были заняты.

Добров с бойцами пошел врукопашную, казалось, против последней группы сопротивляющихся. Отступая, белогвардейцы попятались к скирдам на пустыре, надо было отрезать им путь.

Но вот выскочили из-за скирд притаившиеся казаки, человек тридцать. Добров оказался в кольце. Бойцы кинулись вырывать. Их оттеснили, пленника затолкали в проход между скирдами, вырвали винтовку. Пытался отбиваться кулаками, схватили за ноги, опрокинули, заломили за спину руки. Вцепился зубами в чью-то ладонь, прокусил до кости, выплюнул соленую кровь. Получил ошеломляющий удар по голове.

Поташили на руках. Очнулся в блиндаже, загаженном окурками и арбузными обедками. Поставили на ноги перед небритым подъесаулом с квадратным подбородком.

— Вшаблагродь, — отрапортовал вислогубый казак из тех, что тащил Доброва, — эт-т большевицкий командир!

— Что? — переспросил подъесаул и ударил Доброва в ухо. — Цыц! — ударил в другое. — Цыц! — в скулу. — Цыц!..

Добров размахнулся ногой, намереваясь двинуть офицера в пах, но помешал вислогубый, оттащил пленника. Доброва свалили, надавали пинков, связали руки и подняли.

— Молодец, Тюпа! — похвалил подъесаул вислогубого и крикнул: — Эй, Терсков! — Когда подошел казак с черным худым лицом, приказал:

— Отконвоируйте краснюка вдвоем к господину Малюте. Краснюки — это по его части.

Тюпа старательно обыскал Доброва, забрал кисет с табаком, самодельную зажигалку и кошелек с мелочью. Упер винтовочный штык в спину, скомандовал:

— Шаг-гам, арш!

Рядом с Тюпой шел Терсков. Вели Доброва посредине улицы кочковатой дорогой. Тихо шептались листья акаций, перебирая бледные солнечные лучи. Где-то шелкали ружейные выстрелы, глухо бухали пушки. Тюпа прикоснулся штыком к Доброву. Терсков нес винтовку на плече. Потом Тюпа начал сверлить штыком плечо Доброва. Просверлил куртку, нательную рубашу, проткнул кожу. Добров, морщась от боли, пытался вывернуться, но Тюпа был настойчив. Теплой струйкой выползла кровь. Добров сказал:

— Давай, давай, вислогубая тварь, воюй со связанным...

— Мол-лчать! — весело ответил Тюпа и еще нажал.

Доброва корчило от боли. У Терскова налились кровью глаза:

— Ты! Луковская стерва! Брось над человеком измываться!

— Дак он же к-краснюк, рази человек?

— Подъесаул велел бить тебя при случае нещадно, заслу-

живаешь, стерва! — Терсков долбанул Тюпу прикладом под ребро.

— Н-не надо! — взвыл Тюпа и убрал штык.

В конце станицы, где уже стлался выгон, стоял массивный дом, огороженный высоким кирпичным забором. Вдоль вышагивали часовые. Тюпа постучал в калитку. Открыл ее изнутри стражник. В глубине двора — покосившиеся коновязи, кусты сирени, мрачный деревянный флигель.

Сопровождаемый конвоирами, Добров поднялся по ступенькам крыльца. И в прокуренном коридоре прохаживались часовые. Сновали, на ходу читая бумаги, прилизанные люди. Где-то сорокой стрекотала пишущая машинка.

Ввели в просторную комнату. Серые голые стены. В глубине, за дешевым столом с убогим чернильным прибором, — бледно-желтый, будто прозрачный человек в черном штатском костюме и фуражке. Добров узнал жандармского офицера Малюту. Тот шевельнул уголком губ, что означало довольную улыбку:

— Добров? Я тебя знаю еще с Владикавказа. Рад встрече.

— От встречи с дерьмом удовольствия не испытываю, — Добров брезгливо отвернулся.

Малюта махнул конвоирам рукой, те удалились. Кивнул Доброву на табурет посредине комнаты:

— Садись! Ты был председателем коммунистической ячейки в паровозном депо, по твоей инициативе и при твоём старании построен бронепоезд. Я осведомлен. Сейчас — краском. Хочешь заслужить снисхождение, расскажи подробно, что представляет собой ваш Правый фронт...

Малюта сидел спиной к зарешеченному окну. На подоконнике — полуштоф с мутной жидкостью. Добров сделал шаг к столу:

— И ты думаешь, расскажу?

Малюта отпил из полуштофа мутной жидкости.

— А вдруг? Для твоей же пользы!

Добров, приближаясь к Малюте, сделал еще шаг:

— Не надейся!

— В таком случае, будешь расстрелян!

— Иного не жду.

Туго связанные за спиной руки больно ныли. Добров снова шагнул. Он намеревался в следующую секунду сильным ударом ноги опрокинуть на Малюту стол, свалить жандарма, ударить каблуком в лицо, а там будь, что будет. Но опытен был Малюта, догадался. Вскочил пружиной, ударом в грудь и одновременно подножкой свалил Доброва:

— Ух, и охота мне с тобой поразвлекаться! Времени сейчас нет. Но я постараюсь, выберу для такого случая. — Крикнул в коридор стражнику: — Убрать в камеру!

Заседание военревсовета длилось не более двадцати минут. Гикало доложил коротко о крупной победе сунженской Красной Армии, освободившей от бичераховцев Слепцовскую, Михайловскую и курорт Серноводск. Подчеркнул, что в результате неожиданного удара грозненской Красной Армии сравнительно легко, с малыми потерями взяты у противника казармы. Предложил нанести новый удар, теперь по железнодорожной станции.

Возражений не было. Быстро разошлись по местам.

Ночью бойцы Левого фронта ударили по окопам противника из пушек, пулеметов и бомбометов. Под прикрытием интенсивного огня убрали разбитый вражеский бронепоезд, восстановили путь.

Ранним утром, едва стало светать, влетел на станцию бронепоезд «Борец за власть трудового народа». На одном из путей заканчивалась погрузка казаков для отправки против армии Дьякова. «Борец» превратил вагоны с вояками в щепки и меси-во, разбил два маневренных паровоза, повредил водонапорные колонки и поворотный круг. Нанеся потери, исчез так же внезапно, как и появился.

А спустя час вахмистры выкатили на позиции бочки с чихирем. Пьяные казаки ринулись в атаку по всему Левому фронту. Но атака была отбита, бичераховцы отступили.

— Хорошо! — сказал военком Сафонов и так сильно взмахнул рукой, что едва не зацепил Гикало.

После боя они присели в кабинете Гикало. Не по-деловому, как обычно, за столом, а просто так, в кресла, отдохнуть.

— Хорошего, Иван Павлович, пока мало, — Гикало, вздохнув, подошел к сейфу, вынул папку с бумагами, возвратился на прежнее место. — Читайте расшифровку.

— «В станице Грозненской появились солдаты в английской форме, будут участвовать в боях. Однако, что это англичане, полностью не уверен. Выясняю. Сообщу. Листопад».

Прочитав, Сафонов покрутил головой:

— Загадка, понимаешь...

— Еще читайте! — Гикало подал вторую бумажку.

— «Бичераховский штаб проводит или намерен проводить — точно не установлено — операцию под секретным наименованием «Л. А.» Стараюсь уточнить. Василек».

— Еще читайте! — Гикало протянул третью бумажку.

— «Войска Лазаря Бичерахова, заняв Порт-Петровск, продвинулись к Хасав-Юрту, имея цель выступить против Грозного: численностью 11000 человек и против Кизляра — 1000 человек. Разгромив Кизляр, намерены также двинуться на Грозный. Василек».

— Поняли, Иван Павлович?

— Так-перетак! Что будем делать?

— Вот я и думаю: что будем делать? Прежде всего надо, чтобы бойцы знали об англичанах, или как их там, и были наготове. Займитесь этим, Иван Павлович, а я съезжу в господские сады и одновременно — к Шерипову, он там рядом.

— Зачем в сады-то?

— А вы понюхайте! — Гикало подошел к окну, настезь распахнул створки, вдохнул полной грудью, крикнул. — Удивительный аромат, не правда ли?

И Сафонов, подойдя к окну, с наслаждением вдыхал ароматный воздух.

Начинался октябрь. В это время в Грозном всегда хорошо пахнет осенью. Благоухают в садах мускатный виноград, айва, поздние яблоки и груши, персики и шептала. С гор тянет диким духом кизила, мушмулы и фундука, струится сухой, терпкий с легкой примесью горечи запах увядающей листвы. А с севера уже подувают прохладные ветры, приносят ванильный привкус снега. Вот и теперь профильтровало букетом осени воздух, вытеснило смрад новопромысловского пожарища и порохового дыма, опьянило округу, до краев наполнив бражным настоем.

— Да, понимаешь, пахнет крепко! — согласился Сафонов. — Ну так что из этого?

— Смекайте, смекайте, Иван Павлович, задыхаются небось этими ароматами и наши снабженцы, а догадаться, что надо сделать, ума не хватает. Поеду, проверю, если подтвердится мое предположение, ну и всыплю им, с вашего разрешения!

Через полчаса броневичок неся к садам, дымил, стрелял, вихрем крутил дорожную пыль.

Сады купались в неярком солнечном тепле и голубой осенней дымке. Увядаящая листва была еще зеленой, но не такой уже яркой и буйной. Вот-вот схватит ее охра и баgreц, тогда запылает она желтовато-красным пожаром. Прижимались к садам брезентовые палатки штаба чеченской Красной Армии. Палатка командующего была распахнута. Шерипов сидел на солдатской койке, прикрытой полостью, делал карандашом пометки в ученической тетради. Увидев Гикало, бросил тетрадь.

— Салам!

Обнялись, пожали руки, сели рядом. На грубом дощатом столе — аппарат полевого телефона, две хорошо вызревшие айвы. Шерипов подал одну Гикало. От второй откусил сочный кусок, морщась от душистой кислинки, аппетитно жевал. Гикало, откусив, кивнул в сторону садов:

— Оттуда?

— Откуда же еще?..

— Пойдем! — Гикало потянул за собой Шерипова.

Шли в заросших бурьяном междурядьях деревьев. Они густо залеплены плодами. Какими только дарами не наградила осень сады: пухлые, пушистые персики, оранжевая с жирными наплывами айва, полупрозрачные, как янтарь, яблоки, краснощекие груши... Извилистые лозы с узорной листвой вознесли к верхушкам торкал* литые гроздья белого муската, кисти алой лидии и черной изабеллы...

Наевшись досыта, возвращались к палатке. В золотистом воздухе плавала паутина, липла к лицу:

— Пощипываешь Бичерахова? — прищурился Шерипов. — Ну и как он?

— Чувствуется, слабеет, но... — Гикало рассказал о сведениях, полученных от разведчиков. — Если бы не какие-то англичане да не Лазарь, мы бы с помощью Дьякова в течение двух-трех недель раздолбали, пожалуй, контру. А теперь... Я ничего не могу придумать, Асланбек, может быть ты...

Они вошли в палатку. Гикало снял телефонную трубку, попросил Ястребова. Услышав адъютанта, сказал:

— Господские сады от фруктов ломаться, а бойцы только душистый воздух нюхают. Снабженцы же заднее место чешут и штаны стульями протирают. Передай, пусть немедленно организуют уборку. Использовать всех, кого возможно: легко раненных, стариков, женщин, ребятишек. И чтобы уже сегодня в окопах ели фрукты!

— Что могу я? — Шерипов указал на тетрадь, в которой делал пометки. — Это список бойцов. По приказу Орджоникидзе и Левандовского отбираю две сотни бойцов для пополнения армии Дьякова, приказ нарушить не могу. Пополнить свою армию тоже не могу, больше нечем. Англичане, или кто они там есть, при наличии армии Дьякова, не так уж страшны. А вот против Лазаря — двенадцать тысяч штыков и сабель, — тут мы слабы: открытого боя не выдержим, даже думать нечего. Тут надо что-то другое...

— Что?

— Пока ничего. Надо схать на рекогносцировку, разведать местность до самого Хасав-Юрта. В зависимости от местности, может быть, что придумается...

— От Хасав-Юрта до Грозного всего восемьдесят верст, Лазарь может быть здесь очень скоро.

— А я сейчас и отправлюсь, — Шерипов сверкнул антрацитовыми глазами. — Захвачу с собой связных, если что придумаю,

* Торкалы — подпорки для винограда (местн).

через них буду отдавать команды. Все, Николай, до свидания, расслаживаться некогда!

Он рывком обнял Гикало, схватил в углу палатки бурку и убежал.

Остаток дня Гикало пропадал в окопах. На Граничной улице встретил командующего Средним фронтом Федорова:

— Собственными глазами видел в станице английских солдат!

— Каким образом? — не поверил Гикало.

— Залез на крышу вон того трехэтажного дома, спрятался за трубой и наблюдал в десятикратный цейс. Хорошо видно. Сперва промаршировала примерно одна рота, потом вторая. Солдаты в фуражках с гербом, изображающим льва. Английский герб. Во френчах, бриджах и крагах... Офицеры в беретах и брюках на-выпуск.

— Ты точно рассмотрел изображение льва?

— Как же, Николай Федорович! Ведь десятикратный цейс! А проходили англичане совсем близко, по соседней улице.

— Ничего непонятно! — вздернул Гикало плечами и пошел дальше.

«В чем же дело? — мучительно рассуждал он, вспоминая странное донесение Листопада: «Однако, что это англичане, полностью не уверен»... Почему опытный, грамотный, знающий английский язык Листопад-Петухов не может понять того, что явно обозначено на форменных фуражках — герба Великобритании?»

К вечеру в окопы доставили фрукты. Они расхватывались мгновенно. Щурясь, побрякивали от наслаждения, лакомились дарами осени бойцы. А Гикало, глядя на них, думал, что трудные испытания еще не кончились, впереди новая грозная опасность. И опять нависал проклятый вопрос: выстоит ли город против такой, еще невиданной до этого силы?

5

— Равняйся! Смирно!

Выполняя команду, шеренги замерли точно на параде. Над головой правофлангового с гудением летала оса. Приноровившись, села на худущий грязный затылок. Правофланговый морщился от щеколки, но не шевелился. Бледный, сухонький, с ямочками на щеках, командир в старенькой рубашонке и не по росту коротких штанах прошелся босыми, в цыпках, ногами перед строем и начал перекличку:

— Петька!

- Я!
- Пашка!
- Я!
- Мишка!

Переключка происходила на краю щебелиновского переуллка, где жители добывали глину для обмазки халуп. Добывали лопатами, вырыв в земле норы и канавы. Здесь, в углублениях, и собирался ранними утрами «отряд красных бойцов». Строился, как подобает, отвечал на переключку и, получив задание, разбегался во все стороны, мелькая голыми пятками, а кто разодрал рубашку, то и голым пупком.

Босоногий командир разрубил взмахом руки строй, отделив группу:

- На гильзы!
- Отделил еще группу:
- На топку!
- Следующую:
- В разведку!
- Последнюю:

— В резерв!

— Я не хочу в резерв! — возразил кто-то. — Пошли меня в разведку!

— Разговоры! — строго прикрикнул командир.

— Ну разреши, Тимка, мне надоело все время в резерве. — У мальчишки едва слезы не текли. — Сильно хочу в разведку!

— Не «Тимка», а «товарищ командир»!

— Разреши в разведку, товарищ командир!

— То-то же. Разрешаю! — оттаяло сердце командира. — Сам в резерве побуду.

Паренек, повеселев, убежал вслед за другими, а Тимка с тремя резервными «бойцами» остался на «командном пункте» — в глинистом углублении.

Для чего резерв? А как же! Например, тяжело тащить кому-нибудь из «бойцов» мешок, наполненный стреляными гильзами. зовут на помощь из резерва. Бывает потребуются поднести в окопы ящики с патронами, обращаются к резервным «бойцам». Также притащить стряпухам «топку» — туго набитые мешки разными щепками, обрезками досок, палками и тому подобными предметами, собранными на улицах для отопления печей, где готовится пища бойцам. Словом, резерв необходим. Он есть у правдашних бойцов, значит, должен быть и в мальчишеском «отряде красных бойцов», командиром которого выбрали Тимку Доброва, прославившего смелым и находчивым среди вихрастой и босоногой Щебелиновки.

Солнышко между тем, потеряв арбузный цвет, какой имело при восходе, карабкалось наискось по густому синему небу, цеп-

ляясь за хвосты дыма, точно за ступеньки лестницы. Было прохладно, с севера подувал знобящий ветерок. Ребята даже в затишье проеживались. Чтобы согреться, прижимались друг к другу. Говорили о школе. Уже давно осень, а школы в этом году все нет, и никто о ней даже не заикнется — война! Хотя бы уже скорей она кончилась, так хочется в школу!

Помолчали. Вот достал один из-за пазухи ломтик черного, словно влажная земля, хлеба и принялся жевать. У остальных тоже разыгрался аппетит. Второй вынул кусочек белого, как мел, кукурузного чурека, третий — синеватую ячменную лепешку. Тимка — большой желтый огурец. Хрумкая кисловодо-переспелую огуречную ткань, мечтал: «Эх, еще бы в сады!»

Вчера командир роты, дядя Ваня Кравцов, послал Тимкин «отряд» обрывать фрукты. Что было... Наелись досыта! Даже сейчас оскомины на зубах. Пять возов яблок, айвы, персиков и винограда нагрузили в садах, раздали шебелиновским бойцам. Дядя Ваня Кравцов снова обещал послать в сады — не все убрали, — вот уж опять наедятся фруктов!

А пока скучно. Хоть бы что-нибудь случилось, чтобы куда-нибудь бежать, кому-нибудь помогать или еще что-то делать... Умрешь от скуки! В разведку бы! Самое интересное это дело. Сидишь, например, в канаве или бурьяне и, не шевелясь, чтобы не выдать себя, зорко смотришь в ту сторону, где расположен противник. Вот так же, три дня назад, затаился Тимка с Васькой Гудковым в бурьяне и смотрел за Сунжу так пристально, что глаза начали слезиться. А Васька вдруг — толк его, Тимку, локтем в бок, показывает подбородком в ракитник на этом берегу. Что-то там шевелится. Сбежал Тимка к командиру, дяде Ване Кравцову, сообщил. Прибежали бойцы, задержали белооардейских шпионов.

А «топку» добывать тем хорошо, что стряпухи непременно угостят добычликов борщом и кашей. Они и так подкармливали ребят как могли, а тут уж — досыта!

Подбирать стреляные гильзы — тоже удовольствие. Идешь с мешком по окопам — перед тобой, мальчишкой, бойцы расступаются, как перед кем-то важным. Сердце радуется: значит нужный ты здесь человек, что к тебе такое внимание. Расступаются, убирают ноги, чтобы удобнее было собирать, сами помогают, бросают в мешок. Бывает, кто корку хлеба протянет полакомиться, а кто — кусочек замусоленного сахара. Стреляные гильзы отнесли на заводы, где делали из них боевые патроны.

Тимка вспоминал, а солнышко уже прогнало утреннюю прохладу, нагрело воздух. Ребята, заголив рубашки, подставили животы лучам, терпеливо ждали: может быть, что-нибудь все же случится. И тогда, наконец, охваченные азартом действия, покинут скучную яму. Но нет,

ничего не случилось, никто не звал на помощь. И Тимка не выдержал: не должен же командир все время сидеть на командном пункте! Ему, командиру, надо быть и там и сям, интересоваться, как и что делают другие бойцы! Разъяснив это резерву, назначил вместо себя старшего и со вздохом облегчения выбрался из ямы.

Миновал железнодорожную насыпь. Лопотала мутными струями Сунжа. Перешел дощатый мост. Сунулся в ход сообщения. Очутился в окопах. Бойцы прильнули глазами к щелям между пузатыми мешками с землей, что возвышались над окопами, смотрели в сторону противника. Тимка узнал бойца в рыжих потрескавшихся сапогах и картузе, из-под которого выбивались седые волосы:

— Ионыч!

Тот повернул голову. Небритые щеки его горели тусклым румянцем.

— Тимофей? Ты чего тут болтаешься?

— Ионыч, а почему все туда смотрят?

— Бегай, бегай отселева поскорее, бой должен быть с англичанами.

Да разве Тимке не хотелось увидеть англичан, какие они есть? Вцепился руками в край окопа и покарабкался к щели, что между мешками с землей. Но пальцы соскальзывали, а ногам не обо что опереться. Вот досада! Бойцы, высунув в щели винтовки, принялись стрелять.

Ионыч, перезаряжая свою винтовку, крикнул сердито на Тимку:

— Кому говорено, марш домой!

Ионыч выстрелил. Перезарядил — снова... От одного края окопов до другого перекатывались выстрелы. Тимка оглох от непрерывного грохота. Внезапно стрельба прекратилась. Слышно было в тишине, как из разодранного мешка с шорохом сыпалась земля. Командир роты дядя Ваня Кравцов, размахивая револьвером, бежал по окопам:

— В атаку, ребята! Вперед! Бей, коли их, гадов, не давай пощады английской сволочи!

Переваливаясь за мешки, покидали бойцы окопы. Нашупав носком сапога углубление в земляной стене, выбрался наружу Ионыч. Винтовочные выстрелы за окопами возобновились. Мощно раскатилось:

— ...прааа-а!..

Тимка воткнул ступню в то же углубление, подтянулся и сумел теперь глянуть в щель. Бойцы, стреляя и не переставая кричать «ура!», гнались по пустырю за солдатами в зеленой одежде. Те, оборачиваясь и отстреливаясь, удирали к станционным строениям. На пустыре, между бурьяном немощно шевелились ране-

ные, неподвижно лежали убитые. Раненых, выскочив из окопов, подбирали женщины. Тимка узнал мать. В папковых сапогах, брюках и пиджаке, она вместе с соседкой тетей Нюрой положила на носилки окровавленного бойца. Потащили к окопам.

Опасаясь попасть матери на глаза, — она наверняка прогнала бы его домой — Тимка подбежал к краю окопа, спрятался в уголке за двумя бойцами-пулеметчиками, не обратившими на него внимания, — они привыкли к ребятам. Когда мать исчезла из ходе сообщения, возвратился к щели. У станционных строений — это неблизко отсюда — завязалась рукопашная схватка. Щебелиновцы заметно теснили англичан.

На пустыре снова появились санитарки: две тащили раненого на носилках, одна — способного кое-как двигать ногами — на своих плечах. Справа, на краю пустыря, где густо желтел пожухлый кустарник, Тимка заметил пытавшегося подняться бойца. Тот старался упереться ногами и руками в землю, хватался за кустарник, но тщетно: беднягу валило навзничь. Не стал ждать Тимка, когда подспеют санитарки, поднатужившись, выбрался из окопа, подбежал к раненому.

Вверху над головой вжикали пули. Боец с окровавленной грудью благодарно взглянул на Тимку, протянул навстречу руки. Обняв бойца, Тимка, испачкавшись кровью, с трудом помог ему подняться. Тот рухнул на Тимкины плечи, обхватил шею.

А между тем англичане начали теснить щебелиновских, и они, отступая от железнодорожных строений, приближались к своим окопам. Тимка, напрягая все силы, тащил раненого, но двигался к окопам медленно. Тот никак не помогал Тимке, беспомощно висел на нем и только слабо перебирал ногами. Англичане, преследовавшие щебелиновских, подступали. Тимка, испугавшись, затащил раненого в кустарник. И вдруг увидел казаков. Они вползали в кустарник с противоположной стороны, таща пулеметы. Тимка приник к траве. Раненый, затихая, уже не шевелился. Умирал. Кто-то схватил Тимку за шиворот, потащил в глубину кустов, поставил перед офицером с красными пьяными глазами:

— Что тут делаешь, малый?

Тимка пытался объяснить, что спасал раненого, но офицер не слушал. Рассмотрев городского мальчишку, пнул носком сапога в живот:

— Шпионишь, большевистское семя? Эй, востовой! Отведи-ка его в особое заведение к господину Малюте, может пригодится ему.

Пожилый, с проседью, казак вскинул винтовку на плечо, не обращая внимания на Тимкины объяснения, крепко схватил за руку и повел через станицу.

За косматым одичавшим садом, где поднимался из-за кир-

пичной ограды большой мрачный дом, казак постучал в калитку, что-то объяснил открывшему ее изнутри стражнику, пихнул Тимку во двор и ушел. Тимка осмотрелся: в глубине двора — косые коновязи, почерневший флигель, кусты сирени... Расхаживают косовые — нет, не удерешь! Ледяным холодом охватило предчувствие чего-то гибельного, неизбежного...

Стражник, заперев калитку, повел Тимку к дому. На крыльцо вышел человек с бледно-желтым лицом, в черном костюме и фуражке. Тимка обрадовался: как же, ведь это тот самый Афон Данилович, который однажды вступился за него, Тимку, в доме казака Африканыча, велел отпустить. И сейчас велит отпустить! Стражник доложил, при каких обстоятельствах пойман мальчишка. Афон Данилович прищурил бесцветные глаза:

— Где-то я тебя видел...

В это время распахнулись ворота, Тимка рассмотрел людей со связанными руками, в разорванных рубашках, избитых, окровавленных. Их молча загоняли ударами прикладов чисто выбритые солдаты в крагах, френчах и фуражках с изображением льва. Тимка вдруг рассмотрел седые волосы, небритые щеки...

— Ионыч!

Сильно избитый, тот беспомощно хватал руками воздух, спотыкался. Окровавленное лицо пухло, расплывалось. Узнал Ионыч знакомый голос:

— Мила-ай... И ты здесь?..

Афон Данилович крикнул стражника, велел отвести Тимку в камеру.

6

Генерал Колесников, укоряюще глядя Бичерахову в глаза, отчитывал его за неудачи. За разгром красными Волгского полка, на который возлагалось столько надежд. За падение казарм в том же Грозном, а также станиц Слепцовой, Михайловской и курорта Серноводск. За безрезультатные диверсии в районе Шебелиновки и Граничной улицы и переход многих сунженских казаков на сторону Дьякова. И даже за арест английской миссии во Владикавказе. И за срыв съезда сунженских казаков. И поражение во Владикавказе не забыл.

— И у Кизляра все топчешься, как тот скопец рядом с бабой! — неистовствовал Колесников. — И у Георгиевска!

Бичерахов налился зеленью. Вздрыгнул нехорошо, судорожно: вот-вот взорвется. Большим усилием воли сдержал себя, смял в лепешку вместе с огнем недокуренную папиросу, обжег пальцы. Лымарь вступился за Бичерахова:

— Не надо так, Гриша. Каждому из нас дорог Терек. А Георгию разве нет? Сложив руки не сидит, старается...

— Старается-мается! — безжалостно продолжал Колесников. — А черта толку? Дьякова тогда прохлопал. Помню, говорил я: этот Дьяков себя покажет. Так и вышло! Орджоникидзе выпустил. Извольте, будьте любезны, любуйтесь, что он вытворяет, ваш Орджоникидзе...

— Напрасно, Григорий, ты это городишь, — повысил тон Лымарь. — Попробовал бы сесть на место председателя. Думаешь, легко в такой обстановке?..

— И сяду, когда будет нужно! — угрожающе задрал нос Колесников. — А пока, имея соответствующие полномочия, требую от вас беспрекословного мне подчинения. Исполнения моих распоряжений! Это, если хотите, приказ самого Антона Ивановича. Он желает, чтобы его волей направлялись усилия на Тереке. И указал мне в случае необходимости давать здесь соответствующие наставления. Антон Иванович имеет право вникать в терские дела в силу своего высокого положения и военного таланта. Потому что вы слишком много потеряли. Приобрели же за все время только одну Прохладную. Судя по разведанным, и ее можете потерять.

Впервые после появления Колесникова в Моздоке, подумал сейчас Бичерахов, что прав, очевидно, уполномоченный Деникина. Неудач-то немало. Вроде бы опытный полководец Мистулов, большие награды на фронтах заслужил от царя... И старается ведь, мечется то в Прохладную, то под Кизляр, придумывает планы, реформирует войска... А толку нет! Возможно, Колесников опытнее? К тому же его направляет неоспоримый авторитет — Деникин. И это позволит разбить красных...

— Только два козыря осталось у нас, — постукивал суставами пальцев по столу Колесников. — Помощь Лазаря и операция «Л. А.». Проиграем если и это, тогда... Страшно произносить такое слово... Тогда крах! Да, да, господа терские правители, не чешите затылки, это будет крах!

«Черт с ним, Колесниковым, — мысленно махнул рукой Бичерахов, — пусть командует, хоть он и монархист. Победа над большевиками сейчас важнее, чем идейные распри. А там видно будет: уничтожить Колесникова, если потребуется, всегда можно. Что же касается упреков, так это он от злости, плевать на них, я-то знаю, что сделал немало. Объединил силы, поднял восстание, разработал операцию «Л. А.». Нашел возможность восстановить прямую телефонную линию от Моздока до станицы Грозненской, что во сто крат улучшает руководство боевыми операциями. Наконец, поездка к брату, Лазарю. А он теперь министр: военный, морской и внешних сношений нового Кавказско-Каспийского правительства! Совместно с ним продуман детальный

план наступления на Кизляр и Грозный... И впредь сложа руки сидеть не собираюсь!»

— Что же, Григорий, — теперь спокойно кивнул Бичерахов, — командуй, бери войска в свои руки. Я узаконю это постановлением правительства.

— «Узаконю...» На кой формальности? Зачем об этом всем знать? Команды по-прежнему подавать будете вы, а наставления получать от меня. В отдельных случаях не обойдется без согласования с Антоном Ивановичем. А сейчас такое распоряжение: всемерно укрепляйте Прохладную. Агентурные данные говорят о намерении красных захватить ее в ближайшее время. Отзывай из-под Кизляра Мистулова, бросай в Прохладную, пусть обеспечивает надежную оборону. Под Кизляр поеду сам. Проинструктирую Ушинкина, встречу отряд, посланный Лазарем, скоординирую действия... Ты, Георгий, сиди тут в Моздоке, правь, а ты, Тихон, отправляйся в Хасав-Юрт к Лазарю. И передай мое мнение, что не следует медлить с Грозным, ждать, например, когда покончим с Кизляром. Надо наступать одновременно. Под Кизляром этим займусь я, а на Грозный пусть ведет силы он, Лазарь, лично. Ты, Тихон, будь при нем вплоть до полного взятия Грозного. Лазаря уважаю, но от местных условий он отвык, возможно, надо ему чем-нибудь помочь, посоветовать...

Бичерахов и Лымарь послушно склонили головы. Колесников встал, одернул китель, козырнул и ушел гордой походкой победителя.

Лымарь, покачивая головой, с сожалением заметил запущенность в бичераховском кабинете: перекошенная картина, пыльный паркет, окурки на ковровой дорожке... Да и сам Бичерахов как-то весь скрючился, совсем отвисла искривленная губа, небритый, в помятом костюме... Видно, нелегко переживает неудачи.

— Не опускайся, Жорж, — сказал Лымарь дружески ласково, — приведись в порядок. Денщика, что ли, у тебя нет?

— Настроения нет! — Бичерахов швырнул недокуренную папиросу на паркет.

— Брось городить чертовину! — возмутился Лымарь. — Что-бы, матери его черт, не видел тебя таким. Подтянись, прибавь сердцу жару!

Бичерахов благодарно посмотрел Лымарю в глаза, встрепнулся.

— Спасибо, Тихон!

После ухода Лымаря еще долго расхаживал из угла в угол, останавливался у окна, смотрел вдаль и все твердил про себя: «Должны же мы, черт возьми, победить! Должны!! Должны!!!»

Нелегко переживались неудачи. В последнее время Георгия Федоровича все чаще потрясали взрывы ярости. За какой-то пустяк упек под расстрел штабного офицера. Избил преданного

слугу Христофора только за то, что он затеял осеннюю уборку квартиры. А однажды поймал себя на страшной мысли: нельзя верить ни себе, ни своему окружению, ни одному казаку, придется, видно, признать силу большевиков... И с грустью вспоминал любимое сравнение снежного кома с движением, названным бичераховским. Хотелось, чтобы превратился ком в грозную лавину, сокрушающую все на своем пути, а он подтаял — и ни с места...

Но сейчас депрессия сменилась бурной энергией, жадной деятельностью. Прочь растерянность, надо держать себя в руках! Ведь уже движется на Кизляр тысячный отряд с тяжелыми орудиями, броневиками и пулеметами. А сам Лазарь с одиннадцатью тысячами воинов, оснащенных самым современным английским оружием, вот-вот выступит на Грозный...

7

Лымарь, покинув Бичерахова, на минуту задержался в приемной:

— Не к вашей чести, девица-адъютант, такая запущенность в кабинете Георгия Федоровича. Вы уж, пожалуйста, исполняйте обязанности прилежнее, если замещаете господина Лутоева.

Наташа встала, застенчиво потупила глаза:

— Слушаюсь, господин полковник...

— Вы хорошая служащая, — размяк Лымарь, — и мне не хотелось бы менять это мнение...

— Спасибо, Тихон Моисеевич...

Не могла же она объяснить, что взбесившийся вдруг Бичерахов выгнал из кабинета уборщицу и подбил глаз натирщику паркета, запретил им приближаться к кабинету. Правитель был груб и при Наташе, в последнее время позволял себе произносить непристойности.

— Поработаем, мадмуазель прапорщик, — услышала рядом голос Колесникова. — Будьте любезны, в единственном экземпляре...

Колесников диктовал. Наташа понимала смысл его цифр: отправляясь в длительную командировку, Лутоев передал ей ключ от колесниковского шифра. Она постаралась запомнить наизусть. Колесников раскрывал Деникину сущность операции «Л. А.», ее первые результаты. Ловко придумано! Не раз пыталась Наташа раскрыть секрет этой операции, но никак не удавалось. Узнала только, что руководить ею послан Арсений Лутоев. А теперь все ясно. Сегодня же, возвратясь домой, расскажет о раскрытой тайне своей доброй величественной хозяйке. Через Симона опять уйдут в Грозный ценные сведения.

Забрав бумагу, Колесников ушел. Наташа тут же напечатала расшифровку для Бичерахова. Потом отправила мундир, вошла в кабинет. Бичерахов, прочитав расшифровку, по-свойски подмигнул: дескать, и ты участвуешь в нашем с Лутоевым заговоре против Колесникова. Она радовалась: правитель все чаще обращается с ней фамильярно. Это хороший признак, означающий крепнущее доверие.

Порывшись в кармане, протянул ей ключ от кабинета:

— Распорядитесь, Маруся, навести здесь надлежащий порядок.

Опустив глаза, удалилась.

Спокойнее было у нее сейчас на душе: правитель доверяет, донесения в Грозный идут, Лутоева нет, некому надоедать ухаживаниями. И Гурия не попадается на глаза. Да и не попадется теперь. Вот-вот начнет действовать прямая телефонная связь со станцией Грозненской, разные шифровки начнут передавать по проводам, надобность в связных отпадет! Только вот Бичерахов, вроде, повеселел — это плохо. С чего бы?

8

Легко распорядиться навести порядок в кабинете. А как это сделать? У кого узнать адрес натирщика паркета, когда все уже разошлись из канцелярии? Не обязательно, конечно, прежнего натирщика, можно пригласить другого, но где его взять? С уборщицей проще, придут утром, заставляй любую. А натирщики появлялись раз в неделю...

Долго ломала голову: ведь ранним утром, к приходу Бичерахова, в кабинете должно блеснуть. Мелькнула мысль: заставить уборщицу. Но рассудила: натрет сама! Так ли уж трудно? Воткни ногу в щетку и двигай туда-сюда. Не получится ногой, можно рукой. Не велика барыня, если поползает на четвереньках. Зато дойдет до Бичерахова ее старательность — лишнее его к ней уважение!

Рано проснулась в то утро. Завернула в газету простенькое домашнее платье. В канцелярии уже шаркали вениками, плескали водой уборщицы. Велела одной из них подмести бичераховский кабинет. Сняла мундир, облачилась в платье, разыскала в кладовой банку с воском и большую щетку.

Уборщица, закончив свое, ушла. Наташа выровняла перекошенную картину «Последний день Помпеи» и принялась за паркет. Как ни старалась ногой со щеткой, блеск не получался. Опустилась на четвереньки, работала руками. Скажи пожалуйста, совсем другое дело! Она медленно пятилась к двери, а паркет

приобретал зеркальный блеск. Наконец разогнула занемевшую спину и увидела на пороге Бичерахова. Выбритого, выглаженного, прилизанного.

— Маруся! — воскликнул удивленно. — Какая необходимость? Для этого есть соответствующий персонал!

Робко и смущенно пояснила, что натирик придет неизвестно когда, а ей хотелось сделать поскорее.

Удовлетворенно рассмотрел преобразившийся кабинет.

— Вы молодец, Маруся! Вы хорошая, трудолюбивая хозяйка! — Снял с себя новую велюровую шляпу, аккуратно повесил в уголке на крючок. И вдруг: — Послушайте, Маруся! А ведь Арсений вас искренне любит. И, честное слово, имеет серьезные намерения. Он просил у меня совета, я, право, затруднялся ответить, но теперь, пожалуй, посоветую. Отчего бы вам, собственно, не выйти за него замуж? Он умный и состоятельный человек, вы будете счастливы. Вот возвратится на днях — и с богом!

Наташа сделала вид, что окончательно смутилась. Совсем низко опустила голову, прочертила ногой по паркету круг. Сообщала, как лучше ответить. Лутоев был ей противен, осточертел ухаживаниями.

— Согласна с вами, Георгий Федорович... Он действительно славный человек...

— Вот-вот, — подтвердил Бичерахов. Сел за стол, придвинул к себе телефонный аппарат. — Наденьте мундир, Маруся, вам не идет это глупое платье. — Сказал в телефонную трубку: — Линия на Грозненскую работает? Что? Не работает!.. Когда же она будет работать, черт вас побери?! — Повернулся к Наташе: — Если приехал Мистулов, пригласите ко мне.

Она отнесла в кладовую щетку и воск, переделась и пошла к Мистулову. Он, очевидно, только появился, стаскивал в кабинете с себя пальто. Таким мрачным Наташа еще никогда не видела главнокомандующего: невеселые, сильно ввалившиеся глаза, круто нависшие, поседевшие в последнее время брови, бледные губы туго сжаты. Не носил он уже мундир с погонами, ордена и медали, а ходил не в очень-то новом штатском. И великолепные, прежде пушистые его бакенбарды как-то спутались, слиплись, пожухли. Жирная складка на шее тоже исчезла. Наташа передала просьбу Бичерахова. Мистулов даже не взглянул на нее, только буркнул:

— А?.. Да, да, хорошо, ладно. Чего это ему так прищипило?..

Наташа сама распахнула перед Мистуловым дверь к Бичерахову, чтобы неплотно потом ее закрыть. Села в приемной за стол адъютанта. Сейчас, в отсутствие Лутоева, она исполняла его обязанности. Напряженно слушала разговор в кабинете.

Сперва изъяснялись негромко. Мистулов докладывал положение в Кизляре. Оно было пока неважным. Бичерахов начал повышать тон:

— Получено донесение из Грозненской. Красные нагледят. Предпринимают атаки! Атаки, хайраг ай бахара! — Он с каждым словом усиливал голос. — А мы — лишь контратаки... Не они, собственно, от нас защищаются, а мы от них! Мы от них! Обмарался господин Поморцев по самую шею! И ты далеко не ушел от него, господин главнокомандующий! — Бичерахов уже орал. — Оба обмарались!

— Гм... Э... А почему, да, да, почему ты позволяешь на меня орать?

Бичерахов не считал нужным это ему объяснить и продолжал так же:

— Поезжай в Прохладную! Да не вздумай и там обмараться! Отдашь ее красным — не пощажу. Вплоть до расстрела! Слышал, что я сказал? Не пощажу!!

— Сожалею, да, да, очень сожалею, что связался с тобой, да, да... Сам, сам себе пулю в лоб пушу, крикун, крикун невыдержанный!

И Наташа увидела, как, хлопнув дверью, Мистулов вышел из кабинета. А следом услышала такое:

— Хаджи тагта бахар! — взвизгнул Бичерахов.

Только изредка, в крайнем раздражении (Наташа знала это от тети Сусанны) выпаливали осетины это оскорбительнейшее ругательство, означавшее «сожри ишачьи кишки»!

«Ну и разбесился! — поежилась Наташа. — Как бы и мне не влетело заодно?» На всякий случай пересела подальше в угол к машинке.

Но через минуту Бичерахов выскочил из кабинета, прошагал крупно, стукнул дверью приемной. Отправился, наверно, по комнатам войскового штаба, распекать офицеров.

Наташа добросовестно отсидела свои часы, одернула мундир и пошла домой. Но только очутилась на улице — увидела связную из станицы Грозненской Гурию с неизменной голубой сумкой в руке. Оборвалось сердце. Хотела вернуться в штаб, спрятаться, но было уже поздно: Гурия с любопытством рассматривала красивый мундир. Вдруг открыла рот и **остолбенела**. Затем зеленые глаза ее оживились, в них вильнули змейки.

— Извините, пожалуйста, позвольте спросить, вы та самая, что служите в приемной Георгия Федоровича?

— Что вам от меня угодно? — Наташа не могла молчать.

— Извините, пожалуйста, мне кажется я где-то раньше вас видела, но никак не могу вспомнить — где. Вы не подскажете?

— Отстаньте от меня! — оборвала Наташа и круто повернулась.

Успокоиться не могла. Неужели узнала? И снова ядовитой змеей заползла в душу тревога. Шла по тротуару, как по раскаленной жаровне. Ну что, что делать, если узнала? Схватят немедленно и на этот раз уже не пощадят! А ведь назревают такие страшные события, такая угроза нависает над Грозным со всех сторон, что она, Наташа, как никогда до этого, нужна здесь целой и невредимой. Особенно должна быть полезна Грозному.

Нет, не могла придумать, что делать, что говорить, чем оправдываться, если схватят. Вспомнился Тимка, отец, мать. Представила, что будет с ними, если падет Грозный, и стало жутко. Пришел в голову Симон: где-то здесь он, близко от Моздока, а встретиться нельзя... Когда же будет можно?.. Возникли в памяти аромат бархатных роз, мягкая вечерняя заря в окнах, плачущая ива на углу улицы...

9

Гурия, не мигая, смотрела девке-прапорщику вслед. Напряженно работал мозг. «Где все же я ее видела, где, где, где?.. Эти золотистые волосы, эти ямочки на щеках?.. Где, где, где?!» Чувствовала, вот-вот, вот сейчас, вот в следующее мгновение вспыхнет в памяти картина встречи — и тогда озарит душу радостное удовлетворение. Но нет, нет, заволакивало голову мраком забывания. Кусала Гурия от досады губы.

Медленно ни на кого не глядя, пытаюсь все-таки вспомнить, плелась по улице. Приехала вчера поздним вечером с важным донесением. Это, сказали, последняя поездка в Моздок. Говорят, налаживается телефонная линия — связная больше не потребуется. Сразу отправилась на конспиративную квартиру, отдала хозяину спрятанную в двойном дне сумки тайнопись. С тем же хозяином, и уже не в первый раз, переночевала в одной постели. Сегодня весь день рыскала по городу, удалось кое-что скупить, чтобы выгодно перепродать в Грозном. Шла к постоялому двору, где ждал возница, чтобы отвезти ее, Гурию, в станицу Грозненскую, наткнулась на красавицу в военном, невольно залюбовалась и вдруг узнала машинистку из приемной Бичерахова.

Выехали с постоялого двора вечером, когда солнце коснулось горизонта. Кони, тревожа дорожную пыль, резво тащили бричку вверх, к вершине Терского хребта. Немолодой возница в армяке, перепоясанном веревкой, молчал, на Гурию не обращал внимания. Только покрикивал на коней:

— Но-но, милые, но-но, хорошие...

Поведение возницы Гурию обижало: «Какой же он мужчина, если не обращает внимания на женщину? Чурбан нечувствительный!»

Ночью остановились на вершине. Звезд было мало, горные выступы различались неясно. От высохших бурьянов тянуло каким-то дурным, затхлым запахом. Молча поели сала с хлебом. Гурия прилегла было в бричке рядом с возницей, но он резко оттолкнул ее:

— Пошла вон, трижды клятая!

Она обругала его матом. Переночевала в траве под бричкой.

Утром напоили коней. К обеду спустились в угрюмую долину Алхан-Чурт. Дымчатое осеннее солнце грело слабо. Гурия куталась в пальто с опушкой из белки и все пыталась вспомнить, где видела девку-прапорщика. Возница по-прежнему молчал.

И вдруг озарило!

— Так, так, так! — забормотала, чтобы закрепить в памяти возникший в голове эпизод той встречи.

Радостная дрожь скользнула по телу. Вспомнила!

...Грозный, Щебелиновка, двор, в котором сидели на бревне женщины. Гурия предложила им товар, одновременно подпустила антисоветчины и что-то такое насчет чеченцев. И тогда вот эта самая светловолосая, с ямочками на щеках девка, тогда она была в платье с синими цветочками по сиреневому полю и возилась у огня и кастрюли, крикнула на нее, Гурию... Не просто крикнула, а заорала гневно, с ненавистью:

— Знаете что? Убирайтесь со своими разговорами!

Все вспомнила Гурия. И как вошли в калитку двое с винтовками, и как, недопродав товар, пришлось ей, Гурии, поспешно ретироваться.

«Сомневаться тут нечего! — рассуждала, покачиваясь в бричке и кутаясь в пальто, Гурия. — Точно — большевичка! Высоко забралась: офицерша! А криворотый председатель втюрился небось в нее по уши и теми ушами хлопает... Вот неожиданно выдал ее с потрохами, будет потеха: шпионка под боком у Самого! Доберусь до Щебелиновки, к дому этой красотки, у соседей хорошенько все выпытаю, узнаю подробности, всякие факты, разложу их по порядку и преподнесу Афону, как рыбку на сковородке: на тебе подарочек, а мне за разоблачение шпионки гони денежки!» Как же иначе? Только за деньги!

Гурия так радовалась этому, и ей так хотелось побыстрее приехать домой, что она вдруг обняла возницу и поцеловала крепко:

— Погоняй быстрее коней, чего медлишь, молчун несчастный!

Была глубокая ночь. Во дворе шелестел черешневый сад. Разбавленная лунной темнота копошилась в листве. В спальне мельтешили призрачные тени.

Бичерахов ворочался в постели. Болела голова, щемило сердце. Вот уже более двадцати беспокойных дней и бессонных ночей ждал он утешающих вестей от Лымаря. Давно уже перебрался в Прохладную Мистулов, уехал под Кизляр Колесников. Шли телефонные сводки от Поморцева. Но ни от кого ни слова о наступательных операциях Лазаря.

Они же, наступательные операции, были необходимы крайне! Ибо ни на час, ни на одну минуту не успокаивался Орджоникидзе. Предпринимал все новые и новые удары. Собрал в Кабарде и Балкарии отряд горцев, подкрепил керменистами из Осетии, и они с боем заняли Нальчик. Восстановили там Советскую власть и двинулись теперь на войска генерала Шкуро под Георгиевск. Выдержит ли натиск Шкуро?

Горькие вести рождали бессонницу. Она приходила с вечера, мучила до утра, а если к рассвету подступал болезненный напряженный сон, тут же прерывался кошмаром. Снилось всегда одно: он, Бичерахов, блистательный генерал на белом коне; вокруг войска в голубых мундирах... И непременно разверзалась под конем земля, и летел Бичерахов в душную бездну... Поэтому боялся Георгий Федорович смыкать веки.

А ночь ползла. Крался воровски в окно холодный луч луны, наливал спальню мертвенно-бледным светом... И опять — белый конь, и Бичерахов на нем, и снова разверзнутая земля... Колотилось сердце, не хватало воздуха. Откинув одеяло, поднялся в постели. Луна нахально глядела в окно, рыхлая, злая, она уцепилась за угол рамы и начала подтаивать. Рассвет выгонял из спальни лунную зелень. Снова потянуло в сон. Но едва прижмурил глаза, увидел себя на белом коне... Идиотский сон злобно дразнил, подло издевался... В дверь постучали.

— Кто там?

— Полковник Лымарь, хицау, — ответил Христофор.

Накинув халат, выскочил из спальни. Похудевший Лымарь в измятой расстегнутой шинели вытирал краем папахи потный лоб. Нечесанные волосы, посеревшее лицо... Все это говорило само за себя, ничего хорошего не сулило. Пожал Лымарю руку, обнял, приготовился слушать. Христофор поставил на столе поднос с выпивкой и закуской.

Лымарь пить не стал, стакан с чихирем отодвинул. Бичерахов ждал. Какое-то время сидели друг против друга молча. Наконец Лымарь пожевал губами, щелкнул языком. И, отведя глаза в сторону, проямил:

— Отступили...

— В каком смысле? — не понял Бичерахов.

— В буквальном, Георгий, — Лымарь вобрал голову в плечи и виновато развел руками. — Отошли обратно в самый Хасав-Юрт...

Бичерахов ждал чего угодно: какой-то неувязки, отдельной неудачной операции, временного прекращения огня... Но чтобы полного отступления?.. Внезапно брызнули слезы.

— Тихон, — сказал Бичерахов, — дорогой мой... Как же так? Ведь мы казаки!..

— Так, дорогой Георгий... — вздохнул Лымарь. — Может, время такое?..

— Что же произошло?

— То, чего никак нельзя было предположить. Чечня не пустила на свою территорию...

— Как? — не понял Бичерахов.

— А так, взяла и не пустила. Как хозяин себе в дом. Захочет — пустит, не захочет — не пустит.

— Не тяни, Тихон.

— Выступили из Хасав-Юрта по линии железной дороги, соответственно плану. Впереди — бронепоезд, затем пехота в вагонах, конница — своим ходом... Артиллерия, броневики, провиант, боеприпасы... Все благополучно до реки Аксай. А там началось. Мост разрушен... За рекой — уже территория Чечни и... только намек на железную дорогу. Три дня назад разведка доносила — все нормально, а к нашему приходу дороги не стало. Рельсы развинчены, шпалы разбросаны. Чеченцы и разобрали, а кто же еще?! Снова послали разведку. Оказалось, железная дорога разобрана на большом расстоянии. Что, матери его черт, прикажешь делать? Подумали было форсировать Аксай и двигаться походным маршем без бронепоезда, вообще не привязывая себя к железной дороге. Да передумали! Ты ведь ту местность знаешь. С одной стороны от железной дороги — Терек с заболоченными районами, с другой — близко горы... Впереди немало стекающих с гор к Тереку бурных рек... Это сколько же надо потратить времени и сил, чтобы их форсировать? А земля-то не своя, не казачья, а чужая, чеченская. Взбрет диким в голову, зажмут со всех сторон, да загонят либо в горы, либо в болото — костей не соберешь. Никак нельзя без прикрытия бронепоезда. Решили восстанавливать мост и железную дорогу.

Только занялись, с Чеченских высот ударили из пушек. Пытались подавить их своим огнем, но пушки на высотах замаскированы, для нашей артиллерии недосыгаемы. Мы же у них на виду. Днем под снарядами вести восстановительные работы невозможно. А что с большим трудом удавалось восстановить за ночь, разрушалось чеченскими пушками днем.

Черепашьим шагом проползли до разъезда Кади-Юрт. А тем временем дикие разрушили часть железной дороги сзади нас. Ну что делать? Что бы ты сделал на нашем с Лазарем месте? Можно так биться месяц, два... Можно и год, ежели не угодишь в какую-нибудь ловушку... Решили отступить. Снова восстанавливали дорогу, теперь уже назад, и пятились подобно раку... Отошли к Хасав-Юрту... Отступили.

— Да... — Бичерахов положил локти на стол, подпер ладонями подбородок, обхватил щеки и долго молчал, закрыв глаза. Мучительно искал новый ход в затянувшейся военной игре, которую начал и никак не мог закончить. Тягостно взглянул на Лымаря. — Неужели мы проиграем, Тихон?

— Не хотелось бы об этом рассуждать, Георгий. Однажды разговаривал на этот предмет с Мистуловым, так он сказал: если поражение, пустит себе пулю в лоб, позора не вынесет. Я, пожалуй, тоже!

— А я думаю предпринять еще один ход.

— Какой?

— Не может быть, чтобы в Чечне не нашлось влиятельных лиц, способных образумить тех, стреляющих с высот... Чтобы сумели мы в нормальных условиях восстановить железную дорогу и приблизиться к Грозному.

— Почему же? — Лымарь грустно улыбнулся. — Влиятельное лицо, матери его черт, у них есть. Асланбек Шерипов. Сильно влиятельное! Только не в нашу сторону. Они называют его мюридом революции, ты понимаешь значение этих слов — преданным слугой революции. Вот полюбуйся, что прислал нам тот «мюрид», едва мы вступили на территорию Чечни. Я сохранил эту бумагу, чтобы показать тебе. Сперва мы с Лазарем над ней посмеялись, не придали значения.

Лымарь протянул исписанную тетрадную страничку. Георгий Федорович прочитал:

«Лазарю Бичерахову, трижды министру самозванного Кавказско-Каспийского правительства, командующему казачьими вооруженными силами, имеющему цель покорить Грозный.

Ваше превосходительство, господин изменник, провокатор и английский подлизало!

Имея намерение покорить Грозный, прежде всего не забывайте, что путь к нему лежит через Чечню. А в этом весь смысл!

Вы плохо, очевидно, знаете чеченский народ. Да, конечно, у нас случаются отдельные предатели типа Ибрагима Чуликова, но, смеем уверить, это не массовое явление. А основная масса чеченцев всегда была, есть и будет на стороне пролетарского Грозного. И имейте в виду, эту массу нельзя ни уничтожить, ни отбросить, так же, как сами горы. Поймите благоразумно, что никаким Биче-

раховым — ни Лазарям, ни Георгиям, ни иным подобным — такое не под силу: сдвинуть горы, не считаться с Чечней! У нас найдутся способы преградить вам путь, обуздать вас.

Лучше не затевайте, все равно уйдете!

У нашего народа много мудрых пословиц. Вот три из них. Подумайте над их смыслом, прежде чем начать свое предприятие:

1. И собака поплывет, если под хвост ей подойдет вода.

2. Когда спросили зайца, что по его мнению самое лучшее, он ответил: увидеть волка раньше, чем он тебя увидит.

3. Шагнув в пропасть, обратно не выберешься.

Штаб чеченской Красной Армии»

Бичерахов со злостью скомкал бумагу:

— Ну, собственно, хозяин Чечни не какой-то там Шерипов!

— Во всяком случае и не Ибрагим Чуликов! — возразил Лымарь.

— Есть лица и повлиятельнее Чуликова.

— Кто, например?

— Али Митаев — шейх, сын знаменитого Бамат-Гирея Митаева, внесшего свои прославленные коррективы в шариат. Вокруг Али — свыше шести тысяч преданнейших ему мюридов. Это авторитет! Сумеет открыть путь к Грозному.

— Дал бы бог! — обрадовался Лымарь.

Бичерахов встал, выпрямился. Сошла с лица печаль.

— Прости, Тихон, за слезы, за малодушие. В последнее время находят на меня минутные слабости. Станцуем еще лезгинку на похоронах большевиков. Еду к Митаеву. Правь тут. Подумай, может быть, есть смысл под видом предложения о перемирии вступить с Грозным в переговоры, прощупать их настроение... Посоветуйся с Колесниковым... Что же, давай выпьем. За то, чтобы не склонить голову перед большевиками!

Он поднял стакан. Ударивший в окно луч солнца насквозь пронзил вино, переломился в гранях стакана, разрисовал на столе радугу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Через зарешеченное окошко, прикрытое снаружи железным фартуком, сочилась вместо света серая туманная мгла. Смердная

смесь густых запахов параши, пота, сырости и клопов заменяла воздух. Теснота не оставила места для прохода по камере, нельзя было сделать даже шага.

Тимка, стиснутый потными распаренными телами, скрючился в углу и, пригорюнившись, смотрел на железную дверь с волчком и кормушкой. В волчке, как называли арестанты круглую застекленную дыру, часто появлялся внимательный глаз надзирателя. Кормушка, квадратное отверстие с дверкой, открывалась, когда надзиратель с сизым лицом совал в камеру тонкие ломтики черного хлеба и кусочки ржавой селедки. Заключенные язвительно называли это легким завтраком. Впрочем, он служил одновременно обедом и ужином: в течение суток еды больше не полагалось. Выдавали еще на всех лоханку мутной воды. Ее не хватало. Людей мучили голод и жажда.

С одной стороны к Тимке туго прижимался отец, с другой — Ионыч. Они не могли не сжимать Тимку — на них давили другие. Сильно избитый Ионыч был совсем плох, стонал, задыхался, почти непрерывно кашлял. Дмитрий Добров тоже ослаб от недоедания, но не унывал, держался. Рассказывал смешные истории, подбадривал других.

Вот и сейчас рассказал смешное — по камере, точно шорох от свежего ветра, хохоток. А больше всех смешно остроносому, с выпуклым лбом, Маклакову. Тому самому Маклакову, бывшему помкомроты, которого проклял весь город. Ржет сейчас, словно откормленный конь.

Голоса:

— Рассказывай, Добров, легче дышится от твоих баек.

Тимке страшно. Говорят, всех в этой камере расстреляют. При мысли об этом Тимке хочется плакать.

В камере бушуют голоса:

— Продолжай, Добров, чтобы ни о чем не думалось!

— Что вы, братцы! — взмолился Добров-старший. — Дайте передохнуть. Вспомню какую историю, тогда повеселю... — Леонько толкнул соседа:

— За что сидишь, браток?

— Вроде бы за большевистский дух...

— Казак, вижу... Против Грозного воевал?

— Воевал, пока не надоело. Отказался идти в атаку, урядник за грудки схватил, я ему по хавалу съездил.

— А ты за что? — Добров-старший шепнул другому.

— За дезертирство. Из окопов удрал, в степи схватили.

— А ты? — вопрос к третьему.

— Бил их, гадов, белогвардейцев. Грозненец я. В плен брали, одному пальцами в глаза ширнул — вот за это.

— Слушай, а я тебя вроде бы в Грозном видел. И голос зна-

комый. Не ты ли выступал тогда на Бароновке во время митинга? Помнишь, общегородская стачка была?

— Я, а кто же!

— Не падай духом! Ты, чувствую, просто не сдаешься. Слушай... — Добров-старший прильнул к его уху.

Тимка кое-что расслышал. Отец, оказывается, знал, что этот грозненец — большевик. Посоветовал ему прощупать заключенных, установить, есть ли еще большевики. Узнать, сколько наберется надежных, и действовать сообща — настанет вечер, поднять бучу и под шумок бежать врассыпную. Может быть, удастся хоть некоторым?..

Тимка уловил последние слова отца:

— Каждому не доверяйся. Действуй осторожно, чтобы не продали. Вон того, с выпуклым лбом, Маклакова, остерегайся. Это он отдал бичераховцам казармы. Подозрительный. Говорят, долго сидит, неизвестно за что, сыт и не в меру веселый...

Добров-старший потянулся и громко во весь голос:

— Рассказать, что ли, еще историю? Вспомнил как раз. Так вот, один белогвардеец...

Ну и хитрый папка! Это он потому громко, чтобы отвлечь внимание от грозненца, который, косясь на Маклакова, перешептывался с соседями. Но Ионыч сильно закашлялся, начал задыхаться, и отец оборвал рассказ. Склонился над другом:

— Ионыч, милый, — разорвал на нем рубаху, оголив синюю впалую грудь. — Очнись! Васек... Ребята, — Добров-старший обернулся к соседям, — подвиньтесь сколько возможно, человек умирает...

Потеснились, раздвинулись. Добров-старший выпрямил Ионычу ноги, разбросал его руки. Принялся растирать грудь и виски. Заключенные обмахивали Ионыча картузами. Он лежал мертвенно-бледный, закрыв глаза, дышал часто-часто, пытаясь вобрать больше воздуха. Наконец задышал глубже, увереннее, открыл глаза. Проговорил едва слышно:

— Судорогами меня, куси его мать, свело от неподвижности, а так ничего, не беспокойтесь, спасибо...

Черная пробка вечера затыкала решетчатое оконце под потолком. Тимке нестерпимо хотелось есть и пить. Открылась кормушка, заглянула сияя рожа надзирателя:

— Который мальчишка, на допрос!

Тимка был единственным здесь мальчишкой. Отец успел шепнуть:

— Держись, сынок!

Надзиратель повел Тимку полутемным с коптящей свечой подвальным ходом, толкнул в спину и велел подниматься по ступенькам. В коридоре пихнул в дверь.

Комната была широкая, с голыми стенами. Окна наглухо за-

крыты ставнями. Свисала с потолка лампа с матовым колпаком. За столом сидел человек в фуражке и черном костюме. Афон Данилович!

— Здравствуй, мальчик, — Афон Данилович приподнял с подоконника полуштоф, отпил несколько глотков.

— Здравствуйте, дядя! — Тимка стащил с головы дырявый картузик.

— Плохо в камере? — участливо взглянул Афон Данилович.

— Плохо! — Тимка шмыгнул носом, две слезинки выкатились из глаз. — Отпустите меня, дядь...

— И отпущу, а как же! — уверенно кивнул Афон Данилович. — Посидел, так сказать, немного, и хватит. Куда бы я тебя тогда отпустил на ночь, война кругом... Вот переночуешь и уйдешь. Ты что, один у отца-матери или братья еще и сестры есть?

— Нету братьев, сестра есть. Наташа.

— Маленькая сестра? В куклы играет?..

— Нет, что вы! Барышня уже!

— Даже? Хорошо! Красивая? Или замухрышка какая?

— Красивая! — с гордостью воскликнул Тимка. — Сильно красивая!

— Чем же красивая? Черноволосая небось, как цыганка?

— Нет! Волосы у ней светлые и ямочки на щеках, как у меня!

Восковое лицо Афона Даниловича заметно розовело. Он с удовольствием отхлебнул из полуштофа. И продолжал так, между прочим, ради простого любопытства:

— Ну и что она делает? Свиней, так сказать, пасет? Или уборщицей служит?

— Нет, не уборщицей! — крутнул Тимка головой. — Служила не знаю где... На машинке печатывала. А сейчас нету ее, уехала куда-то...

— Куда?

Тимка прикусил язык. Он услышал однажды случайно разговор отца с матерью, из которого понял, что сестра в Моздоке. Однако подробности расспрашивать не стал, подозревая, что это секрет и открывать его никому нельзя.

— Не знаю, куда...

— А ты ведь врешь, мальчик, — по глазам определил Малюта. — Должен знать!

Боясь выронить слово, Тимка прикусил губу.

— Отвечай, куда!

— Не! — Тимка вобрал голову в плечи.

— Отвечай! — угрожающе встал из-за стола Афон Данилович. — Куда уехала сестра?

Тимка даже не шевельнулся.

— Тебя спрашиваю, большевистский выродок! — Афон Данилович схватил Тимку за воротник, старая рубашонка, затрепав, лопнула, обнажила бледное до синевы тело. — В Моздок уехала, так, что ли?

Тимка, испугавшись, зажмурил глаза, но молчал. Афон Данилович схватил его за шею под подбородком, поднял совсем легкого для взрослой мужской силы, почти невесомого и сильно шлепнул задом об пол. Перекатилась через все тело страшная боль, заткнула соленым привкусом горло, оборвала дыхание.

— В Моздок, да? Говори!

Тимка уставился на истязателя мутными глазами, упрямо качнул головой. Афон Данилович ударом ноги швырнул его в угол. Убедился, что шевелится, ударил второй раз. Тимка, точно мяч, перекатился через комнату, стукнулся о противоположную стену.

В это время открылась дверь. Сперва в комнату ввалилось обросшее волосами, слюнявое, с гноющимися глазами существо, руки которого были связаны за спиной, а следом вошли два пыльных вооруженных казака. Один протянул Афону Даниловичу бумагу. Обстоятельства требовали заняться другим делом, и он крикнул в коридор:

— Убрать мальчишку!

2

Бумага была от атамана станицы Червленной. Малюта читал:

«Начальнику Чрезвычайного следственного органа А. Д. Малюте.

Сообщаю к вашему сведению, что в степи между станицами Червленной и Николаевской дозорным разездом пойман неизвестный пешеход, подозрительный на иногороднее мужицкое происхождение, шпионство и большевистскую принадлежность.

Ввиду чего подлежал преданию земле. Но для предварительного выяснения обстоятельств был подвергнут телесному воздействию плетками и шомполами. Во время данного воздействия клялся и божился, что к большевикам и шпионам никакого смысла не имеет, называл себя господином Кошкиным. А кем является в сам деле, не имеем знать.

Ввиду чего вышеуказанный Кошкин препровождается в Ваше ведомство для снятия дознания и принятия надлежащих мер».

Но Малюте не требовалось долго устанавливать личность этого паршивца. Он только глянул на гнойноглазую слюнявку, сразу же

определил, что перед ним не Кошкин, а бывший приказчик купца Чернявского Феоктист Криволапов. Тот самый, которому однажды в заброшенном саду загонялась в бедра иголка, который сбежал потом в неизвестном направлении.

Распившись на бумаге в получении препровождаемого, Малюта махнул казакам, чтобы те возвращались домой. А когда ушли, мягкими кошачьими шагами приблизился к Криволапову. В следующий миг, ласково улыбнувшись, нанес ему кулаком жестокий удар в живот. Криволапов ахнул и свалился, стукнувшись затылком о пол. Он не мог произнести слова и только мычал. Пена пузырилась на губах.

Малюта присел на табурет, отдохнул, дал возможность прийти в себя Криволапову. Когда тот, перестав мычать, что-то забормотал, Малюта слегка наступил ему ботинком на кадык. Потом придал покрепче.

— Будешь ли, любезный, работать на меня преданно и чисто-сердечно? Не вздумай ли когда еще играть со мной в Кошкина-Мышкина? Станешь ли наконец находчивым и старательным? Отвечай!

И отпустил ботинок.

— Простите меня, — слезливо залопотал Криволапов. Голос его сейчас был отнюдь не звонким и притягательным, а дребезжащим, как у потертой граммофонной пластинки. — Клянусь богом, буду-с работать предельно умно и старательно. Попутал меня сатана. Да разве от вас убежишь? Буду работать, буду, буду-с! Сохраните мне жизнь. А если еще позволю, тогда-с уж...

— Ладно, — одобрил Малюта. — Рад слышать. — Помог подняться, развязал руки. — Работа такая... Пойдешь в камеру. И станешь там жить. Харч, разумеется, слабый, но тебя будут подкармливать. А ты взамен постарайся обо всех доносить, характеризовать каждого арестованного. Это уже с завтрашнего дня, когда поступят новые. Причин для неудачи не может быть. Ты избит, пострадал, так сказать, от ненавистных белых казаков, потому, мол, что восхищаешься красными. Правильно ли ты меня понимаешь?

— Будет-с сделано-с, Афон Данилович, лучше некуда. Сумею-с продать товар, как бывало в магазине купца Чернявского-с...

— За усердие получишь свободу, за провал — расстрел!

Вызвав старшего надзирателя, велел до отвала накормить Криволапова и водворить в камеру. Потом достал из ящика стола список арестованных. Отпил из полуштофа.

Против фамилии Маклакова поставил букву «о», что означало «освободить». Маклаков этого заслужил. Конечно, он сдал казармы не преднамеренно, по халатности. Но все же сдал! Когда

его, пленного краскома, привели на допрос, он сразу же оказался покладистым, рассказал о средствах и способах обороны города, согласился доносить о поведении заключенных в камере. И с тех пор исправно давал исчерпывающие характеристики, таким образом Малюта знал каждого арестанта. Однако в последнее время работоспособность Маклакова снизилась. Естественно: засиделся.

«Освободить! — твердо решил Малюта. — Его место займет Криволапов».

Очередная в списке фамилия Добров-младший. Что он сын Дмитрия Доброва, было известно от того же Маклакова. Для следствия мальчишка больше не требовался, сам того не подозревая, он достаточно сказал о своей сестре.

Да, теперь совершенно ясно, что в приемной Бичерахова обожновалась красная разведчица. Когда Гурия заикнулась об этом, Малюта крикнул на нее: «Как смеешь брехать, стерва! Доказательства?» Иначе и не может быть. Позволительно без всяких околичностей повесить на любой ветке первого схваченного голодранца... Но чтобы сказать слово против фаворитки Самого... Штабной офицерши... Прапорщика в юбке... Тут нужны достаточные основания.

Основания эти, проникнув на Щебелиновку, Гурия собрала полностью. Светловолосая, с ямочками на щеках, Наталья Доброва, как выляпали ненароком соседи, действительно исчезла из Грозного незадолго до войны. У Добровой действительно было домашнее платье с синими и желтыми цветочками по сиреневому полю. Отец ее Дмитрий Добров — известный революционер-большевик, мать — старшина сандружины. А Добров-младший полчаса назад подтвердил приметы сестры, ее профессию машинистки, исчезновение ее из Грозного.

Оставалось сегодня же сообщить Бичерахову — приютившаяся у него под боком шпионка будет обезврежена.

Что делать с Добровым-младшим? То же, что и с его отцом. Малюта поставил против них смертельный знак — букву «Р», означающую расстрел. Против фамилии Василия Ионыча Ершевского — тоже. И против фамилий остальных арестованных, содержащихся в этой камере, — тоже смертные знаки: по характеристикам Маклакова, все там либо заядлые большевики, либо им сочувствующие.

Спрятав список, откинулся на спинку стула, прикинул в уме, что сделать сегодня-завтра, самое неотложное.

Сегодня же, не мешкая ни часу, слать Гурию в Грозный. Не на день-два, а надолго. И не связной, а резидентом. Кроме нее пока некого, она — самая подходящая сейчас фигура. Грозненская военная комендатура почти полностью разгромила в городе агенту-

ру, но жалкие остатки сохранились. Разыскать уцелевших людей способна только Гурия. Она многим разносила деньги, развозила оружие, знает адреса и в лицо. Сумеет до подыскания другой кандидатуры резидента. За деньги она все сумеет! Да и смыслит достаточно в этом деле, поднатаскалась!

Правда, мечтал когда-то Малюта издевательски уничтожить ее ради собственного удовольствия. Но нет, она оказалась расторопной и смекалистой, не одно задание, порой чрезвычайно трудное и опасное, выполнила. И ни разу не попалась! Много принесла пользы.

Второе. Сегодня же расстрелять всю камеру, где содержатся большевики и им сочувствующие, вольные и невольные их пособники, оставив, разумеется, для надобности Криволапова и заслуженно выпустив Маклакова. Расстрелять, конечно, без суда. Это только в начале войны существовали упрощенные военно-полевые суды. Они давно распались. Не до них!

Третье. Завтра произвести новые аресты. Взять павлодольского казака Корнея Терскова, вестового при сотенном командире на левом фланге. И объединившихся вокруг Терскова многих других, недовольных войной болтунов и подстрекателей. Тянуть дальше нельзя, слишком распоясались, так и сыплются на эту компанию секретные донесения. И спускать нельзя! Обстановка на фронте тяжелая, большевики наглеют, казаки развинчиваются, выходят из повиновения. Замечено даже кое-где на окраинных участках фронта якшание станичников с красными. И уже был случай — перешла на ту сторону большая группа станичников. Поэтому — жестокие карательные меры!

Устало зевнув, допил из полуштофа и пошел ужинать.

3

Из записей А. З. Дьякова

Стоим под Самашкинской. Она оказалась крепким орехом, так просто не разгрызешь. Нужны силы. Эти силы растут. Г. К. Орджоникидзе все время оказывает нам помощь. Прислал осетинский Заманкульский отряд численностью 120 человек, две сотни чеченских бойцов Асланбека Шерипова, ингушский революционный отряд под командованием Юсупа Алмазова.

Хотя наша армия и не продвигается вперед, все равно приносит пользу. Видя, что мы концентрируем здесь войска, бичераховцы в свою очередь неустанно укрепляют оборону Самашкинской, отвлекая тем самым свои силы от Грозного. Таким образом, бичераховский фронт под Грозным слабеет.

Лишь три станицы отделяют нас от Грозного: Самашкинская,

Романовская и Ермоловская. Дрянное положение Бичерахова хорошо понимают жители сунженских станиц. Поэтому авторитет Советской власти растет. Теперь на Сунже много людей, сочувствующих нашей борьбе, готовых помочь нам в любую минуту. Таких население называет большевиками.

И вот недавно на заседании военно-революционного совета завязался разговор о роли наших большевиков в армии и станицах, о создании большевистской партийной организации.

Мы написали письмо Г. К. Орджоникидзе с просьбой прислать члена партии с организаторским опытом для политической работы на Сунже. Серго с присущей ему прямоотой ответил: «Сейчас каждый член партии на счету, выполняет ответственное политическое задание. Никого на Сунжу не пошлем, вы сами сумеете справиться, как справлялись до сих пор».

Тогда на заседании военревсовета мы решили организовать ячейки большевиков в каждом отряде и в каждой станице, возложить на них агитмассовую работу. В ячейках избраны председатели. Председателем всей партийной организации на Сунже избрали меня.

Многое изменилось с тех пор, как наша малочисленная группа впервые ступила на землю станицы Карабулакской. Теперь мы имеем партийную организацию, прямую железнодорожную и телеграфную связь с Владикавказом, наладили регулярный обмен оперативными сводками с Н. Ф. Гикало, пользуемся у населения уважением и поддержкой.

4

Надзиратель, открыв тяжелую, в железе, дверь, толкнул Тимку в вонь камеры. Он пробирался в свой угол по распаренным телам, скрючившись. Все тело кричало болью побоев, сдерживая слезы, кряхтел, как дед. Теперь-то понял: притворялся добрым Афон Данилович, в самом деле — злее самого злого зверя.

В проеме над дверью, за мутным стеклом фонаря тлела крохотным огоньком свечка. Тимка тщательно вытер слезы рукавом. Не хотел расстраивать отца. Но тот все понял. Обнял, прильнул к его щеке своей небритой, колючей, но такой родной и ласковой.

— Били?

Не удержавшись, Тимка расплакался. Отец легонько вытер Тимкины слезы.

— Что выводывали?

Тимка рассказал, что Малюта интересовался Наташей. Отец тяжело вздохнул:

— Значит, нащупали. Не пощадят, сволочи! — Прильнул губа-

ми к Тимкиному уху. — Собираемся бежать, сынок. Настанет пора, толкну в бок. Спасайся сам, на меня не смотри, соображай, как лучше. Очутись на воле. — старайся удрать в степь. О пуле и смерти не думай. О жизни думай, тогда спасешься. Понял, сынок? А сейчас отдохни, наберись сил.

Тимка лег, закрыл глаза. Камера молчала. Только Ионыч стоял и надрывно кашлял. Ой, как хотелось Тимке домой... И чтобы дома были и мамка, и папка, и Наташа... Тянуло к кривой, но такой родной щбелиновской улице... К ребятам! Не выдержав, опять всхлипнул, но, почувствовав на голове ласковую руку отца, успокоился: «Может, убегу!»

Распахнулась дверь. Тимка приоткрыл один глаз. В камеру втокнули новичка: небритого, слюнявого, с гнойными глазами. Того самого, что привели к Малюте казаки. Никто не затронул его, кроме Маклакова. На расспросы Маклакова новичок отвечал, что его избили подлые белогвардейцы за симпанию к большевикам. Тимке показалось, будто он слышал этот голос.

Отец перешептывался с Ионычем.

— Куда мне такому?.. — немощно шептал в ответ. — Дохлятина я, буду только путаться под ногами. Нет, нет, прощай Дмитрий, желаю удачи...

Отец печально вздохнул. Тимка хорошо понимал его состояние: горько оставлять друга.

За мутным стеклом фонаря медленно уменьшалась свечка. Коптящий огонек тянулся вверх черной нитью. По обшарпанным стенам двигались точки клопов. Но вот открылась кормушка, надзиратель крикнул:

— Чья очередь? Выноси парашу!

— Наша очередь, — ответили двое.

— Василий! — настойчиво шепнул Ионычу Добров-старший.

— Нет, нет... — слабо ответил тот.

Двое подошли к параше. Надзиратель, щелкнув ключом, открыл дверь. За его спиной — два стражника с винтовками. Отец толкнул Тимку в бок. Все произошло быстро и неожиданно. Кто-то размахнулся крышкой параша. Кто-то в то же время, шагнув, ткнул растопыренными пальцами надзирателю в глаза. От удара крышки звякнуло в фонаре стекло, погасла свеча. У стражников вырвали винтовки, свалили ударами прикладов. Камера бежала по полутемному, с коптящей свечой, подвальному ходу, поднималась по ступенькам. Впереди — заключенные с отобранными винтовками. Часовых в коридоре, не дав им опомниться, пристрелили, забрали оружие. Все вывалились во двор. Завладевшие оружием открыли огонь по охране. Зачастили выстрелы охранников. Падали убитые.

Тимка, очутившись во дворе, потерял в сутолоке отца. Арестан-

ты разбегались во все стороны, мелькали тени людей. Одни прыгали на кирпичный забор, другие карабкались на ворота, третьи ошалело спешили к флигелю в глубине двора. С улицы, в калитку, уже спешили один за другим поднятые по тревоге караульные. Ночь раскалывалась от непрерывной стрельбы.

Тимка метнулся туда-сюда, прижался к земле и пополз вдоль забора, вливаясь в черноту ростков дикой конопли. Он при вспышках пожара и скудном свете звезд различал, как, поймав за ноги, караульные стаскивали кого-то с забора. Кого-то схватив в темном углу, вели обратно в подвал. Кого-то, екая, били. Обессилевших тянули за ноги волоком. Валялись с запрокинутыми головами трупы. Не умолкая, трещали выстрелы.

Погасла очередная вспышка новопромысловского пожара, и Тимка, подпрыгнув, ухватился за край забора. В это время под напором беглецов крикнули, распахнулись ворота. Люди кучей устремились на улицу. Тимка беспомощно повис на пальцах, напрягал слабые силенки, но подтянуться не мог. И вдруг почувствовал: его подталкивают снизу. Перекинул через забор ногу. Заметил бежавшего от забора к распахнутым воротам отца, догадался, что это он подтолкнул его, Тимку.

Тут в Тимку выстрелили, не чуя боли, он свалился с забора.

5

Поживнав, Малюта сходил в кладовую, принес мешок, наполненный менее чем наполовину, сказал Гурии:

— Это деньги. Больше до нашей победы взять негде. Отдаю тебе все. Немедленно собирайся в город. Пойдешь опять в обход Новых промыслов, вполне надежно. В Грозном подыщешь квартиру — тихий закуток, будешь жить скромно, незаметно...

Гурия в дорогом халате сидела на табуретке, поигрывала ногой в бархатной тапочке. Струился запах духов. Малюта рассказал, что и каким методом надо делать.

— Чтобы город, — постучал кулаком по столу, — не знал покоя от паники, диверсий и террора! Сделаешь, если захочешь. Иначе!.. Ты меня знаешь: голова, так сказать, с плеч! Деньги эти хоть себе возьми, хоть раздай людям — дело твое. Победа близка, старалась хорошо, постарайся еще, правительство этого не забудет.

Лучшего настроения, чем сейчас, у Гурии никогда не было. Она обняла Малюту, поцеловала. Он оттолкнул ее.

— Первое донесение жду через неделю.

Ответила ласково, покорно:

— Если надо, Афончик, буду собираться. — И сбросила халат.

Во дворе треснул выстрел. Малюта резко повернулся на звук. Треснул второй, третий... В ставню забарабанили:

— Побег, ваше благородие!

Но Малюта уже выбежал за дверь.

Стрельба Гурию не испугала. Теперь она была не робкой, как в первые встречи с Малютой. Пообтерлась среди опасностей. А побег арестантов обрадовал еще больше. Сейчас Малюте не до нее, проконтролировать, куда она пойдет, не сможет.

Конечно же, пойдет не в Грозный! Что она — дура: быть каким-то резидентом, заставлять кого-то там работать? Время не то. Не верят уже казаки в победу, вот-вот побегут от Грозного. И чтобы при таком положении связывать себя с Малютой еще? Хватит! Пора уходить. Сейчас самый удобный момент, другого такого не представится.

За окном, не умолкая, хлопали выстрелы. Крики и стоны. Гурия натянула старую одежду, обулась в грубые башмаки. Мешок с деньгами перевязала веревочкой.

Вот и подошла к концу отчаянная игра с Малютой в чет-нечет. Ес чет! Выполнила замысел, что возник в первые дни знакомства с Хозяином. Обчистила его, как апельсинчик от кожуры! Нелегко досталось. Много издевательств натерпелась. Все снесла. Хватило терпения. Даже противную и страшную лысину с чертом, всегда потную и скользкую, целовала. И добилась: Малюта доверял все, даже деньги. Вручал крупные суммы для передачи агентам. Отдавала меньше половины. Проверить невозможно: кто, кроме нес, знал дорогу к Малюте?

Обвела вокруг пальца всех. И красных — тоже, ни разу ведь им не попалась. А денежки припрятала в надежном месте. Скопила три полных мешка, плюс вот эти, что сейчас дал Малюта. Может быть, всего — миллион? Подумать только, такая-сякая, этакая-переэтакая, уличная девка, а миллионщица! Плевать теперь она хотела на всех!

Выстрелы редели. Наконец утихли. Во дворе кончилась суета. Подул ветер, залопотала за окном листва. Гурия выпила стакан самогона, закусила котлетой. Закинула мешок за спину, погасила лампу.

— Адью, Афончик, — помахала комнате рукой. — Оставайся пустой, как выпитая бутылка, сдохнуть бы тебе, собаке. Надеюсь, завалишь щбелиновскую красотку, что так ловко устроилась при Бичерахове. Станем считать, я отомстила ей сполна!

Хлопнув дверью, вышла. Противный ветер задувал с севера, гнал плотные облака на всходящую луну. Погода помогала Гурии. Стражники подбирали трупы, кидали в бричку, как дрова. Часовой у калитки загородил выход. Нахально оттолкнула плечом:

— В сторону! Не видишь, супруга Афон Данилыча!

Посторонился. Когда вышла на улицу, облака, закрыв луну, просеяли крупные капли дождя.

6

Добров-старший, вывалив с толпой в тюремный двор, решил добыть оружие. Рассмотрев маленького, неповоротливого охранника, напал сзади, вцепился в винтовку. Но прибежали поднятые по тревоге караульные. Сильный, голенастый налетел на Доброва, дал подножку, свалил. Добров лежа ударил голенастого ногой в пах, воспользовался замешательством, отскочил в сторону.

Поняв, что оружия не достать, покарабкался на кирпичный забор, удержался на нем животом, но какой-то караульный потащил за ногу. Добров прыгнул на него сверху, ударил кулаком в глаз. Караульный отступил, а Добров быстро пополз вдоль забора, прячась в скудных зарослях конопли. Неожиданно заметил Тимку, беспомощно повисшего на заборе. В это время с треском распахнулись ворота. Подтолкнул сына и кинулся к воротам. В них уже устремились беглецы.

Но тут подвернулся стражник, наставил на Доброва винтовку. Ствол другой винтовки почувствовал на спине. Два дюжих стражника, пыхтя, повалили Доброва, избili. Схватили за ноги и волоком потащили ввѣрх по ступенькам крыльца. Голова билась о каменные углы. Мельком заметил: бичераховцы загоняют с улицы обратно во двор группу не сумевших бежать арестантов. Доброва протащили по коридору, спустили в подвал и шмякнули о цементный пол камеры.

7

Двадцать шесть всадников скакали на горячих конях, пересекая холмы, перелески и степь между реками Аргун и Терек. Кромешная тьма поглощала всадников вместе с конями, бурками, башлыками и лохматыми папахами.

Двадцать — чеченцы, мусульмане, верные мюриды шейха Али Митаева, преданные ему до последнего вздоха. Шесть — православные казаки, один из которых Георгий Бичерахов.

Мюриды, выполняя веление своего земного божества, шейха Али, поспешно увозили терского правителя подальше от греха, прикрывая Самого и даже его охрану собственными телами. Этого требовал адат гостеприимства: гость должен удалиться целым, невредимым.

Когда проскакали от аула Автуры верст двадцать и опасность миновала, всадники сдержали коней, поехали шагом.

Глухая ночь просторно шумела ветром, наслаивалась толстыми облаками, дышала холодом.

Еще верст через тридцать явился в блеске утренней зари чешуйчатый, весь в пене Терек, вылез из перелеска черный от старости дубовый мост. Бичерахов попросил остановиться. Там, за мостом, за беспокойным Тереком, начиналась казачья земля, совсем близко — станица Шелковская. Неприличествовало православному казаку, да еще и правителю казачества, ехать по христианской земле в окружении презираемых станичниками бусурман. К тому же за мостом должна состояться встреча с оставленными в Автурах автомобилями. Мюриды спешили. Сошли с коней Бичерахов и его охрана.

Мюриды терпеливо подождали, пока Бичерахов со стражей, кутаясь в бурки, перейдут мост и ступят на свою землю. Только тогда ответственность за гостей отпала, мюриды поскакали обратно, уводя с собой и коней, что были любезно предоставлены казакам.

Автомобили за мостом пока не появились. Георгий Федорович потихоньку пошел вперед. Следом неотступно шагали с винтовками наизготовке пять верных стражей.

Бичерахов мерз. Не то от ветра, что летел сквозняком над дорогой в прорези дубового леса и пробирался под бурку, не то от пережитого волнения. Оказаться под угрозой похищения, а возможно, быть и убитым — дело не настолько обыденное, чтобы оставаться спокойным.

Шли полчаса, настороженно оглядываясь по сторонам, Бичерахов сжимал под буркой рукоять маузера. Могучие дубы сбрасывали последние листья, швыряли на землю в медные шуршащие кучи. Подоженные восходящим солнцем облака неслись над лесом багровыми стаями.

Лес оборвался, открылась песчаная степь, желтая и холмистая, без единого деревца. Начиналась унылая прикаспийская полупустыня, именуемая казаками «буруны». Справа в серой песчаной пыли топула островерхая церквушка станицы Шелковской, слева, вдаль, убегала тонкими спичками линия телеграфных столбов. Там тянулись нити железной дороги.

Бичерахову не хотелось появляться в станице, чтобы его вдруг увидели в таком незавидном положении, не желал он встречаться с атаманом и говорить о служебных делах. Поскорее бы домой, броситься к постели и, ни о чем не думая, заснуть.

Присел на песчаный холмик. Охранники расположились в сторонке. Ветер вихрил песок, бросал в лицо. Песок лез в рот и глаза, хрустел на зубах, натирал веки. Солнце, поднявшись, скакало в

ухабах облаков, затянутых песчаной пылью. Бледное, как дневная луна, оно не грело, скорее, холодило.

Наконец, прошуршав шинами, остановились автомобили. Бичерахов устало повалился на сиденье рядом с шофером. Двое охранников сели позади, трое — во вторую машину. Бичерахов велел, не останавливаясь в станицах, ехать до самого Моздока.

8

Тимка свалился по ту сторону тюремного двора. Пуля пролетела мимо, зацепив верхушку забора, отбила кусок кирпича. Крапива обожгла ноги, но чувствовал он это смутно. В голове было единственное: бежать!

И он бежал. По темному заброшенному саду. Путался в траве, в каких-то кустах. Перепрыгнул через плетень. Упал в канаву. Выкарабкался. Снова бежал.

Непонятный зеленый свет всплыл впереди, разливался морем. Под ногами шелестела вялая трава. Свежий ветер пахнул в лицо, осушил пот, принес запах сырости. От быстрого бега не хватало воздуха. Споткнулся о жесткий шар курая, ударился о землю. Задышавшись от бессилия, не мог подняться.

Все еще слышались отдаленные выстрелы. Зеленый свет превратился в оранжевый. Стало виднее. По выгону неслись подгоняемые ветром шары курая. Из оранжевого света вылупилась большая луна, начала подниматься навстречу подползавшей туче. Туча поедала звезды, вскоре проглотила и луну. Надвинулся мрак. Упали капли дождя.

Короткий отдых дал силы. Снова бежал, сам не зная куда. Только бы подальше от страшной белогвардейской станицы! Ветер подгонял Тимку, казалось, он летел на крыльях.

Неожиданно врезался во что-то шершавое, щетинистое, от чего пахло прелью. Скорее, на ощупь, чем глазами, определил, что перед ним полусгнившее сено. Не задумываясь, полез в его удушливые, шелестящие объятия.

Рыл нору, кашлял и лез, лез, все глубже закапывался в скирду.

9

Разогретая самогоном Гурия шагала весело, мурлыкала песенку. Вокруг чернел ночной выгон, продувался ветром, шелестел повлажневшей травой. Иногда срывался крупный дождь.

Гурия знала, куда идет. К трухлявым скирдам. Там у нее перевалочный пункт и денежное хранилище. Там скоротает остаток

ночи, пересидит день, а следующей ночью доберется в станицу Червленную, к родной маменьке. И заживет потом припеваючи миллионщица Гурия Канотье.

Гуляли, правда, слухи, дескать, пятирублевки фальшивые... Не верила: красивые, небось распускают слухи...

Весело шагала, мурлыкала песенку. Нет надежнее укрытия, где сохранялись денежки. Не только люди, скот обходил подальше то страшное место. Там в широкой глинистой яме заброшенного карьера, что зияла рядом со скирдами, чинил Малюта ночами расстрелы. Тела казненных Малюта закапывать не считал нужным. Говорили, его упрекнул в этом Поморцев: дескать, надо прятать следы казни. На что Малюта, зло сверкнув глазами, якобы ответил: «А я никого не боюсь, пускай их трупы пожирают собаки». Даже Поморцева не послушал. Из карьера тянуло трупным запахом, рычали ожиревшие от человечины псы. Кто подумает, что рядом с этим ужасом, в каких-то прелых скирдах может таиться миллионное богатство?

Потому похаживала туда осторожно, припрятывала краденные у Малюты денежки. Скопила полный мешок, закопала в уложенной сеном яме. Скопила второй, тоже зарыла. Так и третий. И лопату вблизи хранила, чтобы в любой момент откопать. И нору заранее в скирде приготовила, где спрячется на время сама. Иначе нельзя. Сегодня до Червленной уже не доберешься, а днем — опасно. Следующей ночи — с вечера до утра — хватит. И харчишки в норе припасены, и самогончик для подкрепления сил.

Представила, как приедет в одну прекрасную ночь на подводе с родной маменькой, откопает, отвезет домой миллионное состояние...

Но песенка что-то уже не мурлыкалась. И невесело становилось на душе. Вдруг действительно денежки фальшивые? Нет, нет, не надо об этом думать, не надо!

Однако поганые мысли о фальшивках все нахальнее лезли в голову. А тут еще ветер расшвырял тучи. Не накрапывал больше дождь, обнажилась луна, засияла ярко, как большая лампа. Стало видно все вокруг, даже дальние шары курая, что катились через степь, подгоняемые ветром. Четко рисовались впереди скирды.

Послышался топот коней. Оглянулась. Хорошо различались сплуты скачущих всадников. Конечно же, это рыщет поисковый разъезд, высматривая беглых арестантов. Торопясь, плюхнулась в траву, прильнула к мешку с деньгами. Может, пронесет?

Не пронесло. Издали заметил одиноко маячившую под луной человеческую фигуру скакавший впереди разъезда Малюта. Сильнее погнал коня.

— Поднимайся! — Малюта прыгнул с коня, пнул носком неподвижного человека.

Два казака тут как тут. Схватили под мышки, поставили перед Малютой.

— А... Это вот кто?! — неподдельно удивился Малюта. — Каким образом?

— Иду куда пос-слал... — голос дрогнул, Гурия заикнулась.

— В обход Новых промыслов? Это не здесь!

— Я думала... Я х-хотела... Здесь надежнее...

— При всех обстоятельствах дороги на Грозный тут нет. Извольте играть в прятки, госпожа Канотье? — Малюта вынул наган. — Я предупреждал, прощения не будет!

Глаза в темных ямах смотрели с милового лица Гурии дико и страшно. Они не видели Малюту. Сознание близкой смерти парализовало, лишило чувств. Подкосились ноги. Повисла на руках казаков.

— Надо бы с тобой позабавиться, люблю развлечения такого рода, да времени, жаль, нет. Отойдите! — приказал казакам.

Казаки отошли. Она рухнула на землю. Малюта выстрелил не целясь. Сел на коня. Поисковый разъезд поскакал в лунную степь.

Гурия сразу не умерла. Долго хрипела, сохраняя остатки жизни. И все пыталась ту же обнять мешок с пятирублевками.

10

В камере было темно. Добров ощутил под собой приятный холод цементного пола. Из виска сочилась кровь, наслаивалась у глаза. Давила боль и обида. Хлопала дверь, стражники швыряли в камеру пойманных беглецов.

Отлежавшись, пополз в свой угол. Ионыч на ощупь вытер Доброву кровь. Надзиратель вставил в разбитый фонарь зажженную свечу. Из кормушки смотрело в камеру тупое рыло пулемета. Теперь здесь было просторно. Разбросалось на полу в разных позах человек пятнадцать. Значит, многим удалось бежать. Кое-кто, конечно, погиб. Добров подумал о сыне: спасся ли?

В уголке шептались Маклаков и слюнявый новичок. По их виду не трудно было определить: в побеге они не участвовали. Доброву казалось, что где-то встречал этого слюнявого, но вспомнить не мог, сильно болела голова.

— Сволочи, — сказал им Добров. — Подлецы!

— Молчать! — крикнул из-за пулемета в кормушку надзиратель. — Ежели еще одно слово — застрелю!

— Не все ли равно когда? — огрызнулся Добров.

— Не надоть, Дмитрий, не тронь это дерьмо, — попросил Ионыч.

Добров замолчал. Ни о чем не хотелось ему сейчас думать. Но разве остановишь мысли? Сами по себе лезли они в голову, вызвали тоску. Жива ли еще Наташа или уже погубили? Жив ли Тимка? А Глаша?.. Чтобы не думать, не терзать себя страданиями, встал. Чувствуя слабость, прошелся по камере. Надзиратель крикнул:

— Ходить не дозволено!

— Что? — не понял Добров.

— Садись, говорю, без движений!

— Пошел ты к...

— Дан приказ, за неподчинение одного расстреливать всех вподряд! — надзиратель щелкнул замком пулемета.

Слюнявый новичок вскрикнул. Маклаков попятился. Камера зашевелилась. Добров сел.

— Вот так, — усмехнулся надзиратель и постучал пальцем по щитку пулемета. — То вам не шутка!

— Бесстрашный ты, Дмитрий, такой же, как я, — сказал Ионыч. — Тебе беспрерывно жить надо, ты с ними еще повоюешь. А я что? Я теперь дохлятина, куси ево мать, мне умирать — один выход...

Застонал, закашлялся и смолк. Добров угрюмо смотрел на Ионыча: о какой жизни он говорит? Маклакова, возможно, и слюнявого новичка пощадят за то, что они не пытались бежать...

Неожиданно пулемет убрали. Кормушку закрыли. За камерой слышалась суета: шаркали сапоги, приглушенно звучали голоса. Потом загремели ключи и открылась дверь. На пороге в окружении стражников появился Малюта. На восковых щеках играли желваки:

— Выходить! Всем выходить! И вам, господа Маклаков и Криволапов!

Не трудно было догадаться, для чего выходить.

— Нам? — в один голос заскулили Маклаков с Криволаповым.

— Да, да, и вам! — брезгливо подтвердил Малюта. — Проплопали побег? — Повернул лицо к остальным: — Господа большевики, вот эти двое предавали вас: можете душить обоих, возражать не стану.

— Маклакова мы раскусили, — ответил Добров. — И слюнявого поняли бы, не сомневайся. Если уж душить, так вместе с тобой!

— А... Добров! — ухмыльнулся Малюта. — Рад тебя видеть... Выходить по одному!

«Вот и конец!» — судорожный холодок пробежал по спине Доброва. Он помог встать Ионычу. Выпуская из камеры, обыскивали. После каждого плотно притворяли дверь. Доброва и Ионыча

разъединили. В коридоре арестантов встречали стражники, подняв над головой фонари, выгоняли под штыками во двор.

Ночь была предутренняя, мгlistая. Маячили силуэты всадников, храпели кони. Добров, рассмотрев Ионыча, слепого от опухолей под глазами, беспомощного, потянулся к нему, взял под руку. Всадник, надвигая коня, стеганул Доброва плетью. Из дома вышел Малюта, остановился на верхней ступеньке крыльца, сказал металлическим голосом:

— Разберись по трое в затылок.

Распахнулись ворота. Стражники, пропуская сквозь строй, выталкивали смертников на улицу. Растянули их шеренгами и погнали. Впереди на коне дородный вахмистр, похожий на моржа; по бокам вплотную друг к другу конвоиры на лошадях, с винтовками и фонарями; сзади впряженная в тройку тачанка с тремя казаками, Малютой и пулеметом.

Добров шагал тяжело, поддерживая едва тащившегося Ионыча. Когда вышли за станицу, начало рассветать. Под ногами зашестела, брызгая росой, трава. То ли от холода, то ли от мысли, что жить осталось считанные минуты, у Доброва вновь пробежала по телу ледяная дрожь.

Вдали возникли скирды, постепенно приблизились. Неподалеку от них зияла затянутая голубой мглой утра яма. Пологий спуск. Ноги вязли во влажной от росы глине. Рыча, кинулся в сторону грязный пес. Догадался Добров, что здесь место расстрела. Горько вздохнув, прижался к Ионычу.

— Тебе беспрерывно жить надо, Митя, — бормотал Ионыч. — Я попытаюсь...

Тачанка у спуска в яму развернулась. С подножки спрыгнул Малюта. Конвойные всадники, потушив фонари, выстроились вокруг ямы. Вахмистр, спешившись, поглаживая свои моржовые усы, ходил, выравнивая извилистый ряд смертников.

— Гадюка белопогонная! — сказал ему Добров.

Вахмистр молча огрел Доброва плетью. Спустился в яму Малюта, издевательски пошутил:

— Здесь вам будет и социализм и коммунизм, господа большевики. — Глянул на часы, кивнул вахмистру: — Поторапливайся!

Неожиданно на краю шеренги душераздирающе завопил Криволапов:

— Афон Данилович, пощадите!

Всхлипывая, как обиженный ребенок, заплакал Маклаков. Малюта равнодушно отошел в сторону. Двое казаков в тачанке залегли у пулемета. Вахмистр поднял руку.

— Простимся, Вася, — Добров нащупал его ладонь.

— Прощевай, Митя...

Маклаков с Криволаповым надрывно плакали. Остальные мол-

чали, кто гордо подняв голову, кто печально опустив. И вдруг в душе Доброва могуче возникла мелодия великого гимна, известного пролетариям всех стран.

— Коммунисты, запевай!

Высокий напряженный голос Доброва зазвучал уверенно и ликующе:

Вставай, проклятем заклейменный...

«Интернационал» подхватили. Тот, кто опустил было голову, теперь поднял ее. Торжественно-громкое пение заглушило тоскливое всхлипывание Маклакова и Криволапова.

Весь мир голодных и рабов!..

— Вахмистр! — раздраженно крикнул Малюта.

— Пли! — поспешно выдохнул вахмистр и резко опустил руку.

Глухо застучал пулемет.

11

Парламентеры старательно выбрились, начистили сапоги. Туго подтянулись ремнями. И явились перед Гикало в образцовом виде: командующий Правым фронтом Маслов, представители остальных фронтов.

Гикало выстроил парламентеров на плацу у казарм. Поправив очки, придирчиво осмотрел каждого. Сказал:

— Черт ее знает, что толкнуло контру на переговоры... Или одумалась, решила прекратить бойню, или желает прощупать нашего брата, как мы себя чувствуем. Словом, переговоры предложены, и мы их приняли. Нам тоже не плохо знать, чем дышит контра. Хотя положение у нас неважное, военревсовет решил ни на какие уступки не идти. Остаются в силе прежние требования: полное разоружение, роспуск казаков по домам и прочее. Держитесь так, будто нам чихать на всяких Лазарей и англичан. Шансы у бичераховцев, несомненно, есть, но и переход большой группы казаков на нашу сторону тоже кое-что значит. Старшим назначается Маслов. Вопросы есть?

Вопросов не было. Гикало глянул на часы:

— Пора, товарищи. Буду ждать возвращения.

Над казармами взвился белый флаг. Появилось белое полотнище над стогами сена, что возвышались на пустыре против казарм. Полотнище подняли станичники. В одиннадцать часов пятьдесят пять минут со стороны казарм показались парламентеры красных.

Шесть человек двумя строгими шеренгами пересекали пустырь. Впереди — Маслов, в руке — белый флажок.

Человек в дымчатой черкеске с золотыми погонами отделился от группы офицеров, что сгруппировались у стога, пошел с белым флажком навстречу.

Окопы станичников различались за стогами, в конце пустыря. Из них высунули головы любопытные. А некоторые, покинув окопы, пошли к стогам, месту переговоров.

Кое-кто из городских парламентариев узнал офицера в дымчатой черкеске. Это был хорунжий Фальчиков. Подойдя, он небрежно козырнул.

Над пустырем в мрачном холодном небе плелись черными кружевами облака. Ниже лениво шевелился новопромысловский дым. Где-то у вокзала отчетливо хлопали выстрелы.

Круглый стол был покрыт синей бархатной скатертью. Рядом стояли офицеры в парадных мундирах. Сверкали ордена и медали, погоны и кокарды, пуговицы, сапоги и белые перчатки. На шаг-полтора впереди — однорукий Поморцев.

Вблизи стола городские остановились, в упор глянули на офицеров. Молча ждали, что те скажут: «Вы, мол, нас приглашали, вы и начинайте». Поморцев потянул золоченую цепочку, вынул из прорези нагрудного кармана тонкие, как пластинка, швейцарские часы. С музыкальным звоном открылась крышка.

— Похвально! — слегка ухмыльнулся. — Прибыли точно в срок... — И показал зеркально-изумрудный циферблат.

Стрелки сошлись на цифре двенадцать. Маслов слегка кивнул. Офицеры смотрели на красных с гордым любопытством. В стороне робко жались друг к другу, перешептывались вылезшие из окопов рядовые: грязные черкески, измятые бешметы, задубленные, немые лица. Смертельную усталость измотанных в боях людей выдавал их вид. Не чета сытым, прифранченным офицерам.

— Ну-с, приступим к делу, — спрятал часы в карман Поморцев. — Не желаете ли с нами мириться, господа большевики?..

— Отчего не помириться? — уставил на Поморцева синие глаза Маслов.

— В таком случае приступайте к сдаче оружия. Чем скорее, тем лучше!

— Слушайте, полковник, — Маслов укоряюще покачал головой. — Вы же серьезный человек...

— Опомнитесь, пока не поздно, пощадите свои семьи. Возьмем город силой, милости не ждите...

Не стерпел, откликнулся хмурый шебелиновский боец:

— Знаем ваши способности, господа: вешать и насиловать вы горазды!

Поморцев поджал розовые губы. Маслов подал сигнал щебели-повцу помолчать. Сказал Поморцеву:

— Короче, наши условия прежние: вы сдаете нам оружие, выпускаете по домам казаков, полностью подчиняетесь терскому Совнаркому.

Поморцев заметно побледнел, в рукаве дрогнула культи.

— Ну, знаете ли!..

Засопел, раздул пучки волос в ноздрах Халеев. Нервно сжал в белой перчатке кулак Фальчиков:

— Не забываетесь, господин краском!

Поморцев поднялся на носки, резко опустил на каблуки:

— Что еще скажете?

— Все! — отчеканил Маслов.

— Прискорбно, конечно, — Поморцев скривил губы, — что не договорились. Убеждать в наши функции не входит.

— Прощайте, господа, — Маслов легонько махнул рукой. — Победа будет наша!

Представители города, выставив белый флажок, с достоинством пошлагали через пустырь. Множество любопытных казаков глядели из окопов. Едва красные скрылись за казармами — из станичных окопов посыпались выстрелы. Горожане на выстрелы не ответили.

Военком Сафонов спускал с мачты белый флаг. Увидев парламентаров, побежал навстречу. Гикало почему-то не было. Такого веселого, помолодевшего Сафонова еще не видели.

— Товарищи! — взволнованно крикнул он. — Получена шифровка от Орджоникидзе. Из Астрахани, понимаешь, в район Кизляра перебрасываются Кировым части Двенадцатой Красной Армии. Первый десант с каспийских судов уже высадился между Брянской пристанью и Черным рынком. Селение Черный рынок занято. Красноармейцы с боем продвигаются к Кизляру. Оттуда их путь к Грозному. Это — ленинская помощь, товарищи, это — верная победа!

Маслов и остальные стояли в радостном изумлении. Затем ки-нулись обниматься.

— Пришел конец гадам!

Несколько успокоившись, Сафонов попросил Маслова доложить результаты переговоров.

Маслов доложил.

— Ну и плевать на них, так-перетак! — сплюнул Сафонов. — Гикало срочно собирает военревсовет. Дадим бичераховцам крупный бой!

Малюта отпустил конвойных и, сутулый, подавленный, побрел в свое жилье.

За окном — мутное небо, так же вот мутно в голове. Не укладывалось в ней, как мог случиться побег при стольких часовых, надзирателях, при агентах в камере... Подмарал, сильно подмарал свой авторитет перед Бичераховым. Помнится, обещал тот не последнюю должность в правительстве. Теперь перерешит.

Тем более поймано беглецов не так уж много, каких-то полтора десятка. Правда, немало убитых. Но и ушло значительно больше половины. И что он, Малюта, в какой-то степени виноват в побеге, тоже верно. Не все продумал, когда приспособливал для содержания арестантов ветеринарный пункт. Надо было и забор, и ворота опутать колючей проволокой. Не сделано. Решил: сегодня же сделать!

В дверь постучали. Вошел адъютант полковника Поморцева:

— Господин ротмистр, вас экстренно зовет к себе мой патрон. Не надеясь на расторопность других, послал за вами лично меня!

— Что случилось?

— Неприятность, господин ротмистр, большая для вас неприятность!

— Какая?

Адъютант поджал губы:

— Об этом скажет мой патрон, поспешите.

Поморцев в своем подвальном кабинете с голубыми стенами встретил Малюту глубоким вздохом. Сердито махнул рукой на стул, приглашая садиться.

— Вы допустили побег арестантов, ротмистр!

Малюта молчал.

— Мало этого, вы не приняли мер к поимке бежавших!

— Я посылаю для поисков разъезды, участвовал в поисках сам...

— Вы не приняли мер! — Поморцев, повысив голос, шлепнул ладонью по столу, в пустом рукаве шевельнулась культия. — Вам даже неизвестно, что беглецы перешли линию фронта в районе завода «Молот». Что их без задержки пропустили казаки. Не только пропустили, господин ротмистр, но следом перешли к красным сами! Человек пятьдесят, господин ротмистр, плюс к той большой группе, которая перешла ранее.

Малюта, опустив голову, больно кусал губы.

— Эти пятьдесят, — Поморцев туго сжимал кулак, — наплевали на своего командира, зато послушались его вестового, павло-

дольского казака Корнея Терскова. Это он, как рассказывают не перешедшие пока, слава богу, на ту сторону казаки, уговаривал на перебежку. А красные, приняв беглых арестантов и перебежчиков-казаков, воспользовались ослабленными позициями и изрядно потрепали нас...

Малюта не знал, что ответить. Поморцев нервно закурил.

— Извольте слушать дальше. Замечено братание казаков с красными. В районе кирпичных заводов красные и наши, покинув окопы, собрались на пустыре и, представьте, порядочное время разговаривали... Вот что происходит во вверенной не только мне, но и вам станице. Ваш орган обязан знать о подобных действиях гораздо раньше, чем они произойдут, и принимать соответствующие меры. Разумеется, я доложу об этом председателю правительства!

Что мог сказать в оправдание Малюта? Поморцев прав. Они оба в равной степени отвечают за станицу. Поморцеву влетит. Но и Малюте тоже. Он брел домой, совершенно не представляя, чем ему сейчас заняться. Да и делать ничего не хотелось. Даже думать о каком-нибудь деле противно после всего, что произошло. Единственное было желание: напиться!

Дома среди неубранных тарелок оказался на столе почти полный штоф самогона. Жадно, с небольшими передышками, опустошил до дна, вытер губы рукавом. Буйно вскипела пьянеющая кровь, молотом забухала в сердце. Перебрал лишку. Оранжево стало вокруг, кувыркнулась комната, опрокинула Малюту, и он шмякнулся в кровать. Чувствуя себя подхваченным каруселью, медленно, тяжело уснул.

13

Толкнуло в плечо, обожгло. Подломились ноги. Падая, чувствовал на себе чужое тело. Хотелось выпростаться, глотнуть воздуха. Но огненная боль ударила в голову, отдалась в ногах, затуманила разум. Так и зatih, смутно улавливая ухом удаляющиеся голоса конвойных. Затем все угасло, растворилось в бессознании.

Очнулся от ощущения чего-то тяжелого и холодного на своей груди. Ветер обдувал рот, сочился в ноздри. Медленно, робко тукало сердце. Жив! Открыл глаза и увидел на себе мертвого Ионича. Пуля разворотила ему бок, заляпала кровью одежду. Пытался освободиться от тяжести трупa. Но, зашевелившись, задохнулся от боли в плече.

Лежал, собирая силы.

Было позднее утро. В черных облаках путалось коричневое солнце. Нависли выщербленные дождями рыхлые стены заброшен-

ного карьера, виднелись верхушки прелых скирд. Где-то неподалеку злобно рычали собаки.

Экономя энергию, вытащил Добров из-под Ионыча слабыми движениями ноги. Сперва одну, подождя, — другую. Раненое плечо раздирало болью. Уперся в землю каблуками сапог и с величайшим напряжением повернулся на бок. Тело Ионыча грузно сползло.

Еще полежал. Затем с трудом сел. Ионыч безразлично смотрел в небо тусклыми остекленевшими глазами. В памяти всплыли его слова: «Тебе беспрерывно жить надо, Митя... Я постараюсь...» Тогда не придавал им значения, теперь понял, что Ионыч задумал спасти его, Доброва, и в последний миг загородил собой, своим телом от пули. Поцеловал в бесчувственные губы:

— Спасибо, родной! Отомщу за тебя и за всех наших полной мерой!

Пересиливая боль, поднялся на дрожащие ноги. Псы, оскалив зубы, отпрянули от трупов. Из плеча потекла кровь. Потемнело в глазах, поплыли радужные круги. Упал.

Теперь собирал силы долго. Когда удалось наконец сесть, стянул с себя рубашку, кое-как перевязал на плече рану. Встал. Шаркая сапогами, падая и поднимаясь, медленно и трудно выбирался из ямы.

14

Свернувшись клубком, Тимка лежал в сене. Постепенно уснул. Проснулся от неожиданных звуков: вроде бы говорили люди, фыркали кони, какой-то хор пел «Интернационал». Потом стреляли. Он боялся пошевелиться и ничего не мог понять.

Но длительная после этого тишина успокоила, вытолкнула наружу. Ночь, оказывается, давно кончилась. Солнце, поднявшись над горизонтом, буравило лучами сплетения черных облаков. Осмотрелся. Дымило вдали Новопромысловское взгорье. Ниже прыщасто выпирали строения города, ближе серо пузырилась осенними деревьями станица Грозненская. В какую сторону податься? Конечно, в противоположную от станицы, подальше от белогвардейцев!

Зашагал... Но вдруг наткнулся на широкую яму и едва не упал от ужаса: кровь, трупы людей, рычащие псы... Шарахнулся. Но заметил вдруг усатого человека в распушенной нижней рубашке. Его качало, этого человека, он не мог держаться на ногах, падал, поднимался и снова шел. Упорно старался выбраться из ямы... «Неужели?!» — Тимка не верил глазам. В этом грязном окровавленном человеке он узнал отца. Отца!

— Па-ап-ка! Па-а-по-чка! — побежал навстречу.

Вцепились друг в друга и, не удержавшись на ногах, оба упали. Плакали, не стесняясь. И не спешили подниматься.

Затем Тимка помог отцу лучше перевязать плечо, выбраться из ямы, дойти к скирде. Пока Добров-старший осматривал окрестности, младший расширил в сене нору. Залезли в нее. Тимка руками своей рубашки вытер с отцовского лица кровь, разгладил, привел в порядок усы. Отец, осторожно ощупывая плечо, высказал надежду, что кость пулей, видимо, не повреждена, и это к лучшему.

— Поковыляем, сынок, пока у меня есть силы. Опасно днем, но и медлить нельзя — ослабну если, пропадем.

Ничто не нарушало унылого однообразия выгона. Шли потихоньку, несколько забирая влево, где, по расчетам Доброва-старшего, должна быть Тыртова роща. В том районе располагалась одна из частей чеченской Красной Армии.

Набредли на заросли чернобыла. Спрятались от посторонних глаз, прилегли, отдохнули. Поковыляли дальше. Встретился кустик паслена, облепленный черными ягодками. Голодные, с жадностью общипали дочиста. Неожиданно наткнулись на полосатый арбуз. Тимка разбил корку кулаком. Без остатка съели застаревшую почти сухую мякоть. И второй попался арбуз, тоже перезревший, уже тронутый коричневыми пятнами гнили... Скрывалась, оказывается, в бурьяне неубранная бахча. Хоть немного утолили голод.

Часто оглядываясь, продолжали путь. Когда уставали, валились в бурьян, отдыхали. Солнце, судя по едва заметным отблескам в облаках, скатывалось к гористому горизонту. Все еще виднелась станица. И слишком мирная царила вокруг тишина. Не верилось в это обманчивое беззвучие, когда не слышалось даже голосов птиц, в беспрепятственный, как обыкновенная прогулка, переход по вражескому тылу.

А силы убывали. Раскаленным железом жгло раненое плечо, набухла опухоль. Не чувствовала себя от боли левая рука, деревенело тело. И Тимка едва плелся, изнемогая от тяжести отца, который упирался здоровой рукой в его плечо.

Скучивались тем временем черные облака, наслаивались и толстели, ползли грузно, цепляясь за землю, угрожали проливным дождем...

А Бичерахов спешил через бурунную степь к Моздоку. Покачивался на большой скорости автомобиль, под шинами скрипел песок. Пьяно пахло бензином и холодным дыханием Каспия. Нет, не

помог Георгию Федоровичу шейх Али, хотя старался. Нет, ничего не удалось сделать с Грозным, хотя попытки были неоднократные. Мало того, самого Бичерахова едва не умыкнули чеченцы. И украли бы, если бы не верные мюриды шейха Али Митаева.

Хотелось курить, но Бичерахов ленился сунуть руку в карман за папиросами. Им овладело безразличие. Только навязчиво лезли в голову события минувших дней. Закрыв глаза, гнал их от себя, но они были неудержимы, сверлили голову точно буровом.

...Благообразный, с редкой оранжевой бороденкой шейх Али встретил Бичерахова по-горски гостеприимно. Сидя на бесценном персидском ковре, они вкусно отобедали и уединились для переговоров. Георгий Федорович изложил просьбу — беспрепятственно пропустить войска брата, Лазаря Бичерахова, по территории Чечни вдоль железной дороги до Грозного. Шейх понимающе кивал и задумчиво оглаживал бороденку. Без единого возражения он обещал помочь терскому правителю в его важном деле, немедленно разослать мюридов, чтобы те внушали правоверным не чинить препятствий войскам Лазаря при прохождении Чечни. Шейх заверил, что так оно и будет.

Окрыленный авторитетным заявлением, Бичерахов помчался в Хасав-Юрт к брату. Шейх дал Георгию Федоровичу и его охране прекрасных, из своей конюшни, коней, кроме того, в целях более безопасного проезда по Чечне, выделил двадцать мюридов. Автомобили и шоферы остались на попечении шейховской стражи.

Встреча с Лазарем была радостной, как и в первый раз. Было много осетинских, казачьих и английских блюд, были виски, арака, чихирь. Георгий объявил Лазарю о результатах переговоров с шейхом Али.

Но ситуация у Лазаря менялась. Турки по сговору с Горским правительством Тапы Чермоева, того самого, что поджёг Новые промыслы в Грозном, намеревались занять Дагестан. Лазарь получил приказ англичан сдерживать турок. Поэтому он предложил Георгию вариант стремительного прорыва обороны Грозного, ибо не располагал временем вести продолжительные бои. Георгий внезапно бросает отряд на чеченскую Красную Армию — с одной стороны. Лазарь свое войско — на ту же армию — с другой. Разбив этим мощным ударом Шерипова, соединиться и ворваться в город!

Георгий согласился с планом брата и отправил нарочного с письмом к Лымарю: срочно слать отряд в район аула Гумси. Такой отряд прибыл, командование им Георгий принял на себя.

Но, едва отряд Георгия появился в виду Чеченских высот, че-

ченцы начали оттуда обстрел из пушек. Они разбили мосты на двух горных речках. Восстановить мосты под снарядами не удалось. Прежняя история повторилась с Лазарем. Чеченские пушки так же били по его войскам с предгорий. Лазарю удалось продвигаться не дальше разъезда Кади-Юрт.

Восемь дней проторчал отряд Георгия под аулом Гумси, не продвинувшись ни на шаг. Столько же дней безуспешно потерял Лазарь под Кади-Юртом. Можно было торчать еще месяц, два три... Чеченцы в своих горах были неуязвимы. Лазарь это прекрасно понял и благоразумно отступил, но теперь уже не к Хасав-Юрту, а прямо к Порт-Петровску. Этого требовали тактические соображения обороны от турок. Георгию ничего не оставалось делать, как отослать свой отряд обратно.

Но, прежде чем уехать в Моздок, решил посетить шейха, спросить, где же все-таки его обещание — такого влиятельного в Чечне лица?

Бичерахов был снова гостеприимно принят. Снова был вкусный обед, а затем уединение, где гость не постеснялся задать хозяину ряд прямых вопросов. Но теперь Али не кивал и не оглаживал благодушно оранжевую бороденку. Теперь он безнадежно разводил руками и беспомощно лепетал, что чеченцы, стреляющие из пушек, видно, другой секты и его, Али, не признают, или такое сейчас время, что не каждый покорно слушает духовных наставников.

— Рано или поздно, — оправдывался Митаев, — аллах не пощадит вероотступников.

Так они говорили до позднего вечера. Шейх не советовал Георгию Федоровичу отправляться в путь на ночь. Считал это рискованным даже при охране. Пригласил переночевать.

Но, едва Бичерахов уснул, его разбудили. Али с выражением печали и тревоги на лице говорил о большой опасности, грозящей председателю терского правительства. Мюридам стало известно, что Бичерахова собираются похитить. С этой целью у дороги, где должны проехать автомобили, притаилась засада, от которой вряд ли спасут пять телохранителей. Хозяин обязан был позаботиться о невредимости гостя и выразил мнение, что лучше всего ему уехать на коне немедленно и другим путем в сопровождении мюридов. Они в целости и сохранности доставят его к терской земле, ну а там уж он сам хозяин. Что касается автомобилей, то вряд ли они кому понадобятся без Бичерахова.

Его с охраной вывели из дома черным ходом. Затем задворками — на глухую улицу, где ждали оседланные кони и вооруженные всадники. Условились, что автомобили должны следовать за мост через Терек по направлению станицы Шелковской. Георгий Федорович помчался в окружении мюридов через ночные перелески, холмы и степь...

— Как доехали? — мрачно спросил Бичерахов шофера.

Не отрывая глаз от дороги впереди, шофер объяснил. Машины отправились в путь в сопровождении верховных мюридов. В первом же перелеске поперек дороги оказалось толстое бревно. объехать его невозможно — деревья, кустарник. Вышла из зарослей большая группа вооруженных людей. Мюриды спешили, вступили в переговоры. Наконец мюридам уступили. Но машины все же тщательно обыскали, только после этого убрали бревно, разрешили ехать.

Бичерахов слушал равнодушно, подробностями не интересовался. Убаюканный покачиванием автомобиля, начал засыпать. Сон согревал и успокаивал. Но опять стал мерещиться проклятый генерал на белом коне, войско в голубых мундирах, изумрудный воздух и золотая кокарда солнца... Вот-вот должна появиться страшная бездна, и Бичерахов усилием воли оборвал сон.

Увидел затянутый пылью Терский хребет, тусклую извилину Терека и буйные под ветром волны ковыля.

Так он и ехал до самого Моздока, бессмысленно глядя на давно знакомые и уже примелькавшиеся места, боясь закрыть глаза, чтобы не приснился генерал на белом коне и войско в голубых мундирах...

Моздок встретил зловещей тишиной домов с наглухо закрытыми ставнями, черным узором облетевших деревьев и кровавым разливом вечерней зари.

Дома Христофор предложил хозяину ванну, свежее белье и ужин. Отказался. Кинул слуге на руки бурку, стянул сапоги. Проследовав в спальню, одетый, завалился в постель.

Всхрюкивая, распространяя удушье самогонного перегара, Малюта проспал весь день. А когда очнулся, долго мучил больную похмельную голову, соображая, что надо что-то сделать. Наконец вспомнил: арестовать павлодольского казака Корнея Терскова и других с ним... И сразу всплыл разговор с Поморцевым: Терскова уже нет и других с ним тоже. На той стороне! А еще что? Ах, да, сообщить Бичерахову о Наталье Добровой!

Злорадно усмехнулся: доложу сейчас Самому, кто укрывается у него под боком, тем восстановлю свой авторитет!

Был уже поздний вечер, темнота залепляла окна. Хотелось опохмелиться, но штоф пуст. Швырнул посудину на пол. В окно забарабанил дождь. Накинув бурку, вздохнул нелегко, поплелся в штаб к аппарату уже действующей телефонной линии.

Шагал тропинкой вдоль заброшенного сада. Где-то впереди пофыркивал автомобиль, по звуку — броневик. Дождь стал крупнее и гуще, его шум заглушал звуки автомобильного мотора. Сзади слышались голоса. Оглянулся. Следом шли два офицера. Один будто знакомый. Значения не придал. Мало ли в станице офицеров, в том числе и знакомых. Мысли заняты другим: успел Поморцев доложить Бичерахову? Если успел, разговор с правителем будет трудным.

Резко дунул ветер. Дождь наотмашь ударил в лицо. Под ногами заскользило. Голоса офицеров теперь уже рядом, за спиной. Один голос очень знакомый.

Дождь будто поднатужился, хлынул сильнее. Малюта плотнее нахлобучил фуражку, ту же окутался буркой. И в это время ему дали подножку. Не удержался, упал. На него навалились, прижали к земле. Чужая рука обшарила карманы, забрала наган. Потом спеленали с головой его же буркой, поверху связали веревкой. И потащили куда-то волоком по скользкой грязной земле...

17

Добровы ковыляли совсем медленно. Станица постепенно ушла назад, в густых сумерках различалась расплывчатой полосой. Зато приблизились высокие трубы кирпичных заводов. Цеплялись за них лохматые тучи.

Рванул ветер, ударил дождь холодными струями в лицо. Стало вокруг черно, тускло заблестели лужи. Тимка съежился от холода. Отец одобрил:

— Под дождем, сынок, самый раз пробираться к нашим, беляки не заметят.

И Тимка крепился. Не так боялся за себя, как за отца. Чувствовал, ненадолго хватит у того сил.

Промокли до последней нитки. Ноги тонули в грязи. Первым поскользнулся отец, упал на больное плечо, застонал. Не удержался, свалился Тимка. Полежали, не шевелясь, отдыхая, тяжело дыша. Поднялись с трудом. Побрели, переставляя, как костыли, непокорные ноги. А дождь сек беспощадно, казалось, рубил тело насквозь.

Снова упали. Долго барахтались, пытаюсь встать. Тимке удалось. А поднять отца не смог, кончились у отца силы.

— Тимоша, сынок, добирайся сам! Речка Нефтянка уже близко — тут и Тыртова роща. Скажешь нашим про меня, может, выручат... А нет — значит, не судьба жить... Зачем гибнуть обоим?..

Тимка, насупившись, отрицательно крутил головой:

— Никуда я от тебя, папка, не пойду!

Шумела дождем холодная, промозглая ночь, секла струями, как острыми клинками, убивала беспомощных людей. Возник где-то непонятный рокот, увеличивался, приближаясь. Вот совсем близко. И вдруг вырвалось из полос дождя темное, непонятное. Оно рычало, фыркало, дребезжало, быстро приближалось.

— Броневик! — догадался Добров-старший. — Не иначе бело-гвардейцы!

Чтобы не заметили, распластались в грязи.

Поздно. Уже заметили. Бронепоезд, не зажигая огней, скрежетнул тормозами и остановился. Тихо ворковал мотор. Только на долю секунды вспыхнули фары, осветили влипших в грязь людей и угасли. Звякнула металлом дверца. Вывалились из машины двое в черкесках. Один прицелился в лежащих лучиком электрического фонарика. Сверкнул на черкеске помятый прямоугольник погона. Второй офицер держал в руке револьвер.

— Что за люди? — спросил тот, что с фонариком, и погасил его.

Ему не отвечали.

— Кто? Как сюда попали? — допытывался офицер с револьвером.

Добровы подавленно молчали.

Г. К. Орджоникидзе прислал нам новое подкрепление. На станцию Серноводск прибыли эшелоны с войсками из Владикавказа. Выгрузились первый Советский владикавказский революционный полк, Отдельный революционный батальон, Гаубичный отряд с четырьмя орудиями. Была организована торжественная встреча. Состоялся митинг. Размещение новых частей на позициях прошло без осложнений. Теперь в нашей армии 7000 бойцов, 14 пушек, 16 пулеметов, 1 бронепоезд.

С прибытием подкрепления под Самашкинской участились стычки красноармейцев с белоказаками по всему фронту. Свежие силы рвутся в бой. Решили предпринять наступление.

В час ночи мы начали артиллерийскую канонаду. Противник молчал. Когда в нескольких местах пошли в атаку, бичераховцы ответили интенсивным огнем. Все же кое-где, подавив сопротивление, захватили вражеские позиции. Однако самашкинцы упорно держались. С рассветом наш бронепоезд продвинулся в тыл и беглым огнем бил по белогвардейским окопам. Наши части медленно продвигались вперед.

Бой длился весь день.

Но вот, расстреляв снаряды, наш бронепоезд отошел. Противник усилил артиллерийский обстрел. Белоказачий штаб снял с фронта из-под Грозного большое количество конных и пеших казаков, перебросил к Самашкинской. Две конные сотни бичераховцев скрыто зашли нам во фланг и создали угрожающее положение.

Пришлось отступить на старые позиции.

Результаты боя обсуждались на военревсовете. Выводы были справедливыми. Имея достаточно сил, чтобы взять Самашкинскую, наш штаб плохо подготовился к наступлению. Допущена спешка. Не были уточнены сведения о силах противника. Некоторым частям неправильно ставились задачи, что ограничивало инициативу, сдерживало порыв к решительному удару.

Снова в районе Самашкинской наступило затишье. Неудача научила: надо тщательно готовиться к предстоящим атакам.

Г. К. Орджоникидзе прислал нам бронеавтомобиль и легковую машину для штаба.

19

Толстогубая хозяйка волновалась. Раскачивались большие серебряные серьги в ушах. Торопливо завязывая платок, сбивчиво рассказывала:

— Схвачен Симон, арестована тетя Сусанна, упрятаны за решетку многие наши друзья-корменисты... Может дойти очередь до меня. Станут меня спрашивать — скажи, уехала дня на три к родственникам. Уходя на службу, хорошенько замыкай дом, ключ клади в условленном месте. Почувствуешь опасность — беги! До свидания, Марийка. А может, и не увидимся совсем.

Хозяйка поцеловала квартирантку и, полная, неуклюжая, поспешно убежала, не захватив вещей. Наташа, свалившись в постель, горько и безутешно рыдала; боже мой, Симон... И не только это... Ведь все так прекрасно сложилось в последнее время. Она уже была адъютантом, ее полностью освободили от машинки, печатала другая. Доверяли! Не появлялась больше опасная Гурья. Великолепная связь установилась с Грозным через Симона и его друзей. О чем еще можно мечтать разведчику? И вдруг рухнуло все, как карточный домик. Милый Симон!..

Она вздыхала всю ночь.

Хозяйка успела вовремя. Ранним утром в дом постучали. Это были корректные люди в штатском. Тихими вкрадчивыми голосами, как бы боясь выдать свою профессию, учтиво выспрашивали, где именно, у каких родственников может гостить хозяйка. Наташа в ответ только пожимала плечами. Они вежливо попросили

разрешения осмотреть комнаты, веранду и кладовую. Внимательно все исследовав и разочарованно почесав подбородки, удалились.

А Наташа решила сегодня же ночью бежать. Все равно связь с Грозным теперь безнадежно потеряна, дальнейшее пребывание в Моздоке и опасно и бесполезно. Бежать! Обходя дороги и заставы. Днем прятаться, ночью идти. К Тереку, у Галюгаевской. Потом на ту сторону, в аул Терк-Юрт... А может быть, не дожидаясь ночи?... Прямо сейчас? Пока не поздно...

Но тут же оборвала мысль. Прежде надо убедиться, не следят ли? Замкнула дом, вышла на улицу. Не успела миновать квартал, заметила сзади сыщиков. Вот и «убежала»! Куда денешься от филеров? Капкан захлопнулся.

Как страшно! Без друзей, без поддержки, без надежды. Кругом будто люди, а похоже на пустыню: погибай, кричи — никто не выручит.

Ничего не оставалось делать — идти на службу.

Бичерахова не было, его замещал Лымарь. Давно уже не появлялся Лутоев. Едва Наташа переступила порог приемной, Лымарь, приоткрыв дверь бичераховского кабинета, глянул на нее чертом. Хлопнул дверью, закрывшись в кабинете. Весь день не давал поручений, ни о чем не просил, не обмолвился словом. Это усиливало ее волнение. Снова и снова вспыхивало желание бежать. Снова и снова твердила себе, что это невозможно.

Ходила по земле, как по горячим углям, ждала — с минуты на минуту схватят. И теперь уже, как тогда, не отпустят. И Лутоева нет — заступиться некому...

20

Христофор провел Лымаря в темную спальню.

— Заболел? — Лымарь подал Бичерахову для приветствия руку.

— Устал! — Бичерахов даже не приподнялся с кровати.

Был вечер. Слуга внес лампу. Но Бичерахов потребовал свечу. Яркая лампа раздражала, полумрак свечи успокаивал. Свеча была поставлена в дальний угол, едва излучала свет, отчего узкая спальня напоминала нутро заколоченного гроба. Лымарь, присев на стул, ждал рассказа. Бичерахов молчал.

— Рассказывай! — не вытерпел Лымарь.

Не поднимая головы от подушки, Бичерахов рассказал о неудачах под Гумси и Кади-Юртом. Теперь молчал Лымарь, долго не мог произнести ни слова. Вскочил со стула, походил по спальне, сел на неразобранную кровать в ногах Бичерахова. И в свою очередь выпалил залпом новости о переходе в Грозный, на сторону

красных, большой группы казаков, о демонстративном поведении большевиков на парламентерских переговорах с Поморцевым, о том, что из Астрахани на помощь Кизляру и Грозному перебрасываются морем красноармейские части, которые, заняв селение Черный рынок, начали уже бои под Кизляром с войсками Ушинкина и отрядом Лазаря.

— Фу! — Здоровяк Лымарь, ничем никогда не болевший, теперь вдруг схватился за сердце. — Фу, матери его черт! И последние новости, только полученные по телефону: из арестного помещения Малюты в станице Грозненской бежали заключенные. Добрая половина беглецов перешла линию фронта, да не просто перешла, а вместе с нашими казаками... Сам ротмистр Малюта куда-то исчез. Командир бронепотяга поручик Петухов тоже исчез... Вот такие дела, Георгий...

— Убил ты меня, Тихон!

— Да, хорошего мало...

— Не придумаю, — Бичерахов говорил тихо и плаксиво, — что еще, собственно, можно предпринять?

— А ничего! — Лымарь отчаянно покрутил головой. — Для наступательных боев резервы у нас исчерпаны. Так говорят и Мистулов, и Колесников. Они говорят: остается только держаться, не отступать с существующих рубежей. Деникинский штаб через Колесникова знает о нашем положении. Деникиным прислана депеша, что нам будет оказана помощь. В Деникина я верю, как в себя. Сильнее его сейчас в России нет, за исключением разве Колчака. Новость слышал? Деникин теперь не только главнокомандующий вооруженными силами Юга России, но и заместитель Верховного правителя России, самого Александра Васильевича Колчака, который, пусть будет тебе известно, установил всюду строжайшую военную диктатуру. С Колчаком и Деникиным не пропадем! И подчиняться Колесникову, поскольку он представитель Деникина, мы обязаны. Напрасно, вообще, ты с ним цапался. Гришка, хотя и монархист, казак толковый. Считаю, в военном деле лучше нас с тобой кумекает. Так что я вполне разделяю тактические соображения Колесникова и Мистулова — во что бы то ни стало держаться.

— А черт с ними, с Колесниковым и Мистуловым, — беззлобно согласился Бичерахов, — пусть делают что хотят, лишь бы толк был.

— Толк, по их мнению, такой. Под Кизляром мы удержимся. Взять его вряд ли сумеем, поскольку туда пришла Красная Армия. Но удержимся. Колесников говорит, что он там все хорошо скоординировал. И краснюков этих, матери его черт, которые из Астрахани, к Кизляру и Грозному не подпустим. И в Прохладной тоже удержимся. Мистулов приезжал, говорит, создал там крепкую оборону. Правда, к Прохладной приближается ихняя Шариатская

колонна. Но что это такое? Понадергали из аулов диких, перетасовали с голодранцами из Одиннадцатой Красной Армии, получил-ся магометанско-христианский винегрет. Словом, сброд! Мы его — с одной стороны, Деникин — с другой сожжем и раздавим, как гнилой орех. Дьяков под Самашкинской нас тоже не достанет. Он, сука, пробует так и этак, да на вот, выкуси! На днях попробовал. И откатился. В Грозном краснюки обнаглели понятно почему: Дьяков, астраханская помощь... Вот в Грозном фронт нам надо усилить. Я туда бросил уже отряд гребенцов, отосланный тобою из-под Гумси. Но надо еще! Наберем со всех участков понемногу. Колесников с Мистуловым за этот вариант, я—тоже. До прихода Деникина продержимся! А ты что предложишь?

— Пока соглашаюсь... В надежде что-нибудь придумать... Что еще нового, Тихон?

— А новое то, что девуку твою придется арестовать...

— Какую девуку?

— Твою любимую адъютантшу. На которую ты напялил мундир прапорщика. Марусю, матери его черт... Или как там ее?

— Ты что, Тихон! — Бичерахов вскочил с постели. — Говори толком.

— Стало быть, — Лымарь притронулся к локтю Бичерахова, — наши нащупали керменистов. Потянули за ниточку — оказалась целая тайная организация с центром на ближнем хуторе. Готовила восстание в Моздоке. Этого еще нам не хватало! Произведены аресты. Взяты некоторые руководители. а среди них и небезызвестный тебе Симон Калоев, бывший муж этой самой... Первые результаты дознания показывают: она, эта самая, передавала сведения своей новой квартирной хозяйке, та — Калоеву, а он... Куда ты думаешь? А Калоев — в Грозный — Гикало!

Бичерахов уже бегал по спальне, зеленый, взъерошенный. Не хотелось ему верить: такая застенчивая, послушная, уважительная... «Прелестное существо, — всегда думал о ней. Даже чувство появилось, сердечное обожание. А Лутоев так и вовсе влюбился. И после этого... Неужели?.. Да я ее собственными руками!»

— Арестовали? — крикнул громко, до хрипоты.

— Из оперативных соображений Мамилова, пока нет. Возможно, не всех ихних похватали, и у кого-то возникнет необходимость с ней встретиться, тут Мамилов и прихлопнет. Пусть погуляет пока в качестве приманки. Не беспокойся, от Мамилова никуда не денется, сыщики ходят за ней все время, круглосуточно дежурят у дома. Хозяйка ее исчезла, видно, вовремя предупредили, а нашу, наверное, не успели, ну и пусть немного погуляет...

— Задушу! Собственными руками задушу! — дрожал от гнева Бичерахов.

— Кто бы они ни были, надо их подобрать! — решительно сказал офицер, снова на миг осветив Добровых фонариком.

— Я тебе «подберу», белогвардейская сволочь! — немощно зашевелился, пытаясь подняться, Добров-старший. — Подбери только, так в морду и схватишь!

Офицеры пошептались.

— Вставайте, товарищи! От Малюты бежали?

Голос этого офицера показался Тимке знакомым. При слабом свечении новопромысловского пожарища рассмотрел поливаемое дождем лицо. Радостно заорал, затормозил отца:

— Дядь Сережа! Папка, папка, это же дядь Сережа!

— Неужто?! — Дим Димыч потянулся к Званцеву.

Отца с трудом втиснули в броневик. Следом кое-как затолкали Тимку. Броневик качнулся и покатил, шлепая грязью.

Лил дождь, барабанил снаружи по броне. Плескалась под колесами вода. Было темно. Скрюченный в тесноте, прижатый к холодной стене, не имея возможности даже шевельнуться, Тимка чувствовал рядом на полу что-то непонятное: шерстяное, скользкое и холодное. Скорее всего это было животное, потому что изредка мычало... Когда броневик подпрыгивал на ухабах, Тимку ударяло головой о броню с такой силой, что болело даже в глазах. И слышался с противоположной стороны жалобный стон отца. Сильно пахло бензином, машинным маслом и горелым порохом.

Далее произошло все быстро, как в сновидении. Тимка смутно различил над собой силуэт человека в черкеске, прильнувшего к пулемету. Пулемет загрел гулко, как в пустой бочке. А броневик прибавил ходу и очень круто раскачивался, казалось, вот-вот перевернется. Тимку подбрасывало с новой силой и еще сильнее било о стенку. Слышались ответные выстрелы. Когда броню долбили снаружи пули, она оглушительно брэнчала. Но вот выстрелы стихли, и дядя Сережа сказал:

— Смотри, наши! Поднимаю белый флаг. Останавливай.

Тимка догадался, что стрелял из пулемета дядя Сережа, а другой, его товарищ, управлял броневиком.

Мотор смолк. Тимка определил по голосам, что машину окружили. Открылась дверца, вышли из броневика дядя Сережа и его товарищ. На них крикнули:

— Руки вверх! Кто такие?

Робко занимался рассвет, сочился через открытую дверцу внутрь броневика. Тимка рассмотрел отца. Он тоже лежал, скрючившись, в уголке, прильнув здоровым плечом к броне. Глаза закрыты, лицо бледное, покрыто испариной. От него — это чувствовалось даже на расстоянии — несет жаром. И Тимке вроде жарко и одновременно зябко.

— Папка, тебе плохо, да?

Ответил очень слабо, с перерывами:

— Ничего... Теперь дома... Не пропадем...

А между Тимкой и отцом, на полу, по-прежнему мычало, и Тимка увидел, что оно, мычащее, закутано в грязную бурку и перевязано веревкой. Из бурки торчат ноги в ботинках. Человек! Ничего не поняв, Тимка только удивился. Но вскоре узнал, кто это.

Дядя Сережа и его товарищ, отвечая на вопросы бойцов, рассказали, что они были в тылу врага и схватили ротмистра Малюту. Затем угнали броневик, а по пути к себе подобрали бежавших из белогвардейской тюрьмы. Тут кто-то воскликнул:

— Ребята, смотрите, так это ж наш командир, товарищ Петухов!

Бойцы, заглянув в броневик, узнали и Доброва-старшего. Поговорили с ним. Он отвечал еле слышно, с трудом шевелил губами. Званцев торопил:

— Отпускайте, товарищи, нам надо в штаб. И больного человека в госпиталь отвезти.

— Да чего уж там, все ясно, езжайте! — согласились бойцы.

Снова, плескаясь лужами, катил броневик, теперь уже по улицам Грозного. Тимке не верилось: может быть, и не было ничего такого, что осталось позади, а лишь приснились проклятые белогвардейцы-мучители. И хотя его опять с болью подбрасывало, хотелось петь от счастья: вот-вот увидит милую Шебелиновку, родной дом и дорогую мамку. Любимую, хорошую мамку! Вот бы еще и Наташу! А может быть, дома она уже?

Все больше чувствовал Тимка жар во всем теле. И шум в голове. Колющий озноб и неприятную ломоту в костях.

Броневик затормозил. Дядя Сережа, уже без погон, открыл дверцу. Было совсем светло. Утихал дождь. Качались от ветра, шумели, роняя последнюю листву, акации. Низко ползли грязные тряпки облаков. Дядя Сережа и желтоглазый Петухов вытащили из броневика Малюту, поставили на тротуар, развязали бурку. В броневике стало просторнее. Тимка выглянул наружу. С Малюты свалилась фуражка, глянуло синее, рогатое лицо черта. Тимка шархнулся от испуга в угол. Но дядя Сережа успокоил:

— Не бойся, это всего-навсего картинка.

Когда Тимка снова выглянул, дядя Сережа погладил его по голове, ощутил рукой жар, забеспокоился:

— Володя, отвези поскорее Добровых в госпиталь и возвращайся. А я представлю господина ротмистра начальству и буду тебя ждать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

29 октября бичераховцам был дан крупный бой.

Накануне волны холодного воздуха накатывались на Грозный. К ночи они разогнали дым, до лоска подмели небо. Вычистили, как медные пуговицы, звезды. С деревьев охапками слетала листва. К утру крепкий заморозок припудрил крыши, лег на землю голубой пылью. Продрогшие бойцы с нетерпением ждали сигнала атаки.

Она началась, как только вспыхнули первые лучи солнца. Прозрачный воздух гулко раскололся пушечным залпом. Пушки прямой наводкой ударили по белогвардейским укрытиям. Брызгами разлетались расщепленные заборы, рушились, оползая, брустверы. Разваливаясь, оседали крыши домов. В провалы стен вонзились пулеметные очереди.

Застигнутые врасплох, окоченевшие казаки отстреливались беспорядочно.

— Урр-ра-а-а-а!..

По всей Граничной улице поднимались из окопов красные бойцы.

— ...ра-а-а-а-ааа... — неслоь, нарастая, от Романовского моста до красноармейских казарм.

— Марж дунэ! Чтобы как волков боялись нас белые шакалы! — выпрыгнул из окопа Дуда Хаттуев.

Рядом с ним, захваченный общим потоком, спешил Василь Дубков.

Горожане дружно стреляли в сгорбленные спины удирающих врагов. Широко прорвав казачью оборону на двух противоположных флангах, грозненцы сжимали станичников, заходили в тыл. Стиснутые на Тенгинской улице, бичераховцы побежали в глубь станицы, стараясь вырваться из смыкающегося кольца.

Вот взяты стремительным налетом два станичных квартала... Еще два... Бегут уже белогвардейцы по базарной площади, застревают в проходах между лабазами, пытаются отстреливаться...

В одном из трехэтажных домов у Граничной улицы, на чердаке, защищенном листами броневой стали, был устроен наблюдательный пункт. Отсюда следил Гикало за боем в бинокль.

Видел, как на ликвидацию прорыва в районе Граничной улицы белогвардейское командование спешно перебрасывало части с других участков.

Вот со стороны Щебелиновки подошел форсированным маршем, вступил в бой отряд в зеленых английских мундирах. Строго

дисциплинированные солдаты старательно выполняли команды своих офицеров. Начали теснить красных.

Те, отступая, увлекали за собой зеленые мундиры.

«Так, так, пока все правильно!» — удовлетворенно постукивал кулаком себе по колену Гикало.

Далее, как и предусматривалось планом, красные врезались в зеленые мундиры с флангов, оттиснули примерно сотню солдат, сдерживая натиск остальных, погнали к Пушкинскому скверу, в плен.

— Хорошо! — сказал вслух Гикало и свернул сигарку.

Красные было поднажали, но снова попятились, увлекая за собой зеленые мундиры. И опять вклинились в их ряды с флангов красные. Но нет, офицеры разгадали маневр красных, оттеснили их фланги, поспешно отвели солдат назад.

«Эх, не удалось...» — переживал Гикало.

Красные, воспользовавшись отходом противника, развивали наступление. Но на помощь зеленым мундирам спешил офицерский отряд, снятый белогвардейским командованием откуда-то из района вокзала.

Упорно сопротивляясь, красные медленно отходили к своим рубежам.

2

Через несколько дней Гикало писал в рапорте Орджоникидзе: «Отступление после активной атаки заранее предусматривалось планом, разработанным штабом обороны Грозного. Тактическое решение заключалось в том, чтобы, завязав бой, оттянуть на неуязвимый, в смысле укреплений, Средний фронт лучшие части противника.

Когда же противник оголил свой правый фланг, перешел в тщательно подготовленное наступление весь наш Левый фронт.

На полных парах ворвался в тыл врага, в центр железнодорожного узла, бронепоезд «Борец за власть трудового народа» и высадил десант, в котором было около двухсот хорошо вооруженных лучших бойцов, отобранных со всех фронтов. Командовал десантом командующий Левым фронтом тов. Григорян. Десант с ходу занял паровозное депо и ударил в спину белогвардейцам, по окопам у сада Голубинцева. Одновременно на эти окопы была брошена Щебелиновская рота самообороны.

Подтянутые прежде в помощь щебелиновцам первая рота Пролетбата, рота китайцев, рота горских евреев, четвертая железнодорожная и пятая заводская роты под прикрытием бронепоезда развили наступление на вокзал и товарный двор.

Бичераховцы, не преодолев сильный и внезапный напор наших бойцов, начали разбегаться.

Методически выбивая казаков из укрытий, мы полностью заняли район железнодорожного узла: вокзал, паровозное депо, все станционные мастерские, сад Голубинцева, товарный двор с пакгаузами.

Белогвардейцы неоднократно пытались вернуть потерянные позиции, но безуспешно. По показаниям пленных офицеров нам известно, что по просьбе Поморцева моздокский штаб прислал откуда-то конную сотню пожилых казаков, бросил на штурм занятых нами рубежей. Старики вступили в бой активно. Но наши части отразили все атаки.

Из показаний пленных также известно, что ни брань офицеров, ни угрозы оружием не подняли больше казаков в наступление. Они, говорят, достаточно убедились в стойкости и непобедимости красных бойцов и теперь не желали идти на явную смерть.

Наши войска уверенно закрепились на новых позициях».

3

Больше ста солдат в зеленых английских мундирах и одного офицера взяли в плен красные. Пригнали в Пушкинский сквер.

Для опроса пришел недавний разведчик, а теперь один из штабных командиров, Владимир Петухов. Он неплохо владел английским языком. Однако к тому времени уже знал и, разумеется, сообщил штабу, что представляют из себя эти «англичане». Для того, чтобы разговаривать с ними, вовсе не требовалось понимания английского языка, вполне можно было обойтись русским. Но озорной по характеру Петухов решил покуражиться над бичераховскими оборотнями.

Иронически покачивая головой, он некоторое время рассматривал солдат, сбившихся кучей в углу сквера. За спинами рядовых прятался офицер во френче и бриджах. Поманил его пальцем, спросил по-английски:

— Ваше имя, фамилия?

Офицер, повернув голову в сторону, молчал.

— Откуда вас прислали в станицу Грозненскую?

— Это военная тайна, — ответил нехотя, сквозь зубы по-английски.

— Ладно, не будем касаться щепетильной темы. Ответьте на простой вопрос: где вы родились?

Офицер, потупив крупные, как сливы, глаза, краснел, точно школьник, не выучивший урока.

— Понимаю, — заговорил Петухов по-русски, — врать вам, очевидно, не хочется, все же офицер, а выкладывать правду стыдно. Отойдите пока в сторону.

Пленных окружал конвой, в котором были Василь Дубков и Дуда Хаттуев. Дубков пристально смотрел на полулежавшего на палой листве солдата с угристым носом и маленькими злыми глазами.

Петухов позвал этого солдата. Тот предстал, угрюмо сопя, перебирая губами.

— Фамилия? — продолжал по-английски Петухов.

— Иес-ссы... — мотнул головой солдат.

— Что, что?

— Иес-ссы... — тужился солдат.

— «Иес» означает «да», а я спрашиваю фамилию.

Солдат, моргая, крикнул.

— Как ваша фамилия? — внезапно громко выпалил по-русски Петухов.

Солдат растерялся:

— Кобель...

Пленные, не выдержав, хохотнули. Кто-то из них подсказал:

— Коббет...

Расхохотался и Петухов. Офицер даже не улыбнулся, он густо краснел.

— Товарищ командир, — неожиданно вмешался боец Василь Дубков, — разрешите доложить, я его узнал. Его вся станица зовет Африканычем. Кугут он. Куркуль из куркулей. Правда, что цепной кобель, а то и хуже.

— Эх, — горестно шмякнул о землю фуражку с английским гербом Африканыч. — Чего теперича таитися?.. Станицы Грозненской я, изуродованный безбородый казак, мать его...

Казаки в английской форме усиленно засопели. Один четко, по-русски выматерился:

— И сделали с нас навроде дураков. Бормотали мы, что ни попало на язык, и сами не знали, что бормочем, как идивоты... Хуть душу отвести после таких мучений. Давай, казаки, говори по-нашенски, по-родному. Чего уж там, бесполезно брехать, раз им, пролетарьятам, все известно...

— Представьте, известно, — усмехнулся Петухов. — Насобирали по предписанию Бичерахова вашего брата со всех станиц, лишили усов и бород, подстригли на английский манер, нарядили во френчи и краги, да и вывели на позиции пугать красных «помощью союзников». Одновременно воодушевлять этой «помощью» и своих, уставших от войны казаков. А чтобы обман не раскрылся, присвоили английские фамилии и имена, приказали произносить отдельные слова из английского языка. Наскребли офицеров, хотя бы немного знающих английскую речь. Они за вас и отдувались на виду у всех: по-английски отдавали команды, выкрикивали английские фамилии. А назвал это Бичерахов операцией «Л. А.».

что означает «ложные англичане». Так-то, Лаврентий Африканыч. Помните, я у вас на именинах был?

— Ммм... — промычал Африканыч.

— Пойдете все работать на завод «Молот». — Кивнул конвоирам: — Уводите. — Затем повернулся к офицеру: — А вы со мной — в штаб. Как ваша фамилия?

— Лутоев... — нехотя шевельнул губами офицер. — Арсений Лутоев.

— Как же, знакомая фамилия! Адъютант Георгия Федоровича? Нам будет о чем поговорить в штабе.

4

Крупная победа красных в Грозном, пленение вместе с Арсением Лутоевым казаков в английской форме, следовательно полный провал операции «Л. А.», совсем подкосили Бичерахова: в глазах темно, в ногах слабость, нервы натянуты до предела. Лежал в постели дома. Подниматься, ехать в штаб, выслушивать там доклады, возможно о новых поражениях, не хотелось. От одного только взгляда на адъютантшу сводило челюсти, сами по себе скрежетали зубы, едва сдерживалось желание вцепиться ей в глотку, задушить и вдобавок к этому растоптать в лепешку. Так он и сделает! Но, черт побери, приходилось терпеть ради оперативных, будь они прокляты, соображений Мамилова.

«А сколько, собственно, можно терпеть?! — вспыхнул Бичерахов. — Вторая неделя пошла с того дня, как ее следовало схватить. а она все гуляет, и пока никто не клюнул на нее, как на приманку. Довольно, в конце концов!» Снял телефонную трубку:

— Мамилов! Быстро ко мне домой!

Тот вошел, как всегда мрачный, буркнул приветствие.

— Хватит ей носить мундир прапорщика! — взвизгнул Бичерахов. — И вообще, собственно, портить моздокский воздух! Все равно бестолку! Взять!

— Если приказываешь...

— Да, приказываю! Следователей сюда не впутывай! Кто поручится, что они, твои следователи, придержат язык за зубами? И пойдет по всему Тереку: арестовали кралю Самого, проморгал у себя под носом... Не желаю! Сейчас уже вечер, на службе ее нет, из дома тоже не брать. Увидят соседи, и опять-таки пойдет по Тереку сплетня... Не желаю! Завтра садись в автомобиль. Она будет идти на службу, а ты подъедешь сзади, любезно пригласишь подвезти к канцелярии. А вези в тюрьму. Никаких дознаний, достаточно ясно — шпионка! Сам приду к ней в камеру, сам расправлюсь. Понятно!?

— Вполне.

При Мамилове Бичерахов не подавал виду, что ему плохо, на

самом деле едва терпел: сердце вдруг схватило режущей болью, а голова переполнилась тупым, тягостным шумом.

Когда Мамилов ушел, побегал по комнате, но от этого лучше не стало. Распахнул окно. Не видел в вечерних сумерках сада, смотрел выше деревьев, куда-то в мутное, гаснущее небо. И дышал, дышал холодным живительным воздухом. Вошел Христофор, переступил с ноги на ногу, покашлял:

— Я хотел сказать тебе, хицау...

— Что? — не оборачиваясь, спросил Бичерахов.

— Приезжали с твоего хутора...

— Что?! — чувствуя недоброе, истерически крикнул Бичерахов.

— Сказали, что сбежал управляющий... Хутор без присмотра, его разворовывают...

— При чем тут хутор? — заорал еще пуще. — При чем хутор, черт побери?! Плевал я на него, ты слышишь? Да, да, плевал! Идеи гибнут, надежды рушатся!

Нехорошо вздрогнул Бичерахов. Его потянуло всего, свело судорогами. Охнул. И хватаясь за сердце, рухнул на пол. Забился, пуская изо рта пену. Христофор бросился к телефону, вызвал врача. Потом затащил хозяина на кровать, положил на лоб мокрое полотенце. Бичерахов очнулся, но его тотчас потянуло ко сну. Однако начали плестись кошмары, и он заставил себя отогнать сон. Это было невыносимо мучительно хотеть спать и гнать сон. Пришел военврач в пенсне. Внимательно выслушал правителя через стетоскоп. Бичерахов на вопросы врача не отвечал, только мучал, как теленок, и слабо крутил головой. Пульс был почти нормальным, несколько слабее, чем следовало. Врач сунул больному термометр под мышку. Температура немного ниже обычной. Врач пожал плечами, пригласил Христофора в другую комнату и расспросил, что произошло. Слуга рассказал о том, что он сообщил хозяину и как тот после этого упал.

Врач определил приступ неврастения. Ввел для успокоения подкожно морфий, собрал инструмент и ушел. Бичерахов задышал ровно и глубоко. Слуга, погасив свечу, удалился.

Всю ночь Бичерахов спал крепко. Перед утром ему приснились красивые лиловые реки и сказочные розовые леса. Он радовался и улыбался во сне. Но живописные видения оборвались и снова пришли кошмары. Открыл глаза. За окном уже светало, сад шумел ветром. Крикнул слугу, велел звать врача.

Врач явился заспанный, шурился под стеклами пенсне. Бичерахов попросил повторить укол. Врач, отрицательно качая головой, сказал, что к морфию можно пристраститься, и тогда это станет наркоманией. Посоветовал отдых, теплые ванны и морцион.

Бичерахов повысил голос. Врач развел руками и подчинился. После укола Бичерахову стало приятно и весело. Он велел врачу явиться с дозой морфия вечером, а сам побрился, вымылся, с апетитом позавтракал.

И отправился в тюрьму расправляться с бывшей адъютантшей.

5

Выхода, кроме как броситься в Терек, у Наташи не было. Надеяться, на то, что ее ни в чем не подозревают, потому и не арестовывают, она не могла. Слишком выразительно вели себя по отношению к ней Бичерахов, Лымарь и Мамилов. Они смотрели на нее зверем, не разговаривали, очевидно, не хватало у них терпения скрывать свою ненависть. Мамилов к тому же зловеще усмехался при встрече. И хотя ходила она в мундире и аккуратно являлась на службу, поручений ей не давали. Так, сидела себе в приемной, изредка докладывая о посетителях, которых в последнее время почти не было.

Чего же, спрашивается, ждать? Ареста, что мог случиться каждую минуту? А не лучше ли все же попытаться бежать? Броситься с крутого берега в Терек и плыть прямо в одежде. Пока сыщики спохватятся, она может оказаться далеко — волны Терека быстры. Плавала она, к сожалению, плохо, однако надеялась на удачу — а вдруг вынесет к противоположному берегу, пусть даже прибьет к этому: пока наладят поиски, она сможет как-то укрыться. Во всяком случае, лучше погибнуть в мутных водах Терека, чем от рук бичераховцев.

Окончился служебный день, и она почти побежала домой, ей нетерпелось скорей исполнить задуманное. Дома стащила с себя неудобный тяжелый мундир, сапожки, шапку. Одеда что полегче: простое домашнее платье, туфли, косынку. И решительно направилась к Тереку, к тому крутому берегу, что был недалеко от ее квартиры, густо оброс раkitами и шиповником. Шла как во сне, как в тумане, не замечая вокруг никого и ничего.

Вот он, Терек. Раздвинула локтями раkitы. Листья, притронувшись, пощекотали лицо. Мутная вода внизу под высоким крутым берегом бурлила, несла на себе опавшую с деревьев коричневую листву. Холодом дышал Терек, излучал запах льда. Брр... Страшно... Но мучиться на допросах от пыток, стоять под дулом винтовки или нагана еще страшнее...

— Господи, благослови! — невольно вырвалось из души.

Она, не зная для чего, не отдавая себе отчета, широко раскинула руки, подстрекаемая страхом, туго, до слез, до боли в веках зажмурилась и шагнула к краю кручи.

В ту же секунду почувствовала, как ее, Наташу, схватили за руку.

— Пардон, барышня, что с вами? — услышала вежливый, сладко-приторный, ласковый голос.

Кто-то вцепился и во вторую руку. Оттянули от Терека, вели за ракиты к дороге.

— Вам плохо, барышня?

— Нуждаетесь в помощи?

Это были милые на вид, прилично одетые, далеко не старые люди, жалостливые, обходительные. Сыщики! Кто же еще мог подоспеть так быстро.

— Спасибо, мне ничего не надо!

Оттолкнула обоих и, пошатываясь, пошла к дому. Сыщики не отставали, шагали сбоку, от Терека, как бы отгораживая ее от реки.

Дома плотно закрыла за собой дверь, заперла на крючок и задвижку: если будут ломиться, выпрыгнет в окно, что глядит в конец двора, в сад, и побежит... Тут же вспыхнула, обрадовала мысль: а ведь сыщики дежурят только на улице. Не так уж трудно, соблюдая осторожность, уйти через окно во двор, затем — в соседний, выбраться на окраину города и под покровом ночи... Может быть, все-таки удастся удрать?.. Подождет темноты и... Оделась потеплее: суконное платье, шерстяные чулки, ботинки с высокой шнуровкой. Накинула на плечи шаль.

Смеркалось. В жидком рассеянном вечере за окном толпились синие муаровые облака. Ветер плескался в деревьях. Тук-так, тук-так... — громко стучало сердце.

Послышались за окном шаги. Скрипнула незакрытая ставня. Багровое лицо прильнуло к стеклу и тут же исчезло. Наташа едва не вскрикнула. А это прошуршала за окном обломанной веткой сухая акация, ветер качнул ставню, последний закатный луч, пробившись между облаками, ударил по стеклу и тут же угас. Все это Наташа уже поняла, но успокоиться не могла. Даже в самые опасные минуты прежде не волновалась так жутко, как сейчас: обойдется ли все благополучно, удастся ли выбраться из Моздока?..

Оконные стекла чернели, чернота входила в комнаты. Смутным мазком казался теперь через окно соседний дом. Пожалуй, пора!

Створки окна в сад распахнула неслышно... И увидела под ближним тутовником две человеческие тени... Боже мой, сыщики! Ну конечно же, они! Нет, не такой дурак Мамилов, чтобы делать упущения.

Все учел, запер со всех сторон! Плюхнулась на скамейку, зажала щеки ладонями. Крепко зажала, до одеревенения челюстей.

Долго, неутешно плакала — тихо, тоскливо, без вздохов и всхлипываний. Скользили по щекам и ладоням горячие слезы и обреченно медленно, словно перед смертью, едва тукало сердце...

6

Тимка очнулся от ощущения пожара. Пылая в огне, сгорало тело, смрадный дым, закупорив легкие, не позволял дышать. Тимка выдавил стон, не успев шевельнуть веками, снова провалился в беспамятство.

Потом явился перед ним синий, рогатый Малюта. Подпрыгнул, завилял хвостом. Боднул Тимку рогами, укусил, вонзив клыки. Хохоча, выставляя копыта, принялся танцевать лезгинку.

И наступил приятный покой. Медленно возвращалось сознание. Не открывая глаза, вспомнил отца, дождь, броневик, дядю Сережу, белые халаты, постель... А что произошло дальше? Тимка раскрыл клейкие веки.

Желтый свет ударил в лицо, заставил зажмуриться. Слегка подогретый неярким солнцем свет вливался в окно, был мягким и ласковым. Тимке стало хорошо от ощущения тепла и уюта, от того, что он жив и нет больше страха.

Свет шевельнулся, отступил. Его загородила, явившись на фоне окна, женщина в белом халате.

— Мамка! — узнал родное лицо.

И тут же вспотел от напряжения. Мать гладила его волосы, целовала, вытирала носовым платком его потное лицо.

— Тимоша, миленький, очнулся? — Смеялась и плакала. — Митя, Митя, посмотри, Тимоша глаза открыл!

— Вот и молодец! — услышал Тимка радостный голос отца. — Мы с ним еще повоюем!

Тимка скосил глаза и увидел на соседней койке отцовское лицо, похудевшее до такой степени, что неестественно большими казались нос и усы. Подошла скуластенякая девушка с красным крестом на косынке, улыбнулась:

— Воскрес, Тима!

Откинув одеяло, положила Тимке под мышку термометр. Тимка, переводя глаза из стороны в сторону, рассмотрел просторную комнату с широкими окнами, бледных людей на койках. Когда девушка ушла, мама объяснила, что сестру милосердия зовут Вера, она родная сестра Николая Федоровича Гикало. Вера возвратилась с тарелкой бульона и белым сухарем. Передала еду Тимкиной матери, извлекла из его подмышки термометр.

— Температура почти нормальная. Будешь есть хорошо — побежишь домой!

Мать приподняла Тимку за спину, подложила подушку, с серьезным видом кормила, словно маленького: размачивала в бульоне сухарь, опрокидывала в рот наполненную ложку. Ел с жадностью, бульон был вкусным. Опустошил тарелку до дна. Что-то сказал отец. Но Тимка не расслышал. Сон сковывал, погружал в сладостное одеревенение. Когда же открыл глаза, окно было затянуто дымкой вечера, в уголке оконной рамы приветливо подмигивала одинокая звезда. Кто-то громко, жалобно стонал.

— Мамк, мамка! — окликнул Тимка.

Но ответила Вера Гикало:

— Тсс... Все уже поужинали и спят. А ну открывай рот...

Досыта накормила манной кашей.

Утром Тимка проснулся раньше всех и почувствовал себя таким сильным, что захотелось бегать. Спустил ноги с постели, смело сделал шаг. Но в глазах потемнело, едва не упал, удержался за спинку кровати. Холодный пот окатил с головы до ног.

— Ай-я-яй, ну что это за самовольство?! — закричал появляясь в дверях, маленький сморщенный старичок с веселыми глазами, в белом халате и шапочке. — Тебе еще рано ходить! — Старик подхватил Тимку, уложил на койку. — Ты, брат, не нарушай наши порядки, мы с тобой старые друзья, нам ссориться не следует...

Тимка узнал доктора, который приходил к ним в дом с чернявой Фатимой к больной мамке. В это время проснулся Добров-старший.

— Ну, а вы, уважаемый, как себя чувствуете?

— Совсем хорошо! — Добров-старший, морщась от боли, поднял и опустил забинтованную руку. — Видите, действует! И температура почти нормальная. Выписывайте меня, доктор!

— Пока нельзя.

— Не выпишите — убегу! Чего мне тут зря время переводить?

— Попробуйте!

Доктор обошел всех больных, поговорил с каждым. Принесли завтрак. Вера Гикало кормила Тимку, словно маленького.

— Жми на еду, сынок! — подмигивал отец. — Коли навалился аппетит, значит, пошло на поправку.

К вечеру пришла мать. Вспомнили Наташу, дядю Сережу. Едва речь заходила о дочери, мать начинала плакать.

На следующий день Вера Гикало сказала Тимке, что к нему пришли гости. Явились двое незнакомых в накинутых белых халатах.

— Приказано снять мерку! — сказал один старый, беззубый, согбенный, вынув из кармана клеенчатую ленточку с черточками-делениями.

— А с какой целью — пока неизвестно, — добавил второй,

помоложе, с реденькими седыми бачками у ушей, и откинул одеяло, — потому что военная тайна и сюрприз!

Тимка тарашил глаза, ничего не понимая. А они обмеряли его вдоль и поперек, один — ноги, другой — руки, грудь и голову. Многие больные приподнялись и с любопытством смотрели на происходящее. Незнакомцы в заключение многозначительно подмигнули, а один даже прищелкнул языком. И ушли. Вера Гикало улынулась, а Добров-старший будто непонимающе повел здоровой рукой...

7

Текли по щекам Наташи слезы и медленно, как перед смертью, едва тукало сердце.

Шум возник в саду за окном. Слышался он и с улицы. Затанов дыхание, напрягала слух. Какая-то возня различалась там и там: крикание, короткие, приглушенные выкрики... Потом стихло. А через некоторое время — осторожный, но отчетливый стук в дверь:

— Маруся, открой, это я, Ванюша!

Вздрыгнула. Такой знакомый голос! Неужели он? Каким образом? Господи, счастье-то какое! Но все еще не верила: а может быть, враги подделываются под его голос? Стояла в нерешительности, не в силах сдержать напряженную нервную дрожь. Стук, теперь уже более настойчивый, повторился:

— Маруся! Я же знаю, ты в доме. Открывай, дорога каждая минута!

Будь что будет: шелкнула задвижкой. В дверях — он, Сережа! Бросилась ему, спасителю, на шею, невольно поцеловала. Он стиснул ее в своих объятиях, тоже поцеловал. Шепнул на ухо:

— Тише!

Схватил за руку, повел в глубь сада. Следом шагали какие-то тени. Взял ее на руки, поднял над плетнем, опустил на той стороне, в соседнем дворе, перелез сам. Перемахнули через плетень тени.

Надрывался ветер, нес холод. Где-то приглушенно лаяли собаки. Выплыло пятно дома. Из-за него, из-за черного облака выскользнула луна, осветила камышовую крышу, паутину деревьев, кривые ворота и шагавших позади людей в бурках и башлыках.

Вышли на улицу. Луна свалилась за тучу. И опять кругом темно. Шагали долго. Спустились в низину. Улица осталась позади. Фыркнули лошади. Вырисовался в темноте еще один человек в бурке. Наташа рассмотрела пару лошадей и бричку. Сергей помог

Наташе устроиться, подложив сена. Сел сам. Те люди, что шли сзади, исчезли. Этот, в бурке, тоже полез в бричку, покопался в сене, достал две винтовки. Одну дал Сергею, другую положил себе на колени. Тронул вожжами лошадей, погнал рысью, бричка застучала колесами.

Когда въехали в лес, поднял лошадей в галоп. Наташа опасалась, что завяжется перестрелка с заставой. Но лес миновали благополучно. Возница дал лошадям передышку и снова погнал крупной рысью. Ехали теперь степью. Ветер шумел в траве. Тарахтели колеса. Пугаясь ночных теней, всхрапывали кони. Потом бричка свернула с дороги. Под колесами шелестела полеглая пшеница. Возница остановил коней в перелеске.

— Приехали, — произнес тихо, — расплачивайся, хозяин.

И отобрал у Сергея винтовку. Сергей протянул вознице бумажный сверток:

— Возьми, здесь больше, чем уговаривались.

— Если обманул, бог тебя накажет.

Сергей взял Наташу за руку, повел тропинкой через шуршащий перелесок. Возница стеганул лошадей кнутом. Долго еще замирал вдали перестук колес брички. Было по-прежнему темно и ветрено.

— Где мы? — спросила Наташа.

— Если возница не ошибся, вблизи станицы Галюгаевской, против аула Терк-Юрт.

— Просто не верится, что я уже не в Моздоке, что позади тот ад.

— В Грозном узнали об аресте Симона и его друзей, сделали вывод, что ты в опасности, послали меня. Да и не нужна ты уже в Моздоке, Бичерахову до полного краха осталось мало.

Они разговаривали осторожно, шепотом. Наташа, вспоминая Симона, вздыхала.

— А как тебе все удалось устроить? Не думала, что так обойдется, ох перетрусил!

— Моздокский связной дал мне в Грозном адреса надежных людей, керменистов, оставшихся на свободе, сообщил пароли. Они мне во всем помогли. Напали целым скопом на сыщиков, похватали, уничтожили. Заранее подыскали возницу. Он-то не керменист, обыкновенный любитель наживы, согласился везти за деньги. Деньги на всякий случай получил по распоряжению Гикало.

— Непонятно, почему нас не задержала застава?

— Наташа, милая, какие сейчас могут быть заставы? Из станиц выскребывают последки: подростков и пожилых. Возница боялся не заставы, а бандитов с обрезами, что отнимают у проезжих лошадей.

Он кратко рассказал о домашних Наташи: отец с Тимкой — в госпитале, мать — старшина санитарной дружины.

— Тсс... — Наташа дернула за руку Сергея. — Что это?

Ветер принес неясный однотонный шум. Сергей прислушался.

— Так это же Терек шумит, Наташа...

Рассвет, как ножом, аккуратно подрезал линию горизонта, рельефно вычертил поредевшую сетку деревьев. Перелесок кончился. В стороне бурой стеной встал камыш. Он трещал от ветра, размахивал метелками. Под камышом зеленела беспокойная вода. Где-то вблизи грозно бушевал невидимый Терек.

Сергей отыскал в камыше лодку, утлый плоскодонный каючок, единственное к нему весло-шест и жестяную кружку для вычерпывания воды. Каюк подтащил к берегу. Терек открылся весь в буронах, гривах пены. Сергей сокрушенно качал головой.

Только оттолкнулись от берега, каюк подхватило ветром и понесло. Сергей, стоя на корме, старательно работал веслом. Наташа вцепилась руками в борта. Каюк взлетал на верхушки бурунов, круто падал в водяные провалы. Захватывало дух. Холодные брызги бросались в лицо, обливали одежду. Вода наполняла лодку. Наташа, схватив кружку, торопливо вычерпывала.

В сторону ушел аул Терк-Юрт, скрылась из виду Галюгаевская. С большим трудом удалось Сергею выровнять лодку. Медленно наискось надвигался высокий берег, выползала навстречу песчаная коса. Восток вспыхнул робкой зарей. Она потлела немного и угасла. В небе скучными вереницами тянулись облака. Каюк врезался носом в прибрежный песок. Сергей прыгнул в воду, удержал плоскодонку, вытолкал на берег. Помог выбраться Наташе. С обоих стекала вода.

— Пусть мы мокрые, зато на этой стороне! — ликовала Наташа. — Давай бежать, чтобы не простудиться!

Затащили лодку в спокойный, защищенный наносным песком залив и побежали в гору, на высокий берег. Запыхались. Обоим стало жарко. Навстречу топырился колючий кустарник, уходила к Терскому хребту пыльная степь, внизу хищно клочкотал Терек.

— Мы к Дуде Хаттуеву, да? — спросила Наташа.

— Дуда воет, но семья нас примет. Постараюсь достать тебе мужскую одежду, в ней на коне тебе будет удобнее.

— Спасибо, Сережа. Надо обсушиться, спички есть?

Сергей вытащил из глубины одежды зажигалку. В целях предосторожности отыскивали овражек укрытый кустарником, принесли хвороста посуше — дыма он не дает, горит жарко. Сперва держали над огнем черкеску и шаль. Когда они подсохли, кое-как прикрывшись ими, вертели над костром остальную одежду. Сергей старательно отворачивался от Наташи, боясь оскорбить ее нечаянным взглядом. И вдруг не выдержал, повернул глаза: мокрые ее

волосы, атласно блестя, рассыпались по голым плечам. Захватило дух...

— Наташенька, милая... Самая лучшая!..

Она отстранила его руки:

— Не надо, Сережа!

— Я давно собирался сказать, давно: люблю тебя!..

— Вещи уже готовы, давай прежде оденемся, и я скажу тебе все.

Угрюмый и подавленный, натянул он одежду.

— Извини, Сережа, но так получилось, я полюбила Симона, а он — меня. Мы муж и жена, я жду от него ребенка. Что хочешь думай обо мне, но поступить иначе я не могла.

Забыв, что рядом костер, вообще забыв обо всем вокруг, шагнул в пламя:

— Эх, ты, ты!.. Как ты могла?!

Начали дымиться полы черкески. Наташа, схватив за руку, выдернула его из огня. Тугой спиралью скрутил он на груди рубашку, рванул. Разорвал донизу. Мазнул туго сжатым кулаком себе по глазам.

Немыми шли они, цепляясь ногами за дорожную пыль. Вставали над горизонтом контуры аула Терк-Юрт. Сгущались в небе тучи, копился сумрак,

8

Тимка пробыл в госпитале еще неделю. Часто приходила мать. От радости, что сын выздоравливает, была веселой, смеялась. Приносила груши и виноград. Тимке к тому времени разрешили ходить. Все трое — он, отец и мать — шли во двор, садились на скамейку под акацией, жмурясь от теплого солнца, разговаривали. Снова вспоминали Наташу. И снова мамка плакала. А отец молча хмурился.

И вот наступил день, когда Тимке объявили, что может идти домой. Отец пошел проводить. Прибежала мать.

Но сначала всех троих пригласили в пропахшую йодоформом кладовую, где полки были забиты пачками белья. Здесь уже ждал доктор-старичок и женщина в очках. Как только Тимка переступил порог, она подала новое нижнее белье, велела переодеваться. Потом протянула новенькие защитного сукна брюки-галифе и такую же гимнастерку с медными пуговицами.

— И это одевай, — сказала очкастая.

Тимка, не смея дышать от радости, натягивал на себя такие великолепные вещи. Мать заботливо их оправляла. Отец добродушно гладил усы.

А очкастая подала еще и теплые байковые портянки и новые,

остро пахнувшие, чуток просторные яловые сапоги. Но и это не все. Тимку опоясали широким хрустящим ремнем, надели на голову защитного цвета фуражку с красной звездочкой, а на плечи накиннули великолепную шинель из серого сукна.

Тимка, оглядывая себя, вертелся и не мог поверить, что все это ему. Прошелся по кладовой. Сапоги музыкально скрипели, и пело от счастья Тимкино сердце. Ахал и охал от восторга старичок-доктор. Ему вторили отец с матерью.

— Вот тебе и сюрприз! — сказал доктор. — Носи на здоровье!

Направились с матерью домой. Отец проводил за дверь. Грустно посмотрел на них.

— Я тут тоже долго не задержусь. Не выпишут — удеру!

— Не выдумывай! Доктор сказал, если не долечишься, рука усохнет — инвалид на всю жизнь.

— Себя береги, Глашенька, осторожней там, в сандружине. Не ровен час...

— Здравсте! Что я — окопный боец? Ничего не случится!

— А все же... Дай я тебя поцелую.

Они очень крепко поцеловались. Видно, чувствовал Добров-старший, что видит ее последний раз.

Мать поймала Тимку за руку, но он вырвал ее: не маленький! День был тусклый, но теплый. Солнце резво бежало навстречу тучам, гасло на миг и вновь вспыхивало. Хорошо было Тимке, очень хорошо. Чувствовал он себя словно на седьмом... Да какое там!.. На двадцатом небе!

Вот и железнодорожный переезд, вот и кривая щебелиновская улица. Вот они, ворота, за которыми стоит в пустом дворе родная халупа... Вбежав в комнату, Тимка завертелся перед зеркалом. В сторонке любовалась, не могла налюбоваться сыном мать. Наконец сказала:

— Мне ведь в санитарную дружину, Тима, надо. Возвращусь вечером.

Переделась. Вместо платья натянула мужские брюки и пиджак, обула сапоги. Повесила через плечо санитарную сумку с красным крестом. Обняла Тимку, поцеловала в щеку.

Когда мать ушла, Тимка еще раз полюбовался на себя в зеркало, так и этак — боком, передом и спиной. И решил немедленно бежать в свой «отряд красных бойцов». Возможно, там уже другой командир? Ну что же, Тимка будет рядовым бойцом!

Но в той яме — на «командном пункте» — никого не увидел. Побегал по улицам, заглянул во дворы, тоже никого из ребят нет. Тут он вспомнил разговоры в госпитале, что фронт сейчас проходит далеко за вокзалом, под керосиновым заводом. Конечно же, «отряд красных бойцов» теперь там! И Тимка поспешил туда. Но, пробегая мимо своего двора, вдруг увидел, что ворота настежь распахнуты. Что случилось — они всегда были закрыты?..

С недоумением вошел во двор. Увидел двух мужчин в башлыках и черкесках, расседлывающих потных коней. Безошибочно узнал дядю Серēju Званцева. А кто второй? Такое знакомое лицо!..

Но второй, бросив коня, уже бежал к Тимке. Схватил его, поднял, прижал к себе и осыпал поцелуями. Великолепная фуражка свалилась с головы, безжалостно мялась такая замечательная шинель. А его все обнимали и целовали.

— Тим! Братуля! Ты ли это?..

— Наташа! Наташенька! — Тимка обнял сестру.

— А где мама? — Наташа не спускала с Тимки глаз.

Ответил, что в санитарной дружинке, возвратится вечером.

— Как жалы! — вздохнула Наташа. — Я так по ней соскучилась, терпения нет увидеть. Брошусь ей на шею и никогда, наверное, не оторвусь. Милая мамочка! А папа где? В госпитале? Мы сейчас же отправимся к нему.

— И я с вами, — сказал тихо Званцев.

Он привязал коней к акациям за домом. Седла вверх потниками уложил сушиться на бревна. Сбегал в хрящевский двор, принес охапку сена. А Наташа в комнате умылась и переоделась. Сергей закрыл ворота. Затем Наташа взяла Сергея под руку, обняла Тимку за плечо и они пошли к госпиталю грустными осенними переулками.

9

У черных закопченных цехов керосинового завода, у толстых ржавых резервуаров, подходила к концу жестокая рукопашная схватка. Звякали, скрещиваясь, штыки, стучали, натываясь один на другой, приклады. Напряженно сосредоточены лица людей, осатанело убивающих друг друга. Пятясь задом, станичники покидали завод. Не выиграли они сражения и на этот раз. Отступив, поспешно укрылись в сточных канавах, замазученных ямах, под поросшими бурьяном холмами. Горожане, полностью заняв завод, окапывались на новом рубеже, вдоль длинного кирпичного забора.

Бой угас. В заводском дворе, между пахнущими керосином пегонными кубами, корчились, надрывно стонали раненые. К ним спешили с носилками сестры милосердия и шебелиновские сандружинницы. С противоположной стороны бежали на помощь своим казачки.

Фатима Арсанова, в шинели, сапогах и ухарски сдвинутой набок шапке, сняв с плеча винтовку и передав ее бойцам на сохранение, первой очутилась во дворе. Спустя минуту рядом появилась

Глафира Петровна Доброва. Обе втащили на носилки раненого в окровавленном брезентовом плаще, перевязали ему голову. Подняли носилки, заспешили к санитарным двуколкам.

Хлопнул одиночный выстрел — с Фатимы слетела шапка.

— Кто-то из засады, — догадалась Фатима. — Побежим давайте...

— Но это подло: стрелять в женщин, спасающих раненых, — возмутилась Глафира Петровна.

И ощутила ожог в боку. Одновременно услышала второй выстрел. Они бежали, стараясь крепче держать носилки, чтобы не упустить раненого. Но Глафира Петровна вдруг почувствовала слабость и замедлила шаги. Звонящим шумом наливалось уши, росла немощь, носилки валялись из рук. Третий выстрел расслышала едва. Сильно толкнуло в спину, резкая боль заставила вскрикнуть. Ноги казались мягкими, будто вата, непослушными, и она рухнула на землю. Выпал из носилок, застонал раненый боец. На Глафиру Петровну смотрели полные ужаса глаза Фатимы.

Пулеметная очередь со стороны красных прекратила выстрелы из засады. Раненого подхватили другие. Фатима, склонившись над Глафирой Петровной, обматывала ее бинтами.

— Милая вы моя, дорогая... Хьомсара!..* — Слезы лились из глаз Фатимы.

Прибежали сандружинницы с носилками, подхватили свою старшину, уложили в двуколку. Рядом села Фатима. Красноармеец-санитар погнал лошадь рысью.

К госпиталю Глафира Петровна подъезжала, погружаясь в глубокий сон.

— Митю... — стонала она. — Позовите Митю... мужа...

Густая тьма подступала со всех сторон, ледяной холод сковывал тело.

— Митю... Позовите Митю...

Ее осторожно снимали с двуколки. Меркнущие глаза вдруг заметили Тимку, и она никак не могла понять, почему он здесь.

— Мамочка! Мама! — услышала такой знакомый, такой милый, долгожданный голос.

С большим усилием скосила глаза и увидела дочь. Но глаза быстро угасали, и Наташа превратилась в расплывчатое пятно. Крупные слезы катились по щекам Глафиры Петровны. Собрала все силы, прошептала едва слышно:

— Наташенька... Ты возвратилась? Доченька моя... Я так рада... А где Митя?..

И, глубоко вздохнув, затихла.

* Хьомсара — уважаемая (чеч.).

Из записей А. З. Дьякова

В наш штаб поступило два важных документа. Сообщение из Грозного, что в результате нового наступления взят керосиновый завод, и донесение разведчика из Самашкинской, что оттуда оттянуты некоторые силы к Грозному. Военревсовет решил начать разведку боем, в случае удачи перейти в общее наступление.

Ранним пасмурным утром отряд Юсупа Алмазова пошел на прорыв с левого фланга, наткнулся на яростное сопротивление и отошел. Владикавказский полк ударил самашкинцам в лоб, прошупал, насколько крепка оборона, и отступил. На правом фланге завязал перестрелку Грозненский батальон, белоказаки ответили сокрушительным огнем. Батальон возвратился на свои позиции.

Стычки происходят по всему фронту — днем и ночью. Влажный осенний воздух пропитался запахом пороха. Бронепоезд в операции не участвует. Он распоряжением Левандовского переброшен к Прохладной.

Итак, слабые места противника нашупаны. Мое мнение: начать наступление. Но решающее слово за военревсоветом.

Начали собираться на заседание. Я случайно глянул в окно. Мое внимание привлек автомобиль...

Неизвестный автомобиль, пробивая осеннее марево, мчался, покачиваясь на рессорах, быстро приближался: шофер и два пассажира. Машина остановилась против окна. Двое в бурках, папах и башлыках, закрывавших лицо, вышли из автомобиля. Я поспешил навстречу.

Приехавшие поднялись на крыльцо, развязали башлыки. С удивлением узнал Орджоникидзе и Левандовского. Когда переступили порог, доложил, что члены военревсовета собрались на заседание. Орджоникидзе спросил, по какому поводу заседание. Я ответил, что намерены обсудить вопрос о наступлении на Самашкинскую. Орджоникидзе отрицательно покачал головой:

— Придется, дорогой, повременить...

Морозец разостлал по земле кисею инея, превратил лужицы в хрупкие ледяные стекла. Навесил на деревья кружева, посеребрил крыши и заборы. Природа, как могла, украсила станицу Михайловскую в тот торжественный день.

Хозяйки, растопив печи, заглянули в кладовки и погреба, расшевелили запасы. Из труб серыми пушистыми хвостами выползли

дымы. Запах жареных яиц, лука, свежее испеченного черного хлеба и круто замешенной лапши заструился по улицам.

Позавтракав, станичники повалили на площадь. День был свеж и прозрачен, сияло солнце, дышалось легко. Ощущалась необычная радостная приподнятость.

Около тысячи фронтовиков, сверкая оружием, растянулись в конном строю, заполнили станичную площадь. В центре — сколоченная из досок трибуна. Алое знамя слегка колышется на древке.

Трибуну окружили седые деды, казачки в сборчатых юбках. Мальчишки, шмурыгая носами, протискались вперед.

Из кирпичного здания станичного Совета вышли строго подтянутые, в длинных шинелях и красное звездных лапах Орджоникидзе, Левандовский, Дьяков, члены военревсовета. Начальник штаба, сдерживавший коня перед строем, подал команду «смирно!». Орджоникидзе и сопровождавшие его поднялись на трибуну. Начальник штаба, прищпорив коня, подскочил к трибуне, отрапортовал Чрезвычайному комиссару, что войска построены для участия в праздничном митинге и параде. Выслушав рапорт, Орджоникидзе разрешил стоять «вольно», выше поднял голову, вскинул руку:

— Товарищи! Поздравляю вас с торжественным праздником первой годовщины Октябрьской социалистической революции!

— Ур-ра-аа-а!.. — взорвалось множеством голосов, прокатилось по рядам войск, замерло. И эхом отдалось в возвышенностях Сунженского хребта.

— Товарищи, братья! Вы ведете героическую борьбу за Советскую власть, торжество большевистских идей, землю, свободу и счастье...

Всадники, оберегая тишину, оглаживали коней, чтобы те не звенели сбруей. Деды затаили кашель. Женщины перестали грызть семечки. Открыли рты мальчишки.

Орджоникидзе говорил, что красные сунженские казаки и горы оказывают большую помощь грозненскому пролетариату, который вот уже три месяца в невероятно трудных условиях защищает завоевания революции. Заканчивая речь, призвал сломить сопротивление врага, разгромить бичераховщину...

— Вот Красное знамя, — Орджоникидзе потряхнул над трибуной древком с красным полотнищем. — Вручаю его вам от имени Центральной Советской власти и партии большевиков за боевые подвиги. Принимайте и держите крепко. Добивайтесь новых побед. Потеряете знамя — потеряете доверие народа, потеряете все...

Принимать знамя подошел организатор первого на Сунже красного отряда Исая Рохлин. Ветерок колыхнул алое полотнище, оно

затрепетало, заструилось пламенем, вырисовало на своем фоне золотистые серп и молот. Рохлин, бережно взяв из рук Орджоникидзе древко, рывком поднял знамя над головой. Ярко-огненное, оно было видно во всех концах станицы. Казалось, исходит от него тепло.

— Знамя это, — Рохлин, склонив древко, приник губами к уголку полотнища, — не потеряем, не отдадим! Оно нам, святое и родное. Будем биться под ним, доколь полностью не восстановим на Сунже и Тереке нашу единственную Советскую власть! Да здравствует Ленин и большевистская партия!

И снова, всколыхнув воздух, прокатилось над войсками «ура!» Оживленно загомонили станичники. Рохлин, прося внимания, поднял руку:

— А еще скажу в честь первой годовщины Октябрьской революции! Что благодаря Советской власти и нашей большевистской ячейки все мы тут на Сунже сдружились! И красные казаки, и чеченцы, и ингуши, и осетины, иногородние крестьяне, и грозненские красноармейцы. Как будто нас спаяли в один слиток! Да никогда же до этого не было такой братской дружбы между казаками, горцами и иногородними! Рука об руку пойдем мы все вместе вперед и только вперед, освобождать нашу землю от врагов!

Высоко подняв над собой знамя, Рохлин спустился с трибуны и, осторожно, бережно неся над собой бесценное, дорогое, четким шагом пошел к конному строю. Сел на коня. Знамя запылало над войсками.

Парадным маршем, сдерживая коней и равняясь на трибуну, проехали рядами бойцы по площади, отдавая обнаженными клинками салют Чрезвычайному комиссару Орджоникидзе, военному наркому республики Левандовскому, командующему армией Дьякову и членам военревсовета.

А на площади уже устанавливали барьеры, подставки с лозами ивняка, втыкали в землю кол с чучелом белогвардейца. Звеньями строились участники конкурса — конных состязаний.

Распорядитель взмахнул клинком. Пригнувшись к луке седла, вырвался из строя на вороном коне веснушчатый с крутыми бровями всадник в бурой домотканой черкеске. Дьяков, блестя белыми зубами, притронулся к локтю Орджоникидзе:

— Командир ингушского отряда Юсуп Алмазов.

— С ним мы большие друзья! — повел пальцами по усам Орджоникидзе.

Алмазов, приблизившись к первому препятствию — жерди, положенной на крестовины, — поощрил коня: чуть сдвинул шенкелями, слегка отпустил повод и едва заметно приподнялся в седле. Конь, пряднув ушами, плавно, точно ласточка, перелетел барьер, помчался дальше, навстречу припудренному инеем хворосту, колюче торчавшему из пробелов сбитых досок почти на уровне конской

груди. Легко взяв это и другие препятствия, приближался к шеренге ивняковых лоз.

Гикнув, Алмазов рванул из ножен клинок, подбросил над собой, поймал, подчеркивая этим особую лихость, покрутил в воздухе и, наклоняясь то влево, то вправо, начал рубить лозы. Клинок входил в них мягко, точно в масло, они падали вертикально, не наклоняясь. Все видели — это высший класс рубки. Деда, знавшие цену кавалерийскому мастерству, толкали друг друга локтями, с одобрением крутили головой. Размахивая руками, визжали мальчишки. Гул восхищения несся по площади.

Когда Алмазов пропорол острием клинка «грудь» чучела белогвардейца, конь, раздувая ноздри, птицей подлетел к последнему и самому громоздкому препятствию — высокому деревянному конусу, прозванному кавалеристами «гробом». Слегка натянув поводья, Алмазов насторожил коня. Приподнявшись в седле, подался вперед. Конь, понимая всадника, старался. Напрягшись, встал на задние ноги, разлохматил гриву. Вскрапнул, и в тот же миг плавно перенес через «гроб» передние ноги, одновременно вскинув задние. Он не коснулся препятствия. У всех вырвался вздох облегчения.

Затем, обскакав площадь полукругом, Алмазов показал высший класс джигитовки: скакал галопом, стоя в седле, без поводя, с кинжалом в зубах, обнаженным клинком в одной и винтовкой в другой руке; прыгал через коня на полном галопе. И еще такое, от чего захватывало дух: висел на полном скаку под брюхом коня, волочился головой вниз, рядом с опасными конскими копытами, держась лишь за одно стремя. Деда восхищенно шелкали языками, женщины и мальчишки истошно хлопали в ладоши. Аплодировали на трибуне.

После Алмазова состязались многие другие бойцы: казаки, чеченцы, ингуши, осетины...

— Слышь, сват, — сказал один дед другому. — Этот праздник в честь первого года новой власти буду помнить до скончания.

Когда закончился конкур, старики и женщины толпой хлынули к бойцам, наперебой приглашали к себе в дом, на обед.

Сразу после торжества Дьяков открыл заседание военревсовета. В горнице было тихо и свежо. Никто не осмеливался курить в присутствии Орджоникидзе и Левандовского.

— Почему, дорогие, было отложено наступление на Самашкинскую? — Орджоникидзе обвел всех серьезным взглядом. — Потому, что его надо приурочить к общему генеральному наступлению всех советских войск на фронтах Терской республики. Силами Шариатской колонны будет нанесен удар по Прохладной, а затем и по Моздоку... Части Двенадцатой Красной Армии — Интернациональный, Железный и Ленинский полки, — переброшенные из Астраха-

ни, во всю лупят белогвардейскую сволочь под Кизляром, в ближайшие два-три дня учинят полный разгром, затем по линии Шелковская — Червленая продвинуется к Грозному. Сунженская Красная Армия подступит к Грозному, овладев Самашкинской, Романовской и Ермольвской. Это в общих чертах. Подробно доложит Михаил Карлович.

— Полагаю, — начал Левандовский, — Сунженской армии очень важно развить наступательные операции сразу в двух направлениях — на Самашкинскую и в то же время на Романовскую, атаковать их примерно в одни и те же часы. Уверен, противник не ждет такого залпового удара, потому, полагаю, сражение будет выиграно в минимальный срок и, что очень важно, с минимальными потерями...

12

Отряд всадников в черных бурках шел перелеском вдоль Сунжи, сдерживая резвых коней. Морозец сдал, солнце сушило пожухлую листву, от нее шел редкий пар. Под копытами шелестела влажная трава. Справа под яром плескалась, булькала Сунжа, слева безрадостно никли посеревшие бодылья неубранной кукурузы. Впереди торчал кустарник, уродливо возвышались кривые вербы.

Алмазов вспомнил, как после заседания военревсовета в станице Михайловской Орджоникидзе крепко пожал ему руку, похвалил за лихую джигитовку. И сейчас еще ощущалось тепло руки Орджоникидзе, как бы слышался его густой, басовито-ласковый голос:

— Уверен, дорогой, что ингушский отряд будет сражаться с бичераховскими бандами на казачьей земле так же храбро, как и на улицах Владикавказа.

Мужчина не нуждается в похвале и ласковых словах, он не тает от них, как девушка. Тем не менее Алмазову было приятно, хотя он и не подал виду. Да, Алмазов будет сражаться так, как подсказывает ему совесть и долг человека, связавшего свою судьбу с большевиками. Он никогда не забудет речи Орджоникидзе, слов казака Дьякова, выступлений чеченца Шерипова и ингуша Ахриева на Четвертом съезде народов Терека. Проклятие Бичерахову за кровь и мучения тысяч людей! Это он затеял войну, из-за которой печально поникла неубранная кукуруза, а детвора бедняков голодает, проглатывая как лакомство, возможно, последний кусок чурека. Не плуги, а пушечные снаряды вспахивают землю. Смерть за это сопротивляющимся бичераховцам, смерть и смерть! Так думал в эти минуты Алмазов, ведя отряд в наступление.

Изредка тихо переговаривались всадники. Позвякивали удилами кони. Крепко пахло мокрыми деревьями и прелой листвой. Вдали, несколько левее, всплыла на горизонте, в разводах перелеска, станица Романовская. Алмазов подал команду остановиться, сошел с коня, размял затекшие ноги.

Он знал план наступления. Сунженская армия разделилась на две колонны. Одна, в числе которой и отряд Алмазова, двигалась в обход Самашкинской на Романовскую, другая — прямо на Самашкинскую. И вот впереди цель — Романовская. Алмазов, как условлено, ждал сигнала.

Солнце взобралось высоко, несмело прокололо хилое облачко. Внизу под кручей пузырилась Сунжа. Всадники прилегли, расстелив на земле бурки. Кони с ослабленными подпругами пощипывали сухую траву. Бойцы сторожевого охранения внимательно всматривались в даль.

Наконец прискакал вестовой и, вытирая тыльной стороной ладони потный лоб, сообщил: не выдерживая натиска, бичераховцы покидают Самашкинскую, отходят в сторону Романовской. Вестовой передал приказ Дьякова: отряду Алмазова ворваться в станицу с правого фланга. Сообщил для сведения, что остальные части будут действовать в лоб, слева, и заходить в тыл.

Алмазов вскочил в седло. Отряд, маскируясь в ложбинке, спешно подходил к станице. Белогвардейцы, обнаружив с бугра черную стаю всадников в бурках, гукнули по ним из пушек. Но Алмазов уже видел, как лавой расплывшись по кукурузным полям, рвались к станице с двух сторон красные казачьи отряды. Белогвардейцы надрывно садили по ним из пулеметов. Поодаль за ржавым прямоугольником гниющей на корню пшеницы таяли дымки выстрелов наступающих со стороны Самашкинской.

Не мешкая, Алмазов набрал на руку поводья, выдернул из ножен клинок, подбросил, схватил на лету и, гикнув, сдвинул шенкелями конские бока. Черный поток бурок, брызнувший искрами сабеля, словно вскипев, взлетел на пригорок. Станица отсюда просматривалась как на ладони. Ее осаждали со всех окраин. Линии улиц, пятна домов, сетку деревьев затягивало голубизной порохового дыма. Налетевший ветер принес частые хлопки выстрелов.

Алмазов различил перед собой извилистую ленту окопов. В них дребезжаще тарахтели пулеметы. Он придержал коня на бровке бруствера. Конь поднялся свечкой, напрягся и с храпом преодолел ров. За Алмазовым через окопы скакали всадники. Белогвардейцы стреляли в упор. Пули сновали рядом, зловеще свистели, обдавали запахом горячего свинца. Падали бойцы в бурках, замирали. Потеряв всадников, жалобно ржали кони, бешено раздувая поздри, носились по станице.

Отстреливаясь, пятились белогвардейцы, прятались во дворах,

били в спины из засад. Алмазов, преодолевая заборы, настигал врагов. Щадил только тех, кто бросал оружие и поднимал руки.

Тем временем с левого фланга ворвались в станицу Владикавказский полк и Грозненский батальон. С запада и востока с гиком мчались, раскалывая воздух выстрелами и кроша станичную землю подковами коней, чеченский и осетинский отряды. Белогвардейцы поспешно отходили, оставляя пушки и пулеметы...

Красноармеец прикреплял к крыше здания станичного Совета Красный флаг. Из калиток робко выходили женщины и старики, бесстрашно высыпали мальчишки. Бойцы строились на площади. Дьяков объезжал войска.

Беззубый старик в калошах приблизился к Дьякову, вытянул руки с полотенцем, на котором были черный хлеб и солонка, наполненная крупной проржавленной солью.

— Спасибо вам, — сказал он дрожащим, шамкающим голосом. — Благодарствую от всех станичников...

В тот же день была взята Самашкинская и в тот же день Дьяков начал подтягивать войска к станице Ермоловской, последней на пути к Грозному.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Гикало получил от Орджоникидзе шифрованное распоряжение начать подготовку к генеральному наступлению. Одновременно Чрезвычайный комиссар прислал крупную сумму денег.

И вот целую неделю Гикало проверял все, что относилось к военным действиям: значительно удлинившуюся теперь линию фронта от керосинового завода до кирпичных заводов, формирование частей и подразделений, обеспеченность вооружением и боеприпасами, интендантские склады и многое другое, до самых мелких. Изучал настроение бойцов.

Повсеместно осматривалось командирами оружие, бойцы чистили винтовки и пулеметы, банили пушки, чинили обувь и одежду. Из Чечни привезли кое-какой провиант, снабженцы, насколько позволяла возможность, усилили питание, позаботились о боеприпасах.

К концу недели Гикало добрался с проверкой к госпиталю.

Командующего встретил в опрятном кабинете сморщенный старичок-врач. Отрапортовал как положено. Накинул на Гикало халат и повел в палаты. Шагая сзади по пропахшему карболкой коридору, сказал:

— Есть у меня раненый Добров Дмитрий Дмитриевич... Надо-
сл... Требуется выписать. В противном случае грозит удрать само-
волью.

— И удерет! — убежденно подтвердил Гикало. — Я его характер
знаю. — Вздыхнув, добавил: — Понятно его настроение. Смекайте:
от вражеской пули погибла жена, естественно желание отом-
стить.

— Что же прикажете? — рассердился врач. — Отпустить?

— В каком он состоянии?

— Идет на поправку, но еще нужно лечение. И, по крайней
мере, месяц щадящего режима. Иначе лишится руки. Убедите
его.

— Не послушает... — погладил ежик волос Гикало.

— Выходит, пусть будет безруким?

— Пойдемте к нему.

В палате бело, чисто, но запах тяжелый, как тяжелы человече-
ские страдания. Гикало поздоровался. Ему дружно ответили. Даже
самые немощные постарались ответить главкому.

А Добров, сутулый, желтый, худой, поднялся с койки и, стара-
ясь ступать тверже, пошел навстречу Гикало. Тот остановил его
движением руки:

— Знаю, бежать собираешься. Садись, потолкуем.

Сестра Вера подала Гикало табурет. Добров опустился на
койку.

Постарел, разом постарел Добров после смерти жены. Тяжело
переносил потерю. Въелась в черноту волос седина, серыми стали
усы. Глубокие морщины перечертили щеки. Сидел мрачный, не-
дружелюбно смотрел на Гикало: а вдруг прикажет не от-
пустить — нанесет жестокую обиду. И Гикало понял: возражать
нельзя.

— Прежде всего не кипятись, не самовольничай, цыганский
табор не разводи. В окопах сейчас делать нечего. Но скоро вызову,
даю слово!

Глаза Доброва отразили удовлетворение. Доктор сердито засо-
пел. Гикало осмотрел палаты, поговорил с больными. Спросил вра-
ча, много ли выздоравливающих и сколько годных к военной служ-
бе будет выписано в ближайшие дни.

Через полчаса главком уже разговаривал в сумеречном цехе
завода «Молот» с обер-мастером Савельичем, интересовался, мно-
го ли патронов и бомб сможет он поставить фронту завтра-после-
завтра.

Тут и нашел главкома вестовой. Подал записку Ястребова: при-
были Орджоникидзе с Левандовским. Гикало поспешил к броне-
вичку.

Машина петляла по улицам. В броню хлестал сырой ветер. Он
тащил по небу белесые снежные облака, гнул уцелевшие акации.

Желтыми птицами разлетались вороха опавшей листвы. Покошились телеграфные столбы, свисали рваные провода, нелепо белели гроздьи разбитых изоляторов. Война обглодала город. Но за хаосом разрушений видел Гикало другой Грозный — восстановленный, выросший с годами, поднятый ввысь, раздвинутый вширь. Светлый, с просторными улицами и проспектами, изумрудный от садов и скверов. Иначе и невозможно: жизнь существует для жизни!

Броневичок остановился у штаба. Гикало легко взбежал по ступенькам крыльца. Похудевший было до костей, смертельно уставший, измученный бессоньем, теперь, после удачных боев, он начал отходить: повеселел, даже пополнел, заиграл на скулах румянец.

В кабинете поднялись навстречу Орджоникидзе и Левандовский. Гикало, шелкнув каблуками, вскинул руку к кубанке. Но Орджоникидзе, не дослушав доклада, обнял его. Поцеловал. Отступив, полюбовался:

— Досталось тебе, дорогой! Девяносто дней уже... Выстоял. Молодец, Николай!

Когда уселись за столом, Орджоникидзе попросил доложить обстановку. Гикало подробно рассказал.

— А как чувствует себя противник, есть сведения? — поинтересовался Орджоникидзе.

Были у Гикало такие сведения. Бичераховщина не только терпела поражения на фронтах, но и быстро разлагалась изнутри. После взятия керосинового завода наотрез отказалась воевать против красных станица Калиновская, покинула позиции и ушла домой. На Левом фронте еще продолжался бой, а на Правом, за кирпичными заводами, станичники угощали городских вяленым виноградом и сыром-бешлеком, расспрашивали, как это они, малоопытные в военном деле, громят опытных казаков.

— Ну, ну, — шурился Орджоникидзе, — что же отвечали наши?

— Мы, мол, побеждаем не так знанием военного дела, как желанием победить. Своими идеями побеждаем, ясной программой большевиков, декретами товарища Ленина!

— Истинная правда — плавно повел ладонью Орджоникидзе. — Казак — упрямый храбрец, отлично владеющий оружием. А разве Бичерахов, Поморцев, Мистулов, Колесников и прочие — глупцы? Ничуть! А вот терпят крах от «голодранцев».

Левандовский спросил, есть ли план генерального наступления. Гикало доложил, что план разработан.

Весь следующий день Орджоникидзе с Левандовским в сопровождении Гикало и военкома Сафонова инспектировали Грозненскую армию. Осматривали укрепления, проверяли оружие, подол-

гу разговаривали с бойцами. Инспектирующих встречали командующие фронтами.

Крепчал холод. Ветер свирепо подывал в ходах сообщения и проломах стен, продувал окопы и бойницы, с жалобным скрипом раскачивал изуродованные деревья. Иногда срывался снег, косо падал хлопьями и таял. Бойцы ежились в изношенных шинелишках, пальто и пиджаках. Согреваясь, прыгали с ноги на ногу, толкали друг друга плечом. По двое-трое укрывались одной буркой, кутались в холодный брезентовый плащ.

Начав с закопченного керосинового завода, к вечеру инспектирующие приближались к высокотрубным кирпичным заводам. Здесь, в окопах, Орджоникидзе обратил внимание на бойца с черным худым лицом, в дырявой черкеске, который пугливо попятился, уступая дорогу начальству. Орджоникидзе удивился дичливости бойца:

— Давно воюешь, дорогой?

Тот, зябко поеживаясь, переступил с ноги на ногу:

— Дак... Как сказать, вашсокродь... Извиняюсь, может, не так величаю... Если на этой стороне — некоторый день, а если на той — с самого начала...

Орджоникидзе вопросительно посмотрел на командующего Правым фронтом Маслова. Тот перевел синие глаза с бойца на Орджоникидзе:

— Разрешите доложить! Это казак Павлодольской станицы товарищ Терсков Корней. Добровольно перешел на нашу сторону и привел с собой несколько десятков человек.

— Понятно, товарищ Терсков, — Орджоникидзе протянул ему руку. — Поздравляю с новой жизнью! Пробудилось, значит, сознание?

— Да оно, товарищ Чрезвычайный комиссар, — Терсков разговаривал теперь смелее, — давно кипело в грудях, это самое сознание... В конец понял, что не на той стороне воевал, где подобает голоштанному казаку...

— А зачем стесняешься, дорогой? Подружился с Советской властью, — значит, ты у нее не в гостях, а дома! — Повернулся к Маслову: — Много перебежчиков с той стороны?

— Только за минувшие сутки в районе речки Нефтянки группами и в одиночку перешло более ста казаков. Почти половина пожелала воевать против Бичерахова.

— Отряд из перебежчиков создан? Кто командир?

Гикало и Маслов почти одновременно ответили, что отряд есть, командир подыскивается.

— Вот вам командир! — Орджоникидзе повел рукой в сторону Терскова. — Пусть сегодня же принимает отряд и командует.

Терсков пытался возражать. Орджоникидзе не дал договорить:

— Справишься, дорогой! — Глянул на сгрудившихся бойцов: — Как настроение, товарищи? Готовы окончательно добить бичераховскую свору?

— Да мы их теперь шапками закидаем! — весело ответил кто-то.

— Ненужный разговор, товарищи! — сильно нахмурился Орджоникидзе.

Было темно, когда инспектирующие возвратились в штаб. Адъютант Ястребов протянул Орджоникидзе пакет и доложил, что доставлен он из Владикавказа связным. Орджоникидзе вскрыл пакет, прочитал бумагу, возвратил Ястребову:

— Великолепно! Возьми это сообщение и хорошенько подшей к делу, чтобы не затерялось. Оно может пригодиться историкам и через сто лет!

2

Военревсовет с приглашенными собрался в большой комнате оперативного отдела штаба. Зажгли несколько ламп, принесли дополнительные стулья. Протискался в уголок Шерипов, сел рядом с Масловым. Григорян и Федоров курили, прислонившись к подоконнику, пускали дым в приоткрытую форточку.

Вошел Орджоникидзе, следом — Левандовский, Гикало, Сафонов. Все встали. Орджоникидзе с Левандовским пожали каждому руку и сели за стол. Гикало, распрямив грудь, протер очки и объявил заседание открытым.

Чрезвычайный комиссар шагнул ближе к сидящим. Судя по его виду, он был всем доволен. Из-под усов так и появлялась добрая улыбка, рука то и дело шевелила копну волос на голове.

— Мы видели в окопах, как под одной и той же буркой укрываются от холода чеченец и казак, ингуш и осетин. Горец и русский разламывают пополам кусочек кукурузного чурека, делясь, как братья... Рабочие и горцы едят из одного котелка... Каждый из нас с детства усвоил родной язык, а тут все — русские, украинцы, чеченцы, ингуши, горские евреи, татары и даже китайцы — без толмача хорошо понимают друг друга. Когда, где, при какой власти было, чтобы так дружили люди разных национальностей? Я совершенно ответственно заявляю: подобная армия непобедима! В результате инспекции установлено: боевой и моральный дух Грозненской армии, несмотря на длительную осаду и большие лишения, — на высоком уровне! Такая армия

способна нанести бандитам Бичерахова неотразимый удар. Только что я получил сообщение, что полки Двенадцатой Красной Армии полностью разбили белогвардейцев под Кизляром, белоказаки панически удирают. Момент решительного удара по станице Грозненской назрел.

Орджоникидзе сделал два-три шага в узком пространстве около стола.

— Однако категорически предупреждаю против метода «шапками закидаем». Никаких «небось» да «авось»! Даже подобные разговоры пресекайте! Не утешайте бойцов надеждой, что все бичераховцы падут перед нами на колени. Фанатики у казаков не перевелись и переведутся не скоро. Только твердая, сознательная дисциплина, а не беспредметные атаки, где кому вздумается, обеспечит неотвратимый удар по врагу. Думаю, вам надо иметь политкомиссаров. Политический комиссар обязан воспитывать у бойцов дисциплинированность и стойкость, полностью отвечать за состояние дел наравне с командиром. Обязан объединить вокруг себя коммунистов и опираться на них, своих первых помощников. Подбор политкомиссаров, считаю, поручим военному товарищу Сафонову. Срок, правда, небольшой, но Сафонов, я уверен, с задачей справится. Генеральное наступление должно начаться перед рассветом 12 ноября. Сейчас товарищ Гикало ознакомит нас с планом, затем мы тщательно его обсудим.

В комнате зашевелились, перебросились короткими фразами, сели поудобнее и замерли. Гикало развернул оперативную карту, приколот кнопками к стене. Жирные кривые стрелы показывали направление предстоящих ударов.

— Генеральное сражение, — Гикало ткнул винтовочным шомполом-указкой в карту, — вот я и думаю, начнем здесь, в районе нефтеперегонных заводов, неожиданным нападением с тыла. Вот тут переправим через Сунжу ударные отряды. Внезапный налет с тыла создаст у врага панику, а тем временем...

С планом, предложенным Гикало, согласились. Коррективы были незначительные. Дополнение внес Левандовский. Приняв от Гикало шомпол-указку, он подошел к карте, статный, красивый, с выправкой отличного спортсмена, обвел кругом слово «Ермоловская».

— Знаете ли, я пришел к выводу, что станица Ермоловская в предстоящем сражении — важный тактический пункт и, полагаю, требует особого внимания. Здесь против армии Дьякова сосредоточены значительные силы противника, поэтому я предложил бы создать еще один фронт — Ермоловский, с задачей поддержать одновременно и Сунженскую армию, и наступающую Грозненскую. Ермоловский фронт закроет также отход бичераховских

войск в сторону Терека... Впрочем, меня могут спросить, где взять для нового фронта людей. Из других подразделений, главным образом из чеченской Красной Армии, влить туда и отряд казаков-перебежчиков...

3

После заседания военревсовета собрались в гикаловском кабинете Орджоникидзе, Левандовский, сам Гикало и Сафонов. Левандовский глянул на Орджоникидзе:

— Итак, Григорий Константинович, части Двенадцатой Красной Армии, присланные из Астрахани, подавившие противника под Кизляром, состоят из трех полков. Это бригада. Полагаю что для Грозного целой бригады многовато, в то время как под Моздоком наших сил не вполне достаточно. Шариатская колонна, хотя и превышает численностью дивизию, все же ее мало. В помощь ей надо перебросить часть бойцов из астраханской бригады. В таком случае, не сомневаюсь, мы одержим полную победу в Моздоке!

Орджоникидзе потерял усы:

— Возражений не имею, дорогой. Значит, надо слать нарочно-го-лазутчика с приказом комбригу. — Повернулся к Гикало: — Срочно выделяй боевого товарища. Не кого попало, а храброго, расторопного и смекалистого. Путь нелегкий, всякое может случиться, чтобы сумел выпутаться при любой ситуации.

Гикало и Сафонов переглянулись.

— Сергея Званцева, понимаешь, — подсказал Сафонов. — Кого же еще?

4

Званцев, прихватив с собой не раз выручавшие его в трудную минуту офицерский билет и погоны хорунжего, сравнительно быстро достиг станицы Дубовской под Кизляром, где располагался штаб астраханской десантной бригады Двенадцатой Красной Армии. Бригада остановилась на однодневный отдых.

Патрульные бойцы показали дом, в котором разместились штабные, в том числе и комбриг. В коридоре, где был поставлен стол и полевой телефон, адъютант комбрига в заношенном френче, с маузером и наганом на перекрещенных ремнях распахнул перед Званцевым дверь в комнату. Там, на лавке у стола, сидел худущий босой человек, сутулясь над согнутой ногой, обрезал на

ней ножницами ногти. Недовольно покосился на вошедшего и с усердием продолжал свое занятие. Был он рябоват, узколиц, в расстегнутой нижней рубаше, обнажавшей впалую грудь. На столе лежала раскинутая карта, в углу на лавке — поддевка, брезентовый плащ, шапка-ушанка, толстая полевая сумка, шашка и кобура с маузером.

Званцев доложил, кто он, откуда, протянул пакет. Комбриг, не отрываясь от ножниц и ногтей, сказал, окая, типичным волжским говором:

— Роспечатывай.

Званцев вскрыл пакет.

— Чотай!

Званцев прочитал распоряжение Орджоникидзе.

— Чрезвычайной комиссар Юга? — комбриг отложил ножницы. — Ему подчиняюсь!

— Ответ писать будете?

— Писорей у меня нет, одъютант неграмотный, лично писать не люблю и не умею.

— Что передать на словах?

— Не считаю нужным. Сам увидит на деле.

— Разрешите возвращаться?

— Не розрешаю!

— Как то есть?

— Не розрешаю! — громче, чем следовало, изрек комбриг. Взял ножницы, принялся за ногти. — Рассказывай о себе, кто токой? Чо-то ты мне нравишься!

Званцев рассказал, что был когда-то токарем, затем уполномоченным Совнаркома, командиром комендантского каввзвода, разведчиком во вражеском тылу.

— Портейный?

— Конечно.

Комбриг, оторвавшись от ногтей, подумал, поскреб ножницами рябинки на щеке:

— Назначаешься политкомиссаром полка.

— Какого полка? — ничего не понимая, ошарашенно попятился Званцев.

— Одного из полков, которыми я пока командую.

— Каких полков? Вы что? Я подчиняюсь терскому Совнаркому, товарищам Гикало и Тамбинскому... Мне надо возвращаться во Владикавказ...

— Здесь все подчиняются мне! — комбриг встал, расставил босые ноги, сунув руки в карманы, развел в стороны широчайшие галифе. — Пойми: убили политкомиссара, где взять? Нет у меня грамотных портийцев. А ты, сразу я определил, подходишь. Орджоникидзе кого попало через вражеску территорию не пошлет. Проник через нее, — значот, не дурак. Не где-нибудь, а в

Совнаркомe служил... И так далее. Погляжу на тебя сколько-то ден: не понравишься — убирайся, придется по душе — не пушу!

— Я, право... Я не знаю, как...

— На том баста! — припечатал ладонь к столу комбриг. — Прекратить разговоры! Обедай с дороги и принимай полк!

5

В ночь на двенадцатое ноября...

— Товарищи, генеральное наступление начнется перед рассветом. Все мы ждем победы. Белоказачья станица Грозненская доживает последние часы. Нам выпала большая честь первыми ворваться в расположение противника...

Дмитрий Добров, обходя бойцов, ставил задачу.

Его вызвали из госпиталя вчера. Попросился на самое ответственное дело. Назначили политкомиссаром ударного отряда. И вот он стоял перед строем. Забинтованная рука на перевязи сильно болела. Доброва лихорадило — очевидно, поднялась температура.

Ударный отряд разбит на две части. Первую поведет на прорыв в тыл противника командир отряда — военком Сафонов, вторую — политкомиссар Добров.

Каждый ставил задачу своей части. Они выстроились на окраине Щебелиновки под прикрытием тополевой рощицы. Отблески новопромысловского пожарища скудно освещали напряженные лица бойцов.

Вперед ушли разведчики. Части одна за другой двинулись вслед правым берегом Сунжи. Река тускло блестела. Под ногами шуршала сухая трава. Бойцы приближались к подножию Алдынской высоты.

За силуэтом старого моста, на противоположном берегу, ярким пятном колыхался в ночи костер. Казачий пост охранял подходы к нефтеперегонным заводам. Промерзшие часовые толклись у костра, кипятили в чайнике воду, согревались глотками горячего. Черные тени разведчиков ползли, припав к бревенчатому настилу. Гул артиллерийской канонады всплывал вдали под Ермольской.

Разведчики вынырнули из темноты. Часовые, не успев поднять винтовки, были приколоты штыками. Погас костер.

Мост вздыхал под ногами бойцов, тарахтели пулеметные колеса. Части бойцов рассредоточивались по пустырям, залегали в канавах. Услышав подозрительный шум, зашевелились белогвардейцы. Бледный рассвет медленно испарывал ночь. Мрачно освечивали пропахшие керосином резервуары.

Сафонов и Добров подали команду:

— Именем революции, по врагам трудового народа...

Лопнула тишина в районе заводов. Клекот пулеметов, хлоп-ки винтовочных выстрелов, взрывы гранат всколыхнули пред-рассветное марево...

6

Казаки в окопах под Грозным и резервные части в районе за-водов знали, что у Ермоловской сосредоточено большое войско Дьякова, что там идет бой. Понимали: если сунженская Красная Армия овладеет Ермоловской, падение станицы Грозненской не-избежно. Настроение у белоказачков было подавленное — про-рыва фронта у Ермоловской можно было ждать с часу на час.

Ночь истекала в бессонной тоске. Подозрительная тишина Грозного, всплески канонады у Ермоловской пугали, взвинчивали нервы. Иногда, не выдержав, казаки постреливали. Выстрелы гасли без ответа.

И вот тишина лопнула в районе заводов. Это как бы оглу-шило. Бичераховцы всполошились, не видя цели, начали палить наугад. Кто-то истерически закричал:

— Прорван фронт у Ермоловской!

Кто-то подхватил:

— Наступает Дьяков!

Паника лихорадкой прошла по казачьим сотням. Станични-ки хлынули от заводов к городу.

Офицеры наганами и плетью навели порядок, заставили принять бой.

7

Но уже по всей линии обороны Грозного передавалось из роты в роту, из взвода во взвод:

— По врагам трудового народа...

Приказ о наступлении поднял напряженно ожидавших бойцов, пружиной выбросил из окопов.

Волна атаки накатывалась на станицу Грозненскую: опро-кинуты заслоны на пустыре против красноармейских казарм, раз-биты укрепления за Беликовским мостом, брошены бичераховца-ми опорные пункты на Граничной улице. Взят городскими ста-ничный базар...

Слегка разбавленная рассветом ночь вдруг шарахнулась от слепящего взрыва. Выбросились, лизнули небо жирные языки

пламени.. Взлетели, раскатисто гремя рваным металлом, огромные стальные резервуары и брызгая молниями искр, рухнули вниз с визгом и скрежетом. Это бичераховцы успели подорвать тысячепудовые запасы бензина и керосина. Крутились в буйной пляске вихри огня, багрово полосовали прыгающее небо.

Оставляя станицу Грозненскую, белоказаки бежали к ее окраинам.

Утро вставало в черном дыму и грохоте сражения.

8

Василь Дубков и Дуда Хаттуев бежали бок о бок, спотыкаясь о трупы. Бичераховцы ныряли в провалы улиц, таяли в паутине садов.

— Вот вам, гады, сволочи! — Василь Дубков стрелял без передышки.

— Гад, сволач! — повторял Дуда Хаттуев, то и дело перезаряжая винтовку.

Мощный вал наступления катился вперед, крушил заборы, валил людей. Пули гудели, как осы, впиваясь в потные горячие тела. Кровь текла по лицу Дубкова, заливала шею и грудь, развороченная пулей щека обнажала зубы. Но он, не замечая, бежал, стрелял, стрелял...

— Марж дунэ! — не отставал Хаттуев.

Пулеметная очередь из темного переулка вогнула в ноги Хаттуева раскаленный свинец. Рухнул подкошенный Дуда, скрипнул зубами от боли, барахтаясь, пытался подняться. Почувствовал Дубков, что нет рядом друга, оглянулся. Увидел беспомощного, остановился... Но женщины с санитарными носилками уже подошли к Дуде. И снова окунулся Дубков в жаркий штурм боя.

Солнце было бессильно проникнуть лучом за плотный полог дыма. Казалось, что все еще длится матовый рассвет. Люди мелькали, как тени, стреляли, кричали, падали...

Лицом к лицу столкнулись командир красного казачьего отряда Корней Терсков и неудавшийся подхорунжий Тюпа.

— А, сволочь, попался! — Терсков пытался достать Тюпу штыком винтовки за расщепленной акацией.

Тюпа, зажатый акацией и ветхим забором, отбивался кинжалом.

— Пред-датель казачества! — Тюпа тряс отвислой губой.

Терсков, изловчившись, ударил Тюпу штыком в грудь. Па-

дая, тот свалил на себя забор. Терсков побежал догонять своих.

Станица Грозненская оставалась позади. Вал боя грохотал у нефтеперегонных заводов. В гари и копоты пропадали окна цехов, замазученные баки, черные дыры погасших топок...

9

После укола морфия Бичерахов на локтях поднялся в кровати, обвел спальню пьянеющими глазами. Взгляд остановился на Христофоре. Крикнул ему как помешанный:

— Не все потеряно, хайраг ай бахара! Давай одежду!

Врач удалился, оставив после себя запах медикаментов. Христофор, с сожалением глядя на хозяина, подавал одежду.

В автомобиле, по дороге в канцелярию, Бичерахов до боли тер лоб и думал, что бы еще предпринять для спасения Терка. Одурманенная голова не соображала.

В канцелярии творилось невероятное. Офицеры выносили из комнат вороха папок с бумагами, жгли на костре, разведенном во дворе. Комнаты зияли пустотой распахнутых шкафов и выдвинутых из столов ящиков. В кабинете ждал грустный, осунувшийся Лымарь:

— Решил я податься в Шелковскую. Приготовлю заранее пару коней, приспичит если тебе, давай до меня. А там, может, через Терек, да в Петровск, к Лазарю?..

Бичерахов хихикнул:

— Ты же, Тихон, помню, обещал пулю себе, как Мистулов...

— Это никогда не поздно. Есть еще надежда на Деникина...

— Ну что же, дуй, счастливой дороги. А я что-нибудь придумаю.

— А ни черта собачьего сейчас уже не придумаешь! Жмут краснюки, матери его черт, со всех направлений. Антон Иванович придумает, на него надежда.

Едва Лымарь ушел, ввалился Колесников. Вид у него бравый: мундир с иголочки, новые погоны, выбрит, причесан.

— Мистулов подлец! — резко как бы пролаял Колесников. — Вместо того, чтобы сдерживать красный сброд, отделался самоубийством. Босяки того не стоят. Не хочу знать, как ты на это смотришь, но командование войсками я уже принял на себя. Пусть расстреляю каждого третьего казака, но порядок наведу.

Намерен собрать сейчас штабных офицеров. Говорить с ними будешь?

— А кому же, собственно, говорить, как не мне?! — задиристо поднял голову Бичерахов. В его мозгу озоровал морфий.

Штабные офицеры, сбившись в углу зала заседаний правительства, пугливо ждали, что им скажут.

— Господа офицеры! — Колесников старался говорить громко. — Позор нам, что впустили в Прохладную босую и вшивую Красную Армию и каких-то там диких — Шариатскую колонну... Теперь они, извольте чувствовать, наступают на Моздок. Ну, знаете ли, это слишком, отдать им Моздок. Вкратце ситуация такова: на западе в районе станицы Екатериноградской нашими войсками сдерживается наступающий со стороны Прохладной красноармейско-шариатский сброд. На востоке грозненские голодранцы, преследуя отступающих из станицы Грозненской казаков, двигаются к Червленной. В район Червленной и Шелковской для руководства отпором врагу отбыл полковник Лымарь. Военными действиями в районе Екатериноградской командовать буду я. Наш штаб для большей оперативности переносится в вагоны. Но останется в нем предельно малое количество офицеров. Остальные — на поле чести, в огонь сражения! Надеюсь, вопросов не будет? Напутственное слово скажет господин председатель.

— Доблестные сыны вольного Терека! — Бичерахов обвел взглядом офицеров. Те старательно прятали глаза. — Еще не все потеряно. Да, да, господа, не все! — Тяжело опустил на стол туго сжатый кулак. — Надо постараться, господа...

Не находя больше слов, замолчал. Подождав, Колесников махнул рукой:

— С богом, господа!

Бичерахов побрел в кабинет. Поднял телефонную трубку, начал вызывать членов правительства, имея в виду послать каждого в станицы организовать сопротивление большевикам. На звонки не отвечали. Наконец откликнулся Ефим Капusto. Тот самый, что во время сбора заговорщиков в дальней станице произнес в его, Бичерахова, честь умильную речь, выразив большие надежды казаков на батюшку-свет Георгия Федоровича.

Бичерахов велел Капusto разыскать членов правительства и привести в зал заседаний.

— Да ты что, свет-батюшка, Георгий Федорович, — азартно возразил Капusto. — Кто сейчас до тебя пойдет? Прости меня за горькое слово, уж если не удержался за гриву, то за хвост не удержишься! Кому ты нужен, неоправдавший казачьих надежд...

Бичерахов, не дослушав, с размаху ударил трубкой по рычагу аппарата. Позеленев, задыхался, дергался, как эпилептик. Накалились глаза. Упал в кресло, подпер ладонями подбородок.

Солнце давно закатилось за бескрайние моздокские степи. Ночь попрятала все в непроглядную черноту, лишила звуков. Глухая, как гроб, тишина заковала город. А Бичерахов все сидел и сидел, одиноко, неподвижно, будто пригвожденный к креслу. И, не моргая, смотрел через окно в одну точку, в какую-то мигающую звезду, проколовшую тьму своим неопределенным свечением. Ничего теперь не было у Бичерахова — ни подчиненного ему правительству, ни верных казаков, ни средств к существованию. В душе так же пусто, как и вокруг.

Солнечный луч ударил в лицо, поднял с кресла. Не помня себя, плелся по коридору. Гулкие шаги будили тишину здания. Но в конце коридора оказалась еще одна живая душа: полусонный, с воспаленными глазами дежурный. Увидев Бичерахова, постарался привести себя в должный вид. Отрапортовал как положено. Протянул принятые недавно телефонограммы. Бичерахов, стараясь сосредоточиться, читал кривые строчки записей.

Сообщалось, что станицы Петропавловская, Барятинская, Николаевская, покинув фронт под Грозным, разбежались по домам. Что казаки Ищерской, избив, выгнали из станицы атамана, опоясали ее вооруженным кольцом и ни одного станичника из тех, которые воевали против Грозного, а теперь оттуда убегали, не впустили. Зато красных, преследовавших удирающих белоказачков, встретили хлебом-солью, пригласили в хаты на обед.

И еще сообщалось: «Наши войска оставили Екатериноградскую...»

— Как, Екатериноградскую?! — встрепнулся Бичерахов. Не верилось, что сам Колесников, такой бравый и самоуверенный, не смог навести в войсках порядок.

Вышел на улицу. Шофер услужливо открыл дверцу автомобиля.

Дома, не раздеваясь, повалился в постель. Вместе со сном пришли кошмары: блистательный генерал на белом коне... огромный снежный ком, залепленный окровавленными трупами... Захотелось морфия, его хмельного успокоения. Позвав слугу, велел ехать в автомобиле за врачом.

Христофор возвратился бледный, перепуганный. Сказал, что врача нет, сбежал, что в городе паника: красные в трех верстах от Моздока, занимают Луковскую, подступают со стороны станицы Курской...

— Надо уезжать, хицау — трясся Христофор.

Бичерахов не возразил, накинул бурку и поспешил со слугой к автомобилю.

Железнодорожная станция была забита товарными составами. Грузились пушки, брички, пулеметные тачанки и лошади. Лезли в вагоны и на платформы казаки. Поезда отправлялись один за другим. Слуга с шофером повели Бичерахова за длинный пакгауз к пассажирскому поезду со штабными офицерами.

Мрачный Колесников подал из тамбура руку. Сзади подтолкнули слуга и шофер. Поезд тронулся и сразу набрал скорость. Заходило солнце, красило вагонные окна в кровавый цвет. Кровавым конусом торчал над Моздоком шпиль Успенского собора.

— В окрестностях Червленной завязались бои, — с тревогой сказал кто-то. — Сумеем ли проскочить?

Червленную проскочили ночью полным ходом. Поезд остановился на станции Шелковская. Ехать дальше уже нельзя, сюда со стороны Кизляра подступали части Двенадцатой Красной Армии.

Рассветало. Из поездов выгружались казаки, лошади, пушки, обозы. Запрудили дорогу к лесу, забили обочины. Никто не управлял движением, каждый старался прорваться к Порт-Петровску. На мосту через Терек — тугая пробка. Далеко по окрестностям разносились злая людская брань, конское ржанье, лязг и грохот идущих пушек и подвод.

Высыпав из поезда, штабные офицеры силой оружия добывали себе в станице коней. Бичерахов и не пытался искать в этой неразберихе Лымаря. Забежал в первый попавшийся на глаза двор, пригрозив хозяину маузером, приказал седлать коня.

Долго топтался с конем на мосту, не в силах пробить пробку. На председателя правительства никто не обращал внимания.

Из леса по эту сторону Терека выметнулись на дорогу всадники с красными лентами на шапках. Размахивая клинками, отступавших. Бичерахов прыгнул с коня в кустарник и побежал.

Растерянные внезапным появлением красных казаки, не сообразив сразу, что произошло, на миг притихли. Этим воспользовался коричневый, мускулистый красноармейский начальник, выдвинулся на коне вперед, вложил клинок в ножны, показывая

этим самым свои мирные намерения. Прося внимания, поднял руку:

— Казаки!.. Казаки!.. — повторил громче, чтобы слышали все. — Мы не хотим проливать кровь! Хватит смертей в этой братоубийственной войне! Благоразумно бросайте оружие, сдавайтесь в плен. С вами говорит комиссар полка Званцев, я отвечаю за каждое свое слово: всем сдавшимся в плен — рядовым и офицерам — мы гарантируем жизнь...

Пьяный офицер выпростал из кобуры наган, прицелился в грудь Званцева и спустил курок. Он был подлым, этот выстрел, его никто не ожидал в ту минуту, и потому прозвучал для каждого как-то неестественно, будто неожиданный удар по голове. На полуслове смолк Званцев, круто наклонив голову, рухнул на шею коня лбом, а затем и грудью. Руки, запутавшись в гриве, не повисли беспомощно, а как бы ласково обняли шею коня. И, может быть, от ощущения этой ласки конь не метнулся в испуге, а, лишь всхрипнув слегка, тут же успокоился и, еще не понимая, что произошло, недоуменно запрядал ушами. Огромный бородастый казак, замахнувшись винтовочным прикладом, с дикой силой опустил его на голову пьяного офицера, но тут же был расстрелян в живот другим, рядом стоявшим офицером.

Красноармейцы уводили коня с мертвым Званцевым. Откуда-то из леса застрочил пулемет красных. Пули летели поверху, визжали над головами казаков. Бросая оружие, казаки поднимали руки. Но офицеры, сгруппировавшись, отползали к прибрежному кустарнику, метко стреляли в красноармейцев.

— В шашки! — подал команду очень молоденький, совсем мальчишка, красноармейский командир.

Красные конями, клинками топтали, рубили офицеров. Оставшиеся в живых офицеры поспешно поднимали руки.

11

Бичерахов не думал, куда он бежит. Обессиленный, споткнулся о лодку на берегу. Упал. Отдышавшись, увидел Терек. Обрадовался. Столкнул лодку на воду.

На другой стороне реки брел степью, прелым бурьяном, рыжей сухой стерней. Выбрался к дороге, прилег в ложбинке и стал ждать.

Рысила пара коней, помахивал кнутом возница. Когда подвода поравнялась с ложбинкой, Бичерахов встал, поднял маузер. Возница, испугавшись грабителя, отдал ему вожжи и убежал.

Удары кнута подняли лошадей в галоп. Загнав до смерти, бросил их в четырех верстах от Порт-Петровска, пошел дальше широким шагом. Ночью услышал плеск моря, увидел желтые точки огней. Это был Порт-Петровск. «Здесь брат, здесь безопасность. Нет, не все еще потеряно!»

Домишки с плоскими крышами, узкие улицы, неяркие фонари. Потом — тусклый блеск рельсов, стрелочные будки, вагоны: железнодорожная станция. Длинный товарный состав преградил путь Бичерахову. Патруль вывернулся из-за поезда: офицер в феске с изображением полумесяца, два солдата с полумесяцем на погонах. Турки... Бичерахов понял, что Порт-Петровск заняли аскеры Османии. Лазаря здесь не может быть...

Гукнул паровоз. Звякнув буферами, состав медленно тронулся. Офицер сделал Бичерахову знак остановиться. Рядом, набирая скорость, проплывала тормозная площадка. Схватившись за поручни, Бичерахов прыгнул на нее.

Стуча колесами, поезд уходил к Баку...

12

Тот горячий, обильно пропитанный кровью день начался под Ермоловской вместе с подъемом Красного знамени, врученного Орджоникидзе сунженцам в честь первой годовщины Октября. Знамя взвилось на высоком древке, вбитом в вершину крутого кургана.

Это был сигнал к решающему штурму.

После артподготовки и пулеметного обстрела Владикавказский полк, Грозненский батальон и Осетинский отряд тяжело навалились на передний край бичераховской обороны в Ермоловской и прорвали фронт.

В окно прорыва врезались конные сотни Юсупа Алмазова и Исаа Рохлина.

Расширяя плацдарм, напирала другая.

С тыла ударили по врагу правый фланг Ермоловского фронта и ударный отряд под командованием Сафонова. Наседали остальные части Грозненской и Чеченской армий.

Бичераховцы устремились к Тереку. Их отрезал левый фланг Ермоловского фронта. Бросали станичники оружие, поднимали руки. Некоторые, повернув вспять, бежали к Сунже. Навстречу им высадил десант бронепоезд «Борец за власть трудового народа».

Растаяла армия Бичерахова. Только ярые фанатики все еще сопротивлялись. Отряд Абу-Решида Ясаева метался на конях вокруг станицы, обезвреживая вражеские группировки.

Ермоловская дрожала от мощного, ликующего:

— Ур-ра-а-а-а!.. А-а-а!..

Встретились на очищенной от белогвардейцев земле бойцы Сунженской армии и защитники Грозного. Радуясь, спешили друг к другу победители.

Обнимались и целовались.

Качали друг друга.

Подбрасывали шапки.

Суровые герои, выдержавшие великое испытание огнем, голодом и холодом, крепившиеся столько дней и ночей, сейчас вели себя, как дети. Иные вытирали рукавом влажные от слез глаза.

Красное знамя упруго реяло на крутом кургане. Оно пылало, как солнце, пробивая толщу дыма.

А в Грозном пели, весь этот день пели и пели фабричные и заводские победные приветственные гудки.

И струился над Совдепом на длинном шесте Красный флаг — полинялый, закопченный пороховым дымом, продырявленный пулями, но не уничтоженный советский Красный флаг!

Это был девяносто третий и последний день боев за Грозный.

Это был долгожданный день Победы!

Но еще семь дней Красная Армия и рабочие отряды будут добывать остатки бичераховщины вне Грозного.

И только на сотый день лопнет навсегда, как мыльный пузырь, рожденная в грехе бичераховская авантюра.

ЭПИЛОГ

Роскошный кабинет Лазаря, новый его мундир с плитами генеральских погон, холеное, с одутловатыми, как у брата, щеками, лицо, обидно подчеркивали плачевное положение Георгия. Он стоял перед Лазарем и кланялся:

— Может, еще попытаешься?..

Лазарь сочувственно вздыхал, но бессильно разводил руками:

— Я сделал все, что от меня зависело...

— Устрой хотя бы встречу с командующим.

— Попытаюсь, хотя не уверен в успехе. Он очень недоволен.

Лазарь поднялся из-за стола с резными украшениями, пошел к двери. Георгий уперся взглядом в окно.

Серая песчаная пыль висела над улицами Баку. Мутно грохотались дома. По каменной мостовой проскакал взвод казаков, подковы лошадей высекали искры. В стороне, на площади, маршировали английские солдаты в беретах.

Мутно было на душе у Георгия Федоровича. Принял-то Лазарь прекрасно, а когда коснулось дела, пожал плечами. Сказал, что командующий английскими экспедиционными войсками запретил использовать его, Георгия, на подобающей политическому деятелю должности. Георгий надеялся, что сменит командующий гнев на милость, и желал встретиться с ним лично.

Но возвратился Лазарь и еще с порога покачал головой:

— Он не располагает временем. Поручил адъютанту. Если пожелаешь...

Шли по коридору, где сновали английские и русские офицеры. Лазарь, открыв дверь, пропустил Георгия.

За столом, небрежно развалившись в кресле, сидел капитан с пронзительными глазами, в туго застегнутом френче с погонями. Георгий Федорович узнал Роберта Вильяма Литтона, того самого, что приезжал весной в Моздок и завербовал Георгия Федоровича на службу к англичанам. Только тогда Литтон был в штатском, а сейчас в военном.

Однако Литтон не поспешил узнать старого знакомого. Не встал, руки не подал. Лишь слегка повернулся в его сторону и,

постукивая пальцем по столу, нетерпеливо ждал, что ему скажут. В золотом перстне сверкал бриллиант.

Георгий Федорович, оробев от слишком холодного приема, не мог найти слов. Не зная, как себя вести, переступал с ноги на ногу. Подождая еще немного, Литтон заговорил:

— Командующий поручил мне передать, что вы не смог оправдать надежд Великобритании. Командующий не желает иметь с вами... Как это?.. Дальнейшей связи...

После этого Литтон встал, слегка поклонился Георгию Федоровичу, давая понять, что разговор окончен. И принялся набивать трубку табаком. Георгий, зеленея, снова переступил с ноги на ногу. Лазарь кивком показал, что надо уходить.

Брел по коридору вслед за Лазарем, пошатываясь, натываясь на офицеров.

— Ну зачем так расстраиваться? — успокаивал Лазарь. — Живи у меня, никто не гонит. Со временем, возможно, устроится...

На улице ветер свирепо ударил в лицо, осыпал песком. Лазарь что-то говорил. Георгий не слушал. Оттолкнул брата и пошел, не зная куда, в мутный конец улицы.

«Пусть проветрится!» — отстал Лазарь.

Георгий шел пустырем. Качались над эшафотом трупы повешенных. Кружилась у виселиц стая ворон:

— Кра... Кра...

— Ах, да, — произнес машинально, — крах, крах!

Спускался куда-то навстречу шуму. В воздухе туманились водяные пары. Бушевало море. Пенные горы вставали над скользкими камнями, с громом обрушивались на зелень водорослей. Вырвал из кобуры маузер, нащупал дулом горячий пульсирующий висок...

Спустить курок духу не хватило. Скрипнув зубами, швырнул маузер в кобуру и побрел обратно.

Утром за чашкой кофе Лазарь сказал:

— Не гонись пока за большим, Георгий. Принимай карательный отряд.

На следующий день принял карательный отряд, велел подчиненному врачу запастись ампулами морфия.

Он так увлекся карательными операциями и морфием, что не сразу почувствовал, как меняется обстановка в Баку. А когда заметил, было уже поздно. В апреле 1920 года вдруг восстал руководимый большевиками пролетариат. Одновременно вошла в город Одиннадцатая Красная Армия. Лазарь Бичерахов заблаговременно эвакуировался с англичанами, а Георгий все расстреливал и вешал. Его арестовали.

Он стоял перед трибуналом, изглоданный наркотиком и смертельно уставший от карательной службы, сухой, желтый,

костлявый, с бесцветными, неживыми глазами. Председательствующий зачитал приговор:

— Именем Пролетарской Социалистической Революции... На основании имеющихся в деле доказательств... И руководствуясь революционным правосознанием... Принимая во внимание особую тяжесть совершенных преступлений... К высшей мере социальной защиты...

Грозный — Моздок — Прохладный —
Москва — Казань — Елабуга.

1966—1982

ОТ АВТОРА

«Грозненский фронт» написан на документальной основе. Все здесь действительно происходило в жизни, совершалось реальными людьми. Но невозможно показать полностью участников событий, их много, они не уместились бы в рамках романа. Поэтому их поступки обобщены и даны под другими фамилиями. За каждым вымышленным лицом стоит прототип. Естественно, как и во всяком художественном произведении, есть здесь и авторский домысел.

В работе над книгой использованы воспоминания участников Стодневных боев в Грозном, ветеранов революции в Моздоке и Орджоникидзе (бывший Владикавказ), архивные материалы музеев краеведения, газетные публикации тех лет, рассказы родных и близких Н. Ф. Гикало и А. Д. Шерипова, записи А. З. Дьякова и другие материалы.

После выхода книги автор встречался с читателями, получил от них много писем. Учтя пожелания и замечания, в этом, втором издании сделаны некоторые исправления.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	31
Глава третья	47
Глава четвертая	91
Глава пятая	114
Глава шестая	135
Глава седьмая	161
Глава восьмая	181
Глава девятая	215
Глава десятая	235
Глава одиннадцатая	249
Глава двенадцатая	268
Глава тринадцатая	296
Глава четырнадцатая	315
Глава пятнадцатая	351
Глава шестнадцатая	378
Глава семнадцатая	412
Глава восемнадцатая	435
Эпилог	453
От автора	456

Михаил Тихонович Лукин

ГРОЗНЕВСКИЙ ФРОНТ

Роман

Второе издание

Редактор Н. Ф. Паллихова
Мл. редактор Л. Б. Котикова
Худ. редактор И. И. Джансуева
Художник Г. Д. Пожидаев
Тех. редактор Р. С. Мальсагова
Корректоры Н. И. Смолина, В. А. Симагина

ИБ № 1548

Сдано в набор 25.08.1986 г. Подписано к печати 22.12.1986 г. Формат 60х84 1/16.
Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 26,97. Уч.-изд. л. 29,92. Усл. кр.-отт. 27,89. Тираж 15000.
Заказ № 10131. Цена 2 руб. 00 коп.

Чечено-Ингушское книжное издательство
Управления по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров ЧИАССР. 364903, Грозный, пр. Ленина, 9.

Типография имени И. Н. Заболотного
Управления по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров ЧИАССР. 364021, Грозный, ул. Интернациональная, 12/33.

Лукин М.Т.

- Л84** Грозненский фронт: Роман. — 2-е изд. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987. — 464 с.
2 р. 15000 экз.

Михаил Тихонович Лукин — член Союза советских писателей, автор нескольких книг.

«Грозненский фронт» — роман о событиях на Тереке весной, летом и осенью 1918 года, стодневной обороне Грозного от белогвардейских бичераховских банд, подвигах спаянных интернациональной дружбой красных бойцов, выдержавших великое испытание.

Л $\frac{4702010000 - 06}{M135(03) - 87}$ 17 — 87

P2

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

В 1987 году

Чечено-Ингушское книжное издательство по разделу прозы выпускает на русском языке следующие книги:

1. **Герман Ю.** Один год. Роман.
2. **Драйзер Т.** Титан. Роман.
3. **Лебедев П.** «Казбек» принимает бой. Художественно-документальная повесть.
4. **Токаев А., Цагараев М.** и др. Песни Терска. Рассказы писателей Северной Осетии.
5. **Эсмурзиева Ф.** Чинара в поле. Повести.

Эти книги вы сможете приобрести в книжных магазинах республики, а также заказать по адресу: 364046, Грозный, ул. Выборгская, 6. Магазин «Книга — почтой».